ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ТЕКСТЫ

СУБЪЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ТОМ 2 / КНИГА 2

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Тексты
В трех томах

Том 2

Субъект деятельности

Книга 2

Редакторы-составители:
Ю. Б. Дормашев
С. А. Капустин
В. В. Петухов

Издание третье, исправленное и дополненное

Рекомендовано УМО по классическому университетскому образованию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки (специальностям) ГОС ВПО 030300 «Психология», 030301 «Психология», 030302 «Клиническая психология»; направлению подготовки ФГОС ВПО 030300 «Психология» и специальности 030401 «Клиническая психология»

Москва
Когито-Центр
2013

УДК 159.9
ББК 88.3
О 28

Рецензенты:

Иванников В.А., член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, заслуженный профессор МГУ

Романов В.Я., кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, заслуженный преподаватель МГУ

О 28 **Общая психология.** Тексты: В 3 т. Т. 2: Субъект деятельности. Книга 2 / Ред.-сост.: Ю.Б. Дормашев, С.А. Капустин, В.В. Петухов. М.: Когито-Центр, 2013.– 664 с.

УДК 159.9
ББК 88.3

ISBN 978-5-89353-381-1 (т. 2, кн. 2)

Курс общей психологии – фундаментальный для образования психологов всех специальностей, как исследователей, так и практиков. Трехтомное собрание оригинальных психологических текстов, дополняющее любой базовый учебник по темам и вопросам, определяющим структуру и содержание общей психологии, предназначено для проведения семинарских занятий по этому курсу и самообразования. Большинство текстов написано авторитетными философами, учеными и авторами учебников, имеющими мировое признание.

Во втором томе представлен раздел «Субъект деятельности», который посвящен мотивации деятельности, ее эмоционально-волевой регуляции и психологии личности. Он состоит из трех книг. В этой книге представлены тексты по темам: «Психология воли», «Психология мотивации» и «Строение личности».

Данное учебное пособие подготовлено сотрудниками факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова для студентов и преподавателей факультетов психологии университетов, а также других высших учебных заведений, в которых изучается психология. Многие тексты этой книги вызовут интерес и у широкого круга читателей.

В оформлении обложки использована схема лабиринта из дерна, расположенного в парке Боутона (Англия).

ISBN 978-5-89353-381-1 (т. 2, кн. 2)
ISBN 978-5-89353-376-7

Содержание

Тема 12. Психология мотивации

Вопрос 1. Общее представление о мотивации

Вопрос 2. Классификации мотивов. Проблема базовой мотивации

Вопрос 3. Ситуативная мотивация, ее исследования в школе К. Левина

Вопрос 4. Классические и современные теоретические проблемы мотивации

Вопрос 5. Оптимум мотивации. Закон Йеркса-Додсона

Вопрос 6. Экспериментальные исследования мотивации

Тема 13. Строение личности

Вопрос 1. Представление о личности в психологии сознания

Вопрос 2. Представление о личности в психоанализе

Вопрос 3. Представление о личности в аналитической психологии

Вопрос 4. Личность и общение в транзактном анализе

Вопрос 5. Личность как совокупность черт. Общие и индивидуальные черты личности

Вопрос 6. Когнитивные теории личности. Теория персональных конструктов.

Предисловие

Тексты, представленные в этой книге, охватывают три темы курса общей психологии: «Психология воли», «Психология мотивации» и «Строение личности».

В теме «Психология воли» основной акцент делается на проблеме определения воли. В связи с этим студенты знакомятся с двумя разными подходами к решению этой проблемы: У. Джеймса и С.Л. Рубинштейна. С точки зрения У. Джеймса воля — это способность человека к усилию, к которому он прибегает в ряде случаев для совершения действия в условиях мотивационного конфликта. Основная функция усилия состоит в том, чтобы сосредоточить и удержать свое внимание на одной из находящихся в конфликте сознательных идей возможных действий. С точки зрения С.Л. Рубинштейна воля рассматривается как совокупность психических процессов, обеспечивающих осуществление любого осознанного целенаправленного действия человека. С позиций этих подходов обсуждаются различные критерии волевого действия и проблема свободы воли. В работе В.А. Иванникова рассматриваются основные подходы к изучению воли в современной психологии. Поскольку для характеристики волевых процессов нередко привлекается понятие конфликта, в данную тему включен текст К. Левина, в котором приводятся определение и классификация мотивационных конфликтов, и текст Л. Фестингера, автора теории когнитивного диссонанса как конфликта в познавательной сфере человека.

Проблема мотивации уже рассматривалась в третьей книге тома «Введение» при обсуждении понятия мотива в общепсихологической теории деятельности А.Н. Леонтьева. В настоящей книге в теме «Психология мотивации» термин «мотивация» трактуется более широко в соответствии с тем, как он реально используется в современной литературе, а именно, «как родовое понятие для обозначения совокупности психологических образований и процессов, побуждающих и направляющих поведение на жизненно важные условия и предметы, определяющих пристрастность, избирательность и конечную целенаправленность психического отражения и регулируемой активности»[1].

В текстах В.К. Вилюнаса, Ж. Нюттена, С.Л. Рубинштейна, Р. Стагнера и Т. Карвозского раскрываются общие представления о мотивации, приводятся

[1] См.: Вилюнас В. Психология развития мотивации. СПб.: Речь, 2006. С. 7.

описания ее проявлений, прослеживается тесная связь мотивации с определенными аспектами поведения. В текстах У. Макдуголла, Х. Хекхаузена, К. Холла и Г. Линдсея приводятся различные классификации мотивов, в том числе базовых, которые составляют основу жизнедеятельности человека. Отдельный вопрос посвящен ситуативной мотивации, описанной К. Левиным. В этом вопросе помещен текст К. Левина, раскрывающий его теоретические представления о мотивации, а также тексты его ближайших учеников, в которых представлены результаты исследований влияния мотивации на запоминание законченных и незаконченных действий (Б.В. Зейгарник), психического насыщения (А. Карстен), уровня притязаний (К. Левин, Т. Дембо, Л. Фестингер, Р. Сирс). В работе К. Холла и Г. Линдсея излагаются основы теории поля К. Левина. В текстах Р. Фрэнкина, Г. Олпорта и Ж. Нюттена обсуждаются основные классические и современные теоретические проблемы мотивации: активации, направленности и настойчивости поведения, воли, саморегуляции, развития мотивации и др. Специальный вопрос посвящен закону Йеркса – Додсона, устанавливающему связь интенсивности мотивации с продуктивностью деятельности. Тема завершается текстами к вопросу, посвященному известным экспериментальным исследованиям отдельных мотивов: голода, жажды, угрозы (Г. Глейтман, А. Фридлунд, Д. Райсберг), познания, социальных контактов (Ж. Нюттен), конформизма (С. Аш), подчинения (С. Милграм), помощи (Р. Хок), агрессии (Л. Берковиц).

Ранее, в третьей книге первого тома в теме «Общее представление о личности и ее развитии» студенты получили начальные представления о личности в психологии, ее строении и развитии, разработанные в рамках таких известных и очень разных направлений, как марксистская психология (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев), гуманистический психоанализ (Э. Фромм), экзистенциальная психология (В. Франкл), гуманистическая психология (А. Маслоу, К. Роджерс) и трансперсональная психология (Р. Уолш, Ф. Вон). В первой книге второго тома в теме «Личность как индивидуальность: способности, темперамент, характер» личность рассматривалась с точки зрения ее индивидуальных особенностей, а в теме «Типологии индивидуальности» в фокусе внимания были свойства личности, общие для больших групп людей.

В текстах данной книги в теме «Строение личности» основной акцент делается на представлениях о строении личности, которые существуют в рамках таких направлений и подходов к ее изучению, как психология сознания (В. Джемс), психоанализ (З. Фрейд), аналитическая психология (К. Юнг), трансактный анализ (Э. Берн), подход к личности как совокупности черт (Г. Олпорт, Р. Кеттел, Г. Айзенк), когнитивный подход (Дж. Келли). Проблема развития личности будет представлена отдельно в следующей, третьей книге второго тома.

Ю.Б. Дормашев
кандидат психологических наук, доцент
С.А. Капустин
кандидат психологических наук, доцент
(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет психологии)

Тема 11

Психология воли

Определение воли, критерии волевого поведения. Проблема свободы воли в философии и психологии. Представление о волевом процессе в психологии сознания. Структура волевого акта. Произвольность поведения как предпосылка волевой регуляции. Борьба мотивов и принятие решений, проблема выбора. Мотивационный конфликт как условие волевого действия. Общая характеристика познавательной сферы личности. Когнитивная сложность и принятие решений. Когнитивный диссонанс. Волевая регуляция как преобразование (переосмысление) проблемных ситуаций. Общее представление о развитии воли. Воля и личность.

Вопросы к семинарским занятиям

1. *Определение воли. Критерии волевого действия. Виды и характеристика волевых процессов. Проблема свободы воли.*
2. *Типы мотивационных конфликтов. Когнитивный диссонанс и его исследования.*

1 Определение воли. Критерии волевого действия. Виды и характеристика волевых процессов. Проблема свободы воли

У. Джемс

Воля*

Действия, вызываемые волей

Желание, воля — состояния души, известные каждому, и никакое определение не может сделать полнее их понимание. Мы желаем чувствовать, иметь, делать всевозможные вещи, которых в настоящий момент не чувствуем, не имеем, не делаем. Если желание соединено с недостижимостью желаемого, мы просто хотим. Но, если мы уверены, что желаемые цели зависят от нас, то мы желаем, чтобы достижение данного предмета стало реальным, т.е. осуществилось, причем оно или осуществляется немедленно вслед за желанием, или вслед за тем, как мы выполняем некоторые предварительные условия или действия для достижения желанной цели. Единственные цели, которые следуют непосредственно за нашими желаниями, это, кажется, движения нашего собственного тела. Каждое чувство или обладание, которое мы желали бы получить, требует, наоборот, каких-нибудь предварительных движений, совершаемых нами для его получения. Это так очевидно, что не требует дальнейших пояснений. Таким образом, мы можем исходить из того положения, что прямыми, т.е. непосредственными результатами нашей воли могут быть только наши телесные движения. Механизм совершения этих волевых движений мы рассмотрим теперь.

Волевые движения — *вторичные продукты*. До сих пор мы рассматривали те движения, которые называются автоматическими или рефлекторными, т.е. такими, которые не предвидятся тем существом, которое их исполняет (по крайней мере в первый раз), наоборот, те движения, к изучению которых мы приступаем теперь, желаемые заранее, мы заранее к ним стремимся, а потому, конечно, они совершаются с предвидением того, чем они должны быть. *Отсюда следует, что волевые или произвольные движения должны быть вторичными, а не первичными продуктами (функциями) нашего организма*. Это первый пункт, который мы

---

* *Джемс У.* Научные основы психологии. Минск: Харвест, 2003. С. 459—462, 464—482, 491—493, 500—513.

должны понять в психологии воли. Рефлекс, а также движения инстинктивные и эмоциональные все являются первичным продуктом. Нервные центры так организованы, что известное возбуждение производит взрыв в известной части нервных клеток, и животное, переживающее один из таких взрывов в первый раз, переживает, в сущности, совершенно новый и неизвестный для него опыт. Однажды я стоял на железнодорожной станции с моим маленьким сыном в тот момент, когда к ней подходил с грохотом скорый поезд. Ребенок, который стоял у края платформы, испугался, задрожал, дыхание его замерло, он побледнел, начал кричать, быстро бросился ко мне и спрятал свое лицо. Я не сомневаюсь, что ребенок был почти также удивлен своим поведением, как и подошедшим поездом, и, конечно, более удивлен, чем я, стоявший рядом. Несомненно, что если подобная реакция случалась с нами несколько раз, мы узнаем, чего нужно ждать от самих себя, и благодаря этому можем предвидеть свое поведение, даже в том случае, когда оно остается таким же непроизвольным и неподдающимся контролю, как у моего мальчика. Но если в произвольном действии, в точном смысле этого слова, действие должно предвидеться, то отсюда следует, что ни одно существо, не наделенное даром пророчества, не может производить какого-либо произвольного действия в первый раз. Да, мы столь же мало одарены пророческим предвидением того, к каким движениям мы способны, как и пророческим предвидением того, какие ощущения мы способны получить. Совершенно так же, как мы должны для этого подождать и испытать ощущения, которые будут даны нам, точно также мы должны подождать и испытать движения, совершаемые непроизвольно, прежде чем мы можем составить себе идею, о каком-либо из этих явлений. О всех наших способностях и обо всем, что мы можем, мы узнаем только путем опыта. Когда какое-нибудь отдельное движение совершилось однажды случайно, рефлекторно, т.е. непроизвольно, оно оставляет в нашей памяти образ самого себя, и затем движение может быть уже желаемо вновь и произведено преднамеренно. Но нет возможности представить себе, каким образом мы могли бы пожелать его, еще не испытав.

Таким образом, первым условием волевой жизни является накопление идей о различных движениях возможных для нас, идей, оставленных в памяти опытами их непроизвольного совершения.

Два рода идей о движениях

Эти идеи могут быть или непосредственными, или отдаленными. Т.е. они могут быть о движении, как оно чувствуется, когда происходит в движущейся части тела, или они могут быть о движении, как оно чувствуется в какой-нибудь другой части тела, которая причиняет его (ударяет, давит, царапает и т.д.), или как это движение звучит, или как оно видится глазом. Непосредственные ощущения в движущейся части были названы кинестетическими чувствами, а воспомина-

ния о них — кинестетическими идеями. Благодаря им мы получаем сознание о *пассивных движениях,* т.е. движениях, сообщаемых нашим членам другими. Если вы лежите с закрытыми глазами, а другое лицо тихонько поместит вашу руку или ногу в какое-нибудь избранное им положение, вы получите ощущение о новом положении этого члена и можете воспроизвести его сами другой рукой или ногой. Точно так же, когда человек вдруг пробуждается в темноте, он тотчас узнает, в какой позе лежит, по крайней мере, так бывает при нормальных условиях. <...> Таким образом, когда мы совершаем движение, нам нужна, или «кинестетическая» или «отдаленная» идея о нем. <...>

Если я хочу написать «Петр», а не «Павел», то моя мысль состоит из известных двигательных ощущений и известных звуков азбуки, из известных изображений на бумаге и не из чего-то другого, что предшествовало бы движению моего пера. Если я хочу произнести слово «Павел», а не «Петр», это значит, что моим произношением руководит мысль о моем голосе, уже известном моему слуху, и мысль об определенных мышечных ощущениях в моем языке, губах и гортани. Все эти ощущения — ощущения «входящие», а между мыслью о них, в силу которой действие воспроизводится умственно во всей возможной полноте, и между самим действием нет места для каких-либо умственных явлений третьего рода. Здесь есть действительно как бы соизволение: «да будет», — или решение, чтобы действие совершилось. Именно это, конечно, как в моей собственной мысли, так и в мысли моих читателей, составляет сущность того, что мы называем произвольностью действий. Это «да будет» мы подробнее рассмотрим дальше. Здесь можно его совершенно обойти молчанием, так как оно является постоянным коэффициентом, одинаковым у всех произвольных действий, а потому не может служить для отличия их друг от друга. Никому не придет в голову утверждать, что качество движения изменяется в зависимости от того, действует ли он правой или левой рукой.

Таким образом, предшествующий образ чувственного результата движения и (в некоторых случаях) решение («да будет») того, что эти следствия должны действительно начаться, — единственное психическое состояние, которое наше самонаблюдение позволяет нам определить, как предпосылку наших произвольных действий. Тут нет никаких оснований допустить какое-нибудь другое ощущение, связанное с током, исходящим из нервного центра. Все содержание и весь материал нашего сознания (о движении, как и обо всех других вещах) имеет, таким образом, периферическое происхождение и идет к нам, прежде всего, через периферические нервы.

Двигательный знак

Назовем последнюю идею, которая в уме предшествует двигательному разряжению, «двигательным знаком». Вопрос в том, «образы непосредственные», или «образы отдаленные» должны быть этими «двигательными знаками».

Нет никакого сомнения, что двигательными знаками могут быть или «непосредственные образы», или «отдаленные». Хотя вначале, когда мы учимся какому-нибудь движению, перед сознанием должны, кажется, проходить непосредственные ощущения, но впоследствии этого вовсе не нужно. Фактически можно принять за правило, что непосредственные идеи стремятся мало-помалу изглаживаться из сознания, и что чем больше мы напрактиковались в каком-нибудь движении, тем больше его умственным «двигательным знаком» бывают «отдаленные идеи». То, что нас интересует, остается в сознании; все остальное мы стараемся пробежать как можно скорее. Обычно «непосредственные ощущения» движения не имеют для нас никакого существенного интереса. Нас интересуют цели, достигаемые движениями. Обыкновенно, такая цель есть «отдаленное ощущение», т.е. то впечатление, которое движение производит на глаз или слух, или на какое-нибудь место кожи, нос или нёбо. Теперь представим себе, что идея о такой цели определенно ассоциируется с нужным для ее осуществления разряжением нервного центра в мышцы. В таком случае мысль о непосредственных действиях иннервации станет такой же большой помехой, как и сама иннервация, о чем мы говорили выше. Мысль не нуждается в ней, для нее достаточно одной только цели, ради которой совершается движение.

Идея о цели стремится, таким образом, сделать себя самодостаточной. Но, во всяком случае, если кинестетические идеи и возникают во всем этом процессе, они до такой степени ослабляются в кинестетических ощущениях, которыми они непосредственно захватываются, что у них нет времени увериться в их индивидуальном существовании. Когда я пишу, у меня нет «антиципации», т.е. предварительного представления (отдельного из моих ощущений) о внешнем виде букв, которые я напишу, или об ощущении в пальцах тех движений, которыми я напишу их. Слово как бы шепчет только в моем умственном ухе — перед тем, как я напишу его, но не ощущается заранее ни в глазу, ни в мускулах пальцев. Это зависит от скорости, с какой движение следует за своим умственным «знаком». И цель, соизволяемая тотчас, как только она сознается, иннервирует непосредственно центр первого движения из всей цепи движений, ведущих к ее осуществлению, а затем вся эта цепь выполняет как бы рефлекторно, то что уже описано ранее.

Читатели, конечно, признают, что это верно для всех быстрых произвольных действий, не осложненных колебаниями воли. Только в момент самого начала таких действий тут существует единственный специальный знак. Так, человек решает: «Я должен надеть другой костюм», — и непроизвольно он снимает свой сюртук, а его пальцы работают при этом привычным образом, расстегивая пуговицы жилета и т.д., или он решает: «Надо спуститься вниз», — и едва это решение им признано, он идет, берется за ручку двери и т.д., т.е. совершает все это по идее о цели, связанной с рядом руководящих ощущений, возникающих последовательно. Действительно, по-видимому, у нас должна отсутствовать точность и уверенность в достижении цели, если мы озабочены тем путем,

каким движение должно быть выполнено. Мы тем лучше пройдем, например, по бревну, чем меньше будем думать о положении на нем наших ног. Мы тем удачнее бросаем и ловим, стреляем и рубим, чем меньше наше сознание занято осязательной и мышечной («непосредственной») стороной этих действий и чем больше оно сосредоточено на зрительной (более «отдаленной») его стороне. Устремите ваш глаз на намеченную цель, и рука сама бросит к ней наиболее удачно мяч или камень, но если вы в этот момент будете заботиться о движении самой руки, то наверняка промахнетесь. <...>

Надеюсь, мне удалось выяснить, что значит «идея о движении», которая должна предшествовать ему, чтобы оно было произвольным. Это вовсе не идея об иннервации, требуемой данным движением. Это — антиципация (предварительное представление) чувственных результатов движения, непосредственных или отдаленных, а иногда и очень отдаленных. В конце концов, такие антиципации определяют, каково будет наше движение. До сих пор я говорил так, будто это предварительное умственное представление определяет и то, что данное движение будет сделано. Несомненно, это не встретит согласия у многих читателей, так как им, конечно, кажется, что во многих случаях желания необходимо специальное «да будет» или волеизъявление движения, в дополнение к простому представлению его в мысли, а это «да будет» я совершенно оставил пока в стороне. Это приводит нас к последнему пункту нашего рассуждения.

Идеомоторные действия

Вопрос вот в чем: ***Может ли одна чистая идея о чувственном результате движения быть достаточным «двигательным знаком» или к ней должно прибавляться некоторое умственное решение «да будет», согласие, волеизъявление или иной однородный факт сознания, прежде чем может последовать движение?***

На это я отвечу: иногда достаточно одной чистой идеи, но иногда должен предшествовать движению сознательный элемент в виде поведения, выраженного согласия или «да будет».

Случаи, когда не бывает этих «да будет», составляют самую основную разновидность волевых действий, потому что они самые простые. Другие же случаи содержат специальные дополнения, которые дальше мы рассмотрим подробно. Теперь же позвольте нам обратиться к *идеомоторным действиям,* как их называют, т.е. к движениям, являющимся результатом одной только мысли о них, без всякого особого решения, это типичный процесс волевых действий.

Когда движение следует без *всякого колебания и непосредственно* за идеей о нем, мы имеем идеомоторное действие. В этом случае мы не ощущаем ничего между идеей и ее исполнением. Все виды нервно-мышечных процессов, которые совершаются, конечно, между этими двумя моментами, абсолютно не доходят до нашего сознания. Мы думаем о действии, и оно совершается. Это

все, что нам говорит об этом самонаблюдение. Доктор Карпентер, который, если я не ошибаюсь, первым употребил термин «идеомоторные действия», помещает их, насколько мне помнится, среди редких явлений нашей душевной жизни. На самом деле они вовсе не редкие явления, а просто нормальный процесс, но только не замаскированный никакими побочными добавлениями. Во время разговора я вдруг замечаю булавку на полу или пыль на моем рукаве, и, не прерывая речи, смахиваю пыль или поднимаю булавку. Я не делаю никакого выраженного решения, но одно только восприятие предмета, мимолетное понятие о действии, по-видимому, сами вызывают мое действие. Подобным же образом, сидя за столом после обеда, я замечаю, что время от времени беру орех или виноград с моей тарелки и ем их. Собственно, обед мой уже закончен, и в пылу разговора я едва ли сознаю то, что я делаю, но восприятие фруктов и мимолетное представление о том, что я могу их съесть, вызывают, по-видимому, фатально мое действие. Здесь, конечно, нет никакого выраженного решения и столь же мало таких решений во всем том, как мы обыкновенно ходим, что мы делаем, во всех наших приспособлениях, наполняющих каждый час дня, они все возбуждаются входящими ощущениями так непосредственно, что часто трудно решить, не лучше ли назвать их рефлекторными, а не произвольными действиями. Лотце говорит:

> При письме и игре на фортепиано мы видим множество очень сложных движений, быстро следующих друг за другом, возбужденные представления которых едва ли остаются даже одну секунду в сознании и, конечно, недостаточно длительны, чтобы возбудить какое-нибудь иное желание, кроме общего желания передать каждый момент, возникающий в сознании, и останавливаясь на проходящем впечатлении больше, чем на моменте, когда оно переходит в действие. Все акты нашей ежедневной жизни происходят таким образом: стоим ли мы, ходим ли или разговариваем, все это никогда не требует особого импульса воли, но проносится сплошным потоком мысли[1].

Во всем этом определяющим условием для не колеблющегося и беспрепятственного следования нужного действия является *отсутствие в уме какой-либо осложняющей идеи*. Тут или нет ничего другого в мысли, или только то, что не сталкивается с решением. Мы знаем, каково вставать с постели морозным утром в холодной комнате и как само жизненное начало внутри нас протестует против такой пытки. Вероятно, многие провели при этом в постели лишний час, будучи неспособными заставить себя решиться встать. Мы думали, как много дурного произойдет от этого, как много пострадают наши дневные обязанности, мы говорили себе: «Да должен же я, наконец, встать, это безобразие», но теплая постель еще чувствуется такой приятной, а холодная комната такой ужасной, что решение опять скрывается вновь и вновь, и мы оттягиваем решение, ставя

[1] См.: Medicinche Psychologie. S. 293.

ему препятствия и пропуская мимо моменты решимости. Спрашивается, каким же образом мы, наконец, встанем при таких условиях. Если я могу сделать обобщение из моего собственного опыта, мы гораздо чаще поступаем без всякой борьбы и решения, чем с этими осложнениями. Внезапно оказывается, что мы уже встали с постели, или вообще начали действия. В нашем сознании происходит счастливое затемнение — мы забываем и про теплоту, и про холод. Нами овладевает нечто вроде грез, связанных с нашей обыденной жизнью, во время которых вдруг мелькает идея: «Ну, довольно лежать!» — Идея, которая в этот счастливый момент не пробуждает никаких противоречащих, или парализующих влияний, а потому производит непосредственно свойственный ей двигательный эффект. Между тем в период борьбы, наше острое сознание сразу и о теплоте, и о холоде парализировало нашу активность и удерживало нашу идею о вставании в состоянии нужды, а не желания. Но раз прошел момент задержки от борьбы этих идей, первоначальная идея выполнила свое действие.

Этот случай заключает, по-моему, в сжатой форме основные данные для всей психологии волевых действий. Я пришел впервые к убеждению о справедливости теории, излагаемой здесь, путем размышления над явлениями, наблюдаемыми мною в самом себе. Причина, почему эта теория не кажется самоочевидной истиной, заключается в том, что у нас возникает множество идей, не переходящих в действия. Но мы сейчас увидим, что во всех таких случаях без исключения это происходит потому, что одновременно в сознании появляются и другие идеи, отнимающие у первых их побудительную способность. Но даже тогда, когда движение удержано от полного осуществления противоположной идеей, оно все же совершается в зачаточной форме. Процитируем еще раз Лотце:

> Зритель, наблюдавший за игроками на бильярде или за фехтовальщиками, производит сам легкие движения руками, вслед за их движениями, плохо воспитанные люди сопровождают свои рассказы многочисленными жестами, читатель, поглощенный ярким описанием сцены борьбы, чувствует легкое напряжение, возбуждающееся в его мышечной системе, чувствует себя так, как будто он участвует в действии, о котором читает. Эти результаты становятся тем заметнее, чем больше мы поглощены мыслью о тех движениях, описание которых внушает нам наши сочувственные движения, и эти последние становятся слабее пропорционально тому, как под господством толпы других представлений сознание, делающееся сложным, препятствует проходящим умственным созерцаниям описываемых движений переходить во внешние действия[2].

Модное так называемое «чтение мыслей» есть собственно «мышечное чтение»: оно основано на этом начальном подчинении мышечных сокращений идеям даже тогда, когда есть предумышленное стремление, чтобы этих сокращений не произошло.

---

[2] См.: Medicinche Psychologie.

Таким образом, мы можем признать достоверным следующее: *каждое представление какого-либо движения возбуждает до известной степени действительное движение, соответствующее представляемому движению, и оно возбуждает его в наибольшей степени тогда, когда движение не задерживается какими-либо противодействующими представлениями, возникающими в уме одновременно.*

Выражение «да будет» или акт умственного согласия на движение приходит тогда, когда требуется нейтрализовать противоположные и задерживающие идеи. Но читателю теперь уже не нужно доказывать, что когда условия движения просты, то нет и никакой надобности в выражении «да будет». Однако он еще может возразить на основании общего предрассудка, что произвольное действие без проявления силы воли есть оборотная сторона роли принца Гамлета, а потому я должен сделать еще несколько замечаний. Первый пункт, из которого следует исходить, чтобы понять произвольные действия и возможность совершения их без выраженных решений и «да будет», — это тот факт, что сознание *по самой своей природе, импульсивно.* Мы не сразу имеем ощущение или мысль и не потом должны добавить к ним что-либо двигательное (динамическое), чтобы они перешли в движение. Каждое трепетание чувства, происходящее в нас, есть коррелят некоторой нервной деятельности, находящейся уже на пути к возбуждению движения. Наши ощущения и мысли есть как бы точки пересечения токов, существенные следствия которых — движения, которые не могут перейти в движение в одном нерве раньше, чем в другом. Популярное мнение, что сознание не есть существенная предпосылка деятельности, а что эта последняя должна быть результатом добавочной силы воли, есть весьма естественный вывод из тех особенных случаев, когда мы думаем о каком-нибудь действии неопределенно долгое время без всякого действия. Однако такие случаи не представляются нормальными, это — случаи задержки действия противоположными мыслями. Когда задержка устранена, мы чувствуем, что как бы освобождается внутренняя пружина, и это есть дополнительный импульс или «да будет», за которым действительно следует акт. Теперь мы должны исследовать, в чем состоит эта задержка и освобождение от нее. В нашем мышлении высшего порядка, такие случаи постоянны. Там, где нет задержки, там естественно нет промежутка между умственным процессом и двигательным разряжением. *Движение есть естественный, непосредственный результат процесса чувства, независимо от того, какого бы качества ни было это чувство. Так происходит в рефлекторном чувстве, так происходит в выражении эмоций и то же происходит в волевой жизни.*

Таким образом, идеомоторное действие не есть парадокс, который следовало бы смягчить или объяснить как-нибудь иначе. Оно подчиняется типу всякого сознательного действия и из этого можно исходить, чтобы объяснить тот род действия, в который входит специальное решение «да будет».

Может быть замечено мимоходом, что остановка движения также не включает в себя выраженного усилия или приказания, как и само исполнение. Но

каждый из них может иногда требовать его. Однако во всех простых и обыкновенных случаях так же, как чистое присутствие одной только идеи вызывает движение, чистое присутствие другой идеи мешает совершиться этому движению. Старайтесь почувствовать, будто вы сгибаете свой палец, в то время как вы его удерживаете в прямом положении. Одно мгновение в нем ясно почувствуется содрогание, в смысле воображаемой перемены положения, однако он не двинется на самом деле, потому что часть вашей мысли составляет и то, что он в *действительности не двигается.* Отбросьте эту идею, подумайте только о движении пальца, и в одно мгновение оно уже будет сделано вами без всякого усилия. <...>

Действие по обсуждению

Теперь нам предстоит описать то, *что происходит при действии по обсуждению,* или когда перед мыслью находится несколько предметов, относящихся друг к другу враждебно или благоприятно. Одним из этих предметов мысли может быть какое-либо действие. Сам по себе этот последний предмет вызвал бы движение, однако некоторые добавочные предметы или соображения задерживают двигательные разряжения, тогда как другие помогают им совершиться. Результатом является то особенное чувство внутреннего беспокойства, которое известно под именем *«нерешительности»*. К счастью, оно настолько знакомо каждому, что не нуждается в описании, да и описать его было бы невозможно. Пока оно остается с различными объектами перед нашим вниманием, о нас говорят, что мы обсуждаем, а когда, наконец, первоначальное возбуждение или перевешивает и дает место движению, или уходит окончательно, побежденное своими противниками, о нас говорят, что мы решили или обнаружили наше произвольное «да будет» в пользу того или иного течения. Объекты помогающие и задерживающие называются основаниями или мотивами, при посредстве которых выносятся решения.

Процесс обсуждения содержит в себе бесконечные степени сложности. В каждый его момент наше сознание — крайне сложная вещь, а именно — целая коллекция мотивов и их столкновений. Из этой сложной вещи, совокупность которой испытывается все время более или менее смутно нашим сознанием, некоторые части выступают более-менее резко на первый план в один момент, тогда как в другой момент сильнее выступают другие части, что зависит от колебания нашего внимания и от «ассоциативного» потока наших идей. Но как бы ни были ярки мотивы переднего плана и как бы ни был неизбежен в конце разрыв сдерживающей плотины и проведение двигательных результатов на их собственное русло, задний план, как бы смутно мы его ни чувствовали, всегда налицо, вроде того «ореола» и «умственных обертонов», о которых мы говорили ранее. И его присутствие до тех пор, пока не прекратилась нерешительность,

служит действительной задержкой неминуемого разряжения. Обсуждение может остаться на недели и месяцы, занимая нашу мысль с известными промежутками. Мотивы, которые вчера казались яркими, полными жизни и значения, сегодня кажутся бледными, слабыми и мертвыми. Но как вчера, так и сегодня, вопрос не решается нами окончательно. Что-то подсказывает нам, что все это есть только подготовительная работа, что ослабевшие мотивы снова станут сильными, а те, которые сильны теперь, ослабеют, что не достигнуто еще равновесие, что сейчас необходимо проверять наши мотивы, не подчиняясь им, и что нам следует ждать терпеливо или нетерпеливо, пока наша мысль не обдумает «всего как можно лучше». Это склонение то к одному, то к другому будущему, причем и то, и другое мы представляем возможными, похоже на колебание туда и сюда материального тела в пределах его упругости. Это — внутреннее напряжение, но не наружный разрыв. И это состояние может с достаточной полнотой продолжаться неопределенное время в мысли, как и в физическом теле. Однако, если упругость ослабела, если плотина прорвана, тогда токи прорезают кору, колебания кончаются и в этом состоит непререкаемое решение.

Решение может прийти каким-либо из многих способов. Я попытаюсь набросать кратко самые характерные его типы, предупреждая читателя, что этот очерк будет только плодом внутреннего самонаблюдения, отчетом о даваемых им симптомах и явлениях, и что все вопросы о причинах, как нервных, так и психических, откладываются мною до последующих страниц.

Пять типов решения

Обращаясь теперь к формам самого решения, мы можем различить пять главных типов. ***Первый тип может быть назван рассудительным типом*** (reasonable type). Это — тот тип, при котором аргументы за и против данного курса, кажется, постепенно и почти нечувствительно укладываются сами в уме, в результате чего остается ясный баланс в пользу одного из двух возможных решений, которое мы и принимаем без усилий и возражений. Пока этот рассудочный баланс нашей умственной бухгалтерии еще не закончен, мы чувствуем спокойно, что документы еще не все готовы, а это удерживает действие в нерешенном состоянии. Но в какой-нибудь день мы пробуждаемся с чувством, что видим предмет правильно, что никакого нового света на него не прольется дальнейшим размышлением, и что лучше решить дело теперь. В этом легком переходе от сомнения к уверенности мы кажемся себе почти пассивными, «мотивы», решившие вопрос, кажутся нам вытекшими из самой природы вещей и не обязанными ничем нашей воле. Однако мы испытываем полнейшее чувство нашей свободы, так как совершенно лишены ощущения какого-либо принуждения. Заключительное основание для решения вопроса, в этих случаях, обычно состоит в открытии, что мы можем отнести данный случай к тому классу, относительно которого мы привыкли

действовать без колебания по известному стереотипному пути. В общем можно сказать, что большая часть каждого обсуждения состоит из обращения ко всем возможным способам ***понимания*** совершения или несовершения данного действия, о котором идет речь. В тот момент, когда мы наталкиваемся на такое понимание (концепцию), которое позволяет нам применить какой-нибудь принцип действия, который составляет установившуюся и постоянную часть нашего *Я*, наши сомнения кончаются. Лица, стоящие у власти, которым приходится произносить много решений ежедневно, носят в себе целый запас рубрик для классификации, причем каждая из этих рубрик связана с каким-либо произвольным своим следствием, и по этим рубрикам они стараются по возможности разместить новый вопрос или дело, встретившиеся им. Если это новое дело такого рода, что не имеет прецедента и к которому нельзя применить никакого из готовых правил, то эти лица чувствуют себя растерянными и расстроенными неопределенностью задачи. Однако, как только они видят путь к знакомой классификации, они снова чувствуют себя легко. ***Таким образом, в действии, как и в рассуждении, важным является отыскание верной концепции.*** Конкретные дилеммы не идут к нам с ярлыками, наклеенными на их спинах. Мы можем назвать их множеством названий. Умный человек тот, кто, отыскивая такое название, следует требованиям данного частного случая. «Рассудительный характер» — это такой, который обладает запасом стойких и значительных целей, и который не решается на действие, пока не удостоверится, способствует ли оно или вредит какой-нибудь из них.

В двух других ближайших типах решения окончательное «да будет» случается до того, когда все документы налицо. Часто случается, что нет никакого высшего и властного основания избрать один путь или курс, а не другой. Мы остаемся долго в состоянии колебания и нерешительности, и может наступить час, когда мы чувствуем, что даже плохое решение лучше, чем вовсе никакого решения. При таких условиях часто случается, что какое-нибудь побочное или второстепенное обстоятельство, исходящее от какого-нибудь частного движения нашей утомленной мысли, перевесит баланс в сторону какой-нибудь одной альтернативы, к которой мы начинаем склоняться, хотя если бы произошел в то время какой-нибудь противоположный случай, он мог бы произвести обратный результат.

Во втором типе решений наше ощущение в значительной степени таково, что мы как бы оставляем себя плыть по течению, относясь безразлично к тому направлению, по которому нас случайно направит что-либо извне, причем нами владеет уверенность, что, в конце концов, будет так же хорошо, направимся ли мы в одну сторону, или в другую, и что дело, во всяком случае, будет наверняка выполнено правильно.

В третьем типе определение пути кажется одинаково случайным, но оно исходит изнутри, а не извне. Часто, когда отсутствие господствующего и повелительного принципа делает наше решение запутанным и нерешительно блуждаю-

щим, мы замечаем, что начинаем действовать как бы автоматически или будто отдаваясь непроизвольному разряжению наших нервов в направлении одного из членов дилеммы. Но это ощущение движения действует на нас так возбуждающе после нестерпимого состояния колебания и бездействия, что мы безропотно предаемся ему и восклицаем: «Ну, вперед! Что будет, то будет! Пусть хоть небо на нас обвалится!» Это беззаботное, ликующее торжество в нас энергии, почти не предваряемое размышлением, вызывает у нас такое самочувствие, как будто мы являемся скорее пассивными зрителями наших действий, влекомыми какой-то внешней силой, чем людьми, произвольно действующими. Этот тип решений, слишком внезапных и порывистых, редко случается у натур хладнокровных и вялых. Но, вероятно, он част у лиц с сильной эмоциональностью и неустойчивым, колеблющимся характером. В людях же, прославленных, как Наполеон, Лютер и т.д., у которых упорная страсть соединяется с кипучей деятельностью, если по какому-нибудь случаю исходу их страсти мешают колебания или предварительные размышления, решение должно, по всей вероятности, очень часто получаться катастрофическим путем. Поток прорывается совершенно нежданно сквозь плотину. У известных характеров это должно происходить так часто, что может служить достаточным объяснением их склонности к фаталистическому образу мысли. А фаталистический образ мысли сам, конечно, увеличивает силу энергии, только что вышедшей на свои возбуждающиеся пути разряжения.

Есть *четвертая форма* решения, которой часто кончается обсуждение столь же внезапно, как и в третьей форме. Она бывает тогда, когда вследствие какого-либо внешнего опыта или каких-нибудь необъяснимых перемен мы *вдруг переходим от легкого и беззаботного настроения к серьезному, напряженному,* а, быть может, и в каких-либо других случаях. Целая лестница, по которой мы до сих пор располагали наши мотивы и побуждения по их сравнительной важности, претерпевает тогда перемену, подобную той, какую производит в зрении перемена зрительного уровня у наблюдателя. В этом случае объекты, возбуждающие печаль или страх, влияют сильнее всего. Когда один из них действует на нас, то все мотивы, являвшиеся яркими в «свете фантазии», теряют свою двигательную способность а все серьезное увеличивает чувства страха, или печали во много раз. Следствием является случай, когда человек мгновенно покидает свои более тривиальные проекты, на которые он тратил время, и мгновенно принимает самые строгие и серьезные их противоположности (альтернативы), которые до той минуты не могли вызвать его согласия. Все так называемые «перемены сердца», «пробуждения совести» и т.п., делающие многих из нас как бы «новыми людьми», можно классифицировать в этот четвертый тип. Характер человека вдруг поднимается в этих случаях до иного «уровня», и колебания в обсуждении решительного шага сразу прекращаются.

В пятом и последнем типе решений может быть или не быть ощущения того, что все документы для решения имеются в наличии и что всем мотивам подведен баланс. Но, во всяком случае, мы чувствуем, решая вопрос, что мы сами

нашей собственной волей склоняем чашу весов в одну сторону: в первом случае (т.е. когда баланс закончен) нам чувствуется так, будто мы добавили собственное живое усилие к весу логических доводов, которые, если бы они действовали одни, были бы бессильны вызвать решающее разряжение, во втором же случае (т.е. когда баланс еще не готов) мы, как нам кажется, делали какое-то творческое дополнение вместо того мотива или основания, который приходит путем работы простого рассуждения. Чувствуемый нами в этих случаях тяжелый глухой подъем воли заставляет отнести их к классу решений, совершенно отличных субъективно от всех четырех предыдущих классов. Здесь мы не будем рассматривать вопрос о том, какое метафизическое значение может иметь этот подъем воли и к каким выводам такое усилие может привести нас относительно существования особой «силы воли», отличной от обыкновенных мотивов. Субъективно и феноменально чувство усилия, отсутствовавшее в первых решениях, приведенных нами, сопровождает решения этого типа. Отрекаемся ли мы при этом ради чистого и сурового долга от всякого рода богатых светских радостей или наше решение будет тяжким решением, состоящим в том, что из двух путей нашего будущего поведения, как несовместимых друг с другом, должен быть избран один, даже если оба они одинаково приятны и хороши, и оба одинаково совместимы с объективным, повелевающим принципом, как бы там ни было, но этого рода действия всегда связаны с горьким чувством какого-то разрушения, как будто мы вступаем в какую-то уединенную нравственную пустыню. Если исследовать ближе это состояние, то его отличие от первых рассмотренных случаев должно состоять в том, что в этих первых случаях в момент решения в пользу одной из двух альтернатив ум как бы теряет из вида другую половину, тогда как в случае, описанном теперь, обе части альтернативы ярко стоят перед умственным взором, и во время самого действия, так сказать, убивающего эту вторую половину, т.е. ее возможность, решившийся на это представляет себе ясно, как много в этот момент он теряет. Он намеренно вонзает тернии в свое тело, и чувство *внутреннего* усилия, с каким совершается действие, есть тот элемент, который делает этот пятый тип решения ярким контрастом с предыдущими четырьмя разновидностями, образуя из него совершенно особый род душевного явления. Большинство человеческих решений принадлежит к решениям «без усилия». В сравнительно малом их числе финальный акт сопровождается усилием. Я думаю, что когда мы предполагаем, что усилия встречаются гораздо чаще, чем это есть на самом деле, мы заблуждаемся в том, что *во время обсуждения* у нас часто возникает ощущение затруднения в решении того или иного движения сейчас же, *теперь*. Позднее, после того как решение само собой легко совершилось, мы вспоминаем это ощущение и ошибочно предполагаем, будто бы усилие действительно было сделано нами.

Существование усилия, как феноменального в нашем сознании, конечно, не может вызывать сомнения или отрицания. Но с другой стороны, его значение есть такой вопрос, о котором господствуют крайне различные мнения. От его

истолкования зависит решение вопросов, как о действительном существовании спиритуальной причинности, так и о существовании всеобщего предопределения явлений (детерминизма) или о так называемой «свободной воле». Поэтому нам необходимо теперь более тщательно исследовать те условия, при которых у нас является ощущение «волевого усилия».

Ощущение усилия

Когда я говорил раньше, что *сознание* (или нервный процесс, идущий с ним) ***по своей природе импульсивно***, я должен был прибавить заранее, ***что оно должно быть для этого достаточно сильным***. Существует замечательное различие в способности у разных родов сознания возбуждать движение. Интенсивность некоторых ощущений или чувств практически способна стоять ниже возможности разряжения, тогда как интенсивность других — выше этой возможности. Под «практической способностью» я подразумеваю здесь способность при обычных условиях. Такими условиями могут быть привычные задержки, подобные тому приятному чувству «dolce far niente», дающему всем и каждому из нас известную дозу лени, которое можно преодолеть только остротой импульсивных шпор; или же эта задержка может происходить от врожденной инерции или внутреннего сопротивления самих двигательных центров, делающих невозможным раздражение, пока не достигнуто и не преодолено некоторое внутреннее напряжение. Эти условия могут быть различны у разных лиц, а также у одного и того же лица в разное время. Нервная инерция может увеличиваться или падать, а обыкновенная задерживаемость уменьшаться или увеличиваться. Интенсивность каких-нибудь процессов мысли и стимуляций может также изменяться независимо, а также какой-нибудь один путь ассоциации может стать более проходимым или наоборот. Таким образом, в результате может появиться большая возможность изменения в действительной импульсивности в данный момент каких-либо отдельных мотивов, по сравнению с другими. Когда действия, совершаемые обычно без усилия или задержки, как правило, легкие, становятся или невозможными, или совершаются с расходом усилия, это всегда происходит оттого, что мотив, менее действенный при нормальных условиях, становится более действенным, а действующий сильнее становится слабее действующим. <...>

Усилие чувствуется, как первичная сила

Теперь мы видим, когда волевое действие осложняется усилием. Это случается тогда, когда более редкий или идеальный стимул вызывается в нас и нейтрализует другие, более инстинктивные стимулы, это случается и тогда, когда

сильные взрывные наклонности задерживаются или сильные задерживающие условия превозмогаются. «*Une âme bien née*», — как говорят французы, — дитя, которому при рождении феи принесли свои дары, не нуждается в усилиях всю оставшуюся жизнь. Герой и нервный человек, наоборот, постоянно прибегают к ним. Непроизвольный способ нашего понимания внутренних усилий при всех выше описанных условиях представляет нам их активной силой, прибавляющей свою силу к силам мотивов, которые в конце концов преобладают. Когда внешняя сила воздействует на тело, мы говорим, что движение произойдет по линии наименьшего сопротивления или наибольшего напряжения силы. Но, странный факт! Наш непроизвольный язык никогда не говорит в этом же смысле о волевом движении, сопровождаемом усилием. Конечно, если мы будем рассуждать *a priori* и определим линию наименьшего сопротивления как линию, по которой последовало движение, то физически закон должен с таким же значением удержаться и в умственной сфере. Но мы *чувствуем* во всех случаях сильного волевого действия, что, когда преобладание получают более редкие и идеальные мотивы, линия, по которой направляется действие, есть линия не наименьшего, а наибольшего сопротивления, и наоборот, линия отвергнутой мотивации была как будто более проторенной и легкой даже в то самое мгновение, когда мы отказываемся следовать по ней. Тот, кто под ножом хирурга подавляет крики боли, или тот, кто выставляет себя на общественную клевету ради исполнения своего долга, чувствуют себя так, будто они следуют по линии наибольшего временного сопротивления. Они говорят о победе и преодолении своих побуждений и искушений.

Но пьяницы, лентяи и трусы никогда не говорят о своем поведении таким образом, т.е. лентяи не говорят, что должны были победить свою любовь к труду, пьяницы не говорят, что им пришлось побороть свою наклонность к трезвости, трусы не уверяют, что они победили свою храбрость, и т.д. Если вообще мы классифицируем пружины, вызывающие действие, на склонности, с одной стороны, и на идеалы с другой, то чувственник никогда не скажет, что его поведение есть результат победы над его идеалом. Зато моралист всегда говорит о своем поведении, как о победе над склонностями или влечениями. Чувственник употребляет термины не деятельности, говорит, что он забыл свой идеал, что он стал глухим к велениям долга и т.п. Эти термины, по-видимому, предполагают, что идеальные мотивы *per se* могут быть приведены к нулю без употребления на это энергии или усилия, и что самое сильное принуждение лежит только по линии склонностей. В сравнении со склонностями, идеальные мотивы проявляют еще столь слабый голос, что его нужно искусственно подкреплять, чтобы он получил преобладание. Его и подкрепляет усилие, делающее то, что кажется, будто бы в то время, как сила склонности была существенно неизменна количественно, в это время сила идеала может иметь различную величину. Но что же определяет сумму усилия, когда при его помощи идеальный мотив становится победителем над сильным сопротивлением чувственного рода? Сама величина

этого сопротивления. Если чувственная склонность мала, тогда и усилие мало; оно становится большим благодаря присутствию сильного антагониста, которого нужно превозмочь. И если нужно самое краткое определение идеального или морального действия, то самым лучшим, наиболее выражающим то, что нам в этом случае представляется было бы такое: *это есть действие по линии наибольшего сопротивления.*

Факты можно символизировать наиболее кратко так: пусть буква C обозначает склонность, U — идеальный импульс, Y — усилие:

U само по себе меньше C;

$U+Y$ больше C.

Другими словами, если Y прибавляется к U, то C непосредственно противостоит наименьшее сопротивление, и движение совершается вопреки ему.

Но Y, кажется, не составляет нераздельной части U. Оно появляется по случаю, и его нельзя определить наперед. Мы можем сделать меньше или больше усилия по желанию, и если мы делаем усилие достаточное, мы можем обратить самое большое умственное сопротивление в самое наименьшее. Таково, по крайней мере, то впечатление, которое факты непроизвольно производят на нас. Но мы не будем теперь обсуждать верность этого впечатления, продолжим наше описание деталей. <...>

Волевое усилие есть усилие внимания

Таким образом, мы находим, что достигли самой сердцевины нашего исследования о явлениях воли, когда дошли до вопроса: посредством какого процесса, мысль о каком-нибудь данном действии становится стойко преобладающей в нашей душе? Когда какие-нибудь мысли преобладают без усилий, это мы достаточно изучили в различных главах об ощущении, ассоциациях и внимании, где были указаны законы их появления и удерживания перед сознанием. Мы не будем возвращаться вновь к этим исследованиям, так как узнали, что «интерес» и «ассоциации» — те слова (пусть это вполне или не вполне достаточно), на которых должно остановиться наше объяснение. Там же, где преобладание какой-нибудь мысли сопровождается проявлением усилия, мы имеем случай гораздо менее ясный. Уже в главе о внимании мы обещали окончательно рассмотреть позднее произвольное внимание, сопровождаемое усилием. Теперь мы довели наше изложение до того пункта, где увидели, что внимание, сопровождаемое усилием, есть все, что требуется в каком-либо случае «волевого» процесса. *Короче говоря, существенное положение воли, т.е. положение, когда она наиболее «произвольна», — мы имеем тогда, когда она обращает внимание на предмет, на который обратить внимание затруднительно, и удерживает его перед сознанием.* Это и есть сущность того, что мы раньше называли образным выражением «да

будет». А тот результат, что за достижением этого волевого акта (т.е. за остановкой внимания на известном объекте) должен следовать непосредственно двигательный результат, есть чисто физиологический случай.

Таким образом, существенным явлением воли является усилие внимания[3]. Каждый из моих читателей знает по собственному опыту, что это так, поскольку каждый бывал охвачен порывом какой-либо страсти. В чем состоит трудность для того человека, который действует под влиянием неразумной страсти, поступать так, будто его страсть была разумна? Конечно, эта трудность не физического рода. Физически также легко избежать драки, как и начать ее, присвоить себе чьи-нибудь деньги, как и истратить их на чью-нибудь чужую прихоть, уйти от дверей кокетки, как и войти в них. Трудность тут — душевные свойства. Она состоит в вызывании перед сознанием разумной идеи и в удержании ее. Когда нами овладевает какое-либо сильное эмоциональное состояние, то с ним вместе является и склонность вызывать только такие образы, которые благоприятны этому состоянию. Если случайно обнаруживаются какие-либо другие, то мы мгновенно подавляем или изгоняем их.

Если нам весело, то мы не можем удержаться на мысли о тех неудачах или о том риске, какими обставлен избранный нами путь; наоборот, если мы настроены мрачно, мы не можем думать о новых триумфах, прогулках, любовных похождениях и забавах; если мы переполнены мстительным чувством к кому-нибудь, то мы не чувствуем склонности оправдать своего врага, сравнивая его характер с нашим собственным. Нас ничто в мире не способно так сердить и раздражать, как хладнокровные реплики тех лиц, к которым мы обращаемся с горячими упреками и страстными речами. Если мы не можем ответить, мы начинаем сердиться, это происходит потому, что наши страсти имеют нечто вроде самосохранения, благодаря которому эти страсти как бы чувствуют, что, если в нашей мысли найдут себе место образы, противоречащие им, то эти образы станут работать постепенно до тех пор, пока не охладят самую живую искру всего нашего расположения и не разрушат в прах наши воздушные замки. Таков

[3] Это волевое усилие в чистом и простом виде следует отличать от мышечного усилия, с которым его обычно путают. Это последнее состоит из всех тех периферических ощущений, которые могут возникнуть при совершении мышечного движения. Эти ощущения, если движения массивны, а тело недостаточно «свежо» (т.е. полно энергии), могут быть весьма часто неприятными, особенно в тех случаях, когда сопровождаются приостановкой дыхания, приливами крови к голове, резким трением кожи пальцев, сильным напряжением в ногах, плечах и связках. И только ввиду этой неприятности, мысль должна делать волевое усилие, чтобы устойчиво представить их осуществление и затем вызвать его. Но то, что они будут осуществлены мышечным действием, является чисто случайной подробностью. Бывают примеры, когда решение («да будет») требует огромного волевого усилия, хотя мышечное действие совершенно незначительно, например, вставание с постели и умывание в холодное утро. Между тем, солдат, стоящий тихо в огне выстрелов сражения, должен испытывать тяжелое ощущение от бездеятельности своих мышц. Действие его воли, удерживающее от бегства, тождественно с тем, какое требуется для болезненного мышечного усилия. В обоих случаях трудно *удерживать себя на осуществлении идеи.*

неизбежный результат действия рассудочных идей на другие идеи, поскольку первые могут достигнуть того, что их покойно выслушают, и, соответственно этому, голос страсти везде и всегда старается совершенно заглушить слабый голос благоразумия, чтобы предупредить возможность его влияния на нас, если он будет услышан. «Дайте мне не думать об этом! Не говорите со мной вовсе!». Вот внезапный крик всех тех, кто в страстном состоянии встречает на своем пути благоразумные соображения, способные удержать их движение. В разуме есть нечто до такой степени ледяное, как в холодной душе — нечто, кажущееся столь враждебным данному движению нашей жизни, столь отрицательное, когда этот разум прикасается к нашему сердцу своим перстом, холодным, как у трупа, и говорить: «Стой! Оставь! Вернись! Сиди спокойно», — что нет ничего удивительного в пугливом отношении большинства людей к влиянию, которое, в данный момент, кажется нам голосом самой смерти.

Однако человеком с сильной волей можно назвать только того, кто неуклонно прислушивается к малейшему голосу благоразумия и кто смотрит без страха в лицо этому дышащему смертью советнику, когда он приходит, кто дает свое согласие на присутствие этого советника, сам призывает его, соглашается с ним и удерживает его вопреки целой толпе возбуждающих умственных образов, которые поднимают бунт против этого голоса и желали бы вычеркнуть его из ума. Удерживаемый таким образом при посредстве разумного внимания, этот трудно сохраняемый образ начинает затем сам призывать себе на помощь своих союзников, кончая тем, что изменяет совершенно расположение сознания у человека. А с изменением в сознании, изменяется и действие человека, так как новый предмет, заняв стойкое положение среди его мыслей, производит неизбежно свои особые, собственные двигательные результаты. Трудность состоит тут именно в том, чтобы достигнуть обладания полем сознания. Хотя непроизвольное течение мысли приводит на совсем иной путь, но следует держать внимание в таком напряжении, чтобы данный объект, по крайней мере до тех пор, пока он достаточно разовьется, удерживался в мысли по данному вопросу. Эта напряженность сознания — фундаментальный акт воли. И практически работа воли в большинстве случаев заканчивается тогда, когда обеспечено хотя бы простое присутствие в нашей мысли объекта, который встречается неблагоприятно при непроизвольном ходе мысли, затем уже выступает сама собой и начинает действовать таинственная связь между мыслью и двигательными центрами, после чего следует обычно повиновение органов нашего тела нашей мысли, но каким путем совершается это последнее, мы не можем даже вообразить.

Из всего вышеизложенного должно быть ясно каждому, что непосредственный пункт приложения волевых усилий лежит исключительно в умственной (психической) области. Вся драма есть душевная драма. Вся трудность есть душевная трудность, трудность с идеальным объектом нашего мышления. Одним словом, это — идея, к которой применяется (или прилагается) наша воля, идея, которая, если мы упустили ее, снова погрузилась бы в сон, но которую мы

не хотим упустить. *Согласие на безраздельное присутствие идеи — единственная заслуга усилия.* Единственная функция усилия состоит в том, чтобы вызвать такое согласие в душе. А для этого существует один только путь. Чтобы человек согласился на известную идею, она должна быть удержана от угасания и ухода. Она должна удерживаться перед умом, пока не наполнить его. Это наполнение ума идеей, с сопровождающими ее союзниками (ассоциированными с нею идеями и образами) и есть согласие на идею и на факт, который она собой представляет. Если эта идея есть идея о нашем собственном телесном движении (или включает его в себя), в таком случае согласие на нее, которого мы достигаем с таким трудом, называется двигательной волей. Поскольку природа мгновенно следует за нами, идет, так сказать, по пятам внутреннего решения нашей воли, сопровождая его внешними переменами (движениями) в том, что составляет в нас ее собственную часть. Если бы природа была еще великодушнее, она подчинила бы нашей воле непосредственно и все другие свои части или области!

Описывая выше рассуждающий тип решений, мы уже говорили, что такое решение приходит обычно тогда, когда найдет правильное понятие о данном случае. Однако там, где правильное понятие является антиимпульсивным (т.е. противным двигательному побуждению), вся наша умственная изобретательность обычно направляется на то, что бы скрыть это правильное понятие от нашего взгляда и отыскать для данного случая такие примеры, с помощью которых наше расположение в данный момент могло бы быть санкционировано и наша страсть или порок могли бы царствовать без помехи. Сколько оправданий себе изобретает пьяница при каждом новом влечении к вину! То он уверяет себя, что необходимо попробовать вот это вино, потому что оно новинка и с ним де связаны интересы умственного прогресса, тем более, что оно уже налито, и было бы грешно выплеснуть его, к тому же другие стали уже пить, и было бы кокетством — отказаться от налитой рюмки. Или пьяница уверяет себя, что вино нужно ему только как средство хорошенько уснуть или получить благодаря вину большую способность к работе, или он утверждает, что не стал бы пить, если бы ему не было так холодно, или он пьет по случаю Рождества Христова, или же вино является для него только средством, чтобы возбудить его решимость навсегда отказаться от него; или он уверен, что пьет в самый последний раз вот эту одну, только эту одну рюмку, и т.д. *ad libitum*. Он готов признать все, что вам угодно, исключая одного, что он поступает так потому, что он пьяница. Вот единственная мысль, которая не хочет удержаться перед вниманием этой бедной души! Но если хотя однажды он сделается способным направить свою мысль на этот путь понимания своих поступков, из всех других возможных путей их понимания, если он, преодолев все другие приятные и неприятные объяснения, удержится на том, что он — пьяница и только, или будет пьяницей непременно, то весьма возможно, что это понимание удержит его надолго. Усилие, благодаря которому он осознал правильное название своего

поведения и, не колеблясь, удерживает его перед своей мыслью, показывает, что оно способно быть моральным актом, несущим ему спасение.

Таким образом, функция усилия везде одна и та же: удержать, соглашаясь и принимая, известную мысль, которая без этого ушла бы и пропала.

Усилие может быть холодно и бледно, если непроизвольное душевное течение клонится к возбужденности, или, наоборот, оно может быть горячо и сильно, когда непроизвольное течение склонно к покою. В одном случае усилие должно сдержать взрыв, в другом — возбудить отсутствующую волю. У истощенного пловца, спасающегося на обломке судна, воля теряется. Одна из мыслей, наполняющих его, есть мысль о его уставших руках, о невообразимом истощении, которое последует, если он будет продолжать долее выкачивать воду, затем, мысль о прелести погружения в сон. Другая его мысль — о море, готовом поглотить его. «Лучше еще поработать!» — думает он, и эта мысль воплощается, вопреки подавляющему влиянию сравнительно более ярких ощущений, представляющих ему прелесть отдохновения. Иногда, наоборот, мысль о сне и о том, что ведет к нему, одерживает верх и прочно остается перед его умом.

Если человек, страдающий бессонницей, может еще управлять течением своих идей настолько, чтобы не думать вовсе ни о чем (что возможно), или настолько, чтобы воспроизводить в воображении медленно и монотонно одну за другой буквы какого-нибудь стиха из Библии или поэтического произведения, то почти наверное за этим последует специфический телесный результат и явится сон. Трудность состоит здесь в том, чтобы удержать мысль на цепи объектов, естественно разрозненных. *Короче говоря, удержание какого-либо представления, мышления о нем,* — вот единственный моральный акт — и в случаях импульсивности, и в случаях ослабления импульсов, и в здоровом состоянии, и в лунатизме. Большая часть маньяков отлично знают, что их мысли нелепы, но находят их до такой степени подавляющими, что преодолеть их кажется им невозможным. В сравнении с ними здравая истина кажется такой мрачной и мертвенной, что маньяк не может смотреть на нее прямо, и говорит: «Дайте мне считать мои мысли единственной действительностью». Однако при достаточном усилии, — как говорит доктор Воган, — такой человек может на время как бы взвинтить себя и решить, что идеи его расстроенного ума не будут проявляться. <...>

Суммируя все сказанное выше в нескольких словах, мы определяем, что *конечный момент психологического процесса воли, т.е. тот пункт, к которому воля прилагается непосредственно, есть всегда идея.* Во всяком случае, есть несколько идей, от которых мы бросаемся прочь, подобно испуганной лошади, в тот момент, когда их слабый профиль мелькнет на пороге нашего мышления. *Единственное сопротивление, какое может испытать наша воля, есть сопротивление, которое такая идея представляет нам, когда мы стремимся вполне сосредоточить на ней наше внимание.* Остановить на ней внимание — это акт воли, и это единственный внутренний произвольный акт, какой мы когда бы то ни было совершаем.

Вопрос о свободе воли

Как уже было замечено выше, при направлении нами внутреннего усилия, мы чувствуем его так, как будто бы могли сделать больше или меньше того, что обычно делаем.

Одним словом, усилие является нам не в виде неизменной (*fixed*) реакции с нашей стороны, непременно вызываемой сопротивляющимся предметом, но в виде того, что математики называют «независимой переменной» среди постоянных (*fixed*) данных, а в. этом случае — среди наших мотивов, характера и т.п. Если бы действительно было так, если бы наше усилие не было определенной функцией этих других данных, в таком случае, говоря общепринятым языком, наша *воля была бы свободна.* Если же, наоборот, сумма усилий была бы постоянной функцией, так что, какой бы предмет в какое-либо время ни наполнил наше сознание, он всегда был бы обязан наполнять его тогда-то и там-то и вызывать в нас точно определенное усилие, не большее и не меньшее, чем то, какое мы выставляем для него, в таком случае, наша воля была бы не свободна, а все наши действия были бы заранее определены. *Таким образом, вопрос о факте, в споре о свободной воле, чрезвычайно прост. Он относится только к сумме усилий внимания, которую мы можем выдвинуть в данное время.* Продолжительность и интенсивность этого усилия — постоянная ли функция предмета или нет? Как я уже сказал, нам кажется, что в каждом случае мы можем сделать большее или меньшее усилие. Если какой-нибудь человек допустил свою мысль в течение целых дней и недель работать без контроля до тех пор, пока она, в конце концов, дошла до кульминационного пункта в каком-нибудь подлом, грязном или жестоком поступке, то впоследствии, во время его раскаяния, весьма трудно доказать ему, что он не мог не совершить его при данном ходе мыслей; трудно заставить его верить, что вся прекрасная Вселенная (против которой он восстал своим поступком) требовала от него этого поступка, определила его в данный роковой момент, и что в принципе было невозможно ничто другое. Но с другой стороны, тут есть уверенность, что все его волевые действия, если они совершаются без усилия, являются равнодействующими интересов и ассоциаций, сила и результаты которых предопределимы механически строением той физической массы, которая называется его мозгом, а общая непрерывность вещей и монистическая концепция мира могут вести непреодолимо к постулату, что крохотный факт, подобный усилию, не может образовать реального исключения из повсеместно господствующего царства детерминистического закона. Даже в волевых действиях, не связанных с усилием, мы находим также возможным сознание альтернативы или выбора. Конечно, здесь это ошибка, но почему тот же взгляд не есть ошибка повсюду?

Следует признать факт, что вопрос о свободной воле неразрешим на узко психологической основе. После того, как какой-либо идее была дана определенная сумма усилий внимания, очевидно, невозможно говорить о том, могло ли быть

дано это усилие в большей или меньшей степени, чтобы сказать это, мы должны спуститься к предшествующим моментам (антецедентам) усилия и, определив их с математической точностью, доказать посредством закона, о котором теперь мы не имеем даже и намека, что сумма тех усилий, которые действительно были сделаны, была точной суммой тех усилий, которые были возможны при воздействии данных предшествующих моментов (антецедентов). Но, конечно, такое измерение психических и нервных количеств и такое дедуктивное рассуждение, каких требует этот метод доказательств, будут навсегда недостижимы для человека. Никакой серьезный психолог или физиолог не вздумает даже задаваться вопросом о том, как бы это могло быть практически. Не имея никаких других оснований для решения этого вопроса, можно было бы без затруднений оставить его без дальнейшего рассмотрения. Но от психолога нельзя ожидать такой внепартийности, потому в его распоряжении имеется очень много оснований в пользу детерминизма. Он обязан строить науку, а наука есть система «постоянных» отношений. Там, где мы находим независимые переменные, наука останавливается. Таким образом, настолько, насколько наши желания могут быть независимыми переменными, научная психология должна не игнорировать этот факт и исследовать соответствующие явления лишь настолько, насколько они представляются постоянными функциями. Иначе говоря, научная психология должна иметь дело исключительно с общими законами желания побудительным или задерживающим свойством идей, с природой того свойства, которое позволяет им возбуждать наше внимание, с условиями, при которых может возникать усилие, и т.д. Но она не может иметь дело с точными суммами усилий, так как эти суммы, если бы наша воля была свободна, было бы невозможно вычислить. Таким образом, научная психология, не отрицая свободной воли, ведет свое дело, не принимая ее в расчет. Однако практически такое устранение (абстракция) неотличимо от отрицания, и многие из современных психологов, не колеблясь, отвергают существование свободной воли.

По-нашему, вопрос о свободной воле должен быть предоставлен метафизикам. Конечно, психология никогда не дойдет до такой утонченности, чтобы открыть в каждом случае индивидуального решения несоответствие между ее научными вычислениями и свершившимся фактом. Ее предвидение никогда не будет в состоянии предсказать заранее тот путь, каким разрешится каждая индивидуальная случайность, как в том случае, когда усилие для его выполнения вполне предопределено предшествующими моментами, так и в том случае, когда такого предопределения нет. Психология останется психологией, а наука — наукой, будет ли в ней признаваться свобода воли или нет.

Таким образом, мы можем игнорировать свободу воли. Как мы уже сказали ранее, все действие свободного усилия, если таковое существует, могло бы состоять только в том, чтобы удержать какой-нибудь идеальный объект или часть объекта немного дольше или немного сильнее перед нашей мыслью. Благодаря этому из двух возможных исходов, представляющихся в виде альтернативы

нашему уму, один приобретал бы большую силу. И хотя такое усиление одной идеи может морально и исторически иметь огромное значение, однако, если его рассматривать *динамически,* оно было бы процессом, который современная наука должна навсегда нивелировать, как и многие другие физиологические бесконечно малые величины.

Этическое значение явлений усилия

Хотя мы устранили вопрос относительно суммы нашего усилия, так как психология никогда не будет в состоянии решить его практически, однако, я должен сказать несколько слов о чрезвычайно важном характере, какой принимает в наших собственных глазах, как индивидуальных людей, это явление усилия. Конечно, мы оцениваем или измеряем себя самих различными мерками. Наша физическая сила и наш ум, наше богатство и даже наши удачи — все это такие вещи, которые как бы согревают наше сердце и заставляют нас чувствовать себя более приспособленными к жизненной борьбе. Но ощущение той суммы усилий, какое мы можем произвести, глубже всех подобных вещей; оно способно удовлетворить само себя без них. Все остальные вещи, перечисленные выше, являются, в конце концов, лишь результатами и отражениями внешнего мира внутри нас. Но усилие кажется нам принадлежащим совершенно другому миру, как бы существенной частью нас самих, тогда как все другое кажется нам чем-то внешним, что мы только несем на себе или в себе. Если бы эта внутренняя борьба человека имела своим назначением открытие нам самой нашей сущности, открытие того, что ведет нас в жизни, то оказалось бы, что это — именно усилие, которое, как нам кажется, мы можем делать. Тот, кто не может сделать его, — только тень, тот, кто может сделать его много — герой. Обширный мир, окружающий нас со всех сторон, задает нам всевозможные вопросы и испытывает нас всеми возможными способами. Некоторые из этих испытаний мы преодолеваем с помощью нетрудных действий, на некоторые вопросы мы отвечаем отчетливо формулированными словами. Но на самый глубочайший из всех вопросов, которые когда-либо предлагаются нам миром, не допускается иного ответа, кроме немого сопротивления воли и сжимания фибр нашего сердца, когда мы как бы говорим: «Пусть так, а я все же буду делать вот так». Когда перед нами предстает жизненное положение, внушающее ужас, когда жизнь, как целое, обращается к нам своей темной бездной, тогда наиболее ничтожные среди нас утрачивают совершенно свою власть над положением и либо убегают от его затруднений, отклоняя куда-нибудь в сторону свое внимание, или же, если они не могут этого сделать, они погружаются в уступчивую трясину жалоб и страха. Усилие, требуемое для того, чтобы взглянуть прямо в глаза ужасному положению или объекту и признать его, как факт, для них невозможно: это превышает их силы. Только героическая душа поступает иначе, для нее такие положения или предметы мо-

гут являться ужасными, неблагоприятными, несовместимыми с тем, чего она желает от мира, но она, если это необходимо, может прямо смотреть на них, не теряя своего самообладания и силы относительно всех других явлений жизни и мира. Таким образом, в героической душе мир находит достойного соперника и товарища. Это усилие, которое героическая душа способна выполнить, чтобы не склониться перед ужасным положением и сохранить непоколебимым свое сердце, — прямое мерило его достоинства и его функции в игре человеческой жизни. Он может выдержать этот мир. Он может встретить его и удержать свою веру в него, несмотря на то, что находится под давлением тех самых свойств этого мира, которые заставляют падать его более слабых братьев. Он еще может найти в этом мире вкус, не путем того трусливого, как у страусов, прятанья своей головы, чтобы не видеть приближающейся опасности, т.е. не стараясь забыть тяжелого положения, а наоборот, посредством противопоставления этому ужасному положению своей чисто внутренней воли и вызываемой ею борьбы. И этим он делает себя господином и властелином жизни. С этого времени с ним нужно считаться, он образует часть человеческой судьбы. Но, подобно тому, как наша храбрость часто есть лишь отражение чужой храбрости, так наша вера способна быть лишь уверенностью в вере кого-либо другого. Из героического примера мы извлекаем новую жизнь. Пророк пьет более глубокую чашу горечи жизни, чем кто бы то ни был другой, но его поведение так непреклонно, а его речь так могущественно возбуждает бодрость, что его воля становится нашей волей, а наша жизнь зажигается его жизнью.

Таким образом, не только наша нравственность, но и наша религия, насколько эта последняя связана с нашей волей, зависят от усилия, какое мы можем сделать. «Желаете ли вы или нет, чтобы было так?» — вот самый сложный вопрос, который ним всегда предлагают, у нас спрашивают об этом ежечасно, и относительно предметов, как самых обширных, так и самых мизерных, как в области теоретической, так и в практической. Мы отвечаем *согласием* или *несогласием* и не словами. Что же удивительного в том, что эти немые ответы кажутся нам глубочайшими органами, соединяющими нас с природой вещей! Что удивительного в том, что требуемое ими усилие становится для нас мерилом достоинства или ценности людей! Что удивительного в том, если та сумма, какую мы приписываем этому усилию, есть единственный и оригинальный взнос, который мы делаем в мир от себя.

С.Л. Рубинштейн

Воля*

Природа воли

Всякое волевое действие является целенаправленным действием. Волевое действие сформировалось у человека в процессе труда, направленного на производство определенного продукта. Направляясь на определенную цель, действие в своем ходе регулируется соответствием с этой целью. Цель, преследуемая действующим субъектом, должна осуществиться как результат его действий. Специфически человеческие действия являются волевыми в этом широком смысле слова — все они сознательные, целенаправленные действия, все они включают целеустремленность и регулирование хода действия в соответствии с целью.

Однако осознание единичной цели своего желания, порожденной побуждением, которое в данную минуту владеет человеком, представляет еще очень невысокую ступень сознательности. Сознательный человек, приступая к действию, отдает себе отчет о последствиях, которые повлечет за собой осуществление стоящей перед ним цели, а также о мотивах, которые его к этому действию побуждают. В результате может обнаружиться расхождение между желанной целью и нежелательными последствиями или трудностями, с которыми в силу объективных внешних условий связана ее реализация. Действие, совершающееся в условиях такого конфликта внутренне противоречивых тенденций, — это *волевое действие* в более *специфическом* смысле слова. В силу противоречивости действительности, а также сложной иерархии различных и часто противоречивых побуждений человека этот, в принципе, частный случай довольно распространен. Он придает волевому действию особую направленность.

Там, где этот конфликт противоречивых тенденций оказывается сверхтрудным, непосильным человеку, волевое действие переходит в аффективное или импульсивное действие — разрядку.

* *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: В 2 т. М.: Педагогика, 1989. С. 182, 184—187, 190—196, 199—200, 204—206, 209—211.

Различая волевые процессы, мы не противопоставляем их интеллектуальным и эмоциональным; мы не устанавливаем никакой взаимоисключающей противоположности между интеллектом, чувством и волей. Один и тот же процесс может быть (и обыкновенно бывает) и интеллектуальным, и эмоциональным, и волевым. Изучая волевые процессы, мы изучаем волевые компоненты психических процессов. Вместе с тем волевой процесс еще более непосредственно и органически, чем процессы эмоциональный и интеллектуальный, включен в действие и неразрывно связан с ним. Так что изучение волевого акта непосредственно переходит в изучение действия, или, вернее, *изучение волевого акта это и есть изучение действия* в отношении способа его регуляции. <...>

Будучи в своих первоначальных истоках связано с потребностями, волевое действие человека никогда, однако, не вытекает непосредственно из них. Волевое действие всегда опосредовано более или менее сложной работой сознания — осознанием побуждений к действию как мотивов и его результата как цели. Волевое действие, исходя из побуждений, направляется на осознанную цель.

Для правильного понимания волевого действия очень важно уяснить себе истинное отношение между побуждениями и целью волевого действия. <...> Осознанная цель, несомненно, играет существенную роль в волевом действии; она должна определять весь ход его. Но цель, которая детерминирует волевой процесс, сама причинно детерминируется побуждениями, мотивами, которые являются отражением в психике потребностей, интересов и т.д. Постановка цели всегда связана с возникновением соответствующих побуждений, в силу которых тот или иной предмет или возможный результат действия становится его целью. Но, с другой стороны, в волевом действии сами побуждения не действуют непосредственно в виде совершенно слепого импульса, а опосредованно через осознанную цель.

Для того чтобы действие было осуществлением цели, необходимым условием становится такое его сознательное регулирование, при котором весь ход действия определяется целью и приводит к ее осуществлению. Таким образом, волевая деятельность исходит из побуждений, источником которых являются потребности и интересы человека; направляется на осознанные цели, которые возникают в связи с исходными побуждениями; совершается на основе все более сознательного регулирования. <...>

Выработавшееся у человека в процессе общественной практики подчинение непроизвольной импульсивности сознательному регулированию предполагает новое специфическое отношение человека как субъекта к миру. Человек должен выделить себя из природы, противопоставить себя предметному миру. Он должен обрести свободу по отношению к непосредственно данному, с тем чтобы иметь возможность его изменять. Свобода волевого акта, выражающаяся в его независимости от импульсов непосредственной ситуации, не означает, что поведение человека не детерминировано его непосредственным окружением, что оно вообще не детерминировано. Волевые действия не менее детерминированы

и закономерны, чем непроизвольные — импульсивные, инстинктивные, рефлекторные — движения, но только закономерность и детерминированность их иная. Из непосредственной она становится опосредованной. Волевое действие опосредуется через сознание личности. <...>

Возникновение воли у человека необъяснимо только изнутри идущей перестройкой внутренних процессов в духе традиционной функциональной психологии. Оно предполагает изменение во взаимоотношениях индивида с окружающим внешним миром, обусловливающее и внутреннюю перестройку. Отправной пункт становления воли заключен во влечениях (а также в их аффективных компонентах, в элементарных чувствах-переживаниях чего-то как желанного, притягательного или отталкивающего). Но пока действия индивида находятся во власти влечений, определяясь непосредственно органическими, природными особенностями индивида, до тех пор у него нет воли в специфическом смысле этого слова. Воля в собственном смысле возникает тогда, когда человек оказывается способным к рефлексии своих влечений, может так или иначе *отнестись* к ним. Для этого индивид должен уметь подняться над своими влечениями и, отвлекаясь от них, осознать самого себя, как *Я*, как субъекта, у которого могут иметься те или иные влечения, но который сам не исчерпывается ни одним из них, ни их суммой, а, возвышаясь над ними, в состоянии произвести выбор между ними. В результате его действия определяются уже не непосредственно влечениями как природными силами, а им самим. Возникновение воли, таким образом, неразрывно связано — как сторона или компонент — со становлением индивида как *самоопределяющегося* субъекта, который сам свободно — *произвольно* — определяет свое поведение и отвечает за него. Таким субъектом, способным к самосознанию и самоопределению, человек становится через осознание своих отношений с другими людьми. <...>

Волевой процесс

Волевое действие может реализоваться в более простых и более сложных формах.

В простом волевом акте побуждение к действию, направленному на более или менее ясно осознанную цель, почти непосредственно переходит в действие, не предваряемое сколько-нибудь сложным и длительным сознательным процессом; самая цель не выходит за пределы непосредственной ситуации, ее осуществление достигается посредством привычных действий, которые производятся почти автоматически, как только импульс дан.

Для сложного волевого акта в его наиболее выраженной специфической форме существенно прежде всего то, что между импульсом и действием вклинивается опосредующий действие сложный сознательный процесс. Действию предшествует учет его последствий и осознание его мотивов, принятие решения,

возникновение намерения его осуществить, составление плана для его осуществления. Таким образом, волевой акт превращается в сложный процесс, включающий целую цепь различных моментов и последовательность различных стадий или фаз, между тем как в простом волевом акте все эти моменты и фазы вовсе не обязательно должны быть представлены в сколько-нибудь развернутом виде.

В сложном волевом действии можно выделить 4 основные стадии, или фазы: 1) возникновение побуждения и предварительная постановка цели; 2) стадия обсуждения и борьба мотивов; 3) решение; 4) исполнение. <...> В реальном протекании волевого действия различные фазы могут в зависимости от конкретных условий приобретать больший или меньший удельный вес, иногда сосредоточивая на себе в основном весь волевой акт, иногда вовсе выпадая. <...>

Основным содержанием первой фазы в развитии волевого действия являются возникновение побуждения и осознание цели. Они взаимосвязаны и взаимообусловлены. <...> Волевой акт начинается с возникновения побуждения, выражающегося в стремлении. По мере того как осознается цель, на которую оно направляется, стремление переходит в желание; возникновение желания предполагает известный опыт, посредством которого человек узнает, какой предмет способен удовлетворить его потребность. У того, кто этого не знает, не может быть желания. Желание — это опредмеченное стремление. Зарождение желания означает поэтому всегда возникновение или постановку цели. Желание — это целенаправленное стремление.

Но наличие желания, направленного на тот или иной предмет как цель, еще не является законченным волевым актом. Если желание предполагает знание цели, то оно еще не включает мысли о средствах и хотя бы мысленного овладения ими. Оно поэтому не столько практично, сколько созерцательно и аффективно. Желать можно и того, в достижимости чего не уверен, хотя твердое знание абсолютной недостижимости предмета желания, несомненно, парализует, если не убивает, желание.

Желание часто открывает широкий простор воображению. Подчиняясь желанию, воображение разукрашивает желанный предмет и этим в свою очередь питает желание, явившееся источником его деятельности. Но эта деятельность воображения, в которой взаимодействуют чувство и представление, может заместить действительную реализацию желания. Желание обволакивается мечтами, вместо того чтобы претворяться в действие. Оно приближается к пожеланию. Желать — еще не значит хотеть.

Желание переходит в подлинно волевой акт, который в психологии принято обозначать неуклюжим термином «хотение», когда к знанию цели присоединяется установка на ее реализацию, уверенность в ее достижимости и направленность на овладение соответствующими средствами. Хотение — это устремленность не на предмет желания сам по себе, а на овладение им, на достижение цели. Хотение имеется там, где желанна не только сама по себе цель, но и действие, которое к ней приводит.

Как бы ни отличались влечение, желание и хотение друг от друга, каждое из них выражает стремление — то внутренне противоречивое состояние недостатка, нужды, страдания, беспокойства и вместе с тем напряжения, которое образует исходное побуждение к действию. В ряде случаев побуждение к действию, направленному на определенную, более или менее ясно осознанную цель, непосредственно влечет за собой действие. Стоит только представить себе цель, чтобы чувствовать и знать: да, я этого хочу! Стоит только это почувствовать, чтобы уже перейти к действию.

Но иногда за побуждением к действию и постановкой цели не сразу следует действие; случается, что прежде чем наступило действие, появляется сомнение либо в данной цели, либо в средствах, которые ведут к ее достижению; иногда почти одновременно появляется несколько конкурирующих целей, возникает мысль о возможных нежелательных последствиях того поведения, которое ведет к достижению желанной цели, и в результате образуется задержка. Положение осложняется. Между побуждением и действием вклинивается размышление и борьба мотивов.

Основным содержанием второй фазы в развитии волевого действия является обсуждение и борьба мотивов.

Иногда говорят, что в отличие от импульсивного, аффективного действия, которое обусловлено ситуацией больше, чем постоянными, существенными свойствами или установками личности, волевое действие, как избирательный акт, т.е. результат произведенного личностью выбора, обусловлено личностью в целом. Это в известном смысле правильно. Но не менее правильно и то, что в волевом акте часто заключена борьба, противоречие, раздвоение. У человека есть много различных потребностей и интересов, и некоторые из них оказываются несовместимыми. Человек вовлекается в конфликт. Разгорается внутренняя борьба мотивов.

Но и тогда, когда противоречие не выступает непосредственно в мучительном чувстве раздвоения, сознательное, мыслящее существо, перед которым возникает желание совершить некоторое действие, обычно склонно подвергнуть его предварительному анализу.

Прежде всего, естественно возникает потребность в том, чтобы учесть последствия, которые может повлечь осуществление желания. Здесь в волевой процесс включается процесс интеллектуальный. Он превращает волевой акт в действие, опосредованное мыслью. Учет последствий предполагаемого действия сплошь и рядом обнаруживает, что желание, порожденное одной потребностью или определенным интересом, в данной конкретной ситуации оказывается осуществимым лишь за счет другого желания; желательное само по себе действие может при определенных условиях привести к нежелательным последствиям.

Задержка действия для обсуждения так же существенна для волевого акта, как и импульсы к нему. Задержке должны подвергнуться в волевом акте другие, конкурирующие, импульсы. Временной задержке должен подвергнуться и при-

водящий к действию импульс, для того чтобы действие было волевым актом, а не импульсивной разрядкой. Волевой акт — это не абстрактная активность, а активность, которая заключает в себе и самоограничение. Сила воли заключается не только в умении осуществлять свои желания, но и в умении подавлять некоторые из них, подчиняя одни из них другим и любое из них — задачам и целям, которым личные желания должны быть подчинены. Воля на высших своих ступенях — это не простая совокупность желаний, а известная организация их. Она предполагает, далее, способность регулировать свое поведение на основании общих принципов, убеждений, идей. Воля требует поэтому самоконтроля, умения управлять собой и господствовать над своими желаниями, а не только служения им.

Прежде чем действовать, необходимо произвести выбор, надо принять решение. Выбор требует оценки. Если возникновение побуждения в виде желания предварительно выдвигает некоторую цель, то окончательное установление цели — иногда совсем не совпадающей с первоначальной — совершается в результате решения.

Принимая решение, человек чувствует, что дальнейший ход событий зависит от него. Осознание последствий своего поступка и зависимости того, что произойдет, от собственного решения порождает специфическое для сознательного волевого акта чувство ответственности.

Принятие решения может протекать по-разному.

1. Иногда оно вовсе не выделяется в сознании как особая фаза: волевой акт совершается без особого решения. Так бывает в тех случаях, когда возникшее у человека побуждение не встречает никакого внутреннего противодействия, а осуществление цели, соответствующей этому побуждению, — никаких внешних препятствий. При таких условиях достаточно представить себе цель и осознать ее желанность, чтобы последовало действие. Весь волевой процесс — от первоначального побуждения и возникновения цели до ее осуществления — так стянут в одно нерасчлененное единство, что решение не выступает в нем как особый акт; принятие решения заключено в свернутом виде в признании цели. В тех волевых актах, в которых за возникновением побуждения к действию следует сколько-нибудь сложная борьба мотивов или обсуждение и действие отсрочивается, решение выделяется как особый момент.

2. Иногда решение как бы само наступает, будучи полным *разрешением* того конфликта, который вызвал борьбу мотивов. Произошла какая-то внутренняя работа, что-то сдвинулось, многое переместилось — и все представляется уже в новом свете: я пришел к решению не потому, что я считаю нужным принять именно это решение, а потому, что никакое другое уже невозможно. В свете новых мыслей, которые я, размышляя над решением, осознал, под воздействием новых чувств, которые на меня за это время нахлынули, то, что недавно еще казалось таким важным, вдруг представилось ничтожным, и то, что не так давно казалось желанным и дорогим, вдруг утратило свою привлекательность. Все разрешилось, и нужно уже не столько принимать решение, сколько констатировать его.

3. Наконец, бывает так, что до самого конца и при самом принятии решения каждый из мотивов сохраняет еще свою силу, ни одна возможность сама по себе не отпала, и решение в пользу одного мотива принимается не потому, что действенная сила остальных исчерпана, что другие побуждения утратили свою привлекательность, а потому, что осознана необходимость или целесообразность принести все это в жертву. В таком случае, когда конфликт, заключенный в борьбе мотивов, не получил *разрешения,* которое исчерпало бы его, особенно осознается и выделяется *решение,* как особый акт, который подчиняет одной принятой цели все остальное.

Само решение, а затем и следующее за ним исполнение в таком случае обычно сопровождаются ярко выраженным чувством усилия. В этом чувстве, связанном с внутренней борьбой, некоторые склонны видеть особый момент волевого акта. Однако вовсе не всякое решение и выбор цели должны сопровождаться чувством усилия. Наличие усилия свидетельствует не столько о силе волевого акта, сколько о том противодействии, которое эта сила встречает. Мы испытываем чувство усилия обычно лишь тогда, когда наше решение не дает подлинного разрешения борьбе мотивов, когда победа одного мотива означает лишь подчинение остальных. Когда остальные мотивы не исчерпаны, не изжиты, а только побеждены и, побежденные, лишенные доступа к действию, продолжают жить и привлекать, мы неизбежно испытываем чувство усилия, принимая наше решение.

Поскольку для живых людей, которым не чужды внутренние противоречия, такие конфликтные ситуации не только возможны, но иногда и неизбежны, очень важно, чтобы человек способен был на усилие. Это тем более важно, что такое усилие бывает по большей части необходимо в случаях волевых решений, которые должны обеспечить торжество более отвлеченных принципиальных мотивов над укоренившимися в нас влечениями.

Однако все же неправильно видеть в усилии, связанном с решением, основной признак волевого акта. Когда человек весь в своем решении и все его устремления в полном, нерасчлененном единстве слиты, он не испытывает усилий, принимая решение, и тем не менее в этом волевом акте может быть особая несокрушимая сила. <...>

Она не может не сказаться на исполнении решения. Здесь, однако, в борьбе с реальными трудностями способность к волевому усилию приобретает существенное значение как важнейший компонент или проявление воли.

Три отмеченных нами случая отличаются друг от друга тем, насколько решение выделяется в волевом процессе как особый акт. В первом из перечисленных нами случаев решение непосредственно слито с принятием цели; во втором оно не отделилось еще от борьбы мотивов, являясь лишь естественным ее концом, а в третьем — оно выделилось из этой последней и противостоит ей как особый акт, наделенный максимальной степенью активности и осознанности. Однако в известном смысле каждый волевой акт включает в себя решение, поскольку он предполагает принятие определенной цели и открывает соответствующему

желанию доступ к моторной сфере, к действию, направленному на ее осуществление. <...>

Принять решение — еще не значит выполнить его. За решением должно последовать исполнение. Без этого последнего звена волевой акт не завершен.

Восхождение к высшим ступеням волевой деятельности характеризуется прежде всего тем, что исполнение превращается в более или менее сложный, длительный процесс. Усложнение этого последнего завершающего этапа волевого акта является характерным для высших ступеней волевого действия, которое ставит себе все более сложные, отдаленные и высокие, все труднее достижимые цели.

В решении то, чего еще нет и что должно быть, противопоставляется тому, что есть. Исполнение решения требует изменения действительности. Желания человека не исполняются сами собой. Идеи и идеалы не обладают магической силой самореализации. Они становятся реальностью лишь тогда, когда за ними стоит действенная сила преданных им людей, умеющих преодолевать трудности. Их осуществление сталкивается с реальными препятствиями, которые требуют реального преодоления. Когда борьба мотивов закончена и решение принято, тогда лишь начинается подлинная борьба — борьба за исполнение решения, за осуществление желания, за изменение действительности, за подчинение ее человеческой воле, за реализацию в ней идей и идеалов человека, и в этой-то борьбе, направленной на изменение действительности, заключается основное.

При традиционной трактовке воли предметом психологического анализа является то, что происходит в субъекте до начала волевого действия как такового. Внимание исследователя сосредоточивалось на внутренних переживаниях — борьбе мотивов, решении и т.д., предшествующих действию, как будто там, где начинается действие, кончается сфера психологии; для этой последней как будто существует бездейственный, только переживающий человек. <...>

Само действие как исполнение протекает по-разному, в зависимости от сложности задачи и отношения к ней действующего человека. По мере того как в силу сложности задачи, отдаленности цели и т.д. исполнение решения в действии растягивается на более или менее длительное время, от решения отделяется *намерение.*

Всякое волевое действие является намеренным или преднамеренным действием в широком смысле этого слова, поскольку в волевом действии результат является целью субъекта и входит, таким образом, в его виды и намерения. Возможно, однако, волевое, т.е. целенаправленное и сознательно регулируемое, действие, в котором намерение в специфическом смысле слова не выделяется как особый момент: в этом смысле существуют ненамеренные волевые действия, т.е. действия, которые, будучи волевыми, не предваряются особым намерением. Так бывает, когда решение непосредственно переходит в исполнение благодаря тому, что соответствующее действие легко, привычно и т.д. Но в сколько-нибудь сложных ситуациях, когда осуществление цели требует более или менее длительных, сложных, непривычных действий, когда исполнение решения затруднено

или в силу каких-либо причин должно быть отсрочено, намерение отчетливо выступает как особый момент. Намерение является внутренней подготовкой отсроченного или затрудненного действия. Человек вооружается добрыми и более или менее твердыми намерениями, когда предвидит трудности в исполнении своего решения. Намерение представляет собой, по существу, не что иное, как зафиксированную решением направленность на осуществление цели. Поэтому хотя оно не обязательно должно выступать в каждом волевом действии как особый, сознательно выделенный в нем момент, оно все же существенно, особенно для высших форм волевого действия. <...>

В сложном волевом действии для исполнения решения иногда не достаточно намерения, хотя бы самого искреннего и лучшего. Прежде чем приступить к осуществлению отдаленной цели, требующей сложного ряда действий, необходимо наметить пути, к ней ведущие, и средства, пригодные для ее достижения, — составить себе *план* действий.

При этом путь к конечной цели расчленяется на ряд этапов. В результате помимо конечной цели появляется ряд подчиненных целей, и то, что является средством, само на известном этапе становится целью. Психологически не исключена возможность и того, чтобы такая подчиненная цель-средство на время стала для субъекта самоцелью. В сложной деятельности, состоящей из цепи действий, между целью и средством развертывается сложная диалектика — средство становится целью, а цель — средством. <...>

Волевое действие — это в итоге сознательное, целенаправленное действие, посредством которого человек планово осуществляет стоящую перед ним цель, подчиняя свои импульсы сознательному контролю и изменяя окружающую действительность в соответствии со своим замыслом. Волевое действие — это специфически человеческое действие, которым человек сознательно изменяет мир. <...>

Волевые процессы являются сложными процессами. Поскольку волевой акт исходит из побуждений, из потребностей, он носит более или менее ярко выраженный эмоциональный характер. Поскольку волевой акт предполагает сознательное регулирование, предвидение результатов своих действий, учет последствий своих поступков, подыскание надлежащих средств, обдумывание, взвешивание, — он включает более или менее сложные интеллектуальные процессы. В волевых процессах эмоциональные и интеллектуальные моменты представлены в специфическом синтезе; аффект в них выступает под контролем интеллекта. <...>

Волевые качества личности

В соответствии со сложностью волевой деятельности сложны и многообразны также и различные волевые качества личности. Среди важнейших из этих качеств можно, во-первых, выделить *инициативность*. Говорят часто, что «первый шаг

труден». Умение хорошо и легко взяться за дело по собственному почину, не дожидаясь стимуляции извне, является ценным свойством воли. Существенную роль в инициативности играет известная интенсивность и яркость побуждений; немаловажное значение имеют и интеллектуальные данные. Обилие и яркость новых идей и планов, богатство воображения, рисующего эмоционально привлекательные картины тех перспектив, которые новая инициатива может открыть, соединенные с интенсивностью побуждения и активностью стремлений, делают некоторых людей как бы бродилом в той среде, в которую они попадают. От них постоянно исходят новые начинания и новые импульсы для других людей.

Прямую противоположность им составляют *инертные* натуры. Раз взявшись за дело, инертные люди также способны иногда не без упорства продолжать его, но им всегда особенно труден первый шаг: меньше всего они в состоянии сами что-то затеять и без стимуляции извне, по собственной инициативе что-то предпринять.

Вслед за инициативностью, характеризующей человека по тому, как у него совершается самый начальный этап волевого действия, необходимо отметить *самостоятельность, независимость,* как существенную особенность воли. Ее прямой противоположностью является подверженность чужим влияниям, легкая *внушаемость*. Подлинная самостоятельность воли предполагает, как показывает анализ внушаемости, негативизма и упрямства, ее *сознательную мотивированность и обоснованность*. Неподверженность чужим влияниям и внушениям является не своеволием, а подлинным проявлением самостоятельной собственной воли, поскольку сам человек усматривает объективные основания для того, чтобы поступить так, а не иначе.

От самостоятельности и мотивации решения нужно отличать *решительность* — качество, проявляющееся в самом принятии решения. Решительность выражается в быстроте и, главное, уверенности, с которой принимается решение, и твердости, с которой оно сохраняется, в противоположность тем колебаниям наподобие качания маятника в одну и в другую сторону, которые обнаруживает нерешительный человек. Нерешительность может проявиться как в длительных колебаниях до принятия решения, так и в неустойчивости самого решения.

Сама решительность может быть различной природы, в зависимости от роли, которую в ней играют *импульсивность* и *обдуманность*. Соотношение импульсивности и обдуманности, порывистости и рассудительности, аффекта и интеллекта имеет фундаментальное значение для волевых качеств личности. Оно, в частности, определяет различную у разных людей внутреннюю природу их решительности. Решительность обусловлена не столько абсолютной, сколько относительной силой импульсов по сравнению с задерживающей силой сознательного контроля. Она связана с темпераментом.

Импульсивный тип определяется не абсолютной силой импульсов, а господством или преобладанием их над интеллектуальными моментами взвешивания и

обдумывания. *Рассудительный тип* необязательно отличается абсолютной слабостью импульсов, а преобладанием или господством над ними интеллектуального контроля. Решительность у некоторых людей сводится попросту к импульсивности, будучи обусловлена относительной силой импульсов при слабости интеллектуального контроля. Высший тип решительности покоится на наиболее благоприятном, оптимальном соотношении между большой импульсивностью и все же господствующей над ней силой сознательного контроля.

Но так же как решение не завершает волевого акта, решительность не является завершающим качеством воли. В исполнении проявляются весьма существенные волевые качества личности. Прежде всего, здесь играет роль *энергия,* т.е. та концентрированная сила, которая вносится в действие, учитывая которую говорят об энергичном человеке, и особенно *настойчивость* при приведении в исполнение принятого решения, в борьбе со всяческими препятствиями за достижение цели.

Некоторые люди вносят сразу большой напор в свои действия, но скоро «выдыхаются»; они способны лишь на короткий наскок и очень быстро сдают. Ценность такой энергии, которая умеет брать препятствия лишь с налета и спадает, как только встречает противодействие, требующее длительных усилий, невелика. Подлинно ценным качеством она становится, лишь соединяясь с настойчивостью. Настойчивость проявляется в неослабности энергии в течение длительного периода, невзирая на трудности и препятствия. Настойчивость наряду с решительностью является особенно существенным свойством воли. Когда, не дифференцируя различных сторон, говорят о сильной воле, то обычно имеют в виду именно эти два свойства — решительность и настойчивость, то, как человек принимает решение и как он его исполняет. И точно так же, когда говорят о слабости воли или безволии, то имеют в виду, прежде всего, неумение принять решение и неумение бороться за его исполнение. Поскольку это, в сущности, два различных свойства воли, можно различать два разных типа безволия: 1) нерешительность, т.е. неумение принять решение, и 2) отсутствие настойчивости, т.е. неумение бороться за исполнение принятого решения.

Такую нерешительность или ненастойчивость обычно проявляют люди, не способные гореть тем делом, которое они делают, или легко воспламеняющиеся, но быстро охлаждающиеся. Когда порыв, который человек вносит в борьбу за достижение поставленной цели, накален страстью и озарен чувством, он выливается в энтузиазм.

Поскольку в волевом действии для достижения цели приходится часто сталкиваться не только с внешними препятствиями, но и с внутренними затруднениями и противодействиями, возникающими при принятии и затем исполнении принятого решения, существенными волевыми качествами личности являются *самоконтроль, выдержка, самообладание.* В процессе решения они обеспечивают господство высших мотивов над низшими, общих принципов над мгновенными импульсами и минутными желаниями, в процессе испол-

нения — необходимое самоограничение, пренебрежение усталостью и прочее ради достижения цели. <...>

Умение в течение сколько-нибудь длительного времени подчинять свою деятельность определенной цели также требует продолжительного развития. <...> Настойчивость проявляется уже в младенчестве; вместе с тем она проходит длинный путь развития. Ее основа заложена в свойствах темперамента. Но формы, которые она принимает на более поздних ступенях развития, существенно отличаются от ее первых проявлений.

Каждое непосредственно действующее побуждение имеет в раннем детстве большую власть над ребенком. Поэтому внутренняя мотивация еще очень неустойчива: при каждой перемене ситуации ребенок может оказаться во власти других побуждений. *Неустойчивость мотивации* обусловливает известную *бессистемность действий*. Бессвязная смена различных стремлений и бессистемное перескакивание от одного действия к другому, не объединенному с предыдущим общностью задач и целей, — очень характерное явление, часто наблюдающееся у детей наряду с настойчивостью, проявляющейся в многократном повторении одного и того же эмоционально привлекательного акта. Высшие формы настойчивости представляют собой в известном отношении противоположность ее начальным проявлениям.

Умение принять задание, подчинить свое поведение будущему результату, иногда вопреки чувственным, непосредственно влекущим побуждениям, действующим в настоящую минуту, — это для ребенка трудное умение. Его нужно специально развивать. Без этого умения невозможно обучение в школе, где нужно готовить уроки, выполнять задания, подчиняться дисциплине. К этому нужно приучать ребенка уже в дошкольном возрасте.

Это, само собой разумеется, не значит, что нужно подчинять всю жизнь ребенка этого возраста строгой регламентации, превращая ее в одно сплошное выполнение разных обязанностей и заданий.

Вообще, встречаются две крайности, каждая из которых таит в себе серьезную опасность для развития воли. Первая заключается в том, что ребенка изнеживают и волю его расслабляют, избавляя его от необходимости делать какие-либо усилия; между тем готовность употребить усилие, чтобы чего-нибудь достигнуть, — совершенно необходимая в жизни, не дается сама собой, к ней нужно приучать; лишь сила привычки может облегчить трудность усилия: совершенно не привычное, оно окажется непосильным. Другая — тоже не малая — опасность заключается в перегрузке детей непосильными заданиями. Непосильные задания обычно не выполняются. В результате создается привычка бросать начатое дело незавершенным, а для развития воли нет ничего хуже. Для выработки сильной воли первое и основное правило — доводить раз начатое дело до конца, не создавать привычки бросать незавершенным то, за что взялся. Нет более верного средства дезорганизовать волю, как допустить один за другим ряд срывов, раз за разом не довести до конца начатое дело. Настойчивость — это ценнейшее каче-

ство сильной воли — заключается именно в том, чтобы неуклонно, невзирая на препятствия, доводить начатое дело до конца, добиваясь осуществления своей цели. Ее нужно воспитывать на практике, на деле.

К концу дошкольного возраста и в начале школьного ребенок обычно делает в волевом развитии крупный шаг вперед, который является существенным условием возможности школьного обучения. Ребенок научается принимать на себя *задание* и действовать из сознания необходимости его выполнить. <...> Дисциплинирующая упорядоченность учебной работы и всей школьной жизни, ее четкая организация являются существенным условием формирования воли учащихся.

В подростковом возрасте для волевого регулирования поведения возникают определенные трудности. Появление новых влечений в период полового созревания предъявляет новые повышенные требования к воле. Для того, чтобы подвергнуть сознательному контролю импульсы, идущие от вновь пробудившихся влечений, должна соответственно окрепнуть сознательная основа воли. Некоторое напряжение, требующее известной выдержки, может возникнуть и в связи с усложнением тех отношений с другими людьми, в которые вступает подросток. Он уже не ребенок и еще не взрослый. Сам он особенно чувствует первое, взрослые в своем отношении к нему иногда особенно подчеркивают второе. У подростка возникает тенденция высвободить свою волю из ограничений, которые накладывает на нее ближайшее окружение. Он стремится обрести свою собственную волю и начать жить согласно ей; управление должно перейти из рук окружающих в собственные руки подростка. Это стремление оказывается плодотворным для волевого развития личности постольку, поскольку деспотизму чужих принципов не противопоставляется лишь анархия собственных импульсов и влечений, поскольку процесс высвобождения воли соединяется с ее внутренним преобразованием, основывающимся на превращении внешних правил в принципы, выражающиеся в убеждениях. <...>

Развитие самосознания приводит к более полному пониманию собственных побуждений и создает предпосылки для углубленной мотивации. Складывающийся характер делает мотивы более устойчивыми и связными. Оформление мировоззрения приводит к постановке новых целей более высокого порядка и создает предпосылки для большей принципиальности решений. С формированием характера, мировоззрения и самосознания налицо основные предпосылки зрелой воли. Ее развитие неразрывно связано с развитием личности, формирующейся в процессе деятельности. <...>

Волевые качества личности принадлежат к числу самых существенных. Во всем великом и героическом, что делал человек, в величайших его достижениях его волевые качества всегда играли значительную роль.

В.А. Иванников

Лекция «Проблема воли в современной психологии»*

Сегодня мы начинаем обсуждать проблему воли. «Опять проблема, — подумали вы. — Неужели вся психология состоит из проблем?» К сожалению, проблем в психологии много, как и в любой молодой науке. Вспомните алхимию, создание вечного двигателя, френологию, неумирающую астрологию.

Наша с вами задача — понять, где задача исследовательская, а где проблема и как избавиться от нее.

Чтобы снять проблему (а это задача, не имеющая решения сегодня или вообще), надо понять, почему она возникла в истории науки.

Если я вас сейчас спрошу — есть ли у вас воля, то услышу много жалоб на то, что она у вас слабая. Никто не задает мне вопрос, про что я спрашиваю, потому что все понимают, про что я спросил. Вот и психологи не сомневаются в наличии воли у человека. Их волнует только один вопрос — какова природа воли, что это такое и откуда она появляется у человека.

Проблема воли в том и состоит, что никто не сомневается в ее наличии, но никто не знает, что это такое.

Отсюда столько противоречивых определений воли и отожествлений воли с другими процессами, что выглядит уж совсем нелепо, потому что признание воли самостоятельной психической реальностью, но при этом сведение воли к вниманию, эмоциям или мотивам явно нелогично.

Такое разнообразие мнений о природе воли говорит только об одном — понятие воли не обозначает какую-то реальность, а является теоретическим конструктом, введенным в науку для объяснения этой реальности. <...>

Давайте посмотрим, как и зачем появилось понятие воли. В европейской культуре это понятие предложил Аристотель, который пытался объяснить порождение особых действий человека. Это были действия, которые человек осо-

* *Иванников В.А.* Психологические механизмы волевой регуляции. СПб.: Питер, 2006. С. 185—200.

знанно должен был совершать, но они не вызывали у человека стремления их исполнять. По Аристотелю, действия возникали из стремлений души, но были действия, которые человек принимал к исполнению только по решению разума, и, чтобы они исполнялись, их надо было соединять со стремлениями, или, точнее, придавать таким действиям стремление к их осуществлению. Такой силой, способной соединять разумное решение человека и стремление, по его мнению, была особая способность души, которую он назвал волей. На сегодняшнем языке мы бы сказали, что понятие воли вводилось для объяснения порождения действия, сознательно принимаемого человеком к исполнению, но мотивационно необеспеченного.

Но такая способность души, названная волей, могла объяснять не только порождение волевых действий, но и торможение действий привлекательных, но осознанно непринимаемых к исполнению, т.е. действий, к исполнению которых было большое стремление, но которые были, например, социально нежелательны для человека.

Затем понятие воли стало использоваться для объяснения выбора человеком в ситуации равенства или равной привлекательности одного из двух и более желаний, двух и более мотивов (борьба мотивов), двух и более целей.

В XIX веке волей стали объяснять регуляцию исполнительных действий и различных психических процессов (в основном, внимания и эмоций).

Так, к началу XX столетия сложились три реальности, для объяснения которых использовалось понятие воли:

1) порождение мотивационно необеспеченных, но необходимых по решению человека действий;

2) выбор в ситуации равнопривлекательных альтернатив поведения;

3) намеренная регуляция исполнительных действий и психических процессов и состояний.

К этому времени сложилось несколько теорий воли, либо сводящих волю к различным психическим процессам (мышлению, эмоциям, мотивам, вниманию), либо выделяющих волю как самостоятельное начало (см. Л.С. Выготский).

В XX веке судьба понятия воли оказалась весьма драматичной: оно прошло путь от основной категории души (разум, чувство, воля) до почти полного вытеснения его из психологии. В 30-х годах прошлого века понятие воли практически исчезло из западной психологии. Причина была в том, что воля отвечала за порождение действий, а XX век нашел новые понятия для объяснения побуждения к действию: понятия потребности и мотива. Проблема выбора отделилась от психологии, породив новую философскую проблему свободы воли, а исследование эмоций и особенно задача их произвольной намеренной регуляции породили новую область психологии — создание техники саморегуляции различных процессов человека.

В итоге воля стала существовать уже в двух вариантах: как проблема самодетерминации и как проблема саморегуляции, постепенно отходящих друг от друга.

Л.С. Выготский, обратившийся к исследованиям воли в 20-х годах прошлого столетия, изменил саму постановку проблемы воли — он использовал понятие воли не в связи с порождением действий, а в связи с задачей овладения собой (своей психикой и поведением), к чему советская психология тех лет оказалась неготовой.

Возобновление интереса к исследованиям воли в советской психологии произошло под влиянием запросов воспитания стойких бесстрашных бойцов, способных преодолевать различные трудности. Сама воля стала пониматься как способность намеренно преодолевать препятствия (внешние и внутренние), что согласовывалось с Аристотелевским представлением о воле, поскольку препятствия снижали побуждение к действиям и требовали от человека усилий по выполнению действий с низкой привлекательностью.

К концу 70-х годов XX века интерес к проблеме воли стал угасать и в советской психологии, и казалось, что понятие воли вот-вот исчезнет из психологии.

Но совершенно неожиданно возобновились работы по воле в западной психологии, в основном в группе исследователей под руководством X. Хекхаузена. Обращение к понятию воли было вызвано явной неудачей в попытках объяснить поведение человека только в терминах мотивации. Однако эти исследования постепенно свелись к выявлению особенностей контроля за действием, т.е. к попытке свести волю к очередному процессу.

Выход из сложившейся ситуации может быть только одним — перестать догадываться о природе воли, а начать изучать те реальности, которые и породили проблему воли.

Напомню эти реальности:

1) порождение волевых действий, т.е. действий, осознанно принимаемых человеком к исполнению, но лишенных достаточной мотивации (обратная задача — торможение неприемлемых действий);

2) выбор из равнопривлекательных мотивов, целей, действий, желаний;

3) намеренная осознанная регуляция исполнительных действий и различных психических процессов.

Как самостоятельная реальность в XX веке выделился набор волевых качеств личности, который тоже объяснялся наличием воли.

К такой постановке задачи — переходу к анализу реальностей — призывал еще в XIX веке И.М. Сеченов (он считал понятие воли лишним в объяснении произвольных действий), но, как это часто бывает в науке, его призыв не был услышан — господствующие в то время в науке и обществе воззрения принимали волю как реальность, которую, конечно, надо было исследовать.

И вот теперь давайте начнем анализ не воли, а какой-то одной реальности, чтобы найти подлинный механизм ее объяснения. То есть я призываю перестать исследовать, условно говоря, природу флогистона, а заняться механизмом горения предметов.

Возьмем для примера первую реальность, которая и породила проблему воли. Это задача *порождения действия субъективно необходимого и осознанно принимаемого к исполнению, но мотивационно необеспеченного,* т.е. действия с недостаточным побуждением (дефицитом) к началу.

Наша задача — выяснить механизм восполнения дефицита побуждения к инициации действия, необходимого, но лишенного достаточного для его начала побуждения. То есть мы перестанем выяснять природу воли, а будем пытаться понять, за счет чего восполняется дефицит побуждения к волевому действию (или гасится ненужное побуждение к нежелательному действию).

У нас есть два варианта в решении этой задачи:

а) либо искать (создавать, выдумывать) особое образование психики человека, способное ликвидировать дефицит или избыток побуждения;

б) либо в реальном процессе мотивации найти звено (операцию, процесс), способное произвольно менять побуждение к действию.

Но прежде чем решать эту задачу, давайте посмотрим, что предлагалось в психологии в качестве механизма волевой регуляции.

Самым известным и старинным механизмом считается волевое усилие. Утверждается, что для преодоления препятствий человек мобилизует все свои возможности и через это волевое усилие осуществляет действие. На просьбу объяснить механизм волевого усилия обычно следует вопрос: «А вы что, никогда не испытывали волевых усилий?» Действительно, мы все иногда испытываем напряжение физических сил и психическую сосредоточенность (что позволило М.Я. Басову приравнять волю к вниманию), но это феноменология, за которой должна быть работа какого-то механизма. Однако объяснения этого механизма никто не дает. И это не случайно, потому что волевое усилие есть такой же теоретический конструкт, как и сама воля, а значит, подлежит исследованию не волевое усилие, а реальный механизм восполнения дефицита побуждения (или торможения побуждения к нежелательному действию).

Второе предложение по объяснению волевых действий было предложено Ш.Н. Чхартишвили. Он считал, что у человека есть специальные мотивы волевых действий. Такими мотивами являются общественные ценности, которые человек принимает как свои и действует ради них. Он, вслед за Д.Н. Узнадзе, выделяет *действия импульсивные,* которые следуют из переживаемых субъективных желаний (голод, жажда и пр.), и *действия волевые,* которые определяются необходимостью создавать в процессе труда предметы, представляющие ценность для общества (машины, телевизоры, велосипеды и т.д.). Эти ценности человек как социальное существо принимает как свои, и они становятся мотивами его волевых трудовых действий. При такой позиции не совсем ясно, как эти мотивы обеспечивают торможение неприемлемых действий.

Третье решение побуждения волевых действий в советской психологии предложил П.В. Симонов. Он считал, что у человека существует *особая потреб-*

ность преодолевать препятствие, которая вырастает из природного рефлекса свободы, описанного И.П. Павловым. Но это предложение, во-первых, ничем не подкреплено (нет доказательства ее наличия у человека), а во-вторых, не объясняет, почему эта потребность не всегда и не у всех работает. Не объясняет эта потребность и торможение ненужных, но субъективно привлекательных действий. Против этой потребности говорят и факты поведения животных и человека при встрече с препятствием. В этой ситуации возможны четыре разных реакции: ступор, агрессия на преграду, попытка обойти препятствие и, наконец, попытка преодолеть ее.

Анализ литературы показал, что, во-первых, многие исследователи отмечают тесную связь волевой регуляции и мотивации действий, а во-вторых, при инициации волевых действий (или торможении субъективно неприемлемых) происходит какая-то активность в плане сознания человека.

Мы будем искать механизм восполнения дефицита побуждения (или торможения избыточного) *в самом процессе порождения побуждения к действию.* Наша задача — выделить такое звено этого процесса мотивации, произвольно регулируя которое по своему намерению, человек может менять и побуждение к действию.

Таким звеном может быть *смыслообразование цели и действия.* Дело в том, что инициация действия возможна только потому, что смысл действия переносит побудительность от актуализированной потребности и ее предмета (мотива, по А.Н. Леонтьеву) на цель. Только поэтому это действие может начать выполняться — цель действия приобретает смысл потребности, ради предмета которой и совершается действие.

Наша гипотеза состоит в том, что *волевая регуляция осуществляется через намеренное осознанное изменение смысла действия или через создание нового, дополнительного смысла действия, когда первый смысл заставляет принимать действие к исполнению, а второй, намеренно созданный, восполняет дефицит побуждения.*

Анализ литературных данных позволил, во-первых, подтвердить возможность и факты осознанного намеренного изменения смысла действия, а во-вторых, выделить восемь способов изменения смысла действий.

Первый способ заключается в намеренной переоценке значимости мотива. <...> Этот механизм сродни процессу снятия когнитивного диссонанса (что вы будете изучать в курсе социальной психологии).

К. Левин описал поведение мальчика, неожиданно для себя обнаружившего в комнате печенье. Мальчику хотелось съесть это печенье, но он знал, что его за это накажут. И тогда он убедил себя, что печенье черствое и невкусное и поэтому его не надо есть.

Второй способ изменения смысла действия или создания дополнительного смысла заключается в изменении роли или позиции человека в коллективе.

Л.С. Выготский провел исследование способности детей с разным уровнем интеллектуального развития выполнять приказы взрослого совершать действие после того, как это действие стало неинтересным для ребенка и было прекращено. Детей просили писать палочки, крючочки и кружочки, и после того, как они прекращали эту работу, взрослый просил еще раз выполнить эти действия. Под разными «важными» предлогами дети отказывались это делать. Один мальчик не мог придумать уважительную причину и просто сослался на усталость руки. И тогда взрослый попросил его научить писать эти палочки, крючочки и кружочки маленького мальчика, который плохо это делает (при этом похвалив старшего за умение). И уставший мальчик, который только что отказался выполнить просьбу взрослого поработать еще, начал показывать маленькому мальчику, как надо писать эти элементы букв. Л.С. Выготский задает вопрос — а что произошло с мальчиком, который только что отказался писать дальше? — и отвечает: изменился смысл того, что делает мальчик. Он теперь не палочки пишет, а «работает учителем», и смысл действия стал другим. Побуждение к действию теперь идет от другого мотива. <...>

Третий способ основан на использовании предвидений (прогнозов, представлений) и переживаний последствий своих действий (или отказов от них).

В работе А.И. Высотского описано поведение девочки, боявшейся темноты и потому отказавшей в просьбе больной матери принести ей варенье из погреба (дело было уже вечером). Но, представив себе ситуацию ухудшения самочувствия матери, а возможно и смерти, девочка пересилила свой страх и спустилась в погреб. П.В. Симонов красочно описал свои переживания при первом прыжке с парашютом. Он пересилил свой страх, представив себя позорно идущим от самолета при посадке мимо своих друзей, которые смотрели бы на него как на труса.

Четвертый способ характеризуется соединением заданного и принятого к исполнению действия с новыми значимыми для этого человека мотивами (игровыми, исследовательскими, мотивами долга, чести, с проверкой себя на выносливость и пр.). Эти новые мотивы не имеют своего особого материального результата и поэтому не видны окружающим. Детей, которые отказались собирать разбросанные по комнате игрушки, можно организовать на эту работу, если представить ее детям как необходимую составную часть какой-то привлекательной игры.

Пятый способ — это связывание заданного действия с возможностью после его завершения делать то, что хочется. Например, игра в футбол или хоккей может быть разрешена только после приготовления всех школьных домашних заданий или выполнения каких-то домашних дел. Отличие от четвертого способа в том, что там новый мотив достигается через заданное действие, здесь заданное действие только открывает возможность выполнять свое желаемое.

Шестой способ обеспечивает новый смысл действия через включение заданного действия как часть в другое, более широкое по содержанию и более значимое для человека. Например, старшим детям поручают нарезать бумажные полоски, а затем еще раз просят их нарезать для того, чтобы из них делать игрушки для маленьких детей. Результаты работы во втором случае резко меняются.

Седьмой способ изменения смысла действий заключается в обращении к символам, ритуалам, к другим людям за поддержкой в действии. Например, молебен и вынос знамени перед боем, обращение в молитвах к Богу с просьбой выдержать предстоящее испытание и т.д.

Восьмой способ — это связывание действий с клятвами и обещаниями другим людям и Богу, сравнение себя с героями (реальными и литературными), самоодобрение и самопорицание, самоприказы и самоободрение.

Рассмотренные способы применяются самостоятельно или с помощью других людей, которые организуют нужные ситуации.

В более развитых случаях человек широко использует свое воображение, создавая в плане сознания воображаемые ситуации, помогающие изменить смысл действий.

Например, один участник марафонского пробега уже хотел сойти с дистанции, но он представил себя поездом дальнего следования и мысленно передвигался по стране от города к городу, что позволило ему преодолеть трудности и добежать до финиша с хорошим результатом. Часто спортсмены используют прием соревнования с воображаемым соперником. В этих случаях внешний наблюдатель не видит той внутренней работы, которую совершает человек в плане сознания, принимая результаты как следствие воли человека.

Все эти описанные способы применяются в ситуации, которую обычно описывают через волевые усилия. Действительно, это есть применение человеком своеобразных мотивационных костылей для совершения действий, необходимых, но мотивационно необеспеченных.

Но человек может иметь личностные качества, которые без произвольных усилий со стороны человека ведут необходимые действия. Это чувство долга, чести, помощи другим, ответственности перед другими и пр. В ситуациях, требующих проявления этих личностных образований, они становятся регуляторами поведения, беря на себя роль мотивов, невидимых со стороны. А. де Сент-Экзюпери вспоминает рассказ своего друга Гийома, пережившего аварию самолета над горами, из которых он без еды и тепла по снегу выходил к людям. Гийом рассказывал, что часто наступало такое состояние, когда хотелось лечь в снег и больше не вставать (т.е. усталость выбивала страх перед смертью). И только чувство ответственности перед женой и детьми заставляло идти вперед, ближе к людям, чтобы они быстрее могли обнаружить его тело (по закону пенсию жене и детям погибшего пилота самолета назначали только после того, как будет найде-

но его тело или через четыре года после пропажи). Именно о Гийоме сказал А. де Сент-Экзюпери: «Его величие — в сознании ответственности». Такую же мысль высказал Прево — другой товарищ Сент-Экзюпери, когда они потерпели аварию в пустыне: «Будь я один на свете, я бы лег и уже не вставал».

Эти ситуации не исключают применения различных способов намеренной волевой регуляции, но они позволяют говорить о волевой личности, т.е. о человеке, действующем на основе веры, любви, долга, чести, совести, ответственности, т.е. на основе нравственных личностных образований.

Мы попробовали найти объяснение одной из реальностей, порождающих проблему воли. Может быть, наше объяснение механизма порождения волевого действия является неполным. Может быть, истинное объяснение в другом или не только в изменении смысла действий. Для нас принципиально важно другое — мы пытались решить реальную задачу, а не искали ответа на вопрос о природе воли — теоретического конструкта, который был придуман учеными для объяснения волевых действий.

Анализ литературных данных показал, что обращение к смыслам действий и событий, к личностным ценностям в регуляции волевого выбора, различных психических процессов и исполнительных действий постоянно используется человеком в ситуациях, создающих необходимость волевой регуляции. По личному опыту мы знаем, как трудно заставить себя изучать текст, не вызывающий интереса к нему. Мы можем заставить себя читать его (произвольная регуляция), но при этом работа сознания с текстом не происходит, и часто мы даже не в состоянии через несколько секунд сказать, о чем мы читали. Чтобы началась работа сознания над текстом, надо, чтобы чтение текста имело для человека какой-то смысл.

> Каторга не там, где работают киркой, — писал А. де Сент-Экзюпери. — Она ужасна не тем, что это тяжкий труд. Каторга там, где удары кирки лишены смысла.

Если мы принимаем положение, что порождение волевых действий, волевые выборы и регуляцию психических процессов можно объяснять, не прибегая к понятию «воля», то тогда встает вопрос — а что делать с этим первичным понятием? Если его оставлять в науке, то какое содержание надо вкладывать в это понятие?

Давайте вначале определим понятие волевой регуляции. Мы знаем два вида регуляций: ***непроизвольную*** и ***произвольную***. Куда отнести волевую регуляцию?

Непроизвольная регуляция характеризуется достаточностью условий для автоматического исполнения действий и решения различных задач (автоматически совершается выбор действий, всегда достаточно мотивации, автоматически регулируются различные параметры действий и соответствующих им психических процессов и при необходимости преодолеваются препятствия).

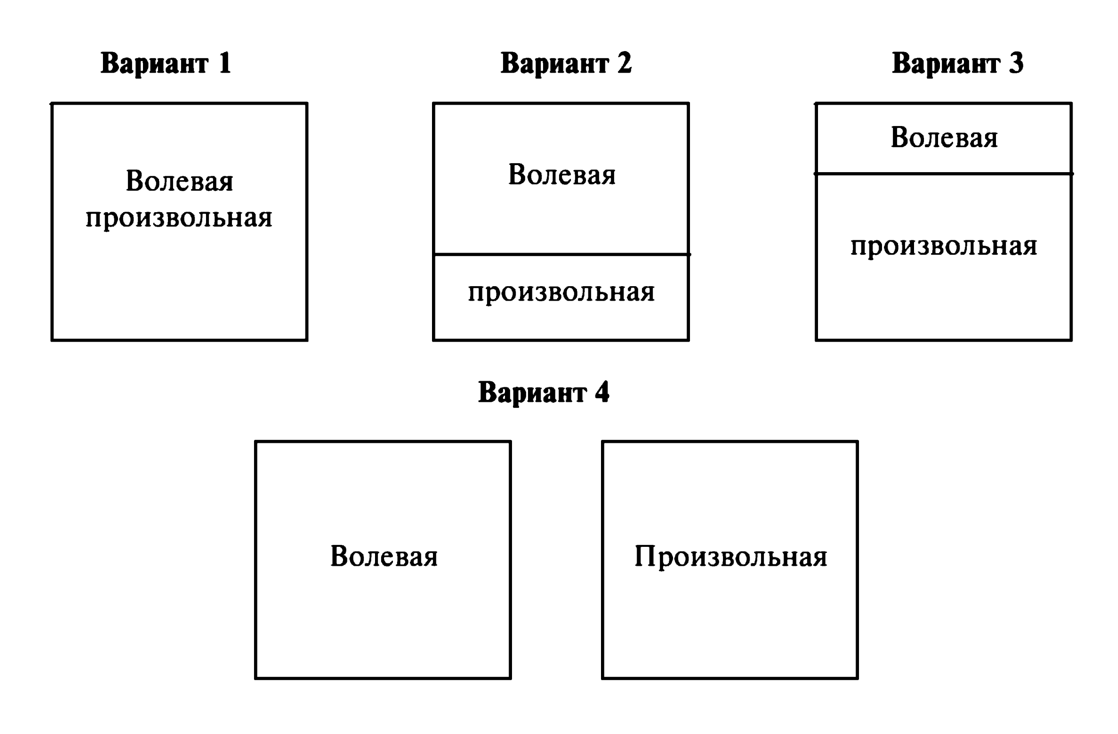


Рис. 1

В произвольной регуляции субъект действия вынужден намеренно регулировать отдельные параметры действий и психических процессов. В этом сходство произвольной и волевой регуляции, и поэтому будем считать, что волевая регуляция есть разновидность произвольной регуляции. Но в этом случае нам надо указать различительные признаки (критерии) волевой регуляции.

В истории психологии нам известны четыре варианта решения этого вопроса.

Первый вариант — полное совпадение обоих понятий по содержанию.

При *втором варианте* произвольность понимается как первая начальная стадия развития воли и волевой регуляции.

Третий вариант дает противоположное решение — волевая регуляция есть часть произвольной регуляции, а именно — произвольная регуляция действий в условиях преодоления препятствий.

При *четвертом варианте* волевая и произвольная регуляции рассматриваются как два независимых вида регуляций с отличительными признаками волевой регуляции как моральной регуляции (рис. 1).

Каждый вариант решения имеет свои плюсы и минусы, но мы попробуем поискать новые критерии различения произвольной и волевой регуляции. Как мы уже договорились, волевую регуляцию мы будем рассматривать как часть произвольной регуляции. Отличительным признаком возьмем уровень, на котором совершается регуляция.

Есть данные, что произвольность возникает на уровне уже природного субъекта и становится основной формой регуляции поведения на уровне со-

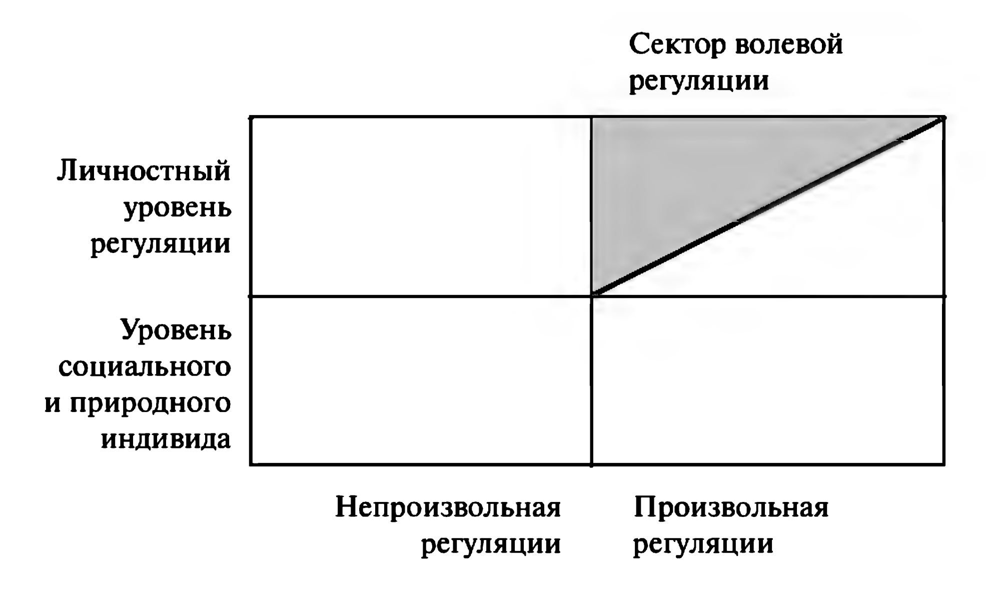


Рис. 2

циального субъекта. Поскольку волевое действие часто является поступком, который характеризует личность, а средством волевой регуляции является изменение смысла действия (личностное образование), будем считать, что волевая регуляция есть личностный уровень произвольной регуляции. Совершать или не совершать волевые действия, включать или нет волевую регуляцию, решает человек как личность, поэтому есть логика в отнесении волевой регуляции к личностному уровню (см. рис. 2, 3). При этом надо подчеркнуть, что не всякая

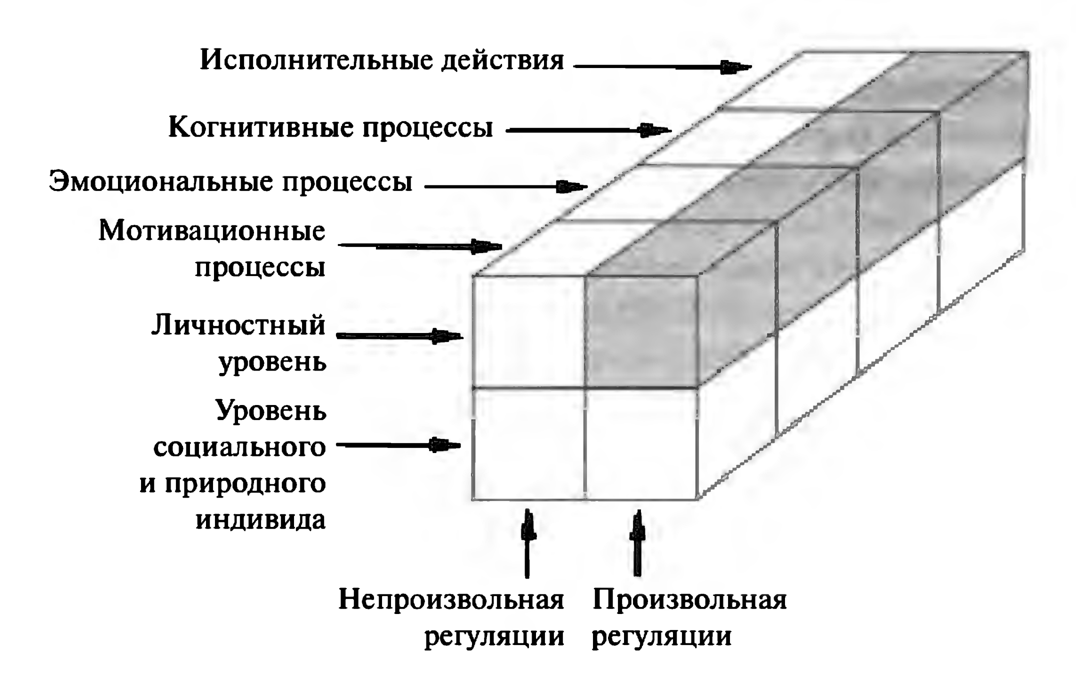


Рис. 3

регуляция и решение на уровне личности есть волевая регуляция. (Я хочу быть неволевым!)

При таком понимании волевой регуляции мы можем определить волю как высшую психическую функцию, которая, в зависимости от решаемой задачи, проявляется то как произвольная мотивация действий; то как произвольное решение человека по выбору мотива, цели и действия в ситуации двух и более альтернатив; то как произвольная регуляция личностными средствами различных психических процессов и исполнительных действий. Специфика волевой регуляции тогда заключается в уровне регуляции (решение личности) и в использовании личностных средств регуляции.

Как и любая высшая психическая функция, воля оказывается системно построенной, в работе которой задействованы эмоции и мотивация, мышление и воображение, внимание и память. Воля, как и другие ВПФ, оказывается социальной по происхождению и осознанной по способу функционирования.

Системность построения воли объясняет, почему в истории науки волю сводили к мотивам, эмоциям, мышлению или вниманию. Все эти процессы реально участвуют в волевой регуляции, что и было замечено разными исследователями, правда, в виде преувеличенного значения отдельных процессов.

При такой договоренности воля становится средством (механизмом) личности отстаивать свои ценности, выступая при необходимости против потребностей организма и субъекта природной деятельности, а также потребностей социальной выгоды и полезности.

Одним из механизмов волевой регуляции является намеренное изменение смысла действия, как кратковременная помощь в осуществлении решений личности.

Другой механизм — развитая сфера личностных потребностей, проявляющаяся как положительные или отрицательные личностные качества и мотивы долга, чести, ответственности и т.д., воплощающиеся в добрых делах, или как отрицательные качества личности, воплощающиеся в злых делах человека.

К счастью, мы знаем, что все социальные потребности, включая и потребности личности, формируются при жизни человека и могут меняться по составу под влиянием условий жизни человека и его собственной позиции. Человек как личность с определенного возраста делает себя сам и может поменять систему своих ценностей, которые и лежат в основе волевой регуляции.

Дж.Э. Хаммес

[Разновидности детерминизма]*

Вопрос о том, существует или нет свободный выбор в поведении человека, и если да, то в какой степени, веками будоражил умы мыслителей. Любой ответ на этот вопрос имеет своих сторонников и противников. Позиция, поддерживающая существование свободной воли или свободного выбора в поведении, называется либертарианизмом[1] или волюнтаризмом[2]. С этой точки зрения свобода рассматривается как отсутствие внутренней необходимости в осуществлении какого-либо действия. т.е., при имеющихся альтернативах выбора, человек может сделать выбор свободно, без принуждения. Свобода в поведении не предполагает отсутствие причинности. Волюнтаристы не утверждают, что поведение человека не имеет причин, а настаивают на том, что существует причина — сам человек, которая может действовать в свободном режиме и вызывать следствия (выборы).

Свобода не тождественна индивидуально-изменчивому поведению, как заявляют некоторые авторы[3]. Статистическая изменчивость выборки поведенческих реакций, рассматриваемая как стандартное отклонение распределения, не составляет человеческую свободу. Индивидуально-изменчивое поведение присуще и животным более низкого уровня развития, чем человек, даже земляному червю. Однако волюнтарист не станет приписывать такому поведению свободу. Человеческая свобода может быть причиной вариативности поведения, но само наличие вариативности свидетельствует о свободе далеко не всегда.

Существуют определенные необходимые условия для того, чтобы свободный выбор оказался возможным. Первым условием является осознанность или

---

* *Hammes J.A.* Determinism and free will // Psychology and Religion / D.G. Benner (Ed.). Grand Rapids: Baker Book House, 1988. P. 138—145. (Перевод С.А. Капустина.)

[1] См.: *D'Angelo E.* The Problem of Freedom and Determinism. Columbia: University of Missouri Press, 1968.

[2] См.: *Hammes J.A.* Humanistic Psychology. N.Y.: Grune and Stratton, 1971.

[3] См.: *Boring E.G.* When is behavior pre-determined? // Scientific Monthly. 1957. Vol. 84. P. 189—196.

внимательность. Вторым — обдуманность. Человек должен иметь возможность обдумать все выборы перед тем, как принять решение. Если осознание и обдуманность полностью или частично отсутствуют, то это влечет за собой ослабление свободы и ответственности, например, в действиях умственно отсталых или психически больных, а также в спонтанных, эмоциональных и импульсивных действиях[4].

Доказательства свободы воли

В пользу существования свободы человеческого выбора приводятся разные доводы.

Во-первых, человек обладает способностью к произвольному вниманию, т.е. может направлять фокус сознания на тот или иной объект[5]. В настоящий момент внимание читателя направлено на данную страницу. Поскольку это поведение преднамеренное, соответствующее состояние внимания можно назвать произвольным. Но если внезапный шум отвлечет внимание, то такой перерыв в чтении будет иллюстрацией непроизвольного внимания. Осознание того, что субъект управляет вниманием в одних случаях и не управляет в других, демонстрирует, по сути, свободу человека и является основой различения двух указанных состояний внимания. В действительности, опыт собственной интенциональности, [то есть преднамеренной направленности сознания на тот или иной объект. — *Ред.-сост.*], является доказательством свободы выбора и основной темой гуманистически и экзистенциально ориентированных исследователей.

С целью обоснования своей позиции волюнтаристы указывают также на сознательный опыт морали и совести[6]. Переживание вины является свидетельством очень важного осознания того, что в сфере морали человек может быть ответственным за неподобающие дурные поступки, от совершения которых можно добровольно воздерживаться. Опыт вины настолько универсален, что его отсутствие квалифицируется как психическая патология. Кроме того, волюнтаристы ссылаются на сознательный опыт нравственного усилия[7], а также на чувство личного достижения и соответствующей гордости за это достижение[8].

Еще одним аргументом в защиту свободной воли является убеждение: «Я мог бы поступить иначе»[9]. Для волюнтаристов это значит: «Я обладаю свободным

---

[4] См.: *Hammes J.A.* Humanistic Psychology. N.Y.: Grune and Stratton, 1971.

[5] См.: *Bittle C.* The Whole Man: Psychology. Milwaukee: Bruce Publishing, 1945.

[6] См.: *Bittle C.* The Whole Man: Psychology. Milwaukee: Bruce Publishing, 1945.

[7] См.: *Dworkin G.* Determinism, Free Will, and Moral Responsibility. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1970.

[8] См.: *Hammes J.A.* Humanistic Psychology. N.Y.: Grune and Stratton, 1971.

[9] См.: *D'Angelo E.* The Problem of Freedom and Determinism. Columbia: University of Missouri Press, 1968.

выбором, поэтому мог бы поступить иначе» В то же время, первое утверждение может быть согласовано с позицией детерминизма, если его интерпретировать следующим образом: «Если бы детерминирующие обстоятельства были другими, я мог бы поступить иначе»[10]. Однако, в данном случае вера в свободную волю опирается на почву практического опыта, тогда как возражения детерминистов являются в первую очередь теоретическими и потому не столь весомыми[11].

Еще один довод в защиту свободы выбора основан на наблюдении отсутствия детерминированности на субатомарном уровне. Согласно принципу Гейзенберга, невозможно в одно и то же время причинно определить местоположение и скорость атомных частиц, и эту неопределенность следует понимать как коренящуюся в самом устройстве природы, а не просто как неопределенность или ограниченность нашего познания[12]. Правда, волюнтаристы вносят изменения в эту интерпретацию Гейзенберга.

Возражения детерминистов против свободы воли

Некоторые исследователи различают жесткий и мягкий детерминизм. Сторонники жесткого детерминизма утверждают, что свобода — это иллюзия, поскольку каждое событие имеет причину и предсказуемо, и все действия человека происходят с необходимостью как следствия определенных причин. Сторонники мягкого детерминизма пытаются ввести в свои теории некоторый элемент свободы, но все-таки признают детерминизм. К представителям мягкого детерминизма иногда относят экзистенциально и гуманистически ориентированных психологов, например, Ролло Мея и Карла Роджерса. Другие исследователи не признают это разделение детерминизма. Они рассматривают мягкий детерминизм как уход от проблемы и как логически сводимый либо к волюнтаризму, либо к жесткому детерминизму, и находят в последнем ряд разновидностей. В настоящей работе мы рассмотрим различные разновидности детерминизма и соответствующие ответы волюнтаристов.

Первое возражение против существования свободы выбора выдвигают сторонники *скептического детерминизма*. Как указывалось ранее, общеизвестное доказательство свободы выбора базируется на факте осознания этой способности. Скептический детерминизм рубит это доказательство под корень, утверждая, что сознание не может быть источником достоверной информации. Например, после ампутации человек может чувствовать отсутствующую конечность, а прямой стержень, частично погруженный в воду, выглядит изогнутым, хотя в

[10] См.: *Lamont C.* Freedom of Choice Affirmed. N.Y.: Horizon Press, 1967.

[11] См.: *Dworkin G.* Determinism, Free Will, and Moral Responsibility. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1970.

[12] См.: *Bube R.H.* The Human Quest. Waco: Word Books, 1971.

действительности это не так. В обоих случаях скептики заявляют, что сознание нас обманывает.

Однако, это утверждение не является истинным. В первом примере расхождение между фактом и суждением о нем объясняется предшествующим научением, а во втором случае обман возникает вследствие устройства человеческого глаза, который не в состоянии корректировать преломление света в двух средах. Следовательно, чтобы дискредитировать свидетельства сознания в нормальных условиях, скептики апеллируют к аномальным ситуациям. Подобным образом можно было бы утверждать, что если не видит слепой, то и никто не может видеть.

Более весомый ответ скептикам относится к обоснованности их уверенности в своей критике. Имеют ли они право сомневаться в достоверности опыта сознания и при этом использовать его в качестве основы своего сомнения? Очевидно, — нет. Скептики, не рассматривая в своих рассуждениях обоснованность любого сомнения, в результате подрывают доверие к собственному сомнению. Они могут основываться только на своем сомнении, которое само по себе является сомнительным.

Вторая разновидность детерминизма, *причинно-следственный детерминизм*, основан на законосообразности и предсказуемости явлений и событий. В данном случае утверждают, что суждение о существовании свободы основано на незнании пока неизвестных, но в действительности имеющихся причин. Поведение — необходимое следствие этих причин. Волюнтаристы отвечают, что любое поведение, разумеется, причинно обусловлено, но не соглашаются с тем, что все причины с необходимостью вызывают следствия. В случае свободного выбора человек как причина свободно инициирует следствия (поведение). К тому же, данный принцип причинности гласит, что следствия с необходимостью вызываются причинами, но не требует, чтобы любые причины с необходимостью вызывали следствия. Для волюнтаристов не является проблемой и предсказуемость, потому что человек может выбрать, как обычно он и делает, последовательный образ действий и, вообще, по своей природе мы существа упорядоченные. Человек, свободно выбирающий, например, моральный образ жизни, вполне предсказуем в поступках, соответствующих этому решению. Предсказуемость совместима и со свободой, и с детерминизмом, и потому служить аргументом против свободы выбора не может.

Третьей разновидностью детерминизма является *механистический детерминизм*. Он вытекает из монистической идеи, состоящей в том, что человек всего лишь сложная машина, психические процессы которой в своей основе являются исключительно неврологическими, а последние, в свою очередь, можно свести к физико-химическим силам, подчиняющимся законам материи. Однако, данные о том, что у человека психика и мозг относительно обособленны, и что психику невозможно свести к материи, открывают возможность реализации свободы в его поведении.

В четвертых, *биогенетический детерминизм*. Наследственность, темперамент, железы и эмоции являются, по мнению сторонников данной позиции, творцами личности человека и повелителями его действий. Социобиология, например, делает акцент на генетических структурах как детерминантах черт характера и, как следствие, выбора поведения. Волюнтаристы отвечают, что эти факторы не являются безусловно определяющими, и что их можно рассматривать лишь как оказывающие влияние, а не в качестве детерминант.

Пятая разновидность детерминизма основана на теории научения и может быть обозначена как *стимульно-реактивный детерминизм*. Эту позицию разделяет Павлов и другие сторонники теории научения как процесса классического обусловливания. Это научение иногда распространяют на все поведение человека и, следовательно, отрицают его свободу. Однако, в ряде случаев научение требует сосредоточенных усилий, например, при обучении игре в гольф или алгебре. Попытка свести любое научение человека к простому формированию условных рефлексов является, по мнению волюнтаристов, произвольной и необоснованной.

Тесно связан с предыдущим, но более широк, *детерминизм подкрепления* (reinforcement determinism). Этой позиции придерживается Скиннер и другие теоретики научения как процесса оперантного обусловливания. Любое подкрепление данного поведения детерминирует его повторение. Однако, факт повторения подкрепляемого поведения не обязательно подразумевает причинное отношение. Кто-то единственно разумным считает выбор удовольствия, а не неудовольствия. И это не проясняет вопрос о том, был ли данный выбор свободным или детерминированным.

Еще более широкой является теория *социокультурного детерминизма*, согласно которой поведение определяется такими силами, как дом, школа, церковь и общество. Эти переменные окружения настойчиво внушают человеку или группе людей выбор соответствующего поведения. Например, говорят, что трущобы рождают преступников. Кларенс Дарроу считает, что помочь стать на путь исправления невозможно как заключенным, так и тем, кто вышел на свободу, но живет в трущобах[13]. Волюнтаристы ответили бы, что социальные воздействия следует рассматривать лишь как факторы, оказывающие влияние, а не как детерминанты поведения. Преступниками могут стать люди как из низших, так и высших социально-экономических слоев, а условия жизни в трущобах могут породить и законопослушных граждан, и правонарушителей. Хотя социально-экономические факторы на самом деле существенно ограничивают род и количество доступных человеку возможностей, выбор среди этих альтернатив все-таки остается свободным[14].

Восьмым противником свободной воли является *мотивационный детерминизм* (motivational determinism), утверждающий превосходство наиболее сильного

---

[13] См.: *Dworkin G.* Determinism, Free Will, and Moral Responsibility. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1970.

[14] См.: *Hammes J.A.* Human Destinity: Exploring Today's Value Systems. Huntington: Our Sunday Visitor Press, 1978.

мотива. Неогештальтистская теория поля хорошо иллюстрирует эту позицию[15]. Недостаток мотивационного детерминизма можно уподобить планированию на утро прошлого понедельника, т.е. задним числом. Господствующий мотив не называется до тех пор, пока решение уже не принято. Поэтому, какая бы из альтернатив не была выбрана, детерминист обязательно скажет, что она самая сильная. Но это ничего не доказывает. Знание о принятом решении не содержит никакой информации о том, был или осутствовал свободный выбор до принятия этого решения.

Другим примером, предлагаемым сторонниками мотивационного детерминизма, является феномен реактивного торможения, наблюдаемый в следующих условиях. Если человек нажимает на красную кнопку сто раз, а затем ему предоставлена возможность выбора между нажатием на эту кнопку и нажатием на кнопку другого цвета, то его выбор будет неизменно альтернативным и, по мнению детерминиста, необходимым. Здесь *реактивное торможение* можно считать термином, тождественным *монотонности*. Повторяющаяся поведенческая активность обычно вызывает импульс или тенденцию к смене деятельности. Эта реакция естественна для любых форм жизни и необходима для выживания, а у человека может переживаться даже осознанно. Однако в данной ситуации волюнтарист будет рассматривать эти поведенческие тенденции как факторы, оказывающие влияние, а не как вынуждающие детерминанты.

Сторонники девятого детерминизма, — *детерминизма бессознательного* используют в качестве основы возражений против существования свободы воли представление о бессознательной мотивации. Иллюстрацией здесь может быть теория Фрейда. Некоторые психоаналитики отрицают свободу выбора, опираясь на факты, говорящие о существовании неосознаваемых механизмов защиты. Они заявляют, что хотя на уровне сознания человек уверен в собственной свободе, существуют бессознательные силы, управляющие процессом принятия решений.

Слабым звеном этой линии рассуждений является то, что бессознательное, будучи неосознаваемым, непознаваемо. Говоря о том же, волюнтаристы могут доказывать, что бессознательная сила отвергнутой альтернативы была и в самом деле велика, но человек, принимая решение, приложил значительное усилие, чтобы преодолеть обусловливаемый ею выбор. Поскольку бессознательная мотивации является непознаваемой переменной, приписывание одной альтернативе большей силы влияния, чем другой, выглядит необоснованно. Следовательно, нельзя ссылаться на бессознательную мотивацию при доказательстве или опровержении существования свободы выбора.

Детерминизм десятой разновидности предполагает существование отношений между Богом и человеком и может быть назван *теологическим детерминизмом*. Три его варианта — детерминизм творения, детерминизм всеведения и детерминизм предопределения — основаны, соответственно, на творящей силе, всезнании и воле Бога.

---

[15] См.: *Lewin K.* A Dynamic Theory of Personality. N.Y.: McGraw-Hill, 1935. [Рус. пер. см.: *Левин К.* Динамическая психология: Избранные труды. М.: Смысл, 2001. — *Прим. ред.-сост.*]

Детерминизм творения базируется на законе причинности, согласно которому следствия полностью зависят от их причин. Если это так, то человек (как следствие), сотворенный Богом (его причиной), должен быть полностью зависим от Творца в любых формах своей деятельности, и, в том числе, в принятии решений, как ему поступить. В соответствии с этой идеей человек является марионеткой, управляемой Богом.

Сторонники существования человеческой свободы считают эту позицию расширением сферы приложения закона причинности, действующего в физическом мире, к миру духовному. Для материального мира верно то, что следствия полностью зависят от причин и определяются своими причинами. Но разве на нематериальном или духовном уровне не могут существовать причинно-следственные связи иного рода? Бог мог, если бы пожелал, сотворить по своему образу человека со свободной волей, полностью зависимого от него в своем существовании, но все же обладающего свободой выбора. Это представление вовсе не подразумевает нарушения законов, управляющих материальной вселенной. Свобода существует как нематериальная или духовная форма поведения, так как эта активность является функцией нематериальной психики. Таким образом, можно доказывать, что Бог создал человека для того, чтобы не просто «быть», а «быть свободным».

Второй разновидностью теологического детерминизма является *детерминизм всеведения*. Поскольку Бог всеведущ, он знает каждый человеческий выбор прежде, чем он будет сделан. Следовательно, его знание детерминирует этот выбор. Дело в том, что человек не может иметь опыт вне времени, так как этот опыт привязан к времени, и поэтому человек может воспринимать события только как происходящие в определенном времени. Бог же, будучи независим от времени, свободен от такой связи. По аналогии, мы все-таки можем понять, почему знание Бога не следует рассматривать как причину. Если человек, посетивший футбольный матч, смотрит его видеозапись, то по ходу фильма он может точно предсказывать ближайшие действия игроков. Если бы его опыт не был привязан к времени, то он мог бы предсказывать ход игры и во время наблюдения реально происходящего матча. Но такое знание ни в коем случае не может быть причиной действий игроков.

Отсюда очевидно следует, что знание о поведении, даже божественное, не обязательно является причиной поведения. Если бы Бог пожелал, то, конечно, смог бы полностью управлять деятельностью человека. Однако, вопрос здесь не в том, обладает ли Бог такой способностью, а может ли его знание предопределять человеческий выбор.

Последним вариантом теологического детерминизма является детерминизм *предопределения*, позиция которого состоит в том, что Бог избирает тех людей, которые должны быть спасены. Хотя представители этой точки зрения, Лютер и Кальвин, верили в существование свободной воли в повседневной жизни, они не распространили эту способность на сферу личного спасения.

Кроме того, Лютер верил только в одно предопределение — в спасение праведника, а Кальвин — в два, т.е. и в предопределение вечных мук нечестивого. Однако, предопределение вполне совместимо с человеческой свободой, если его интерпретировать как обещание спасения тем, кто свободно уповает на искупительную милость Божию. Поскольку здесь мы сталкиваемся с вопросами Христианской веры, деление на детерминистов и волюнтаристов зависит от понимания божественного искупления.

Альтернативные подходы

Вдобавок к волюнтаризму и детерминизму существуют две другие возможности обсуждения свободной воли. Одни авторы видят здесь неразрешимый парадокс, с которым нужно научиться жить, а другие — псевдопроблему, возникшую в результате смешения значений слов. Некоторые исследователи в споре «свобода — детерминизм» пытались использовать заимствованный из физики принцип дополнительности Бора. По их мнению, и детерминизм и волюнтаризм, будучи дополнительными точками зрения, являются истинными. Такие попытки называют примиренческими[16]. Однако, волюнтаристы видят в данном противопоставлении не столько дополнительность, сколько противоречие, разрешимое либо с той, либо с другой стороны, но не с обеих одновременно.

Аналитики лингвистической философии находят решение этой проблемы в использовании разных языков описания поведения, которые описывают различные, не связанные друг с другом аспекты[17]. В результате, в одном и том же акте поведения можно увидеть как детерминацию, так и свободу в зависимости от того, будет ли он описан на языке наблюдателя (детерминизм) или на языке деятеля (волюнтаризм). Однако, данный подход можно рассматривать как уход от проблемы. Например, предпочтение ученым языка наблюдателя или экзистенциалистом языка деятеля не имеет никакого отношения к объективной, онтологической природе данного акта, которая по своей сущности вообще не зависит от какого-либо языка описания.

С лингвистическим анализом сходен подход многоуровневых систем[18], утверждающий, что на одном уровне описание может быть детерминистическим и, несмотря на это, — индетерминистическим на другом уровне. Такие подходы снимают проблему «детерминизм — свободная воля». Однако, учитывая все эти известные возражения волюнтаристов, приведенные в данной работе, многие исследователи приходят к выводу, что вопрос о свободе воли — это реально существующая проблема, от которой не так уж легко отделаться и которая требует разрешения.

---

[16] См.: Free Will and Determinism / Berofsky B. (Ed.). N.Y.: Harper and Row, 1966.

[17] См.: *Barbour I.G.* Issues in Science and Religion. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966.

[18] См.: *Bube R.H.* The Human Quest. Waco: Word Books, 1971.

У. Мишел,
Ю. Шоуда,
М. Родригес

Отсрочка вознаграждения у детей*

На протяжении почти ста лет младенца описывали как ведомого импульсами, стремящегося к уменьшению напряжения, неспособного к отсрочке вознаграждения, игнорирующего разум и действительность, всецело управляемого принципом удовольствия, требующего безотлагательного удовлетворения потребностей[1]. Проблема заключается в том, чтобы выяснить, каким образом люди, сохранив способность к благородной импульсивности, приобретают также способность к управлению действиями ради достижения далеких целей и последствий, и руководствуются, хотя бы время от времени, прогнозируемыми результатами, воздерживаясь от ближайших вознаграждений. Природа этого ориентированного на будущее самоконтроля, который развивается со временем и позже существует наряду с более порывистым поведением, вызывает острый интерес у тех исследователей психического развития, которые отводят этому вопросу центральное место в теориях социализации и в действительном определении понятия *Я*[2]. Нередко высказывают предположение, что такая целенаправленная, возлагаемая на себя отсрочка вознаграждения должна играть важную роль в предупреждении серьезных проблем психического развития и психического здоровья, в том числе, проблем, непосредственно связанных с упрямством, проступками, низкой социальной ответственностью и целым ря-

---

* *Mischel W., Shoda Y., Rodriguez M.L.* Delay of gratification in children // Science. 1989. Vol. 244. P. 933—938. (Перевод Ю.Б. Дормашева.)

[1] См.: *Freud S.* // Collected Papers. Vol. 4. N.Y.: Basic Books, 1959. P. 13—21.

[2] См.: *Harter S.* // Handbook of Child Psychology / P.H. Mussen (Ed.). N.Y.: Wiley, 1983. P. 275—385.

дом видов поведения с антиобщественной направленностью или обусловленных наркотической зависимостью[3].

В объяснениях того, как людям удается осуществить самоконтроль, охотно прибегают к таким понятиям, как «сила воли» или «сила *Эго*», несмотря на то, что эти термины служат не более чем названиями тех явлений, на которые они указывают. Некоторые люди твердо придерживаются неприятной диеты или бросают курить после многих лет табачной зависимости, или продолжают упорно и терпеливо работать ради достижения далеких целей даже при сильном искушении оставить эту работу, у других же, несмотря на заявление тех же первоначальных намерений, такие попытки улучшения саморегуляции заканчиваются провалом. Однако, один и тот же человек, может управлять собой в одной ситуации и потерпеть неудачу в другой, даже весьма сходной с первой[4]. В данной работе представлен обзор исследований, проводимых согласно программе, посвященной изучению природы этих индивидуальных различий, лежащих в их основе психологических процессов, а также условий, в которых эти различия могут быть предсказаны.

Краткий обзор

Мы рассмотрим данные относительно важнейшего признака саморегуляции: способности откладывать непосредственно доступное вознаграждение с целью достижения отсроченных, но более ценных результатов. Исследования поведения откладывания у четырехлетних детей, предпринимавших попытки такого типа, ориентированного на будущее самоконтроля, показали, что индивидуальные различия в этом поведении, обнаруженные в лабораторных условиях, позволяют довольно надежно предсказывать данные по компетентности и способности к преодолению трудностей, полученные на этих детях спустя более чем десять лет[5]. В экспериментах, проведенных в тех же лабораторных ситуациях, установлены конкретные процессы познания и внимания, которые позволяют маленькому ребенку осуществлять целенаправленную отсрочку вознаграждения даже в трудных фрустрирующих условиях[6].

---

[3] См.: *Bandura A., Mischel W.* // Journal of Personal and Social Psychology. 1965. Vol. 2. P. 698; *Bandura A.* Social Foundations of Thought and Action: A Social-Cognitive Theory. Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1986; *Mischel W.* // Progress in Experimental and Personality Research. Vol. 3 / B. Maher (Ed.). San Diego: Academic Press, 1966. P. 85—132; *Mischel W.* Personality and Assessment. N.Y.: Wiley, 1968; *Mischel W.* Introduction to Personality: A New Look. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1986; *Rutter M.* // American Journal of Orthopsychiatry. 1987. Vol. 57. P. 316; *Stumphauser J.S.* // Journal of Personal and Social Psychology. 1972. Vol. 21. P. 10.

[4] См.: *Mischel W.* Personality and Assessment. N.Y.: Wiley, 1968.

[5] См.: *Mischel W., Shoda Y., Peake P.K.* // Journal of Personal and Social Psychology. 1988. Vol.54. P. 687.

[6] См.: *Mischel W.* // Advances in Experimental Social Psychology. Vol. 7 / L. Bercowitz (Ed.). N.Y.: Academic Press, 1974. P. 249—292.

Мы начнем с краткого изложения основных индивидуальных различий детей, связанных с этим типом саморегуляции, и более отдаленных результатов развития, которые эти различия предсказывают. Затем мы рассмотрим конкретные процессы, которые, как показали экспериментальные исследования, лежат в основе эффективной, возлагаемой на себя отсрочки вознаграждения у детей. Эти результаты, в свою очередь, указывают на типы ситуаций отсрочки вознаграждения у дошкольников, диагностичные для прогнозирования познавательной и социальной компетентности подростков. Наконец, мы обсудим развитие понимания детьми самоконтроля и связи между составляющими саморегуляции, обнаруженные у детей с проблемами поведения.

Измерение самоконтроля: от выбора к выполнению

В программе исследований, обзор которых представлен в настоящей статье, для изучения отсрочки вознаграждения использовались два взаимодополняющих метода. Первоначально предпочтения отдаленных последствий ближайшим, но менее ценным, изучались в контексте принятия решений о выборе. Индивиды в реальных условиях совершали выбор между результатами, отличающимися по ценности и интервалу времени, спустя который они становились доступны. Такие выборы предлагали совершить испытуемым различной социокультурной принадлежности, семейного положения и экономического статуса[7]. Как и ожидалось, на эти выборы предсказуемым образом повлияли предполагаемое время отсрочки и субъективная ценность объектов выбора. Например, предпочтение отсроченных наград уменьшается с увеличением времени, необходимого для их достижения, и времени ожидания их получения[8]. Выбор отсроченного вознаграждения: 1) увеличивается вместе с отношением ценности отсроченных наград к ценности безотлагательных наград; 2) увеличивается вместе с возрастом испытуемых; и 3) зависит от разнообразных социальных влияний и, в том числе, от поведения и установок выбора, демонстрируемых другими людьми[9].

---

[7] См.: *Mischel W.* // Progress in Experimental and Personality Research. Vol. 3 / B. Maher (Ed.). San Diego: Academic Press, 1966. P. 85—132; *Klineberg S.L.* // Journal of Personal and Social Psychology. 1968. Vol. 8. P. 253; *Melikian L.* // Journal of Social Psychology. 1959. Vol. 50. P. 81; *Graves T.* // Southwest Journal of Anthropology. 1967. Vol. 23. P. 337.

[8] См.: *Mischel W., Metzner R.* // Journal of Abnormal Social Psychology. 1962. Vol. 64. P. 425; *Mischel W., Staub E.* // Journal of Personal and Social Psychology. 1965. Vol. 2. P. 625.

[9] См.: *Bandura A., Mischel W.* // Journal of Personal and Social Psychology. 1965. Vol. 2. P. 698; *Mischel W.* // Progress in Experimental and Personality Research. Vol. 3 / B. Maher (Ed.). San Diego: Academic Press, 1966. P. 85—132; *Mischel W.* // Advances in Experimental Social Psychology. Vol. 7 / L. Bercowitz (Ed.). N.Y.: Academic Press, 1974. P. 249—292; *Mischel W., Metzner R.* // Journal of Abnormal Social Psychology. 1962. Vol. 64. P. 425.

Отсроченные выборы значимо связаны с рядом личностных особенностей, измеренных приблизительно в то же самое время. Например, дети, предпочитающие отсроченные награды, более сообразительны[10], чаще оказывают сопротивление соблазну[11], обладают большей социальной ответственностью[12] и более высоким стремлением к достижениям[13]. Широта этих связей говорит о том, что такие предпочтения отражают существенное измерение индивидуальных различий и указывают лишь на некоторые из множества детерминант и коррелятов принятия решений об отсрочке[14].

О попытках самосовершенствования свидетельствуют многие источники. Однако, решения отказаться от немедленного вознаграждения ради отдаленных последствий (например, в случае диеты) легко забываются или существенно пересматриваются, если человек в процессе реального выполнения этих решений переживает фрустрацию. Поскольку намерения практиковать самоконтроль перед лицом непосредственных соблазнов очень часто улетучиваются, назрела необходимость перехода от исследований исходных решений относительно отсрочки вознаграждения к изучению того, каким образом детям удается ее выдержать во время реального ожидания предпочитаемых результатов. С этой целью

---

[10] См.: *Mischel W., Metzner R.* // Journal of Abnormal Social Psychology. 1962. Vol. 64. P. 425.

[11] См.: *Mischel W., Gilligan C.* // Journal of Abnormal Social Psychology. 1964. Vol. 69. P. 411.

[12] См.: *Mischel W.* // Journal of Abnormal Social Psychology. 1961. Vol. 62. P. 1; *Stumphauser J.S.* // Journal of Personal and Social Psychology. 1972. Vol. 21. P. 10.

[13] См.: *Mischel W.* // Journal of Abnormal Social Psychology. 1961. Vol. 62. P. 1.

[14] В известной мере сходными проблемами самоконтроля занимаются исследователи, которые работают в других, выходящих за рамки обзора настоящей статьи направлениях. Ряд работ одного из таких направлений представлен в литературе по оперантному обусловливанию, посвящённой исследованию самоконтроля животных в ситуациях, аналогичных описанным в данной статье. В типичном иследовании такого рода голубь в ящике Скиннера выбирает среди альтернатив, различных по величине и отсрочке подкрепления. Голубь резко прекращает учитывать предстоящее вознаграждение как функцию временной удалённости от момента выбора (см.: *Ainslie G.W.* // Psychological Bulletin. 1975. Vol. 82. P. 463; *Logue A.W.* // Brain Behav. Sci. 1988. Vol. 4. P. 665; *Logue A.W., Rodriguez M.L., Pena-Correal T.E., Mauro B.* // J. Exp. Anal. Behav. 1984. Vol. 41. P. 53; *Rachlin H., Green L.* // J. Exp. Anal. Behav. 1972. Vol. 17. P. 15; *Rachlin H., Logue A.W., Gibbon J., Frankel M.* // Psychological Review. 1986. Vol. 93. P. 33; *Rodriguez M.L., Logue A.W.* // J. Exp. Psychol. Anim. Behav. Proc. 1988. Vol. 14. P. 105). Предпочтение небольшого, безотлагательного вознаграждения более крупному, но отсроченному вознаграждению, увеличивается по мере возрастания интервала времени между моментами выбора и отсроченного вознаграждения (см.: *Rachlin H., Green L.* // J. Exp. Anal. Behav. 1972. Vol. 17. P. 15; *Rachlin H., Logue A.W., Gibbon J., Frankel M.* // Psychological Review. 1986. Vol. 93. P. 33). Сообщают и о других результатах исследований поведения голубей в ситуциях, аналогичных описанным в настоящей статье (см.: *Grosch J., Neuringer A.* // J. Exp. Anal. Behav. 1981. Vol. 35. P. 3). Интересные параллели с исследованиями, представленными в настоящем обзоре, можно провести и с работами экономического направления, в которых изучается влияние откладываемых результатов на принятие решений в экономике и на поведение людей, накапливающих сбережения (см.: *Fischer I.* The Theory of Interest. L.: Macmillan, 1930; *Shefrin H.M., Thaler R.H.* // Econ. Inq. 1988. Vol. 26. P. 609).

была разработана и использована в экспериментах с детьми-дошкольниками сотрудников Станфордского университета вторая методика[15].

Эксперимент по этой методике начинается с того, что ребенку показывают несколько игрушек и говорят, что позже ему дадут поиграть с ними (таким образом задавались однородные положительные последствия эксперимента на отсрочку). Затем экспериментатор предлагает ребенку поиграть с ним в другую игру: он будет выходить из комнаты и возвращаться, как только ребенок позовет его, позвонив в колокольчик. Затем ребенку предъявляют пару объектов (типа сладостей, маленьких игрушек или сувениров) различной ценности, установленной в предварительном исследовании вещей, желательных и привлекательных для детей этого возраста (например, один или два зефира; два печенья или пять крендельков). Ребенку говорят, что он получит то, что ему больше нравится, если дождется возвращения экспериментатора. Позвонив в колокольчик, он может вызвать экспериментатора в любой момент, но в этом случае ему достанется менее привлекательный объект. Ценность элементов объектов в каждой паре была примерно одинаковой. Так делалось для создания у детей конфликтной ситуации между соблазном прекратить отсрочку и желанием ее выдержать с целью достижения предпочитаемого, но откладываемого результата. После того как ребенок подтверждал, что правила игры ему понятны, экспериментатор выходил из комнаты, оставляя его одного. Во время отсрочки велось скрытое наблюдение за поведением ребенка и регистрировалась продолжительность отсрочки, как при вызове экспериментатора, так и в случаях его возвращении без вызова (обычно через 15 *мин*.). С помощью этой методики «возлагаемая на себя отсрочка вознаграждения» исследовалась, с одной стороны, как психологический процесс путем варьирования в экспериментах соответствующих свойств ситуации отсрочки, и, с другой стороны, как характеристика личности в исследованиях связи поведения детей во время отсрочки с их социальной и познавательной компетентностью.

В последующем, сравнительно недавно проведенном исследовании той же выборки детей было обнаружено, что те дети, которые в этой ситуации, когда им было четыре года, ожидали экспериментатора большее время, спустя более чем десятилетие описывались своими родителями в учебном и социальном плане как более компетентные, чем их ровесники. Статистически значимо родители оценивали этих детей как лучше владеющих речью и способных выразить свои идеи; они рассудительны и прислушиваются к разумным доводам, более внимательны и способны к сосредоточению, планируют свои действия и продумывают их последствия, более знающие и умелые. Кроме того, они воспринимают их, как способных более зрелым образом преодолевать стресс и как более самоуве-

---

[15] См.: *Mischel W., Ebbesen E.B.* // Journal of Personal and Social Psychology. 1970. Vol. 16. P. 329; *Mischel W., Zeiss A.R.* // Journal of Personal and Social Psychology. 1972. Vol. 21. P. 204.

ренных[16]. В некоторых вариантах этой лабораторной ситуации обнаружена значимая корреляция времени отсрочки у дошкольников с показателями Школьного Теста Способностей (*ШТС*) (*Scholastic Aptitude Test*), полученных многие годы спустя при их поступлении в университет[17]. Демонстрация существования этих устойчивых индивидуальных различий на протяжении длительного периода возрастного развития, а также то значение, которое теоретически приписывают целенаправленной возлагаемой на себя отсрочке вознаграждения, подчеркивают необходимость понимания и конкретного определения тех психологических процессов, благодаря которым маленькому ребенку, достигающему желанных результатов, удается саморегуляция этого типа.

Эффекты внимания к наградам

В течение почти ста лет теоретического анализа процесса откладывания предполагалось, что в развитии способности к отсрочке вознаграждения особенно важную роль играет внимание индивида в период откладывания[18]. Уильям Джеймс, подчеркивая связь между вниманием и самоконтролем, утверждал, что внимание играет решающую роль в самоконтроле. Начиная с Фрейда, предполагают, что внимание к отсроченным наградам в плане их мысленного, умственного представления или предвосхищения обеспечивает тот механизм, благодаря которому маленький ребенок перекидывает мостик через время отсрочки, необходимое для их достижения. Если ребенок сможет умственно представить предвосхищаемое вознаграждение, тогда он способен к его откладыванию посредством сосредоточения на этой мысли или фантазии, подавляя таким образом импульсивные действия. Некоторые теоретики научения также предполагают, что умственное представление наград открывает возможность своего рода предвосхищаемого или символического, неявного подкрепления, которое помогает поддерживать усилие и целенаправленное поведение, несмотря на отсрочку реального подкрепления[19].

---

[16] См.: *Mischel W., Shoda Y., Peake P.K.* // Journal of Personal and Social Psychology. 1988. Vol. 54. P. 687. Доказательства существования устойчивых психологических качеств получены и в тех исследованиях развития детей на протяжении многих лет, которые использовали другие показатели самоконтроля, необходимого при отсрочках вознаграждения иного типа (см.: *Funder D.C., Block J.H., Block J.* // Journal of Personal and Social Psychology. 1983. Vol. 44. P. 1198). Однако, эти качественные особенности зависят от конкретных выбранных разновидностей поведения откладывания; (для сравнения полученных значений отдаленных корреляций см. *Mischel W., Shoda Y., Peake P.K.* // Journal of Personal and Social Psychology. 1988. Vol. 54. P. 687.

[17] См.: *Shoda Y., Mischel W., Peake P.K.* In prep.

[18] См.: *Freud S.* // Collected Papers. Vol. 4. N.Y.: Basic Books, 1959. P. 13—21; *James W.* Principles of Psychology. N.Y.: Holt, 1890.

[19] См.: *Mischel W.* // Advances in Experimental Social Psychology. Vol. 7 / L. Bercowitz (Ed.). N.Y.: Academic Press, 1974. P. 249—292.

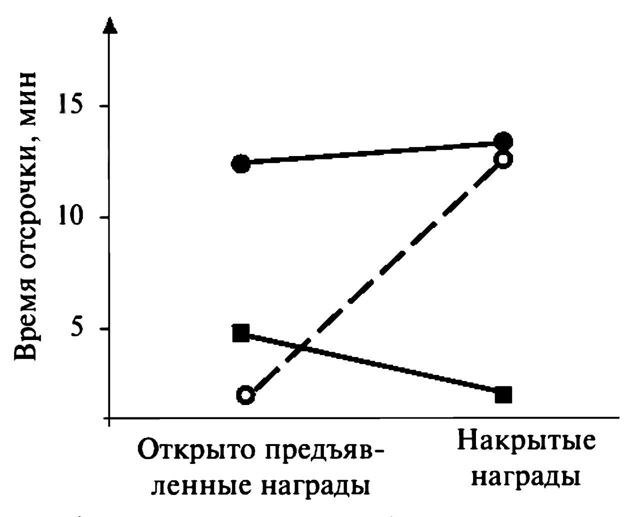


Рис. 1. Среднее время отсрочки 52 станфордских дошкольников в условиях различных мыслей (● — забавные мысли; ■ — мысли о наградах; ○ — не предлагалось никаких мыслей) относительно объектов и наград, предъявленных открытым или закрытым образом[20]

В психологических объяснениях детерминант поведения огромное значение придается наградам. Однако, их роль в процессе откладывания остается сугубо гипотетической из-за трудности объективного исследования, в особенности у детей, мыслей о наградах. С целью изучения влияния мыслей о наградах на возлагаемую на себя отсрочку были проведены эксперименты с дошкольниками из семей сотрудников Станфордского университета. Если мысли о наградах облегчают отсрочку, тогда у детей, которым эти награды предъявляются или которых поощряют думать о них, время ожидания наград должно быть более продолжительным. В первом исследовании систематически варьировалась доступность наград вниманию детей в период отсрочки[21]. Например, в первом условии и безотлагательная (менее предпочитаемая), и отсроченная (более предпочитаемая) награды были на виду. Во втором условии обе награды также находились перед ними, но были накрыты так, что они не могли их видеть. В двух других условиях в период отсрочки предъявлялась только одна награда — либо отсроченная, либо безотлагательная. Результаты оказались обратными тем, которые предполагались исследователями: внимание к наградам не увеличивало, а постоянно и существенно уменьшало время отсрочки. Без предъявления каких-либо наград среднее время ожидания оказалось свыше 11 мин, а с предъявлением любой из наград — менее 6 мин.

---

[20] На основе: *Mischel W., Zeiss A.R.* // Journal of Personal and Social Psychology. 1972. Vol. 21. P. 204.

[21] См.: *Mischel W., Ebbesen E.B.* // Journal of Personal and Social Psychology. 1970. Vol. 16. P. 329.

Во втором исследовании, проведенном с целью более прямого изучения влияния мыслей о наградах, детей наводили на мысли различного рода, направляя их внимание относительно наград[22]. Результаты показали, что когда дошкольников просили думать в период ожидания о наградах, время отсрочки было непродолжительным, независимо от предъявления объектов в открытом или накрытом виде (см. рис. 1). Если же их наводили на отвлекающие (забавные) мысли, то независимо от способа предъявления наград период ожидания составил свыше 10 мин. С другой стороны, когда не внушалось никаких мыслей, то при условии открытого предъявления время отсрочки значительно уменьшалось, что подтверждало данные ранних исследований. Отвлекающие мысли противодействуют сильным эффектам открытого предъявления вознаграждений, позволяя детям ждать приблизительно столько же времени, как и в условии, когда вознаграждения накрыты и никаких отвлекающих мыслей не предлагается[23]. Таким образом последовательно расшатывалось предсказание о том, что внимание и мысли, направленные на вознаграждающие объекты, увеличивают произвольную отсрочку.

Наблюдение за спонтанным поведением детей во время ожидания также говорит о том, что дети, наиболее эффективно справляющиеся с отсрочкой, намеренно избегают рассматривания награды, например, закрывая ладошками глаза или уткнувшись головой в сложенные на столе руки. Многие дети придумывают собственные приемы отвлечения: во время ожидания они тихо, сами с собой разговаривают, напевают, играют на пальцах или болтают ногами, и даже стараются заснуть. Все это выглядит так, как будто они пытаются отсрочить вознаграждение, изменяя внешние условия или предпринимая самонаправленные усилия, чтобы уменьшить фрустрацию в течение периода отсрочки путем избирательного отвлечения своего внимания и мыслей от наград[24]. Все-таки казалось маловероятным, что полное подавление или отвлечение от фрустрации, вызванной данной ситуацией, является единственным определяющим фактором самоконтроля этого типа. Действительно, в последующих экспериментах было установлено, что определенного вида мысли, сосредоточенные на наградах, помогают самоконтролю даже в большей степени, чем отвлечение.

---

[22] См.: *Mischel W., Zeiss A.R.* // Journal of Personal and Social Psychology. 1972. Vol. 21. P. 204.

[23] Значимых различий во времени отсрочки в условии открытого предъявления у детей, которым предлагалось думать о забавном, и в условии закрытого предъявления у детей, которым не навязывалось никаких мыслей, и у тех, которым предлагалось думать о забавном, не было. Значимых различий не было и во времени отсрочки в условии открытого предъявления у детей, которым не навязывалось никаких мыслей, и у тех, кому предлагали думать о наградах.

Интерпретацию, согласно которой внимание к наградам в этой ситуации увеличивает фрустрацию, подтверждают данные исследования, в котором было показано, что в сходной ситуации возлагаемой на себя отсрочки в условии явного предъявления награды время ожидания также становится более продолжительным (см.: *Miller D.T., Karniol R.* // Journal of Personal and Social Psychology.. 1976. Vol. 34. P. 310).

[24] См.: *Mischel W.* // Advances in Experimental Social Psychology. Vol. 7 / L. Bercowitz (Ed.). N.Y.: Academic Press, 1974. P. 249—292.

От отвлечения к абстракции

Результаты исследований, о которых говорилось до сих пор, показали, что открытое предъявление действительных наград или указания думать о них срывают отсрочку. Однако, в этих работах вопрос относительно возможных влияний образов или символических представлений наград прямо не ставился. Быть может, представления этого типа, а именно, образы конечных результатов, а не награды сами по себе, служат для детей средством продления отсрочки вознаграждения[25]. Для проверки этого предположения было проведено экспериментальное исследование, в котором эффекты открытого предъявления реальных наград сравнивались с эффектами предъявления слайдов-изображений этих наград. Было установлено, что открытое предъявление действительных наград затрудняет ожидание, тогда как предъявление их изображений, напротив, его облегчает. При этом у детей, которым показывали (в реальном масштабе) изображения ожидаемых наград, время отсрочки оказалось в два раза больше, чем у детей, которым показывали изображения сопоставимых контрольных объектов, то есть не предвосхищаемых наград, или же предъявляли пустые слайды[26].

С целью более прямой проверки влияния когнитивных представлений наград на поведение откладывания, детей-дошкольников учили трансформировать «в своей голове» предъявляемые во время отсрочки стимулы (реальные награды или их изображения), путем превращения в своем воображении реальных наград в картинки, а картинок в реальные награды[27]. Способ когнитивного представления наград оказался гораздо более мощным фактором поведения откладывания, чем предъявление наград в виде действительной стимуляции. Так, при показе изображений наград время отсрочки составило почти 18 *мин*, но когда дети представляли, что видят действительные награды, оно уменьшилось до 6 мин. Сходным образом, даже в условиях предъявления реальных наград они ожидали почти 18 мин, если в своем воображении они представляли эти награды так, как будто это были картинки.

Эти результаты могут отражать два различных аспекта подкрепляющей (вознаграждающей) стимуляции, которые, в свою очередь, оказывают на поведение самоконтроля совершенно различные эффекты. Опираясь на данные ранних исследований[28], мы предположили, что стимулы могут быть представлены как возбуждающим (потребительски) образом, так и абстрактным (не потребительски), информирующим образом. В случае возбуждающего представления происходит фокусировка на мотивирующих, «горячих» качествах стимула, которые стремятся вызвать выполнение связанной с этим стимулом последовательности

[25] См.: *Freud S.* // Collected Papers. Vol. 4. N.Y.: Basic Books, 1959. P. 13—21; *Mischel W., Moore B.* // Journal of Personal and Social Psychology. 1973. Vol. 28. P. 172.

[26] См.: Mischel W., Moore B. // Journal of Personal and Social Psychology. 1973. Vol. 28. P. 172.

[27] См.: *Moore B., Mischel W., Zeiss A.* // Journal of Personal and Social Psychology. 1976. Vol. 34. P. 419.

[28] См.: *Berlyne D.* Conflict, Arousal and Curiosity. N.Y.: McGraw-Hill, 1960.

действий, такой как потребление пищи или игра с игрушкой. В случае абстрактного представления в фокусе находятся скорее информирующие, «холодные», символические аспекты стимула, например, указание или напоминание о правилах вознаграждения, или доводы в пользу откладывания связанной с этим стимулом последовательности действий[29].

Более конкретно, детей одной группы просили сосредоточить свои мысли на возбуждающих качествах наград (например, на соленом вкусе и хрусте кренделька), а детей другой группы — на абстрактных качествах и ассоциациях с наградами (размышляя о палочках, на которые насажены крендельки, как о длинных и тонких щепках). Две другие контрольные группы детей получили те же инструкции, но в отношении сопоставимых контрольных объектов, которые не выступали в качестве наград. При фокусировке на абстрактных качествах наград, дети ожидали в среднем свыше 13 мин, тогда как при том же самом типе мыслей о контрольных объектах (не наградах) время ожидания составило менее 5 мин (см. рис. 2). Это говорит о том, что абстрактное представление реальных объектов вознаграждения дает больший эффект, чем простое отвлечение.

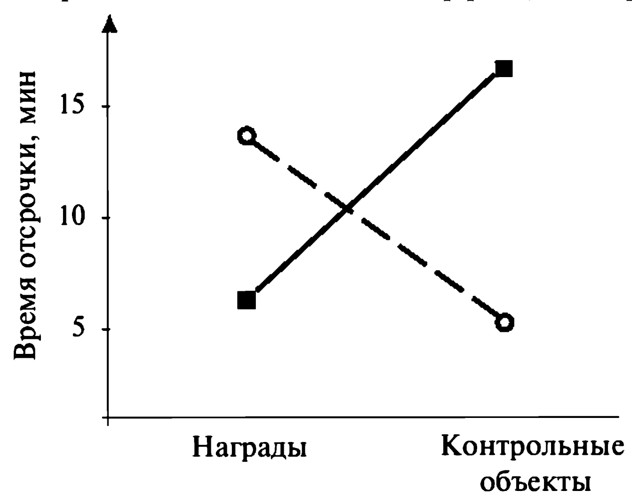


Рис. 2. Время отсрочки в зависимости от объектов (награды или сопоставимые контрольные объекты), на которых сфокусированы мысли, и типы их когнитивного представления (■ — возбуждающий или ○ — абстрактный). При этом всем 48 станфордским дошкольникам награды предъявлялись открытым образом[30]

Как видно из рис. 2, наиболее продолжительное время отсрочки (почти 17 мин) получилось при условии направленности мыслей на возбуждающие каче-

---

[29] См.: *Mischel W., Baker N.* // Journal of Personal and Social Psychology. 1975. Vol. 31. P. 254.

[30] По данным: *Mischel W., Baker N.* // Journal of Personal and Social Psychology. 1975. Vol. 31. P. 254.

ства контрольных объектов (например, когда дети, ожидающие зефир, должны были думать о соленом вкусе хрустящего на зубах кренделька). Следовательно, хотя «горячее» размышление о наградах затрудняет откладывание, в то же время такое размышление может послужить прекрасным отвлечением в том случае, когда оно направлено вместо ожидаемой награды на сопоставимые объекты, не выступающие в качестве наград. Эти результаты подтверждают предположение, что внимание может оказывать либо положительное, либо отрицательное влияние на продолжительность отсрочки в зависимости от того, какая будет фокусировка — возбуждающая или абстрактная.

Результаты этих экспериментов, взятые в целом, помогают понять, каким образом маленькие дети приобретают способность поддерживать возложенную на самих себя отсрочку вознаграждения в течение продолжительных периодов времени. Откладывание становится для дошкольников трудным в ситуации открытого предъявления наград и остается таковым до тех пор, пока им не предлагают или они не находят самостоятельно отвлечений. Инструкции думать о наградах или внимание к ним могут как помочь, так и помешать отсрочке, в зависимости от способа представления этих наград, приводящего к фокусировке или на возбуждающих или на абстрактных свойствах. Абстрактная фокусировка может быть полезна даже в большей степени, чем сопоставимые с наградой объекты отвлечения; возбуждающая фокусировка чрезвычайно затрудняет отсрочку. Решающее влияние на продолжительность отсрочки оказывает не способ явного предъявления награды, реально или ее изображения, а то, как ребенок когнитивно их представляет [абстрактно или в возбуждающем виде. — *Ред.-сост.*].

Условия отсрочки для дошкольников, прогнозирующие отдаленные результаты развития

На основе рассмотренных выше исследований оказалось также возможным определить типы условий отсрочки для дошкольников, позволяющие с наибольшей вероятностью предсказать соответствующие отдаленные результаты развития. В отмечавшихся ранее связях между отсрочкой вознаграждения в четырехлетнем возрасте и компетентностью этих детей в подростковом возрасте не учитывалась специфика условия отсрочки. При открытом предъявлении наград отсрочка вознаграждения становилось настолько фрустрирующим фактором, что дети, чтобы поддерживать целенаправленное поведение ожидания, должны были бы прибегать к эффективным стратегиям, например, самоотвлечения или когнитивного представления наград абстрактным, «холодным» способом. Если детей не учили стратегиям продления отсрочки, то им приходилось придумывать и выполнять такого рода стратегии самостоятельно и, как следствие, в их по-

ведении должны были проявиться явные индивидуальные различия в этом виде компетентности. Мы предположили, что в той степени, в какой эта способность будет устойчивой и будет иметь устойчивые последствия для приспособления, время отсрочки у дошкольников в условиях открытого предъявления наград без подсказки каких-либо стратегий может быть диагностичным для предсказания соответствующих результатов развития. Напротив, при закрытых наградах, мы предположили, что поведение откладывания не будет отражать способность создавать эффективные стратегии самоконтроля, поскольку данная ситуация не требует использования таких стратегий.

Эти предположения подтвердились в другом, дополнительном исследовании тех же детей сотрудников Станфордского университета[31]. При этом выборка опрашиваемых лиц была увеличена до такой степени, чтобы указанную роль условий можно было изучить в связи с отдаленными результатами развития этих детей. Кроме того, с целью более объективного измерения уровня развития познавательной сферы и школьной успеваемости подростков использовались показатели Школьного теста способностей (*ШТС*). Дети, интервал отсрочки которых, в то время когда они были дошкольниками, в условиях открытого предъявления наград без подсказки каких-либо стратегий, был наиболее продолжительным, теперь, в подростковом возрасте, оценивались своими родителями как значимо более внимательные и способные к сосредоточению, компетентные, предусмотрительные и разумные. Кроме того, их рассматривали как более способных к настойчивому достижению своих целей и к откладыванию вознаграждения, как лучше управляющих собой, более способных к сопротивлению соблазнам, как терпеливых в отношении фрустрации и зрелыми способами преодолевающими стресс. Помимо оценок родителей, у 35 детей удалось получить показатели *ШТС* и выяснилось, что при тех же условиях длительность отсрочки значимо связана с показателями выполнения как словесных, так и математических заданий этого теста. Наклон линии регрессии предсказывающей зависимость словесных показателей от времени отсрочки составил 0,1 при стандартной ошибке 0,04, а математических — 0,13 при стандартной ошибке 0,03. Коэффициент корреляции для словесных показателей теста равен 0,42 и для математических — 0,57. В противоположность этому, индивидуальные различия в поведении откладывания в условиях накрытых наград не позволяют надежно предсказывать ни оценки родителей, ни продуктивность выполнения *ШТС*.

Значимые корреляции между временем отсрочки у дошкольников и результатами их развития в подростковом возрасте, то есть спустя более чем десятилетие, выглядят довольно впечатляющими на фоне обычно низких и незначимых связей, обнаруживаемых при использовании отдельных показателей социального поведения с целью предсказания других видов поведения, в особенности в тех случаях, когда прогноз распространяется на продолжительные периоды детского разви-

[31] См.: *Shoda Y., Mischel W., Peake P.K.* In prep.

тия[32]. В то же время, хотя полученные нами значимые показатели этой связи лежат на уровне, превышающем большинство показателей связей между данными тестирования интеллекта на протяжении этого возрастного периода[33], большая часть разброса наших данных все еще остается непонятной. Небольшой объем выборки детей, у которых были получены показатели *ШТС*, требует особой осторожности при сравнении наших выводов с результатами других работ, а также подчеркивает необходимость проведения повторных исследований, в особенности, на детях из других групп населения и различного возраста.

Как уже отмечалось, время отсрочки у дошкольников, измеренное в диагностическом условии, значимо связано не только с уровнем развития учебных способностей того рода, который оценивают показатели *ШТС*, но и с другими показателями компетентности. Независимо от статистически контролируемых показателей *ШТС*, дошкольники с продолжительным временем отсрочки позже оценивались своими родителями как более способные к самостоятельному решению ряда социальных и личностных проблем. Это говорит о том, что связь между временем отсрочки у дошкольников и последующими суждениями их родителей невозможно полностью приписать компетентности в учебной сфере, измеряемой с помощью *ШТС*.

Наши представления о причинных связях и опосредствующих механизмах, лежащих в основе этих отдаленных корреляций, остаются с неизбежностью умозрительными и допускают множество различных интерпретаций. Например, раннее семейное окружение, где поощряется и демонстрируется возлагаемое на себя откладывание, может породить и какие-то другие виды поведения, способствующие приобретению социальных и когнитивных умений, учебных навыков и установок, которые связаны с высокими показателями *ШТС* и положительными оценками родителей. Однако, не менее разумно предположить, что уже на раннем этапе своей жизни дети будут обладать явным преимуществом в том случае, если они используют эффективные стратегии саморегуляции с целью уменьшения фрустрации в тех ситуациях, где для достижения желанных целей необходимо возлагаемое на себя откладывание вознаграждения. Благодаря использованию этих стратегий самоконтороль становится более спокойным и уверенным (*less frustrating*), и таким детям удается с большей легкостью настойчиво продолжать свои попытки и наращивать свою компетентность по ходу развития.

Разумеется, что для обеспечения целенаправленной отсрочки и усилия могут быть полезны не только вышеописанные, но и другие стратегии саморегуляции. Необходимость в тех или иных стратегиях определяется типом ситуации отсрочки, например, отсрочка может быть самовозлагаемой и внешне навязываемой. Во время процесса отсрочки дети могут использовать множество разных стратегий,

---

[32] См.: *Mischel W.* Personality and Assessment. N.Y.: Wiley, 1968.

[33] См.: *Bloom B.S.* Stability and Change in Human Characteristics. N.Y.: Wiley, 1964; *Honzik M.P., Macfarlane J.W., Allen L.* // Journal of Experimental Education. 1948. Vol. 17. P. 309.

и, в том числе, самоинструкции, повторение конкретных правил достижения цели, избегание фокусировки на возбуждающих аспектах наград, наблюдение за изменением своего состояния[34]. Сходное исследование, проведенное с детьми в различных ситуациях отсрочки, показало важную роль специальных, детально разработанных и повторяемых планов подавления соблазнов, необходимых для успешного завершения целенаправленных усилий[35]. В той или иной степени такие планы спонтанно используют даже дошкольники. Сходные стратегии саморегуляции обнаружены в исследовании приобретения когнитивных умений с целью успешного решения другого рода задач, таких как чтение и подавление импульсивных действий[36]. Кроме того, кажется правдоподобным, что нуждающиеся в саморегуляции конкретные виды компетентности являются составляющими более широкой способности или группы способностей, включающей в себя как когнитивные, так и социальные знания и умения. В то время как в традиционных теориях и практике тестирования интеллекта компетентность в саморегуляции никак не обсуждается[37], она имеет прямое отношение к недавним попыткам разработки теории социального интеллекта, которая объединяет данные когнитивной, социальной и возрастной психологии с целью полной перестройки анализа разумного поведения[38].

Развитие знания эффективных стратегий саморегуляции

По ходу развития, дети обнаруживают растущее понимание и осознание стратегий, помогающих различным видам самоконтроля. В выборке детей из семей среднего класса сотрудников Станфордского университета, начиная с дошкольного возраста и до шестого класса, оценивалось знание стратегий, которые могут помочь по ходу процесса откладывания[39]. Результаты в целом говорят о том, что, четырехлетки часто отдают предпочтение стратегиям, наименее эффективным для возлагаемой на себя отсрочки, и, таким образом, сами непреднамеренно и в чрезвычайной степени затрудняют самоконтроль. Например, они значительно

---

[34] См.: *Mischel W.* // Advances in Experimental Social Psychology. Vol. 7 / L. Bercowitz (Ed.). N.Y.: Academic Press, 1974. P. 249—292.

[35] См.: *Mischel W., Patterson C.J.* // Minnesota Symposia on Child Psychology. Vol. 11 / W.A. Collins (Ed.). Hillsdale: Erlbaum, 1978. P. 199—230.

[36] См. соответственно: *Brown A.L., DeLoache J.S.* // Children's Thinking: What Develops? / R.S. Siegler (Ed.). Hillsdale: Erlbaum, 1978. P. 3—25; *Meichenbaum D.H., Goodman J.* // Journal of Abnormal Psychology. 1971. Vol. 77. P. 115.

[37] См.: What is Intelligence? Contemporary Viewpoints / R.J. Sternberg, D.K. Detterman (Eds.). Norwud: Ablex, 1986.

[38] См.: *Cantor N., Kihlstrom J.F.* Personality and Social Intelligence. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1987.

[39] См.: *Mischel H.N., Mischel W.* // Child Development. 1983. Vol. 54. P. 603.

чаще предпочитают открытое предъявление наград и мысли о них (например, «потому что мне это приятно») и, как следствие, их попытки ожидания быстро прекращаются. В течение года большинство детей начинает это понимать, и выбирает более эффективные стратегии. Они предпочитают, чтобы соблазнительные объекты были закрыты, и в качестве стратегии самоконтроля вскоре начинают последовательно отбрасывать возбуждающие мысли об этих объектах. В этом возрасте многие из них начинают осознавать проблему усиления соблазна в результате размышления о возбуждающих свойствах наград и пытаются отвлечь себя от этих мыслей (например, «просто напевая песенку»). Кроме того, они начинают понимать ценность самоинструкций, фокусируются на правилах и на их повторении (например, «я подожду, и тогда получу не один, а два зефира» или «я приказываю: не звони в колокольчик ... если ты позвонишь и войдет учитель, то получишь только один зефир»). Правило самоконтроля, которое становится доступным, по-видимому, не ранее третьего класса заключается в признании ценности использования абстрактных мыслей о наградах вместо возбуждающих, что говорит о возможных связях между развитием этого понимания и развитием операционального мышления по Пиаже[40].

Расширение исследований на более старших детей группы риска

До сих пор мы говорили об исследованиях, направленных на изучение некоторых стратегий, помогающих отсрочке в экспериментальных условиях, и развитие знания и понимания этих стратегий. Однако, связи между знанием эффективных стратегий, их спонтанным использованием при попытках самоконтроля и успехами детей в продлении отсрочки пока остаются неизученными. Так, не исследован процесс отсрочки у детей более старшего возраста с такими проблемами поведения, как агрессивность, постоянное нарушение принятых норм и гиперактивность. Это особенно удивительно, поскольку считается, что именно для таких детей эффективное использование внимания и обеспечение отсрочки вознаграждения представляют особую трудность[41]. До сих пор исследование отсрочки вознаграждения было сосредоточено на детях дошкольного возраста без явных рисков возрастного развития. Поэтому недавно было начато исследование, в котором парадигма откладывания была расширена на группу детей более старшего возраста, сталкивающихся с разноо-

---

[40] См.: *Piaget J., Inhelder B.* L'image Mentale Chez l'Enfant. Paris: Presses Universitaires de France, 1966.

[41] См.: *Ross D.M., Ross S.A.* Hyperactivity: Current Issues, Research and Theory. N.Y.: Wiley, 1982.

бразными проблемами социального приспособления, например, агрессивных и замкнутых детей[42].

Это исследование проводилось в летнем интернате перевоспитания малолетних правонарушителей на выборке детей возрастом от 6 до 12 лет. Было установлено, что знание детей о процессах самоконтроля значимо коррелирует с продолжительностью возлагаемой на себя отсрочки. Например, отсрочка была более продолжительной у тех детей, которые знали, что ожидание становится более легким при абстрактном, а не возбуждающем представлении наград. Подобным образом, спонтанное использование внимания в течение периода отсрочки оказалось значимо связанным с реальным временем отсрочки: она была более продолжительной у тех детей, которым удавалось большую часть периода отсрочки поддерживать самоконтроль путем отвлечения себя от фрустрирующей ситуации. Связи между знанием стратегий самоконтроля, спонтанным использованием эффективных стратегий отсрочки и ее продолжительностью сохранялись на высоком уровне значимости даже при статистическом учете эффектов словесного интеллекта. Кроме того, испытуемые с высокими показателями самоконтроля в ситуации отсрочки и, в особенности, в условиях открытого предъявления наград, значимо оценивались на всем протяжении этого летнего периода как менее агрессивные[43]. В общем, результаты исследования старших детей групп риска говорят о том, что когнитивные стратегии внимания, обеспечивающие эффективную отсрочку вознаграждения, как это было определено в ранних экспериментах, спонтанно используют испытуемые с более продолжительным временем отсрочки.

Выводы

Взятые в целом, результаты исследований, проведенных по данной программе и описанных в настоящем обзоре, позволяют конкретно определить некоторые из когнитивных процессов, которые лежат в основе этого типа отсрочки вознаграждения на раннем этапе жизни человека. Независимо от того, направлено ли внимание на награды, или же отвлечено от них, наилучшая для обеспечения стратегия самоконтроля определяется способом когнитивного представления наград. Фокусировка на возбуждающих свойствах наград чрезвычайно затрудняет самоконтроль; фокусировка на более абстрактных, информирующих свойствах дает противоположные эффекты. Более того, тип когнитивного представления может преодолеть и обратить эффекты открытого предъявления наград.

---

[42] См.: *Rodriguez M.L., Mischel W., Shoda Y.* // Journal of Personal and Social Psychology. In prep.

[43] См.: *Rodriguez M.L., Shoda Y., Mischel W., Wright J.* Delay of gratification and children's social behavior in natural settings. Paper presented at the Eastern Psychological Association. Boston, Marsh 1989.

Обнаружены значимые связи между поведением самоконтроля, оцениваемого в данной парадигме его исследования, и обнаруженными спустя много лет результатами социального и когнитивного развития. Экспериментально определены условия, при которых эти отдаленные связи обнаруживаются наиболее явным образом. Кроме того, показано, что понимание эффективных стратегий саморегуляции развивается у детей в определенной последовательности, связанной с их возрастом. Наконец, исследование в той же парадигме отсрочки вознаграждения у детей более старшего возраста, попадающих в группы риска, подтвердило наличие предполагаемых связей этой отсрочки с знанием эффективных стратегий самоконтроля и спонтанным использованием внимания во время попыток его осуществления. Теперь возникает вопрос — может ли обучение умениям откладывать вознаграждение и выявленным стратегиям, которых не достает детям раннего возраста, действительно уменьшить такие риски более позднего развития как, например, школьная неуспеваемость. Иногда выбор отсроченного вознаграждения может быть неблагоразумным, но этого выбора не будет вообще до тех пор, пока индивиды не будут располагать теми знаниями и умениями, которые необходимы для обеспечения отсрочки в том случае, когда они захотят это сделать.

2 *Типы мотивационных конфликтов. Когнитивный диссонанс и его исследования*

К. Левин

[Типы конфликтов]*

Отметим коротко, что конфликт психологически представляет собой такую ситуацию, в которой на индивида *одновременно* действуют *противонаправленные*, но приблизительно равные по величине *силы*. Соответственно, возможны три основных типа конфликтных ситуаций.

1. Индивид находится *между* двумя положительными побудителями, примерно одинаковыми по силе (рис. 1). Это случай Буриданова осла, умирающего от голода между двумя охапками сена.

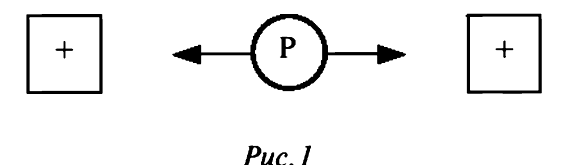


Рис.1

Как правило, конфликты как раз этого типа разрешаются достаточно легко, ибо речь в них обычно идет о состояниях подвижного равновесия: приближение к одной из привлекательных возможностей уже нередко дает ей перевес над другой возможностью. Если речь идет о вопросах, глубоко значимых для индивидуума, то выбор одной из двух приятных вещей оказывается, как правило, легче, чем выбор между двумя неприятностями. <...>

2. Вторая базовая ситуация конфликта налицо в том случае, когда индивид находится *между* двумя примерно равными по величине *отрицательными* побудителями. Характерным примером этого является ситуация наказания (рис. 2). <...>

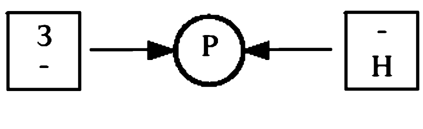


Рис.2

* *К. Левин.* Динамическая психология. М.: Смысл, 2001. С. 169—171.

Например, ребенку не доставляет никакого удовольствия исписывать целую страницу буквой *i*, или не хочется считать. Можно сказать, что на ребенка действует вектор, отталкивающий его от задания. <...>

Если мы хотим побудить ребенка решать задачу вопреки его нежеланию, то прежде всего надо побудить его «переключиться» с его теперешнего занятия, например, какой-нибудь игры, *на арифметическую задачу*. <...>

Одна из возможностей для этого состоит в угрозе *наказания*. При этом поначалу не имеет особого значения, является ли угроза наказания явной, или же она скрыта. Например, ребенку говорят: если ты не будешь считать, я тебя поколочу, или ты не поедешь на загородную прогулку, или ты получишь плохую отметку, или ты останешься на второй год. Таким образом, здесь вводится *второй негативный побудитель*, вторая неприятность. Чтобы создать поле сил, противонаправленное вектору, исходящему из первого отрицательного побудителя, создается второй отрицательный побудитель. <...>

Таким образом, общая ситуация при угрозе наказания топологически соответствует рис. 2: ребенок находится между двумя негативными побудителями — арифметической задачей (З) и наказанием (Н).

3. Наконец, существует и такая возможность: один из противонаправленных векторов поля исходит от *положительного*, а другой — от *отрицательного* побудителя. Однако к конфликту это приводит лишь в том случае, когда ребенок находится не между этими двумя побудителями, а когда и позитивный, и негативный векторы действуют на него *с одной и той же стороны*. Например, ребенок хочет погладить собаку и в то же самое время боится ее; ему хочется съесть торт, но это запрещено. В этом случае мы имеем дело с конфликтной ситуацией, изображенной на рис. 3.

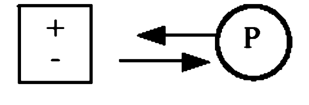


Рис.3

Л. Фестингер

[Теория когнитивного диссонанса и его исследования]*

Введение в теорию когнитивного диссонанса

Давно замечено, что любой человек стремится к сохранению достигнутой им внутренней гармонии. Его взгляды и установки имеют свойство объединяться в систему, характеризующуюся согласованностью входящих в нее элементов. Конечно, не трудно найти исключения из этого правила. Так, некий человек может полагать, что чернокожие американцы ничем не хуже белых сограждан, однако этот же человек предпочел бы, чтобы они не жили с ним в ближайшем соседстве. Или другой пример: некто может считать, что дети должны вести себя тихо и скромно, однако он же испытывает явную гордость, когда его любимое чадо энергично привлекает внимание взрослых гостей. Подобные факты несоответствия между убеждениями и актуальным поведением (а оно порой может принимать достаточно драматичные формы) представляют научный интерес главным образом потому, что они резко контрастируют с распространенным мнением о тенденции к внутренней согласованности между когнитивными элементами. Тем не менее — и это достаточно твердо установленный самыми разными исследованиями факт — связанные между собой установки человека стремятся именно к согласованности.

Существует согласованность также между тем, что человек знает и чему он верит, и тем, что он делает.

Например, человек, убежденный в том, что университетское образование — это образец наиболее качественного образования, будет всячески побуждать своих детей поступать в университет. Ребенок, который знает, что вслед за про-

---

* *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Ювента, 1999. С. 15—22, 24—52, 89—98.

ступком неминуемо последует наказание, будет стараться не совершать его или по крайней мере попытается скрыть содеянное. Все это настолько очевидно, что мы принимаем примеры такого поведения как должное. Наше внимание, прежде всего, привлекают различного рода исключения из последовательного в целом поведения. Человек может сознавать вред курения для своего здоровья, но продолжать курить; многие люди совершают преступления, полностью отдавая себе отчет в том, что вероятность наказания за эти преступления весьма высока.

Принимая стремление индивида к внутренней согласованности как данность, что же можно сказать о подобного рода исключениях? Очень редко случаи несогласованности признаются самим субъектом как противоречия в его системе знаний. Гораздо чаще индивид предпринимает более или менее успешные попытки каким-либо образом рационализировать подобное противоречие. Так, человек, который продолжает курить, зная, что это вредно для его здоровья, может рационализировать свое поведение несколькими способами. Он может считать, что удовольствие, которое получает от курения, слишком велико, чтобы его лишиться, или что изменения здоровья курильщика не столь фатальны, как утверждают врачи, ибо он все еще жив и здоров. И, наконец, если он бросит курить, то может прибавить в весе, а это тоже плохо для здоровья. Таким образом, привычку к курению он вполне успешно согласует со своими убеждениями. Однако люди не всегда столь успешны в попытках рационализации своего поведения; по той или иной причине попытки обеспечить согласованность могут быть неудачными. Здесь-то и возникает противоречие в системе знаний, что неизбежно ведет к появлению психологического дискомфорта.

Итак, мы подошли к тому, чтобы сформулировать основные положения теории, анализу которой будет посвящена данная книга. Однако, прежде чем сделать это, я хотел бы уточнить некоторые термины. Прежде всего, давайте заменим слово *несоответствие* термином меньшей логической коннотации, а именно: термином *диссонанс.*

Аналогичным образом вместо слова *соответствие* я буду употреблять более нейтральный термин *консонанс*. Формальное определение этих понятий будет дано ниже.

Итак, основные гипотезы я хочу сформулировать следующим образом.

1. Возникновение диссонанса, порождающего психологический дискомфорт, будет мотивировать индивида к попытке уменьшить степень диссонанса и по возможности достичь консонанса.

2. В случае возникновения диссонанса, помимо стремления к его уменьшению, индивид будет активно избегать ситуаций и информации, которые могут вести к его возрастанию.

Прежде чем перейти к подробному анализу теории диссонанса, необходимо разъяснить природу диссонанса как психологического феномена, характер концепции, с ним связанной, а также возможности ее применения и развития.

Сформулированные выше основные гипотезы являются хорошей отправной точкой для этого. Их трактовка имеет предельно общее значение, поэтому термин «диссонанс» можно свободно заменить на иное понятие сходного характера, например, на голод, фрустрацию или неравновесие. При этом сами гипотезы будут полностью сохранять свой смысл.

Я предполагаю, что диссонанс, т.е. существование противоречивых отношений между отдельными элементами в системе знаний, сам по себе является мотивирующим фактором. Когнитивный диссонанс может пониматься как условие, приводящее к действиям, направленным на его уменьшение (например, голод вызывает активность, направленную на его утоление). Это — совершенно иной вид мотивации, чем тот, с которым привыкли иметь дело психологи. Но, как мы увидим далее, это чрезвычайно сильный побудительный фактор.

Под термином *знание* я буду понимать любое мнение или убеждение индивида относительно окружающего мира, самого себя, своего собственного поведения. <...>

Возникновение и устойчивость диссонанса

Когда и почему возникает диссонанс? Почему люди совершают поступки, которые не соответствуют их мыслям, которые противоречат убеждениям, входящим в их систему ценностей? Ответ на этот вопрос может быть найден при анализе двух наиболее типичных ситуаций, в которых возникает хотя бы сиюминутный диссонанс со знанием, мнением или представлением человека относительно собственного поведения.

Во-первых, это ситуации, когда человек становится очевидцем непредсказуемых событий или когда ему становится известна какая-либо новая информация.

Так, например, некий субъект планирует поездку на пикник в полной уверенности, что погода будет теплой и солнечной. Однако перед самым его выездом может начаться дождь. Так, знание о том, что идет дождь, будет противоречить его планам съездить за город.

Или другой пример. Представьте себе, что человек, совершенно уверенный в неэффективности автоматической коробки передач, случайно наталкивается на статью с убедительным описанием ее преимуществ. И снова в системе знаний индивида, пусть на короткое мгновение, но возникнет диссонанс.

Даже в отсутствие новых, непредвиденных событий или информации диссонанс, несомненно, является феноменом каждодневным. Очень мало на свете вещей полностью черных или полностью белых. Очень мало в жизни ситуаций настолько очевидных, чтобы мнения о них не были бы до некоторой степени смесью противоречий. Так, некий американский фермер-республиканец может быть не согласен с позицией его партии по поводу цен на сельскохозяй-

ственную продукцию. Человек, покупающий новый автомобиль, может отдать предпочтение экономичности одной модели и в то же время с вожделением смотреть на дизайн другой. Предприниматель, желающий выгодно вложить свободные денежные средства, хорошо знает, что результат его капиталовложения зависит от экономических условий, находящихся вне пределов его личного контроля. В любой ситуации, которая требует от человека сформулировать свое мнение или сделать какой-либо выбор, неизбежно создается диссонанс между осознанием предпринимаемого действия и теми известными субъекту мнениями, которые свидетельствуют в пользу иного варианта развития событий. Спектр ситуаций, в которых диссонанс является почти неизбежным, довольно широк, но наша задача состоит в том, чтобы исследовать обстоятельства, при которых диссонанс, однажды возникнув, сохраняется какое-то время, т.е. ответить на вопрос, при каких условиях диссонанс перестает быть мимолетным явлением. Для этого рассмотрим различные возможные способы, с помощью которых диссонанс может быть уменьшен. А в качестве примера используем случай с заядлым курильщиком, который однажды столкнулся с информацией о вреде курения.

Возможно, он прочитал об этом в газете или журнале, услышал от друзей или от врача. Это новое знание будет, конечно, противоречить тому факту, что он продолжает курить. Если гипотеза о стремлении уменьшить диссонанс верна, то каким в этом случае будет поведение нашего воображаемого курильщика?

Во-первых, он может изменить свое поведение, т.е. бросить курить, и тогда его представление о своем новом поведении будет согласовано со знанием того, что курение вредно для здоровья.

Во-вторых, он может попытаться изменить свое знание относительно эффектов курения, что звучит достаточно странно, но зато хорошо отражает суть происходящего. Он может просто перестать признавать то, что курение наносит ему вред, или же он может попытаться найти информацию, свидетельствующую о некоей пользе курения, тем самым уменьшая значимость информации о его негативных последствиях. Если этот индивид сумеет изменить свою систему знаний каким-либо из этих способов, он может уменьшить или даже полностью устранить диссонанс между тем, что он делает, и тем, что он знает.

Достаточно очевидно, что курильщик из приведенного выше примера может столкнуться с трудностями в попытке изменить свое поведение либо свое знание. И именно это является причиной того, что диссонанс, однажды возникнув, может достаточно долго сохраняться. Нет никаких гарантий того, что человек будет в состоянии уменьшить или устранить возникший диссонанс. Гипотетический курильщик может обнаружить, что процесс отказа от курения слишком болезнен для него, чтобы он мог это выдержать. Он может попытаться найти конкретные факты или мнения других людей о том, что курение не приносит такого уж большого вреда, однако эти поиски могут закончиться и неудачей. Тем самым, этот индивид окажется в таком положении, когда он

будет продолжать курить, вместе с тем хорошо сознавая, что курение вредно. Если же подобная ситуация вызывает у индивида дискомфорт, то его усилия, направленные на уменьшение существующего диссонанса, не прекратятся.

Есть определенные области познания, где существование диссонанса — самая обычная вещь.

Это может происходить, когда два или более устоявшихся убеждения, оба являющиеся релевантными к данному вопросу, будут противоречивыми. Другими словами, поведение, связанное с ними, не может не противоречить по крайней мере одному из этих устоявшихся убеждений. <...>

Определения понятий: диссонанс и консонанс

Я буду стараться формулировать положения этой теории в максимально точных и однозначных терминах. Но так как идеи, которые лежат в основе этой теории, до сих пор еще далеки от окончательного определения, некоторые неясности будут неизбежны.

Термины *диссонанс* и *консонанс* определяют тот тип отношений, которые существуют между парами «элементов». Следовательно, прежде чем мы определим характер этих отношений, необходимо точно определить сами элементы.

Эти элементы относятся к тому, что индивид знает относительно самого себя, относительно своего поведения и относительно своего окружения. Эти элементы, следовательно, являются знаниями. Некоторые из них относятся к знанию самого себя: что данный индивид делает, что он чувствует, каковы его потребности и желания, что он вообще представляет собой и т.п. Другие элементы знания касаются мира, в котором он живет: что доставляет данному индивиду удовольствие, а что — страдания, что является несущественным, а что — важным и т.д.

Термин *знание* использовался до сих пор в очень широком смысле и включал в себя явления, обычно не связываемые со значением этого слова, — например, мнения. Человек формирует какое-либо мнение только в том случае, если полагает, что оно истинно и, таким образом, чисто психологически не отличается от «знания», как такового. То же самое можно сказать относительно убеждений, ценностей или установок, которые служат достижению определенных целей. Это ни в коем случае не означает, что между этими разнородными терминами и явлениями нет никаких важных различий. Некоторые из таких различий будут приведены ниже. Но для целей формального определения все эти явления — суть «элементы знания», и между парами этих элементов могут существовать отношения консонанса и диссонанса.

Существуют и другие связанные с формальным определением вопросы, на которые хотелось бы получить ответ. Например, следует ли под термином

элемент познания понимать только один элемент или это группа элементов? Является ли знание о том, что «зима в Миннеаполисе очень холодная», элементом или его нужно рассматривать как систему элементов, составленную из более специфических знаний? На этот вопрос в настоящее время нет определенного ответа. Однако, как будет показано ниже, это может представлять собой вопрос, который для наших целей вообще не нуждается в ответе.

Другой важный вопрос, касающийся когнитивных элементов, — это то, как они формируются и что определяет их содержание. На этой стадии анализа мы хотели бы подчеркнуть один из наиболее важных факторов, определяющих содержание когнитивных элементов, а именно: фактор объективной реальности. Данные элементы знания являются отражением неких реалий. <...>

Другими словами, элементы знания соответствуют по большей части тому, что человек фактически делает или чувствует, и тому, что реально существует в его окружении. В случае мнений, убеждений и ценностей реальность может состоять в том, что думают или делают другие; в иных случаях действительным может быть то, с чем человек сталкивается на опыте, или то, что другие сообщают ему.

Позволю себе уточнить: люди часто имеют когнитивные элементы, которые заметно отклоняются от действительности, по крайней мере от того, какой ее видят другие. Таким образом, главная идея наших рассуждений состоит в том, что реальность, которая воздействует на индивида, будет оказывать давление в направлении приведения когнитивных элементов в соответствие с этой реальностью. Это не означает, однако, что существующие когнитивные элементы будут всегда соответствовать действительности. <...>

Нерелевантные отношения

Два элемента могут просто не иметь ничего общего между собой. Иными словами, при таких обстоятельствах, когда один когнитивный элемент нигде не пересекается с другим элементом, эти два элемента являются нейтральными, или нерелевантными, по отношению друг к другу.

Например, давайте представим себе человека, который знает, что письмо из Нью-Йорка в Париж, отправленное с регулярной морской почтой, может идти 2 недели и что сухой, горячий июль очень хорош для получения богатого урожая зерна в штате Айова. Эти два элемента знания не имеют ничего общего между собой, т.е. они нерелевантны по отношению друг к другу. Конечно, о подобных нерелевантных отношениях трудно сказать что-либо определенное, за исключением того, что они существуют. В центре нашего внимания будут находиться только те пары элементов, между которыми возникают отношения консонанса или диссонанса.

Во многих случаях, однако, очень трудно решить, являются ли два элемента нерелевантными. Зачастую это просто невозможно определить, не при-

нимая во внимание знаний данного индивида. Иногда может случиться так, что вследствие характера актуального поведения данного человека ранее нерелевантные элементы могут стать релевантными по отношению друг к другу. Это могло бы произойти даже в вышеупомянутом примере. Если человек, живущий в Париже, торговал бы зерном в Соединенных Штатах, он, безусловно, захотел бы узнать прогноз погоды в штате Айова, хотя информация о сроках доставки почты из Нью-Йорка в Париж все же останется для него незначимой.

Прежде чем мы перейдем к определению и обсуждению отношений консонанса и диссонанса, которые существуют между релевантными элементами, полезно было бы подчеркнуть еще раз специальный характер тех когнитивных элементов, которые имеют отношение к поведению индивида. Такой «поведенческий» когнитивный элемент, будучи релевантным к каждому из двух нерелевантных когнитивных элементов, может делать их фактически релевантными по отношению друг к другу.

Релевантные отношения: диссонанс и консонанс

К этому моменту читатель, вероятно, уже составил себе представление о характере явления диссонанса. Два элемента являются диссонантными по отношению друг к другу, если по той или иной причине они не соответствуют один другому.

Сейчас мы можем перейти к тому, чтобы сделать попытку более формального концептуального определения.

Давайте рассмотрим два элемента, которые существуют в знании человека и релевантны по отношению друг к другу. Теория диссонанса игнорирует существование всех других когнитивных элементов, которые являются релевантными к любому из двух анализируемых элементов, и рассматривает только эти два элемента отдельно. Два элемента, взятые по отдельности, находятся в диссонантном отношении, если отрицание одного элемента следует из другого. Можно сказать, что X и Y находятся в диссонантном отношении, если не X следует из Y. Так, например, если человек знает, что в его окружении находятся только друзья, но тем не менее испытывает опасения или неуверенность, это означает, что между этими двумя когнитивными элементами существует диссонантное отношение. Или другой пример: человек, имея крупные долги, приобретает новый автомобиль; в этом случае соответствующие когнитивные элементы будут диссонантными по отношению друг к другу. Диссонанс может существовать вследствие приобретенного опыта или ожиданий, либо по причине того, что считается приличествующим или принятым, либо по любой из множества других причин.

Побуждения и желания также могут быть факторами, определяющими, являются ли два элемента диссонантными или нет. Например, человек, играя

на деньги в карты, может продолжать играть и проигрывать, зная, что его партнеры являются профессиональными игроками. Это последнее знание было бы диссонантным с осознанием его собственного поведения, а именно того, что он продолжает играть. Но для того, чтобы в данном примере определить эти элементы как диссонантные, необходимо принять с достаточной степенью вероятности, что данный индивид стремится выиграть. Если же по некоей странной причине этот человек хочет проиграть, то это отношение было бы консонантным.

Приведу ряд примеров, где диссонанс между двумя когнитивными элементами возникает по разным причинам.

1. Диссонанс может возникнуть по причине логической несовместимости. Если индивид полагает, что в ближайшем будущем человек высадится на Марс, но при этом считает, что люди до сих пор не в состоянии сделать космический корабль, пригодный для этой цели, то эти два знания являются диссонантными по отношению друг к другу. Отрицание содержания одного элемента следует из содержания другого элемента на основании элементарной логики.

2. Диссонанс может возникнуть по причине культурных обычаев. Если человек на официальном банкете берет рукой ножку цыпленка, знание того, что он делает, является диссонантным по отношению к знанию, определяющему правила формального этикета во время официального банкета. Диссонанс возникает по той простой причине, что именно данная культура определяет, что прилично, а что нет. В другой культуре эти два элемента могут и не быть диссонантными.

3. Диссонанс может возникать тогда, когда одно конкретное мнение входит в состав более общего мнения. Так, если человек — демократ, но на данных президентских выборах голосует за республиканского кандидата, когнитивные элементы, соответствующие этим двум наборам мнений, являются диссонантными по отношению друг к другу, потому что фраза «быть демократом» включает в себя, по определению, необходимость поддержания кандидатов демократической партии.

4. Диссонанс может возникать на основе прошлого опыта. Если человек попадает под дождь и, однако, надеется остаться сухим (не имея при себе зонта), то эти два знания будут диссонантными по отношению друг к другу, поскольку он знает из прошлого опыта, что нельзя остаться сухим, стоя под дождем. Если бы можно было представить себе человека, который никогда не попадал под дождь, то указанные знания не были бы диссонантными.

Этих примеров достаточно для того, чтобы проиллюстрировать, как концептуальное определение диссонанса может использоваться эмпирически, чтобы решить, являются ли два когнитивных элемента диссонантными или консонантными. Конечно, ясно, что в любой из этих ситуаций могут существовать другие элементы знания, которые могут быть в консонантном отношении с любым из двух элементов в рассматриваемой паре. Тем не менее отношение

между двумя элементами является диссонантным, если, игнорируя все остальные элементы, один из элементов пары ведет к отрицанию значения другого.

Определение отношений консонанса и нерелевантности следует из определения отношений диссонанса. Если в паре элементов один из них приводит к подтверждению значения другого элемента, то отношение между ними является консонантным. Если ни отрицание, ни подтверждение значения второго элемента пары не следует из первого элемента, то отношение между ними является нерелевантным.

Концептуальные определения диссонанса и консонанса не предоставляют, однако, достаточного базиса для создания валидного инструмента для измерения степени диссонанса. Если мы стремимся к тому, чтобы подтвердить теорию диссонанса эмпирическими данными, необходимо прежде всего обеспечить безошибочную идентификацию явлений диссонанса и консонанса. Безнадежно пытаться получить полный список всех когнитивных элементов, и, даже если такой перечень был бы доступен, в некоторых случаях будет трудно или просто невозможно определить априори, какой из трех возможных типов связей имеет место в данном конкретном случае. Гораздо чаще, однако, априорное определение диссонанса является ясным и четким. (Не забудем также, что два когнитивных элемента могут быть диссонантными для человека, живущего в одной культурной среде, но не для человека, живущего в другой, или же для человека с одним прошлым опытом, но не для человека с опытом иным.) Мы вернемся к рассмотрению этой серьезной проблемы измерения более подробно в тех главах, где будут обсуждаться эмпирические данные.

Степень диссонанса

Все диссонантные отношения, конечно, имеют разную силу и интенсивность. Необходимо уметь отличать степень возникающего диссонанса и быть способным определить, что же его детерминирует и насколько сильным будет данное диссонантное отношение. Сначала мы кратко обсудим некоторые возможные детерминанты силы диссонанса, возникающего между двумя элементами, а затем обратимся к рассмотрению интенсивности диссонанса, который может существовать между двумя системами элементов.

Один очевидный фактор, определяющий степень диссонанса, — это характеристики тех элементов, между которыми возникает диссонантное отношение. Если два элемента являются диссонантными по отношению друг к другу, то степень диссонанса будет прямо пропорциональна важности данных когнитивных элементов. Чем более значимы элементы для индивида, тем больше будет степень диссонантного отношения между ними. Так, например, если человек дает десять центов нищему, хотя и видит, что этот нищий вряд ли по-настоящему нуждается в деньгах, диссонанс, возникающий между этими двумя элементами, довольно слаб. Ни один из этих двух когнитивных элементов не является достаточно важным для данного индивида. Намного больший

диссонанс возникает, например, если студент не стремится подготовиться к очень важному экзамену, хоть и знает, что уровень его знаний является, несомненно, неадекватным для успешной сдачи экзамена. В этом случае элементы, которые являются диссонантными по отношению друг к другу, гораздо более важны для данного индивида, и, соответственно, степень диссонанса будет значительно большей.

Достаточно уверенно можно предположить, что в жизни очень редко можно встретить какую-либо систему когнитивных элементов, в которой диссонанс полностью отсутствует. Почти для любого действия, которое человек мог бы предпринять, или любого чувства, которое он мог бы испытывать, почти наверняка найдется по крайней мере один когнитивный элемент, находящийся в диссонантном отношении с этим «поведенческим» элементом.

Даже совершенно тривиальные знания, как, например, осознание необходимости воскресной прогулки, весьма вероятно, будут иметь некоторые элементы, диссонирующие с этим знанием. Человек, вышедший на прогулку, может сознавать, что дома его ждут какие-либо неотложные дела, или, например, во время прогулки он замечает, что собирается дождь, и так далее. Короче говоря, существует так много других когнитивных элементов, релевантных по отношению к любому данному элементу, что наличие некоторой степени диссонанса — самое обычное дело.

Давайте рассмотрим теперь ситуацию самого общего рода, в которой может возникнуть диссонанс или консонанс. Принимая на время в рабочих целях то, что все элементы, релевантные по отношению к рассматриваемому когнитивному элементу, одинаково важны, мы можем сформулировать общую гипотезу. Степень диссонанса между данным конкретным элементом и всеми остальными элементами когнитивной системы индивида будет прямо зависеть от количества тех релевантных элементов, которые являются диссонантными по отношению к рассматриваемому элементу. Таким образом, если подавляющее большинство релевантных элементов являются консонантными по отношению к, скажем, поведенческому элементу когнитивной системы, то степень диссонанса с этим поведенческим элементом будет небольшой. Если же доля элементов, консонантных по отношению к данному поведенческому элементу будет гораздо меньшей, нежели доля элементов, находящихся в диссонантном отношении с данным элементом, то степень диссонанса будет значительно выше. Конечно, степень общего диссонанса будет также зависеть от важности или ценности тех релевантных элементов, которые имеют консонантные или диссонантные отношения с рассматриваемым элементом.

Вышеприведенное правило можно легко обобщить и использовать для оценки степени диссонанса, который может существовать между двумя системами когнитивных элементов. Эта величина зависит от характера преобладающего типа отношений (диссонантного или консонантного) и, безусловно, от значимости конкретных элементов.

Степень возникающего диссонанса — очень важная переменная при определении интенсивности стремления к уменьшению диссонанса. Поскольку мы неоднократно будем иметь дело с определением степени диссонанса при рассмотрении эмпирических данных, весьма полезным было бы теперь подвести итоги нашего анализа, касающегося определения этой степени. Итак:

1. Если два когнитивных элемента релевантны по отношению друг к другу, то характер отношения между ними является либо диссонантным, либо консонантным.

2. Степень диссонанса (или консонанса) увеличивается вместе с увеличением важности или значения входящих в данную когнитивную систему элементов.

3. Степень диссонанса, существующего между двумя системами когнитивных элементов, напрямую зависит от взвешенной пропорции тех релевантных отношений между двумя системами, которые являются диссонантными. Термин *взвешенная пропорция* используется здесь потому, что каждое релевантное отношение было бы оценено в зависимости от важности элементов, включенных в данное отношение.

Уменьшение диссонанса

Существование диссонанса порождает стремление к тому, чтобы уменьшить, а если это возможно, то и полностью устранить диссонанс. Интенсивность этого стремления зависит от степени диссонанса. Другими словами, диссонанс действует ровно таким же образом, как мотив, потребность или напряженность. Наличие диссонанса приводит к действиям, направленным на его уменьшение, точно так же, как, например, чувство голода ведет к действиям, направленньм на то, чтобы устранить его. Чем больше степень диссонанса, тем больше будет интенсивность действия, направленного на уменьшение диссонанса, и тем сильнее будет выражена склонность к избеганию любых ситуаций, которые могли бы увеличить степень диссонанса.

Чтобы конкретизировать наши рассуждения относительно того, каким образом может проявиться стремление к уменьшению диссонанса, необходимо проанализировать возможные способы, с помощью которых возникший диссонанс можно уменьшить или устранить. В общем смысле, если диссонанс возникает между двумя элементами, то этот диссонанс может быть устранен посредством изменения одного из этих элементов. Существенным является то, каким образом эти изменения могли бы быть осуществлены. Существует множество возможных способов, с помощью которых этого можно достичь, что зависит от типа когнитивных элементов, вовлеченных в данное отношение, и от общего когнитивного содержания данной ситуации.

Изменение поведенческих когнитивных элементов

Когда диссонанс возникает между когнитивным элементом, относящимся к знанию относительно окружающей среды, и поведенческим когнитивным элементом, то он может быть устранен только посредством изменения поведенческого элемента таким образом, чтобы он стал консонантным с элементом среды. Самый простой и легкий способ добиться этого состоит в том, чтобы изменить действие или чувство, которое этот поведенческий элемент представляет. Принимая, что знание является отражением реальности, полагаем, что если поведение индивида изменяется, то когнитивный элемент (или элементы), соответствующий этому поведению, меняется аналогичным образом. Этот способ уменьшения или устранения диссонанса является очень распространенным. Наши поведение и чувства часто изменяются в соответствии с полученной новой информацией. Если человек выехал за город на пикник и заметил, что начинается дождь, он вполне может просто вернуться домой. Существует достаточно много людей, бесповоротно отказавшихся от табака, как только они узнали, что это очень вредно для здоровья.

Однако далеко не всегда бывает возможным устранить диссонанс или даже существенно его уменьшить, только изменяя соответствующее действие или чувство. Трудности, связанные с изменением поведения, могут быть слишком велики, либо же, например, само это изменение, совершенное с целью устранения некоего диссонанса, может, в свою очередь, породить целое множество новых противоречий. Эти вопросы ниже будут рассмотрены более подробно.

Изменение когнитивных элементов окружающей среды

Точно так же, как можно изменить поведенческие когнитивные элементы, изменяя поведение, которое они отражают, иногда возможно изменить когнитивные элементы среды посредством изменения соответствующей им ситуации. Конечно, этот процесс является более трудным, чем изменение поведения, по той простой причине, что для этого нужно иметь достаточную степень контроля над окружающей средой, что встречается достаточно редко.

Изменить среду с целью уменьшения диссонанса гораздо проще в том случае, когда диссонанс связан с социальным окружением, чем тогда, когда он связан с физической средой. Чтобы проиллюстрировать это различие, приведу такой пример. Представьте себе человека, расхаживающего по гостиной своего дома взад и вперед. По какой-то неведомой причине он всегда перешагивает определенный участок пола. Когнитивный элемент, соответствующий этой привычке, несомненно, диссонирует с его знанием о том, что этот участок пола такой же ровный, крепкий, как и другие участки, и вообще ничем не отличается от остального пола. Если однажды вечером, когда его жены не будет дома, он проделает дыру в этом участке пола, он полностью устранит диссонанс. Знание

о том, что в полу есть дыра, будет абсолютно совместимо с тем, что он все время перешагивает то место, где она находится. Иначе говоря, он изменит когнитивный элемент, действенно изменяя среду, чтобы устранить диссонанс.

Всякий раз, когда человек в состоянии осуществлять достаточный контроль над окружением, может использоваться этот метод уменьшения диссонанса. Например, если индивид враждебно настроен по отношению к другим людям, он может окружить себя людьми, провоцирующими враждебность. Его установки по отношению к людям, с которыми он находится в контакте, являются, следовательно, консонантными когнитивным элементам, определяющим его враждебное поведение. Однако возможности манипулирования окружением достаточно ограничены, поэтому другие способы уменьшения диссонанса являются гораздо более распространенными.

Если изменяется когнитивный элемент, а некая реалия, которую он представляет в сознании индивида, остается неизменной, то должны использоваться средства игнорирования или противодействия реальной ситуации. В ряде случаев это практически невозможно (за исключением особых критических ситуаций). Если человек попадает под дождь и промокает с головы до ног, он почти наверняка будет сознавать, что идет проливной дождь, независимо от того, насколько сильным будет его психологическое стремление игнорировать этот факт.

В других случаях относительно легко изменить когнитивный элемент, но реальность при этом останется той же самой. Например, человек может изменить свое мнение о неком политическом деятеле, даже если его поведение и политическая ситуация остаются неизменными. Обычно для того, чтобы это могло произойти, человеку бывает достаточно найти людей, которые согласятся с ним и будут поддерживать его новое мнение. Вообще, для формирования представления о социальной реальности необходимы одобрение и поддержка со стороны других людей. Это один из основных способов, с помощью которого знание может быть изменено. Легко заметить, что в случаях, когда бывает необходима подобная социальная поддержка, наличие диссонанса и, как следствие, стремление изменить когнитивный элемент приводят к различным социальным процессам. <...>

Добавление новых когнитивных элементов

Итак, мы установили, что для полного устранения диссонанса необходимо изменение определенных когнитивных элементов. Понятно, что это не всегда возможно. Но даже если полностью устранить диссонанс нельзя, всегда можно его уменьшить, добавляя новые когнитивные элементы в систему знаний индивида.

Например, если существует диссонанс между когнитивными элементами, касающимися вреда курения и отказа бросить курить, то общий диссонанс можно уменьшить добавлением новых когнитивных элементов, согласующихся с фактом курения. Тогда при наличии подобного диссонанса от человека можно

ожидать активного поиска новой информации, которая могла бы уменьшить общий диссонанс. При этом он будет избегать той информации, которая могла бы увеличить существующий диссонанс. Легко догадаться, что данный индивид получит удовлетворение от чтения любого материала, ставящего под сомнение вред курения. В то же время он критично воспримет любую информацию, подтверждающую негативное воздействие никотина на организм.

Возможности добавления в систему знаний новых элементов, уменьшающих существующий диссонанс, очень велики. Наш курильщик, к примеру, может обратиться к данным статистики несчастных случаев в автомобильных катастрофах. Сделав вывод, что вред курения не идет ни в какое сравнение с опасностью, которой он подвергается, садясь за руль, индивид несколько уменьшает диссонанс за счет снижения важности когнитивных элементов, вступающих в противоречие.

Приведенное выше суждение указывает на возможность уменьшения диссонанса путем изменения пропорции диссонантных и консонантных отношений, касающихся породившего их элемента. Другой возможный способ состоит в добавлении в данную когнитивную систему нового элемента, который в определенном смысле «примиряет» два элемента, находящиеся в диссонантном отношении друг к другу. Чтобы проиллюстрировать это, приведу пример одного исследования. Спиро в своей статье описывает определенные аспекты системы верований ифалуков, одного из первобытных племен. Помня о нашей задаче, рассмотрим следующие пункты этой системы:

1. У ифалуков существует твердая вера в то, что все люди — изначально добры. Т.е. доброта является присущим каждому человеку качеством.

2. В ходе своего взросления подростки этого племени проходят через период, когда по той или иной причине их поведению свойственны проявления открытой агрессии, враждебности и стремления к разрушению.

Очевидно, что вера в то, что все люди добры, резко противоречит характеру поведения подростков. Уменьшить этот диссонанс можно с помощью множества способов. Один из них состоит в том, чтобы изменить свою веру в сущность человеческой природы либо же трансформировать ее таким образом, чтобы она распространялась только на взрослых людей. Другой возможный способ — это изменение содержания идеи доброты таким образом, чтобы проявления агрессии подростков могли считаться нормальным явлением.

Однако способ уменьшения диссонанса у ифалуков был иным. В систему верований был включен элемент, который уменьшил степень диссонанса, примирив приведенную выше убежденность в человеческой доброте и факты проявления враждебности у подростков. Первобытные ифалуки, помимо веры в доброе начало человека, были убеждены в существовании злых духов, которые вселяются в людей и заставляют их совершать плохие поступки.

В результате включения этого элемента в систему верований знание относительно агрессивного поведения подростков больше не противоречило вере в то, что все люди являются добрыми. Это не дети ведут себя агрессивно, все

дело в злых духах, вселившихся в них. С точки зрения психологии это весьма эффективный способ уменьшения диссонанса, поскольку он связан с изменением системы верований. Менее эффективные способы просто-напросто не были столь широко приняты и распространены.

Прежде чем двигаться дальше, я хочу еще раз подчеркнуть, что наличие стремления или даже деятельность, направленная на уменьшение диссонанса, вовсе не гарантируют, что это произойдет. Человек может оказаться не в состоянии найти социальную поддержку, необходимую для изменения когнитивного элемента, или новые элементы, снижающие степень диссонанса. Вполне вероятна и такая ситуация, при которой стремление уменьшить диссонанс фактически может привести к его увеличению. Это зависит от того, с чем сталкивается человек в тот момент, когда он пытается уменьшить диссонанс.

Если эти попытки оказываются неудачными, то, как правило, возникает чувство психологического дискомфорта. И чем более ощутим диссонанс, тем более отчетливо и открыто этот дискомфорт проявляется.

Сопротивление уменьшению диссонанса

Прежде чем говорить об уменьшении (либо полном устранении) диссонанса изменением одного или нескольких когнитивных элементов, необходимо рассмотреть вопрос о сопротивлении изменению этих когнитивных элементов. Будет ли возможным изменение какого-либо элемента, и если да, то какого именно, зависит от величины сопротивляемости когнитивных элементов. Разумеется, если бы никакие когнитивные элементы системы знаний индивида не оказывали сопротивления изменению, то не было бы и оснований для возникновения диссонанса. Мог бы возникнуть кратковременный диссонанс, но если когнитивные элементы данной системы не сопротивляются изменениям, то диссонанс будет немедленно устранен. Рассмотрим главные источники сопротивления уменьшению диссонанса.

Они различны для двух классов когнитивных элементов. Говоря о двух классах этих элементов, я имею в виду то обстоятельство, что выбор способа уменьшения диссонанса зависит от того, относится ли нуждающийся в замене когнитивный элемент к числу поведенческих или же это элемент, отражающий влияние окружающей среды.

Сопротивление изменению поведенческих когнитивных элементов

Первый и самый главный источник сопротивления изменению любого когнитивного элемента — отзывчивость на воздействие реальности. Если человек видит, что трава зеленая, ему очень трудно думать, что это не так.

Человек, прогуливающийся по улице, неизбежно будет осознавать этот факт. Если принять во внимание отзывчивость человека к осознанию реальности, то проблема изменения поведенческого когнитивного элемента становится проблемой изменения поведения, которое отражается этим элементом. Следовательно, сопротивление изменению когнитивного элемента идентично сопротивлению изменения поведения, отраженного этим элементом, при соблюдении условия, что данный индивид осознает окружающую реальность.

Конечно, многие формы поведения имеют незначительное сопротивление изменению или не имеют его вообще. Мы непрерывно изменяем многие из наших действий и чувств в соответствии с изменениями ситуации. Если улица, по которой мы обычно ездим на работу, закрывается на ремонт, то в этом случае, как правило, очень легко изменить свое поведение, добираясь на работу в объезд. Каковы же в таком случае обстоятельства, затрудняющие изменение действий индивида?

1. Такие изменения могут быть болезненными или подразумевать некую потерю. К примеру, человек потратил большую сумму денег на приобретение дома, но захотел изменений. Возможно, ему не нравятся соседи, возможно, дом вдруг разонравился; в любом случае, если он хочет изменить ситуацию, он должен быть готов к неудобствам, связанным с переездом и возможными финансовыми потерями в случае продажи дома. Человек, который хочет бросить курить, должен отдавать себе отчет в том, что ему придется выдержать дискомфорт, связанный с отказом от никотина. Ясно, что в подобных обстоятельствах будет присутствовать определенное сопротивление изменению. Величина этого сопротивления будет, главным образом, зависеть от величины грядущего дискомфорта, который должен быть перенесен.

2. Поведение, ставшее неприемлемым для индивида с одной точки зрения, может оставаться вполне удовлетворительным с другой. Человек может продолжать ежедневно завтракать в одном и том же ресторане, хотя в нем стали плохо готовить, если, к примеру, многие его друзья завтракают там. Или, например, человеку, властному и резкому по отношению к своим домашним, будет трудно отказаться от возможности командовать, даже если по тем или иным причинам он захотел бы изменить свое поведение. В таких случаях величина сопротивления изменениям будет напрямую зависеть от величины удовлетворения, получаемого от данной формы поведения.

3. Осуществление изменений может быть просто невозможным. Было бы ошибочным полагать, что индивид может осуществлять любое изменение в своем поведении, если только захочет этого достаточно сильно. Эти изменения могут быть невозможными по ряду причин. Некоторые формы поведения, особенно эмоциональные реакции, не подвластны волевому контролю индивида. Например, индивид может испытывать сильную реакцию страха, с которой он не в состоянии справиться. Также порой трудно осуществить какое-либо из-

менение поведения просто потому, что новая его форма не входит в набор привычных форм поведения данного индивида. Отец может оказаться не в состоянии изменить свое поведение по отношению к своим детям просто потому, что ему неведома другая манера поведения. Третье обстоятельство, которое делает невозможным осуществление изменений, — неизменяемая природа определенных действий. Если, например, человек продал свой дом, но затем решил вернуть его обратно, вряд ли он в состоянии сделать что-либо, если новый владелец наотрез отказывается продавать дом. Действие совершено и является необратимым. Но в ситуации, когда изменение поведения невозможно, нельзя утверждать, что сопротивление изменению соответствующего когнитивного элемента является бесконечно большим. Сопротивление изменению, которым обладает когнитивный элемент, конечно же, не может быть большим, чем необходимость привести свою жизнь в соответствие с реальностью.

Сопротивление изменению когнитивных элементов окружающей среды

Здесь, как и в случае с поведенческими когнитивными элементами, главный источник сопротивления изменению состоит в отзывчивости этих элементов на воздействие реальности.

Результирующее сопротивление изменению поведенческих элементов состоит из сопротивления когнитивных элементов и сопротивления самого поведения. Когда мы имеем дело с элементами, относящимися к окружающей среде, ситуация представляется несколько иной. Когда имеется ясная и определенная реальность, соответствующая некоторому когнитивному элементу, возможности изменения практически равны нулю. Если бы, например, некий человек захотел изменить свое знание относительно местоположения некоторого здания, которое он видит каждый день, это вряд ли бы ему удалось.

Однако реальность, соотносимая с неким когнитивным элементом, во многих случаях не является столь ясной и однозначной. Когда индивид имеет дело с социальной реальностью, т.е. такой, которая зиждется на соглашениях с другими людьми, сопротивление изменению будет зависеть от того, насколько трудно будет ему найти других людей, поддерживающих новое знание.

Существует другой источник сопротивления изменению как поведенческих, так и относящихся к окружающей среде когнитивных элементов. Мы до сих пор откладывали его обсуждение, потому что он в большей степени относится к элементам окружающей человека действительности. Этот источник сопротивления изменению базируется на том, что подлежащий замене элемент тесно связан со множеством других элементов. В той степени, в которой этот элемент консонантен множеству других элементов, и в той степени, в которой его замена сменила бы консонансы диссонансами, этот элемент будет сопротивляться изменениям.

Приведенные выше рассуждения ни в коем случае не могут считаться исчерпывающим анализом причин сопротивления изменениям. Это скорее перечень различных источников сопротивления. С какого бы рода диссонансом мы ни имели дело, важнейшим фактором при попытке устранить его путем изменения затронутых им когнитивных элементов является результирующее сопротивление изменению.

Пределы увеличения диссонанса

Максимальный диссонанс, который может существовать между любыми двумя элементами, определяется величиной сопротивления изменению наименее стойкого элемента. Как только степень диссонанса достигнет своего максимального значения, наименее стойкий когнитивный элемент изменится, тем самым устраняя диссонанс.

Это не означает, что степень диссонанса часто будет приближаться к этому максимально возможному значению. Когда возникает сильный диссонанс, степень которого меньше, чем величина сопротивления изменениям, свойственного любому из его элементов, уменьшение этого диссонанса для общей когнитивной системы вполне может быть достигнуто за счет добавления новых когнитивных элементов. Таким образом, даже в случае наличия очень сильного сопротивления изменениям общий диссонанс в системе может сохраняться на довольно низком уровне.

Рассмотрим в качестве примера человека, который истратил значительную сумму денег на приобретение нового дорогого автомобиля. Представим себе, что после совершения этой покупки он обнаруживает, что двигатель этого автомобиля работает плохо и что его ремонт обойдется очень дорого. Более того, оказывается, что эксплуатация этой модели гораздо дороже, чем эксплуатация других автомобилей, и вдобавок ко всему, его друзья утверждают, что этот автомобиль просто безвкусен, если не сказать уродлив. Если степень диссонанса станет достаточно большой, т.е. соотносимой с величиной сопротивления изменению наименее стойкого элемента (который в данной ситуации, скорее всего, будет элементом поведенческим), то этот индивид может в конце концов продать автомобиль, несмотря на все неудобства и финансовые потери, связанные с этим. Таким образом, диссонанс не превысил бы величины сопротивления, возникающего при необходимости изменения его поведения, т.е. принятия решения о продаже автомобиля.

Теперь давайте рассмотрим противоположную ситуацию, когда степень диссонанса для индивида, купившего новый автомобиль, была достаточно большой, но все-таки меньше, чем максимально возможный диссонанс (т.е. меньше величины сопротивления изменению, свойственного наименее стойкому к изменениям когнитивному элементу). Ни один из существующих когнитивных элементов, следовательно, не изменился бы, но этот ин-

дивид мог бы сохранять степень общего диссонанса достаточно низкой посредством добавления новых знаний, являющихся консонантными с фактом владения новым автомобилем. Этот индивид мог бы прийти к заключению, что мощность и ходовые характеристики автомобиля более важны, нежели его экономичность и дизайн. Он начинает ездить быстрее, чем обычно, и совершенно убеждается в том, что способность развивать высокую скорость является самой важной характеристикой автомобиля. С помощью подобных знаний этот индивид вполне мог бы преуспеть в поддерживании диссонанса на незначительном уровне.

Вполне возможна и такая ситуация, когда попытки добавить в существующую систему знаний новые консонантные когнитивные элементы окажутся неудачными либо же финансовая ситуация сложится таким образом, что индивид не сможет продать автомобиль. При этом возможность уменьшить степень диссонанса посредством добавления новых когнитивных элементов остается, но она иного рода, чем было рассмотрено выше. Человек может попытаться убедить себя и других, что покупка этого автомобиля была ошибкой и что если бы ему снова пришлось покупать автомобиль, то он выбрал бы другую модель. Этот процесс отделения себя от совершенного поступка психологически может существенно уменьшить диссонанс. Иногда, однако, сопротивление этому может быть очень сильным. Максимальная степень диссонанса, который может возникнуть, будет в таких обстоятельствах зависеть от того, насколько трудно для этого индивида согласиться с тем, что поступок, им совершенный, был необдуманным или глупым.

Избегание увеличения диссонанса

До сих пор наше обсуждение было посвящено рассмотрению проблем, связанных с тенденцией уменьшить или устранить диссонанс. При определенных обстоятельствах возникают явно выраженные тенденции избегать увеличения диссонанса (или полностью предотвращать его появление).

Давайте проанализируем такие ситуации и пронаблюдаем проявления тенденции избегания увеличения диссонанса.

Эта тенденция возникает как естественное следствие появления диссонанса. Она особенно значима в том случае, если (в целях попытки уменьшить диссонанс) необходимо найти некий когнитивный элемент для замены существующего или включить его как новый в данную когнитивную систему. В любом случае поиск новой информации должен быть произведен предельно избирательно. Человек охотно вступит в разговор или дискуссию с тем, кто, как он считает, одобрит содержание нового когнитивного элемента, и, скорее всего, он будет избегать обсуждения данной темы с тем, кто будет поддерживать значимость того элемента, который человек пытается изменить. Человек, вне всяких сомнений, будет искать такие источники информации, которые способствовали бы добав-

лению консонантных элементов, и будет избегать источников, увеличивающих диссонанс.

Если диссонанс незначителен, мы, скорее всего, не встретимся с подобного рода избирательностью в поиске и восприятии источников информации. В случае отсутствия диссонанса будет отсутствовать и какая-либо мотивация поисков источников поддержки или дополнительной информации. Однако существуют и исключения из этого правила. Прошлый опыт может вызывать у индивида страх и, следовательно, порождать стремление избегания ситуаций, ведущих к возникновению диссонанса. В этом случае можно ожидать осторожного поведения индивида.

Мы предпринимаем множество действий и совершаем множество поступков, изменить которые очень трудно. Следовательно, весьма вероятна ситуация того, что, однажды возникнув, диссонанс не только не уменьшится, но, наоборот, будет увеличивать свою интенсивность. Избегание возникновения диссонанса может привести к нежеланию предпринимать какие-либо действия и, в конечном счете, к нежеланию принимать на себя ответственность за совершенные поступки. Когда же бездействие или отказ принимать то или иное решение невозможны, совершение действий может сопровождаться их когнитивным отрицанием. Так, например, человек, купивший новый автомобиль и опасающийся возникновения диссонанса, может немедленно после совершения покупки начать сомневаться в правильности своего поступка. Такой страх перед диссонансом встречается относительно редко, но он возможен. Любые различия в страхе перед диссонансом и способность эффективно его уменьшить важны при определении вероятности возникновения такого способа избегания диссонанса. Чисто методологическая проблема состоит в том, чтобы уметь идентифицировать тип людей, которые используют подобное поведение, и ситуации, в которых эта самозащитная реакция будет использоваться.

Заключение

Основная суть теории диссонанса, которую мы описали, довольно проста и в краткой форме состоит в следующем:

1. Могут существовать диссонантные отношения или отношения несоответствия между когнитивными элементами.

2. Возникновение диссонанса вызывает стремление к тому, чтобы его уменьшить и попытаться избежать его дальнейшего увеличения.

3. Проявления подобного стремления состоят в изменении поведения, изменении отношения или в намеренном поиске новой информации и новых мнений относительно породившего диссонанс суждения или объекта.

Хотя общий смысл теории диссонанса достаточно прост, тем не менее очевидна ее применимость для анализа большого количества ситуаций, не имеющих, на первый взгляд, ничего общего между собой. <...>

Данные, относящиеся к изучению эффектов. Психологические эффекты, возникающие при изменении привлекательности доступных альтернатив

Еще раз напомню, что один из главных методов, с помощью которых может быть уменьшен диссонанс, возникающий после принятия решения, состоит в изменении привлекательности доступных альтернатив таким образом, чтобы различие в привлекательности между выбранной и отвергнутой альтернативой по возможности увеличилось.

Оценить подобное изменение можно достаточно легко, по крайней мере, в относительно простых ситуациях. Такого рода эксперимент, призванный проверить на практике теорию диссонанса, был разработан и проведен Бремом. Цель такого эксперимента была достаточно проста, а именно: предоставить субъекту возможность осуществления выбора между двумя объектами и затем оценить изменение степени привлекательности для субъекта каждого из данных объектов до и после того, как им был сделан окончательный выбор. Процедура эксперимента состояла в следующем.

Испытуемым сообщалось, что они принимают участие в проекте по исследованию рынка с целью оценить привлекательность для покупателей товаров массового потребления, изготовленных различными производителями. Фирмы-производители с помощью такого исследования хотели выяснить, каким образом потребители относятся к их товарам, и затем на основании полученной информации организовать широкие кампании по продаже своих товаров с тем, чтобы увеличить свое присутствие на рынке. Каждой испытуемой (а все они были студентками первого курса факультета психологии колледжа) сообщалось, что их группа является только одной из многих принимающих участие в этом проекте. Экспериментатор извинялся перед студентками за то время, которое они потратят не на самообразование, а на проект по изучению рынка. В качестве компенсации за затраченное личное время, по окончании эксперимента каждая из его участниц получит какой-либо подарок от одной из фирм, принимающих участие в этом проекте.

Эксперимент проводился следующим образом: экспериментатор расставлял перед испытуемыми восемь предметов бытового назначения, кратко характеризуя каждый из них. Стоимость каждого из них составляла приблизительно двадцать долларов. Это были предметы самого разного рода: тостер, кофеварка, радиоприемник, настольная лампа, картина-репродукция на шелке, будильник, книга по искусству и электрический гриль. Испытуемым предлагалось внимательно изучить каждый из них.

После того как испытуемые ознакомились с каждым из предметов, им был выдан опросный лист, в котором необходимо было оценить привлекательность каждого из предложенных изделий, учитывая различные его аспекты. Шкала

для оценки состояла из восьми баллов, от 1 (совершенно непривлекательное) до 8 (максимально привлекательное).

После этого испытуемым напоминали, что каждая из них получит в подарок в качестве благодарности за участие в исследовании одно из восьми изделий, оцениваемых ими. Была разработана следующая схема: каждой испытуемой предоставлялась возможность выбрать только одно из двух изделий, оцененных ею как привлекательные. Это делалось для того, чтобы, во-первых, исключить вероятность выбора одного и того же изделия несколькими испытуемыми (в таком случае их могло просто не хватить) и, во-вторых, гарантировать каждой испытуемой возможность выбора из достаточно широкого набора изделий (чтобы не могла возникнуть ситуация, когда испытуемая была бы вынуждена выбирать из заведомо непривлекательных для нее изделий). После того как девушка делала свой выбор, ее подарок заворачивали в бумагу и отдавали ей, а остальные изделия упаковывались в картонные коробки.

После этого каждой из испытуемых давали прочесть отчет об исследовании, проведенном независимой исследовательской организацией, который был посвящен оценке четырех изделий, уже изученных испытуемой. Отчет содержал перечень положительных и отрицательных характеристик каждого из изделий. После прочтения девушек просили сообщить, что именно в данном отчете привлекло их наибольшее внимание.

Кроме сбора информации, касающейся тех аспектов отчета, которые привлекли наибольшее внимание испытуемых, этот этап эксперимента был необходим для того, чтобы прошел некоторый промежуток времени, перед тем как на следующем этапе эксперимента испытуемым будет предложено еще раз оценить восемь товаров домашнего обихода.

В ходе следующего этапа эксперимента девушек просили еще раз оценить каждое изделие по той же шкале, что и прежде. Экспериментатор объяснял испытуемым, что предыдущая оценка изделий была только предварительной, и теперь, имея в распоряжении большее количество времени, необходимо оценить эти изделия снова. Получив такие окончательные оценки, экспериментатор объяснял истинное содержание и цели эксперимента. Поскольку в то время Брем был всего лишь аспирантом с очень небольшими доходами, понятно, что испытуемые не могли получить данные предметы домашнего обихода в подарок. Студентки, принимавшие участие в эксперименте, восприняли такой поворот событий с сочувствием и пониманием.

Эксперимент был построен таким образом, чтобы обеспечить возможность варьировать число факторов, которые, по теории, должны были оказывать влияние на степень возникающего диссонанса. Два изделия, из числа которых студентка должна была выбрать себе «подарок», были отобраны экспериментатором с учетом того рейтинга привлекательности, который данная испытуемая уже сделала к этому моменту. В каждом случае одно из изделий, включаемых в пару для выбора, было расценено испытуемыми как достаточно привлекательное и

имело оценку 5, 6 или 7 баллов. Второе изделие в паре для выбора было отобрано следующим образом: для половины группы испытуемых это изделие имело оценку на один балл ниже, чем первое изделие в паре (то есть 4, 5 или 6 баллов соответственно); для другой же половины группы второе изделие имело оценку в среднем на 2,5 балла ниже, чем первое изделие. Таким образом, условия выбора для первой половины группы испытуемых должны были, теоретически, вести к возникновению более сильного диссонанса, а для второй половины — к возникновению более слабого диссонанса.

Содержание отчетов, предоставленных студенткам для чтения, также было различным. Для одной половины группы два из четырех отчетов были посвящены оценке изделий, входящих в пару для выбора, в то время как для другой половины группы ни один из предоставленных для чтения отчетов не касался оценки изделий, входящих в эту пару.

Подобная процедура была использована для того, чтобы определить, каким образом наличие дополнительной информации об изделиях, из которых необходимо было сделать выбор, могло повлиять на уменьшение диссонанса. Такая организация эксперимента обеспечила возможность создать четыре разных типа условий. В каждую их этих четырех подгрупп испытуемых входило около тридцати девушек.

Таблица 1

Уменьшение степени диссонанса, возникающего после принятия окончательного решения, посредством изменения степени привлекательности выбранных и отвергнутых альтернатив

Характер условий эксперимента	Абсолютная величина изменения при сравнении результатов первого и второго оценивания изделий		
	избраное изделие	отвергнутое изделие	суммарное значение уменьшения диссонанса
Без чтения исследовательского отчета:			
низкий диссонанс (N* = 33)	+0,38+	+0,24	+0,62
высокий диссонанс (N = 27)	+0,26	+0,66	+0,92
С чтением исследовательского отчета:			
низкий диссонанс (N = 30)	+0,11	0,00	+0,11
высокий диссонанс (N = 27)	+0,38	+0,41	+0,79
условия предоставления подарка без необходимости выбора (N = 30)	0,00	–	–

* *Примечание.* N — число наблюдений. Во всех случаях положительный знак + означает изменение степени диссонанса в направлении ее уменьшения. Изменения, связанные с увеличением привлекательности выбранной альтернативы, а также с уменьшением привлекательности отвергнутой альтернативы, направлены на уменьшение степени диссонанса.

Пятое экспериментальное условие было организовано так же, как описано выше, с той лишь разницей, что испытуемые в этой подгруппе были лишены воз-

можности делать выбор из двух изделий. Вместо этого в тот момент, когда другие четыре подгруппы испытуемых получали два изделия для выбора, испытуемым в этой пятой подгруппе экспериментатор просто вручал какое-либо изделие в качестве «подарка». Изделие, отобранное экспериментатором, было таким, которое получило у членов этой подгруппы оценку 5, 6 или 7 баллов.

Результаты эксперимента, показывающие характер изменения оценочных баллов, полученных изделиями в ходе каждого из этапов оценки, представлены в табл. 1.

Рассмотрим данные, представленные в этой таблице, с точки зрения теории диссонанса. Стремление к уменьшению диссонанса, возникающего после принятия окончательного решения, должно проявиться в увеличении привлекательности выбранного объекта и уменьшении привлекательности отвергнутого объекта. Во всех случаях, где диссонанс был создан принятием окончательного решения (кроме условий, связанных с вручением «подарка»), имело место некоторое уменьшение диссонанса. Величина уменьшения диссонанса была значительной как в условиях высокой, так и низкой степени диссонанса в том случае, когда испытуемым был предоставлен для чтения отчет, касающийся изделий, не входящих в пару для выбора.

Согласно положениям теории диссонанса, чем большее количество когнитивных элементов соответствует положительным качествам отвергнутой альтернативы, тем большей будет степень возникающего диссонанса и, следовательно, тем большим будет стремление к ее уменьшению.

Можно было бы ожидать, что в условиях высокой степени диссонанса, когда привлекательность отвергнутой альтернативы первоначально была выше, чем привлекательность выбранной альтернативы, стремление к уменьшению диссонанса будет более сильным, чем в условиях низкой степени диссонанса. Следовательно, при условии, что попытки к уменьшению диссонанса были эффективными, можно ожидать, что более сильное уменьшение диссонанса будет проявляться в условиях более высокого диссонанса, по сравнению с условиями диссонанса более низкой степени.

Результаты выглядят одинаково как в условиях, когда испытуемым были предоставлены отчеты для чтения, так и в условиях без предоставления такого отчета. В условиях, когда испытуемым были предоставлены для чтения отчеты об исследованиях, посвященные изделиям, входящим в пару для выбора, общее уменьшение степени диссонанса составляло только 0,11 для группы с небольшим диссонансом, а для группы с большим диссонансом это значение составляло 0,79; эти различия являются статистически значимыми.

Когда испытуемые читали отчеты об исследованиях, посвященных не тем изделиям, которые входили в пару для выбора, соответствующие изменения степени диссонанса составляли 0,62 и 0,92 соответственно; различия в этом случае не достигают уровня статистической значимости, хотя направление этих изменений является таким же, как и в предыдущем случае.

Влияние чтения отчетов, касающихся изделий, входящих в пару для выбора, на уменьшение диссонанса выражено менее отчетливо. Предполагалось, что такого рода отчеты, предоставляя испытуемому возможность приобрести новые когнитивные элементы, упростят ему попытку уменьшения степени диссонанса. Если это предположение является верным, то можно ожидать, что общее уменьшение степени диссонанса, так же как и различия между результатами в условиях высокого и низкого диссонанса, должно быть большим в тех условиях эксперимента, когда испытуемые получали возможность изучить отчеты, касающиеся выбранных и отвергнутых в результате выбора изделий, чем в условиях, когда испытуемые не имели возможности ознакомиться с такого рода отчетами. Последнее из этих двух предположений подтверждено эмпирическими данными. Различие в суммарном значении уменьшения диссонанса в условиях высокого и низкого диссонанса было большим и статистически значимым среди тех испытуемых, которые изучали отчеты, касающиеся выбранных или отвергнутых альтернатив. Для остальных групп испытуемых это различие было меньшим и не было статистически значимым.

В целом же в условиях предоставления отчета для чтения суммарное значение уменьшения диссонанса было ниже, чем в условиях без предоставления его. Такого рода результаты, по всей видимости, обусловлены конкретным содержанием предоставленных отчетов. Оно представляло собой чередование положительных и отрицательных утверждений относительно участвующих в выборе изделий. Например, относительно электрического гриля отчет содержал такую информацию:

> Этот гриль универсален, применяется для приготовления гренок, бутербродов, хот-догов, замороженных вафель и т.д. Противни для приготовления вафель могут быть легко присоединены (шнур и специальные пластины для вафель не включены в комплект; их необходимо приобретать за дополнительную плату). Не рекомендуется нагревать пластины гриля слишком долго при закрытой духовке (более 7—8 минут) — они могут быть повреждены. Индикатор температуры имеет большую погрешность и обычно показывает более низкую температуру. Материал внешней поверхности гриля устойчив к повреждениям, легко отмывается, не ржавеет».

Возможно, что отрицательные характеристики, упомянутые в этих отчетах, были настолько существенными, что после ознакомления с содержанием отчетов для многих испытуемых уменьшение степени диссонанса было затруднительным. Тем самым в условиях высокого диссонанса суммарное значение уменьшения диссонанса было несколько уменьшено, в то время как в условиях низкого диссонанса эффект влияния подобных отрицательных характеристик, содержащихся в отчете, был настолько сильным, что сделал совершенно невозможным какое-либо уменьшение степени возникшего диссонанса.

Вернемся теперь к обсуждению условий эксперимента, включавших вручение «подарка». Результаты его до сих пор не были проанализированы. Эти условия эксперимента задумывались как контрольные, поскольку существует по крайней мере один дополнительный достаточно правдоподобный способ объяснения некоторых результатов, которые ожидалось получить в эксперименте. Согласно анализу, представленному в последней главе исследования Брема, диссонанс возникает в результате принятия окончательного решения. Когнитивные элементы, соответствующие положительным характеристикам отвергнутой альтернативы, противоречили содержанию знания относительно предпринятого действия. Если в такой ситуации не существует какой-либо отклоненной альтернативы, то в этом случае либо возникает очень небольшой диссонанс, либо диссонанс полностью отсутствует. Если в организации эксперимента отсутствуют контрольные условия, то становится возможным утверждать, что увеличение степени привлекательности выбранной альтернативы является просто-напросто следствием обладания каким-либо предметом.

Р.Р. Хок

Дисгармония в мыслях*[1]

Теоретические основания

Фестингер рассуждал: для нашего общества нормой считается поведение, когда то, что человек утверждает публично, совпадает с его собственным мнением или убеждением. Следовательно, если вы думаете *X,* но публично утверждаете *не-X,* вы будете переживать дискомфорт когнитивного диссонанса. Однако если вы знаете, что причина, по которой вы утверждаете *не-X,* оправдывается внешним давлением, обещаниями вознаграждения или угрозой наказания, диссонанс редуцируется или устраняется. Таким образом, чем более для вас очевидно, что ваше непоследовательное поведение — результат вашего собственного выбора, тем сильнее будет диссонанс.

Один из способов редуцировать это неприятное состояние диссонанса состоит в том, чтобы изменить ваше собственное мнение таким образом, чтобы оно соответствовало вашему поведению (сделанному публично заявлению). Фестингер утверждал, что изменения установок и мнений будут максимальными при наибольшей степени диссонанса. Подумайте об этом минутку-другую. Предположим, кто-то предлагает вам большую сумму денег, если вы в публичном выступлении выскажете взгляды, противоположные вашим действительным взглядам по данному вопросу, и вы принимаете это предложение. Далее, допустим, что кто-то другой обращается к вам с точно такой же просьбой, но предлагает вам совсем немного денег, и, хотя предлагаемая вам сумма едва ли того стоит, вы все-таки соглашаетесь и выполняете эту просьбу. В каком случае возникающий у вас диссонанс будет больше? Логично предположить, что

---

* *Хок Р.Р.* 40 исследований, которые потрясли психологию. Секреты выдающихся экспериментов. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. С. 249—257.

[1] Базовые материалы: *Festinger L., Carlsmith J.M.* Cognitive consequences of forced compliance // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1959. Vol. 58. P. 203—210.

вы будете переживать более сильный диссонанс в том случае, когда получите меньшую сумму денег, по причине недостаточного оправдания вашего противоречащего собственным установкам поведения. Таким образом, согласно теории Фестингера, ваши собственные мнения и взгляды изменятся больше в том случае, когда вы получите меньшее вознаграждение.

Метод

Представьте себе, что вы студент, записавшийся на вводный курс психологии. Одно из требований к посещающим этот курс — принимать участие в качестве испытуемых в психологических экспериментах — не менее трех часов в семестр. Вы просматриваете перечень тем исследований, которыми занимаются преподаватели и аспиранты, и выбираете одну из них. Это исследование, посвященное измерению *эффективности деятельности,* и вам нужно принять участие в эксперименте, который длится два часа. В этом исследовании, проведенном Фестингером и Карлсмитом, истинная цель эксперимента не сообщалась испытуемым, так как это могло бы серьезно исказить и обесценить полученные результаты. В исследовании приняли участие 70 человек — студентов факультета психологии.

Вы приходите в лабораторию в назначенное время (в этом случае лаборатория — просто обыкновенная комната). Вам сообщают, что эксперимент длится несколько дольше часа, и поэтому от выделенных двух часов останется какое-то время. Далее экспериментатор говорит, что некоторые люди с факультета психологии интересуются тем, как испытуемые чувствуют себя во время эксперимента, и просит вас поговорить с ними в оставшееся время. Затем вас знакомят с вашей первой задачей.

Перед вами поднос, на котором лежат 12 катушек. Ваша задача — брать катушки с подноса и складывать их на стол, затем снова перекладывать их на поднос и потом опять — с подноса на стол, и так продолжать и продолжать эту нехитрую процедуру. Вы должны работать одной рукой и с какой угодно скоростью. Экспериментатор смотрит на секундомер и делает какие-то пометки, в то время как вы выполняете задание в течение 30 минут. Затем поднос убирают и выдают вам доску с 48 квадратными фишками. Теперь ваша задача — поворачивать фишки поочередно на четверть оборота все снова и снова в течение следующих 30 минут. Если подобное занятие представляется вам невыносимо нудным и скучным, то именно это и было нужно авторам эксперимента. Эта часть исследования была, по словам авторов, «специально придумана для того, чтобы вызвать у всех испытуемых одинаковое состояние, которое каждый из них оценивал бы как выраженно негативное». Вряд ли кто-нибудь усомнится в том, что эта цель была ими достигнута. По окончании этих скучнейших занятий начинался действительный эксперимент.

Участники были в случайном порядке разделены на три группы. Испытуемых контрольной группы после выполнения описанных выше заданий приглашали в соседнюю комнату для интервьюирования по поводу их реакций во время этих занятий. Остальные испытуемые были вовлечены в некоторое дальнейшее манипулирование. По окончании описанных занятий экспериментатор беседовал с ними якобы с целью объяснения исследования. Он говорил каждому из испытуемых, что тот входит в число испытуемых группы А, а именно в число тех, кто выполнял задания без всякой предварительной информации, в то время как испытуемым группы В заранее сообщали описание заданий, которые им предстояло выполнять. Он говорил далее, что испытуемым группы В рассказывали, что задания очень увлекательные и интересные, и что эту информацию им сообщал аспирант, выдающий себя за испытуемого, который уже выполнял эти задания. Важно отметить, что все это не соответствовало действительности. Все это было придумано для того, чтобы следующая, решающая часть исследования выглядела реалистичной и убедительной.

Затем экспериментатор уходил из комнаты на несколько минут. По возвращении он продолжал разговор, но теперь выглядел несколько сконфуженным и неуверенным. Немного смущаясь, он объяснял, что аспирант, который обычно информирует испытуемых из группы В, сообщил по телефону, что заболел, а очередной испытуемый из этой группы уже ждет, и они оказались в трудном положении. После чего он вежливо спрашивал испытуемого, не согласится ли тот помочь, а именно — рассказать этому испытуемому из группы В о заданиях, которые нужно будет выполнять.

В виде вознаграждения за помощь экспериментатор предлагал некоторым испытуемым по одному доллару, а другим — по двадцать долларов. После того как испытуемый соглашался, экспериментатор выдавал ему лист бумаги, подписанный *для группы В,* в котором отмечалось: «Было очень приятно, весело, получил массу удовольствия. Это было интересно и захватывающе». Затем испытуемому выдавали один доллар или двадцать долларов и препровождали в соседнюю комнату, где его ждал другой *испытуемый.* Они оставались наедине в течение двух минут, после чего экспериментатор возвращался, благодарил первого испытуемого за помощь и приглашал его пройти в комнату для интервью, где его просили оценить те первые задания, которые он выполнял, точно так же как это делали испытуемые из контрольной группы.

Вся процедура может показаться излишне сложной, но на самом деле это не так. Было три группы испытуемых: одна группа — испытуемые, получавшие по одному доллару за ложную оценку выполнявшихся ими заданий, вторая группа — те испытуемые, которые получали по двадцать долларов за то же самое, и контрольная группа — испытуемые, которым не пришлось говорить ложь вообще. Данные по 11 испытуемым не были включены в конечный анализ по причине процедурных ошибок, поэтому в каждой группе оказалось по 20 человек.

Результаты

Результаты исследования выразились в том, как испытуемые оценивали эти скучные задания, которые они выполняли, в конечном интервью. Их просили оценить эксперимент следующим образом.

1. Были ли задания интересными и увлекательными? Оценку нужно было выразить по шкале от -5 (крайне нудные и неинтересные) до +5 (очень интересные и увлекательные); оценка 0 баллов означала, что задания были неопределенные, не слишком интересные, но и не крайне скучные.

2. Как много вы узнали о своей способности выполнять подобные задания? Ответ нужно было указать с помощью 10-балльной шкалы (от 0 до 10 баллов, где 0 означает ничего, 10 — очень много).

3. Считаете ли вы, что эксперимент и выполненные вами задания измеряли что-нибудь важное? Ответ нужно было указать с помощью 10- балльной шкалы (от 0 до 10 баллов, где 0 означает ответ «никакой научной ценности», 10 — «большая научная ценность»).

4. Вы хотели бы принять участие в другом подобном эксперименте? Ответ нужно было указать с помощью 10-балльной шкалы (от –5 до +5, где –5 означает решительное нежелание участвовать, а +5 — уверенное желание участвовать).

Таблица 1

Средние баллы по интервью для каждой из групп испытуемых[2]

Вопросы	Контрольная группа	Группа с вознаграждением 1$	Группа с вознаграждением 20 $
1.Насколько увлекательными были задания (от –5 до +5)	–0,45	+1,35	–0,05
2.Как много вы узнали (от 0 до 10)	3,08	2,80	3,15
3.Научная значимость (от 0 до 10)	5,60	6,45	5,18
4.Желание участвовать в другом аналогичном эксперименте (от –5 до +5)	–0,62	+1,20	–0,25

Средние баллы ответов на вопросы представлены в табл. 1. Вопросы 1 и 4 были предназначены для проверки теории когнитивного диссонанса Фестингера, и полученные данные оказались вполне определенными. В противоположность предшествующим интерпретациям исследований в данной области и в противоположность тому, что большинство из нас могли бы ожидать, исходя из здравого смысла, выявлено следующее. Тем испытуемым, которым за лож-

[2] См.: *Festinger L., Carlsmith J.M.* Cognitive consequences of forced compliance // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1959. Vol. 58. P. 207.

ную оценку заданий заплатили по одному доллару, эксперимент понравился больше, чем тем, которым за то же самое заплатили по двадцать долларов, и тем, которым лгать не приходилось вообще. Это нашло отражение как в ответах на первый прямой вопрос, так и в большей готовности испытуемых, получивших по одному доллару, участвовать в другом аналогичном эксперименте (вопрос 4).

Обсуждение

Теория когнитивного диссонанса, словами Фестингера, утверждает:

1. Индивид, вынужденный сделать или сказать что-то такое, что противоречит его личному мнению, будет испытывать тенденцию изменить свое мнение таким образом, чтобы привести его в соответствие с тем, что он делал или говорил.

2. Чем больше было внешнее давление, вызвавшее поведение человека, тем слабее будет вышеупомянутая тенденция.

Данные описанного выше эксперимента Фестингера и Карлсмита явно подтверждают эту теорию. Объяснение, данное Фестингером в отношении полученных в этом эксперименте результатов, заключается в следующем. Когда люди совершают поступки, не согласующиеся с их установками или убеждениями (например, лгут), но при этом у них есть весомое оправдание этих поступков (20 долларов), сильный диссонанс не возникает, и потому люди не будут испытывать настойчивого побуждения к тому, чтобы изменить свое мнение (установку, убеждение). Напротив, люди, не имеющие достаточного оправдания (всего 1 доллар) своих не согласующихся с установками (личными мнениями, убеждениями) поступков, будут испытывать сильный диссонанс и, следовательно, более радикально изменят свои мнения (оценки, установки), с тем чтобы редуцировать порождаемый диссонансом дискомфорт. Эта теория графически может быть представлена следующим образом (рис. 1):

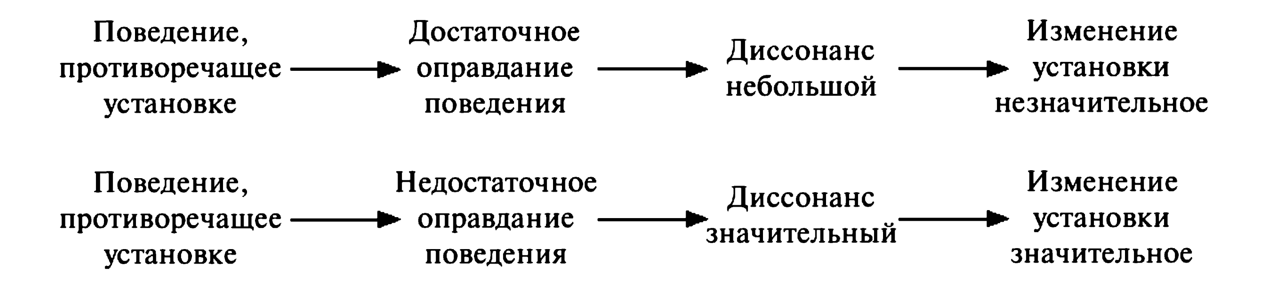


Рис. 1

Вопросы и критические замечания

<...> За многие годы, прошедшие с тех пор, как когнитивный диссонанс был впервые продемонстрирован Фестингером и Карлсмитом, другие исследователи усовершенствовали — но не опровергли — эту теорию. Разного рода уточнения были обобщены Купером и Фазио, которые выделили четыре условия, необходимые для того, чтобы в результате действия когнитивного диссонанса произошло изменение установки[3]. Первое условие состоит в том, что противоречащее установке поведение должно порождать нежелательные, негативные последствия. Испытуемые Фестингера и Карлсмита должны были лгать другим студентам и убеждать их принять участие в очень скучном эксперименте. Это объясняет также, почему в случаях, когда вы говорите кому-либо комплимент по поводу костюма, который на самом деле вам кажется ужасным, ваша оценка костюма не меняется.

Второе условие состоит в том, что вы должны принимать личную ответственность за последствия своего поведения. Обычно это бывает связано с выбором. Если вы выбираете такой вариант поведения, который противоречит вашей установке и при этом приводит к негативным последствиям, вы будете переживать состояние диссонанса. Однако если кто-то вынуждает вас вести себя определенным образом, вы не будете чувствовать личной ответственности и не будете переживать никакого диссонанса. Хотя в названии статьи Фестингера и Карлсмита использовано выражение *вынужденное согласие,* в действительности испытуемые думали, что их действия были свободными.

Было также продемонстрировано, что физиологическое возбуждение (третье условие) — необходимый компонент процесса возникновения когнитивного диссонанса. Фестингер понимал, что диссонанс — это дискомфортное состояние психического напряжения, которое побуждает нас к изменению наших установок. Исследования показали, что действительно, когда испытуемые без внешнего принуждения поступают вразрез со своими установками, они переживают состояние физиологического возбуждения. Фестингер и Карлсмит не измеряли это состояние у своих испытуемых, но имеются вполне достаточные основания предполагать, что оно у них возникало.

И наконец, четвертое условие заключается в том, что индивид должен осознавать: переживаемое им возбуждение является следствием его собственного поведения, не соответствующего его установкам. Дискомфорт, который чувствовали участники эксперимента Фестингера и Карлсмита, легко и ясно связывался с тем фактом, что они говорили неправду другому студенту.

Теория когнитивного диссонанса Фестингера и Карлсмита стала широко известным и хорошо подтвержденным психологическим событием. Большинство психологов согласны, что существует два фундаментальных процесса, посред-

---

[3] См.: *Cooper J., Fazio R.* A new look at dissonance theory // Advances in experimental social psychology / L. Berkowitz (Ed.). N.Y.: Academic Press, 1984.

ством которых изменяются наши мнения и установки. Одним из них является убеждение — когда другой человек активно воздействует на нас, склоняя нас к тому, чтобы мы изменили наши взгляды, другим — когнитивный диссонанс.

Современные разработки

Многочисленные последующие работы продемонстрировали и подтвердили правильность теории и данных, полученных Фестингером и Карлсмитом. Водном интересном исследовании студентов — участников эксперимента посредством определенного манипулирования *удалось убедить* в том, что в прошлом они выступали за или против идеи о проведении общего итогового экзамена за весь курс обучения в университете[4]. Исследователи обнаружили, что вне зависимости от актуальных убеждений студентов сфальсифицированная обратная связь относительно якобы выражавшихся ими ранее мнений оказала существенное влияние на их будущие установки и поведение, связанные с экзаменом, о котором идет речь. Другими словами, согласно теории когнитивного диссонанса Фестингера и Карлсмита, сообщение испытуемым информации о том, что в прошлом они вели себя соответственно определенным убеждениям, привело к тому, что в дальнейшем они стали вести себя так, чтобы избежать диссонанса между этими убеждениями и своим поведением.

В увлекательном исследовании совсем другого плана теория когнитивного диссонанса была использована для объяснения того, почему люди, злоупотребляющие наркотиками, продолжают, находясь под воздействием наркотика, садиться за руль — даже после прохождения программы принудительного лечения в связи с нарушениями правил безопасности дорожного движения[5]. Один из результатов этого прикладного психологического исследования заключается в следующем. Те из участников, которые перестали садиться за руль в состоянии наркотического воздействия, верили, что многие наркотики в значительной степени нарушают способность вождения и увеличивают риск дорожно-транспортного происшествия. Напротив, нарушители, которые продолжали, приняв наркотический препарат, водить автомобиль, были убеждены, что только лишь алкоголь является сильным фактором риска. Здесь опять-таки теория Фестингера и Карлсмита позволяет наилучшим образом объяснить полученные данные. Вождение автомобиля после принятия наркотика у человека, прошедшего длительный курс лечения, по всей вероятности, вызывало бы весьма интенсивное дискомфортное состояние когнитивного диссонанса, которое

[4] См.: *Albarracin D., Wyer R.* The cognitive impact of past behavior: Influences on beliefs, attitudes, and future behavioral decisions // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. Vol. 79(1). P. 5—22.

[5] См.: *Albery I., Strang J., Gossop M., Griffiths P.* Illicit drugs and driving: Previewence, beliefs, and accident involvement among a cohort of current out-of-treatment drug users // Drug and Alcohol Dependence. 2000. Vol. 58(1-2). P. 197—204.

можно было бы устранить только лишь значительным изменением установки относительно последствий употребления наркотиков (в данном случае посредством так называемого *отрицания* (*denial*)).

Наконец, очень важное исследование, основанное на теории когнитивного диссонанса Фестингера, было проведено Э. Аронсоном в университете Калифорнии (Санта Круз). Оно посвящено изменению связанного с риском сексуального поведения студентов[6]. Сексуально активных студентов попросили сделать видеозаписи дискуссии на тему: «Как использование презервативов позволяет уменьшить риск ВИЧ-инфекции». Затем половине испытуемых было предложено, разделившись на подгруппы, провести обсуждение вопроса о том, почему студенты колледжа настроены против использования презервативов, и поделиться собственным опытом неиспользования их. Другими словами, эти испытуемые были вынуждены признаться, что они не всегда поступают в соответствии с тем, за что они только что ратовали во время видеозаписи; им приходилось обнаруживать собственное лицемерие. Другие студенты, принимавшие участие в обсуждении, не участвовали в последующих дискуссиях. Когда в дальнейшем представлялась возможность покупать презервативы, то покупателей из «лицемерной» группы было значительно больше, чем из числа тех испытуемых, которые только участвовали в видеозаписи, но не проводили последующего обсуждения. Более важным фактом является следующий. Когда три месяца спустя испытуемых интервьюировали на тему их сексуальных практик, 92% студентов из «лицемерной» группы сообщили, что они используют презервативы постоянно, в то время как в группе испытуемых, которые участвовали в видеозаписи, но которым не пришлось публично признаваться в расхождении между собственными установками и поведением, число ответивших аналогичным образом составило лишь 55%. Этот результат является одним из ярких примеров действия когнитивного диссонанса.

Чем больше рассогласование между вашими убеждениями и вашим поведением, тем более сильный диссонанс вы будете переживать и тем сильнее будете мотивированы к изменению вашего поведения. Э. Аронсон, ревностный пропагандист теории когнитивного диссонанса и его использования в целях достижения желательных изменений поведения в реальных жизненных обстоятельствах, объясняет, что:

> Большинство из нас то и дело позволяют себе поступать лицемерно, потому что мы умеем закрывать на это глаза. Но если кто-нибудь подойдет и заставит вас пристально взглянуть на собственный поступок, вы уже не сможете отделаться пожиманием плеч[7].

---

[6] См.: *Shea C.* A University of California psychologist investigates new approaches to changing human behavior // Chronicle of Higher Education. 1997. Vol. 43(41). P. A15.

[7] См.: Там же. P. A15.

Тема 12

Психология мотивации

Основные проблемы психологии мотивации. Потребности как основа мотивационных процессов. Виды потребностей и их эволюция. Физиология и психология потребностей. Виды мотивов и основные критерии их классификации. Строение потребностно-мотивационной сферы и проблема ее уровней. Общее представление о базовой мотивации и механизмах ее преобразования. Различие стратегий выделения первичных источников побуждения. Мотивация и деятельность. Постоянная и ситуативная мотивация. Факторы, определяющие актуализацию и побуждающую силу мотивов. Уровень притязаний и его исследование. Мотивация достижения и модель принятия риска. Оптимум мотивации и продуктивность деятельности. Проблема внешней и внутренней мотивации. Мотивация и личность. Соподчинение мотивов, его роль в становлении и развитии личности. Мотивационные конфликты, их исследование и возможные способы разрешения. Защитные механизмы личности в классическом психоанализе и гештальттерапии.

Вопросы к семинарским занятиям

1. *Общее представление о мотивации*
2. *Классификации мотивов. Проблема базовой мотивации*
3. *Ситуативная мотивация, ее исследования в школе К. Левина*
4. *Классические и современные теоретические проблемы мотивации*
5. *Оптимум мотивации. Закон Йеркса-Додсона*
6. *Экспериментальные исследования мотивации*

1 *Общее представление о мотивации*

В. Вилюнас

Явление мотивации*

Термин «мотивация» в современной литературе используется как родовое понятие для обозначения совокупности психологических образований и процессов, побуждающих и направляющих поведение на жизненно важные условия и предметы, определяющих пристрастность, избирательность и конечную целенаправленность психического отражения и регулируемой им активности. Такая широкая трактовка соответствует непосредственному житейскому пониманию мотивации как того, что объясняет, почему живое существо предпочитает совершать одно, а не другое поведение, иными словами, что лежит в основе избирательности и результативной направленности поведения. Этому пониманию отвечают и наиболее обобщенные определения мотивации как «совокупности факторов, побуждающих, поддерживающих и направляющих поведение»[1], как «побудительной силы или сил, ответственных за инициацию, сохранение, направленность и интенсивность целенаправленного поведения»[2].

Разумеется, эти отвлеченные характеристики могут рассматриваться лишь как вводные, и следующий естественный и желательный шаг в ознакомлении с мотивационной сферой мог бы состоять в определении ключевых терминов, используемых в ее описании. Однако определение как понятийное размещение явления в некотором более широком контексте предполагает не только известность, но и предварительную расчлененность этого контекста, наличие в нем отчетливо различаемых структур и традиций в их терминологическом обозначении. Широкий круг явлений мотивации таким контекстом не располагает, в связи с чем попытки формального определения терминов неизбежно обречены на некоторую недоговоренность, обусловленную использованием

---

* *Вилюнас В.* Психология развития мотивации. СПб.: Речь, 2006. С. 7—11.

[1] См.: *Madsen K.B.* Theories of motivation. A comparative study of modern theories of motivation. Copenhagen: Munksgaard, 1968. P. 46.

[2] См.: *Colman A.M.* Dictionary of psychology. N.Y.: Oxford University Press, 2003. P. 464.

таких понятий, как нужда, необходимость, побуждение, которые должны пониматься непосредственно и поэтому допускают разночтения. Очевидно, что при таких условиях наиболее целесообразно сосредоточить внимание на поиске тех оснований, которые способствовали бы постепенному уточнению терминов.

Есть еще одно обстоятельство, заставляющее проявлять осторожность в изначальном выборе и фиксации значения понятий. Оно связано с крайней неоднозначностью интерпретации терминов в различных концепциях мотивации, часто подчеркиваемой в литературе. А.Н. Леонтьев, в частности, по этому поводу писал, что работы по проблеме мотивации

> почти не поддаются систематизации — до такой степени различны те значения, в которых употребляется в них термин «мотив». Создается впечатление, что сейчас понятие мотива превратилось в большой мешок, в который сложены самые разнообразные вещи. Среди мотивов или мотивирующих факторов называются, например, аппетит, влечения, импульсы, привычки и навыки, желания, эмоции, интересы, цели или такие более конкретные мотивы, как раздражение электрическим током, ощущение удовольствия, честолюбие, зарплата, идеалы[3].

Однако о чем это свидетельствует? Только ли о произволе, господствующем в области мотивации, и невнимательности друг к другу отдельных авторов? Не может ли быть так, что и влечения, и интересы, и раздражение электрическим током, и честолюбие действительно являются мотивирующими факторами? На таком разнообразии мотивов настаивает, в частности, Г. Олпорт:

> Некоторые мотивы преходящи, другие повторяются, некоторые мгновенны, другие долговременны, некоторые бессознательны, другие осознанны; некоторые снижают напряжение, другие его поддерживают. Мотивы столь разнообразны, что трудно раскрыть то, что их объединяет. Мотивы человека включают все, что он пытается (сознательно или бессознательно, рефлекторно или намеренно) делать[4].

Столь разнообразное обнаружение мотивации означает, что понятие мотива превратилось в «мешок» только потому, что мотивация представляет собой весьма объемную, сложную, многоуровневую сферу, в которой «сложены» самые разнообразные вещи, и что беда лишь в том, что очень мал выбор тер-

---

[3] См.: *Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы и эмоции // Психология мотивации и эмоций / Ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, М.В. Фаликман. М.: ЧеРо, 2002. С. 66. О различных подходах к пониманию и определению мотивационных понятий см. также: *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2004; *Kleinginna P.R., Kleinginna A.M.* A categorized list of motivation definitions, with suggestions for a consensual definition // Motivation and emotion. 1981. Vol. 5(3). P. 263—291; *Madsen K.B.* Theories of motivation. A comparative study of modern theories of motivation. Copenhagen: Munksgaard, 1968; *Madsen K.B.* Modern theories of motivation. A comparative metascientific study. Copenhagen: Munksgaard, 1974.

[4] См.: *Олпорт Г.* Становление личности. Избранные труды. М.: Смысл, 2002. С. 303.

минов для описания этих явлений. На каком основании предпочитать одно из предлагаемых в литературе значений термина другим? Представляется, что при таких условиях лучше всего оставить в стороне в общем-то бесплодные споры о том, что следует иметь в виду под тем или иным термином, и сосредоточить внимание на как можно более отчетливом обозначении и описании отдельных аспектов и образующих мотивации. Вопрос о названии этих аспектов лучше решать во вторую очередь и с известной долей условности. Преждевременная терминологическая определенность способствует изоляции исследования, тогда как на сегодняшний момент актуально сопоставление и синтез существующих взглядов.

Затруднения, возникающие при попытке уточнить мотивационную терминологию, заставляют с особым вниманием отнестись к задаче детального описания самого **явления мотивации** как к другому способу уточнения предмета исследования. Сравнительно легко это сделать в отношении развитых форм человеческой деятельности, сложное строение которой, образуемое множеством последовательных взаимосвязанных действий, позволяет в отношении каждого из них отчетливо ставить вопрос (и получать на него ответ), ради чего оно совершается. Весьма характерно, что не только исследователь в силу своих специфических интересов, но и сам действующий человек постоянно ставит перед собой такого рода вопросы. Его ответы самому себе могут быть неполными (например, «такое было настроение», «так захотелось») или неверными (когда человек частично или полностью себя обманывает, преувеличивая роль обстоятельств, объясняя корыстные поступки условиями жизни и т.п.), могут подразумеваться без развернутого отчета (нет необходимости каждый раз задумываться, зачем был раскрыт зонт или отобрана у ребенка иголка), однако они всегда существуют. Есть даже основание утверждать, что постоянный контроль над причинами поведения представляет собой один из основных признаков и условий высшего уровня психического отражения — сознания. Во всяком случае, спохватившись, что нечто им совершено по неизвестным причинам и не найдя этому успокаивающего объяснения (по рассеянности, машинально), человек обычно теряется, окружающих же это, как правило, настораживает.

Именно **отдаленные жизненные цели,** ради которых совершаются конкретные действия человека, часто указываются в качестве основного факта явления мотивации[5]. Однако данная характеристика не является полной, по крайней мере, по двум причинам.

Во-первых, человек часто, особенно в случаях так называемого полевого поведения, поступает согласно импульсивным побуждениям, не подчиненным отдаленным и осознаваемым целям, а порой возникающим вопреки им. Над склон-

---

[5] См.: *Обуховский К.* Психология влечений человека. М.: Прогресс, 1972. С. 11—16; *Nuttin J.* The future time perspective in human motivation and learning // Acta psychological. 1964. Vol. 23. P. 60—82.

ностью человека не признавать значения сиюминутных импульсов и непременно искать им объяснения иронизировал У. Джемс. Обозначив их вопросами:

> Почему мы предпочитаем обыкновенно ложиться на мягкие постели, а не на голый пол? Почему, находясь в комнате, мы из 100 раз 99 норовим быть лицом к середине комнаты, а не к стене? Почему мы предпочитаем порцию баранины с бутылкой шампанского куску твердого сухаря с грязной водой? Почему известная барышня так увлекает собой молодого человека, что для него все, относящееся к ней, становится дороже всего на свете?,

он давал ответ:

> Надо, чтобы у человека... зашел ум за разум от излишней учености, и тогда он усмотрит в естественнейших процессах нечто странное и станет задаваться вопросом, почему люди производят такие, а не иные инстинктивные действия[6].

Во-вторых, подчиненность поведения отдаленным жизненным целям свойственна только человеку. Указание на нее как на главный феномен мотивации не охватывает более простых случаев, отвечающих биологической мотивации, когда цели достигаются вследствие непосредственных побуждений и без отражения субъектом их подчиненности некоторой жизненной необходимости. Животное или маленький ребенок не имеют возможности понимать, ради чего они дышат, потребляют пищу, устраиваются для отдыха или избегают боли. Нет оснований отрицать существование мотивационных процессов в дочеловеческой психике, а это означает, что наряду со специфическими случаями сознательного предвосхищения отдаленных последствий поведения, выступающих для человека в качестве побудителей конкретных совершаемых действий, к явлению мотивации следует относить любые, даже самые простые примеры обычного активного, неравнодушного отношения живых существ к отдельным воздействиям, условиям существования, предметам, собственным состояниям и действиям. Эти случаи характеризуют мотивацию даже более полно и обобщенно, т.к. способность человека побуждаться отдаленными целями вполне можно рассматривать как частный случай неравнодушного отношения к явлениям жизни, свойственного всем уровням мотивации.

Поэтому именно активное, пристрастное отношение живого существа к самым различным явлениям, как к мелочам, так и к возвышенным жизненным целям, обнаруживающееся в виде положительной или отрицательной оценки этих явлений и побуждения совершать по отношению к ним действия, представляет собой непосредственное проявление мотивации, ее субъективное звено и ближайшую причину активности. Мотивация как целостное явление охватывает как все то, чем определяется возникновение таких побуждений, так и их дальнейшую судьбу: взаимодействие, порождение одними других.

---

[6] См.: *Джемс У.* Психология. М.: Педагогика, 1991. С. 292.

К сожалению, указывать на легко наблюдаемые факты возможно, лишь делая первые шаги в описании феномена мотивации. В дальнейшем очень скоро обнаруживается, что возможности непосредственного наблюдения ограничены, что вынуждает обращаться к теоретическим реконструкциям и предположениям. Понятно, что те причины, которыми в повседневной жизни обычно объясняется поведение (ребенок принес матери цветок, потому что хотел ее обрадовать; человек сменил работу, потому что испугался ответственности), в свою очередь нуждаются в объяснении, и нет оснований исключать эти более отдаленные детерминанты из числа факторов, мотивирующих поведение. Они же прямому наблюдению не открываются и могут восстанавливаться по косвенным признакам уже с известной долей гипотетичности[7]. Такое углубление в комплекс детерминант, мотивирующих поведение, приводит к формулировке положений, содержание которых определяется уже не только фактами, но и концептуальными представлениями о природе психического, его строении и т.д.

Выяснению особенностей мотивации не способствует также тот факт, что на развитие представлений о детерминации поведения сильнейшее давление во все времена оказывали различные формы идеологии — этика, религия, культурные ценности и нормы, предписывающие порицать одни и превозносить другие побуждения человека. При таких условиях совпадение формулируемых взглядов и интерпретаций должно было бы удивлять больше, чем то их калейдоскопическое разнообразие, которое наблюдается в истории психологии и философии.

Заметные изменения в изучении детерминации поведения произошли на рубеже XIX—XX вв., когда в связи с развитием техники и расширением возможностей экспериментального исследования стало возможным обособление психологической науки из числа философских дисциплин. Стремление психологии уподобиться точным наукам вызвало в ней изменение отношения к фактическому материалу, который приобрел статус ценности, независимой от универсальных принципов и обобщений, и который стало возможно изучать и описывать в пределах узких, локальных концепций. В результате психология побуждающих сил поведения существенно расширилась и обогатилась содержанием, но вместе с тем как бы рассыпалась на множество направлений, исследующих отдельные аспекты (содержательный, динамический и т.п.), уровни (социальный, биологический, глубинный, физиологический), механизмы (подкрепления, обусловливания, вытеснения) и отдельные феномены (конфликта, фрустрации и т.п.). Собственно, с этим связано и закрепление в психологии

[7] Показательно, что специфика интерпретации мотивов поведения служила основой становления целых психологических школ. Признание неосознаваемой мотивации легло в основу психоанализа, отделение от него различных школ тоже шло по линии специфической интерпретации мотивации.

самого понятия мотивации, ставшего заглавным для целого раздела, рассматривающего весь такого рода накапливающийся материал.

Упорядочивание и систематическое описание этого материала, как это показывают предпринимавшиеся попытки, представляют собой непростую задачу, требующую значительных специально направленных усилий[8].

[8] См.: *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2004; *Фрэнкин Р.* Мотивация поведения: биологические, когнитивные и социальные аспекты. СПб.: Питер, 2003; *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность. СПб.: Питер, 2003; *Weiner B.* Theories of motivation: From mechanism to cognition. Chicago: Markham, 1972.

Ж. Нюттен

[Поведенческие проявления мотивации]*

Какие же аспекты поведения связаны с мотивацией? Ответ на этот вопрос можно сформулировать следующим образом. Организм или индивид характеризуют предпочтительные или избирательные отношения к окружающим объектам или ситуациям. При наличии определенного числа объектов некоторые из них оказываются желаемыми или предпочитаемыми, тогда как другие отвергаются; при отсутствии некоторых объектов или ситуаций ощущается потребность в них, их ищут и добиваются, другие же объекты и ситуации вызывают у индивида опасение. Такая ориентация выражается в том, что данное поведение будет продолжаться до тех пор, пока не будет достигнут объект, относящийся к строго определенной категории; этот объект явится, таким образом, завершением — временным или окончательным — деятельности субъекта. Именно такая избирательная ориентация на предпочитаемый или искомый объект придает поведению характерную для него направленность и организацию. Иногда необходимый организму объект неизвестен самому индивиду, в других случаях врожденные или приобретенные поведенческие связи направляют его непосредственно к желаемому объекту. Следует добавить, что для человека более или менее продолжительный поиск отсутствующего или еще не существующего объекта-цели имеет важное значение. Его познавательные способности и воображение позволяют ему воссоздавать отсутствующие объекты посредством предвосхищения или компенсации. Поэтому в некоторых исследованиях мотивации человека большое значение придается изучению продуктов воображения. <...>

Такая активная длительная и избирательная направленность поведения составляет сущность явления, определяемого как мотивация; конкретная форма этого явления зависит от типа поведения (например, врожденное или приобретенное) и уровня развития организма. Эта концепция предполагает, что мотива-

---

* Экспериментальная психология / Ред.-сост. П. Фресс, Ж. Пиаже. М.: Прогресс, 1975. Вып. 5. С. 18—20.

ция является одновременно источником активности и направленности поведения; точнее, согласно этой концепции, поведение понимается как направленная активность. Эти два аспекта — динамический аспект и аспект направленности — часто отделяются друг от друга при изучении мотивации, в чем нам представится возможность убедиться при рассмотрении связи между общей активностью организма и процессом научения, с одной стороны, и мотивацией — с другой.

Для того, чтобы лучше очертить сферу мотивации, иногда вслед за Вудвортсом[1] различают «механизмы» поведения и факторы, от которых зависит приведение их в действие. Первая проблема — это проблема *как* осуществляется поведение, вторая — *почему* человек или животное поступает или действует так или иначе. Изучение мотивации относится именно ко второй проблеме. В этой связи говорят о *мотивах*, *побуждениях*, *импульсах*, *тенденциях* и *потребностях*, а некоторые авторы прибегают к понятиям напряжения, силы и даже энергии. Конечно, неправильно было бы употреблять два последних термина в том смысле, какой они имеют в механике или физике. В психологии часто вообще не различают эти два понятия — сила и энергия. Старая физикалистская концепция, оправдывающая, по мнению некоторых психологов, употребление этих терминов при изучении поведения, утверждает, что психология, как и физика, ставит своей целью объяснить переход от стадии покоя к стадии действия или от одной формы «движения» к другой (сила); в результате часто говорят о некоей способности производить работу (энергия). Именно по этой причине возражения, иногда очень убедительные, против употребления в психологии этих терминов не достигнут свой цели, пока психологи будут убеждены в тождественности этих выражений[2].

---

[1] См.: *Woodworth R.S.* Dynamic psychology. N.Y.: Columbia University Press, 1918. P. 36—37.

[2] См.: *London I.D.* Psychologists misuse of the auxiliary concepts of physics and mathematics // Psychological Review. 1944. Vol. 51. P. 266—291; *Wiener N.* Some maxims for biologists and psychologists // Dialectica. 1950. Vol. 4. P. 186—191.

Р. Стагнер,
Т. Карвозский

Мотивация поведения*

Поведение человека динамично. Мы действуем в результате давления потребностей и импульсов. Поиски пищи, безопасности, следование высоким идеалам служат примерами мотивационной природы любой значимой деятельности человека. Динамичен и его сознательный опыт. Мотивы влияют на то, что именно мы видим, и что при этом чувствуем, на развитие наших идей и на мнения, которых мы придерживаемся. Решение проблем, сновидения и творческое воображение также отвечают каким-то потребностям. Полное понимание мотивации человека необходимо для получения ясной картины психических процессов, как наших собственных, так и происходящих в других, окружающих нас людях.

Мобилизация энергии является в своей основе процессом химическим, метаболическим или физиологическим. Его нельзя наблюдать непосредственно. Но в случаях, когда человек прилагает неимоверные усилия, чтобы выбраться из горящего здания или, несмотря на усталость, заставляет себя бороться с врагом, мобилизация энергии, необходимая для достижения цели, становится очевидной. То же явление, хотя и не в столь драматичной степени, мы обнаруживаем в попытках студента успешно учиться и в честолюбивом движении бизнесмена к вершинам престижа, богатства и власти.

Характеристики мотивированного поведения

Так как влечения не доступны прямому наблюдению, и потому их можно распознать только по их внешним проявления, важно с самого начала ясно и точно

---

* *Stagner R., Karwoski T.F.* Motivation of behavior // Readings in General Psychology / L.D. Crow, A. Crow (Eds.). N.Y.: Barnes and Noble, 1967. P. 287—290. (*Перевод Ю.Б. Дормашева.*)

определить критерии мотивированного поведения. Решая вопрос о степени мотивации[1], мы обращаем внимание на три особенности любой деятельности.

1. **Энергичность.** Воздействие мотивации пропорционально количеству энергии, расходуемой организмом в данной ситуации. Человек, голодавший 24 часа, прилагает гораздо больше усилий, чтобы достать пищу, чем поевший час тому назад. По мере усиления потребности крысы будут бежать быстрее, прогрызут ходы в более твердом материале и будут различным образом вкладывать все больше и больше энергии.

2. **Настойчивость.** Мотивированный индивид с трудом прекращает свою деятельность. Ребенок, узнав, что в комнате спрятаны конфеты, старается их найти, долго роется в ящиках, отодвигает книги на полках и заглядывает во все щели. Если же человек быстро сдается и не предпринимает новых попыток, мы делаем вывод, что у него нет сильной мотивации.

3. **Изменчивость.** С настойчивостью тесно связано явление изменчивости. Когда человек упорно продолжает свои усилия, чтобы достичь успеха, он не повторяет одно и то же действие. Он пытается достичь своей цели различными путями. Мальчишка, желающий повысить свой авторитет в школе, может постараться лучше учиться. Если же заработать хорошие отметки ему не удается, он может заняться спортом. Если же и тут его усилия не принесут успеха, он может для достижения той же самой цели стать хулиганом.

Характеристики мотивированного опыта

Прямое наблюдение переживаний других людей невозможно. Однако другой человек может описать вам свой сознательный опыт. Или же вы сами можете наблюдать свои собственные психические процессы. В любом случае и тут, точно так же как и на уровне поведения, мы путем самонаблюдения можем распознать те же явления энергичности, настойчивости и изменчивости. Временами вы напряжены, насторожены и настроены на энергичный ответ, иногда же вы ленивы, расслаблены и заняты праздными мечтаниями.

Когда действует сильный мотив, наши психические процессы отличаются интенсивностью или высоким уровнем энергии. Сознательный опыт влюбленного юноши состоит из непреодолимых господствующих образов, мыслей и чувств, связанных с возлюбленной. Игнорировать или отбросить их если и удается, то с большим трудом. Мысли о целевом объекте *настойчиво* возобновляются, их нелегко забыть, при малейшей возможности они возвращаются в сознание. Вообще-то они *изменчивы* в том смысле, что принимают различные

[1] Отметим, что мы предполагаем континуум, начиная от поведения с незначительным уровнем энергии ([слабая] мотивация) и кончая поведением с очень высоким уровнем энергии ([сильная] мотивация).

формы и могут адаптироваться к множеству различных контекстов. Так, очень голодный человек может думать о целом ряде продуктов питания, о различных способах приготовления пищи и так далее. В работах З. Фрейда мы находим удивительные иллюстрации того, какими разнообразными способами один и тот же мотив, одна и та же желанная цель могут маскироваться на протяжении ряда сновидений одного и того же индивида.

Разнообразие мотивации

Несмотря на то, что явление *энергетической мобилизации* объединяет все формы мотивации, полезно рассмотреть не сам процесс мобилизации, а мотивирующие его факторы. В конечном итоге, первичным и единственным источником энергии человека является пища. Физиология расхода энергии будет одна и та же при любой целевой тенденции, при поисках как пищи, так и брачного партнера, как в случае страха при встрече с голодным львом, так и в честолюбивых попытках стать президентом. Поэтому в анализе мотивации более существенным является изучение *обширного множества условий* и обстоятельств, вызывающих энергичный ответ индивида.

Возможно, мы не ошибемся, если укажем на три важных класса мотивирующих факторов. (Точное их количество является предметом дискуссии; некоторые психологи говорят о двух и даже об одном таком классе, тогда как другие утверждают, что их гораздо больше.) Неважно, сколько их будет, — три или, например, шесть. В любом случае для студента будет полезно систематизировать эти мотивы, как это сделано ниже.

1. Биологические влечения. Наиболее простые формы мобилизации энергии возникают как следствие определенных биологических потребностей организма. Голод, жажда, недостаток кислорода, утомление, выделение отходов жизнедеятельности, избегание боли, — все это позволяет без труда указать на ряд условий, вызывающих мотивированное действие.

2. Эмоции. Такие слова, как страх, гнев, радость, любовь, ненависть, подразумевают наличие внутренних состояний, приводящих к более или менее энергичной деятельности. Они отличаются от биологических потребностей тем, что обусловлены главным образом внешними ситуациями, а не физиологическими потребностями и состояниями тканей организма. Поэтому они более гибкие и изменчивые, чем влечения.

3. Интересы и ценности. На еще более сложном и тонком уровне мы находим энергетический эффект широкого класса тех нефизиологических тенденций, которые можно назвать *ценностями*. Простым примером является религиозная убежденность. Человек, чувствующий свою религию остро и личностно, будет усердно работать, помогая своей церкви, будет часто и настойчиво думать о ее благополучии и так далее.

С.Л. Рубинштейн

[Мотивы, образующие направленность личности]*

Человек не изолированное, замкнутое существо, которое живет и развивается из самого себя. Он связан с окружающим его миром и нуждается в нем. Для поддержания своего существования человек нуждается в находящихся вне его веществах и продуктах; для продолжения себя и своего рода человек нуждается в другом человеке. В процессе исторического развития круг того, в чем человек нуждается, расширяется. Эта объективная нужда, отражаясь в психике человека, испытывается им как потребность. Таким образом, испытываемая человеком нужда в чем-то, лежащем вне его, определяет связь человека с окружающим миром и его зависимость от него.

Помимо предметов, необходимых для существования человека, в которых он испытывает потребность, без которых его существование или вообще, или на данном уровне невозможно, имеются и другие, наличие которых, не будучи объективно необходимым и не испытываясь субъективно как потребность, представляет для человека интерес. Над потребностями и интересами возвышаются идеалы. <...>

Потребности

Личность — это, прежде всего, живой человек из плоти и крови, потребности которого выражают его практическую связь с миром и зависимость от него. Наличие у человека потребностей свидетельствует о том, что он испытывает нужду в чем-то, что находится вне его,— во внешних предметах или в другом человеке; это значит, что он существо страдающее, в этом смысле пассивное. Вместе с тем

* *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: В 2 т. М.: Педагогика, 1989. Т. II. С. 103—104, 107—113, 118—120.

потребности человека являются исходными побуждениями его к деятельности: благодаря им и в них он выступает как активное существо. В потребностях, таким образом, как бы заключен человек, как существо, испытывающее нужду и вместе с тем действенное, страдающее и вместе с тем активное, как *страстное*[1] существо. <...>

Органические потребности представлены в психике, прежде всего, в органических ощущениях. Поскольку в органические потребности включен момент динамического напряжения или более или менее острый аффективный тон, они выступают в виде влечений. Влечение — это *органическая потребность,* представленная *в органической (интероцептивной) чувствительности.*

Будучи выражением органической потребности, влечение имеет соматический источник; оно происходит от раздражения, идущего изнутри организма. Общую особенность влечений составляет признак импульсивного напряжения. В силу более или менее длительного напряжения, которое оно создает, влечение порождает импульс к действию. <...>

Существуют различные формы проявления потребностей: влечение лишь одна из них. Это начальный этап в осознании потребности, и само влечение вовсе не обречено на то, чтобы застрять в органической чувствительности, как если бы эта последняя и остальная жизнь сознания были бы друг для друга непроницаемыми сферами. Это относится также и даже особенно к сексуальному влечению, поскольку оно направлено на человека. <...>

Не только сексуальная, но и любая другая потребность не ограничена влечением как формой своего проявления. По мере того как осознается служащий для удовлетворения потребности предмет, на который направляется влечение, а не только ощущается то органическое состояние, из которого оно исходит, влечение необходимо переходит в желание — новую форму проявления потребности. Этот переход означает не только внешний факт появления объекта, на который направляется влечение, а также изменение внутреннего характера влечения. Это изменение его внутреннего психического содержания связано с тем, что, переходя в желание, направленное на определенные предметы, влечение больше осознается. Тем самым оно опосредуется и обусловливается всей более или менее сложной совокупностью отношений данной личности к данному предмету или лицу. Это качественное различие находит и количественное выражение. В силу дополнительного воздействия опосредованного отношения к предмету желания, потребность, порождающая слабое влечение, может выразиться в сильном желании. Может быть и так, что потребность, которая могла бы породить сильное влечение, не дает сильного желания, потому что элементы влечения тормозятся идущими с ними вразрез и включенными в желание тенденциями.

---

[1] Русское слово «страсть», немецкое «Leidenschaft», французское «passion» связаны со страданием и вместе с тем выражают состояние напряжения и активности.

Направленная на удовлетворение наличных потребностей деятельность, производя новые предметы для их удовлетворения, порождает и новые потребности. Потребности человека отнюдь не ограничиваются теми, которые непосредственно связаны с органической жизнью. В процессе исторического развития не только эти потребности развиваются, утончаясь и дифференцируясь, но и появляются новые, не связанные непосредственно с уже имеющимися. Так у человека возникает потребность в чтении, в посещении театра, в слушании музыки и т.д. Порождая многообразие сферы культуры, человеческая деятельность порождает и соответствующие потребности. В результате потребности человека далеко выходят за узкие рамки его органической жизни, отражая в себе все многообразие и богатство исторически развивающейся деятельности, все богатство создаваемой культуры. Порождая соответствующие потребности, культура становится природой человека. <...>

Интересы

Во все расширяющемся контакте с окружающим миром человек сталкивается со все новыми предметами и сторонами действительности. Когда в силу тех или иных обстоятельств что-либо приобретает некоторую значимость для человека, оно может вызвать у него интерес — специфическую направленность на него личности. <...>

Специфичность интереса, отличающая его от других тенденций, выражающих направленность личности, заключается в том, что интерес — это сосредоточенность на определенном предмете мыслей, вызывающая стремление ближе ознакомиться с ним, глубже в него проникнуть, не упускать его из поля зрения. Интерес — тенденция или направленность личности, заключающаяся в сосредоточенности ее помыслов на определенном предмете. Под помыслом мы при этом разумеем сложное и неразложимое образование — направленную мысль, мысль-заботу, мысль-участие, мысль-приобщение, внутри себя содержащую и специфическую эмоциональную окрашенность.

Как направленность помыслов, интерес существенно отличается от направленности желаний, в котором первично проявляется потребность. Интерес сказывается на направленности внимания, мыслей, помыслов; потребность — во влечениях, желаниях, в воле. Потребность вызывает желание в каком-то смысле *обладать* предметом, интерес — *ознакомиться* с ним. Интересы являются поэтому специфическими мотивами культурной и, в частности, познавательной деятельности человека. Попытка свести интерес к потребности, определив его исключительно как осознанную потребность, несостоятельна. Осознание потребности может вызвать интерес к предмету, способному ее удовлетворить, но неосознанная потребность как таковая является все же потребностью (переходящей в желание), а не интересом. Конечно, в единой многообразной на-

правленности личности все стороны взаимосвязаны. Сосредоточение желаний на каком-нибудь предмете обычно влечет сосредоточение на нем интереса; сосредоточение же на предмете интереса, помыслов порождает специфическое желание ближе познакомиться с предметом, глубже в него проникнуть; но все же желание и интерес не совпадают.

Существенное свойство интереса заключается в том, что он всегда направлен на тот или иной предмет (в широком смысле слова). Если о влечениях и о потребностях в стадии влечения можно еще говорить как о внутренних импульсах, отражающих внутреннее органическое состояние и первоначально сознательно не связанных с объектом, то интерес необходимо является интересом к тому или иному объекту, к чему-нибудь или к кому-нибудь: вовсе беспредметных интересов не существует. <...> «Опредмеченность» интереса и его сознательность теснейшим образом связаны; точнее, это две стороны одного и того же, в осознанности предмета, на который направлен интерес, и проявляется, прежде всего, сознательный характер интереса.

Интерес — это мотив, который действует в силу своей осознанной значимости и эмоциональной привлекательности. В каждом интересе обычно в какой-то мере представлены оба момента, но соотношение между ними на разных уровнях сознательности может быть различным. Когда общий уровень сознательности или осознанность данного интереса невысоки, господствует эмоциональная привлекательность. На этом уровне сознательности на вопрос о том, почему интересует то-то, ответ может быть только один: интересует потому, что интересует, нравится потому, что нравится

Чем выше уровень сознательности, тем большую роль в интересе играет осознание объективной значимости тех задач, в которые включается человек. Однако, как бы ни было высоко и сильно сознание объективной значимости соответствующих задач, оно не может исключить эмоциональной привлекательности того, что вызывает интерес. При отсутствии более или менее непосредственной эмоциональной привлекательности будет сознание значимости, обязанности, долга, но не будет интереса.

Само эмоциональное состояние, вызванное интересом, или, точнее, эмоциональный компонент интереса, имеет специфический характер, отличный, в частности, от того, которым сопровождается или в котором выражается потребность: когда не получают удовлетворения потребности, жить трудно; когда не получают пищу интересы или их нет, жить скучно. Очевидно, с интересом связаны специфические проявления в эмоциональной сфере.

Будучи обусловлен эмоциональной привлекательностью и осознанной значимостью, интерес проявляется, прежде всего, во внимании. Являясь выражением общей направленности личности, интерес охватывает все психические процессы — восприятия, памяти, мышления. Направляя их по определенному руслу, интерес вместе с тем и активизирует деятельность личности. Когда человек работает с интересом, он, как известно, легче и продуктивнее работает.

Интерес к тому или иному предмету — к науке, музыке, спорту — побуждает к соответствующей деятельности. Тем самым интерес порождает склонность или переходит в нее. Мы различаем интерес как направленность на предмет, побуждающую нас заняться им, и склонность как направленность на соответствующую деятельность. Различая, мы вместе с тем и связываем их теснейшим образом. Но все же они не могут быть признаны тожественными. Так, у того или иного человека интерес к технике может сочетаться с отсутствием склонности к деятельности инженера, какой-либо своей стороной ему непривлекательной; таким образом, внутри единства возможно и противоречие между интересом и склонностью. Однако, поскольку предмет, на который направлена деятельность, и деятельность, направленная на этот предмет, неразрывно связаны и друг в друга переходят, интерес и склонность тоже взаимосвязаны и сплошь и рядом трудно установить между ними грань. <...>

Идеалы

Какое значение ни придавать потребностям и интересам, очевидно, что они не исчерпывают мотивов человеческого поведения; направленность личности не сводится только к ним. Мы делаем не только то, в чем испытываем непосредственную потребность, и занимаемся не только тем, что нас интересует. У нас есть моральные представления о долге, о лежащих на нас обязанностях, которые также регулируют наше поведение.

Должное, с одной стороны, противостоит индивиду, поскольку оно осознается как независимое от него — общественно-всеобщезначимое, не подвластное его субъективному произволу; вместе с тем, если мы *переживаем* нечто как должное, а не только отвлеченно *знаем,* что оно считается таковым, должное становится предметом наших личных устремлений, общественно значимое становится вместе с тем личностно значимым, собственным *убеждением* человека, идеей, овладевшей его чувствами и волей. Определяясь мировоззрением, они находят обобщенное абстрактное выражение в нормах поведения, свое конкретное выражение они получают в идеалах.

Идеал может выступать в качестве совокупности норм поведения; иногда это образ, воплощающий наиболее ценные и в этом смысле привлекательные человеческие черты, — *образ,* который служит *образцом.* Идеал человека далеко не всегда представляет собой его идеализированное отображение; идеал может находиться даже в компенсаторно-антагонистическом отношении к реальному облику человека; в нем может быть подчеркнуто то, что человек особенно ценит и чего ему как раз недостает. Идеал представляет собой не то, чем человек на самом деле является, а то, чем он хотел бы быть, не то, каков он в действительности, а то, каким он желал бы быть. Но было бы неправильно чисто внешне противопоставлять должное и существующее, то, что человек есть, и то, чего

он желает: то, чего человек желает, тоже показательно для того, что он есть, его идеал — для него самого. Идеал человека — это, таким образом, и то и не то, что он есть. Это предвосхищенное воплощение того, чем он может стать. Это лучшие тенденции, которые, воплотившись в образе-образце, становятся стимулом и регулятором его развития.

Идеалы формируются под непосредственным общественным влиянием. Они в значительной мере определяются идеологией, миросозерцанием. Каждая историческая эпоха имеет свои идеалы — свой идеальный образ человека, в котором время и среда, дух эпохи воплощают наиболее значимые черты. <...> Иногда идеалом служит обобщенный образ, образ как синтез основных, особенно значимых и ценимых черт. Часто в качестве идеала выступает историческая личность, в которой эти черты особенно ярко воплотились. <...> Наличие определенного идеала вносит четкость и единство в направленность личности.

В раннем возрасте идеалом в большой мере служат люди ближайшего окружения — отец, мать, старший брат, кто-нибудь из близких, затем учитель. Позже в качестве идеала, на который подросток, юноша хотел бы походить, выступает историческая личность, очень часто кто-либо из современников. <...>

В идеалах человека ярко проявляется его общая направленность. Проявляясь в них, она через них и формируется. Идеалы формируются под определяющим воздействием общественных оценок. Воплощаясь в идеале, через его посредство эти общественные оценки формируют общую направленность личности.

* * *

Потребности, интересы, идеалы составляют различные стороны или моменты многообразной и вместе с тем в известном смысле единой направленности личности, которая выступает в качестве мотивации ее деятельности.

Между различными побуждениями человеческой деятельности, потребностями и интересами человека обычно устанавливается определенная иерархия. Она определяет вступление в действие того или иного побуждения и регулирует направление наших мыслей и поступков.

Сплошь и рядом бывает, что мы полны тревоги и волнений из-за того, что задеты какие-то наши интересы. Но стоит надвинуться серьезной беде, угрожающей значительно более насущным, жизненным интересам, и забота об интересах, судьба которых только что так волновала, теряет всякую актуальность. Они почти перестают для нас существовать. Непонятным, диким кажется, как могли мы принимать так близко к сердцу такие второстепенные интересы: «Можно ли волноваться из-за таких пустяков?» Мы поглощены нависшей над нами угрозой. «Только бы миновала нависшая над нами беда, и больше нам ничего не нужно». Но вот беда миновала, и оказывается: как только угроза более насущным потребностям и интересам отпала или хотя бы только отступила, как снова начинают выступать и затем подниматься во весь рост утратившие было

всякую актуальность интересы; «пустяки» снова стали важными; снова на них сосредоточены мысли, с ними связаны заботы и надежды. Самые насущные нужды обеспечены, им ничто не угрожает, — значит, нечего о них и думать. Актуальнее сейчас другое; на очереди другие интересы; наши радости и печали теперь связаны с их судьбой.

Таков общий закон: пока актуальны первичные, более насущные потребности и интересы, отступают вторичные, менее насущные; по мере того как более первичные теряют в своей остроте и актуальности, одни за другими выступают последующие. Потребность и интересы различной значимости для личности выступают в сознании в определенной последовательности. Эта последовательность определяется вышеуказанным законом.

2 *Классификации мотивов. Проблема базовой мотивации*

У. Макдугалл

[Врожденные склонности психики]*

Природа инстинктов и их место в общем строе человеческой психики

Человеческий дух (*mind*) обладает некоторыми врожденными или унаследованными склонностями (*tendencies*), которые являются главными источниками или мотивами всякой мысли и действия, индивидуального или коллективного, и служат основами, из которых постепенно развиваются характер и воля отдельных индивидов и целых наций под эгидой умственных способностей. Эти первые врожденные склонности наделены не одинаковой силой в связи с природной организацией индивидов и различных рас, и при различных стадиях культуры и крайнем разнообразии окружающих социальных условий они различно развиваются или задерживаются в своем развитии. Но, по-видимому, они свойственны людям всех рас и всякого возраста. Если справедлив тот взгляд, что всюду и всегда человеческая натура имеет одинаковый природный фундамент, то эта точка зрения послужит столь необходимым базисом для построения истории развития человеческих обществ и учреждений. Пока признавалось, что эти врожденные склонности претерпевают значительные изменения в каждом возрасте и в каждом поколении, все эти соображения строились на песке, и не было надежды установить сколько-нибудь достоверную точку зрения на этот предмет.

Сравнительная психология ясно показала, что врожденная основа человеческой души (*human mind*), слагающаяся из суммы этих природных склонностей, носит устойчивый и неизменный характер. Мы видим, что не только эти склонности свойственны, в той или другой степени, ныне живущим людям всех рас, но мы находим всех их или же их зачатки у большинства высших животных.

* *Мак-Дауголл У.* Основные проблемы социальной психологии. М.: Космос, 1916. С. 14—15, 19, 21—25, 48—71; (в текст внесены незначительные редакционные исправления и дополнения на англ. языке).

Поэтому надо думать, что они играли ту же существенную роль в душевной жизни первых человеческих поколений и у наших доисторических предков в эволюционном развитии человека и животных.

Важнейшие и сравнительно не изменяющиеся склонности, лежащие в основе человеческого характера и воли, образуют два класса:

1. Специфические склонности или инстинкты;

2. Общие или неспецифические склонности, зависящие от строения духа и природы душевных процессов вообще, когда, в ходе эволюции, душа и ее процессы (*mind and mental process*) достигают некоторой сложности. <...>

Современные авторы всякого рода часто употребляют слова «инстинкт» и «инстинктивный», но, за немногими исключениями, они так исказили смысл этих слов, что затрудняют пользование ими для научных целей. С одной стороны, определение «инстинктивный» смело применяется ко всякому человеческому акту; с другой, действия животных тоже объясняются инстинктом, и таким образом инстинкт неопределенно толкуется как какая-то таинственная способность, природа которой совершенно отлична от других человеческих способностей, — способность, которой Провидение наделило животных, лишенных высшей способности разума. Можно привести тысячи примеров из сочинений современных авторов, обладающих даже порядочной философской эрудицией, где эти два слова употребляются без всякого основания, только чтоб прикрыть туманность и бессвязность мысли. <...>

Трактуя об инстинктах животных, авторы обыкновенно описывают их как врожденные стремления к известным актам. Герберт Спенсер, давая всеми признанное определение инстинктивного акта, как сложного рефлекторного действия, обращает внимание только на поведение или движения, вызванные инстинктами. Но инстинкты в отношении некоторых движений представляют нечто большее, чем врожденные склонности или стремления. Есть полное основание думать, что даже наиболее ярко выраженный инстинктивный акт носит несомненные следы душевного процесса (*mental process*), которые нельзя описать в чисто механических терминах, так как это психофизический процесс, обнимающий собой как психические, так и физические изменения. Подобно всякому душевному процессу, он имеет три аспекта — познавательный, аффективный и волевой. Другими словами, каждый инстинктивный акт заключает в себе сознание существования какого-нибудь предмета или объекта, эмоциональное отношение к последнему и стремление к нему или уклонение от этого объекта. <...>

Итак, мы можем определить инстинкт как наследственное или врожденное психофизическое предрасположение (*psycho-physical disposition*), которое наделяет того, кто им обладает, способностью воспринимать известные объекты, обращать на них внимание, испытывать особое чувственное возбуждение (*emotional excitement*) при восприятии такого объекта и производить соответственные особые акты или, по крайней мере, испытывать импульс к ним.

Далее, надо заметить, что некоторые инстинкты возбуждаются только при известных проходящих органических условиях (*temporary bodily state*), как, например, голод. Мы должны предположить в таких случаях, что эти органические процессы или состояния стимулируют органы чувств внутри тела, и что нервные токи, идущие от них к психофизическому центру, создают для него условия возбуждения[1].

Поведение некоторых низших животных, по-видимому, почти вполне определяется в течение их жизни инстинктами, претерпевшими очень мало

---

[1] Большая часть определений, даваемых инстинктам и инстинктивным актам, считается только с его волевой стороной, с его моторными стремлениями, в которых всего резче обнаруживаются перед нами инстинкты животных; обычная ошибка — игнорировать познавательный и аффективный аспекты инстинктивных душевных процессов. Некоторые авторы впадают в еще большее заблуждение, утверждая бессознательность инстинктивных актов. Выше мы приводили определение инстинктивного акта, сделанного Гербертом Спенсером, который называет его сложным рефлекторным действием.

Аддисон писал, что инстинкт «есть непосредственное воздействие Творца и Божественной энергии, проявляющиеся в созданиях». Пятьдесят лет назад энтомологи Кирби и Спенс писали: «Мы можем назвать инстинктами животных те способности, данные им Творцом, которые, независимо от навыка, наблюдения или опыта, побуждают их к совершению известных актов, направленных к благосостоянию особи и к поддержанию вида. Не очень давно д-р и м-с Пеккэм (*Peckham*), тщательно наблюдавшие за поведением ос, писали: «Термином «инстинкт» мы называем все сложные акты, которые совершаются доопытным путем всеми членами одинакового пола и расы». Один современный авторитетный писатель, проф. Карл Грос (*Groos*), говорил даже, что «идея сознания должна быть совершенно исключена при определении инстинкта, имеющего практическую цель». В виду постоянного стремления игнорировать внутреннюю или психическую сторону инстинктивных процессов, я считаю необходимым настаивать и подчеркивать в нашем определении инстинктивного процесса его познавательный и аффективный аспекты — одинаково с его волевой стороной. Я не согласен с утверждением проф. Гроса и сказал бы, что определение инстинктивных действий, не считающееся с его психической стороной, бесполезно для практических целей и даже хуже, чем бесполезно — ошибочно. Если игнорировать психическую сторону инстинктивных процессов, трудно понять роль инстинктов в развитии человеческого духа и в определении поведения индивидов и обществ; между тем только их существенное и глубокое влияние на социальную жизнь человечества показывает само по себе, какое важное практическое значение имеет изучение инстинктов.

Предложенное выше определение инстинкта не говорит, подобно другим определениям, что инстинктивный акт совершается без всякого предварительного опыта. Так, если инстинкт обнаруживается у особи в первый раз, то совершенный им акт только в этом случае будет доопытным, инстинктивные же действия останутся таковыми и после того, как их объект приобрел много опыта. Строение гнезд и перелет птиц не перестают быть инстинктивными действиями и после того, как они повторялись много раз из года в год, даже если бы, благодаря опыту, они обнаружили бы некоторое усовершенствование, как это часто бывает у высших животных. Наше определение не настаивает, как другие, что инстинктивное действие совершается без знания цели, к которой оно направлено, так как это тоже не важно; оно могло бы так совершаться, и совершается, без сомнения, у низших животных, как и у очень маленького ребенка. Но у высших животных инстинктивное действие, особенно совершающееся не в первый раз, вероятно, сопровождается некоторым, хотя и смутным предвидением конца. Так, мы можем считать инстинктивным движением, когда собака долгое время бежит по следам дичи, хотя, без сомнения, после нескольких подобных случаев, животное будет иметь некоторое представление о цели своих движений.

изменения под влиянием опыта. Они воспринимают, чувствуют и действуют совершенно определенным и неизменным образом при возбуждении всякого инстинкта, т.е. когда только присутствие известного объекта совпадает с соответствующим органическим состоянием животного. Наибольшей сложности душевный процесс у этих животных достигает при борьбе двух противоположных, одновременно пробудившихся инстинктивных стремлений. Такое состояние не трудно понять, если считать инстинкты врожденными психофизическими стремлениями (*dispositions*).

Если существуют еще сомнения относительно того, обусловливаются ли движения животных инстинктами, почти не измененными опытом, то очевидно, что высшие животные в различной и часто значительной степени сообразуют свои инстинктивные движения с данными условиями. За долгий период развития всякой человеческой души (*human mind*), инстинктивные процессы стали еще сложнее, и эти их усложнения были настолько значительны, что заслоняли собой основное сходство инстинктивных процессов у людей и у животных. Можно различать четыре главных вида сложных инстинктивных процессов:

1. Инстинктивные реакции не только являются результатом перцепции объектов, возбуждающих врожденные стремления естественных или врожденных возбудителей инстинкта, но также возникают в результате представлений об этих объектах и в результате восприятий и представлений об объектах другого рода.

2. Телесные движения, которыми выражается инстинкт, могут до бесконечности видоизменяться и усложняться.

3. Ввиду того, что человеческие инстинкты могут возбуждаться под влиянием сложных идей, нередко бывает, что одновременно возбуждаются несколько инстинктов, причем несколько процессов тесно переплетаются один с другим.

4. Иногда инстинктивные стремления группируются более или менее систематически около некоторых объектов или представлений о них. <...>

Чтобы понять эти осложнения инстинктивных действий, мы должны подвергнуть концепцию инстинктов более тщательному анализу. Выше было сказано, что инстинктивный процесс, подобно всякому душевному процессу, имеет три аспекта: познавательный, аффективный и волевой. Затем, во врожденной психофизической организации-инстинкте можно различать три соответственные части: приносящую или воспринимающую (*afferent*), центральную и выводящую (*efferent*) или двигательную (*motor*), проявления которых соответствуют познавательному, аффективному и волевому аспектам инстинктивного процесса в его целом. Рецептивная, воспринимающая (*afferent*) часть всего природного предрасположения представляет как бы организованную группу нервных элементов или нейронов, специально приспособленных к восприятию и разработке импульсов, возникших в чувственном органе под влиянием врожденного объекта инстинкта. Ее строение и деятельность определяют чувственное (*sensory*) содержание психофизического процесса. От рецептивной части воз-

буждение распространяется на центральную часть инстинкта. Строение этой части определяет собой, главным образом, распределение нервных импульсов, особенно тех, которые влияют на работу внутренних органов — сердца, легких, кровеносных сосудов, желез и т.д., способствуя наиболее успешному действию инстинктивных актов. Нервная деятельность центральной части соответствует аффективному или эмоциональному аспекту психического процесса[2].

Возбуждение двигательной части происходит через посредство центральной части; она обусловливает собой распределение импульсов по мышцам, приводящим в исполнение инстинктивный акт, и ее нервная деятельность соответствует конативному [волевому. — *Ред.-сост.*] элементу психического процесса — импульсу действовать.

Рецептивная и двигательная части в течение жизни индивида могут подвергаться значительным изменениям независимо одна от другой и от центральной части, между тем как центральная часть остается в продолжение всей жизни основным, не подвергающимся изменениям ядром природного предрасположения. Поэтому у человека, с его сильным интеллектом и умением приспосабливаться, рецептивная и моторная части организации инстинкта склонны к разнообразным изменениям, тогда как центральная часть остается неизменной. Другими словами, познавательный процесс, определяющий собой инстинктивные действия, может носить очень сложный и разнообразный характер, и движения тела, в которых выражается инстинктивный процесс, могут бесконечно осложняться, в то время как эмоциональное возбуждение, сопровождающее нервную деятельность центральной части инстинктивного предрасположения, одно только во всем инстинктивном процессе сохраняет свой специфический характер и остается неизменным у всех индивидов и при всех условиях, при которых инстинкт возбуждается. Вот почему авторы обыкновенно толкуют об инстинктивных движениях животных и об эмоциях человека как о различных типах душевного процесса, не замечая, что всякое эмоциональное возбуждение указывает всегда на самую стойкую часть инстинктивного процесса. <...>

Родительский инстинкт и эмоция нежности

<...> Материнский инстинкт, побуждающий мать защищать и лелеять своих детей, присущ почти всем видам животных. У низших животных размножение всегда происходит путем несметного числа яичек или маленьких особей (у некоторых видов рыб одна особь дает более миллиона икринок), которые оставляются без всякой защиты и достаются в добычу другим животным, так что в

[2] Вероятно, эти центральные аффективные части инстинктивной организации помещаются в базальных ганглиях головного мозга. Этот взгляд нашел поддержку в недавно появившемся труде Pagano (Archives Italiennes de Biologie, 1906).

среднем одна или две достигают зрелого возраста. Если подниматься выше по шкале животных, число яичек или маленьких особей постепенно уменьшается, — но это уменьшение их количества вознаграждается материнской заботой о них. На низшей ступени эта защита может выражаться в какой-нибудь чисто физической поддержке, как, например, у тех животных, у которых яички каким-нибудь образом прикреплены к телу матери. Но за исключением этой низшей ступени, забота о потомстве всегда вызывает какое-либо инстинктивное приспособление своего поведения со стороны родителей. Мы можем наблюдать это даже у рыб; некоторые из них кладут свою икру в грубо устроенные гнезда и следят за ней, отвлекая в другом направлении тех животных, которые могут уничтожить икру. Начиная с этой стадии, всё прогрессирующая защита потомства получает психический характер, вызывая более глубокие изменения в поведении родителей и более продолжительный период деятельной охраны потомства. Высшей степени защита достигает у тех видов, у которых каждая самка производит одного или двух детенышей и охраняет их так хорошо, что большинство детенышей достигает зрелого возраста; таким образом, поддержание вида есть главная функция родительского инстинкта. У таких видов защита и уход за детьми является постоянной всепоглощающей заботой матери, которой она отдает всю свою энергию и во время которой она готова претерпеть всякие лишения, страдания и даже смерть. Этот инстинкт становится сильнее других и может взять над ними верх, может даже преодолеть страх, так как он всецело содействует поддержанию вида, тогда как другие инстинкты служат главным образом делу индивидуальной жизни, о которой природа мало заботится. Все это хорошо изложено и снабжено подробными иллюстрациями у Сутерланда *(Sutherland)* в его сочинении «Происхождение и развитие нравственного инстинкта» *(The Origin and Growth of the Moral Instinct).*

Если мы проследим эволюцию этого инстинкта до уровня высших животных, мы найдем наиболее замечательные примеры его действия у обезьян. Так, говорят, что у одного вида мать постоянно, в течение нескольких месяцев, носит на руках своего детеныша, никогда не оставляя его во время своих путешествий. Этот инстинкт не менее силен у многих человеческих матерей, у которых он, естественно, является более или менее интеллектуализованным и организованным как наиболее существенный элемент чувства родительской любви. Подобно другим видам, продолжение жизни и благосостояние человеческого вида зависит от этого инстинкта. Правда, что разум (*reason*), действуя под влиянием эгоистических импульсов и чувств, меняет цели этого инстинкта и прививает навыки, несовместимые с ним. Если это происходит в большом масштабе, такое общество осуждено на быстрый упадок. Но сам по себе инстинкт не может никогда исчезнуть, пока существует человеческий род; он сохраняет свою силу и влияние, так как те семьи, расы и нации, у которых он ослабевает, быстро сменяются другими семьями, расами и нациями, у которых он сохранил свою силу.

Трудно поверить, чтобы проявление этого самого могущественного из инстинктов не сопровождалось сильной и определенного характера эмоцией. Всем известно, что эта эмоция неизменно обнаруживается среди высших животных почти у каждой матери, особенно у птиц и млекопитающих, — у кошки, например, и у большинства домашних животных. Несомненно, что эта эмоция всегда обладает тем особым свойством, которое является у человека-родителя при виде своего беспомощного потомства. Философы и психологи обыкновенно игнорировали эту первичную эмоцию. Может быть, это происходило оттого, что этот инстинкт и его эмоция, в общем, гораздо слабее у мужчин, чем у женщин; а у некоторых мужчин он и совсем отсутствует. Мы можем даже думать, что философы принадлежат как раз к тому классу людей, которые относительно лишены этого дара. <...>

На этот взгляд, что родительская нежность у человека ведет преемственно свое начало от родительского инстинкта высших животных, можно возразить, что факт широкого распространения детоубийства у современных дикарей указывает на отсутствие этого инстинкта и эмоции нежности у первобытного человека. Но это было бы крайне ошибочное возражение. Как раз самой обычной чертой жизни дикаря является его доброта и нежность, особенно, дикаря-отца, к маленьким детям. В этом сходятся все наблюдатели. Я долгое время с интересом наблюдал кровожадного охотника в Борнео, который дома нежно нянчил детей. Можно считать общим правилом, что дикари, за небольшим исключением, убивают детей только в первые часы их жизни. Если ребенка оставляют жить хоть несколько дней, жизнь его спасена: просыпается во всей своей силе нежная эмоция, переходящая в чувство родительской любви, которая слишком сильна, чтоб над ней могли взять верх чисто эгоистические соображения[3]. <...>

Из эмоции и ее импульса ласкать и охранять потомство — рождаются благородство, признательность, любовь, жалость, истинное расположение и всевозможные альтруистические поступки; в ней их главный и основный корень, без которого они не могли бы существовать[4].

Трудно дать описание эмоции нежности, как и всех других первичных эмоций. Тот, кто не испытал ее, не может понять ее свойства, все равно, как человек, не различающий красок, не может понять ощущения, получаемого от их созерцания. Ее импульс выражается, прежде всего, в оказании физической защиты ребенку, и этот основной импульс остается и тогда, когда область действия его очень расширяется, и он входит в различные идеальные чувства[5].

---

[3] См.: *Westermarck E.* The Origin and Development of the Moral Ideas. L.: Macmillan, 1906. Vol. 1. Ch. 17.

[4] Встречаются женщины (к счастью, их немного), отношение которых к детям показывает, что они лишены материнского инстинкта. Размышление над поведением такой женщины показывает, что ее поведение объясняется чисто эгоистическими мотивами.

[5] Мне кажется весьма вероятным, что импульс поцеловать ребенка, довольно сильный и, по-видимому, врожденный, представляет собой несколько видоизмененный импульс матери лизать своего детеныша, который свойствен материнскому инстинкту столь многих животных.

Как и другие инстинктивные импульсы, этот импульс, встречая на своем пути препятствие или сопротивление, уступает свое место драчливости или импульсу борьбы, или дополняется ими, устремляясь против причины препятствия; а т.к. рассматриваемый нами импульс носит всецело характер защиты, то всякое препятствие вызывает гнев, пожалуй, более непосредственно, чем это бывает при обструкции [действиях, направленных против. — *Ред.-сост.*] другого импульса. Почти у всех животных, у которых он обнаруживается, даже у тех, которые при других условиях выказывают робость, всякая попытка взять детенышей у защищающего его родителя, или причинить детенышу какой-нибудь вред вызывает яростное и отчаянное сопротивление с помощью их средства борьбы. У человеческой матери тот же быстрый переход одного импульса в другой происходит на той же почве физической охраны детей, а также и в области высшей, идейной защиты: малейшая угроза, косой взгляд, какая-либо оплошность (например, говоря о грудном дитяти, называть его «оно», а не «он» или «она»), малейший намек на то, что ребенок не самый прекрасный объект в целом свете, вызывают быстрое неудовольствие.

Эта тесная связь между нежной эмоцией и гневом имеет большое значение для социальной жизни человека, и правильное понимание ее является существенным для построения правильной теории нравственных чувств. Так, вызванный таким путем гнев представляет зародыш нравственного негодования, на котором, главным образом, зиждется юстиция и большая часть публичных законов. Таким образом, как бы это ни казалось парадоксальным, оправдание и наказание, в сущности, имеют своим источником родительский инстинкт. Для понимания отношения этого инстинкта к нравственному негодованию важно отметить, что объектом первичной нежной эмоции является не сам ребенок, но выражение страдания, страха или какой-либо обиды на его лице, особенно плач ребенка под влиянием этой обиды; далее, эта инстинктивная реакция вызывается плачем не только собственного ребенка, но и всякого другого. Конечно, нежная эмоция и ее импульс защиты вызываются более непосредственно и интенсивно несчастиями собственного ребенка, так как именно около него группируются и нарастают сложные чувства. Но огорчения чужого ребенка вызывает более интенсивную реакцию со стороны тех женщин, у которых самый инстинкт очень силен. Встречаются женщины — иногда и мужчины, хотя редко, — которые не могут сидеть спокойно или продолжать какое-либо занятие, когда услышат тревожный плач ребенка. Если обстоятельства вынуждают их подавить импульс бежать на помощь, они все-таки не могут отвлечь свое внимание от этого плача и продолжают прислушиваться к нему с мучительным волнением. <...>

Эта эмоция вызывается также непосредственно несчастием взрослого человека, к которому мы не питаем враждебных чувств. Но в этом случае она еще способна осложняться сочувственным состраданием, когда становится той мучительно-нежной эмоцией, которую мы зовем жалостью; между тем ребенок

или другое беспомощное, хрупкое существо возбуждают ее в чистой форме, без всякого оттенка сострадания. Забавно видеть, как у тех женщин, у которых этот инстинкт силен, эмоция возбуждается, в силу едва заметного сходства, каким-нибудь маленьким и хрупким предметом — очень маленькой чашечкой, стульчиком, книжкой и т.п.

Таким образом, эмоция распространяется путем ассоциации по смежности: предметы, имеющие интимную связь с первым объектом, — одежда, игрушки, постель любимого ребенка — способны непосредственно возбуждать нужную эмоцию. <...>

Как иначе объяснить бескорыстный гнев или негодование? Это важный вопрос. Он служит пробным камнем для всех теорий нравственных эмоций и чувств. Как было сказано выше, в этом бескорыстном негодовании кроется корень правосудия и публичных законов; без него закон, со всем своим механизмом, не представлял бы достаточной гарантии защиты личных прав и свобод, и, вопреки нравственному негодованию большинства членов какого-нибудь общества, законы крайне несовершенно поддерживались бы сильной деспотической властью, как это мы видим в настоящее время в России. Те, которые отрицают у человека чисто альтруистические побуждения и стараются свести видимый альтруизм к тонкому и дальновидному эгоизму, просто отрицают очевидные факты и дают далекие от истины объяснения таким явлениям, как борьба с рабством и движения за введение реформ в Конго, поход на вивисекцию, общество защиты детей от жестокого обращения. <...>

По мнению Бэна, источником всякого бескорыстного нравственного негодования служит рассуждение: «Если я это сделал, я был бы наказан; поэтому и он должен потерпеть наказание». Но этот взгляд часто встречается среди детей и, несомненно, играет некоторую роль при справедливом распределении наказания; но он совершенно не объясняет того парадокса нашей духовной организации, о которой говорил Бэн. Чтоб показать, как далека эта доктрина от истины, нам стоит только рассмотреть, какого рода поведение сильно вызывает наше нравственное негодование. Если мы слышим, что кто-то обокрал банк, вызвал крушение почтового поезда, убил в борьбе другого, — мы соглашаемся, что он должен быть наказан, так как признаем, что интересы общества требуют недопущения частых повторений таких поступков, и сами мы должны воздерживаться от подобного поведения. Но мы можем испытывать чувство жалости к преступнику и даже удивляться его дерзости и ловкости, но если страдание будет причинено беззащитному существу — лошади, собаке и, особенно, ребенку, — тотчас же возгорится наше нравственное негодование, хотя бы совершенный акт и не подлежал наказанию по суду. <...>

Самый краткий и быстрый способ избавиться от страдания, вызванного по симпатии, — это отвернуться и перестать думать о страдающем создании. К этому способу неизменно прибегают все чувствительные натуры, у которых слаба нежная эмоция с ее импульсом защиты слабых. Они проходят, отвернув-

шись мимо больных и страждущих, и решительно гонят всякие мысли о них, окружая себя только веселыми и приятными лицами. <...>

Наша готовность к страданию или удовольствию, вызванному по симпатии, действуя отдельно, побуждает нас только избегать соседства несчастного и искать общения с приятным; но нежная эмоция влечет нас больше к страдающему и больному созданию, чтоб облегчить его несчастие. Заметим, что интенсивность эмоции и сила ее импульса ласкать и защищать, а также сила нашего гнева на того, кто причинил страдание слабому и беззащитному существу, не стоит в постоянной связи с силой страдания, испытываемого нами по сочувствию. Бывают такие сильные и счастливые натуры, которые вряд ли знают страдание; но у них, в то же время, может быть нежное сердце, и зрелище жестокости может легко вызвать их гнев. Затем, простая угроза обидеть слабое существо может вызвать мгновенный гнев. Нелепо было бы предполагать, что в этом случае человек рисует себе то страдание, которое испытало бы данное существо, если бы угроза была приведена в исполнение, т.к., испытывая страдания по сочувствию, а потом, поставив себя на место того, кому грозит насилие, он продолжает испытывать гнев против обидчика. Реакция появляется столь же непосредственно и мгновенно, как эмоция матери при крике ребенка и ее импульс броситься на его защиту; в сущности, это один и тот же процесс.

Таким же образом можно объяснить и бескорыстную благотворительность, и нравственное негодование. Если отбросить эту точку зрения, остаются парадоксом и чудом все стремления, заложенные в человеческом сердце, у которых нет своей истории в эволюционном процессе, нет аналогии и ясной связи, нет сходства ни с одной чертой нашего душевного склада.<...>

Некоторые другие инстинкты с менее определенной эмоциональной тенденцией

Семь рассмотренных нами инстинктов принадлежат к таким, возбуждение которых влечет за собой наиболее определенные первичные эмоции[6]. Из этих семи первичных эмоций и чувств удовольствия и страдания (и, пожалуй, чувств возбуждения и подавленности) складываются все или почти все аффективные состояния, которые обычно называются эмоциями, и для которых существуют определенные названия в разговорной речи. Но имеются и другие человеческие инстинкты, из которых некоторые играют не большую роль в генезисе эмоций,

[6] В своей книге автор обсуждает следующие основные инстинкты и соответствующие им первичные эмоции: (1) инстинкт бегства (*flight*) и эмоция страха (*fear*); (2) инстинкт отталкивания (*repulsion*) и эмоция отвращения (*disgust*); (3) инстинкт любопытства (*curiosity*) и эмоция удивления (*wonder*); (4) инстинкт драчливости (*pugnacity*) и эмоция гнева (*anger*); (5) инстинкт самоунижения (*self-abasement*) или подчинения (*subjection*) и эмоция покорности (*subjection*); (6) инстинкт самоутверждения (*self-assertion*) (или самовыставления (*self-display*) и эмоция самопревозношения (*elation*); (7) родительский (*parental*) инстинкт и эмоция нежности (*tender*). Последний из них включен в данный текст. — *Ред.-сост.*

но их импульсы имеют большое значение в социальной жизни; поэтому на них следует остановиться.

Из них самый важный — половой инстинкт, или *инстинкт воспроизведения* (reproduction). Нет нужды говорить о значительной силе его импульса или о чрезвычайном эмоциональном возбуждении, которым он сопровождается. Интересна его тесная связь с родительским инстинктом. Мне кажется, не может быть сомнения в том, что эта связь врожденная, и что у всех натур (за исключением людей глубоко павших) он благоприятствует тому, чтоб объект сексуального импульса стал вместе с тем до некоторой степени объектом нежной эмоции[7]. Биологическое значение этой природной связи несомненно. Она облегчает возможность совместной работы самца и самки, при которой, даже у животных, обнаруживаются трогательные верность и взаимная нежность на всю жизнь.

Этот инстинкт более всякого другого, придает огромную энергию своего импульса чувствам и сложным импульсам, в которые он входит, между тем, как его специфический характер остается скрытым, и бессознательным. <...> Главное значение этого инстинкта состоит в том, что он иллюстрирует с такой наглядностью, что может убедить слепого, преемственность и основное тождество природы и функций человеческих и животных инстинктов.

В связи с инстинктом размножения скажем несколько слов о *сексуальной ревности* и *женской стыдливости* (coyness). Некоторые авторы считают их особыми инстинктами, но, пожалуй, без достаточных оснований. Ревность, в настоящем смысле слова, представляет сложную эмоцию, которая предполагает наличность организованного чувства; между тем нет оснований думать, что враждебное у животных поведение самца в присутствии соперника необходимо требует проявления какой-нибудь сложной эмоции или сложного чувства. Предположение об особой тесной связи между инстинктами размножения и драчливости *(pugnacity)* основывается на том факте, что гнев самца, как у человека, так и у большинства животных, возникает непосредственно и чрезвычайно бурно при одной только угрозе помешать деятельности сексуального импульса. Возможно, что большая сила сексуального импульса дает ему достаточное объяснение.

Застенчивость (coyness) самки в присутствии самца может также объясняться тем, что у самки существует особая тесная связь между инстинктом размножения и инстинктами самовосхваления и самоунижения (*self-display and self-abasement*), так что присутствие самца возбуждает одинаково как последние инстинкты, так и первый. <...>

Стадный (gregarious) *инстинкт* — один из самых важных в социальном отношении человеческих инстинктов, так как он сыграл большую роль в образовании форм общественности. Аффективная сторона этого инстинкта недостаточно интенсивна или специфична, чтоб получить особое название. Этот инстинкт обнаруживается у многих видов животных, стоящих даже на низкой

[7] Конечно, поскольку этот импульс не извращен.

степени духовного развития. Его проявление в своей простейшей форме не требует каких-либо высоких душевных качеств, никакой симпатии или склонности к взаимной помощи. Франсис Гальтон дал классическое описание проявления этого инстинкта в его грубом виде. Описывая южно-африканского быка в Дэмераланде, он говорит, что бык этот не обнаруживает приязни к товарищам и едва замечает их существование, пока живет среди них[8]. Но если он отделится почему-либо от стада, то проявляет необыкновенную тоску, которая его не оставляет, пока ему не удастся опять соединиться со стадом. Тогда он спешит забраться в самую середину, чтобы прийти в наиболее тесное соприкосновение с товарищами. Здесь мы видим стадный инстинкт во всей его простоте, наблюдаем чувство неудовлетворения при одиночестве и удовлетворения при нахождении в стаде. Он, очевидно, полезен для животных в случаях нападения хищных зверей. <...>

Хотя мнения относительно формы первобытных человеческих обществ очень расходятся (некоторые склонны думать, что это была обширная общая орда; другие, с большей вероятностью, считают, что это были небольшие группы близких по крови родственников), однако почти все антропологи согласны в том, что первобытный человек был до известной степени стадным существом по своим привычкам. За эту точку зрения говорит сила этого инстинкта у цивилизованных людей нашего времени.

Стадный инстинкт не представляет исключения из того правила, что человеческие инстинкты подвержены болезненной гипертрофии, под влиянием которой их эмоции и импульсы проявляются с преувеличенной интенсивностью. Состояние, известное у психиатров под именем агорафобии, вызывается, по-видимому, болезненно-интенсивным проявлением этого инстинкта; больной не желает быть один, не хочет переходить обширной пустой площади и старается быть всегда в обществе. Да и относительно нормального человека проф. Джеймс справедливо говорит:

> Оставаться одному есть величайшее зло для него. Тюремное заключение в одиночке признается многими слишком жестокой и неестественной пыткой, чтоб его могли ввести в цивилизованных странах. Человек, присужденный к долгому заключению на пустынном острове, приходит в бурное возбуждение, когда увидит человеческие следы или человеческий облик, хотя бы в отдалении[9].

В цивилизованных обществах мы сталкиваемся на каждом шагу с проявлением этого инстинкта. Для всех, кроме немногих исключительных и, вообще, высокообразованных лиц, основным условием отдыха служит пребывание в толпе. Обычным, ежедневным отдыхом населения наших городов является вечерняя прогулка по тем улицам, где всегда гуще толпа — по *Strand*'у, *Oxford-Street*

---

[8] *Galton F.* Inquiries into Human Faculty and its Development. L.: Macmillan, 1883. P. 72.

[9] *James W.* Principles of Psychology. N.Y.: Holt, 1890. Vol. 2. P. 431.

или *Old Kent Road*; или, иногда, отъезд на вокзал иностранного принца, или выезд лорд-мэра — заполняют в течение многих часов улицы многотысячной толпой, которая не сделала бы и нескольких шагов, если бы пришлось смотреть только принца или парадный выезд мэра. В немногие праздничные дни рабочий класс покидает город или деревню, чтоб провести их там, где они надеются встретиться с большими обществами товарищей. Этот же инстинкт собирает по праздникам десятки тысяч людей на футбольные и крикетные площадки. Такого рода толпа привлекает сильнее и дает большее удовлетворение стадному инстинкту, чем бесцельная толчея людей на улицах, так как все члены первой заняты одними и теми же интересами; все переживают одинаковые эмоции, все одинаково следят за игрой и вместе аплодируют. Нелепо было бы думать, что только личный интерес игры собирает вместе такую огромную толпу. Сколько бы людей из этих десятков тысяч зрителей футбольного матча стояло бы час и более под дождем и ветром, если б каждый был изолирован от остальной толпы и видел бы только участников игры?

Даже культурные люди не свободны от обаяния толпы. Кто не испытывал этого, останавливаясь перед дворцом лорд-мэра, прогуливаясь по *Cheapside*? Как мало людей, предпочитающих, при наступлении ночи, бродить по набережной Темзы, полной таинственной поэзии, когда баржи медленно скользят, пользуясь приливом, — вместо того, чтобы вмешаться в пеструю толпу *Strand*'а, за несколько ярдов оттуда! Мы, культурные люди, говорим себе, поддаваясь этому обаянию толпы, что нас влечет к жизни народа умственный интерес. Но этот интерес играет здесь небольшую роль, — за ним скрывается могучий импульс стадного инстинкта.

Присутствие этого инстинкта, даже очень сильного, не требует непременно общественного темперамента. Немало в Лондоне людей, которые ведут одинокую жизнь, хотя и признают, что трудно жить вдали от густонаселенного Сити. Такие люди, как и быки Гальтона, не общительны, но нуждаются в обществе. Они иллюстрируют тот факт, что хотя в основе общительности и лежит стадный инстинкт, однако она представляет собой более сложную и более высокоразвитую тенденцию. Будучи элементом этого, более сложного стремления к общительности, стадный инстинкт значительно влияет на формы отдыха даже у культурных классов и является источником немалой доли удовольствия, которое мы испытываем в театре, концертах, и на лекциях и тому подобных развлечениях. Насколько полнее удовлетворение от хорошей игры артистки, когда сидишь в переполненном театре, чем в наполовину пустом зале, — особенно, если все зрители единогласно и шумно выражают свои чувства! Но во все века этот инстинкт вел к более важным социальным последствиям, которые мы рассмотрим в следующей главе.

Скажем несколько слов о двух инстинктах, имеющих меньшее социальное значение. Импульс собирать и коллекционировать разнообразные предметы проявляется так или иначе почти у всех людей и, по-видимому, имеет источником

настоящий инстинкт. Он обнаруживается и у многих животных в неясной, мало определенной форме, характерной для неразвитого инстинкта. Подобно другим инстинктивным импульсам человека, он может иметь болезненно интенсивный характер, когда, например, в слабой форме, он обнаруживается в виде мании к собиранию коллекций, а в более резкой — в скаредности и клептомании[10]. Как и другие инстинкты, он развивается естественно и начинает проявляться независимо от тренировки. Многочисленные статистические наблюдения у детей показали, что немногие из них росли, не занимаясь коллекционированием тех или других предметов, обыкновенно без всякой определенной цели. Такое коллекционирование, несомненно, имеет своей первоосновой рост ***инстинкта приобретения*** (acquisition).

Мы, по-видимому, вправе приписывать человеку ***инстинкт строительства*** (construction). До некоторой степени его импульсом объясняются оживленные детские игры. Этот инстинкт свойственен и многим взрослым людям у цивилизованных народов, но условия зрелого возраста не дают ему большого простора. Многие из нас испытывают истинное удовольствие, сделав какую-нибудь вещь, безотносительно к ее ценности или полезности. Простое желание что-нибудь сделать, имеющее свои корни в этом инстинкте, является, по-видимому, побудительным мотивом ко всякой творческой работе человека, будет ли это пирожок из глины, или метафизическая система, или же кодекс законов.

Перечисленные выше инстинкты, наряду с несколькими низшими инстинктами, вроде тех, которые побуждают детей ползать и ходить, — вот все, что можно, думается мне, определенно указать в содержании человеческой души (*human mind*). Свободно постулировать от неизвестного числа разнообразных человеческих инстинктов есть легкий и дешевый способ разрешения психологических проблем, который будет вряд ли менее серьезной и менее распространенной ошибкой, чем противоположное ему заблуждение — игнорировать все инстинкты. Как часто мы слышим о существовании религиозного инстинкта. Ренан утверждал, что религиозный инстинкт так же присущ человеку, как птицам — инстинкт постройки гнезд, и многие авторы писали о нем, как об основном свойстве человеческой души. Но если мы признаем теорию эволюции человека из животных форм, мы будем вынуждены искать начала религиозных эмоций и импульсов в инстинктах, которые не будут специфическими религиозными инстинктами. К тому же результату приведет нас изучение условий, проявлений, и своеобразных тенденций религиозных эмоций. Очевидно, что религиозная эмоция не представляют особой формы какого-нибудь одного из инстинктов. Она является скорее очень сложным и отличным продуктом кооперации нескольких инстинктов, которые обусловливают крайне разнородные проявления, так же сильно разнящиеся между собой, как свет и тень, в зависимости от того, в какой степени и каким путем участвуют в них воображение и рассудок. <...>

[10] *Клептомания* — болезненное, непреодолимое стремление к воровству. — *Ред.-сост.*

Некоторые общие или неспецифические врожденные тенденции

В этой главе нам предстоит рассмотреть некоторые врожденные стремления человеческой души, имеющие большое значение для социальной жизни. Эти стремления иногда приписываются особым инстинктам, но им следует отвести отдельное от инстинктивных тенденций место. Мы видели, что всякий инстинкт, какие бы глубокие изменения он ни претерпевал в душе развитого человека по отношению к условиям своего возбуждения и тех актов, в которых он обнаруживается, — всегда остается неизменным в своем основном и постоянном ядре. Это ядро есть центральная часть природной организации, возбуждение которой определяет собой аффективное состояние или эмоцию специфического характера и природный импульс, направленный к какой-нибудь специфической цели. Прирожденные тенденции, которые мы будем рассматривать в этой главе, не имеют этих специфических свойств и обладают многосторонним и общим характером. Посмотрите, например, на тенденцию подражания: действия, которыми выражается эта тенденция, и сопровождающее их субъективное состояние так же разнообразны, как предметы или действия, которые служат объектом подражания.

Симпатия или симпатическая индукция эмоций

Три наиболее важные из этих псевдоинстинктов, как их можно назвать, суть внушение, подражание и симпатия. Они тесно связаны между собой в смысле своего влияния, т.к. всякий раз процесс, в котором обнаруживается природная тенденция, вызывает взаимодействие, по меньшей мере, двух индивидов, из которых один будет агентом, а другой лицом, воспринимающим воздействие, или пациентом; и в каждом случае результатом процесса будет некоторая ассимиляция [уподобление, усвоение. — *Ред.-сост.*] пациентом действия и душевного состояния агента. Существуют три формы душевного взаимодействия, имеющие важное значение для всей остальной жизни людей и животных. Эти процессы душевного взаимодействия, впечатления и восприятия захватывают, главным образом, познавательный аспект душевного акта, или его аффективный аспект, или волевой (конативный). В первом случае, когда какое-нибудь представление, идея или вера агента непосредственно вызывает подобное же представление, идею или верование у пациента, процесс называется внушением. Когда аффективное или эмоциональное возбуждение агента вызывает подобное же аффективное возбуждение пациента — это будет процесс симпатии или симпатической индукции эмоции или чувства. Если наиболее сильным результатом взаимодействия будет ассимиляция пациентом мышечных движений агента, — должна идти речь о подражании. <...>

Слово «симпатия», в обычном смысле, предполагает нежное отношение к лицу, к которому, как говорится, мы питаем симпатию. Но такая симпатия представляет только особую сложную форму симпатической эмоции в тесном и самом общем смысле слова. Основная и примитивная форма симпатии есть то, что разумеется самим этим словом, — страдание вместе, переживание чувства или эмоции, которые, по нашему наблюдению, испытывает другое лицо или другое существо[11].

Симпатическая индукция эмоции, в простейшей и ясной форме, обнаруживается у многих, пожалуй, даже у всех животных, живущих стадами; и не трудно понять, насколько она полезна им в борьбе за существование. Наиболее ярким и частым примером является быстрое распространение страха и его импульса бежать от опасности у отдельных членов группы или стада. Многие из животных издают при этом тревожный крик, характерный для испуга. Лишь только одно животное издаст этот крик, немедленно пробуждается импульс бегства у всех его товарищей; все стадо или весь выводок спасаются бегством как один индивид или одно из стаи стадных животных, живущих охотой (например, из среды собак или волков), нападает на свежий след добычи и начинает преследовать ее, испуская характерный лай; инстинкт преследования возбуждается у всей стаи, и все животные бегут с лаем за добычей. Или же, например, две собаки начинают ворчать и грызться, и тотчас же все собаки, услышавшие это ворчание или увидевшие борьбу, взбудораживаются и начинают выражать симптомы гнева. Иногда какое-нибудь животное из стада с любопытством останавливается перед незнакомым предметом, и тотчас все остальные, которые даже не могут видеть этого предмета, обнаруживают любопытство и присоединяются к товарищу, разглядывая незнакомый предмет. Во всех этих случаях мы видим только, что поведение одного животного, руководимое каким-либо инстинктом, немедленно вызывает подобное же поведение у тех его товарищей, которые видели, как у него появилось возбуждение. Едва ли можно сомневаться, что в каждом случае инстинктивное поведение сопровождается соответственной эмоцией и ее импульсом.

Эта грубая форма симпатии служит цементом, который связывает общества животных, делает согласованными между собой действия всех членов группы и позволяет им, несмотря на неразвитый интеллект, пользоваться некоторыми преимуществами социальной жизни. <...>

В раннем детстве симпатическая эмоция носит упрощенный характер, и в течение всей нашей жизни она реагирует непосредственно, почти у нас всех, на выражение чувств и эмоций у наших ближних. Эта симпатическая индукция эмоции и чувства наблюдается у детей в том возрасте, когда они еще не понимают смысла тех проявлений эмоций, на которые реагируют. Возможно,

[11] Эта истина нашла ясное выражение у Герберта Спенсера (*Spencer H.* The Principles of Psychology. L.: Williams and Norgate, 1890. P. 503). Бэн также ее признает, хотя, как мы видели, он не всегда ее держится.

что всего раньше они отзываются на плач других детей; несколько позже они начинают отвечать на улыбку и выражение удовольствия у окружающих. Еще позднее также непосредственно передается от одного ребенка к другому страх, любопытство и, пожалуй, смех. Смех заразителен во всяком возрасте, и хотя не представляет чисто инстинктивного выражения, однако является самым обычным примером симпатической индукции аффекта. Эта непосредственная и свободная реакция на эмоциональное состояние других необыкновенно красит детский возраст. Особенно красиво она выражается у некоторых дикарей (преимущественно, пожалуй, у негров) и сообщает им необыкновенную привлекательность.

У взрослых симпатическая реакция встречается в различной степени и только у немногих совсем отсутствует. Мы чувствуем себя легче при виде веселого лица; печальная физиономия портит настроение веселого общества. Когда мы видим выражение страдания у других, мы сами страдаем из сочувствия; когда мы видим, что другие поражены ужасом или слышим крик ужаса, нас охватывает страх, хотя нам неизвестна причина их эмоции, или же для нас безразлична эта причина.

Гнев возбуждает гнев, любопытство глазеющего прохожего возбуждает наше любопытство; а проявление нежности затрагивает, как говорится, нежную струну в нашем сердце, — короче говоря, всякая сильная из первичных эмоций, имеющих свое характерное и ясное физическое выражение, способна возбуждаться непосредственно путем симпатической реакции[12]. Если справедлива высказанная здесь точка зрения, то мы не будем утверждать, как это делают другие авторы, что симпатия обусловливается инстинктом; но скорее скажем, что симпатия возникает благодаря особому приспособлению рецептивной части каждой из главных инстинктивных организаций, приспособлению, которое дает возможность каждому инстинкту возбуждаться под влиянием восприятия физически выраженного возбуждения того же инстинкта у других людей.

На предыдущих страницах было указано, что эта примитивная симпатия лишена высших нравственных свойств. Встречаются лица, которые очень сильно отзываются в этом смысле на чувства других: испытывают печаль при виде страдания и огорчения, удовольствие — при виде чужой радости, а между тем, они отличаются крайним эгоизмом и нисколько не стараются облегчить чужое горе или передать удовольствие, которое сами испытывают. Симпатическая чув-

[12] Скоро после того, как я написал эти строки, я стоял у окна в один темный вечер с ребенком на руках. Вдруг блеснула молния, и несколько минут спустя прогремел гром. Ребенок обрадовался молнии, но удар грома вызвал у него крик испуга. При этом крике я мгновенно испытал в течение секунды такой страх, как будто мне угрожали все ужасы ада. Когда я бываю один, я не боюсь грома. Этот инцидент отлично выясняет два пункта: прежде всего, симпатическую индукцию эмоции путем непосредственной инстинктивной реакции на выражение эмоции у другого лица; во-вторых, специфический характер громких звуков, возбуждающих страх. Собственно, как чисто чувственный стимул, блеск молнии гораздо сильнее грома, — но он не вызывает страха у ребенка.

ствительность побуждает их избегать несчастных людей, книг и пьес с грустным содержанием, и стремиться в общество веселых и беззаботных людей. Эта чувствительность совершенно противоположна тому поведению высшего порядка, когда человек старается облегчить страдание и содействовать счастью. Иногда чужие страдания так живо переживаются зрителем, что он теряет способность оказать помощь в несчастии, или когда требуется хирургическое вмешательство, многие женщины испытывают по симпатии такое волнение, что не могут быть ничем полезными[13].

[13] Это особенно наблюдается в случаях рвоты: нежная мать иногда, в порыве отвращения, отворачивается от ребенка, мучимого рвотой.

Х. Хекхаузен

Классификация мотивов на основе инстинктов: Уильям Мак-Дауголл*

Мак-Дауголлу принадлежит первая грандиозная попытка свести все поведение к мотивационным диспозициям[1]. В то время общеупотребительным названием для мотивационных диспозиций было понятие не мотива, а инстинкта. Так, например, фрейдовское понятие влечения в первых изложениях его работ на английском языке переводилось как «инстинкт». В XIX столетии как нечто противоположное интеллекту инстинкт входил в систему понятий психологии способностей. По мере триумфального шествия эволюционных идей Дарвина инстинкты все больше привлекались и для объяснения человеческого поведения.

Джеймс усматривал в инстинктах способность действовать таким образом,

> чтобы производить некоторый результат, не предвосхищая его и без предварительного обучения выполнению действий[2].

То, что у Джеймса было лишь одним из многих объяснительных принципов поведения, у Мак-Дауголла стало ключевым положением в любой «динамической», т.е. объясняющей поведение, психологии. Откровенно господствующая роль, которую Мак-Дауголл приписал инстинкту как объяснительному понятию, повлияла на дальнейшую историю проблемы, вызвав во втором десятилетии нашего века бурные разногласия по поводу понимания инстинктов. С одной стороны, ассоцианистское кредо главных критиков понятия инстинкта побуждало их к радикальной формулировке своих бихевиористских позиций, согласно которым любое поведение должно выводиться из простых рефлексов

---

* *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность: В 2 т. М.: Педагогика, 1986. Т.1. С. 105—109.

[1] См.: *McDougall W.* An Introduction to Social Psychology. L.,1908.

[2] См.: *James W.* Psychology: The Briefer Course. N.Y., 1892. P. 383.

и научения[3]. С другой стороны, Вудвортс, давно мечтавший о «мотивологии», окончательно заменил инстинкт понятием «drive» («влечение»)[4]. И наконец, Толмен сделал основные положения психологии мотивации Мак-Дауголла экспериментально проверяемыми, т.е. приемлемыми в теоретическом отношении и для бихевиористов. Дальнейшее уточнение понятия инстинкта и исследование инстинктивного поведения стали внутренним делом этологов, прежде всего, таких выдающихся исследователей, как Лоренц и Тинберген.

В чем состояла позиция Мак-Дауголла? Он выступал против как чисто описательной психологии сознания, так и «механистического» объяснения поведения теоретиками ассоцианизма и рефлексологии. Для него любое поведение телеологично, целенаправлено, ориентировано на достижение намеченного будущего целевого состояния. О направленности говорят семь признаков:

1) спонтанность движения;
2) продолжительность и настойчивость движения вне зависимости от того, действует раздражитель или нет;
3) смена хода целенаправленных движений;
4) успокоение после достижения желаемого изменения внешней среды;
5) приготовление к новой ситуации, к которой ведет совершающееся действие;
6) некоторое повышение эффективности поведения при повторении его в схожих условиях;
7) целостность реактивного поведения организма.

Эти признаки целенаправленности поведения Мак-Дауголл объясняет с помощью инстинктов. Исходное для него понятие инстинкта является довольно сложным и охватывает три следующих друг за другом процесса: 1) предрасположенность к селективному восприятию в зависимости от специфических состояний организма (например, более быстрое обнаружение съедобных объектов в состоянии голода); 2) соответствующий эмоциональный импульс (ядро инстинкта); 3) активность инструментального типа, направленная на достижение цели (например, бегство при страхе). Мак-Дауголл подытоживает:

> любой образец инстинктивного поведения включает знание о чем-либо (об объекте), отношение к нему и устремленность к объекту или от него[5].

Очевидно, что здесь связываются воедино и обозначаются одним понятием совершенно разные вещи. Запутанность усугубляется тем, что Мак-Дауголл рассматривает как врожденный и неменяющийся компонент инстинкта лишь одну из трех его составляющих, а именно эмоцию (ядро инстинкта), в то вре-

---

[3] См.: *Watson J.* Psychology from the Standpoint of a Behaviorist. Philadelphia, 1919.

[4] См.: *Woodworth R.* Dynamic Psychology. N.Y., 1918.

[5] См.: *McDougall W.* An Introduction to Social Psychology. L., 1908. P. 26.

мя как когнитивный и моторный компоненты могут изменяться под влиянием жизненного опыта.

> Эмоциональное возбуждение с сопровождающей его нервной активностью центральной части диспозиции есть единственная составляющая целостного инстинктивного процесса, которая сохраняет свою специфичность и остается одинаковой у всех индивидов во всех ситуациях, где пробуждается данный инстинкт[6].

При столь сложном по содержанию понятии Мак-Дауголл составил первоначальный перечень следующих 12 инстинктов, хотя пяти последним он не смог поставить в соответствие какую-либо определенную эмоцию (приводятся в скобках): 1) *бегство* (*страх*); 2) *неприятие* (*отвращение*); 3) *любознательность* (*удивление*); 4) *агрессивность* (*гнев*); 5) *самоуничижение* (*смущение*); 6) *самоутверждение* (*воодушевление*); 7) *родительский инстинкт* (*нежность*); 8) *инстинкт продолжения рода* (—); 9) *пищевой инстинкт* (—); 10) *стадный инстинкт* (—); 11) *инстинкт приобретательства* (—); 12) *инстинкт созидания* (—).

Поскольку термин «инстинкт» подвергся ожесточенным нападкам и давал основания для ошибочного толкования поведения, как определяемого в основном врожденными мотивационными диспозициями, Мак-Дауголл позже стал употреблять термин «склонность» (propensity). Однако содержание его почти не изменилось, за исключением того, что было введено различение между диспозицией (propensity) и функцией (tendency), о чем свидетельствует следующая цитата из его последней работы:

> Склонность представляет собой диспозицию, функциональную единицу общей психической организации, которая, будучи актуализованной, порождает активную тенденцию, стремление (striving), импульс или влечение (drive) к некоторой цели. Такая тенденция, сознательно направленная на предвосхищаемую цель, представляет собой желание (desire)[7].

Несколько склонностей могут синтезироваться в так называемые чувства (sentiments) — обусловленные опытом и научением когнитивно-эмоциональные оценки, которые связаны с отношением к предметам и обстоятельствам. Например, в восприятии и оценке понятия «отечество» участвуют многие склонности. Такие когнитивные схемы, центральную и организующую роль среди которых играет связанное с отношением к образу своего *Я* чувство самооценки (self-sentiment), составляют «характер». Они тем самым в значительной степени обусловливают индивидуальные различия на фоне врожденного базового набора инстинктоподобных эмоциональных импульсов (склонностей).

---

[6] См.: *McDougall W.* An Introduction to Social Psychology. L., 1908. С. 33.

[7] См.: там же. P. 118.

В табл. 1 представлен окончательный вариант постулированных Мак-Дауголлом склонностей.

Таблица 1

Инстинктоподобные мотивационные диспозиции (propensity)[8]

1.	Пищедобывание. Поиск (и, возможно, накопление) пищи
2.	Отвращение. Неприятие и избегание определенно вредных веществ
3.	Сексуальность. Ухаживание и брачные отношения
4.	Страх. Бегство и затаивание в ответ на травмирующие, причиняющие боль и страдание или угрожающие этим воздействия
5.	Любознательность. Исследование незнакомых мест и предметов
6.	Покровительство и родительская опека. Кормление, защита и укрытие младших
7.	Общение. Пребывание в обществе равных себе, а в одиночестве поиск такого общества
8.	Самоутверждение. Доминирование, лидерство, утверждение или демонстрация себя перед окружающими
9.	Подчинение. Уступка, послушание, примерность, подчиненность тем, кто демонстрирует превосходящую силу
10.	Гнев. Негодование и насильственное устранение всякой помехи или препятствия, мешающих свободному осуществлению любой другой тенденции
11.	Призыв о помощи. Активное обращение за помощью, когда наши усилия заканчиваются полной неудачей
12.	Созидание. Создание укрытий и орудий труда
13.	Приобретательство. Приобретение, обладание и защита всего, что кажется полезным или почему-либо привлекательным
14.	Смех. Высмеивание недостатков и неудач окружающих нас людей
15.	Комфорт. Устранение или избегание того, что вызывает дискомфорт, скажем, почесыванием или сменой позы, местонахождения
16.	Отдых и сон. Склонность к неподвижности, отдыху и сну в состоянии усталости
17.	Бродяжничество. Передвижение в поисках новых впечатлений
18.	Группа примитивных склонностей, обслуживающих телесные нужды, такие, как кашель, чихание, дыхание, дефекация

При изучении этого перечня сразу становится ясным, что вряд ли возможно его убедительное обоснование. Почему столько, а не меньше и не больше мотивационных диспозиций? Не слишком ли много общего между «поиском

[8] См.: *McDougall W.* The Energies of Men. L., 1932. P. 97—98.

помощи» (11) и «покорностью» (9)? Не является ли «страсть к бродяжничеству» (17) лишь одним из проявлений «любопытства» (5)? Можно задать эти и многие другие вопросы, поднимающие проблему эмпирических критериев классификации мотивов, отличающихся от представлений обычного здравого смысла.

Насущность этой проблемы, которая и по сегодняшний день не решена, ощущалась все больше по мере того, как под влиянием перечня инстинктов Мак-Дауголла прежде всего в смежных дисциплинах, таких, как социология и политология, стало привычным каждый поведенческий феномен объяснять через особый инстинкт примерно по такому образцу: войны возникают из-за инстинкта агрессивности. Но почему, собственно, известно, что существует инстинкт агрессивности? Да потому, что люди часто воюют. Подобная тавтологичность мышления никогда не была свойственна Мак-Дауголлу, но стала первопричиной разразившихся вскоре бурных дебатов вокруг инстинктов. С возражениями можно было бы справиться при помощи более четких критериев инстинктивно обусловленного поведения и систематических исследований. Однако в пылу споров до этого не дошло. Вторая, в чем-то схожая с первой, причина была связана с подозрением, что под вывеской инстинктов возрождается старая психология способностей, что, по сути, описывается и классифицируется само поведение. Третьей причиной была проблема подразделения поведения на инстинктивно обусловленное и основанное на приобретенных навыках. Для этого необходимо уметь различать взаимозаменяемые инструментальные активности и целевые состояния, к которым, в конечном счете, конвергируют эти формы поведения.

Наконец, четвертой причиной были существенные метатеоретические противоречия, которые подспудно питали споры, одновременно препятствуя их конкретно-эмпирическому прояснению. Для противников Мак-Дауголла понятие инстинкта отождествлялось с его убеждением, что поведение целенаправлено, т.е. организуется, исходя из цели. С ассоцианистской точки зрения это убеждение, однако, представлялось ненаучным, так как считалось, что Мак-Дауголл, как ранее виталисты, вводит под названием инстинктов некие мистические силы. Мак-Дауголл, конечно, был далек от этого. Однако такие метатеоретические подмены подогревали дискуссии и мешали выявлению фактических критериев для разрешения разногласий. Поскольку критики понятия инстинкта лучшей теории предложить не могли, противоречие, по сути, осталось неразрешенным. Вызванные спорами утомление и пресыщение привели к тому, что с умозрительными рассуждениями было покончено. Результатом, воспринятым повсюду с одобрением, было мнение, что следует больше экспериментировать, конкретизировать и детализировать. Этот резкий сдвиг в умонастроениях исследователей произошел в начале 30-х гг.[9]

---

[9] См.: *Krantz D., Allen D.* The rise and fall of McDougall's instinct doctrine // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 1967. № 3.

Мак-Дауголл, как и Фрейд, привнес в объяснение поведения типичный для психологии мотивации стиль мышления. Задавшись вопросом, что такое мотив и как его классифицировать, он выявил центральные проблемы, которые при попытке их объяснения по большей части путем описаний и дефиниций вызвали разногласия и в значительной мере определили эмпирический характер исследований мотивации последующего десятилетия. Является ли поведение преимущественно результатом предшествовавшего научения или врожденных импульсов? Мотивация поведения — это вопрос его энергетики или его направленности и избирательности? И главное: объясняется ли поведение механистически, исходя из связей «стимул — реакция», или телеологически, исходя из предвосхищающих будущее когнитивных процессов?

Слово «инстинкт» было отныне запрещено для обозначения мотивационных диспозиций. Его место заняли понятия влечения и потребности. Встали игнорировавшиеся ранее проблемы актуализации мотива и действенности мотивации. Однако между перечнем инстинктов Мак-Дауголла и полученным с помощью факторного анализа каталогом Кеттелла была еще одна серьезная и тесно связанная с измерением мотивов попытка их классификации: перечень потребностей (needs) Мюррея 1938 г.

К. Холл, Г. Линдсей

[Классификация потребностей Г. Меррея]*

Потребность

Хотя понятие «потребность» в психологии использовалось и используется очень широко, ни один теоретик не подверг его столь тщательному анализу и не дал столь полной классификации потребностей, как Меррей. Особенности проведенного Мерреем анализа отражены в определении:

> Потребность — это конструкт (конвенциональная фикция или гипотетическое представление), который обозначает силу, действующую в мозге, силу, которая организует перцепцию, апперцепцию, интеллектуальную деятельность, произвольные действия таким образом, чтобы наличная неудовлетворительная ситуация трансформировалась в определенном направлении. Иногда потребность побуждается напрямую определенными внутренними процессами <...>, но чаще (в состоянии готовности) — появлением одного или нескольких обычно эффективных давлений (сил среды) <...>. Таким образом, она проявляется в том, что направляет организм в плане поиска или избегания встречи или, в случае встречи, в плане обращения внимания и реагирования на определенное давление <...>. Каждая потребность характерным образом сопровождается определенным чувством или эмоцией и склонна к определенным формам изменения. Она может быть слабой или интенсивной, кратковременной или продолжительной. Но обычно она сохраняется и придает определенное направление внешнему поведению (или фантазиям), что изменяет исходные обстоятельства так, чтобы приблизить конечную ситуацию, которая должна успокоить (умиротворить или удовлетворить) организм[1].

---

* *Холл К.С., Линдсей Г.* Теории личности. М.: «КСП+», 1997. С. 202—213.

[1] См.: *Murray H.A.* (and collaborators). Explorations in personality. N.Y.: Oxford, 1938. P. 123—124.

Из этого определения видно, что понятию «потребность», как и понятию «личность», придается гипотетический статус, но, тем не менее, оно связывается с основополагающими физиологическими процессами мозга. Понятно и то, что потребности могут побуждаться «изнутри» или актуализироваться под влиянием внешней стимуляции. В любом случае потребность вызывает активность организма и поддерживает ее до тех пор, пока ситуация взаимодействия «организм—среда» не изменяется так, что потребность редуцируется. Некоторые потребности сопровождаются эмоциями и чувствами и часто ассоциируются с конкретными инструментальными актами, эффективными в плане создания желательного конечного состояния.

Меррей утверждает, что о существовании потребности можно заключить на основе: 1) эффекта или результата поведения; 2) конкретного паттерна или способа осуществления поведения; 3) избирательного внимания или реагирования на определенный вид стимульных объектов; 4) выражения конкретной эмоции или аффекта; 5) выражения удовлетворения при достижении определенного эффекта или неудовлетворения, если эффект не достигнут[2]. Дополнительные показатели представляют субъективные отчеты о переживаниях, целях, намерениях. Дав общее определение, выявив перечисленные показатели, Меррей на основе интенсивного изучения небольшого числа субъектов составил ориентировочный список из двадцати потребностей. Хотя этот перечень подвергался в дальнейшей работе серьезной модификации, изначальные двадцать потребностей остаются высоко репрезентативными. Эти переменные были представлены в [цитировавшейся выше] работе (1938) с обозначением фактов, связанных с каждой из потребностей, и вопросов, с помощью которых можно осуществить оценку потребности; были указаны сопутствующие потребности эмоции и даны иллюстративные примеры. Двадцать потребностей приведены в таблице 1.

Таблица 1

Иллюстративный перечень потребностей по Меррею[3]

Потребность	Краткое определение
Унижение	Пассивно подчиняться внешним силам. Готовность принять обиду, обвинения, критику, наказание. Готовность сдаться. Подчиниться судьбе. Допустить собственную «второсортность», признать свои заблуждения, ошибки, поражения. Исповедоваться и искупать вину. Обвинять себя, принижать, выставлять в худшем виде. Искать боли, наказания, болезни, несчастья и радоваться им.
Достижение	Выполнять нечто трудное. Управлять, манипулировать, организовывать — в отношении физических объектов, людей или идей. Делать это по возможности быстро и самостоятельно. Преодолевать препятствия и добиваться высоких показателей. Самосовершенствоваться. Соперничать и опережать других. Реализовывать таланты и тем повышать самоуважение.

[2] См.: *Murray H.A.* (and collaborators). Explorations in personality. N.Y.: Oxford, 1938. P. 124.

[3] См.: Там же. P. 152–226.

Аффилиация	Тесно контактировать и взаимодействовать с близкими (или теми, кто похож на самого субъекта или любит его). Доставлять удовольствие катектируемому объекту и завоевывать его привязанность. Оставаться верным в дружбе.
Агрессия	Силой преодолевать противостояние. Сражаться. Мстить за обиды. Нападать, оскорблять, убивать. Противостоять насилием или наказывать.
Потребность	Краткое определение
Автономия	Освобождаться от уз и ограничений. Сопротивляться принуждению. Избегать или прекращать деятельность, предписанную деспотичными авторитарными фигурами. Быть независимым и действовать соответственно своим побуждениям. Не быть чем-либо связанным, ни за что не отвечать. Пренебрегать условностями.
Противодействие	В борьбе овладевать ситуацией или компенсировать неудачи. Повторными действиями избавляться от унижения. Преодолевать слабость, подавлять страх. Смывать позор действием. Искать препятствия и трудности. Уважать себя и гордиться собой.
Защита	Защищаться от нападений, критики, обвинений. Замалчивать или оправдывать ошибки, неудачи, унижения. Отстаивать эго.
Уважение	Восхищаться вышестоящим и поддерживать его. Восхвалять, воздавать почести, превозносить. С готовностью поддаваться влиянию ближних. Иметь пример для подражания. Подчиняться обычаю.
[Почитание]	Контролировать окружение. Влиять или направлять поведение других — внушением, соблазном, убеждением, указанием. Разубеждать, ограничивать, запрещать.
Демонстрация	Производить впечатление. Быть увиденным и услышанным. Возбуждать, удивлять, очаровывать, развлекать, шокировать, заинтриговывать, забавлять, соблазнять.
Избегание вреда	Избегать боли, ран, болезней, смерти. Избегать опасных ситуаций. Принимать предупредительные меры.
Избегание неудач	Избегать унижений. Уходить от затруднений или избегать ситуаций, в которых возможно унижение, презрение, насмешка, безразличие других. Воздерживаться от действий с целью избежать неудачи.
Опека	Проявлять сочувствие и помогать беззащитным в удовлетворении их потребностей — ребенку или кому-то, кто слаб, обессилен, устал, неопытен, немощен, потерпел поражение, унижен, одинок, удручен, болен, в затруднении. Помогать при опасности. Кормить, поддерживать, утешать, защищать, опекать, лечить.
Порядок	Приводить все в порядок. Добиваться чистоты, организованности, равновесия, опрятности, аккуратности, точности.
Игра	Действовать «забавы ради» — без иных целей. Смеяться, шутить. Искать расслабления после стресса в удовольствиях. Участвовать в играх, спортивных мероприятиях, танцах, вечеринках, азартных играх.
Неприятие	Избавиться от негативно катектируемого объекта. Избавляться, отказываться, изгонять или игнорировать нижестоящего. Пренебрегать объектом или обманывать его.
Чувственные впечатления	Искать чувственные впечатления и радоваться им.
Секс	Создавать и развивать эротические взаимоотношения. Иметь сексуальные отношения.
Помощь	Удовлетворять потребности благодаря сочувственной помощи близкого. Быть тем, кого опекают, поддерживают, окружают заботой, защищают, любят, кому дают советы, кем руководят, кого прощают, утешают. Держаться ближе к преданному опекуну. Всегда иметь рядом того, кто окажет поддержку.
Понимание	Ставить вопросы или отвечать на них. Интересоваться теорией. Размышлять, формулировать, анализировать, обобщать.

Типы потребностей

Таким образом, мы видели, как Меррей определяет потребность, рассмотрели предложенные им показатели или критерии для идентификации потребности и типичный перечень потребностей.

Помимо этого, важно рассмотреть основания для различения типов потребностей. Прежде всего, различаются первичные и вторичные потребности. Первичные, или *висцерогенные*, потребности связаны с характерными органическими явлениями и физическим удовлетворением. Примеры — потребность в воздухе, воде, пище, сексе, лактации, уринировании и дефекации. Вторичные, или психогенные, потребности предположительно выводятся из первичных и характеризуются отсутствием очевидной связи с каким бы то ни было специфическим органическим процессом или физическим удовлетворением. Примерами служат потребность в приобретении, конструировании, достижении, признании, эксгибиции, доминировании, автономии, уважении.

Во-вторых, различаются *открытые* и *скрытые* потребности, т.е. проявляющиеся и латентные. Речь здесь идет о тех потребностях, которым позволительно проявляться более или менее непосредственно, и о тех, что в общем случае сдерживаются или вытесняются. Можно сказать, что открытые потребности обычно проявляются в моторном поведении, тогда как скрытые — в мире фантазий и сновидений. Существование скрытых потребностей — в значительной мере следствие образования интернализованных структур (*Суперэго*), определяющих правильное или приемлемое поведение. Некоторые потребности не могут быть непосредственно выражены без нарушения условностей и стандартов, привнесенных обществом через родителей, и эти потребности часто действуют на скрытом уровне.

В-третьих, существуют *фокальные потребности* и *диффузные потребности*. Некоторые потребности тесно связаны с определенными объектами среды, тогда как другие являются настолько общими, что подходят почти к любой ситуации. Меррей отмечает, что, за исключением некоторых особых случаев фиксации, объект потребности может изменяться, как и способ удовлетворения. Т.е. сфера, с которой связана потребность, может расширяться или сужаться, а количество инструментальных актов, связанных с удовлетворением потребности, может увеличиваться или уменьшаться. Если потребность прочно связана с неадекватным объектом, это называется *фиксацией* и обычно расценивается как патология. В то же время Меррей отмечает, что неспособность потребности к относительно стабильному «предпочтению» объекта и «перескакивание» с объекта на объект может быть столь же патологичным, как и фиксация.

В-четвертых, существуют потребности *проактивные* и *реактивные*. Проактивные потребности преимущественно детерминированы изнутри, когда человек становится «спонтанно действующим» в результате чего-то, происходящего в личности, а не в среде. Реактивные же потребности активируются вследствие

некоторых событий в среде, как реакция на них. Различие здесь во многом то же, что между реакцией, вызванной соответствующим стимулом, и реакцией, вызванной отсутствием важной стимульной переменной. Эти понятия Меррей использует также для описания взаимодействия между двумя или более людьми, когда один индивид выступает как *проактор* (инициирует взаимодействие, задает вопросы, вообще продуцирует стимулы, требующие чужой реакции), а другой — как *реактор* (реагирует на стимулы, продуцируемые проактором).

В-пятых, различаются *процессуальная активность*, *модальные потребности* и *эффектные потребности*. Американские психологи, традиционно обращающие внимание на то, что функционально и полезно, постоянно выделяли эффектные потребности — потребности, направленные на определенное желательное состояние или результат. Меррей же настаивал на равной значимости процессуальной активности и модальных потребностей — тенденций к осуществлению определенных актов ради самого осуществления. Беспорядочное, некоординированное, нефункциональное действие различных процессов (зрение, слух, мышление, речь и т.д.), возникающее с рождения, называется процессуальной активностью. Это — «чистое функциональное удовольствие», делание ради делания. Модальные же потребности предполагают, что нечто осуществляется на определенном уровне качества и совершенства. Это все еще активность, к которой стремятся и которая приносит радость, но доставляет истинное удовлетворение лишь тогда, когда выполняется на определенном — высоком — уровне.

Взаимоотношение потребностей

Очевидно, что потребности не полностью изолированы друг от друга, и природа их взаимодействий или взаимовлияний имеет огромное теоретическое значение. Меррей принимает положение о том, что существует иерархия потребностей, при которой определенные тенденции занимают более высокое положение, чем другие. По отношению к потребностям, которые, «не будучи удовлетворенными, начинают главенствовать с наибольшей силой»[4], используется понятие *доминирования*. Так, в ситуации, когда две или более потребности требуют несовместимых реакций, именно доминирующая потребность (связанная с болью, голодом, жаждой, например) станет действующей, так как ее удовлетворение не может быть отсрочено. Минимальное удовлетворение таких потребностей необходимо прежде, чем смогут вступить в силу другие. При исследовании личности Меррей обычно рассматривал *конфликт*, в который включены потребности. В его работах каждый субъект обычно оценивается в плане интенсивности конфликта в определенных ключевых сферах, например — автономия против уступчивости, достижение против удовольствия.

[4] См.: *Murray H.A.* Toward a classification of interaction // T. Parsons, E.A. Shils (Eds.). Toward a general theory of action. Cambridge: Harvard University Press, 1951. P. 452.

В определенных обстоятельствах посредством единой линии поведения может быть удовлетворено множество потребностей. В тех случаях, когда различные потребности реализуются в одном и том же поведении, Меррей говорит о *смешении* потребностей. Другая важная разновидность взаимоотношений потребностей описывается понятием *субсидиации*. Субсидирующая — та, что служит удовлетворению другой: например, индивид может проявлять потребность в агрессии, но это служит лишь удовлетворению потребности в приобретении. Во всех случаях, когда действие одной потребности служит лишь инструментом удовлетворения другой, мы называем ее субсидирующей другую. Отслеживание звеньев субсидиации может иметь большую ценность для выявления доминирующих основных мотивов индивида.

Мы исследовали то, как Меррей представляет мотивацию индивида. Однако эти личные мотивы тесно связаны с событиями, происходящими вне индивида, и нам предстоит рассмотреть то, как эти важнейшие события среды представляет Меррей.

Прессы

Так же, как понятие «потребность» отражает важные внутренние детерминанты человеческого поведения, понятие «пресс» отражает важные детерминанты поведения, исходящие из среды. Проще говоря, пресс — это характеристика или свойство объекта среды или человека, которое облегчает или затрудняет достижение индивидом его цели. Прессы связаны с людьми или объектами, имеющими прямое влияние на усилия, предпринимаемые индивидом для удовлетворения своих потребностей. «*Пресс* объекта — это то, что он может сделать *с субъектом* или *для субъекта*,— сила, которая так или иначе влияет на благосостояние субъекта»[5]. Представляя среду в терминах прессов, исследователь надеется выделить и классифицировать важные части того мира, в котором живут индивиды. Разумеется, мы лучше представляем, что — скорее всего — сделает индивид, если располагаем картиной не только его мотивов или направляющих тенденций, но и картиной его интерпретации среды. Понятие пресса предназначено именно для этого.

Для различных целей Меррей разработал различные перечни прессов. Это отражено в классификации, представленной в таблице 2, отражающей важные события или воздействия, имеющие место в детстве. На практике эти прессы не только определяются как действующие в данном индивидуальном опыте, но им приписывается и количественный рейтинг для обозначения силы или значимости в жизни индивида.

Важно различать значимость объектов среды в восприятии или интерпретации индивида (*бета-прессы*) и свойства этих объектов в реальности

---

[5] См.: *Murray H.A.* (and collaborators). Explorations in personality. N.Y.: Oxford, 1938. P. 121.

Таблица 2

Сокращенный перечень прессов[6]

1. Отсутствие семейной поддержки
    Культурные противоречия
    Семейные противоречия
    Нетвердая дисциплина
    Родительская сепарация
    Отсутствие родителя — отца, матери
    Болезнь родителя — отца, матери
    Смерть родителя — отца, матери
    Неполноценный родитель — отец, мать
    Бедность
    Бытовая неустроенность
2. Опасность беды
    Отсутствие физической поддержки, высота
    Вода
    Одиночество, темнота
    Бурная погода, молния
    Огонь
3. Недостаток или потеря
    кормления
    собственных вещей
    общения
    разнообразия
4. Сдерживания, отказы
5. Отвержение, равнодушие, презрение
6. Соперник, конкурирующий завистник
7. Рождение сиблинга
8. Агрессия
    Дурное обращение старшего мужского пола
    женского пола
    Дурное обращение со стороны сверстников
    заносчивые сверстники
9. Доминирование, принуждение, препятствование
    Дисциплина
    Религиозное воспитание
10. Опека, балование
11. Поддержка, требование нежности
12. Уважение, признание
13. Аффиляция, дружба
14. Секс
    Обнажение
    Обольщение: гомосексуальное, гетеросексуальное
    Родительская половая связь
15. Ложь или предательство
16. Неполноценность
    физическая
    социальная
    интеллектуальная

[6] См.: *Murray H.A.* (and collaborators). Explorations in personality. N.Y.: Oxford, 1938. P. 291–292.

или в том, как они открываются в объективном исследовании (*альфа-прессы*). Поведение индивида теснее связано с бета-прессами, однако важно выявить ситуации значительных расхождений между бета-прессом, на который реагирует индивид, и альфа-прессом, действующим в реальности.

Редукция напряжения

Как мы уже видели, с точки зрения Меррея, индивид действует на основе сложной системы мотивов. Далее, он признает, что при актуализации потребности индивид оказывается в состоянии напряжения, а удовлетворение потребности ведет к его редукции. Наконец, организм научится обращаться к тем объектам и осуществлять те акты, которые в прошлом ассоциировались со снижением напряжения.

Хотя Меррей одобряет такую формулировку, он утверждает, что она не полностью соответствует положению вещей. Индивид не только научается действовать так, чтобы редуцировалось напряжение и он таким образом был бы удовлетворен; помимо этого, он научается действовать так, чтобы увеличить напряжение, которое будет редуцировано в будущем — в связи с чем и удовольствие будет сильнее. Пример повышения напряжения с целью получения удовлетворения — игра, предваряющая завершение полового акта.

Следует заметить, что это положение применимо только к эффектным потребностям. Когда речь идет о процессуальной активности и модальных потребностях, удовлетворение приносит сам процесс активности, и интенсивность удовлетворенности в начале и в середине может быть той же, что в конце.

Меррей принимает положение, согласно которому человек действует как бы *имея в виду* возрастание удовлетворения и снижение напряжения. Однако это лишь намерение или вера со стороны действующего, и не всегда оказывается так, что действие, которое, как он полагает, приведет к снижению напряжения и удовлетворению, действительно к этому приведет. Более того, люди не мотивированы на удовлетворение вообще; в каждом случае речь идет о специфическом напряжении, релевантном конкретной потребности: именно это напряжение человек старается редуцировать. Таким образом, удовлетворение — во многом следствие потребностных состояний и их поведенческих следствий.

Тема

Тема — молярная и интерактивная единица поведения. Она включает побуждающую ситуацию (пресс) и потребность. Таким образом, она соотносится с взаимодействием между потребностями и прессами и обеспечивает возмож-

ность более глобального, менее «частичного» взгляда на поведение. Благодаря этому понятию теоретик может представить ситуации, активирующие определенные потребности, а также исход или результирующие действия этих потребностей.

Темы варьируют от простых формулировок относительно субьект-объектных взаимодействий до более общих и приблизительных относительно длительных трансакций; возможны и формулировки, отражающие сочетания простых тем (*сериальные темы*). Тема как единица анализа — естественное следствие убежденности Меррея в том, что межличностные отношения следует описывать как *диадические*. Это означает, что теоретик должен представлять не только интересующего его субъекта, но и того, с кем он взаимодействует. Чтобы предсказать конкретные социальные взаимодействия между двумя людьми, теоретик должен равное внимание уделить и субъекту, и объекту.

Потребностный интеграт

Хотя потребности не обязательно «привязаны» к особому объекту среды, часто случается, что индивид — вследствие опыта — начинает ассоциировать конкретные объекты с определенными потребностями. Равным образом с потребностью могут ассоциироваться усвоенные реакции, способы приближения к объекту или избегания объекта. Когда имеет место такая интеграция потребности, образа объекта или мысли о нем, и инструментальных актов, Меррей говорит о *потребностном интеграте*. Потребностный интеграт — это устойчивая «тематическая диспозиция» — потребность в определенном способе взаимодействия с определенного рода человеком или объектом. При наличии потребностного интеграта возбуждение потребности обычно побуждает человека к осуществляемому соответствующим образом поиску того объекта среды, который соотносится с образом, выступающим как часть потребностного интеграта.

Единая тема

Единая тема — это, по существу, единичный паттерн связанных потребностей и прессов, извлеченный из инфантильного опыта, придающий смысл и связность большей части поведения индивида. В основном он действует как бессознательная сила. Единую тему не всегда возможно раскрыть, хотя возможно прийти к формулировкам относительно развития, которые проливают свет на поведение индивида (в целом или в большей части) и без которых поведение невозможно упорядочить. Меррей рассматривает единую тему человека как «ключ к его уникальной природе» и говорит:

Единая тема — это соединение взаимосвязанных (сотрудничающих или конфликтующих) доминирующих потребностей с прессом, воздействию которого индивид подвергался в одном или более случаях, испытывая удовлетворение или травматические переживания, в раннем детстве. Тема может означать первичное детское переживание или последующее реактивное образование. Но, независимо от природы и особенностей генеза, она в многообразных формах повторяется в течение последующей жизни[7].

[7] См.: *Murray H.A.* (and collaborators). Explorations in personality. N.Y.: Oxford, 1938. P. 604–605.

Х. Хекхаузен

[Внутренняя и внешняя мотивация]*

Совершенно очевидно, что поведение описывается как мотивированное либо «изнутри» (интринсивно), либо «извне» (экстринсивно). Это противопоставление почти столь же старо, как и сама экспериментальная психология мотивации. Оно становится актуальным во всех тех случаях, когда исследователи, с определенным успехом сосредоточив свои усилия на изучении таких видов поведения, которые служат удовлетворению физиологических потребностей или избеганию негативных физиологических состояний, стараются объяснить все поведение, его изменения (научение) и лежащую в его основе мотивацию посредством внешних играющих роль подкрепления следствий поведения — вознаграждения, отсутствия вознаграждения и наказания. Подобное чисто инструментальное понимание, сводящее, в конечном счете, поведение лишь к обслуживанию организма, вынужденного восстанавливать нарушенный гомеостаз, всегда вызывало возражение, особенно когда данные, полученные при работе с животными, целиком переносились на человека. <...>

Различные концепции интринсивной и экстринсивной мотивации

Какого-либо единства взглядов по вопросу о том, чем различается интринсивно и экстринсивно мотивированное поведение, до сих пор не существует (что подтвердили, например, материалы опроса, проведенного среди специалистов по психологии труда). Можно выделить, по меньшей мере, шесть различных концепций, выдвигающих на первый план разные аспекты различий или в поведен-

* *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность: В 2 т. М.: Педагогика, 1986. Т. 2. С. 234–239. (В источнике внутренняя мотивация обозначается как интринсивная, а внешняя – как экстринсивная. – *Ред.-сост.*)

ческих проявлениях, или в отношении основополагающих процессов[1]. Общим для всех них является лишь понимание интринсивно мотивированного поведения как совершающегося ради себя самого или ради тесно с ним связанных целевых состояний, как не могущего быть лишь простым средством достижения инородной по отношению к такому поведению цели.

Самоутверждение

Четвертая концепция представлена работой де Чармса[2]. Подобно Уайту[3], он видит первичную мотивацию в том, чтобы чувствовать свою эффективность, ощущать себя источником изменений в окружающем мире <...>. Это стремление быть причиной собственных действий представляет собой не какой-либо особый мотив, а некоторый руководящий принцип, который пронизывает различные мотивы. Требования окружения, обещанные вознаграждения и возможные наказания, внешнее давление — все это может снижать уровень переживаемого самоутверждения, вплоть до появления ощущения полной зависимости (ощущения себя пешкой).

Человек стремится противостоять этому, и чем лучше ему это в конкретном случае удается, тем сильнее он ощущает себя хозяином положения, тем больше он получает радости от своей деятельности и тем значительнее его интринсивная мотивация; но чем хуже ему это удается, тем сильнее он ощущает себя игрушкой внешних обстоятельств, тем больше он воспринимает свою деятельность (даже и успешную с внешней стороны) как обесцененную и мотивированную лишь внешне. Отсюда де Чармс делает два кажущихся парадоксальными вывода о воздействии внешних подкреплений. Как мы увидим ниже, эти выводы решающим образом повлияли на дальнейшие исследования и в основных своих чертах подтвердились. Первый вывод гласит: если человек вознаграждается за нечто, что он делает или сделал по собственному желанию, то такое вознаграждение будет способствовать ослаблению интринсивной мотивации. Второй вывод гласит: если человек не вознаграждается за неинтересную, предпринятую им только ради вознаграждения деятельность, то интринсивная мотивация к ней может усилиться.

Инициаторами экспериментальных исследований в этой области были прежде всего Липпер[4] и Деси[5], развившие концепцию де Чармса в теоретико-

---

[1] Далее в тексте приведены критерии различения экстринсивной и интринсивной мотивации, используемые лишь в трех концепциях. — *Ред.-сост.*

[2] См.: *de Charms R.* Personal Causation. N.Y., 1968.

[3] См.: *White R.W.* Motivation reconcidered: The concept of competence // Psychological Review. 1959. Vol. 66.

[4] См.: *Lepper M.R., Greene D., Nisbett R.E.* Undermining children's intrinsic interest with extrinsic rewards: A test of the overjustification hypothesis // Journal of Personality and Social Psychology. 1973. Vol. 28; *Green D., Lepper M.R.* Effects of extrinsic rewards on children's subsequent intrinsic interest // Child Development. 1974. Vol. 45.

[5] См.: *Desi E.L.* Intrinsic Motivation. N.Y., 1975.

атрибутивном духе. Липпер исходил из бемовской теории восприятия себя[6]. Если за некоторую активность, которую человек и так охотно проявляет, он получает дополнительное вознаграждение, то свое действие он воспринимает как «сверхподтвержденное» и начинает сомневаться: совершил бы он его по одной только доброй воле? Второй вывод де Чармса (о повышении интринсивной мотивации после несостоявшегося вознаграждения) можно получить как следствие из объяснительных возможностей теории недостаточного подтверждения, разработанной в русле исследований когнитивного диссонанса.

Для характеристики интринсивной мотивации действия Деси использовал два вида переживаний, которые Уайт[7] и де Чармс[8] поставили в центре своих теорий мотивации, — ощущение своих возможностей (Уайт) и самоутверждение (у де Чармса — субъектная каузальность). Чем выраженнее эти два переживания в сознании действующего субъекта, тем сильнее он внутренне мотивирован. Таким образом, решающей оказывается внутренняя локализация (в смысле теории атрибуции) тех причинных факторов, которые субъект считает ответственными за результат, к которому он стремится или которого он достиг. Внешней же мотивация является или становится тогда, когда достигнутый результат субъект приписывает внешним причинам (а не своим возможностям) и (или) когда он предпринимает действие не столько по своему собственному желанию, сколько в силу внешних последствий типа вознаграждения и наказания. Такое понимание интринсивной мотивации весьма близко концепции мотива как системы самооценки. В частности, деятельность достижения в этом случае оказывается тем сильнее мотивированной интринсивно, чем значительнее ее ориентированность на успех, т.е. чем больше она определяется внутренней локализацией причин результата действия, связанной с проверкой своих возможностей и не нуждающейся ни в каких внешних подкреплениях.

Радостная поглощенность действием

В *пятой* концепции еще более усиливается значимость сопровождающего действие переживания как критерия, причем переживания, связанного не с *Я* (типа субъектной каузальности), а с действием. Интринсивная мотивация означает в этом случае, как отметил еще Вертхаймер[9] в своем исследовании продуктивного мышления, что человек с радостью отдается данному делу, что он полностью погружен в переживание продвигающегося вперед действия.

[6] См.: *Bem D.J.* Self-perception theory // L. Berkowitz (Ed.). Advances in Experimental Social Psychology. N.Y., 1972. Vol. 6.

[7] См.: *White R.W.* Motivation reconcidered: The concept of competence // Psychological Review. 1959. Vol. 66.

[8] См.: *de Charms R.* Personal Causation. N.Y., 1968.

[9] См.: *Wertheimer M.* Productive Thinking. N.Y., 1945.

Чиксентмихайи в своей работе, озаглавленной «По ту сторону скуки и тревоги»[10], предложил в качестве характеристики интринсивной мотивации определенное эмоциональное состояние — *радость от активности*. При этом он основывался не на теоретических объяснительных подходах с их искусственными конструктами, адекватность которых требует экспериментальной проверки, а на описательно-феноменологическом анализе, к которому в современной психологии мотивации относятся несколько пренебрежительно. <...>

Чиксентмихайи попросил шахматистов, хирургов, танцоров и альпинистов описать свои профессиональную и осуществляемую на досуге деятельности и прошкалировать то радостное ощущение, которое они испытывают при этом. Выявившееся при опросе центральное описательное понятие он обозначил как «поток» (flow). «Поток» представляет собой радостное чувство активности, когда индивид как бы полностью растворяется в предмете, с которым имеет дело, когда внимание всецело сосредоточено на занятии, что заставляет забывать о собственном *Я*; «поток» есть

> целостное ощущение, испытываемое людьми, когда они полностью отдаются своей деятельности[11].

Однородность тематики (эндогенность) действия и его цели

Согласно последней, *шестой* концепции, вопрос заключается в том, переживает ли субъект, и если да, то в какой мере в этом переживании отражена содержательная и неотъемлемая взаимосвязь между действием и его целью, или основанием[12]. Таким образом, здесь ставится вопрос о самоатрибуции мотивации. Интринсивно мотивированным действие является в том случае, когда средство (действие) и его польза (цель действия) тематически связаны друг с другом; иными словами, когда цель тематически однородна с действием, так что последнее осуществляется ради своего собственного содержания. В частности, действие достижения будет интринсивно мотивированным, если оно предпринимается ради результата, которого предстоит добиться, поскольку тем самым будет решена задача или произойдет оценка собственных возможностей. Тем самым результат действия — определенное достижение — не становится, в свою очередь, средством осуществления недостиженческой по своей тематике цели (например, помощь другому человеку, стремление понравиться ему, получение определенной суммы денег, нужных для еще какой-либо цели), добиться (или

---

[10] См.: *Csikszentmihalyi M.* Beyond Boredom and Anxiety. The Experience of Play in Work and Games. Chicago, 1975.

[11] См.: Там же. P. 36.

[12] См.: *Heckhausen H.* Kompetenz // Historisches Wörterbuch der Psychologie (Bd. IV). Basel, 1976.

добиться с меньшими затратами) которой иным способом субъект в данный момент не в состоянии. Если результат действия достижения является средством, то действие сохраняет интринсивно мотивированный характер лишь в том случае, когда результат оказывается средством в смысле необходимого промежуточного звена на пути к достиженческой по содержанию цели более высокого порядка[13].

Вместе с тем действие будет мотивированным экстринсивно, если средство (действие) и его польза (цель действия) тематически не совпадают друг с другом, т.е. если цель и действие тематически разнородны, так что действие и его результат оказываются лишь средством на пути к некоторой тематически отличной он них цели. Этот характер средства является чисто внешним, он задается произвольно и может быть, по существу, любым. Например, агрессия будет экстринсивно мотивированной, если человек нападет на кого-то не для того, чтобы отомстить (это было бы интринсивной мотивацией), но для того, чтобы овладеть деньгами, которые этот другой держит при себе. Исследователи агрессии говорят в этом случае об «инструментальной» агрессии, которую не следует смешивать с собственно (т.е. в принятой здесь терминологии — интринсивно мотивированной) агрессией.

[13] См.: *Heckhausen H.* Achievement motivation and its construct: A cognitive model // Motivation and Emotion. 1977/ Vol. 1.

А.Г. Макалатия

Опыт аутотелической деятельности*

> Важнейшей частью этого состояния является наслаждение. Я настолько вовлечен в то, что делаю, что почти забываю о времени. Когда я переживаю это состояние, я действительно свободен от скуки и тревоги. Задача бросает мне вызов, но я полностью контролирую свои действия и свой мир. Я чувствую, как растут мои способности, я максимально использую все возможности. Я действительно чувствую себя хозяином положения[1].

В цитате, приведенной в качестве эпиграфа, хорошо отражены основные особенности аутотелического опыта. Описания особых переживаний, сопровождающих деятельность и порождаемых ею, можно найти уже в психологической литературе XIX века. Например, в лекциях профессора Казанской духовной академии В.А. Снегирева эти явления были описаны под названием «волнения деятельности».

> *Волнение деятельности*, имея специфические, не поддающиеся описанию особенности, отличающие его от всех других волнений, в то же время всегда приятно, и при энергичной, успешной деятельности, например, при здоровой, быстрой, энергичной умственной работе, а также при работе физической, когда она сопряжена с сосредоточением внимания и сопутствуется энергичной душевной деятельностью, может достигать высокой степени силы и переходить в так называемое наслаждение. Так как в волнении деятельности имеет значение не характер и содержание какого-либо душевного акта или ряда их, а характер общего хода и строя душевной жизни, то это *содержание* совершенно *безраз-*

---

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 00-06-80115).

[1] См.: *Allison M.T., Duncan M.C.* Women, Work, and Flow // Optimal Experience. Psychological Studies of Flow in Consciousness / M. Csikszentmihalyi, I. Csikszentmihaliy (Eds.). Cambridge, 1988. P. 121.

лично для возникновения его. Все дело состоит в том, чтобы в данный момент в душе была какая-нибудь более или менее энергичная и организованная по своим законам деятельность, сосредоточивающая на себе внимание, степень силы которого всегда служит показателем степени энергии и организованности душевных процессов. <...> Нетрудно видеть, что в намеченных нами явлениях, группирующихся около волнений деятельности и скуки, как и в самих этих явлениях, мы имеем перед собой предмет великой жизненной важности и значения, требующий самых тщательных исследований и распространения их результатов. К сожалению, этих исследований доселе почти нет; в системах психологии большей частью эти явления обходятся и не затрагиваются[2].

К сожалению, термин «волнение деятельности» не закрепился в словаре отечественной психологии, а в связи с устранением метода самонаблюдения эта область явлений сознания была надолго забыта. В зарубежной психологии, после длительного господства бихевиоризма, феномены сознания вновь начинают привлекать внимание исследователей. Одним из таких исследователей является американский психолог М. Чиксентмихайи . Его исследования, начатые в семидесятые годы XX века в Чикагском университете, вновь возвращаются к описанию и анализу переживаний, порождающихся в процессе деятельности. Эти исследования начинались с изучения явлений поведения, традиционно относимых к области внутренней мотивации. В настоящее время существует множество подходов к изучению данной проблемы. Общим для них является понимание внутренне мотивированного поведения как совершающегося ради себя самого или ради тесно с ним связанных целевых состояний[3]. Такие виды деятельности получили название аутотелических, т.е. имеющих цель в самих себе. Чиксентмихайи указывает, что исследователи, как правило, игнорируют целый пласт явлений, относящихся к субъективному опыту, пытаясь объяснить поведение через внешние по отношению к сознанию факторы (например, бессознательные влечения в психоаналитически ориентированных исследованиях, стимулы окружающей среды в бихевиоризме, потребность в самоактуализации в гуманистической психологии). По мнению автора, эти подходы неизбежно оказывались редукционистскими, и хотя они могли объяснить какую-то часть феноменологии, объяснения такого рода неизбежно оказывались односторонними, не охватывающими всей полноты и связи явлений поведения и сознательного опыта. Чиксентмихайи считает, что ведущую роль в феномене внутренней мотивации играет именно субъективный опыт. Он утверждает, что переживания человека можно рассматривать не только как нечто, требующее объяснения, но как самостоятельную реальность, которая может быть понята в своих собственных терминах[4].

---

[2] См.: *Снегирев В.А.* Психология. Харьков: Тип. А Дарре, 1893. С. 447, 454.

[3] См., напр., в наст. изд. текст Х. Хекхаузена [Внутренняя и внешняя мотивация].

[4] См.: *Csikszentmihalyi M.* Beyond Boredom and Anxiety. The Experience of Play in Work and Games. Chicago, 1975.

Рассмотрим основные результаты, полученные в рамках «феноменологического подхода», успешно развиваемого на протяжении последних десятилетий Чиксентмихайи и его последователями.

Основные характеристики опыта аутотелической деятельности

Первоначально главная цель исследований формулировалась как описание и анализ субъективного опыта, порождаемого внутренне мотивированной деятельностью. Средствами, релевантными такой задаче, являются различные формы самоотчета. В качестве основного инструмента исследования на первом этапе применялась техника интервью и различные виды опросников. Интервью и опросы проводились с людьми, деятельность которых априорно предполагалась полностью или частично внутренне мотивированной и приносящей непосредственное наслаждение (ученые, путешественники, хирурги, баскетболисты, пловцы–марафонцы, шахматисты, композиторы, танцоры рок-н-ролла и др.). Это предположение было подтверждено результатами исследований. Опрашиваемые (респонденты) говорили, что даже при наличии внешних подкреплений, основным стимулом к продолжению или возобновлению деятельности служит она сама. Аналогичный вывод позволял сделать анализ ответов на опросник, в котором предлагалось проранжировать источники удовольствия от деятельности. Большинство респондентов поставили на первое место пункты «удовольствие от деятельности самой по себе» и «опыт, доставляемый деятельностью». Эти пункты значимо предпочитались таким позициям как «соревнование», «престижность деятельности» и т.п. Причем степень аутотеличности, т.е. предпочтение непосредственного наслаждения деятельностью всем остальным источникам удовольствия, оказалась положительно коррелирующей с субъективной оценкой степени вовлеченности в эту деятельность[5].

Дальнейшие исследования охватили гораздо более широкий круг респондентов и позволили выявить некоторые универсальные черты опыта, появляющегося в любой аутотелической деятельности, вне зависимости от ее содержания и общие для всех людей, вовлеченных в такую деятельность. В ходе этих исследований было показано, что внутренне мотивированными и приносящими непосредственное наслаждение могут быть не только развлекательные, игровые или досуговые виды активности, но и — при определенных условиях — любая деятельность, в том числе трудовая. Многие респонденты отвечали, что независимо от внешних наград главным стимулом их работы служит сама работа. При этом описываемые ими переживания, хотя и варьировали в деталях, в целом имели сходную структуру и много общих элементов. Такая схожесть описаний

[5] См.: *Csikszentmihalyi M.* Beyond Boredom and Anxiety. The Experience of Play in Work and Games. Chicago, 1975.

позволила Чиксентмихайи выделить «ядро» субъективных переживаний, сопровождающих внутренне мотивированную деятельность. Этим переживаниям в целом он дал название «опыта потока» (flow experience) или просто потока (flow). Это слово наиболее часто использовали респонденты, описывая свой опыт.

Поток представляет собой комплекс переживаний, состоящий из следующих элементов: (1) оценка требований ситуации как соответствующих воспринимаемым возможностям и умениям субъекта (т.е. их баланс); (2) чувство контроля своих действий и окружения; (3) ясные цели или требования к действиям и быстрая, недвусмысленная обратная связь; (4) «отсутствие *Я*» — потеря самоосознавания; (5) слияние действия и осознания; (6) высокая степень концентрации внимания; и, наконец, (7) упомянутое выше свойство аутотеличности, т.е. наличие внутренних наград в самом опыте. Рассмотрим эти характеристики подробнее.

1. Баланс требований и умений. Аутотелическая деятельность обычно описывается респондентами как «бросающая вызов», предъявляющая высокие требования. Однако эти требования не должны быть чрезмерными. Они должны соответствовать возможностям, предоставляемым ситуацией, и умениям субъекта, чтобы деятельность, с одной стороны, давала чувство силы и владения ситуацией, а с другой — была «поглощающей», требующей полной самоотдачи. Следует подчеркнуть, что данное соответствие является чисто субъективным и может не коррелировать с реальной степенью овладения деятельностью (определяемой, например, спортивным разрядом). В качестве «вызовов ситуации» выступают задачи, поставленные субъектом перед собой или сознательно им принятые. Умения тоже определяются как субъективное восприятие себя умелым. Это свойство позволяет опыту потока быть практически независимым от реальной ситуации.

2. Контроль. При оптимальном соотношении (т.е. соответствии друг другу) требований и умений действия сопровождаются чувством полного контроля над ситуацией. В переживании субъекта этот элемент опыта потока может варьировать от простого «отсутствия опасений потерять контроль» до чувства титанической силы и власти. Причем такие переживания могут порождаться в деятельности, казалось бы, совсем к ним не располагающей. Например, один шахматист описывал свои ощущения во время игры следующим образом: «Я получаю титаническое ощущение власти. Я чувствую себя бесконечно сильным, мне кажется, что судьба всех остальных людей в моих руках. Я хочу убивать!»[6]. Кроме того, контроль может переживаться как полная уверенность в правильности своих действий. В самоотчетах респондентов довольно часто встречаются фразы типа: «Я чувствую, что просто не могу сделать неверного шага»; «Все, что ты делаешь — существенно, каждое движение превосходно и необходимо»[7].

---

[6] См.: *Csikszentmihalyi M.* Beyond Boredom and Anxiety. The Experience of Play in Work and Games. Chicago, 1975. P. 44.

[7] См.: Там же. P. 104, 136.

3. Ясные цели и обратная связь. В состоянии потока деятельность управляется четкими правилами. В каждый данный момент человек точно знает, что ему нужно делать дальше. Можно сказать, что аутотелическая деятельность создает собственную редуцированную реальность, замкнутый микромир, в котором не существует противоречий. У человека, находящегося внутри него, не возникает сомнений или проблемы выбора. Существует один и только один правильный способ действий. Оценка происходит автоматически, без участия рефлексии. «Чувствую: хорошо или плохо»[8] — так обычно описывается это состояние.

4. Отсутствие *Я*. Это переживание, на наш взгляд, наиболее точно описывается словом «самозабвение». Действуя, человек забывает себя, не может ответить на вопрос: «кто я?». Однако, «потеря *Я*» не означает потерю чувства реальности собственного существования. Теряется только «представление *Я*», — знание о себе в терминах социально-ролевой принадлежности.

> Это приятное чувство растворенности. Ты становишься как робот, нет, скорее как животное ... теряясь в кинестетических ощущениях барса, царящего над скалами.

Так описывает это переживание один из альпинистов[9].

5. Слияние действия и осознания. Это переживание растворенности в действиях, нераздельности себя и окружения, гармонии с ситуацией.

> Ты больше не участвующий наблюдатель, ты только участник. Ты двигаешься в гармонии со всем остальным, ты часть чего-то[10].

Исчезает рефлексия, сознательная оценка и управление действиями. Действия следуют друг за другом согласно какой-то своей внутренней логике и кажутся не нуждающимися в сознательном вмешательстве деятеля. При этом ясное осознание своего тела и своих движений, как правило, сохраняется. Хорошей иллюстрацией такого рода переживаний является цитата из интервью танцора :

> Я думаю, я осознаю себя, но я не использую это осознание так, как использую его обычно. Я осознаю себя, но когда я танцую, я не использую мое осознание для того, чтобы контролировать себя или направлять движения моего тела. По-видимому, я просто существую[11].

6. Концентрация внимания. Все вышеописанные переживания неразрывно связаны с еще одним важнейшим аспектом потока — концентрацией внимания.

---

[8] См.: *Csikszentmihalyi M.* Beyond Boredom and Anxiety. The Experience of Play in Work and Games. Chicago, 1975. P. 125.

[9] См.: Там же. P. 87.

[10] См.: Там же. P. 86.

[11] См.: Там же. P. 104.

В состоянии потока человек не думает ни о чем, кроме непосредственно выполняемых действий.

Когда я начинаю работу, я как будто закрываюсь от всего мира[12].

Интенсивная концентрация может поддерживаться длительное время без каких-либо усилий.

Моя концентрация как дыхание. Я никогда не думаю о ней[13].

Все внешние по отношению к деятельности содержания уходят из сознания, исчезают воспоминания о неприятностях и проблемах, не связанных с наличной ситуацией. Респонденты сравнивали воздействие этого опыта с результатами психотерапии. Следствием такой концентрации могут быть отмечаемые в этом состоянии изменения восприятия окружающего, нарушение чувства времени (часы проходят как минуты) и т.п.

Все эти элементы Чиксентмихайи включил в операциональное определение потока. Иначе говоря, присутствие в том или ином виде в самоотчете испытуемого вышеописанных переживаний, а также оценка им данной деятельности как самоценной позволяет идентифицировать опыт этой деятельности как опыт потока.

Кроме основных характеристик, можно указать еще некоторые, не являющиеся определяющими, но так же характерные для потока. Так, деятельность, в которой он появляется, нередко воспринимается участниками как несоревновательная и творческая. При ответе на пункт вопросника «На что больше всего похожа эта деятельность?» большинство респондентов выбрали альтернативу «Понимание или открытие чего-то нового».

Итак, на первом этапе был описан особый опыт, названный опытом потока. Это определенный вид переживания, которое человек испытывает в процессе какой-либо деятельности, причем само это переживание имеет самостоятельную ценность, независимо от содержания деятельности и может служить достаточным стимулом для продолжения или возобновления деятельности, в которой оно появилось.

Факторы потока

Основным, определяющим, фактором Чиксентмихайи считает соответствие воспринимаемых требований ситуации и возможностей для действия воспринимаемым способностям к действию и умениям субъекта. При нарушении этого

[12] См.: *Csikszentmihalyi M.* Beyond Boredom and Anxiety. The Experience of Play in Work and Games. Chicago, 1975. P. 123.

[13] См.: Там же. P. 86.

оптимального соотношения в сторону превосходства умений над требованиями деятельность перестает приносить удовольствие и становится скучной. Сдвиг в противоположную сторону, т.е. когда требования превышают умения, тоже сопровождается сменой знака переживания на отрицательный: в таких случаях человек испытывает тревогу, чувство беспомощности перед захлестывающими его требованиями. Зависимость качества опыта от соотношения требований (вызовов) и умений схематически показана на рис. 1.

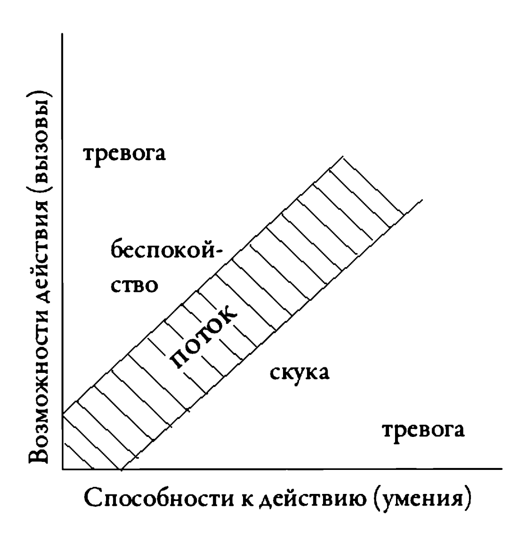


Рис. 1. Модель состояния потока[14]

На горизонтальной оси графика рис. 1 представлены умения, а по вертикальной — требования (вызовы). В случае их соответствия (зона, выделенная штриховкой) человек испытывает так называемый оптимальный опыт, наслаждение от деятельности или состояние потока. При нарушении этого соответствия в сторону превосходства требований (область над диагональю) возникает сначала беспокойство, а затем чувство тревоги. Отклонение в противоположную сторону вначале приводит к скуке, которая переходит в тревогу, когда несоответствие становится слишком большим.

Как отмечалось выше, соответствие между требованиями и умениями является чисто субъективным и, хотя в какой-то мере зависит от объективных показателей успешности деятельности, не определяется ими полностью. Возможность достижения такого баланса в данный момент в свою очередь определяется двумя независимыми факторами: характеристиками деятельности и личностными свойствами субъекта.

Рассмотрим фактор деятельности. Как уже было отмечено, существенной чертой опыта потока является его независимость от конкретного содержания той деятельности, в которой он возникает. Однако поток появляется внутри

[14] См.: *Csikszentmihalyi M.* Beyond Boredom and Anxiety. The Experience of Play in Work and Games. Chicago, 1975. P. 49.

одних видов деятельностей чаще, чем внутри других. Общими характеристиками таких деятельностей являются:

1) четкая структурированность деятельности, т.е. объективное наличие в ней ясных целей и быстрой, однозначной обратной связи;

2) в деятельности должна присутствовать в явном виде возможность для субъекта самому варьировать требования и ставить себе задачи;

3) стимулы, релевантные деятельности, должны быть легко отличимы от нерелевантных; искусственное ограничение стимульного поля также облегчает вхождение в поток.

Возникновению опыта потока способствует также предрасположенность человека воспринимать данную деятельность как приносящую удовольствие, самоценную, не ориентированную на результат. В действительности, количество деятельностей, мотивированных чисто внутренне, сравнительно невелико. Большинство деятельностей так или иначе подкрепляется извне, но, согласно самоотчетам, в подавляющем числе случаев потока ведущую роль играет внутренняя мотивация. Предрасположенность к восприятию той или иной деятельности как внутренне мотивированной во многом зависит от культуры, в которой живет индивид, и его социального окружения. Любое общество предоставляет своим членам особые виды досуга, специально предназначенные для получения удовольствия. Существуют и более специфические культурные влияния. Так, например, во многих восточных культурах существуют особые системы религиозных предписаний, выполняющих, по сути, функцию ориентации на поток. Основными для них являются ориентация на настоящее: «не жалей о прошлом и не тревожься о будущем» и принцип «действуй, не думая о результатах», т.е. как бы выделение себя из временной и причинно-следственной перспективы[15]. Подобные рекомендации встречаются и в современных психотерапевтических системах, например, знаменитое «действуйте здесь и теперь» или «ориентация на бытие»[16].

Свободный выбор деятельности, исходное (до возникновения потока) отсутствие конкурирующей мотивации также выступают как факторы аутотеличности, хотя, по мнению Чиксентмихайи, не являются обязательными. Даже вынужденный труд может доставлять удовольствие при достижении баланса требований и умений. Но возможность трансформации первоначально неприятной деятельности в приносящую удовольствие вплотную зависит от личностных свойств самого человека. Путем так называемого когнитивного переструктурирования, включающего в себя: (а) направление внимания на другие аспекты ситуации и собственной деятельности в ней, (б) постановку дополнительных задач или наоборот, (в) игнорирование непосильных требований, возможно достичь переживания потока в любой деятельности, ничего не меняя в реальной

---

[15] См.: *Судзуки Д.* Основы Дзен-Буддизма. Бишкек, 1993.

[16] См.: *Фромм Э.* Иметь или быть? М., 1990.

ситуации. Показано, что даже монотонная работа на конвейере некоторым людям может приносить положительные переживания[17].

Было выявлено, что люди различаются в своей способности к когнитивному переструктурированию. Эта способность коррелирует с некоторыми личностными чертами, т.е. люди определенного типа склонны чаще переживать подобный опыт. По наблюдениям Р. Логана, этим людям обычно свойственны большая направленность вовне, на окружающее, отсутствие склонности к рефлексии и высокий уровень самоконтроля[18]. Им удается с помощью когнитивного переструктурирования достичь потока даже в самых нерасполагающих к этому условиях. Более того, для такой аутотелической личности потоком может стать вся жизнь.

Измерение опыта потока в повседневной жизни

Кроме вышеописанных качественных характеристик опыта потока было выделено количественное его измерение, названное сложностью или полнотой опыта. Переживания потока составляют континуум, верхний полюс которого представляет состояние «глубокого потока», характеризующееся наличием всех вышеуказанных элементов, а также особо интенсивными переживаниями чувства контроля, силы, власти, слияния с окружением. Противоположный полюс, названный микропотоком (microflow) обладает этими характеристиками в минимальной степени.

Переживания глубокого потока обычно оцениваются как резко отличные от опыта обыденной жизни, «более высокие». Поток максимальной степени близок к визионерскому опыту. Такое переживание сопровождается чувством вселенской гармонии, просветления. Все воспринимаемое приобретает новый, особый смысл. Человек переживает «океанические чувства» единения с миром, осознает смысл своего существования. Полный перечень отличий опыта глубокого потока (на примере скалолазов) от опыта повседневной жизни приведен в таблице 1.

Понятие микропотока Чиксентмихайи вводит также и для объяснения существования в обыденной жизни каждого человека целого ряда бесполезных и внешне никак не подкрепляемых активностей, таких как похаживание туда-сюда, насвистывание какого-нибудь мотива, верчение в руках предмета и т.п. Автор полагает, что деятельности такого рода позволяют человеку контролировать свой опыт, дают чувство внутренней свободы, структурируют время и являются защитой от скуки и тревоги.

[17] См.: *Csikszentmihalyi M., Graef R.* The Experience of Freedom in Everyday Life // American Journal of Community Psyhology. 1980. Vol. 8. P. 401–414.

[18] См.: *Logan R.* // Optimal Experience. Psychological Studies of Flow in Consciousness / M. Csikszentmihalyi, I. Csikszentmihaliy (Eds.). Cambridge, 1988.

Таблица 1

Опыт глубокого потока в скалолазании[19]

Обычная жизнь	Опыт скалолазания
Информационный шум: отвлечения и неустойчивое внимание	Однонаправленность сознания
Нечеткость ограничений, требований, мотивации, решений и обратной связи	Ясность и управляемость ограничений, требований, мотивации, решений и обратной связи
Разделение действия и осознания	Слияние действия и осознания
Скрытые, непредсказуемые опасности, неуправляемые страхи	Опасности очевидны, их можно оценить и контролировать
Тревога, беспокойство, смятение	Счастье, здоровье, дальновидность.
Рабское подчинение часам, жизнь в постоянной спешке	Время вне времени, безвременье (потеря чувства времени)
Постоянный бег за приманкой, озабоченность внешним, материальным и социальным вознаграждением, направленность на результат	Ориентация на процесс, интерес к самоценным, внутренним наградам, стремление к бесполезному
Разделение сознания и тела	Интеграция сознания и тела
Непонимание себя, ложное самосознание, конфликт между разными *Я*	Понимание «истинного *Я*», интеграция личности
Проблемы в общении с другими людьми, маски, статусы, социальные роли, вносящие неравноправие, ложная независимость или ошибочная зависимость	Прямое и непосредственное общение с людьми на равных, реальная и добровольно принимаемая зависимость от других
Неопределенность с местом человека в природе и во вселенной; нарушение законов природы, уничтожение природы	Чувство места человека во вселенной, единство с природой
Поверхностные интересы, отсутствие глубины, плоские смыслы	Глубина, насыщенность, встреча с истинно важным

Первые исследования микропотока проводились с помощью дневников, куда испытуемые должны были записывать все необязательные и внешне не вознаграждаемые деятельности, которыми они занимались в течение 48 часов. Таким образом, были выявлены паттерны активностей, используемых испытуемыми для получения состояния микропотока. В самоотчетах испытуемых было указано множество такого рода активностей, которые автор разбил на шесть основных групп: (1) деятельность в плане воображения (мечтания, разговор с самим собой, с растениями и с домашними животными, напевание про себя); (2) восприятие (праздное наблюдение за другими людьми и предметами, смотрение телевизо-

[19] См.: *Crook J.H.* The Evolution of Human Consciousness. Oxford, Eng., 1980. P. 322.

ра, слушание радио или магнитофона, чтение); (3) оральная деятельность (курение, жевание жевательной резинки); (4) моторная активность (похаживание туда-сюда, прогулки, физические упражнения, верчение в руках цепочки, брелка и других предметов); (5) творческая деятельность (рисование, музицирование, шитье, писание писем, рисование каракулей); (6) социальная активность (хождение по магазинам, болтовня, участие в вечеринках, секс). В результате оказалось, что самой распространенной группой деятельности микропотока является социальная (82% испытуемых), на втором месте — моторная деятельность (61%), на третьем — активность воображения (32%), на четвертом — восприятие (31%) и на пятом — оральная (27%). В общем числе отмеченных видов деятельностей оральная и творческая деятельность занимали около 10%, больше всего было названо социальных видов деятельностей (29%), а моторных, воображения и восприятия было 25%, 20% и 16%, соответственно. С возрастом количество всех видов деятельностей, кроме социальных, используемых испытуемыми для получения состояния микропотока, уменьшается. Кроме того, было обнаружено, что виды предпочитаемых деятельностей, связанных с состоянием микропотока, корреллирует с некоторыми личностными чертами, такими, как отчуждение или чувство собственной неполноценности (например, отчужденность коррелирует с предпочтением оральной активности и деятельности воображения).

Было проведено специальное исследование, в котором 20-ти испытуемым давалась инструкция избегать таких деятельностей в течении 48 часов. Результаты этого исследования показали, что в целом депривация микропотока отрицательно сказывается на настроении и самочувствии испытуемых. Они чувствовали себя более напряженными, раздражительными, настороженными, недружелюбными и угнетенными, чем обычно. Некоторые самоотчеты, полученные в период депривации, напоминали самоотчеты больных шизофренией. Все это позволило сделать вывод о важности и необходимости переживания опыта микропотока для нормального функционирования психики[20].

Следующим этапом изучения потока в обыденной жизни явилось применение метода выборочного описания опыта (Experience Sampling Method, в дальнейшем *ESM*). *ESM* представляет собой методику, позволяющую, не вырывая испытуемого из обыденной жизни, получить от него подробный отчет о его действиях, мыслях, состоянии, т.е., фактически, мгновенный срез потока сознания. Испытуемому дается пачка опросных листов и специальное устройство, которое он должен постоянно носить с собой. С помощью этого устройства в случайные моменты времени в течение дня ему посылается сигнал, по которому он должен прервать, если это возможно, текущую деятельность и заполнить опросный лист[21].

---

[20] См.: *Csikszentmihalyi M.* Beyond Boredom and Anxiety. The Experience of Play in Work and Games. Chicago, 1975.

[21] См.: *Csikszentmihalyi M., Larson R.* Validity and Reliability of the Experience Sampling Metod // Journal of Nervous and Mental Disease. 1987. Vol.175. № 9. P. 529–536; *Massimini F., Carli M.* The

Вопросы, включенные в *ESM*, позволяют получить информацию о «внешних и внутренних координатах опыта». Под внешними координатами подразумеваются события и действия испытуемого. Информацию о них несут ответы на вопросы типа: «Где Вы находитесь?», «Что Вы делаете?» и т.п. Внутренними координатами опыта считаются эмоции, познавательные процессы и мотивация (или воля). Эмоциональная составляющая измеряется с помощью шкал семантического дифференциала, включающих пункты «аффекта» (например: веселый — грустный) и «активации» (возбужденный — спокойный). Когнитивная эффективность измеряется однонаправленными шкалами типа: «Насколько Вы сосредоточены?», «Насколько Вам трудно сосредоточиться?», «Насколько Вы осознаете себя?» По мнению авторов, это измерение отражает возможность человека эффективно использовать свою психическую энергию. И, наконец, на мотивационный компонент опыта направлены вопросы о причинах выбора данной деятельности и желании заниматься ею. Кроме этого, в опросник включены пункты о воспринимаемом соотношении вызовов и умений в текущей деятельности, переживании времени и т.п. Таким образом, опросный лист позволяет получить информацию о присутствии или отсутствии практически всех элементов потока. В зависимости от целей конкретного исследования эти пункты могут быть модифицированы или дополнены. Этот метод нашел достаточно широкое применение: мониторинг опыта повседневной жизни испытуемых, выделение регулярных паттернов в потоке сознания и обнаружение их связей с чертами личности испытуемого или ситуативным контекстом[22]. Но мы остановимся только на его вкладе в исследования собственно опыта потока.

Одна из задач заключалась в проверке предположения о том, что поток действительно является оптимальным опытом, т.е. что баланс воспринимаемых требований и умений сопровождается высокими показателями по всем остальным измерениям элементов опыта. В более широкой формулировке эта задача состояла в проверке следующего из концептуальной модели (рис. 1) вывода о функциональной зависимости качества опыта от соотношения требований и умений. Первые результаты оказались обескураживающими: из всех показателей *ESM* с наличием баланса воспринимаемых требований и умений коррелировал лишь один — желание заниматься данной деятельностью. Следовательно, подтвердилась только гипотеза о том, что опыт потока является внутренне мотивированным. Но такой опыт вовсе не обязательно был оптимальным. Теоретическая концепция нуждалась в доработке, которую и произвел Ф. Массимини. Он выдвинул предположение о том, что для достижения высоких показателей по шкалам счастья, удовлетворенности, концентрации и т.д. недостаточно, чтобы воспринимаемые требования и умения находились в равновесии, нужно еще,

---

Statistic assesment of Flow in daily Experience // Optimal Experience. Psyhological Studies of Flow in Consciousness / M. Csikszentmihaliy, I. Csikszentmihaliy (Eds.). Cambridge, 1988.

[22] См.: *Csikszentmihalyi M., Larson R.* Validity and Reliability of the Experience Sampling Metod // Journal of Nervous and Mental Disease. 1987. Vol. 175. № 9. P. 529–536.

чтобы они превышали средний для данного человека уровень. Если этого не происходит, человек будет находиться в состоянии апатии, характеризующейся наиболее низкими показателями по всем шкалам, т.е. ситуация почти полного отсутствия требований при столь же незначительных умениях, согласно Массимини, порождает опыт даже более негативный, чем скука или тревога. Эта гипотеза была подтверждена результатами многочисленных исследований с использованием *ESM*[23].

Как видно из рис. 2, качество опыта зависит не только от соотношения воспринимаемых требований и умений, но и оценки тех и других относительно субъективного среднего. В результате сочетаний различных уровней требований и умений в данной модели выделяются восемь состояний, отличающихся по своим феноменальным характеристикам. Состояние потока возникает только в одной из восьми зон, где уровни требований и умений соответствуют друг другу и превышают субъективные средние. Четыре из показанных на рисунке состояний считаются основными: поток, скука, тревога и апатия.

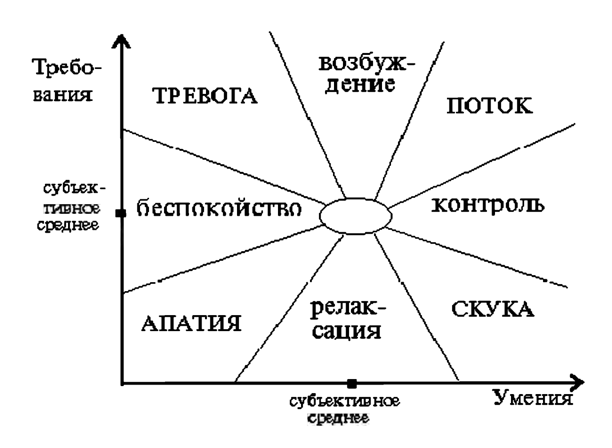


Рис. 2. Схема зависимости переживаемых состояний от воспринимаемого соотношения требований и умений[24]

На рис. 3 представлена зависимость измерений опыта от основных состояний. Следует подчеркнуть, что ранняя модель потока теперь рассматривается как частный случай этой схемы. Видно, что в состоянии потока все эти показатели достигают своего максимума, а при апатии они минимальны. Состояние скуки характеризуется относительно высоким контролем при отсутствии концентра-

---

[23] См.: *Massimini F., Csikszentmihaliy M., Carli M.* The Monitoring of Optimal Experience. A Tool for Psychiatric Reabilitation // Journal of Nervous and Mental Disease. 1987. Vol. 175. № 9. P. 545–549; *Massimini F., Carli M.* The Statistic assesment of Flow in daily Experience // Optimal Experience. Psyhological Studies of Flow in Consciousness / Csikszentmihaliy M., Csikszentmihaliy I. (Eds.). Cambridge, 1988.

[24] См.: *Massimini F., Carli M.* The Statistic assesment of Flow in daily Experience // Optimal Experience. Psyhological Studies of Flow in Consciousness / M. Csikszentmihaliy, I. Csikszentmihaliy (Eds.). Cambridge, 1988.

ции, тревога же сопровождается довольно высокой концентрацией и потерей контроля. Удовольствие от деятельности, получаемое в этих двух состояниях, невелико, но все же немного выше, чем при апатии.

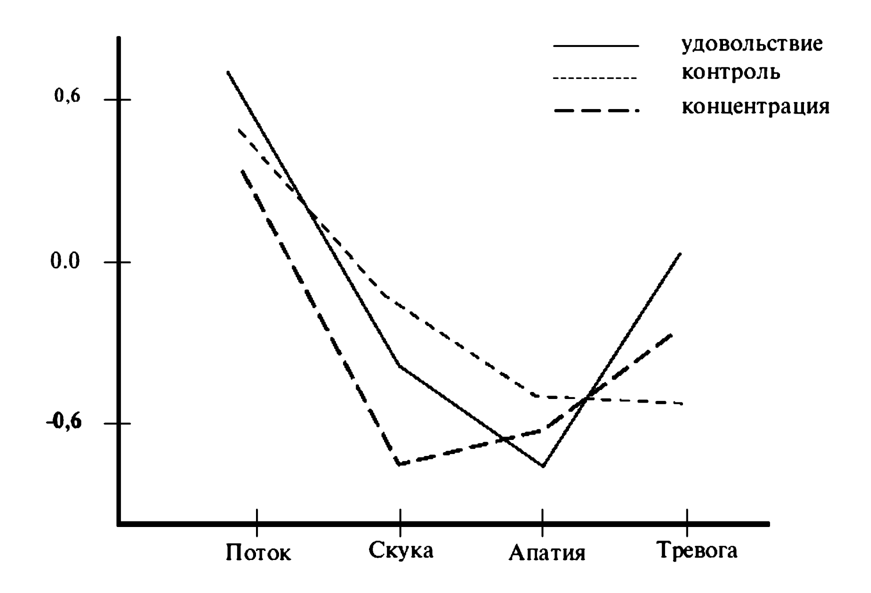


Рис. 3. Зависимость измерений опыта от состояний, определяемых соотношением требований и умений[25]

по вертикальной оси отложены средние нормированные значения показателей качества опыта по ESM; по горизонтальной оси — четыре базовых состояния, определяемых по соотношению требований и умений

Согласно Чиксентмихайи, поток является ведущим фактором, двигателем развития человека и общества в целом. Чтобы понять, как это происходит, рассмотрим динамику опыта в процессе занятия какой-либо деятельностью. По мере упражнения в деятельности умения совершенствуются и в некоторый момент начинают превышать требования. Деятельность перестает приносить наслаждение, становится скучной. Поскольку утратить уже приобретенные умения практически невозможно, единственный путь для возвращения баланса — взяться за более сложную задачу. Для поддержания состояния потока человеку приходится все время искать что-то новое, чтобы на полную мощность использовать свое внимание и возросшие умения, вырабатывать новые навыки, чтобы противостоять более сложным требованиям (вызовам).

Но наслаждение деятельностью может привести не только к положительным последствиям. Если человек слишком вовлечен в деятельность, он может стать настолько зависимым от узкого множества вызовов, что вне этой области

---

[25] См.: *Massimini F., Carli M.* The Statistic assesment of Flow in daily Experience // Optimal Experience. Psyhological Studies of Flow in Consciousness / M. Csikszentmihaliy, I. Csikszentmihaliy (Eds.). Cambridge, 1988.

все будет казаться ему скучным и бессмысленным. Превращая работу в наркотик, аутотелический опыт может сделать человека зависимым от нее.

В обыденной жизни в современном индустриальном обществе переживание потока стало довольно редким. Опыт обыденной жизни не структурирован, «постоянные случайности буквально вламываются в нашу концентрацию». Это заставляет людей искать поток в видах досуга и в результате приводит к тому, что

> жизнь человека разрывается между нудной работой и бесполезным отдыхом[26].

В последнее десятилетие в работах Чиксентмихайи и его последователей произошла экспансия данного направления на соседние области знания: социальную психологию, антропологию, культурологию. Решаются задачи определения места опыта потока в развитии культуры, оценки его роли в функционировании социальных систем и т.п.[27]. К сожалению, вопрос о психологических механизмах, лежащих в основе этого феномена, практически не обсуждается, тогда как в работах более раннего периода эта проблема неоднократно поднималась, причем авторы подчеркивали ведущую роль внимания как одной из ключевых детерминант данного явления[28].

---

[26] *Csikszentmihalyi M.* Leisure and Socialization // Social Forces. 1981. Vol. 60. №. 2. P. 112.

[27] См.: Optimal Experience. Psyhological Studies of Flow in Consciousness / M. Csikszentmihalyi, I. Csikszentmihaliy (Eds.). Cambridge, 1988; *Csikszentmihalyi M.* Flow: The Psyhology of Optimal Experiense. N.Y., 1990; *Csikszentmihalyi M.* The Evolving Self: A Psychology of Third Millennium. N.Y., 1993; *Csikszentmihalyi M.* Finding Flow. N.Y., 1997.

[28] См.: *Csikszentmihalyi M.* Attention and the Holistic Approach to Behavior // The Stream of Consciousness / K.S. Pope, J.K. Singer (Eds.). N.Y., 1978; *Дормашев Ю.Б., Романов В.Я.* Психология внимания. М., 1999. С. 245–252.

3 *Ситуативная мотивация, ее исследования в школе К. Левина*

К. Левин

Намерение, воля и потребность*

Некоторые факты[1]

О влиянии времени на действенность намерения. Резкое прекращение действенности намерения после завершения действия

Обычно в преднамеренном действии видят основной тип *волевого действия* в собственном смысле слова. При этом под преднамеренным действием, из которого исходят в теоретических построениях, понимают процесс, имеющий в наличии все фазы, а именно, процесс следующего типа: *1*) первую его фазу составляет *процесс мотивирования* — более или менее длительная и напряженная борьба мотивов; *2*) вторая фаза состоит в акте выбора, или принятия решения, *намерения*, прекращающего эту борьбу; *3*) за ним следует, сразу же или по истечении более или менее продолжительного промежутка времени, третья фаза — собственно *преднамеренное действие* в узком смысле слова. Центральным феноменом собственно психологии воли считается вторая фаза — *акт намерения*. Возникает вопрос, как на основании акта намерения позднее осуществляется соответствующее ему действие, особенно в тех случаях, когда осуществление действия не следует непосредственно за этим актом. Ведь было выяснено, что в таких случаях акт намерения вовсе не нуждается в том, чтобы быть еще раз воспроизведенным непосредственно перед действием. <...>

---

* *Левин К.* Динамическая психология. М.: Смысл, 2001. С. 122, 125–145, 148–164.

[1] Подробный обзор предшествующей литературы по вопросам экспериментальных исследований психологии воли читатель найдет у: *Lindworsky J.* Der Wille. Leipzig, 1923. 3 Aufl.

Действенность намерения при отсутствии предварительного установления соответствующего случая и способа выполнения, а также при ненаступлении соответствующего случая

Обычно основным типом деятельности намерения считают такой случай, когда при акте намерения точно устанавливается *строго определенный соответствующий случай и определенный способ выполнения действия.* <...>

Однако в действительности далеко не каждый акт намерения содержит такого рода точную фиксацию соответствующего случая и определенного способа выполнения действия.

Прежде всего, *само конкретное действие может оставаться в значительной мере неопределенным.* Можно решить, например, уговорить кого-нибудь выполнить какое-либо дело. Но при принятии намерения может оставаться совершенно открытым, какие при этом будут говориться слова, какие будут приводиться доводы; быть может, сначала будет иметь место просто прогулка, установление дружеских отношений, а вовсе не речь о деле и т.п. Намерение уклониться от брошенного мяча уже *может* заключать в себе желание уклониться, например, влево, но может и сохранять полную неопределенность, будет ли уход совершен вправо или влево, прыжком вверх или пригибанием к земле.

Подобного рода общие намерения вполне обычны и отнюдь не менее действенны, чем намерения максимально конкретизированные. Напротив, часто бывает гораздо целесообразнее предоставить конкретному способу выполнения намерения самому собой вырасти из целостности *конкретной ситуации осуществления намерения*, чем заранее однозначно устанавливать способ действия (например, способ уклонения от мяча, форму разговора).

Точно так же обстоит дело и с точным определением в акте намерения *соответствующего случая.* Как правило, чрезвычайно неопределенными в этом отношении оказываются именно жизненно самые важные и самые широкие намерения, например, намерение посвятить себя тому или другому призванию, намерение ребенка быть послушным. Здесь остается совершенно открытым, какие конкретно действия и при каких обстоятельствах будут осуществляться. *Из одного и того же намерения*, смотря по обстоятельствам, могут даже возникнуть *совершенно противоположные действия.* Один раз более «подходящим» поведением будет выполнение какого-либо действия, другой раз — невыполнение этого же действия.

Но даже если в акте намерения заранее предустановленны и соответствующий случай и способ выполнения действия, все же часто имеет место удивительное явление: действие намерения *направляется на другой, не тот, что был установлен в акте намерения, соответствующий случай и вызывает другие, не те, что предусматривались в акте намерения, действия.* Там, где нет осмысленной связи между соответствующим случаем (представлением отношения) и выпол-

нением действия (представлением цели), как например, в опытах с реакциями, это явление редко имеет место[2]. Но там, где, наоборот (как в большинстве случаев повседневной жизни), имеется *содержательная* связь между представлением соответствующего случая и способом выполнения, такое явление встречается часто.

Например, у человека возникло намерение, вернувшись вечером домой, написать открытку своему знакомому. В полдень он заходит в такое место, откуда можно позвонить, вспоминает о своем желании известить знакомого и вместо открытки использует для этого телефон. Другой пример: я решил (намерение) по дороге бросить в почтовый ящик письмо. Заходит друг, и я прошу его бросить письмо.

В такого рода случаях мне кажутся существенными два пункта. Во-первых, силы, исходящие из намерения или с ними связанные, актуализируются совершенно иным переживанием (видом телефона), чем зафиксированный в акте намерения соответствующий случай (возвращение домой, открытка). Это переживание действует, следовательно, так же, как наступление заранее представленного соответствующего случая: вызывает выполнение действия, хотя и совершенно *другого*, чем то, которое было представлено в акте решения. Это действие с точки зрения акта намерения можно назвать «*замещающим действием*», или, точнее, эквивалентным, «соответствующим ситуации» действием. <...>

Возможно, еще большие трудности для данной теории представляют собой следующие случаи: человек намеревается что-то сообщить своему знакомому, воспользовавшись его предполагаемым посещением. Посещение не состоялось. В случае такого *выпадения ранее предусмотренного соответствующего случая* действенность намерения не исчезает, но начинаются *поиски* нового соответствующего случая. Здесь непосредственно обнаруживается, что *налицо состояние напряжения, которое изнутри побуждает к разрядке через действия, лежащие в определенном направлении.* <...>

Такие внутренние напряжения могут приводить к выполнению действия только потому, что точно предустановленный случай заставляет себя слишком долго ждать. В соревнованиях по бегу, например, имеет место сильная тенденция *стартовать раньше времени*. Нечто подобное бывает в опытах с реакциями, и даже в таких областях, как политическая жизнь можно наблюдать подобного рода *поспешные* действия до наступления предусмотренного соответствующего случая.

Все эти случаи: действенность намерения, при котором остались неопределенными соответствующий случай или способ выполнения, или оба вместе; действенность иных, чем предусмотренные в акте намерения, соответствую-

[2] К вопросу о широте и изменчивости таких актуализирующих раздражителей см.: *Lewin K.* Das Problem der Willensmessung und das Grundgesetz der Assoziation // Psychologische Forschung. 1922. B. 2. S. 90.

щих случаев (адекватные ситуации, замещающие случаи) и осуществление эквивалентного по содержанию действия; поиски других возможностей при ненаступлении точно установленного случая и слишком поспешное возникновение действия; прекращение действенности намерения после выполнения предусмотренного в акте намерения действия или действия замещающего, — все эти ситуации показывают, что *причины преднамеренного действия недостаточно охарактеризовать* как силы, которые при наступлении определенных соответствующих случаев побуждают к определенным действиям, *сцепленным* с этими случаями в акте намерения по законам связи представлений.

Возобновление прерванных действий

В этой же связи должна быть рассмотрена еще одна группа фактов, на которой я хотел бы остановиться подробнее[3].

Пусть выполнение намеченного действия прервано во время самого выполнения. Если бы сцепление соответствующего случая и выполнения намерения имело бы решающее значение, то после прерывания действия ничего не могло бы начаться без повторного наступления соответствующего случая, если само начатое действие не порождает силы для следующего действия. Можно сравнить это со случаями, когда действенность намерения исчерпывается после его срабатывания на первый же соответствующий случай. Я ограничусь упоминанием только некоторых результатов исследований Овсянкиной, существенных для рассматриваемого вопроса.

Действия, которые использовались в экспериментах Овсянкиной, были *не* слишком *интересны*. Они состояли, например, в составлении фигур из цветного строительного материала, в переписывании корреляционной схемы сдвига ранговых мест, в нанизывании бусинок, вылепливании животного из пластилина и т.д.

В момент прерывания первого действия можно наблюдать очень сильный и *яркий* эффект. Испытуемый *сопротивляется* прерыванию своего действия (даже не особенно приятного). Это сопротивление временами принимает весьма *упорные* формы. Силы, противодействующие прерыванию, по-видимому, тесно связаны, помимо всего прочего, с процессом действия как таковым, с его структурой и отношениями с более широкими целостностями.

В связи с рассматриваемой проблемой особый интерес представляют следующие вопросы. Что получится, если испытуемый все же, в соответствии с инструкцией, обратится ко *второму* действию, прервавшему первое, и *закончит* его? В этом случае возникает, говоря коротко, чрезвычайно сильная *тенденция к возобновлению первого действия*.

---

[3] Обсуждаемые процессы были подробно проанализированы г-жой Овсянкиной в Берлинском психологическом институте.

В опытах использовались два типа прерывания. Первый тип составляют *«случайные» перерывы*: как будто благодаря случайной неисправности гаснет свет; у экспериментатора падает ящик с мелкими предметами и испытуемый из вежливости помогает их собрать и т.д. Второй тип прерывания осуществляется путем прямой инструкции, требующей перехода к *другому действию*.

Хотя случайные перерывы растягивались приблизительно на 20 минут, все они без исключения вели к возобновлению первого действия. Очень часто возобновление первого действия наблюдалось даже при прерывании путем постановки другой задачи, иногда после промежутка времени почти в целый час. При этом испытуемый знал, что экспериментатор совершенно не требует возобновления, иногда даже прямо *запрещает* его.

Особый интерес для нас представляет сам *акт возобновления*. Обнаружилось, что тенденция к возобновлению усиливается, как только испытуемый вновь видит перед собой материал первого незаконченного действия (например, лист бумаги с начатым рисунком). *Но и при отсутствии этого внешнего раздражителя обнаруживается сильная тенденция к возобновлению действия*. Наблюдения за поведением испытуемых и данные самонаблюдения показывают, что даже если испытуемый не думает во время новой работы о первом задании, по истечении нескольких секунд после окончания второй работы возникает позыв возобновить первую работу, иногда сначала в неопределенной форме «хочется закончить еще что-то» без определенного осознания, что именно. <...>

Мы стоим, следовательно, перед следующим фактом: обнаруживается сила, которая даже после относительно длительного перерыва побуждает к окончанию прерванного действия. Ее проявление никак не связано с наличием внешнего побуждения к возобновлению действия после прерывания, напротив, возобновление часто возникает спонтанно и исходит изнутри.

Другие примеры.

На одном собрании были подняты некоторые вопросы, но разрешение их не было доведено до конца. В таком случае этими вопросами начинают заниматься потом, и они на долгое время могут стать предметом разговоров между людьми. Это бывает, прежде всего, тогда, когда эти вопросы сильнее затрагивают личность.

Некто хотел помочь школьнику в решении математической задачи, но, не доведя его до конца, был чем-то отвлечен. Эта задача, неинтересная сама по себе, может всплыть в сознании долгое время спустя.

Некто погрузился в чтение глупого газетного романа, но не дочитал его до конца. Этот роман может годами преследовать его.

Здесь важен тот экспериментально обнаруженный факт, что «интерес» нельзя рассматривать в подобных случаях как решающее условие.

В заключение необходимо отметить те теоретически важные случаи, когда определенная содержательная связь между первоначальным действием и пре-

рвавшим его действием является причиной того, что *тенденция к возобновлению отсутствует*. Например, ребенка, рассказывавшего какую-нибудь историю, прерывают предложением нарисовать какую-нибудь сцену из этой истории. Возобновления рассказа в таком случае не последует, — очевидно потому, что этим рисунком предшествующая деятельность рассказывания была каким-то образом завершена. Можно сказать, что здесь имеет место своего рода «*замещающее завершение*» рассказа. Мне представляется, что такие случаи хорошо освещают природу тех сил, которые задействованы при выполнении намерения. Важно также, что в случаях возобновления прерванной работы возобновленное действие вовсе не должно представлять собой «недостающий кусок» первоначального действия; после перерыва может начаться совершенно иначе структурированное действие, однако направленное на ту же цель. Иногда возобновление может вообще принять форму игры с соответствующим материалом.

Забывание намерения

Ближайший, в известном смысле прямой путь к изучению последействия намерения есть исследование забывания намерений.

Необходимо тщательно разграничить *два понятия забывания*. Одно относится к тому, что обычно понимают под *памятью* (способность воспроизводить знание, когда-то раньше бывшее в распоряжении человека). К этому же типу мы будем относить в данном контексте и способность воспроизводить знакомые ранее действия (хотя по существу речь здесь отчасти идет совершенно о другом)[4].

Второе понятие забывания относится к *невыполнению намерения*. В этой связи в повседневной жизни говорят о «*забывчивости*». Само собой разумеется, что человек, забывший выполнить предусмотренное актом намерения действие, обычно вполне в состоянии воспроизвести содержание этого намерения. Следовательно, знание об акте намерения в смысле памяти налицо. Хорошая память как ярко выраженная способность воспроизводить знания или действия отнюдь не идет рука об руку с добродетельной привычкой не оставлять невыполненным «по причине забывчивости» то, что мы намеревались сделать (впрочем, некоторая связь здесь может иметь место). <...>

Впрочем, нельзя упускать из виду еще и *третье* значение забывания: человек не помнит неприятностей, которыми он обязан какому-нибудь определенному лицу, не мстит ему за них, прощает и забывает. Эта бóльшая или меньшая «*злопамятность*» особенно важна в связи с психологией воли и аффектов, в то же время она не совпадает с вышеприведенными двумя другими понятиями памяти. Можно иметь плохую память, быть очень забывчивым и в то же время чрезвычайно злопамятным.

---

[4] См.: *Lewin K.* Das Problem der Willensmessung und das Grundgesetz der Association II // Psychologische Forschung. 1922. B. 2. 125 f.

У нас, следовательно, идет речь о втором понятии забывания — *непреднамеренном невыполнении намерения.*

При этом мы не будем рассматривать случаи, когда забывание намерения может быть объяснено тем, что человека в самый решительный момент что-то резко отвлекло. Ведь как раз другие случаи дают возможность непосредственно увидеть те обстоятельства, при которых последействие намерения прекращается.

Как уже было упомянуто, отнюдь не создается впечатления, будто действенность намерения ослабевает пропорционально времени. *Вообще, в психологии, так же как и в физике, нельзя считать время причиной реального процесса.* Там, где обнаруживается падение интенсивности какого-нибудь переживания с течением времени, это падение всегда можно объяснить нормальными жизненными процессами. Однако и в этом случае оправдан и даже необходим вопрос: что же в рамках более широкого жизненного процесса является *конкретной причиной*, например, забывания определенного намерения?

В ходе экспериментальных исследований забывания намерений[5] испытуемый должен был выполнить ряд заданий и при этом в конце каждого выполненного задания (или на какой-либо другой определенной стадии работы) поставить в качестве подписи свою фамилию и дату. Каждый листок после выполнения задания он должен был передать экспериментатору.

Было обнаружено следующее:

1) Намерение не является, как правило, изолированным душевным фактом, но обнаруживает *свою принадлежность к определенной целостности действия*, к определенной *сфере личности*. Поэтому подпись включается обычно не в «содержание работы», а в сферу «личного», которая актуализируется при «передаче работы» экспериментатору.

Переход от той сферы действий, в которую *включено* намерение к другой сфере может повлечь за собой забывание этого намерения. Например, в опытах было обнаружено следующее: подпись часто забывается, если после шести *однородных* действий седьмым должно быть выполнено действие совершенно другого рода. <...>

Такие намерения, включенные в какую-нибудь сферу действий, не забываются, если жива *соответствующая сфера действий*, и только в этом случае.

В повседневной жизни забывание намерения (или, правильнее, бездействие намерения при появлении представленного в акте намерения или другого пригодного соответствующего случая) также часто можно наблюдать тогда, когда конкретный психический комплекс, включающий это намерение, прекратил существование. Как раз наиболее частые случаи забывания, которые обычно оправдывают тем, что человек «слишком занят чем-нибудь другим», невозможно объяснить просто высокой *интенсивностью других переживаний.*

---

[5] Опыты проводились г-жой Биренбаум в Берлинском психологическом институте.

Если речь идет об интенсивных переживаниях, принадлежащих к *тому же самому* психическому комплексу, то это, наоборот, может только благоприятствовать выполнению намерения. С другой стороны, забывание может наступить и без интенсивного отвлечения, если господствующая в данный момент психическая сфера отстоит достаточно далеко от той сферы, в которую включено намерение. Впрочем, определенное значение наряду с этим имеет и фактор интенсивности.

2) Для вопроса о забывании существенное значение имеет также и сам *соответствующий случай*. Так, например, испытуемый с чрезвычайной регулярностью забывает подписать свою фамилию, если ему неожиданно приходится выполнять задание на бумаге бóльшего формата или иной окраски. Очевидно, бумага сама по себе напоминает испытуемому о намерении, как почтовый ящик — об опускании письма (или узелок на платке напоминает о том, что не должно быть забыто). Лист бумаги обладает тем, что я мог бы назвать *побудительностью* (Aufforderungscharakter). Выше мы говорили о случаях, когда даже при совершенно конкретном намерении целый ряд разнообразных вещей и событий обладают побудительностью (почтовый ящик — друг). Однако эта побудительность может быть фиксирована и на предметах вполне определенного вида, как это показывает пример с бумагой.

Я вынужден ограничиться здесь лишь простым указанием на значение для забывания намерения его включенности в какую-нибудь целостность действия или в определенную личностную сферу и на значение особенностей соответствующего случая, и хотел бы перейти к более подробному обсуждению третьего фактора.

3) В упомянутых выше опытах было задание, которое состояло в рисовании собственной монограммы. Испытуемые с большой регулярностью забывали подписывать свою фамилию на листах с этим заданием. Если исходить из понятия ассоциации, можно было бы скорее ожидать, что вследствие прочной связи монограммы с написанием фамилии в этом случае забывание своей подписи будет особенно редким.

Более подробный анализ показывает, что здесь имеет место своего рода *замещающее выполнение*. При прямом размышлении испытуемый едва ли мог бы, исходя из своей ситуации, придти к выводу, что монограмма фактически служит достаточным указанием для экспериментатора на принадлежность работы определенному лицу. Подпись без особых размышлений просто «забывается». Потребность в подписи, обусловленная актом намерения, по-видимому, как-то удовлетворена этой подписью-монограммой (впрочем, в этом играют роль еще и другие факторы). Показательно, что написание монограммы уже не действует в качестве замещающего действия, если она пишется не как личная монограмма, а как выполнение «художественного» задания.

Если обратить внимание на случаи забывания в повседневной жизни, то нередко можно обнаружить, что их причинами являются такого рода замещаю-

щие действия или же частично выполненные намерения. Я приведу в качестве примера два таких случая, действительно имевших место.

Один человек постоянно забывал о том, что должен купить себе запонку для воротничка. Однажды, исключительно с этой целью, он пошел окольным путем по улице, где находятся соответствующие магазины. Радуясь, что «дело не забыто», он пришел в библиотеку и заметил, что так и не купил запонку.

Некая учительница намеревалась задать определенный вопрос своей ученице, которой она давала частные уроки. Приблизительно посередине урока учительница вспомнила об этом и порадовалась, что «это так вовремя пришло ей в голову». В конце концов, по дороге домой она вспомнила, что так и не исполнила свое намерение. (В этом случае, как и вообще в ситуациях повседневной жизни, нет, конечно, однозначного доказательства того, что действительной причиной забывания было именно замещающее выполнение намерения в виде прохождения по нужной улице или напоминания себе.)

Нередко можно наблюдать, что даже *запись* намерения, что с точки зрения ассоциации между представлениями отношения и цели скорее должно было бы привести к усилению намерения, легко ведет к его забыванию: запись действует почти как выполнение намерения, как разрядка. Человека успокаивает, что запись своевременно напомнит о намерении, и тем самым ***ослабевает внутренняя потребность не забыть***. Это похоже на случай с учительницей: воспоминание о том, что нужно спросить ученицу, действует так же, как само выполнение, так что реальный вопрос так и не задается.

Наряду с этим бывают и другие случаи, когда письменная пометка, даже если ее и не видят, все же благоприятствует припоминанию намерения. Этот может зависеть, например, от того, что намеченное действие благодаря записи вступает в связь с определенной сферой личности (профессиональной сферой) или образом жизни (аккуратность), и поэтому в его осуществлении участвует вся энергия этой сферы.

4) Там, где нет никакого замещающего выполнения, забывание нередко может быть объяснено наличием естественных ***противодействующих потребностей***. Даже многократно воспроизведенное намерение — написать неприятное письмо — часто оказывается невыполненным: как раз тогда, когда есть время написать письмо, об этом забывают. На это таинственное противодействие указал З.Фрейд. Разумеется, ни в коем случае нельзя всякое забывание объяснять наличием таких естественных потребностей (тем более, исключительно сексуальных потребностей), но, во всяком случае для проблемы действенности намерения, центральное значение имеет следующее: ***последействие намерения есть сила, которая может вступать в конфликт с потребностями и в результате этого утрачивать свою действенность***.

Мы уже указывали на положительную связь действенности намерения с реальными потребностями, из которых, собственно, и вытекают намерения (ср. возобновление «серьезных» прерванных действий). Намерение забывается с раз-

личной степенью легкости в зависимости от силы тех истинных потребностей, которые побуждают к его выполнению. Так, подпись фамилии забывается несравненно реже при групповых опытах, чем при индивидуальных. Потребность отметить свою работу опознавательным знаком (если отвлечься от других факторов) при групповых опытах намного актуальнее.

Именно от этой *укорененности намерения в более общих волевых целях или естественных потребностях, а вовсе не от интенсивности акта намерения*, зависит, сможет ли оно, преодолев все препятствия, осуществиться. В исследовании забывания выяснилось также, что намерения, акт принятия которых очень интенсивен (вплоть до степени судорожного напряжения), часто обнаруживают гораздо меньшую действенность, чем исключительно спокойные акты намерения, не отягченные аффектами. Это может быть связано с тем, что вообще аффективные или судорожно напряженные действия, за некоторыми исключениями, гораздо менее «результативны», чем спокойные. Кроме того, говоря о самом акте намерения, следует обратить внимание на следующее.

Можно ли поставить вопрос: при каких обстоятельствах вообще возникает акт намерения, особенно интенсивный акт намерения? Поистине поучительная, хотя и утрирующая поговорка гласит: «Что намереваемся, то и забываем». Это значит, что *к намерению вынуждены прибегать тогда, когда нет естественной потребности в выполнении соответствующего действия*, или даже когда налицо естественная потребность противоположного характера. Если акт намерения не вытекает из реальной потребности, он сулит мало успеха. Именно тогда, когда нет настоящей потребности, ее обычно пытаются заменить «интенсивным актом намерения». (Это можно заострить до парадокса: или в намерении нет нужды, или оно сулит мало успеха.)

О.Уайльд в «Портрете Дориана Грея» констатирует: «Добрые намерения — бесполезные попытки вмешаться в законы природы. Их источник — чистая суетность, их результат — абсолютный нуль».

Теория преднамеренных действий

Возникновение квазипотребности в результате акта намерения

Опыты по забыванию намерения и особенно по возобновлению прерванных действий обнаруживают в намерении силу, действенность которой не определяется тем, действительно ли наступает представленный в акте намерения соответствующий случай, который, будучи «представлением отношения», как внешний стимул влечет за собою намеченное действие.

Скорее существует некоторый внутренний «нажим» в определенном направлении, внутреннее состояние напряжения, которое побуждает к осуществлению

намерения, причем даже тогда, когда никакой предусмотренный соответствующий случай сам по себе не побуждает к действию.

На уровне переживаний это наиболее ясно обнаруживается при возобновлении прерванного действия в тех случаях, когда по окончании второго действия сначала ощущается «нажим» совершенно общего характера, типа «мне хотелось что-то еще сделать». В этом случае (подобные примеры нам часто дает повседневная жизнь) неясно даже само содержание того, что входит в намерение человека, и заметно только внутреннее напряжение как таковое. Только во второй фазе осознается еще и цель желания. В повседневной жизни бывают и такие случаи, когда, несмотря на отчетливое стремление к «чему-то» желанному, человек никак не может вспомнить, что же ему нужно. (Такие вначале неопределенные по содержанию напряжения появляются, между прочим, иногда и в тех случаях, когда наперед установленный соответствующий случай сам напоминает о намеченном действии[6].) Во всяком случае, выполнение намерения здесь часто начинается под влиянием внутреннего «нажима» без соответствующего случая, побуждающего к этому извне. <...>

Отсутствующие и непредусмотренные соответствующие случаи

Представление о том, что движущую силу осуществления намерения следует искать не в феномене сцепления, а во внутреннем состоянии напряжения, в направленном нажиме изнутри, дает возможность объяснить также и другие различные случаи, упомянутые нами ранее.

Исходя из этого представления, становится понятным, почему при *отсутствии соответствующего случая* ищется другой соответствующий случай или почему тогда, когда соответствующий случай заставляет себя долго ждать, а внутренний «нажим» слишком велик, возникает преждевременная внезапная разрядка энергии.

Отсюда понятно также, почему намерение может обращаться не на заранее представленный в акте намерения соответствующий случай, а на вещи или переживания порой совершенно другого рода (почтовый ящик — друг). Состояние внутреннего напряжения разряжается, как только появляется возможность устранения или, по крайней мере, ослабления напряжения, иными словами, если налицо ситуация, при которой чувствуется возможность действия в направлении определенной цели.

Затухание психических сил при осуществлении или замещающем осуществлении намерения

Если главной причиной выполнения действия считать не сцепление, а наличие внутреннего напряжения, отсюда также естественно вытекает тот факт, что

[6] См.: *Ach N.* Über den Willensakt und das Temperament. Leipzig, 1910.

побудительность, присущая предусмотренному соответствующему случаю (например, почтовому ящику), обычно затухает, как только намеченное действие осуществилось. Это относится также и к тому крайнему варианту, когда действенность представленного в сознании соответствующего случая исчезла еще до его наступления, поскольку еще раньше внутреннее напряжение разрядилось в результате «замещающего осуществления».

Таким образом, силы, действующие при акте намерения, обнаруживают далеко идущее типическое сходство с теми психическими силами, которые обычно обозначаются как *потребности* и которые берут свое начало во влечениях или в центральных волевых устремлениях (типа желания получить определенную профессию).

Параллельные проявления истинных потребностей и квазипотребностей

Истинные потребности и естественные побудители

В случае *инстинктивных потребностей* (например, голода), мы также имеем дело с внутренними напряжением, «нажимом» в определенном направлении, который побуждает к известным действиям — к действиям по удовлетворению потребности. С другой стороны, и здесь существенную роль играют определенные «соответствующие случаи», и тоже имеются известные вещи или события, которые привлекают человека, т.е. обладают *побудительностью.*

То, что дано нам психологически как окружающая среда, не есть сумма зрительных, слуховых и тактильных ощущений; напротив, мы видим перед собой целостные вещи и события[7]. Понимание этого факта проникало в психологию лишь постепенно. Этим вещам и событиям с давних пор приписывалась определенная эмоциональная окраска: они нам приятны или неприятны, вызывают у нас удовольствие или неудовольствие.

В добавление к этому необходимо подчеркнуть ту старую идею, что вещи и события окружающего нас мира отнюдь не нейтральны для нас как *действующих* существ. И дело не только в том, что их собственная природа создает большие или меньшие затруднения для нашей деятельности или же благоприятствует ей, но еще и в том, что многие вещи или события, с которыми мы встречаемся, проявляют по отношению к нам более или менее определенную волю, *побуждают нас к определенным действиям*. Хорошая погода и определенный ландшафт зовут нас на прогулку. Ступеньки лестницы побуждают двухлетнего ребенка подниматься и спускаться; двери — открывать и закрывать их, мелкие крошки — подбирать их, собака — ласкать, ящик с кубиками побуждает к игре, шоколад или кусок пирожного «хочет», чтобы его съели. Здесь не место подробно останавливаться на сущности этой «побудительности» вещей и событий,

[7] См., например, подробные рассуждения на эту тему у: *Katz*. Die Erscheinungsweisen der Farben // Zeitschrift für Psychologie.1911. Ergänzungsband 7.

ее видах и функциях. Следует указать лишь на некоторые ее основные особенности. Причем мы можем пока оставить совершенно открытым вопрос о том, какую роль во всем этом играют опыт и привычка.

Сила требований, исходящих к нам от вещей и событий, очень различна. Начиная от «*неодолимого влечения*», которому без размышления подчиняются ребенок и взрослый и которому невозможно или почти невозможно сопротивляться, существует масса промежуточных ступеней «*требовательности*», вплоть до слабой степени «*приглашения*», т.е. притягательности, которой легко противостоять и которая заметна только тогда, когда человек и так ищет, чем бы ему заняться. Термин «побудительность» должен охватывать все эти ступени.

Можно различать *позитивную* и *негативную* побудительность в соответствии с тем, что одни вещи нас притягивают (например, прекрасный концерт, интересный человек, красивая женщина), а другие отталкивают (неприятности, опасность). Это подразделение обоснованно, поскольку побудителям первой группы присуще свойство побуждать к *приближению*, второй — к *удалению* от соответствующих вещей и событий. Но было бы ошибкой видеть в этом их существенное свойство. Скорее характерно то, что эти побудители толкают к определенным более или менее узко очерченным *действиям,* и что эти действия даже для одних только позитивных побудителей могут быть чрезвычайно различными. Книга влечет к чтению, пирожное — к еде, озеро — к плаванию, зеркало зовет смотреться в него, запутанная ситуация — разобраться в ней.

Побудительность того или иного объекта *ни в коем случае* не должна быть всегда *постоянной*, напротив, она в значительной степени зависит от внутренней и внешней *ситуации*, в которой находится человек. Изучение этих изменений дает нам, помимо всего прочего, возможность более детально разобраться в сущности феномена побудительности предметов.

В определенных основополагающих случаях значение обладающих побудительностью объектов достаточно прозрачно — вещи, обладающие побудительностью, суть *прямые средства к удовлетворению потребностей* (пирожное, концерт, если только на него идут слушать, а не себя показывать и т.п.). Здесь можно говорить об *автономной побудительности.*

Наряду с этим, побудительностью могут обладать вещи и события, которые, в силу определенной ситуации, стоят в известном отношении к такого рода реальным средствам удовлетворения потребностей, например, если с их помощью возможность удовлетворения потребности становится ближе. Они имеют лишь сиюминутное значение средств для достижения цели. Другие случаи *такой производной побудительности* представляют собою пространственно-временное «расширение» объекта с самостоятельной побудительностью: само жилище, улица, и даже город, в котором живет возлюбленная, могут приобретать побудительность. Переходы между этими двумя видами побудительности (первичной и производной), естественно, подвижны, и само понятие автономности здесь весьма относительно.

Побудительность объекта может сильно изменяться в зависимости от того, в какое *целостное действие* включен данный объект или событие: зеркало, которое привлекло испытуемого и побудило его осмотреть свою прическу и костюм, становится нейтральным «инструментом», как только тот же испытуемый получает задание, в котором необходимо использовать зеркало[8]. Подобного же рода превращения, но гораздо более сильные, претерпевает на войне окружающий человека ландшафт в момент сражения[9].

Помимо превращений, зависящих от господствующего в данный момент процесса деятельности, можно наблюдать еще и другие изменения побудительности объектов. Лакомый кусок, который еще недавно был источником сильного притяжения, становится нейтральным, как только человек *насытился*. При *пресыщении* обычно появляется даже побудительность с противоположным знаком: то, что еще недавно привлекало, теперь отталкивает. Пресыщение может даже привести к фиксированию этой отрицательной побудительности на длительный срок (к любимому некогда блюду, из-за которого был испорчен желудок, иногда не прикасаются годами). Во всяком случае, для такого рода побудительности типичны ритмические подъемы и спады в соответствии с периодическими подъемами и спадами соответствующих потребностей.

Некоторые побудительности изменяются на протяжении более длительных отрезков времени — по мере *развития индивида* от младенчества к детству, потом к юности, зрелости и старости. Они меняются в соответствии с возрастными изменениями потребностей и интересов и играют фундаментальную роль в процессе развития, поскольку развитие «способностей» индивида в смысле возможностей осуществлять те или иные действия (например, пользоваться речью, успешно выполнять интеллектуальные задания) зависит не только от имеющихся «природных задатков», но определяется еще и тем, с какой силой и в каком направлении действуют такого рода «склонности» в качестве движущих сил психических процессов.

Эти изменения, исследования которых только начаты[10], обнаруживают, по-видимому, известное родство с теми изменениями побудительности, которые наступают при изменении *общих волевых целей*, значимых для данного человека.

В качестве примера такого рода общих волевых целей можно назвать желание посвятить себя той или иной профессии. С момента принятия решения приобрести определенную профессию многие до того нейтральные вещи получают позитивную или негативную побудительность[11], и многое, что на первый

---

[8] Пример взят из опытов доктора Френкеля (Fränkel).

[9] См.: *Lewin K.* Kriegslandschaft // Zeitschrift für angewandte Psychologie. 1917. B. 12. S. 440–447; См. также: *Giese F.* Handbuch der psychotechnischen Eignungsprüfung. Halle, 1925.

[10] См.: *Spranger E.* Psychologie des Jugendalters. Leipzig, 1924; *Bühler Ch.* Das Seelenleben des Jugendlischen. Jena, 1922; *Lau E.* Beiträge zur Psychologie der Jugend in der Pubertätszeit. Langensalza, 1924.

[11] См.: *Lau E.* Ibidem.

взгляд кажется «природной», врожденной склонностью или «природным» нерасположением — например, предпочтение определенной работы, тенденция к аккуратности и точности или к работе монотонного характера, — все это может быть выведено из профессиональных целей индивида.

И действительно, мир существенно изменяется для человека, если меняются его основные волевые цели. Это относится не только к глубоким переворотам, которые несут с собой решение добровольно уйти из жизни или переменить профессию, но ясно обнаруживается и при временных отказах от привычных волевых установок, как например, во время праздников или каникул. Давно привычные вещи могут в этом случае внезапно начать выглядеть по-иному. То, что сотни раз оставалось без внимания, становится интересным, а важные профессиональные дела — безразличными.

Это нередко удивительное для самого субъекта превращение положительных или отрицательных побудительностей в безразличные нередко описывалось поэтами, преимущественно в любовном контексте. Нередко такие изменения побудительности выступают как *первые* признаки изменения внутренней ситуации, еще до того, как сам человек заметит внутренние изменения собственных склонностей. Наличие или отсутствие изменений побудительности часто можно использовать как критерий того, что какое-либо решение (например, «начать новую жизнь в той или иной области») не только на словах, но и в *действительности* внутренне принято (оно не только выступило в переживании, но и стало психологически действенным динамическим фактором). Особенно далеко идущие и временами очень резкие превращения этого рода имеют место при «обращениях» («преследуй то, чему ты молился, и молись тому, что ты преследовал»).

Зависимость побудительности объектов от такого рода общих волевых целей в основном имеет такую же структуру, что и в случае более конкретной цели единичного действия.

Из этих кратких замечаний можно, во всяком случае, уяснить следующее: естественная побудительность находится в тесной связи с определенными склонностями и потребностями, которые отчасти можно свести к так называемым «влечениям», отчасти к более или менее общим центральным волевым целям. ***В известной степени выражения «имеется такая-то и такая-то потребность» и «такой-то и такой-то круг объектов обладает побудительностью к таким-то и таким-то действиям» эквивалентны.*** И всякому изменению потребностей всегда соответствует изменение побудительностей.

Проявление истинных потребностей и квазипотребностей

Отношение между истинными потребностями и естественной побудительностью вовсе не следует понимать так, что определенной потребности раз и навсегда можно поставить в соответствие совершенно определенные объекты с соответ-

ствующей побудительностью. Для новых потребностей, еще не часто удовлетворявшихся (особенно для потребностей до их первого настоящего удовлетворения), характерно весьма *широкое поле возможных побудителей*. Для систематического изучения, например, сексуальных и эротических склонностей, нужно подвергать систематическому изучению как основной случай не те стадии, когда уже установилась жесткая фиксация на одном или немногих определенных лицах и конкретизировался способ деятельности удовлетворения, а те стадии, на которых склонность еще остается несравненно более диффузной, а круг побудителей несравненно более широким и неопределенным[12]. Впрочем, процесс развития не всегда идет от диффузной стадии к дифференцированной и четко определенной. Наоборот, существует процесс расширения первоначально узкой и конкретной склонности. Бывают, например, случаи, когда полуторагодовалый ребенок первоначально любит открывать и закрывать лишь определенный футлярчик для часов и только постепенно переходит к открыванию и закрыванию дверей, шкатулок и выдвижных ящиков. Также и в области тех потребностей, где имеется какая-либо общая волевая цель (например, в области профессиональных устремлений), часто бывают случаи, когда фаза неопределенности лишь постепенно сменяется конкретизацией и упрочением целей (впрочем, и с самого начала *может* быть налицо чрезвычайно конкретная цель).

При таких относительно диффузных потребностях, связанных с влечениями или центральными волевыми целями, что́ именно будет действовать как побудитель и какие действия будут выполняться, во многом зависит от *ситуации*. Например, потребность «продвинуться в профессиональной жизни» содержит мало или вовсе не содержит каких бы то ни было общих тенденций «за» или «против» *определенных* видов исполнительных действий. С точки зрения этой потребности остается неопределенным, должен ли человек писать или звонить по телефону, должен ли он вообще выполнить действие *а* или же совершенно другое действие *б*. Даже те работы, выполнение которых обычно считается «ниже профессионального достоинства» и от которых обычно стараются уклониться (например, разборка писем секретаршей), при определенных профессиональных ситуациях могут охотно выполняться в качестве почетных заданий (возьмем случай, когда секретарша избрана как доверенное лицо для разборки особо секретных бумаг). Таким образом, одинаковые по содержанию действия в зависимости от их назначения в общей целостности профессиональной деятельности могут считаться то желательными, то недопустимыми. И даже в случае довольно точной конкретизации и фиксации потребностей остается известный, обычно немалый диапазон возможных побудителей, фактическое появление которых зависит только от конкретной ситуации.

Мы сталкиваемся здесь с совершенно теми же соотношениями, какие мы обнаружили при исследовании намерений. И в случае намерений также вполне

[12] См.: *Allesch*. Bericht über die drei ersten Lebensmonate eines Schimpansen // Sitzungsberichte der preußischen Akademie der Wissenschaften. 1921. S. 672 f.

возможна значительная неопределенность соответствующих случаев и осуществляющих намерение действий. И для намерений также оказывается, что даже при точном установлении в самом акте намерения определенных соответствующих случаев, все же остается известный простор для побудителей, которые могут запустить осуществление этого намерения.

Такая *параллель между действием истинной потребности и последействием намерения* обнаруживается в целом ряде существенных пунктов, о которых мы будем говорить впоследствии; она и побуждает нас говорить применительно к намерению о наличии *квазипотребности.*

Как истинные потребности, так и последействие намерения проявляются типически в том, что определенные вещи или события обнаруживают *побудительность*, контакт с которой влечет за собой тенденцию к определенным действиям.

Однако в обоих этих случаях связь между побудителем и действием нельзя понимать так, что их сочетание является причиной действия. В случае потребностей, вытекающих из влечений, энергия действия, при всей значимости внешних стимулов, в основном также имеет своим источником определенные *внутренние напряжения*. Там, где средства и соответствующие случаи для удовлетворения потребностей не идут навстречу извне, их начинают *активно искать*, аналогично тому, как мы рассматривали это при анализе действенности намерения.

В противовес этому можно было бы указать на так называемые привычки. И действительно, популярная психология — до недавнего времени то же относилось и к научной психологии — обычно рассматривает привычку, понимаемую как сочетание соответствующих случаев и действий, в качестве источника энергии для привычных действий. Примером такой привычки считается то, что люди принимают пищу в определенное время дня и не всегда в силу голода. Однако на основании новых экспериментальных данных[13] подобные случаи можно объяснить тем, что соответствующее действие включено в качестве несамостоятельной составной части в более глобальный комплекс деятельности, например в «распорядок дня» или «жизненный уклад», так что энергия — движущая сила этого процесса — теперь уже черпается из других потребностных источников. При такого рода привычных действиях, как и при специальной фиксации, структура движущих сил кажется мне в конечном итоге достаточно ясной: *при всем значении внешних побудителей в случае потребностей мы имеем дело, в сущности, с состояниями напряжения, которые направлены на удовлетворение соответствующих потребностей*. Удовлетворение влечет за собой устранение состояния напряжения и может быть описано как психическое «насыщение».

---

[13] См.: *Lewin K.* Der Begriff der Genese in Physik, Biologie und Entwicklungsgeschichte. Berlin, 1922; *Sigmar*. Über die Hemmung bei der Realisation enes Willensaktes // Archive für die gestamte Psychologie. 1925. B. 52.

В результате такого *насыщения* известный круг объектов и событий теряет ту побудительность, которую они имели до удовлетворения потребности (в «состоянии голода»); они становятся нейтральными. Здесь обнаруживается процесс, совершенно аналогичный упомянутому выше «завершению» преднамеренного действия, где точно так же объекты, которые первоначально обладали побудительностью, внезапно становятся нейтральными. Этот основной феномен действенности намерения, который едва ли можно объяснить теорией сцепления без привлечения сложных вспомогательных теорий, становится понятным, если рассматривать образование намерения как возникновение квазипотребности и, соответственно, видеть в *осуществлении намерения «удовлетворение» и насыщение этой квазипотребности*.

И действительно, переживание *удовлетворенности* после завершения действия есть чрезвычайно частое явление, типичное даже для экспериментальных исследований.

Еще сильнее, чем феноменальное родство, подкрепляет этот тезис о родственности истинных потребностей и квазипотребностей то, что из него можно динамически объяснить действенность намерения и вывести его особенности.

Если наличие латентного состояния напряжения, побуждающего к его устранению (удовлетворению), принять как нечто первичное, то в самом деле, не только представленный в акте намерения, но и *всякий по своей сути подходящий соответствующий случай* (если он психологически существует для человека и не парализован противодействующими силами) должен актуализировать действие намерения. Если же соответствующий случай не подворачивается, то так же, как и в случае инстинктивных потребностей и прочих истинных потребностей, в силу латентного состояния напряжения начинается его *активный поиск*. Если же напряжение слишком велико, то в этом, как и в том случае, нередко возникают нецелесообразные действия типа «*преждевременной суеты*».

Истинные потребности и квазипотребности обнаруживают также далеко идущее сходство и в отношении феномена побудительности. (Поскольку последующие данные основаны только на наблюдениях повседневной жизни, они настоятельно требуют экспериментального исследования, а до тех пор могут рассматриваться лишь как предварительные.)

С ростом интенсивности истинных потребностей круг их побудителей обычно *расширяется*. В случае чрезвычайного голода вещи, которые при других обстоятельствах воспринимаются как несъедобные или даже отвратительные, обычно приобретают позитивную побудительность. В конце концов, начинают есть землю и нередко становится возможной даже антропофагия. (В этом случае отчасти действуют, подчиняясь нужде, с внутренним отвращением, однако отчасти изменяется и феноменальная побудительность.) Даже при менее экстремальных состояниях напряжения становится заметным это расширение кру-

га побудителей параллельно росту силы потребностей[14]. То же относится и к так называемым духовным потребностям: «сытый буржуа», пресыщенный юноша. Соответствующие факты можно наблюдать и в случае квазипотребностей. Диапазон не предусмотренных в акте намерения соответствующих случаев, на которые также направляется намерение, обычно тем больше, чем сильнее создаваемое намерением состояние напряжения. Если речь идет о важном письме, от быстрой отправки которого многое зависит, то посещение друга или какая-либо другая возможность скорее, как правило, привлечет к себе наше внимание, чем когда дело касается безразличного письма. (Мы еще вернемся к исключениям, которые связаны с природой напряженно-судорожных действий.)

Фиксация при истинных потребностях и квазипотребностях

К наиболее существенным явлениям, касающимся отношения побудительностей и истинных потребностей, относится факт фиксации. Круг побудителей иногда оказывается чрезвычайно суженным по сравнению с кругом подходящих вещей и событий «самих по себе».

Например, девочка, у которой много кукол, постоянно желает играть лишь с одной из них или, во всяком случае, выделяет ее несравненно больше других. Ребенок утверждает, что «она всегда послушна», «никогда не говорит неправды» и даже будучи сломанной так, что другие куклы на ее месте сразу были бы заброшены, она по-прежнему вызывает любовь больше других. (Я не имею здесь в виду те случаи, когда кукла становится предметом особых забот именно вследствие своей поврежденности.)

> Фиксация на *определенных* побудителях и на *определенных* способах удовлетворения играет большую и очень значимую роль в психической жизни. Хорошо известно, какой прочной может быть фиксация на том или ином человеке, профессии, работе и т.д. во всех областях истинных потребностей, как радикально она может исключать все остальные и как зачастую трудно бывает эту фиксацию ослабить.

Такая фиксация может приводить к тому, что сответствующие объекты приобретают особенно сильную побудительность, а сама она оказывается наделена определенной *исключающей функцией*: другие объекты полностью или частично теряют из-за нее свою побудительность. То же самое относится и к фиксации на определенных вариантах *действия* удовлетворения.

Нечто совершенно аналогичное можно наблюдать и при квазипотребностях. Представление определенного соответствующего случая в акте намерения может обладать известным фиксирующим значением; оно может сузить круг

[14] См.: *Katz, Toll.* Die Messung von Charakter und Begabungsunterschieden bei Tieren // Zeitschrift für Psychologie. B. 93.

соответствующих случаев, исключив те, по существу также подходящие случаи, на которые могло бы быть ориентировано намерение, будь оно менее специализированно. То же относится и к действиям осуществления намерений. При заранее запланированном разговоре, но при отсутствии специального намерения привести совершенно определенные аргументы, выбираются аргументы, соответствующие ситуации и потому целесообразные. Специальный же подбор конкретных аргументов накануне беседы нередко влечет за собой совершенно неподходящие к данной ситуации высказывания.

Однако фиксация как при истинных потребностях, так и при квазипотребностях, как правило, *не является* полностью исключающей. Обычно наряду с фиксированным побудителем наличествует известный круг и других побудителей, особенно в том случае, если «нажим» истинной потребности или квазипотребности слишком велик.

В случае истинных потребностей обычно особое значение для фиксации имеют случай и способ *первого удовлетворения* (первая любовь). Это же относится и к намерениям, побуждающим к повторяющимся действиям. Если, например, перед первым осуществлением намерения вопрос о соответствующем случае оставался открытым и были возможны многие соответствующие случаи, то впоследствии тот вид соответствующего случая, на который в первый раз оказалось направлено намерение, приобретает особую значимость. <...>

Наши замечания относительно явлений фиксации при истинных и квазипотребностях не претендуют на исчерпывающую теорию фиксации, тем более, что фиксации играют в психической жизни значительную роль. К тому же мы ни в коем случае не утверждаем, что собственно феномены сцепления никак не участвуют в образовании фиксации.

Скорее мы довольствуемся здесь несколькими основными положениями: исключительная *фиксация* побудительности на вполне *определенном* соответствующем случае так же, как и точное определение способа выполнения, должна быть включена как *особый* случай в широкую область тех явлений, где побудительность свойственна более широкому кругу событий и объектов. С точки зрения теории квазипотребности и вопреки общеупотребительному пониманию, случаи без такой конкретной фиксации, значительно ограничивающей действенность остальных соответствующих по своему содержанию случаев, служат более чистыми примерами основного процесса намерения. Источниками энергии нужно признать лежащие в основе истинные потребности и квазипотребности. По крайней мере, в значительной степени с ними связаны также и фиксированные побудительности. Сама фиксация — не источник процесса, она только предписывает ему формы или предопределяет соответствующие случаи. И если действительно рассматривать представление определенного соответствующего случая и способа осуществления действия как феномен сцепления, его по существу следует понимать не по аналогии с сочетанием слов или других познавательных содержаний, но как фиксацию побудительности на определенном соответствующем случае.

Замещающее выполнение

Если источником преднамеренного действия является не сочетание между соответствующим случаем и выполнением, а наличие квазипотребности, вытекающей из намерения, то сами собой становятся понятными основные аспекты проблемы *замещающего выполнения* намерения.

Истинным потребностям также присуще замещающее удовлетворение. Существует целый ряд различных видов замещающих действий, причем аналогичных для истинных и квазипотребностей. Различия этих разнообразных видов иногда поистине глубоки. Однако их нелегко определить понятийно, к тому же существуют разные переходные ступени и смешанные типы. Мы используем термин *замещающее выполнение* для всех этих видов, т.е. в довольно поверхностном значении, и в пределах данной работы вынуждены ограничиться лишь называнием некоторых главных типов, не имея при этом возможности обстоятельно обсудить все возникающие при этом вопросы.

1. Измененное в соответствии с ситуацией, но содержательно эквивалентное, иначе говоря, «*сообразное ситуации выполнение*». Пример: вместо того, чтобы, согласно первоначальному намерению, самому опустить письмо в почтовый ящик, его отправляют через друга. Здесь, собственно говоря, нет никакого замещающего осуществления. Лишь выполнение действия протекает иначе, чем было задумано первоначально. Мы видели, что этот случай считается по существу нормальным постольку, поскольку истинные потребности и квазипотребности обычно оставляют открытыми способы своего осуществления. Для теории квазипотребностей этот вид замещающего выполнения не представляет не только никакой трудности, но даже и особого своеобразия (хотя подобные случаи трудны для понимания, если исходить из теории сцепления): цель исходной потребности на деле достигнута. *В результате действия выполнения напряжение устранено* (квазипотребность насыщена), а вместе с этим исчезает и побудительность. Как уже много раз указывалось, то же самое верно и для истинных потребностей.

2. *Выполнение «pars pro toto*[15]». Пример: вместо того, чтобы купить какой-нибудь предмет, человек довольствуется тем, что идет по нужной для этого улице или лишь отмечает намерение в записной книжке. Осуществление действия идет «*в направлении*» первоначальной цели, затем, по-видимому, тормозится. Однако динамические эффекты, столь типичные в других случаях для незаконченных действий, здесь не выявляются. Напротив, напряжение потребности еще до реального завершения действия несоразмерно резко спадает. Окончательное выполнение намерения, к примеру, забывается. (См. приведенный ниже пример с роялем.) Иногда здесь, по-видимому, появляется своеобразное переживание удовлетворенности после частичного выполнения, смешанное с виной из-за отсутствия окончательного выполнения.

---

[15] Часть вместо целого (*лат.*).

В известном смысле ближе к первому типу, но, с другой стороны, скорее к третьему (к нему мы сейчас перейдем), стоят следующие случаи: возобновление незаконченной деятельности (записать стихи) не происходит, так как начато другое действие (рисунок, иллюстрирующий сюжет стихотворения), которое хотя и не ведет к той же самой цели, но проистекает из той же самой потребности и снимает соответствующее напряжение.

3. Ненастоящее выполнение, *видимость*, тень *выполнения* и родственное ему *суррогатное выполнение*. Пример: поскольку не удается набросить кольцо на определенную бутылочку, то его набрасывают на ту, которую легче достать или на более близкий крюк (из опытов нашей сотрудницы Т. Дембо). Здесь нет действия в направлении действительной цели; к настоящей цели не приближаются ни на шаг, но осуществляемое действие в каком-то отношении сходно с тем, которое намеревались осуществить, принадлежит к *идентичному* типу. В результате сразу возникает известное удовлетворение. Но обычно оно непродолжительно и снова уступает свое место первоначальной потребности. Подобного рода случаи относительно легко могут быть вызваны экспериментально, например, в варианте отклоняющихся действий при выполнении трудных задач. <...>

«*Суррогатные удовлетворения*» часто наступают и при потребностях, связанных с влечениями и центральными волевыми целями, если действия, ведущие к действительному удовлетворению, наталкиваются на трудности; в таких случаях «довольствуются малым» и умеряют свои притязания. При этом могут иметь место все промежуточные ступени, начиная от почти полноценного удовлетворения и кончая простой видимостью или тенью удовлетворения. Там, где человек хотел бы приказывать, но в действительности не имеет возможности распоряжаться, он нередко согласен быть простым соучастником, «хоть быть при этом». Мальчик, не смеющий дать сигнала к отправлению поезда, по крайней мере, кричит начальнику станции: «Поезд отправляется». Воспитанник детского дома вместо действительного желания вырваться из своего заведения страстно желает приобрести чемодан. Студент, не имеющий возможности из-за недостатка денег приобрести рояль, начинает коллекционировать каталоги роялей.

В случаях, подобных последнему примеру, действия могут значительно обособиться и породить подлинные «суррогатные потребности». (Здесь стоило бы обсудить понятие «сублимации».)

4. *Скрытое мнимое выполнение*. В приведенном выше примере набрасывания колец на бутылки место второй замещающей бутылки может занять игрушечный медвежонок или что-нибудь другое в этом роде. Сам тип действия может тоже внешне так сильно видоизмениться, что его с трудом можно узнать. Такое действие может появиться, например, тогда, когда ситуация требует скрыть замещающее действие, скажем, когда человек стесняется.

Кроме величины напряжения, связанного с данной потребностью, важна и *общая степень удовлетворенности или неудовлетворенности испытуемого*. Это

показали упомянутые выше опыты с забыванием: подпись легче забывается, если испытуемый находится в состоянии особой удовлетворенности своими предшествовавшими достижениями.

Таким образом, и в этом пункте обнаруживается параллелизм с истинными потребностями, для которых важно не только состояние напряжения данной конкретной потребности, но и общее состояние насыщенности, пресыщенности или ненасыщенности потребностей данного индивида. (Вообще пресыщенный, «сытый буржуа» в конечном счете с мало восприимчив к каким бы то ни было побудителям.)

Реальная связь между квазипотребностью и истинной потребностью

Квазипотребности и противостоящие им потребности

Если действие намерения понимать как квазипотребность, то обнаруживается не только его формальная параллель с истинными потребностями, но одновременно проясняется и *реальное отношение между действием намерения и естественными потребностями.*

Различные естественные потребности могут вступить в конфликт друг с другом, т.е. соответствующие *состояния напряжения не полностью изолированы друг от друга.* Частью они образуют несамостоятельные моменты одного более общего состояния напряжения, частью же стоят, по меньшей мере, в определенной реальной коммуникации в соответствии со степенью взаимосвязи соответствующих сфер или комплексов в психическом целом. (На эти факты часто не обращают достаточного внимания при исследовании влечений.)

То же самое верно и для реальных отношений квазипотребностей между собой и с истинными потребностями. Отсюда понятно, почему намерения постоянно забываются, если налицо имеется сильная истинная *противоположно направленная потребность.*

От вопроса о содействии и противодействии квазипотребностей и истинных потребностей можно перейти и к вопросу *о «полной произвольности» намерений.* Сам по себе заслуживает удивления тот факт, что человек обладает чрезвычайной свободой в том отношении, что может сделать предметом намерения любое, даже бессмысленное действие, т.е. вызвать в себе соответствующую квазипотребность. Эта свобода характерна для цивилизованного человека. Дети и, по всей видимости, дикари могут пользоваться ею в гораздо меньшей степени, и она, вероятно, отличает человека от наиболее родственных животных в большей мере, чем его более высокий интеллект. (Это различие очевидно связано с вопросом об «овладении».)

И тем не менее *человек отнюдь не может сделать объектом намерения любое действие*, если в качестве критерия взять возникновение реальной квазипотребности. Нельзя без реальной потребности сделать объектом намерения

убийство себя самого или своего знакомого, или же предпринять что-нибудь серьезное против своих реальных интересов. Такие намерения не могут быть осуществлены даже под действием гипноза. В таких случаях с особенной ясностью обнаруживается реальная связь между квазипотребностями и истинными потребностями.

У детей граница произвольности намерения *гораздо уже*, у них часто отсутствует даже возможность придать вещам и событиям, самим по себе *нейтральным*, положительную побудительность на основе квазипотребности. Для детей особенно необходимо, чтобы действия, которые они хотят сделать объектом намерения, хотя бы в некоторой степени обладали естественной побудительностью. (Эти вопросы играют большую роль в педагогике раннего детства.)

Квазипотребности и одинаково с ними направленные истинные потребности

Реальная связь между квазипотребностями и истинными потребностями дает объяснение и такому на первый взгляд парадоксальному явлению: как однозначно показывают результаты различных экспериментальных исследований, *интенсивность акта намерения не является решающей для действенности этого намерения.*

То обстоятельство, что особенно интенсивные акты намерения нередко менее действенны, чем более слабые, основывается, как было уже упомянуто, частью на том, что вообще «*судорожные*» действия обычно менее успешны, чем спокойные. Это же относится и к акту намерения, понимаемому как действие.

Но еще существеннее следующее обстоятельство. Порожденные актом намерения напряжения и побудительности не являются чем-то первичным. Они возникают на основе каких-то истинных потребностей, которые сами основываются на влечениях и общих волевых целях. Поэтому и *квазипотребность*, возникнув, в дальнейшем продолжает *сообщаться с комплексом существующих напряжений, таких как истинные потребности*. Намерение (например, опустить письмо в почтовый ящик, посетить знакомого, или даже в качестве испытуемого заучить ряд бессмысленных слогов) даже в том случае, если выполнение соответствующего действия представляет собой относительно хорошо обособленное целое, не является чем-то изолированным (благодаря лежащим в его основе силам), а вытекает из более широких потребностей: из желания закончить свою профессиональную работу, или продвинуться вперед в своих студенческих занятиях, или оказать дружескую услугу знакомому. По существу, действенность намерения зависит не от интенсивности акта намерения, а (если отвлечься от других факторов) от *силы* и жизненной значимости или, вернее, от *глубины укорененности* в психике тех истинных потребностей, в которые включена квазипотребность.

«Истинные» *потребности*, о которых идет речь, суть, во-первых, *те, из которых выросли сами намерения*, т.е. которые привели к тому, что человек решил

выполнить соответствующее действие. Следовательно, при намерении опустить письмо в почтовый ящик была потребность кого-то известить, основанная, в свою очередь, на еще более общей волевой цели.

Наряду с этим при осуществлении намерения нередко обнаруживаются *напряжения* и силы, которые *в возникновении самого намерения почти или вовсе не принимали участия*. Очень часто бывает так, что как только намерение принято или действие начато, захваченной оказывается «вся личность» целиком и тем самым устанавливается коммуникация с напряжением, связанным с «самосознанием» и «боязнью неполноценности». Индивидуальные различия в легкости, с какой такого рода побочные силы вливаются в действие выполнения намерения, а то и становятся его единственными движущими силами, представляются очень значительными: например, содержанием принятого жизненного идеала может быть желание «возможно тверже держаться принятого решения». Громадное значение в этом отношении имеет и *ситуация*. Так, например, упомянутая выше значительно меньшая забывчивость при *групповых* опытах, чем при индивидуальных (Биренбаум), может быть объяснена действием подобных сил. <...>

Условия возникновения намерения. Преднамеренное действие, «волевое» (управляемое) действие и «импульсивное» (полевое) действие

Если попытаться, пусть приблизительно, установить, как часто в повседневной жизни появляются намерения, при которых хотя бы в незначительной мере переживался особый акт принятия этого намерения, то можно прийти к поразительному на первый взгляд факту: *акты намерения не так уж часты*. Впрочем, день нередко начинается с акта намерения: около 50 % опрошенных студентов обычно показывают, что в этот день утреннее вставание потребовало от них специального акта намерения соответствующего содержания. Однако процессы одевания, выпивания кофе, ухода на работу лишь в единичных случаях сопровождаются актом намерения, который можно констатировать как таковой. Также и в последующем течении дня эти акты намерения в целом выступают очень редко.

Это не следует пытаться объяснить только тем, что привычка или более общее намерение, твердо определившее распорядок дня на длительный период, виновны в таком редком появлении актов намерения. При наблюдении за детьми во время их игры в новых ситуациях точно так же не создается впечатления частых актов намерения, даже и в том случае, когда игра идет возбужденно и дети ссорятся. Возникает ли какое-то новое событие, которое привлекает их, хотят ли они иметь определенный предмет, который есть у другого ребенка и т.п. — все случаи перехода к новым поступкам не опосредствуются актами наме-

рения. Налицо непосредственное побуждение к действию, называемое обычно «импульсивным» или «непроизвольным». *Там, где непосредственно проявляются истинные потребности, действиям, как правило, не предшествует никакой акт намерения.* (Действительно, с точки зрения теории квазипотребностей такой акт намерения был бы бессмысленным.)

Однако с другой стороны, *ни в коем случае нельзя называть «импульсивными действиями» все те действия, которым не предшествовал никакой акт намерения.* В разговоре, например, ответу на вопрос или вообще реплике в ответ на реплику очень редко предшествует особый акт намерения; по существу, он появляется только тогда, когда хотят солгать или что-нибудь скрыть. И тем не менее, ни в коем случае нельзя такой разговор, обмен вопросами и ответами, при которых отсутствует акт намерения, назвать импульсивным, скорее наоборот, ему необходимо приписать волевой характер. То же относится ко многим поступкам в повседневной жизни, например к профессиональным действиям: они не автоматизированы, но их нельзя также назвать и неуправляемыми, импульсивными действиями, хотя им и не предшествует никакой акт намерения. Такое положение дел, равно как и другие обстоятельства, обсуждение которых здесь завело бы нас слишком далеко, вынуждают меня признать, что *преднамеренное действие как таковое не является основным случаем волевого поведения. Для отнесения какого-либо процесса к определенному типу необходимо выдвинуть на первый план не то, предшествовал ли ему по времени какой-либо другой акт или нет, а сам характер протекания этого процесса.*

Если исходить из этой точки зрения, то типичными случаями не импульсивных, а *волевых действий* необходимо считать следующее: человеку грозит какая-нибудь опасность или неприятность, однако он не уступает ей, но смотрит ей прямо в лицо или идет ей навстречу; человек остается спокойным, несмотря на все оскорбления; человек проявляет холодность или недружелюбие к тому, кто с ним приветлив. Это — *контролируемое действие*, которое становится теперь в центр нашего внимания[16].

Если отвлечься от *автоматизированных* и *рефлекторных* в узком смысле слова действий, обычное употребление термина «Trieb» (инстинкт, влечение, импульс) в этом контексте неоднозначно. Под *импульсивным действием* (*Triebhandlung*) понимают, во-первых, действие «непроизвольное, управляемое силами, *неподвластными* индивиду». Такие действия далеко не всегда выступают в качестве непосредственных по времени следствий определенной совокупности стимулов; им вполне может предшествовать некоторая нерешительность. Однако с другой стороны, внезапное «включение» действия в ответ на какую-нибудь группировку стимулов действительно является признаком неуправляемой реакции. Таким образом, понятие «непроизвольное, импульсивное» получает свое

[16] См. также: *Klages A.* Prinzipien der Charaktereologie. Leipzig, 1921.

второе значение — процесса, ***противоположного тем процессам, которым предшествует особый акт намерения.***

Однако необходимо подчеркнуть, что реальное преднамеренное действие, т.е. действие, которому предшествовал особый акт намерения, далеко не всегда отличается тем управляемым характером, который образует противоположность импульсивному действию. Разумеется, преднамеренное действие вполне может быть управляемым. Если ребенок намеревается пройти мимо собаки, которой боится, то иногда это происходит как управляемое действие, т.е. ребенок хотя и осторожно, но с полным самообладанием и со спокойной выдержкой проходит мимо собаки. Однако во многих случаях ***преднамеренное действие отнюдь не имеет характера управляемого действия*** или имеет его лишь в очень незначительной степени. Так, в случае, подобном вышеприведенному примеру, выполнение принятого намерения часто принимает вид совершенно неуправляемого бега мимо собаки, а не осторожного контролируемого движения.

В этом случае процесс протекает, следовательно, так, как если бы намерение выступало просто как еще одна сила наряду с другими силами ситуации (психологического поля), и как если бы само действие протекало совершенно импульсивно, неуправляемо, на основании существующего в данный момент распределения сил.

Такие неуправляемые или малоуправляемые исполнительные действия очень часто возникают в ситуации преднамеренной активности; более того, они в известном смысле более характерны для преднамеренного действия, чем контролируемое выполнение намерения. Обычный, простейший опыт с реакциями, где при первой попытке безусловно имеет место настоящее преднамеренное действие (процесс, который происходит только на основе предшествовавшего намерения испытуемого), тем не менее обычно обнаруживает тип ярко выраженного неуправляемого действия, если иметь в виду процесс исполнения в собственном смысле слова (т.е. процесс, возникающий вслед за появлением сигнала). (Только в опытах с загадочными картинками или при осознании ошибок действие несколько изменяется в сторону управляемости.) Как раз в случаях полного успеха намеченного исполнительное действие часто после наступления соответствующего случая происходит непроизвольно (опускание письма в почтовый ящик) или же стоит на шкале контроля над действием безусловно ближе к неуправляемым действиям, чем к управляемым.

Итак, необходимо строго различать понятие волевого в смысле «преднамеренного действия» и понятие волевого в смысле «управляемого действия», а также оба противоположных случая, которые иногда обозначаются одним и тем же термином «импульсивное». Было бы целесообразно в интересах чистоты понятий и во избежание недоразумений вовсе отказаться от терминов «воля» и «импульсивный». Вместо них, по крайней мере, в контексте обсуждаемых здесь проблем, следовало бы употреблять: (1) термин «*управляемое действие*»

с противоположным ему понятием «*неуправляемое действие*» или, так сказать, «*полевое действие*» (т.е. действие, которое непосредственно определяется силами поля)[17]. Рядом с ним следует поставить (2) понятие «преднамеренное действие», которое подразумевает ***не определенный тип исполнительного действия, а наличие предшествовавшего акта намерения, вытекание действия из квазипотребности.***

Во всяком случае, можно с полной уверенностью установить следующее: то, что действие вытекает из намерения, еще ни в коей мере не определяет характер выполнения этого действия. Оно *может* протекать в качестве управляемого действия, но в то же время случаи относительной неуправляемости для него характернее и теоретически существеннее. Ибо в них действенность намерения выступает во многих отношениях с особенной четкостью: на основе намерения определенные вещи или события, которые иначе были бы для данного лица нейтральными, безразличными, приобретают побудительность и непосредственно ведут к неуправляемым, чисто полевым действиям (теория детерминирующей тенденции тоже особенно подчеркивает эти случаи).

Отсюда основной момент действенности намерения следует видеть в подготовке[18]: на основании акта намерения позднее образуется психическое поле, которое без этого намерения не существовало бы или существовало бы не в этой форме. ***Благодаря намерению создаются такие обстоятельства, которые позднее позволяют просто отдаться действию поля*** (письмо опускается в почтовый ящик), или на основе которых это будущее поле так преобразуется или в нем возникают такие дополнительные силы, что становится легче (или же вообще возможно) осуществить управляемое действие.

Теперь можно ответить и на вопрос о том, в каких случаях вообще возникает намерение. Намерение не характерно для волевого действия в смысле действия управляемого, но намерение в узком смысле слова возникает только тогда, когда имеется известное *предвидение* (это не значит, что должен быть отчетливый образ будущего). Оно возникает именно тогда, когда предвидимая ситуация сама по себе не обладает той побудительностью, которая повлекла бы за собою желаемое действие как простое полевое действие; или же тогда, когда предвидимая ситуация естественным образом должна вызвать полевые действия, противоположные намеченному.

---

[17] Естественно, и управляемое действие подчинено силам общего психического поля. Но при управляемом действии человек обычно не отдается полностью соответствующему полю. Определенная часть личности остается в резерве, давая возможность «стоять над процессом», лучше контролировать действие. Иначе говоря, отграниченность психической системы здесь иная, чем при неуправляемом действии, прежде всего вследствие большей независимости или лучшего доминирования «*Я*-системы».

[18] Г.Е. Мюллер также видит существенный момент намерения в предварительной подготовке (*Müller G.E.* Zur Analyse der Gedächtnistätigkeit und des Vorstellungsverlaufs. III. Teil // Zeitschrift für Psychologie. 1913. Ergänzungsband 8), хотя излагаемое здесь понимание существенно отличается от его теории.

В качестве типичного примера можно было бы привести следующий случай из опытов госпожи Дембо, поставленных в другой связи. Испытуемый хотел бы покинуть свое место вопреки запрещению, но не смеет этого сделать, т.е. не в состоянии осуществить уход в качестве управляемого действия. В качестве выхода он прибегает к следующему намерению: «Как только стрелки стенных часов примут такое-то положение, я уйду» (подобные случаи часто имеют место и в повседневной жизни). Таким образом, он создает для определенного более позднего момента побудительность, которая непосредственно побуждает его уйти и тем самым непосредственно помогает выполнению преднамеренного действия, или, по меньшей мере, сильно облегчает его. (Очень интересен вопрос, почему в данной ситуации оказывается невозможным непосредственный уход, но возможен такого рода акт намерения, однако мы не можем заняться сейчас его обсуждением.)

С влиянием намерения на определенные будущие ситуации связаны также следующие случаи. Бывает, что человек боится тех или иных ожидаемых событий или ситуаций, и, соответственно, «вооружается сильными намерениями». Конкретная же ситуация, наоборот, оказывается относительно безобидной, и тогда возникает ощущение, что со своими интенсивными намерениями человек ломится в открытую дверь. На примере таких случаев, когда *знание* о будущем оказывается ошибочным и конкретная ситуация сама по себе отнюдь не оказывает ожидаемого противодействия, связь между намерением и предвидением становится особенно ясной.

Процесс, благодаря которому изменяется естественное воздействие будущего поля, в основном один и тот же и в случаях типа только что описанного примера, и в случаях типа опускания письма в ящик или в простых опытах с реакциями. Возникает, как мы видели, *квазипотребность* с определенными фиксированными или нефиксированными побудительностями.

Рука об руку с намерением идет процесс, который можно было бы назвать принятием решения в узком смысле слова. Функционально существенный эффект этого процесса состоит в том, что благодаря ему для определенного внутреннего напряжения создается или облегчается доступ к действию, к моторике, будет ли это реализовано сразу, или же намечено только в принципе (т.е. для будущей ситуации). Следовательно, при «решении» в узком смысле слова не возникает новое психическое напряжение (или, поскольку оно возникает параллельно с ним, это не составляет его сущности), а уже *существующее напряжение получает доступ к моторной сфере*, которого до этого момента не было. Феноменологически чистым выражением такого решения как динамического факта является в случаях немедленного действия переживание: «Я действительно хочу»[19], «Да бу-

[19] См.: *Ach N.* Über den Willensakt und das Temperament. Leipzig, 1910; *Lewin K.* Das Problem der Willensmessung und das Grundgesetz der Assoziation II // Psychologische Forschung. 1922. B. 2; *Michotte A., Prüm E.* Étude expérimentale sur le choix volontaire et ses antécédents immédiats // Archives de psychologie. 1910. Vol. 10.

дет так»[20], в смысле: «Итак, я это сделаю». При решении часто речь идет о том, что в одном и том же человеке одновременно существует несколько противоположно направленных напряженных систем, и что в результате решения эти системы напряжения в известном смысле приводятся к равновесию, или же некоторые системы «выключаются»[21]. Во всяком случае создается такая внутренняя ситуация, при которой действие может управляться какой-то одной, относительно однозначной системой напряжения. В таких случаях иногда можно наблюдать определенные внутренние колебания перед принятием решения (так называемая борьба мотивов).

В этом случае говорят об окончательном решении. При этом часто дело заключается еще и в том, чтобы в интересах чистоты действия пресечь его связи с конкурирующими за доступ к моторике системами. Но это не всегда удается полностью. И поэтому нередко получается, что вопреки решению, в действие (хотя и в ослабленной форме) заметно вмешиваются те напряжения, которые притекают из оттесненных систем. Это может приводить к нецелесообразным смешанным действиям, а в итоге — к торможению или ослаблению основного действия.

Для такого решения, определяемого функционально, так же нельзя указать однозначных обнаруживаемых в переживании признаков, как и для намерения. Твердость решения и интенсивность соответствующего акта не находятся между собой ни в каком однозначном отношении, и даже существенные в функциональном смысле решения могут приниматься без сколько-нибудь существенных переживаний акта решения.

Намерение в функциональном смысле (т.е. возникновение квазипотребности) и решение в функциональном смысле (т.е. выключение или снятие существующих наряду друг с другом внутренних напряжений в аспекте их господства над действиями или моторикой) иногда обнаруживаются в очень тесной взаимосвязи — как два функциональных компонента одного и того же процесса, различимые лишь в теории, — а иногда выступают и раздельно в относительно чистом виде. Внутреннее решение, решимость действовать в каком-нибудь определенном направлении может повлечь за собой особое намерение относительно конкретного способа его выполнения. С другой стороны, одновременно с намерением и возникновением квазипотребности обычно сразу же открывается принципиальный доступ к моторике, причем для этого нет необходимости в особом акте решения, по крайней мере тогда, когда нет противонаправленных внутренних напряжений.

---

[20] См.: *James W.* Psychologie. Leipzig. 1909. <Рус. пер.: *Джемс В.* Психология. М.: Педагогика, 1986.>

[21] См.: *Koffka K.* Psychologie // Die Philosophie in ihren Einzelgebieten. Berlin, 1925; а также: *Claparède E.* Does the Will Express the Entire Personality? // Problems of Personality. Studies in Honour of Dr. Morton Prince. L., 1925. P. 39–43.

Квазипотребность как кондиционально-генетическое понятие

Для определения какой-либо конкретной квазипотребности, возникшей вследствие акта намерения, нельзя, как мы видели, просто обозначить ее как тенденцию к какому-нибудь определенному действию. Одна и та же конкретная индивидуальная квазипотребность может сама по себе проявляться при весьма разнообразных соответствующих случаях и вести к самым разнообразным исполнительным действиям, поскольку они оказываются одинаково подходящими для насыщения этой квазипотребности и разрядки имеющейся напряженной системы. *Лишь сочетание квазипотребности и конкретной ситуации определяет, какие действия будут выполнены.*

Тем самым мы обращаемся к тому типу образования понятий, который как раз в настоящее время широко распространен в биологии.

То или иное живое существо (а также отдельный орган) определяется согласно своему «генотипу» как совокупность задатков, в свою очередь характеризующихся не как тенденции к точно определенным действиям или к конкретному фенотипу, но как совокупность способов поведения, каждый из которых подчинен определенной ситуации, обусловливающей его возникновение. Одно и то же генотипическое образование в ситуации *А* ведет к фенотипическому образованию *а*, в ситуации *Б* — к фенотипу *б* и т.д.[22]

В этом смысле и квазипотребность следует определить не как напряжение, направленное на вполне определенное действие, а как указание на известный круг таких возможных действий, каждое из которых с необходимостью обусловлено определенной ситуацией.

То же самое относится и к конкретным процессам, посредством которых формируется определенная квазипотребность. Здесь также невозможно *никакое однозначное подчинение фенотипически определенному процессу возникновения;* одна и та же квазипотребность может быть, как мы видели, обусловлена фенотипически сравнительно разнородными процессами.

Вопреки обыкновению, необходимо подчеркнуть, что подобный способ образования понятий необходимо применять также к влечениям и другим видам истинных потребностей. «Нажим» потребности (исключая, может быть, случаи ярко выраженной фиксации на очень узком круге объектов) оставляет открытой определенную область конкретных возможностей осуществления действия

---

[22] К. Бюлер (см.: *Bühler C.* Bericht ьber den IX Kongreß der Gesellschaft für Psychologie 1925. Jena, 1926) для пояснения отношения между богатой изменчивостью материала рефлексов и инвариантностью инстинкта привел сравнение с транспонированием мелодии в другие тональности, однако воздержался от помещения его в прессе. На самом деле, когда определенное намерение (квазипотребность) выполняется не заранее намеченным, а каким-либо иным способом, дело вовсе не в реализации одной и той же двигательной структуры движения на другом материале. И ни в коем случае здесь не должна идти речь о замене понятия врожденности понятием привычки (см.: *Bühler C.* Ibidem. S. 15).

и *только сочетание потребности и ситуации* (которую, в свою очередь, нельзя понимать как нечто сиюминутное) *фенотипически однозначно определяет конкретный процесс.*

Резюме

Преднамеренное действие нельзя рассматривать как основной тип волевой деятельности. Скорее, оно обнаруживает все переходные формы, начиная от вполне управляемых действий и кончая неуправляемыми, импульсивными полевыми действиями. Причем наиболее характерны для преднамеренных действий как раз те случаи, которые близки к последнему типу. В целом преднамеренные действия скорее следует отнести к полевым действиям, чем к управляемым.

Этому соответствует то, что большинство управляемых (волевых) действий не нуждается в предшествующем акте намерения. Преднамеренные действия относительно редки. Они представляют собою заранее подготовленные действия. При этом в рамках управляемого в целом действия акт намерения подготавливает, как правило, *неуправляемое полевое действие.*

Действие намерения идет по двум направлениям. Одно из них связано *с образованием* или преобразованием определенного *будущего психологического поля*, другое имеет своим результатом то, что для известных психических напряжений в данный момент или позднее создается *доступ к моторной сфере*. Эти два эффекта часто проявляются вместе, временами же раздельно.

Первый из названных функциональных моментов можно обозначить как «намерение» в более узком смысле слова, другой — как «решение» в более узком смысле слова.

Решение ведет к снятию уже существующих, противоположно направленных напряжений в целостной личности или, по меньшей мере, к сдвигу внутренней ситуации в направлении подчинения процессов действия относительно согласованным напряжениям.

Другой эффект описываемых процессов (тем самым мы будем говорить об их действии в качестве *намерения* в узком смысле слова) обнаруживается, в частности, в том, что известные соответствующие случаи, которые без акта намерения оставались бы нейтральными, теперь, приобретя побудительность, ведут к определенным исполнительным действиям. Такие *соответствующие случаи* могут быть однозначно заданы, возможно даже ограничены определенным индивидуальным случаем, предопределенным в акте намерения. Точно так же *может* быть однозначно предопределен и *способ выполнения* намерения. Хотя этот случай намерения нельзя рассматривать в качестве его основного типа, даже здесь движущие силы преднамеренного действия *не удается* обнаружить в возникшем в акте намерения *феномене сцепления* между представлением соответствующего случая и выполнением действия.

Акт намерения часто оставляет более или менее неопределенными как соответствующие случаи, которые побуждают к выполнению намерения, так и сам способ его выполнения. В таких случаях, а также, как правило, и тогда, когда в акте намерения соответствующий случай был предусмотрен, намерение может направляться на самые разнообразные *ранее не предусмотренные* соответствующие случаи, которые обнаруживают ту или иную содержательную связь с этим намерением или лежащей в его основе потребностью. То же самое относится и к осуществляющим намерение действиям.

Динамически намерение следует определить как *возникновение квазипотребности*, т.е. состояния напряжения, которое обнаруживает далеко идущие параллели и реальную связь с истинными потребностями.

А) Квазипотребностям соответствует (аналогично истинным потребностям) определенный круг вещей или событий, обладающих *побудительностью*, которая сама по себе влечет к выполнению действия, удовлетворяющего потребность (выполнение этого действия насыщает квазипотребность, т.е. устраняет имеющееся напряжение).

Эти исполнительные действия могут быть очень разными для одной и той же квазипотребности, в зависимости от конкретной ситуации выполнения. Квазипотребность может побуждать к единичным или многократно повторяющимся действиям.

В) *Круг* объектов, обладающих побудительностью, зависит, помимо всего прочего, от *силы* квазипотребности. Если этот круг неестественно сужен, то налицо такое положение дел, которое соответствует *фиксации* на определенных соответствующих случаях или способах удовлетворения в случае истинной потребности. Фиксация может наступить или в результате самого акта намерения, или в результате его первого осуществления, но далеко не всегда она укрепляется вследствие повторений.

С) Первичным фактом следует считать *напряжение потребности*. Если оно достаточно сильно, то ведет: к преждевременному наступлению (прорыву) действия, если соответствующий случай не наступает; к активному поиску соответствующего случая, если он отсутствует; к возобновлению действия, если оно было прервано до своего окончания; наконец, к лучшему удержанию в памяти этих действий.

D) Если *квазипотребность насыщена*, то побудительность, как правило, исчезает, причем даже в случае фиксации (т.е. в случае особого ограничения круга побудительностей). Побудительность соответствующих случаев, которые были предусмотрены в акте намерения, обычно исчезает даже тогда, когда осуществление намерения произошло другим путем и при совершенно другом соответствующем случае, чем было предусмотрено в акте намерения.

E) Настоящее выполнение может быть заменено *замещающим выполнением* в его различных формах. В известной степени оно оказывает такой же эффект,

что и настоящее выполнение, и может вести к забыванию намерения и к невозобновлению незаконченного действия.

F) Порожденная актом намерения квазипотребность не представляет собой изолированного образования в душевной целостности, но обычно *включена* в *определенный* психический комплекс или в определенную сферу личности. Она *сообщается с другими квазипотребностями и с истинными потребностями*, которые коренятся в общих волевых целях или влечениях. Сила действенности намерения зависит от силы и центрального положения этих потребностей. Потребности, с которыми таким образом оказывается реально связана квазипотребность, не обязательно должны быть теми же самыми, которые привели к акту намерения. Действенность квазипотребности может быть заторможена противонаправленной истинной потребностью.

G) Феноменальная интенсивность акта намерения и его прочее «феноменальное облачение» решающего значения не имеют.

Б. Зейгарник

Запоминание законченных и незаконченных действий*

Намерение не просто порождает тенденцию к осуществлению намеченного действия при наступлении предусмотренного подходящего случая. Скорее, оно отвечает потребности (точнее, квазипотребности), которая и без наступления такого случая подталкивает к осуществлению намерения, и становится, таким образом, динамически эквивалентной состоянию напряжения. Зададимся вопросом: влияет ли такого рода потребность лишь на осуществление намерения, или же соответствующее состояние напряжения может проявляться и в других областях поведения чело века?

Наши опыты посвящены конкретной проблеме воздействия активных напряжений потребностного типа на определенные *результаты запоминания.*

В проводившихся до сих пор экспериментальных исследованиях памяти изучалось воздействие установленных ранее взаимосвязей между различными переживаниями на последующее воспроизведение (опыты с ассоциациями). Затем рассматривалось влияние на запоминание таких особенностей данных переживаний, как их осмысленность или бессмысленность, позитивная или негативная эмоциональная окраска, привлечение к ним внимания и т.д.

В отличие от этого, в нашей работе речь идет о воздействии актуальных потребностей, в частности, квазипотребностей, на результаты запоминания. ***Как соотносится воспоминание действий, которые были прерваны до своего завершения, с воспоминанием завершенных действий?*** Мы предполагаем, что неудовлетворенная квазипотребность оказывает влияние на процессы памяти.

Тем самым мы поднимаем вопрос, тесно связанный с понятием «забывания», которое весьма часто используется в повседневной жизни. Ведь о забывании

---

* *Левин К.* Динамическая психология. М.: Смысл, 2001. С. 427–435, 439, 449–452, 454–457, 459–460, 462–464, 466–467, 471–474, 494–495.

говорится не только в случае связанного с памятью *незнания*, но также и в случае *невыполнения* заданий или намерений. Термин «забывчивый» употребляется почти исключительно именно в этом смысле.

Опыты проводились в течение 1924—1926 годов в Психологическом институте Берлинского университета, небольшая их часть — в литовском городе Пренай. В индивидуальных опытах участвовало 164 испытуемых (студентов, учителей и детей). Кроме того, были проведены два групповых опыта, первый из них — с 47 взрослыми, второй — с 45 школьниками 13—14 лет.

Я хочу выразить здесь сердечную благодарность моему учителю, д-ру Курту Левину за руководство работой и за его всестороннюю помощь.

О причинах лучшего воспроизведения незаконченных действий

Описание опытов и основных их результатов

Общая методика опытов

Экспериментатор давал испытуемому следующую *инструкцию*: «Сейчас вы получите ряд заданий, которые вам надо будет как можно лучше и быстрее выполнить»[1]. После этого испытуемому последовательно, одно за другим, предлагалось выполнить от 18 до 22 заданий, однако ему не давали возможности довести до конца все задания. Половину из них экспериментатор прерывал до их завершения.

Завершенные и прерванные задания следовали в порядке, который испытуемый не мог предусмотреть, например, после двух незавершенных заданий шли два законченных, затем одно незавершенное, затем два законченных и т.д. После того как последнее задание забиралось у испытуемого, экспериментатор спрашивал его: «Скажите, пожалуйста, какие задания Вы выполняли в ходе опыта?»

(Если бы результаты работы, использовавшиеся в ходе ее материалы или орудия, например, карандаш, оставались лежать на столе, то их восприятие оказывало бы влияние на воспоминание. Поэтому и продукты работы, и использовавшийся материал *прятались*, причем так, что испытуемый не обращал на это внимания: под тем предлогом, что на столе большой беспорядок, экспериментатор всякий раз убирал законченные или незаконченные результаты работы в ящик стола.)

Время перечисления заданий экспериментатором не ограничивалось. Испытуемый занимался этим до тех пор, пока не останавливался сам. Экспериментатор записывал называвшиеся задания в порядке их перечисления испытуемым.

[1] Испытуемые ничего не знали о цели опытов.

Нередко после относительно беглого перечисления наступала определенная заминка — пауза, во время которой испытуемый пытался вспомнить остальные задания. Выведенные нами количественные соотношения относятся прежде всего к тем заданиям, которые были перечислены до этой заминки[2]. Задания, припомненные после заминки, учитывались отдельно. Стоит сразу отметить, что включение в подсчеты заданий, воспроизведенных после заминки, лишь незначительно изменяет общие результаты.

По окончании опыта испытуемые должны были написать *самоотчет*. Сначала они свободно описывали свои переживания. Затем их просили подробнее остановиться на прерывании заданий и их перечислении. И наконец, их спрашивали о том, какие задания они восприняли как интересные или неинтересные, как приятные или неприятные. Помимо этого, в нашем распоряжении находятся *«полуспонтанные» высказывания*, сделанные испытуемыми в ходе эксперимента.

Задания, которые должны были выполнить испытуемые, отчасти относились к ручному труду (например, склеивание коробочек или вылепливание фигурки из пластилина), отчасти — к решению интеллектуальных задач (выполнение математического задания или отгадывание загадки); кроме того, были еще и задания другого характера (например, записать текст какого-нибудь стихотворения). Каждое отдельное задание должно быть не слишком коротким, чтобы у испытуемого было время действительно погрузиться в работу. Большинство заданий длились примерно 3—5 минут, лишь некоторые задания занимали 1—2 минуты или решались еще быстрее. Кроме того, надо было следить за тем, чтобы в течение сеанса испытуемому не встречалось двух похожих заданий.

Описание заданий

Ниже дано краткое описание всех заданий, использовавшихся в наших опытах. (Психологическая характеристика заданий, там, где она необходима, будет дана позднее.)

Задание 1. *Записать стихотворение*, выбранное самим испытуемым.

Задание 2. *Лепка*. Вылепить из пластилина любое животное.

Задание 3. *Нарисовать вазу с цветами* по своему вкусу. Испытуемый не должен делать набросков или рисовать несколько ваз — только одну.

Задание 4. *Начертить монограмму:*

а) испытуемый должен один раз начертить свою монограмму.

б) испытуемый должен нарисовать несколько вариаций своей монограммы.

Задание 5. *Писать печатными буквами:*

а) испытуемый должен написать печатными буквами свое имя и адрес.

[2] По поводу содержательных оснований этого см. ниже.

б) испытуемый должен переписать печатными буквами небольшой отрывок из книжки.

Задание 6. *Копирование какой-нибудь корреляционной таблицы* (типа нашей табл. 2).

Задание 7. *Начертить план* одного из кварталов Берлина (Университет — Унтер ден Линден — Замок).

Задание 8. *Рисование крестиков:*

а) заполнить крестиками эллипс (с осями 3 и 6 *см*).

б) заполнить крестиками лист бумаги.

Задание 9. *Заполнение спирали кружочками.* На листе бумаги нарисована двойная спираль. Испытуемый должен всю ее заполнить мелкими кружочками.

Задание 10. *Продолжение ячеек по образцу.* Испытуемый должен продолжать начатый орнамент из ячеек до тех пор, пока не заполнит весь листок бумаги (примерно половину обычного листа)[3].

Задание 11. *Нанизывание бусинок* на нитку. Бусинки отличаются друг от друга по цвету и величине, выбор узора оставлен на усмотрение испытуемого.

Задание 12. *Наматывание ниток.* Испытуемый должен определенным образом непрерывно наматывать нитки с катушки на штырьки особой проволочной конструкции.

Задание 13. *Прокалывание дырочек.* В листке бумаги надо булавкой прокалывать рядами дырочки на расстоянии 2—3 *мм* друг от друга.

Задание 14. *Нумерование* большого количества листов бумаги.

Задание 15. *Плетение.* Из проволоки надо сплести косичку длиной 20 *см.* Испытуемый должен сам измерять длину косички линейкой.

Задание 16. *Плетение из серпантина.* Испытуемому дают 2 мотка узкой бумаги (серпантина) и он должен сплести из них гирлянду.

Задание 17. *Корректурная проба.* Дается текст, в котором надо подчеркнуть все *л* и *н*.

Задание 18. *Составить осмысленное предложение* из слов: облако, ненависть, проволока, стол.

Задание 19. *Считать назад от 55 до 17.*

Задание 20. *Умножение.* Перемножить в столбик числа 5 457 и 6 337.

Задание 21. *Извлечь квадратный корень* из числа 18 769.

Задание 22. *Арифметическая задача.* Испытуемый должен найти пятизначное число, обладающее следующим свойством: если приписать к нему 1 сзади, оно будет в три раза больше, чем если приписать к нему 1 спереди.

Задание 23. *Загадка.*

а) Найти и записать название немецкого города и фамилию немецкого писателя, начинающиеся с одной и той же буквы и состоящие из 7 букв.

б) найти немецкого философа, немецкий город и немецкого актера, имена которых начинаются с одной и той же буквы. Количество букв в каждом слове задавалось черточками.

Задание 24. Написать названия *12 городов*, начинающиеся на букву К.

---

[3] См.: *Rupp H.* Über optische Analyse // Psychologische Forschung. 1923. B. 4. S. 263.

Задание 25. *Решить задачу со спичками:*
а) На столе выложены 9 квадратов из спичек, составляющие вместе 1 большой квадрат. Испытуемый должен убрать 4 спички так, чтобы осталось 5 квадратов.
б) Задание 25а предъявляется испытуемому нарисованным на бумаге. Испытуемый должен так зачеркнуть 4 стороны маленьких квадратов, чтобы осталось 5 целых маленьких квадратов.

Задание 26. *Построить из складной линейки пятиконечную звезду.* В качестве образца в распоряжении испытуемого имеется рисунок.

Задание 27. *Тест на складывание.*
а) Сложить фигуру из полоски бумаги[4]. Испытуемому дается уже сложенный образец, который он не имеет права разворачивать.
б) Сложить шлем.

Задание 28. *Сплести стул.* Спичечный коробок разрезан на узкие полоски. Из этих полосок испытуемому нужно сплести стул.

Задание 29. *Вырезать спираль из большого листа бумаги.*

Задание 30. *Сделать коробочку с крышкой.* В качестве орудий и материала в распоряжении испытуемого имеются: картон, ножницы, линейка и карандаш.

Задание 31. *Наклеивание.* Испытуемому дается небольшой рисунок размером с открытку и листок бумаги, на котором в беспорядке разными цветами нарисованы отдельные части этого рисунка. Обратная сторона листка бумаги покрыта клеем. Испытуемому нужно вырезать отдельные детали и наклеить их на соответствующее место рисунка.

Задание 32. *Упаковать коробку.* Сделать маленькую посылку из коробки из-под сигарет, бумаги и шпагата.

Задание 33. *Выпрямить проволоку.* Испытуемый должен распрямить проволоку, сложенную в виде банта.

Задание 34. *Задание с ковриком.*
а) Испытуемый получает много маленьких (длиной 3—4 см) разноцветных кусочков бумаги разной формы. Эти кусочки он должен уложить так, чтобы получился узор для ковра.
б) Сплести коврик из разноцветных полосок бумаги.

Задание 35. *Складывание из треугольников.* Испытуемый получает 30 треугольников, различных по форме и величине. У каждого треугольника есть парный, и если их сложить, то получится четырехугольник. Испытуемый должен выбирать одинаковые треугольники и складывать из них четырехугольники.

Задание 36. *Конструирование ландшафта.* Для выполнения этого задания испытуемый получает вырезанных из разноцветного картона животных, деревья, дома и людей.

Задание 37. *Складывание мозаичной картины.* На небольшие кусочки фанеры разной формы и величины наклеены отдельные фрагменты картины. Испытуемый должен, пользуясь образцом, сложить из кусочков исходную картину.

---

[4] Ср. *Rupp H.* Untersuchung zur Lehrlingsprüfung // Psychotechnische Zeitschrift. 1925. B. 2. Из этой же работы взяты задания 33 и 40.

Задание 38. *Складывание открытки.* Открытка разрезана на кусочки неодинаковой формы. Испытуемому надо склеить из этих кусочков исходную открытку. Образца здесь нет.

Задание 39. *Задание с шарами.* Испытуемый получает много разноцветных шаров, в которых в четырех местах по концам перпендикулярных друг другу диаметров просверлены отверстия, а также стержни, подходящие к этим отверстиям. Задача испытуемого состоит в том, чтобы сложить из этих шаров и стержней фигуру, нарисованную на листе бумаги.

Задание 40. *Разворачивание флага.* Надо нарисовать флаг, развернув его в плоскости бумаги на 90, 180, 270 и 360 градусов.

Задание 41. *Разборка* склеенного из картона домика.

Задание 42. *Задание с кубиком.* Нарисовать эскиз кубика, стоящего на одной из своих вершин.

Задание 43. *Сосчитать* большое количество *крестиков*, нарисованных на бумаге.

Опыты серии I

Испытуемому предъявляется 22 задания в следующем порядке: 1. Монограмма. 2. адание со складной линейкой. 3. Наматывание ниток. 4. Нанизывание бусинок. 5. Стихотворение. 6. Спираль. 7. Тест на складывание. 8. Заполнение эллипса крестиками. 9. Задание со спичками. 10. Сделать коробочку. 11. Составление четырехугольников. 12. Обратный счет. 13. Рисование вазы. 14. Разворачивание флага. 15. Продолжение узора из ячеек. 16. Умножение. 17. Плетение стула. 18. Выпрямление проволоки. 19. Складывание коврика. 20. Плетение. 21. Загадка. 22. Печатание.

Поскольку каждый из испытуемых получал и те задания, которые он доводил до конца, и те, выполнение которых прерывалось, то разница в их запоминании не может быть объяснена индивидуальными особенностями испытуемых.

Однако, если бы у всех испытуемых прерывались одни и те же задания, то эта разница могла бы определяться особенностями самих *заданий,* независимо от того, доводится ли это задание до конца, или прерывается. Поэтому мы разделили всю совокупность заданий на две равные группы, *a* и *b*. Половина испытуемых доводила до конца задания группы *a*, другая половина — задания группы *b*, так что в конечном итоге каждое задание одинаково часто встречалось как в «законченном», так и в «незаконченном» виде.

(Ниже мы будем для краткости называть задание, доведенное до конца, «законченным», а задание, которое прерывается экспериментатором до его завершения, — «незаконченным».)

К группе *a* относятся задания: 1, 3, 6, 7, 10, 11, 13, 16, 17, 20, 22. Остальные задания относятся к группе *b*.

Результаты опытов представлены в табл. 1.

Таблица 1

Соотношение запомненных незаконченных и законченных заданий (ЗН/ЗЗ) в опытах первого типа. Данные представлены в порядке убывания коэффициента ЗН/ЗЗ у испытуемых

Ранг по *ЗН/ЗЗ*	Испы-туемые	Задания				Средние арифметические значения по группам			
		ΣЗ	*ЗН*	*ЗЗ*	*ЗН/ЗЗ*	*ΣЗ*	*ЗН*	*ЗЗ*	*ЗН/ЗЗ*
1	Wd.	7	6	1	**6**				
2	Be.	9	7	2	**3,5**				
3	St.	13	10	3	**3,3**				
	Jf.	8	6	2	**3,0**	*9,1*	*7*	*2,1*	*3,5*
5	M.	8	6	2	**3,0**				
	Eu.	12	9	3	**3,0**				
7	Pl.	7	5	2	**2,5**				
	Paj.	9	6	3	**2,0**				
	Gin.	9	6	3	**2,0**				
10	Hf.	6	4	2	**2,0**				
	Pt.	15	10	5	**2,0**				
	Ml.	12	8	4	**2,0**	*10,8*	*7*	*3,8*	*1,9*
	Dm.	11	7	4	**1,75**				
14	V.	11	7	4	**1,75**				
	Git.	11	7	4	**1,75**				
16	Dm. E.	13	8	5	**1,6**				
	Ml. R.	15	9	6	**1,5**				
	Jn.	10	6	4	**1,5**				
19	Rm.	15	9	6	**1,5**				
	Gld.	10	6	4	**1,5**				
	Jic.	10	6	4	**1,5**	13,3	7,8	5,5	1,4
	Ml. E.	12	7	5	**1,4**				
23	Kur.	19	11	8	**1,4**				
	Hn.	12	7	5	**1,4**				
25,5	Glk.	16	9	7	**1,3**				
	Jnk.	14	8	6	**1,3**				
	Gl.	12	6	6	**1,0**				
28	Wlt.	12	6	6	**1,0**	*11,3*	*5,7*	*5,7*	*1,0*
	Schn.	10	5	5	**1,0**				
30,5	Sim.	11	5	6	**0,8**				
	Fr.	9	4	5	**0,8**	*9,0*	*4,0*	*5,0*	*0,8*
32	Sim.H.	7	3	4	**0,75**				
	Среднее арифме-тическое	*11,1*	*6,8*	*4,25*	**1,9***				

ΣЗ = общее количество запомненных заданий;
ЗН = количество запомненных незаконченных заданий;
ЗЗ = количество запомненных законченных заданий;
ЗН/ЗЗ = отношение числа запомненных незаконченных заданий к числу запомненных законченных заданий.
* Среднее арифметическое отношения *ЗН/ЗЗ* не равно отношению средних арифметических *ЗН* и *ЗЗ*.

Для того, чтобы выявилась разница в запоминании незаконченных и законченных действий, необходимо выбрать такую методику обработки результатов, которая позволит в возможно большей степени сгладить индивидуальные различия в качестве памяти отдельных испытуемых. Поэтому следует сравнивать, сколько незаконченных и сколько законченных заданий запомнил каждый из испытуемых, и определять не разницу этих величин, а их отношение.

Если бы законченные и незаконченные задания запоминались одинаково хорошо, то, поскольку оба типа заданий встречаются с одинаковой частотой, коэффициент отношения числа запомненных незаконченных заданий (*ЗН*) к количеству запомненных законченных заданий (*ЗЗ*) был бы равен 1.

Поэтому *отклонение коэффициента (ЗН/ЗЗ) от 1* можно считать мерой лучшего или, наоборот, худшего воспроизведения незаконченных заданий. Если, например, коэффициент *ЗН/ЗЗ* = 1,5, это означает, что незаконченные задания запоминались на 50 % (по отношению к *ЗЗ*) лучше, чем законченные. При *ЗН/ЗЗ* = 3 незаконченные задания запоминались на 200 % лучше, чем законченные.

Таблица 2

ЗН/ЗЗ для отдельных заданий в опытах типа I

Задание	Σ *З*	*ЗН*	*ЗЗ*	ЗН/ЗЗ
Рисование вазы*	17	14 (17)	3 (15)	*4,1*
Проволока	10	8	2	*4*
Стихотворение	18	14	4	*3,5*
Загадка*	19	15 (17)	4 (15)	*3,3*
Флаг	10	7	3	*2,3*
Коробочка*	22	16 (17)	6 (15)	*2,3*
Счет	7	5	2	*2,5*
Спираль	15	10	5	*2*
Задание с ковриком	20	13	7	*1,9*
Складывание	13	8	5	*1,6*
Эллипс	21	13	8	*1,6*
Стул	18	11	7	*1,6*
Орнамент из ячеек*	14	8 (17)	6 (15)	*1,2*
Треугольники	14	8	6	*1,3*
Складная линейка	21	12	9	*1,3*
Плетение косички	13	7	6	*1,2*
Печатание	17	9	8	*1,1*
Бусы	24	12	12	*1*
Наматывание ниток	14	7	7	*1*
Задание со спичками	19	9	10	*0,9*
Монограмма	17	8	9	*0,9*
Умножение*	12	5 (15)	7 (17)	*0,8*
Среднее арифметическое	*16*	*9,8*	*6,1*	***1,9***

* Это задание неодинаково часто встречалось в качестве законченного и в качестве незаконченного, поэтому при вычислении *ЗН/ЗЗ* необходимо *ЗН* разделить на Σ*Н* (число в скобках), а *ЗЗ* — на Σ*З* (число в скобках).

Если коэффициент *ЗН/ЗЗ* = 0,8, это значит, что незаконченные действия запоминались на 20 % хуже, чем законченные.

Таблица 1 показывает нам, что ***незаконченные задания воспроизводятся лучше, чем законченные.***

Среднее арифметическое значение *ЗН/ЗЗ* составило в наших опытах *1,9*, иначе говоря, ***незаконченные задания*** запоминались ***на 90 % лучше,*** чем законченные. Отклонения от среднего значения вверх достигают значения 6 (что соответствует лучшему запоминанию незаконченных действий на 500 %), отклонения вниз — лишь 0,75 (что соответствует худшему запоминанию незаконченных действий на 25 %).

Преимущество незаконченных действий с точки зрения запоминания обнаруживается еще и в том, что из 32 испытуемых для 26 *ЗН/ЗЗ* > 1, для 3 испытуемых *ЗН/ЗЗ* = 1, и лишь для 3 испытуемых *ЗН/ЗЗ* < 1.

Пока мы воздержимся от детального обсуждения индивидуальных различий между испытуемыми. Лишь в конце второй части (глава VII) мы обратимся к вопросу о том, указывает ли коэффициент *ЗН/ЗЗ* на ту или иную характерную особенность данного индивида.

То, что незаконченные действия запоминаются значительно лучше, чем законченные, показывает и сравнение результатов для отдельных *заданий* (табл. 2). Из 22 заданий для 17 *ЗН/ЗЗ* > 1, для 2 заданий *ЗН/ЗЗ* = 1, и лишь для трех заданий *ЗН/ЗЗ* < 1.

Рис. 1. Кривая частоты воспроизведения незаконченных (сплошная линия) и законченных (пунктирная линия) заданий

Очевидное преимущество незаконченных действий с точки зрения запоминания становится еще более явным, если учесть, что законченные действия оказываются в более выгодных условиях для запоминания, поскольку испытуемые в среднем занимались ими в течение более длительного времени. Полученные результаты не могут быть объяснены случайными особенностями заданий, поскольку, как мы уже указывали, каждое задание встречалось одинаково часто и в качестве незаконченного, и в качестве законченного

Кривая частоты (рис. 1) показывает, как часто запоминалось испытуемыми определенное число законченных (пунктирная линия) и незаконченных (сплошная линия) заданий. Кривая частоты вспоминания незаконченных заданий сдвинута вправо — в сторону больших чисел.

Перевес незаконченных заданий над законченными обнаружился не только в количестве запомненных заданий, но еще и в том *месте*, которое они занимали при *перечислении* заданий испытуемыми при опросе. В первую очередь испытуемые чаще всего называли именно незаконченные действия (табл. 3). Даже если скорректировать вычисления с учетом того, что незаконченные действия назывались испытуемыми чаще (см. столбец со скорректированными значениями), окажется, что ***незаконченные задания назывались на первом месте в три раза чаще***, чем законченные. На втором месте незаконченные задания также назывались существенно чаще, но далее это отношение менялось на противоположное. Таким образом, незаконченные задания не только лучше запоминались, но и ***выступали при опросе на первый план во временной последовательности***.

Таблица 3

Порядок вспоминания заданий 14 испытуемыми (опыты типа I)

Номер места, на котором вспоминалось задание	Нескорректированные значения		Скорректированные значения*		
	Н-задания	*З*-задания	*Н*-задания		*З*-задания
1	12	2	**12**	>	**3,8**
2	10	4	**10**	>	**7,6**
3	9	5	9		9,5
4	10	4	10		7,6
5	9	5	9		9,5
6	6	5	6		9,5
7	5	5	6		9,5
8	3	3	**3**	<	**5,7**
9	2	3	**2**	<	**5,7**
10	2	1	2		1,9
11	2	—	2		—
12	—	1	—		1,9

* Скорректированные значения показывают ту относительную частоту, с которой бы назывались на каждом месте законченные и незаконченные задания, если устранить различия общей частоты *ЗН* и *ЗЗ* (значения *ЗЗ* умножались на число 1,9, соответствующее коэффициенту *ЗН/ЗЗ*).

Приведенные до сих пор таблицы содержат лишь задания, названные испытуемыми до паузы (см. выше). То, что включение заданий, называвшихся после паузы, не меняет результаты сколько-нибудь существенным образом, показывает табл. 4. В ней для испытуемых, которые делали паузу, приведены

Таблица 4

Значения *ЗН/ЗЗ* для одних и тех же испытуемых без учета и с учетом заданий после паузы (опыты типа I)

Испытуемые	До паузы				До и после паузы			
	ΣЗ	*ЗН*	*ЗЗ*	*ЗН/ЗЗ*	*ΣЗ*	*ЗН*	*ЗЗ*	*ЗН/ЗЗ*
Nd.	7	6	1	*6,0*	9	6	3	*2,0*
Eng.	12	9	3	*3,0*	13	9	4	*2,25*
M.	8	6	2	*3,0*	10	7	3	*2,30*
Pl.	7	5	2	*2,5*	9	7	2	*3,50*
Pog.	9	6	3	*2,0*	10	7	3	*2,30*
Ginsb.	9	6	3	*2,0*	12	7	5	*1,40*
Goto.	12	8	4	*2,0*	13	9	4	*2,25*
Hn.	6	4	2	*2,0*	13	8	5	*1,60*
D.	11	7	4	*1,75*	10	6	4	*1,50*
Get.	11	7	4	*1,75*	13	8	5	*1,60*
Lk.	10	6	4	*1,50*	11	7	4	*1,75*
R.	15	9	6	*1,50*	16	9	7	*1,30*
Ml.	12	7	5	*1,40*	14	8	6	*1,30*
Gl.	12	6	6	*1,0*	15	6	9	*0,70*
Sim.	11	5	6	*0,80*	12	5	7	*0,70*
Среднее арифметическое	10,1	6,5	3,7	**2,1**	12	7,3	4,7	**1,8**

оба значения (без учета заданий, называвшихся после паузы, и с учетом этих заданий).

При учете заданий, воспроизведенных после паузы, значение коэффициента З*Н/ЗЗ* уменьшается очень незначительно и по-прежнему указывает на существенное превосходство незаконченных заданий (на 80 %). <...>

Теоретические возможности

Возникает вопрос: чем можно объяснить обнаруженное нами преимущество незаконченных заданий по сравнению с законченными? <...>

Нам надо выяснить, какие реальные психологические различия между законченными и незаконченными заданиями существуют в момент опроса.

В тот момент, когда испытуемый, следуя инструкции, намеревается выполнить задание, возникает квазипотребность, сама по себе побуждающая его к завершению этого задания. С динамической точки зрения этот процесс соответствует возникновению напряженной системы, которая стремится к разрядке. А завершение задания оказывается разрядкой этой напряженной системы или удовлетворением квазипотребности. Когда задание прерывается, сохраняется остаточное напряжение, квазипотребность остается неудовлетворенной.

Естественным способом удовлетворения этой потребности было бы завершение прерванного задания. И действительно, когда незаконченная работа по недосмотру экспериментатора остается лежать на столе, испытуемые часто берутся за нее, чтобы ее закончить[5].

У маленьких детей, у которых *ЗН/ЗЗ* намного выше, чем у взрослых, потребность закончить действие и, следовательно, *тенденция к возобновлению действия* также намного сильнее. Нередко наблюдались случаи, когда дети приходили к экспериментатору через два или три дня после опыта и просили разрешения закончить задание. (Является ли задание приятным или интересным, почти не играет роли; все решает стремление к завершению действия. Это видно из того обстоятельства, что мы ни разу не наблюдали случаев, когда ребенок хотел бы повторить законченное, пусть и очень интересное, задание.)

В наших опытах естественный путь разрядки напряженных систем, а именно, завершение действия, был запрещен экспериментатором, так что напряжение сохранялось. И если решающими для полученных нами результатов оказались не переживания, связанные с самим актом прерывания, а фактическая незавершенность действия к моменту опроса, то это означает, что *сохранившаяся квазипотребность служит также и причиной преимущества незаконченных действий при запоминании.*

Значит, напряжение потребностного типа не только непосредственно побуждает к завершению задания, но и имеет своим следствием преимущество при последующем припоминании. И это припоминание играет здесь роль *индикатора существования напряжения потребностного типа.*

То, каким образом такого рода напряжения должны проявляться в процессах припоминания, обладающих совсем другой природой, можно будет вывести лишь из общей теории психической динамики, которой предстоит, в частности, решить, является ли процесс припоминания одновременно и разрядкой соответствующего напряжения.

Мы видим, что решающее значение для лучшего запоминания незаконченных действий имеет не переживание, окрашивающее задание в момент прерывания, но совокупность сил, действующих в момент опроса.

Однако, напряжения потребностного типа, связанные с выполнявшейся ранее работой, вовсе не единственный среди этих сил динамический фактор. Ведь есть еще и инструкция экспериментатора перечислить задания, благодаря которой у испытуемого возникает *стремление к воспроизведению*, т.е. квазипотребность перечислить все задания.

Итак, общая ситуация при опросе в конце опыта с динамической точки зрения выглядит следующим образом: у испытуемого имеется возникшая бла-

---

[5] См.: *Ovsiankina M.* Die Wiederaufnahme von unterbrochenen Handlungen // Psychologische Forschung. 1928. B. 11. S. 302–379.

годаря инструкции квазипотребность перечислить все задания, а наряду с ней существует ряд квазипотребностей, связанных с незаконченными действиями, а именно неудовлетворенные напряжения потребностного типа.

То, в какой степени эти напряжения влекут за собой преимущество незаконченных заданий при их воспроизведении, должно зависеть от *соотношения сил* обоих этих основополагающих факторов. Если господствующее положение занимает вызванное инструкцией стремление к воспроизведению, то *относительное* преимущество незавершенных заданий должно отступить на второй план (*ЗН* должно быть примерно равно *ЗЗ*). С другой стороны, чем слабее выражено намерение перечислить все задания, тем в более явном виде должно выступить относительное преимущество незаконченных заданий, основывающееся на соответствующих им квазипотребностях. В этом случае степень преимущества незаконченных действий по сравнению с законченными будет, в основном, зависеть лишь от силы квазипотребности, отличающей у данного конкретного испытуемого незаконченные действия от законченных.

Таким образом, возникают два вопроса: 1. Вопрос о значении стремления к воспроизведению при перечислении; и 2. Вопрос о природе и строении напряжений потребностного типа, связанных с незаконченными действиями.

Стремление к воспроизведению и ситуация опроса

Различное понимание испытуемыми ситуации воспроизведения

Просьбу экспериментатора перечислить задания разные испытуемые воспринимали по-разному.

1. Перечисление — это не связанное с какой-либо самостоятельной целью *простое «рассказывание»* о том, что было.

2а. Перечисление — это *проверка памяти*, еще одно самостоятельное задание наряду с предшествующими двадцатью двумя заданиями.

2б. Это новое двадцать третье задание может представить весь предшествовавший опыт в новом свете: *весь опыт* внезапно превращается в проверку памяти. <...>

Влияние различных установок по отношению к опросу на величину коэффициента ЗН/ЗЗ

Различное понимание опроса влечет за собой различное по интенсивности стремление к воспроизведению, которое оказывает воздействие на соотношение запомненных законченных (*ЗЗ*) и незаконченных (*ЗН*) действий у разных испытуемых.

Если испытуемые первой группы, для которых перечисление заданий есть лишь «рассказ о том, что только что было», *не старались* вспомнить по возможности все задания, а скорее предавались их «спонтанному потоку», то испытуемые второй группы прилагали все силы к тому, чтобы назвать *как можно больше* заданий. Эти испытуемые стремились показать, какая у них хорошая память. Поскольку они воспринимали перечисление как отдельное, причем особо важное, задание, здесь действовали те же силы, которые были решающими при выполнении других заданий, причем с еще большей интенсивностью, если это вообще возможно. Испытуемые хотели, прежде всего, продемонстрировать, на что они способны, показать, как высока их работоспособность. Вместо высказываний типа: «Я и не думал, что я такой неловкий», встречавшихся при выполнении ручных заданий, мы находим фразы типа: «Неужели у меня такая плохая память!..». Или же мы сталкиваемся с другим, неявным выражением честолюбия в форме предупреждения: «Я заранее говорю Вам, что у меня плохая память», — представлявшего собой смесь извинения и самооправдания.

Поскольку для этих испытуемых перечисление выступает заданием, которое они хотят как можно лучше довести до конца, то, пока они не перечислят *все*, это задание остается для них *незаконченным*. И перечисление они так же не хотят оставить незаконченным, как и все прежние задания. Поэтому они прибегают к различным мнемотехническим средствам, например, распределяют задания по содержательным группам.

У испытуемых первой группы, для которых перечисление заданий оказывается «простым рассказыванием», оно не характеризуется такого рода «незаконченностью».

В принципе, можно было бы ожидать, что различная интенсивность стремления к воспроизведению в равной мере затрагивает и законченные, и незаконченные действия, так что коэффициент *ЗН/ЗЗ* остается неизменным. Однако при ограниченном числе заданий любое увеличение общего числа названных заданий, приближающее к объективному максимуму (называнию всех заданий), влечет за собой сближение значений *ЗН* и *ЗЗ*, поскольку оба вида заданий встречаются в эксперименте с одинаковой объективной частотой. Особенно сильно выраженное стремление к воспроизведению ведет к увеличению общего числа перечисленных заданий и, тем самым, к снижению значения коэффициента *ЗН/ЗЗ*, поскольку *ЗН* уже находится около максимума, и возрастать может лишь *ЗЗ*.

Помимо всего прочего, отсюда следует, что общее число заданий в такого рода опытах не должно быть *слишком мало*. Если бы испытуемому предъявлялось такое количество заданий, что при опросе он мог бы достаточно хорошо удерживать их все в сознании, то сильное преимущество незаконченных заданий не могло бы проявиться.

При рассмотрении ситуации с динамической точки зрения, существующие соотношения выглядят следующим образом: при установке испытуемого продемонстрировать как можно более высокую способность к запоминанию, связанные с незаконченными действиями квазипотребности, даже если они и сильны, могут оказывать на коэффициент *ЗН/ЗЗ* лишь относительно слабое воздействие. Это означает, что разные по силе квазипотребности не будут вести к разным значениям *ЗН/ЗЗ*, причем эта тенденция будет тем более выражена, чем в большей степени на ситуацию влияет сильное стремление к воспроизведению, действующее в том же направлении. <...>

В табл. 5 результаты испытуемых, которые, судя по их поведению в целом и по данным самонаблюдения, явно рассматривают перечисление заданий как ***проверку памяти*** (2а и 2б), сопоставлены с результатами просто ***«рассказывающих»*** испытуемых. Как видно из таблицы, во втором случае коэффициент *ЗН/ЗЗ* гораздо больше (2,8 вместо 1,5), причем именно в силу разницы значений *ЗЗ* (3 и 5,5).

Таблица 5

Сопоставление результатов испытуемых, вспоминавших задания целенаправленно и в контексте рассказа

Испытуемые	Перечисление как проверка памяти			Испытуемые	Перечисление как рассказ		
	ЗН	*ЗЗ*	*ЗН/ЗЗ*		*ЗН*	*ЗЗ*	*ЗН/ЗЗ*
Gin.	6	3	*2*	Vl.	6	1	*6*
V.	7	4	*1,75*	Bl.	7	2	*3,5*
Ml.R.	9	6	*1,5*	St.	10	3	*3,3*
Gld.	6	4	*1,5*	M.	6	2	*3*
Rw.	9	6	*1,5*	Bu.	9	3	*3*
Kr.	11	8	*1,4*	Pl.	5	2	*2,5*
Jw.	8	6	*1,3*	Mez.	8	4	*2*
Glk.	9	7	*1,3*	Dm.	7	4	*1,75*
				H.	6	4	*1,5*
				Un.	7	5	*1,4*
Среднее арифметическое	*8*	*5,5*	***1,5***	Среднее арифметическое	*7,1*	*3*	**2,8**

Сильно выраженное стремление к воспроизведению несколько увеличивает и *ЗН*, однако, в силу рассматривавшихся ранее причин это увеличение оказывается едва заметным. На коэффициент *ЗН/ЗЗ* это увеличение *ЗН* влияет в направлении сглаживания разницы между обеими группами испытуемых. <...>

О природе и строении квазипотребностей, связанных с незаконченными действиями

О значении различных типов действия

Внешне законченные, но внутренне незавершенные задания

После того, как мы обсудили ситуацию в момент опроса, т.е. в тот момент, когда напряжения воздействуют на воспроизведение, обратимся к рассмотрению возникновения самих этих напряжений потребностного типа и их природы.

Прежде всего, следует отметить, что наше предположение о воздействии неудовлетворенных квазипотребностей основывается не только на количественном преимуществе незаконченных действий при воспроизведении. Как отчетливо показывают приведенные выше описания поведения испытуемых, существование квазипотребности обнаруживается уже в *сопротивлении* испытуемых прерыванию действия и в *тенденции к возобновлению* действия.

Далее, можно указать еще и на то, что у детей, у которых тенденция к повторному возобновлению действия выступает в наших опытах в гораздо более чистом и явном виде, преимущество незаконченных действий с точки зрения запоминания также существенно больше, чем у взрослых (*ЗН/ЗЗ* составляет у детей 2,5, а у взрослых — 1,9).

Если наш тезис о квазипотребностях верен, то решающей для значения *ЗН/ЗЗ* должна быть не степень *внешней* завершенности задания, но мера напряженности квазипотребности, соответствующей этому заданию. Готовая внешне работа не всегда действительно *внутренне* завершена для испытуемого.

Субъективно неготовые задания

Перед тем, как отдать экспериментатору выполненное задание, испытуемый часто колеблется. С одной стороны, ему уже хочется отдать выполненное в общих чертах задание, однако, с другой стороны, у него еще остается ощущение неудовлетворенности, ему хочется усовершенствовать отдельные детали. Он протягивает задание и вдруг отдергивает его назад: «Нет, оно еще не готово». У некоторых испытуемых такие колебания происходят даже несколько раз. Как правило, экспериментатор не вмешивался, не требовал, чтобы испытуемый отдал задание, и даже выражал свое согласие с вносимыми улучшениями. Например, при выполнении задания сконструировать ландшафт (№ 36), экспериментатор мог сказать: «Да, Вы правы, теперь, когда Вы поставили кур левее, действительно стало лучше».

В некоторых случаях экспериментатор вел себя иначе. Заметив, что испытуемый все еще возится с заданием, он спрашивал: «Вы готовы?». Это говорилось полувопросительным, полуутвердительным тоном, так что у испытуемого

складывалось впечатление, будто экспериментатор думает, что задание должно быть уже выполнено.

В таких случаях реакция испытуемых могла быть двоякой:

1) испытуемый отвечал: «Нет, я еще не доделал, мне надо еще вот здесь улучшить», доделывал задание и затем, нанеся последний штрих, передавал полностью законченную работу экспериментатору.

2) вопрос экспериментатора побуждал испытуемого завершить работу над заданием: либо он решал, что тратит слишком много времени, либо просто откладывал задание после вопроса экспериментатора, не отдавая себе ясного отчета в том, почему он это делает. Иногда испытуемый делал еще какое-нибудь быстрое движение, чтобы хоть немного улучшить результат, однако сам тут же отдавал задание. Типичными для таких случаев были следующие высказывания испытуемых: «Конечно, это еще не совсем красиво, но сойдет!», «На сегодня сойдет!», «Ладно, ведь особая точность деталей здесь не обязательна!». Несмотря на это, задание остается для испытуемого не вполне законченным, у него сохраняется *неудовлетворенность* тем, как он его выполнил. И при перечислении обнаруживается, что такого рода задания лучше сохраняются в памяти, чем те законченные задания, выполнением которых испытуемый был удовлетворен.

Задания, результатами выполнения которых испытуемый остался не удовлетворен

Еще один тип неудовлетворенности, который не стоит смешивать с только что обсуждавшимся, обнаруживается, когда испытуемый *не удовлетворен качеством достигнутого результата* субъективно завершенной работы. Это бывает в тех случаях, когда либо задание превышает силы испытуемого (мы обсудим это позднее), либо испытуемый считает, что во второй раз он выполнил бы это задание лучше. Такая неудовлетворенность заставляет испытуемого субъективно находиться в ситуации, подобной той, которая образуется после прерывания задания. А именно, у него возникает потребность выполнить данное задание повторно.

И действительно, эти задания удерживались в памяти лучше, чем обычные законченные. Реально они запоминались даже лучше, чем среднее незаконченное задание. В наших опытах наблюдалось 35 случаев такого рода. В 26 из них соответствующее задание запомнилось. Это составляет 74 %, в то время как обычно законченные задания запоминались в среднем лишь в 43 % случаев, незаконченные — в 57,8 %.

Значит, в такого рода случаях потребность выполнить еще раз плохо сделанное задание оказывает, по меньшей мере, столь же сильное воздействие, как и квазипотребности, связанные с незавершенными заданиями. <...>

Интересные и неинтересные задания

Потребностное напряжение в наших опытах создается намерением. К моменту опроса оно сохраняется в силу того, что действие было прервано до своего естественного окончания.

Мы обсудили сейчас ряд случаев, когда, несмотря на внешнюю законченность действия, оно оставалось, по тем или иным причинам, внутренне незавершенным. Подобного же сохранения потребностного напряжения можно ожидать и в случае *тех* заданий, которые вызывают естественное желание заниматься ими. Поэтому у таких заданий, называемых обычно *«интересными»*, также следует ожидать высокой частоты запоминания законченных действий (*ЗЗ*). Соответственно, их коэффициент *ЗН/ЗЗ* должен оказаться низким.

Если мы хотим эмпирически проверить этот вывод, то нам следует не просто считать одни задания интересными, а другие неинтересными, но отдельно выяснять у каждого испытуемого, какие задания были ему интересны, а какие — безразличны.

К интересным заданиям мы будем относить те, о которых испытуемый сказал, что они ему интересны. Часть из этих заданий может быть интересна испытуемому не только в контексте опыта (по сравнению с другими заданиями), но и может принадлежать к кругу его интересов в реальной жизни.

Проведенное в табл. 6 сопоставление показывает, что для интересных заданий коэффициент *ЗН/ЗЗ* фактически равен единице[6], причем именно интерес поднимает показатель запоминания законченных действий выше среднего уровня. (Для интересных заданий *ЗЗ* (= *ЗН*) = 65 %, что примерно равно среднему значению *ЗН* (= 67,8 %) для всей совокупности заданий, в то время как среднее значение *ЗЗ* составляет лишь 39 %.) Если задание интересно, то, выполнив его один раз, испытуемый стремится продолжить им заниматься. (В ходе опытов, так же, как и в повседневной жизни, можно было наблюдать, как испытуемые снова и снова дотрагивались до интересной работы или брали ее в руки.)

Таблица 6

ЗН и ЗЗ для интересных и безразличных действий

Вид заданий	*Н*	*ЗН*	*З*	*ЗЗ*	*ЗН/З* : *ЗЗ/З*	*ЗН* в %	*ЗЗ* в %
интересные	36	23	49	32	**1**	64	65
неинтересные	130	96	155	60	**1,9**	74	39

[6] Поскольку количество законченных и незаконченных случаев было для этих заданий различным, то при вычислении *ЗН/ЗЗ* мы разделили *ЗН* на общее число незаконченных случаев, а *ЗЗ* — на общее число законченных случаев.

Внешне не готовые, но внутренне законченные задания

В случае незаконченных заданий важна не их внешняя незаконченность, но сохранение *потребности* к завершению задания. При определенных обстоятельствах могли наблюдаться случаи, когда хотя задание и оставалось *внешне* незаконченным, но потребность к завершению была уже удовлетворена или исчезла в силу каких-либо других причин.

Вообще, в определенном смысле можно говорить о том, что при каждом прерывании возникает желание хоть как-нибудь «поставить точку» в этом задании и, тем самым, уменьшить силу, толкающую к его завершению. Помимо этой общей тенденции, стоит выделить, прежде всего, следующие случаи.

Частичное выполнение как замещение полного выполнения

Задания «считать в обратном порядке от 55 до 17» (№ 19) и «перемещение флага» (№ 40) хотя и обнаруживают высокое значение *ЗН/ЗЗ*, но в то же время демонстрируют низкое *ЗН*. Если сравнить процентные значения *ЗН* для разных заданий <...>, то окажется, что эти задания занимают одни из самых низких мест, а именно, 25-е и 28-е места из 29 заданий.

Как это можно объяснить?

Перемещение флага прерывалось, как правило, в тот момент, когда испытуемый уже осуществил поворот флага на 90 градусов и хотел перейти к повороту на 180 градусов. Хотя испытуемый знает, что флаг надо повернуть 4 раза, тем не менее, уже первый поворот может внутренне означать для него выполнение задания. В своем самоотчете один из испытуемых сообщает: «Ведь это совершенно все равно, повернул я его один раз или два раза, главное в том, что Вы видели, *как* я это делаю». Поэтому дальнейшее выполнение задания в определенном смысле излишне. Так, другой испытуемый отмечает: «Разве не бессмысленно, что я все еще продолжаю это делать?» Таким образом, *частичное завершение* задания выступает здесь временами как *полноценное замещение* выполнения всего задания.

Аналогично дело обстоит и для задания «обратный счет от 55 до 17». В большинстве случаев испытуемому совершенно все равно, досчитал ли он до 17, или только до 30 (что было типичным местом прерывания). «Если я бегло досчитал до 30, я могу это сделать и до 17. Главное заключается в том, чтобы считать бегло, а где остановиться — на 17 или на 30 — это совершенно все равно». *Потребность* закончить задание оказывается *удовлетворенной* еще до того, как задание действительно *завершено внешне*.

Испытуемый отказывается доделывать задание

Аналогично обстоит дело и с заданиями, где потребность исчезает еще до того, как испытуемый закончит работу. Бывает, что задание оказывается для испытуемого слишком сложным. Он заранее знает, что ***не может*** его закончить, и не пытается это сделать. Задания такого рода забывались после прерывания относительно часто. Мы наблюдали 23 подобных случая, в 10 из них задание забывалось (частота *ЗН* здесь составляет 43 %, т.е. столь же низка, как и среднее значение *ЗЗ*, равное 43 %).

Другой вид заданий — это те, при выполнении которых испытуемый ***возмущается*** и выходит из себя[7]. Есть целый ряд испытуемых, воспринимающих прерывание как попрание их «прав» и подавление их личности, против чего они восстают. Так, один из испытуемых этого типа отмечает: «Не в моих правилах подчиняться желаниям другого человека. Поэтому от прерванных заданий я вообще отказываюсь».

При опросе такие испытуемые обычно забывали относительно много незаконченных заданий. Похоже, что они действительно ***отказывались*** от них.

При этом вопрос о том, что происходит с потребностным напряжением, остается открытым. Разряжается ли оно в ходе вспышки протеста, или же эти незаконченные задания «вытесняются» без какой бы то ни было разрядки напряжения?

Итак, мы видим, что преимущество при запоминании незаконченных действий не связано ни с каким-либо последействием акта прерывания <...>, ни с внешней незавершенностью работы, но все решает «внутренняя» завершенность задания, иными словами — удовлетворенность соответствующей потребности. И лучшее запоминание незаконченных заданий определяется сохранением неудовлетворенной потребности такого рода. <...>

Продолжающиеся действия и действия с четким концом

Выше мы уже видели, что в отдельных случаях внутренняя и внешняя законченность действия не совпадают. К этому стоит добавить, что и различные ***типы*** действий, в зависимости от своей структуры, ведут себя, с точки зрения образования напряжений потребностного типа, по-разному.

Постоянство значения ЗН/ЗЗ для отдельных заданий

<...> Если взглянуть на те задания в табл. 1, для которых *ЗН/ЗЗ* равен или примерно равен 1, т.е. для которых законченные и незаконченные случаи запоми-

---

[7] Для этих заданий связанный с прерыванием *шок* оказывался особенно сильным. И то обстоятельство, что, несмотря на это, *ЗН* является здесь относительно небольшим, служит еще одним подтверждением того, что шоковый эффект как таковой не является причиной преимущественного запоминания незаконченных заданий.

наются одинаково хорошо или одинаково плохо, то окажется, что подавляющая масса их принадлежит к *одному* определенному *типу действий*. Это задания, которые, в отличие от *действий с четким концом*, можно назвать *продолжающимися действиями*.

В качестве примера действия с четким концом можно привести изготовление коробочки, решение загадки или рисование вазы, в качестве примера продолжающегося действия — нанизывание бусин или непрерывное рисование крестиков. Действие с четким концом — это действие, направленное на достижение *четко определенной, явной* цели. В отличие от этого, продолжающееся действие не имеет явно выраженного и четко определенного конца.

Если исключить задания, которые, в силу уже рассмотренных выше причин, занимают особое место (такие как конструирование ландшафта, задание со спичками, имя) и связаны с потребностью выполнить действие еще раз, то окажется, что почти все задания, для которых *ЗН/ЗЗ* примерно равно 1, принадлежат к *продолжающимся* действиям: наматывание ниток, нанизывание бус, рисование крестиков, продолжение орнамента из ячеек. С другой стороны, если взять действия, у которых *ЗН/ЗЗ* принимает особенно *высокие* значения, то это будут явно выраженные *действия с четким концом*: арифметическая задача, отгадывание загадки, изготовление коробочки, рисунок. <...>

Когда испытуемый приступает к выполнению действия с четким концом, ему задается ясная цель, благодаря чему становится возможным представить себе общую длительность и тип работы, а также может образоваться соответствующее данной работе напряжение. Можно заранее настроиться на определенный объем работы. О наличии у человека потребности в создании относительно самостоятельной системы для предстоящего задания говорят спонтанные вопросы испытуемых о конце продолжающихся действий.

Поскольку в случае продолжающегося действия нельзя обозреть «объем» работы, то всегда должна сохраняться возможность по мере необходимости черпать энергию «по каплям» из ее первоначального источника.

При осуществлении шага *a* продолжающегося действия испытуемый уже рассчитывает выполнять следующий шаг *b*. И если шаг *a* будет произвольно объявлен концом продолжающегося действия, и уже намеченный шаг *b* не будет осуществлен, то «внешне законченное» продолжающееся действие будет ощущаться испытуемым как незаконченное.

И поскольку при выполнении продолжающегося действия не образуется *четко ограниченной* напряженной системы, то и после прерывания такого действия может не *сохраняться* такой четко ограниченной системы, как в случае конечного действия (и действительно, *ЗН* для продолжающихся действий меньше, чем для действий с четким концом: 55,5 % против 70 %); при этом неважно, является ли действие внешне законченным или нет, поскольку в любом случае сохраняется определенная готовность к осуществлению следующего шага (*ЗН=ЗЗ*).

Таким образом, мы видим, что энергетическая структура продолжающегося действия, так же как и свойственный таким действиям коэффициент *ЗН/ЗЗ*, указывают на отсутствие для продолжающегося действия разницы между законченностью и незаконченностью. <...>

Интенсивность напряжения потребностного типа. Взаимосвязь квазипотребности с истинной потребностью

Прерывание на разных стадиях работы

Зависит ли преимущество незаконченных заданий при запоминании от того, осуществляется ли их прерывание в начале, середине или конце действия?

Как правило, мы прерывали действие в «момент наибольшего контакта испытуемого с заданием». Обычно этот момент наступает ближе к концу работы. Однако временами мы прерывали действия и на более ранних стадиях. Сопоставление нескольких действий, часть из которых прерывалась вскоре после начала работы, а часть — в середине или ближе к концу (однако до реального завершения действия), приведено в табл. 7. Оказалось, что задания второй группы запоминались лучше, чем те, которые были прерваны вскоре после начала. Для заданий, прерванных в начале работы, *ЗН* = 65 % , для прерванных в середине или в конце ее — *ЗН* = 90 %.

Таблица 7

Сравнение результатов прерывания действия в середине или ближе к концу работы с прерыванием в начале

	Н	*ЗН*	*ЗН/Н*, %
Прерывание в середине и в конце	38	33	**90**
Прерывание в начале работы	45	29	**65**

Разный эффект прерывания работы в ее начале и в конце обнаруживается и в повседневной жизни. Например, человек пишет письмо, кто-то неожиданно заходит в комнату и прерывает его. Если человек только что начал писать письмо, то это прерывание не так неприятно, как тогда, когда ему остается написать последние несколько строчек. Во втором случае потребность закончить письмо гораздо сильнее. Какие силы здесь задействованы? Почему почти законченное задание беспокоит нас гораздо сильнее, чем только что начатое?

Возможны разные объяснения. Нередко интенсивность действия ближе к концу увеличивается. Бегуны на соревнованиях, если только речь не идет об очень коротких дистанциях, как правило, сначала экономят свои силы. Однако при приближении к финишу такая экономия теряет смысл, и их бег становится мощным и безудержным. Точно так же и у ряда действий, использовавшихся в наших опытах, например, при отгадывании загадки, ближе к концу психический

процесс становился, похоже, более интенсивным, хотя у многих заданий эта разница внешне была и незаметной.

И вполне может быть, что прерывание *более интенсивного процесса* оказывает более сильное воздействие.

Но почему прерывание в момент более интенсивного процесса должно создавать более сильное напряжение? Если более интенсивный процесс понимать лишь как более *быстрый процесс*, тогда понятно, почему особенно сильное противодействие, например, в форме сопротивления, возникает в момент его прерывания. Однако не вполне ясно, почему более сильное напряжение потребности должно все еще существовать и по прошествии некоторого времени. Ведь в любом случае после прерывания этот процесс прекратился, и испытуемый занялся чем-то другим.

Таким образом, надо объяснить, почему при прерывании действия в стадии его завершения сохраняется более интенсивное остаточное напряжение, чем при прерывании его в начале, несмотря на то, что в последнем случае человек израсходовал меньше энергии. По-видимому, здесь должен играть роль еще один фактор: присущая действию с четким концом *цель*, например отгадывание загадки, выполняет для испытуемого функцию притягивающей его *позитивной побудительности*.

Согласно К. Левину, сила такого рода побудителей зависит, помимо прочих условий, еще и от их *«удаленности»*. (Само собой разумеется, что здесь имеется в виду не физическая, а психологическая удаленность побудителя.) Целями заданий в наших опытах обычно являются побудители, сила которых увеличивается при приближении к ним. По мере того, как испытуемый придвигается все ближе к цели, общее напряжение увеличивается. К концу действия вся ситуация как бы уплотняется. Иначе говоря, *конечность* действия, его обсуждавшееся выше отличие от продолжающегося действия делается еще более выраженным.

Теперь становится понятнее, почему интенсивность сохраняющегося после прерывания напряжения будет больше, если прервать действие незадолго до его конца. С этим хорошо согласуется и то обстоятельство, что напряжение ослабевает, как только побудитель (цель действия) удаляется от испытуемого. В этом может быть причина того, что «разрушение» работы при прерывании влечет за собой, как мы видели выше, столь поразительно слабое запоминание (*ЗН*). Ведь в этом случае испытуемый оказывается отброшенным от уже достигнутой точки вблизи цели назад, к самому началу работы.

К тому же результату ведет и еще одно соображение. К концу работы испытуемый обычно в большей степени находится «внутри» нее, чем в самом начале. Он *погружен в работу* всей своей личностью. И работа оказывается в более глубоком смысле «его работой», так что за ней стоит не только квазипотребность, образовавшаяся в результате исходного намерения, но и *истинные* потребности данного человека.

Истинные потребности, стоящие за напряжениями потребностного типа

Честолюбие

Различная *интенсивность* намерения закончить задание на величине коэффициента *ЗН/ЗЗ* не отражается. Об этом свидетельствуют результаты IV серии опытов, когда инструкция предписывала испытуемому закончить все задания. Общее наблюдение за поведением испытуемых также не обнаружило какой бы то ни было непосредственной связи между интенсивностью намерения и силой сохраняющегося напряжения.

С другой стороны, поведение испытуемых отчетливо показывает, насколько сильно на весь ход процесса влияет включенность или невключенность в него истинных потребностей человека.

Здесь имеются как индивидуальные различия между отдельными испытуемыми, так и различия, характерные для отдельных заданий.

Мы уже обсуждали <...>, что испытуемые побуждаются к выполнению заданий различными мотивами. Те из них, кого подстегивало «честолюбие», продемонстрировали особенно высокое преимущество незаконченных действий при запоминании: их *ЗН/ЗЗ* = 2,75 (табл. 8) вместо среднего значения I-й серии 1,9 (табл. 1).

Таблица 8

ЗН/ЗЗ у честолюбивых испытуемых

Испытуемые	*ЗН*	*ЗЗ*	*ЗН/ЗЗ*
Md.	6	1	6
St.	10	3	3,3
J.	6	2	3
B.	8	3	2,7
Nr.	5	2	2,5
Ptz.	5	2	2,5
R.	7	4	1,75
Gl.	9	6	1,5
Klr.	6	4	1,5
Среднее арифметическое	6,9	3	**2,75**

Этот же мотив становится причиной того, что определенная группа *заданий* также обладает особенно высоким *ЗН/ЗЗ*. <...>

Резюме

Обобщая, мы можем констатировать следующее.

Незаконченные действия запоминаются лучше — в среднем, почти в два раза, — чем *законченные*.

При этом решающее значение в наших опытах принадлежало не эмоциональной окраске или значимости задания, и не шоковому эффекту от его прерывания. Главным можно считать существование в момент опроса *квазипотребности*, возникшей при образовании намерения или в процессе работы.

Этой квазипотребности соответствует *напряжение*, которое действует не только в направлении осуществления исходного намерения (закончить задание), но и влияет на воспроизведение.

То, насколько сильно эта квазипотребность проявляется при воспроизведении, зависит от *структуры и интенсивности напряжения*, а также от типа и силы *стремления к воспроизведению*, возникающего в момент опроса. А именно, поскольку стремление к воспроизведению направлено в ту же сторону, что и квазипотребность, то, если оно достаточно сильно, оно может полностью замаскировать воздействие квазипотребности. Это происходит в том случае, когда испытуемый воспринимает опрос как имеющую самостоятельное значение «проверку памяти», и не происходит, когда он просто свободно рассказывает экспериментатору о заданиях опыта.

Решающее значение для сохранения квазипотребности имеет не *внешняя* законченность или незаконченность работы, но *внутренняя незавершенность* действия. (Те задания, результатами выполнения которых испытуемый остался недоволен, и те, которые допускали несколько разных решений, хорошо запоминались и в качестве «законченных». То же относится и к интересным заданиям.) Аналогично обстоит дело и с незаконченными заданиями: внешне незавершенные действия, у которых, однако, *потребность в завершении удовлетворена* или исчезла, запоминались плохо (частично завершенные, «разрушенные» и вызвавшие отказ задания обладают низким *ЗН*).

В тех случаях, когда за квазипотребностями стоят явно выраженные истинные потребности человека, когда задействована *центральная «Я-сфера»* личности, то напряжения потребностного типа оказываются более сильными. (У честолюбивых испытуемых, как и в случае возбуждающих честолюбие заданий, перевес незаконченных заданий при перечислении особенно велик.)

Разница в запоминании законченных и прерванных действий выражена для *действий с «четким концом»* гораздо сильнее, чем в случае *«продолжающихся» действий*. Это связано с тем, в какой мере структуры действия способствуют образованию особых самостоятельных напряженных систем.

Напряженные системы воздействуют на воспроизведение только тогда, когда они достаточно *отделены* друг от друга. Если отдельные действия не обладают для испытуемого своим собственным лицом, то весь опыт в целом соответствует лишь *единственной* напряженной системе. (У испытуемых, которым уже в самом начале опыта перечислили все экспериментальные задания, а также у тех, кто воспринимал отдельные задания как несущественные «занятия», никакого преимущества незаконченных действий не было.)

Далее, для возникновения напряженной системы необходима еще и достаточная *упругость динамического поля в целом*. В случае «текучести» (при усталости) целостного психического поля или слишком больших колебаний напряжения в нем (например, при сильном возбуждении), образования напряжений не происходит. При *изменении ситуации* («расшатывание» или пересечение нескольких ситуаций) уже возникшие напряженные системы разряжаются.

Похоже, что интенсивность и прочность такого рода напряжений потребностного типа у разных людей различна и является весьма постоянной характеристикой каждого индивида.

Преимущество незаконченных действий при запоминании тем сильнее, чем *непосредственнее* выражаются *потребности* данного человека, чем меньше он может отказаться от их удовлетворения, и чем более естественно и «по-детски» он воспринимает весь опыт.

А. Карстен

Психическое насыщение*

Введение в проблему

При наблюдении за ребенком в свободной от всяких заданий ситуации мы обнаружим в его поведении то быструю, то медленную и постепенную смену различных, не связанных друг с другом видов деятельности. Какое-то время он играет с мячом, потом с обручем или куклой, затем бежит играть в прятки с другими детьми. Сильное влияние на переход от одного занятия к другому оказывают действия других детей, происходящие вокруг события, и вообще все, что обладает для ребенка побудительностью. Однако, будучи предоставлен *самому себе*, ребенок не занимается одной и той же деятельностью сколь угодно долго, а через некоторое время обычно переключается на другие занятия.

Существенную роль в этом может играть физическая усталость (например, если ребенок долго активно двигался и хочет теперь спокойно отдохнуть), однако весьма часто переход от одной игры к другой с усталостью никак не связан. Ребенок просто уже «*наигрался*» в одну игру и ему хочется заняться чем-нибудь новеньким. Особенно ярко такое пресыщение выступает в тех случаях, когда ребенок сначала беспрестанно повторял какое-то действие или требовал, чтобы его повторяли, а потом более или менее внезапно это желание превращается в активное нежелание. <...>

Такого рода случаи «*психического насыщения*» в результате повторения одного и того же действия встречаются и у взрослых — они исследуются в психологии профессий в связи с проблемой монотонности в ходе работы. Установлено, что не только от особенностей действия, но и от соотношения данного действия с конкретным индивидом зависит, приобретает ли это действие характер «монотонного» при длительном его повторении, или нет.

Однако процессы психического насыщения играют весьма значительную роль не только в профессиональной деятельности. Они могут встречаться при

* *Левин К.* Динамическая психология: избранные труды. М.: Смысл, 2001. С. 496—497, 499, 501—505, 525, 530—533.

осуществлении самых разнообразных действий. Приведем общеизвестные примеры: игра на фортепиано, слушание доклада, чтение книги, а также разного рода ситуативные обстоятельства, такие, например, как общение с определенным человеком (в частности, вопросы психического насыщения играют существенную роль в проблемах, связанных с браком).

Таким образом, чрезвычайно распространенное явление, называемое «психическим насыщением», заключается в том, что определенное действие или ситуация, первоначально обладавшие для индивида положительной побудительностью (он стремился попасть в эту ситуацию, любил осуществлять это действие), затем, в связи с многократным осуществлением этого действия или длительной жизнью в этой ситуации, теряют свою положительную побудительность, и ее место занимает нейтральное отношение или слабо отрицательная побудительность. Если, несмотря на это, человек все же продолжает и дальше осуществлять соответствующее действие, то дело доходит до «*пресыщения*». Здесь особенно подходит сравнение с процессами, имеющими непосредственное отношение к удовлетворению какой-нибудь потребности. В результате насыщения и пресыщения, действия, к которым в силу наличия соответствующей потребности индивид первоначально имеет сильное влечение, «состояние голода», могут привести к *отвращению*. <...>

В проведенных нами предварительных опытах мы попытались сориентироваться в особенностях процесса насыщения при выполнении множества весьма различных действий: приятных и неприятных, физических и интеллектуальных, игры и чтения стихов. <...> Однако ограниченность объема не позволяет нам подробно рассмотреть возникновение насыщения для всех этих действий. Исходя из причин, которые будут указаны ниже, мы выбрали для количественного рассмотрения процессы насыщения при двух типах действий, а именно — при штриховке или рисовании фигур и при чтении стихотворения. <...>

Примеры протекания опыта

Испытуемая D.

а) Ход опыта

Вначале мы опишем типичный процесс насыщения, который, достигнув точки насыщения, переходит далее в явно выраженное *пресыщение*.

В данном случае испытуемая на протяжении всего опыта выполняла одно и то же, остававшееся неизменным, задание: чертить штрихи в произвольном темпе.

Испытуемая *D*. (студентка-психолог) получила следующую инструкцию: «Рисуйте штрихи до тех пор, пока Вам это не надоест». Ей не были заданы ни объем, ни требования к качеству. Во всех остальных отношениях ей также предоставлялась свобода.

Испытуемая пришла на эксперимент в хорошем настроении и без каких-либо вопросов и возражений приступила к работе. Параллельно со штриховкой, которая шла в довольно быстром темпе, она начала насвистывать. Штриховка осуществлялась в такт со свистом. Вскоре испытуемая сказала: «Я могу Вам сказать, что это за песня: «Янки дудл». Я начала ее насвистывать нечаянно». Штрихи были маленькими и шли равномерно на протяжении полутора строк. Тут испытуемая заметила несколько тонких штрихов, которые уже были начерчены на листке. Они ей мешали, и она попыталась их стереть, однако ей это не удалось. Поэтому она взяла новый лист и продолжила штриховку, сказав: «Первая страница что-то совсем не получилась. Это мне как-то неприятно». К началу второй страницы это чувство все еще сохранялось.

Первый ряд на новом листке состоит из штрихов, которые объединяются в группы с очень узкими промежутками между отдельными штрихами, затем идет пробел побольше, затем новая группа; все штрихи стоят прямо. В конце строки видна тенденция соединять штрихи между собой. Тут испытуемой приходит в голову мысль: «Не начать ли мне делать по-новому?». И действительно, вторую строку она штрихует наоборот, то есть справа налево, причем в основном группами по два штриха. Расстояния между группами достаточно большие.

Третий ряд снова идет слева направо, причем снова без отчетливо выделенных групп. Все остальные строки на этой странице следуют попеременно слева направо и справа налево, так что штрихи составляют как бы единую последовательность. При этом, начиная с третьей строки, они связываются между собой *осознанно*. Таким образом, тип действия, возникший сначала «самопроизвольно», далее продолжается здесь осознанно.

В четвертом ряду вертикальные штрихи постепенно превращаются в точки, которые временами четко группируются попарно. Испытуемая замечает это и «оставляет это так», спонтанно обосновывая это тем, что она «бестолковая».

Несколько позже испытуемая начинает получать *удовольствие,* рисуя *по-новому*, однако страница «выглядит при этом неоднородно» и это ей неприятно. Тем временем она перешла от насвистывания к пению, теперь же она прекращает и петь: «Мне хочется справиться со всем этим без пения». Штриховка продолжается без пения в том же ритме. Теперь работа кажется ей «более легкой». В это время появляется «стремление справиться с этой страницей». Однако испытуемая видит, что конец еще далеко (она сделала около четверти страницы). Она задумывается, не стоит ли ей просто «хоть как-нибудь» закончить эту страницу, однако ей не хочется ни плохо рисовать, ни прекращать работу. Снова начинается пение. Теперь испытуемая говорит: «Хорошо делать одно вместе с другим. При этом можно думать о разных вещах». (Если сначала прекращение пения ощущалось как облегчение, то теперь приятным снова стало его возобновление.)

Внезапно испытуемая чувствует, что с нее хватит: «Это похоже на то, когда ты уже напьешься лимонада, но все еще продолжаешь пить». Однако испытуемая продолжает штриховку. Вскоре ее деятельность становится механической, она «идет сама по себе» (от начала опыта прошло 11 минут). Испытуемая чувствует себя «совершенно свободно», «ничто не мешает ей». Такая безмятежность ей приятна и она говорит: «*Я могла бы делать это до бесконечности*».

Начиная со строки 29 штрихи становятся все более горизонтальными; на второй половине страницы этот тип штриховки доминирует. Строки начинают группироваться попарно.

Затем испытуемая неожиданно замечает, что она стала работать быстрее. Ей «доставляет удовольствие, что все идет так хорошо» и она «хотела бы штриховать еще быстрее», чтобы посмотреть «*как быстро* она вообще *может* штриховать». В результате темп увеличивается еще больше.

Несколько позднее у нее возникает желание штриховать все строки слева направо: «Это стремление к правому краю страницы, но и этим способом штриховка получается не очень хорошая». Ей хотелось бы начать штриховать по-другому, но она не может на это решиться: «Почему бы не продолжить старый добрый способ?».

Вскоре она спонтанно произносит: «Теперь получается кое-как». И вместо того, чтобы продолжать штриховку, она начинает *заполнять пустые места* в предшествовавших строках. «Теперь я ощущаю, что я действительно могла бы кончить. Штриховка не доставляет мне никакого удовольствия», — *смена настроения* произошла совершенно *внезапно* и неподготовлено. Однако почти сразу после этого проявления безразличия испытуемая заявляет: «Я могла бы еще продолжать это часами, но мне это не доставляет никакого удовольствия. Думаю, что если бы я рисовала большие штрихи и этот лист был бы уже заполнен, а Вы дали бы мне еще один лист — я пришла бы в ярость».

Неожиданно снова начинается приятная стадия, довольно похожая на то, что было в самом начале. Переход к ней был совсем незаметным. Испытуемой интересно, начнет ли она после завершения этого листа еще один, если получит такое задание. Она спешит побыстрее дойти до конца, чтобы посмотреть, что будет дальше.

В разгар работы испытуемая говорит: «Мне хочется узнать, сколько точек я сделала». Она снова хотела бы покончить с этой страницей, но при этом в принципе готова продолжить работу дальше. «Но халтурить нельзя», — нельзя ни оставлять слишком большое расстояние между строками, ни рисовать слишком длинные штрихи, так как это сразу бросается в глаза и можно испортить всю страницу.

В течение всего этого времени из коридора часто доносился легкий шум (шаги, хлопанье дверей, обрывки разговоров). Испытуемая только теперь (49-я минута) обратила внимание на разговор, доносившийся из-за двери. Она начинает немного нервничать, к чему-то прислушивается. При этом она уверяет, что ей было бы неприятно, если бы кто-то вошел и помешал ее работе.

В *конце страницы* ей в голову приходит мысль: «Я должна закончить так же, как я и начинала». И действительно, две *последние строки* штрихуются так же, как и первые. Штрихи опять становятся вертикальными, темп тот же, что и в самом начале, и даже свист появляется снова. При этом испытуемая выглядит очень довольной. Внизу страницы спонтанно появляется *подпись* испытуемой.

Экспериментатор спрашивает испытуемую, хочет ли она заштриховать еще одну страницу. Испытуемой не очень хочется, однако она все же соглашается (51-я минута). При этом она делает недовольное лицо. И снова с самого начала

начинает насвистывать. Уже после нескольких штрихов она спрашивает: «Мне надо сделать всю страницу?».

Испытуемая очень быстро проводит вертикально стоящие штрихи, нередко соединенные друг с другом. Она чувствует себя очень *усталой*, у нее болит рука. Прежде, чем первая строка подходит к концу, ручка перестает писать, и испытуемой это неприятно. Она пробует ручку на другом листке. Предложенный экспериментатором карандаш она не берет, поскольку хочет дорисовать страницу до конца *своей* ручкой.

Испытуемая снова проводит вертикальные штрихи, однако еще *до конца первой строки* переходит к точкам. Точки ставятся на *большом* расстоянии друг от друга, так что отдельная строка быстро и поверхностно, формально «заполняется» сначала шестью (вместо прежних 60–100 точек), а вскоре всего лишь пятью или четырьмя точками (последняя точка в каждом ряду часто превращается в горизонтальный штрих).

На предпоследней строке страницы испытуемая снова переходит то к частым точкам, то к вертикальным, хотя и довольно неровным, штрихам. Штрихи часто соединяются друг с другом, промежутки между ними нередко неодинаковы. В отличие от этого, *последняя строка*, законченная лишь до половины, заштрихована очень ровно. Страницу снова завершает подпись испытуемой.

Уже в ходе заполнения этой страницы у испытуемой все больше и больше нарастало недовольство, когда же страница была закончена, произошел *аффективный взрыв* — испытуемая не захотела отдавать листок: «Мне хочется эти листки *разорвать*». Ей хочется разорвать страницы, которые кажутся ей «автобиографией», и она наполовину всерьез спрашивает экспериментатора, зная, что ее вопрос бессмыслен: «Разве нельзя?». Услышав запрет, она заполняет следующие три листа, которые служили ей подкладкой, ставя на каждом из них по одному *большому витиеватому штриху*, причем она делает это столь порывисто, что на шестом листе карандаш *прорывает* бумагу (69-я минута).

Экспериментатор просит испытуемую начать теперь еще одну страницу (фактически, третью страницу штриховки). После многочисленных уговоров испытуемая начинает это делать, однако задание ей в высшей степени неприятно. Треть первой строки выполняется очень ровно. Все штрихи прямые и одинаковы по величине, промежутки между ними тоже одинаковы. Постепенно величина промежутков начинает меняться, штрихи становятся не вполне вертикальными и разными по высоте. Они начинают наклоняться вперед и становятся *изогнутыми*; между ними появляются *соединения*.

Вторая строка рисуется справа налево, причем испытуемая начинает с точек, а затем переходит к неровным штрихам. Начиная со второй трети строки вместо штрихов рисуются маленькие кружки.

На следующих строках чередуются самые разнообразные фигуры: *прямоугольники*, которые быстро распадаются на крестики и простые штрихи, переходящие в зигзагообразные линии и далее в один бесформенный росчерк. Испытуемая *еще раз* начинает рисовать штрихи *первоначальным способом*. Это ей вполне удается, однако она доходит лишь до половины строки и ей все уже *окончательно надоедает*: вместо того, чтобы проводить штрихи, она начинает писать настоя-

щее письмо: «Я могу рисовать штрихи и ставить точки, но теперь мне надо идти, потому что Янц должен быть у меня испытуемым». Таким образом, она дает письменное обоснование отказу продолжать работу и одновременно в определенном смысле продолжает «проводить штрихи», заполнять страницу. Половина страницы остается все еще пустой: «Мне не доставляет удовольствия заполнять штрихами все свободное пространство». Вместо этого она проводит еще несколько штрихов, а затем ведет в нижний угол листа волнообразную линию, состоящую из точек и коротких штрихов. Заканчивается эта линия не *подписью*, а несколькими неопределенными заключительными штрихами. Поскольку испытуемая отказывается штриховать дальше, экспериментатор прерывает опыт (1 час 20 минут).

б) Краткое резюме

Описанный пример — это абсолютно типичный и характерный вплоть до мельчайших деталей случай процесса насыщения.

Наиболее ярким феноменом этого процесса является *варьирование*. Штрихи рисуются разными по ориентации и величине, объединяются в группы, меняется темп штриховки. Масштаб изменений постепенно увеличивается вплоть до появления действий другого рода (рисование фигур и росчерки). Нередко следование определенному *направлению* варьирования приводит к появлению серий вариаций (например, переход от вертикальных штрихов через точки к горизонтальным штрихам; переход от прямоугольников через сдвоенные кресты к штрихам).

Вначале вариации появляются по большей части как бы «*сами собой*». Испытуемый замечает их лишь задним числом и, заметив, часто принимает их. Позднее же дело доходит до настоящего *поиска* новых вариантов, которые, однако, должны как можно меньше отличаться от исходного действия. Если испытуемой приходила в голову *мысль* о слишком далеко идущей вариации, она сначала отвергала ее, однако потом все же осуществляла. (Просто поразительно, с какой регулярностью в нашем примере такие «мысленные прегрешения» предшествовали последующим видоизменениям действия.)

Точно так же реальному прекращению действия на более ранних этапах предшествует «ослабленное прекращение» — сначала просто «формальное выполнение» (например, «заполнение» страницы совсем небольшим количеством точек), затем «временное прекращение» в виде замаскированной паузы (например, заполнение пустот). Однако *этот* смысл своего поведения испытуемая не осознает.

Строки и, в еще большей степени, страницы представляют собой явные *целостности*. Это проявляется не только в обрамлении страницы похожими друг на друга начальными и заключительными строками и в специальном «завершении» страницы подписью, но и чисто динамически: в частности, испытуемую намного труднее подвигнуть на то, чтобы она начала новую страницу,

чем на продолжение уже начатой. Однако по мере нарастания насыщения этот целостный характер отступает на задний план. Например, появляются вариации внутри отдельных строк, а на последней странице непосредственно перед переходом к письму строки явно распадаются.

Снова и снова испытуемая переходит к выполнению задания как «побочной» деятельности, например, как простого отбивания такта при пении или насвистывании. При сильном насыщении она начинает часто отвлекаться.

Насыщение привело в нашем примере к *взрыву ярости*, направленному против работы и отчасти против экспериментатора. *После* этого аффективного взрыва испытуемая производит впечатление «отдохнувшей».

Если попытаться нарисовать *кривую желания* или нежелания выполнять задание, то окажется, что в целом степень неприятности задания увеличивается, однако не всегда плавно и последовательно. Несколько раз приятность одним *скачком* переходит в неприятность, а за этим следует не менее резкий переход в обратном направлении. Поразительным, и в то же время типичным, является то обстоятельство, что прекращению работы или другому относительному максимуму насыщения *непосредственно* предшествует короткая фаза, когда работа течет без каких бы то ни было затруднений и испытуемой кажется, что «она может продолжать работу часами».

Прекращение работы происходило в нашем примере не в форме ее постепенного иссякания, но в виде отдельного акта. Первый раз испытуемая хотела прекратить работу, когда закончила вторую страницу. Законченную страницу она предъявила экспериментатору в качестве чего-то готового, в качестве законченного результата. Второй раз прекращение работы снова произошло в конце целого (а именно, третьей страницы), причем в форме аффективного взрыва. Наконец, на третий раз испытуемая находит «обоснование», которое, на ее взгляд, экспериментатор не мог не признать, и теперь уже окончательно прекращает работу. (После чего испытуемая еще довольно долго сообщает данные самонаблюдения. Так что не так уж она и спешила.) <...>

Резюме

Ход процесса насыщения и феномены, характерные для него

Многократное осуществление какого-либо действия может повлечь за собой «*психическое насыщение*». При определенных обстоятельствах отвращение к действию становится настолько сильным, что человек, несмотря на определенное внешнее давление и свое намерение и стремление продолжать работу, просто «не может» больше выполнять это действие и прекращает его.

Процесс насыщения не является монотонным, но проходит обычно через серию *фаз*, внутри которых насыщение сначала возрастает, чтобы потом снова уступить место временному *облегчению*. (При этом в случае неприятных или без-

различных действий вначале наблюдается фаза возрастающей «включенности» и роста привлекательности задания.)

Чередование привлекательности и непривлекательности (в обоих направлениях) часто происходит *одним скачком*. При этом обычно достигается максимальная степень (на каждой новой фазе все более высокая) насыщения данной фазы, пока, в конечном счете, не наступает полное «*пресыщение*». Непосредственно перед прекращением действия или другим максимумом насыщения часто наблюдается короткая фаза работы без усилий, когда испытуемый чувствует, что «мог бы продолжать эту работу до бесконечности».

Наиболее яркими феноменами насыщения являются: 1) варьирование, 2) ухудшение результатов, 3) аффективные взрывы. <...>

Повторное насыщение

Насыщение или пресыщение может приводить к длительному отказу от соответствующего действия. Мы встречались с тем, что если в результате многодневных опытов определенные действия доводились до полного насыщения, то это насыщение <...> было отчетливо заметно в повседневной жизни еще на протяжении двух месяцев.

Однако обычно полное насыщение в наших опытах исчезало уже через 8 дней. В этих случаях *повторное насыщение* происходило, как правило, быстрее, причем в опытах со штриховкой — примерно на 50%.

Сущность и причины насыщения

а) Насыщение и усталость

Насыщение не является результатом мышечной усталости или является им в незначительной степени. Это обнаруживается в том, что: 1) полное насыщение, возникшее в результате многократных повторений действия, можно сразу снять, если придать внешне точно такому же действию другой смысл, например, включив его в другую целостность; 2) новое действие, требующее точно таких же мышечных усилий, как и старое, может осуществляться и без насыщения. (Например, переход при штриховке от ритма 3, 5 на той стадии, когда в результате насыщения испытуемый не может провести в этом ритме даже отдельного штриха, к ритму 4, 4 дает вполне хорошие штрихи.)

Некоторые наши опыты говорят, по всей видимости, о том, что в свежем и бодром состоянии насыщение может наступать быстрее, чем в состоянии усталости.

Однако *феномены усталости*, так же, как, например, *хрипота*, часто выступают *симптомами насыщения*.

б) Причины варьирования. Условия прерывания

В начале насыщения варьирование носит характер «*разбалансировки*» процесса действия. После многократного выполнения исходного действия другие вари-

анты этого действия приобретают относительно более сильную позитивную побудительность, либо потому, что новый способ выполнения действия обещает быть более приятным, либо потому, что старый способ оказался относительно неудобным, неинтересным и т.п.

Тенденция к *выходу из поля*, присущая уже первым вариациям, в ходе процесса насыщения становится все более явной. Многократное выполнение одного и того же действия делает его неприятным и может приводить к судорожному *поиску* новых вариантов.

Динамически вся эта ситуация в целом характеризуется противостоянием двух сил и определенной топологией: испытуемый находится в поле задания с негативной побудительностью, так что он стремится из него выйти. Однако это поле окружено со всех сторон барьером: «Действие против инструкции, против собственного честолюбия; позор тому, кто не может продолжать». Этот барьер также обладает для испытуемого негативной побудительностью. Поэтому выход из поля может осуществляться лишь таким образом, чтобы по возможности не переступать через *внешне* определенные рамки задания. Таким образом, испытуемый может переходить лишь к «аналогичным» действиям, то есть к «вариациям», лежащим внутри определенных *границ*.

Чем больше очередные вариации испытуемого приближаются к этой границе, тем сильнее становится его общее *состояние напряжения*. Вместе с ним возрастает тенденция прорвать при выходе из поля установленные экспериментатором (или заданием) границы. Такое напряженное состояние является основной причиной двигательного беспокойства, временных прекращений действия и аффективных взрывов, которые обычно наблюдаются при сильных степенях насыщения.

Даже сильное отвращение к заданию на поздних стадиях насыщения обычно не влечет за собой полного прекращения действия. Включенность испытуемого в работу и, прежде всего, растущая вместе с усилением насыщения трудность выполнения задания обычно приводят к *реактивному* увеличению желания продолжать работу и вообще привязанности испытуемого к работе: с *ростом насыщения прекратить действие* обычно становится *труднее*.

Похоже, что именно состояние сильного напряжения до определенной степени удерживает испытуемого внутри ситуации. На поздних стадиях насыщения требуется, как правило, особое *решение* прекратить действие, и оно возникает обычно при определенном снижении общего напряжения, например при завершении той или иной целостности (например, целой страницы или законченной фигуры) или после достижения особенно хорошего результата. Действие может «обрушиться» и после особенно плохого результата, если испытуемый внутренне «отказывается» от возможности успеха, а также в результате аффективного взрыва, который означает определенную разрядку напряжения и завершение действия и одновременно выводит испытуемого из поля задания. Наконец, испытуемый может прекратить действие, если у него имеется достаточно убе-

дительная причина (*предлог*), которую он может привести экспериментатору в качестве оправдания прекращения работы и не выглядеть при этом в слишком невыгодном свете.

в) О природе насыщения

Одной из наиболее существенных особенностей процесса насыщения оказывается тенденция к смене ситуаций действия, которая, если отвлечься от самой первой стадии, выступает как тенденция к выходу из поля; при этом конкретный вид вариации обусловливается общей динамической ситуацией, в которой находится испытуемый. Тенденцию выполнять действие в качестве побочного следует понимать как процесс, эквивалентный выходу из поля посредством варьирования действия, а именно как удаление от действия «*Я*» испытуемого. Тогда двигательное беспокойство и аффективные взрывы оказываются проявлением состояния напряжения, возникшего в результате всей ситуации в целом.

Что касается главного вопроса проблемы насыщения — почему повторение превращает первоначально приятное или безразличное действие в неприятное, — то мы можем сделать об этом пока лишь несколько предварительных замечаний.

Насыщение, по-видимому, не является динамически родственным тем процессам, которые (как, например, осуществление намерения) связаны с определенными, относительно отделенными друг от друга напряженными системами. [Иначе говоря, *насыщение есть нечто иное, чем удовлетворение потребности или квазипотребности*. С динамической точки зрения речь не идет здесь, как в проблеме законченных и незаконченных действий, о том, что раз возникшая напряженная система продолжает действовать до тех пор, пока она не будет разряжена, но, скорее, о том, будет ли испытуемый после разрядки такого рода системы в состоянии снова и снова создавать новые напряженные системы для действий того же типа][1]. Таким образом, процесс насыщения должен быть, в сущности, охарактеризован как *смещение волевой цели*, происходящее при *определенной структуре* соответствующего процесса действия. При этом оно зависит не столько от внешнего вида действия, сколько от его значения для испытуемого.

В наших опытах насыщение наступало в результате многократного выполнения одних и тех же или похожих друг на друга действий. Несмотря на это, сам факт *повторения как такового* нельзя рассматривать в качестве *достаточной причины* для наступления насыщения. Даже если действие осуществляется и не «периферически», не автоматически, его многократное повторение все же не обязательно приводит к насыщению. При определенных обстоятельствах можно избежать не только распада гештальта, эмоционального беспокойства, ухудшения результатов или ошибок, но даже и «слабых» феноменов насыщения типа

[1] Вставка из главы VI, опущенной в данной публикации. — *Ред.источника.*

вариаций, так что работа в течение длительного времени будет осуществляться абсолютно правильно — и это несмотря на то, что опыт может длиться намного дольше обычного (в этом случае и симптомы усталости наблюдаются лишь в самой слабой форме. <...> При этом речь не идет об индивидуальных особенностях: один и тот же испытуемый, при одних обстоятельствах обнаруживающий ярко выраженные феномены насыщения, в других условиях не проявляет при выполнении того же самого действия никаких признаков насыщения.

Таким образом, есть определенные потребности или общие *волевые цели*, которые сообщают действию такое значение, что его многократное выполнение не ведет к насыщению.

В тех случаях, когда насыщение наступает — в экспериментальной ситуации и во многих случаях повседневной жизни, — решающую роль играет, по всей вероятности, эффект *«топтания на месте»*. Испытуемому приходится выполнять продолжающуюся работу, временами весьма напряженную, без реального продвижения вперед, то есть без каких бы то ни было реальных результатов. В других случаях может играть роль сложность поддержания определенного поля внимания при изменениях структуры внутренней и внешней ситуации.

Но и при достаточных структурных условиях насыщение не наступает или наступает гораздо медленнее в тех случаях, когда действие выполняется более *периферически*, например как чисто *побочное действие* без какой бы то ни было внутренней включенности в него.

По-видимому, именно этим, а не природой соответствующих действий, и определяется в основном тот факт, что в повседневной жизни многие действия типа ходьбы, дыхания и т.п. могут осуществляться сколь угодно долго без всякого насыщения. А при определенных обстоятельствах насыщение может наступать и при ходьбе.

В действиях, использовавшихся в наших опытах, периферическое выполнение обычно приводило к ошибкам, побуждавшим испытуемого снова перейти к выполнению действия как основного.

Похоже также, что затронутость *слоев, близких к «Я»*, увеличивает опасность насыщения. Об этом говорит, в частности, то, что повторение относительно *безразличных действий* не так быстро приводит к насыщению, как повторение приятных или неприятных действий.

Для дальнейшего экспериментального изучения проблемы психического насыщения, очень значимой практически, прежде всего, для школы и психологии труда, особенно важным было бы более подробное изучение роли успеха и неудачи в процессе насыщения.

К. Левин,
Т. Дембо,
Л. Фестингер,
Р. Сирс

Уровень притязаний*

Почти любой комплекс психологических проблем, особенно в области мотивации и личности, с необходимостью включает проблемы цели и целенаправленного поведения. Значимость проблемы цели поведения особенно велика применительно к культуре с таким сильным элементом соперничества, как наша. До последнего времени, однако, было мало попыток изучения феномена цели как такового и влияния достижения или недостижения цели на поведение индивида. Концепция «уровня притязаний» Дембо <...> прояснила возможность изучения целевых уровней. Хоппе <...> провел первый эксперимент, направленный на анализ феномена уровня притязаний. К настоящему времени накопилось достаточно большое количество экспериментальных результатов.

Что такое уровень притязаний?

Типичная последовательность событий. При обсуждении многих проблем и аспектов уровня притязаний полезно рассмотреть характерную последовательность событий. Человек выбил 6 очков, стреляя в мишень, в центре которой находится 10. Он решает в следующий раз попробовать выбить 8. Он попадает в 5, сильно разочарован и решает в следующий раз снова выбить 6. Мы можем выделить в этой последовательности следующие основные моменты:

1) предшествующее действие (в нашем примере «выбил 6 очков»);

---

* Психология личности: Тексты / Ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузырей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 85–89.

2) установление уровня притязаний — решение о цели следующего действия («попробовать выбить 8»);

3) исполнение действия («выбил 5»);

4) реакция на достигнутое, такая, как чувство успеха или неудачи («разочарования»), прекращение всей деятельности или продолжение ее с новым уровнем притязаний («попробовать снова выбить 6»).

Каждый из этих четырех моментов можно рассматривать в его отношении к другим. В случае, когда индивид начинает новую деятельность, прошлое действие, конечно, отсутствует, но у индивида может быть опыт в похожей деятельности.

Каждый момент временно́й последовательности представляет ситуацию, по отношению к которой встают характерные проблемы. Для динамики уровня притязаний момент 2) (установление уровня притязаний) и момент 4) (реакция на достигнутое) особенно важны. Сразу возникают две проблемы:

а) что определяет уровень притязаний;

б) каковы реакции на достижение или недостижение уровня притязаний.

Пояснение терминов. Прежде чем приступить к обсуждению экспериментальных данных, следует прояснить некоторые термины и факторы, входящие в очерченную выше последовательность.

«*Цель действия*», «*идеальная цель*», «*внутреннее несоответствие*». Уровень притязаний предполагает цель, имеющую внутреннюю структуру. В нашем примере индивид не просто стреляет, а пытается попасть в мишень и даже в определенную область мишени. Но что он в действительности хочет сделать, так это попасть в центр. Это его «идеальная цель». Зная, что это «слишком трудно», он ставит целью очередного действия «попасть в восьмерку». Это мы будем называть «целью действия». Уровень цели действия обычно берется как критерий уровня притязаний индивида в данное время. Франк, один из первых исследователей в этой области, определяет уровень притязаний как «уровень будущих действий при решении знакомой задачи, который индивид, знающий свой уровень прошлых действий в этой задаче, явно предполагает достичь» <...>.

Постановка цели в точке 2 временной последовательности не означает, что индивид оставил свою идеальную цель. Чтобы понять этот момент поведения, мы должны рассмотреть цель отдельного действия внутри всей целевой структуры индивида. Эта структура может включать несколько более или менее реальных *целевых уровней*. Целевые уровни внутри одной целевой структуры могут включать высокую *цель мечты*, несколько более реалистичную *цель намерения*, далее — уровень, которого человек ожидает достигнуть, когда он пытается объективно оценивать ситуацию, и низкий уровень, который он достигает, если счастье от него отвернется. Где-то на этой шкале будет расположено то, что можно назвать целью действия, т.е. то, что человек «пытается сделать в данное время»; где-то выше будет находиться идеальная цель. Иногда индивид будет приближаться к этой идеальной цели, иногда же расстояние между идеальной

целью и целью действия будет увеличиваться. Назовем это «*внутренним несоответствием*».

Другая характеристика целевой структуры — это несоответствие между уровнем цели действия и уровнем ожидаемого результата. Эта разница может быть прямо охарактеризована как «несоответствие цель-ожидание». Это несоответствие будет частично зависеть от уровня субъективной вероятности, которого индивид придерживается в отношении шансов достижения цели действия. Одно из выражений субъективной вероятности — уровень уверенности.

«*Целевое несоответствие*». Можно сравнить уровень притязаний, например, уровень цели действия в точке 2 нашей временнóй последовательности с уровнем прошлого действия — точка 1 той же последовательности. Разницу между этими двумя уровнями мы будем называть «*целевым несоответствием*». Целевое несоответствие считается положительным, если уровень цели выше уровня прошлого действия, в противоположном случае мы имеем дело с *отрицательным* целевым несоответствием.

Величина достижения; успех и неудача. Индивид установил свой уровень притязаний и затем произвел действие, имея в виду эту цель (точка 3 нашей временнóй последовательности). Результат этого действия можно назвать «*величиной достижения*». Разница между уровнем притязаний и величиной достижения будет «*несоответствием достижения*». Оно считается положительным, если достижение выше уровня притязаний, и *отрицательным*, если достижение ниже уровня притязаний.

Два главных фактора, от которых зависит чувство успеха или неудачи, — это знак и размер «несоответствия достижений». Термины «успех» и «неудача» будут употребляться для обозначения субъективного (психологического) чувства успеха и неудачи, а не разницы между уровнями притязаний и достижения. В быту мы говорим об успехе и неудаче в обоих смыслах, иногда относя их к разнице между точками 2 и 3 (уровень притязаний и новое действие), иногда же — к точке 4 (реакция на новое действие). Мы называем разницу между точками 2 и 3 «несоответствием достижений», а успехом или неудачей — реакцию на это несоответствие (точка 4 нашей последовательности).

Словесная цель и действительная цель. Как измерить или операционально определить различные целевые уровни действия — на этот технический вопрос в разных исследованиях приходится отвечать по-разному. В эксперименте наблюдение или измерение уровня действия (точки 1 и 3 временнóй последовательности) обычно не составляет труда. Трудным оказывается измерение уровня притязаний и других точек психологической целевой структуры, таких, как идеальная цель и уровень ожидания.

Можно было бы использовать несколько реакций для косвенного определения уровня притязаний, если бы были известны его законы. Одним из лучших методов определения уровня притязаний, идеальной цели, а также уровня ожидания является пока прямое высказывание субъекта. Конечно, существует

опасность, что словесное или письменное утверждение не будет на самом деле открывать «истинную цель» индивида или «истинное ожидание». Например, нельзя спрашивать индивида после действия в точке 4 нашей временнóй последовательности, каков был его уровень притязаний в точке 2 — после неудачи его словесное высказывание может быть рационализацией. Важно иметь словесное высказывание в ситуации, к которой оно относится. В случае, когда социальная атмосфера относительно благоприятна, прямое высказывание индивида является лучшим операциональным определением различных целевых уровней. При выборе задач с различной степенью трудности в качестве меры для определения цели действия может быть использовано поведение индивида.

Размер целевых единиц. Индивид может пытаться накинуть кольцо на стержень и при этом может достичь или не достичь своей цели. В другом случае цель может состоять в том, чтобы накинуть на стержень серию из пяти колец. Насколько высоко достижение (один промах, три промаха) — можно установить только после того, как брошены все пять колец. Реакция испытуемого на соответствующее достижение, сопровождающаяся чувством успеха или неуспеха, будет относиться в последнем случае к достижению в целом, а не к каждому броску в отдельности.

Размер единиц деятельности, к которой относится цель, является важным моментом, который нужно учитывать при обсуждении проблемы уровня притязаний. Максимальный размер и сложность единиц, к которым может относиться цель, — важные характеристики определенных возрастных групп детей. Чтобы избежать недоразумения, нужно всегда иметь в виду этот размер и характер единиц деятельности.

Ж. Нюттен

Процесс формирования цели*

Центральный процесс, опосредствующий влияние мотивации на результаты деятельности, — это процесс *выбора цели индивидом*. Мы называем этот процесс формированием цели (по аналогии с процессом формирования плана), оба процесса играют важную роль в поведении человека.

Объектом-целью мотивации человека часто оказывается не уже существующий материальный объект (к примеру, пища или сексуальный партнер), а определенный уровень исполнения или результатов, достичь которого собирается человек или достижения которого от него требует, как он полагает, общество. Даже стремление к достижению материальных объектов с целью удовлетворения физиологических потребностей приобретает характер профессиональной или социальной деятельности. Таким образом, в известной мере человек сам выбирает объекты-цели своей мотивации.

А. Генезис процесса. В экспериментальном плане некоторый свет на процесс формирования цели был пролит в работах, посвященных уровню притязаний. Многие исследования в области генетической психологии, например, работы Бюлера[1], Хетцера[2] и Готтшальдта[3], показали нам генезис этого процесса. Известно, что трехлетние дети любят рисовать каракули, они просто чертят какие-то линии и явно получают удовольствие от этого. Их мотивация, таким образом, вызывает у них целый ряд моторных реакций. Бюлер и Хетцер[4] уста-

---

* Экспериментальная психология / Ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. М.: Прогресс, 1975. Вып. V. С. 36–40.

[1] См.: *Bühler C.* Kindheit und Jugend. Leipzig: S. Hirzel Verlag, 1931.

[2] См.: *Hetzer H.* Kind und Schaffen (Quellen und Studien zur Jagendkunde). Jena: G. Fischer, 1931.

[3] См.: *Gottschaldt K.* Der Aufbau des kindlichen Handelns (Beiheft 68 zur Zeitschrift für angewundte Psychologie). Leipzig: J.A. Barth, 1933.

[4] См.: *Bühler C., Hetzer H.* Das erste Verstдndnis von Ausdruck im ersten Lebensjahr // Z. Psychol. 1928. B. 107. S. 50–61.; *Bühler C., Hetzer H., Tudor-Hart B.* Soziologische und psychologische Studien über das erste Lebensjahr (Quellen und Studien zur Jugendkunde). Jena: G. Fischer, 1927. Heft 5.

новили, что трехлетние дети очень редко придают своим каракулям значение какого-нибудь объекта. Если же это происходит, что случается не более чем в 10% случаев, то ребенок дает название своему рисунку только после окончания его. Было замечено, что некоторые четырехлетние дети уже в процессе деятельности поясняют, что будет означать их рисунок; однако среди них есть и такие, которые начинают составлять определенный план действий, т.е. ребенок говорит, что он собирается делать до начала деятельности. 80% пятилетних детей составляют предварительный план рисунка до начала его выполнения. В шесть лет так поступают все. То, что говорилось здесь применительно к рисованию, относится ко всем другим видам деятельности. Деятельность высокоорганизованного индивида не носит исключительно исполнительный характер, она протекает также и на уровне познавательных представлений и предполагает *постановку цели*. Речь идет здесь о форме антиципирующего поведения, имеющего мотивационный характер.

Рассмотрим теперь исследования уровня притязаний, в которых были подвергнуты систематическому изучению некоторые аспекты формирования цели.

Б. Уровень притязаний. Наиболее фундаментальной работой в этой области является исследование Хоппе[5], осуществленное под руководством Левина[6]. Это исследование вызвало к жизни бесчисленное множество экспериментов, в общем, более совершенных, чем эксперименты самого Хоппе[7]. Тем не менее, учитывая важное значение понятий, разработанных Хоппе на основе анализа собственных, недостаточно систематических экспериментальных данных, следует более подробно остановиться на этих понятиях. Результаты последующих 10 лет исследований были подытожены Левиным, Дембо, Фестингером и Сирсом[8]. Общий обзор этих работ на французском языке был сделан Гереном[9]. Определенный интерес в этом плане представляет также работа Робайе[10].

Успех и неудача. Прежде всего, Хоппе показал, что успех и неудача — или на языке торндайковской психологии научения «наказание» и «вознаграждение» —

---

[5] См.: *Hoppe F.* Erfolg und Miszerfolg // Psychol. Forsch. 1930. B. 14. S. 1–62.

[6] Опыты Юкнат были начаты в 1931 г. в Берлине, когда Левин еще жил там.

[7] См.: *Jucknat M.* Leistung Anspruchsniveau und Selbstbewusstsein // Psychol. Forsch. 1937–1938. B. 22. S. 89–179; *Frank J.D.* Individual differences in certain aspects of the level of aspiration // Amer. J. Psychol. 1935. Vol. 47. P. 119–128; *Lezak M.D., Raskin N.J.* A new method of analyzing the data in an experiment on «level of aspiration» // Amer. J. Psychol. 1950. Vol. 63. P. 617–618; *Sutcliffe J.P.* An evaluation of «A new method of analyzing the data in an experiment on "level of aspiration"» // Amer. J. Psychol. 1952. Vol. 65. P. 465–469.

[8] См.: *Lewin K., Dembo T. et al.* Level of aspiration // Hunt J. McV. Personality and the behavior disorders. N.Y., 1944. P. 333–379.

[9] См.: *Guérin F.* Aperçu général sur les tests et les expériences de niveau d'aspiration // Rev. Psychol. appl. 1958. Vol. 8. P. 37–89, 221–251.

[10] См.: *Robaye F.* Niveaux d'aspiration et d'expectation. Critéres de personnalité. Paris: P.U.F., 1957.

не могут быть определены в объективных терминах. В данном случае, говорит автор, испытуемые, приступая к работе, ставят перед собой конкретную цель: они хотят и стремятся достичь определенного уровня результатов. Это и есть их уровень притязаний (Anspruchsniveau): то, к реализации чего они стремятся. Соотношением между уровнем конкретных притязаний и фактическим уровнем исполнения и определяется качественная оценка результатов деятельности, т.е. успех или неуспех деятельности. В одном из опытов Хоппе от испытуемого требовалось набрасывать кольца на крючки, закрепленные на ленте, передвигающейся перед ним с установленной скоростью. Оказалось, что один и тот же объективный результат (10 наброшенных колец из 16) может быть успехом для одного и неудачей для другого; и то, что может быть успехом в одном случае, при других обстоятельствах может оказаться неудачей. Более того, полученный результат является успехом или неудачей лишь в той мере, в какой он расценивается испытуемым как его *личное* достижение, а не как, скажем, случайность. Таким образом, для каждого испытуемого зона деятельности, в рамках которой он в состоянии оценивать свой результат как успех или неудачу, достаточно ограничена и более или менее специфична. За пределами этой зоны, т.е. когда задачи становятся либо слишком трудными, либо слишком легкими, результат расценивается в зависимости от природы самой задачи. В одном из экспериментов, предполагавшем определенную скорость реакции, испытуемый не расценивал отрицательный результат как неудачу, если данное ему время было меньше 60 с, точно так же он не считал хороший результат успехом, когда время превышало 2 мин. Можно утверждать, что в этом опыте субъективная зона успеха и неудачи располагалась между 70 и 110 с. Когда предложенная задача выходила за пределы этой зоны, часто можно было наблюдать появление у испытуемого замещающих целей <...> или реакцию избегания (игру и т.д.).

В. Повторение и новые цели. Очень важным моментом является повторение одной и той же деятельности. Вопреки известному закону эффекта испытуемый повторяет одну и ту же деятельность не потому, что она привела к успеху. Повторение деятельности мотивируется, например, тем, что испытуемый предполагает на этот раз набросить на каждый крючок два кольца вместо одного или же хочет испытать новый метод работы и т.д. Другими словами, речь в этом случае идет не о повторении, как таковом, а о новой задаче, которую ставит перед собой испытуемый. Сказанное имеет прямое отношение к изучению процесса формирования и постановки новых целей человеком (Zielbildung) в зависимости от предшествующего успеха или неудачи. В данном случае мы имеем дело с такой формой научения и развития поведения, которую нельзя объяснить с точки зрения подкрепления связей. Простое, стереотипное повторение (характерное для некоторых видов профессиональной деятельности) вызывает явления насыщения и скуки, которые порождают потребность в перемене деятельности и исследовании или заставляют пробовать новые действия и ставить новые цели.

Г. Притязание и ожидание. В экспериментах Хоппе проводил различие между реальной (Realziel) и идеальной (Idealziel) целями, которые испытуемые часто смешивают при определении уровня своих притязаний. Фестингер[11] показал, что результаты, которые испытуемые «хотели бы» получить, существенно выше тех, которые они «ожидают» получить. Работы Ирвина и Минтцера[12] подтвердили необходимость такого различения, что заставило некоторых исследователей говорить об уровне ожиданий[13]. Следует отметить, однако, что для Хоппе[14] термин Anspruchsniveau относится к реальной цели. Как показал Хоппе, знание дистанции между идеальной и реальной целями особенно важно при изучении личности.

Д. Начальный уровень притязаний. Большее или меньшее постоянство колебаний уровня притязаний в зависимости от эффективности деятельности, по-видимому, как-то связано с динамической структурой Я. Сначала этот факт привлек к себе внимание Хоппе в связи с постоянством некоторых интраиндивидуальных закономерностей изменения начального уровня притязаний (Anfangsniveau). Испытуемый 19, который терпел неудачу за неудачей и был вынужден снижать всякий раз свой уровень притязаний в процессе испытаний, приступал к каждой новой задаче, имея более высокий уровень притязаний, чем у остальных испытуемых. Напротив, испытуемый 14, добившийся известных успехов, приступал к каждому испытанию с самым низким уровнем притязаний.

Е. Уровень притязаний после успеха или неудачи. Более важным, чем начальный уровень (который большинство более поздних исследователей склонно вообще игнорировать[15]), является изменение уровня притязаний в результате ознакомления с реальными результатами. И в этом случае первые важные выводы, в общих чертах подтвержденные позднейшими исследователями, были сделаны Хоппе. В целом в условиях нашей культуры уровень притязаний повышается после успеха и снижается после неудачи. В экспериментах Хоппе вслед за успехом уровень притязаний повышался в 32% случаев (из 165), никогда не снижался (0%) и оставался неизменным в 3% случаев. После неудачи в 27% случаев произошло снижение уровня притязаний, повышения не наблюдалось, в 12% случаев уровень остался неизменным (во всех остальных случаях испытуемые прекратили эту работу и приступили к другой и т.д.).

---

[11] См.: *Festinger L.* Wish, expectation, and group standards as factors influencing level of aspiration // J. Abnorm. Soc. Psychol. 1942. Vol. 37. P. 184–200.

[12] См.: *Irwin F.W., Mintzer M.G.* Effect of differences in instructions and motivation upon measures of the level of aspiration // Amer. J. Psychol. 1942. Vol. 55. P. 400–406.

[13] См.: *Atkinson J.W.* Motives in fantasy, action and society. N.Y., 1958; *Robaye F.* Niveaux d'aspiration et d'expectation. Critéres de personnalité. Paris: P.U.F., 1957.

[14] См.: *Hoppe F.* Erfolg und Miszerfolg // Psychol. Forsch. 1930. B. 14. P. 30.

[15] См.: *Frank J.D.* Individual differences in certain aspects of the level of aspiration // Amer. J. Psychol. 1935. Vol. 47. P. 119–128.

Юкнат[16], применившая усовершенствованную и более тонкую методику, получила более высокий процент повышения уровня притязаний в зависимости от степени успешности деятельности: 96%, 80% и 55% случаев соответствовали трем степеням успешности: большому успеху, явному успеху и просто успеху; аналогичным степеням неуспешности соответствовало снижение уровня в 88%, 80,5% и 78% случаев. В остальных случаях происходило изменение уровня притязаний в противоположном направлении, так как автор применял метод лабиринтов, который требовал от испытуемого в качестве последующего действия выбора лабиринта большей или меньшей степени трудности. Сохранение неизменного уровня притязаний оказывалось, таким образом, невозможным. Интересный вывод, следующий из целого ряда исследований, состоит в том, что испытуемые, принадлежащие к современной западной культуре, почти всегда выбирают себе в качестве цели при решении новой задачи результат, превосходящий полученный в первой предварительной попытке. Таким образом, можно осуществить сравнительное исследование формирования цели в условиях различных культур.

Ж. Уровень Я. Хоппе проанализировал также, как именно испытуемые повышают и снижают свой уровень притязаний. Некоторые интраиндивидуальные константы позволили ему снова сделать вывод об их связи с динамической структурой личности. Хоппе предложил такие понятия, как «уровень Я» (Ichniveau) и «самосознание», или «концепция Я» (Selbstbewusstsein). Последнее понятие близко к понятию «self-concept». Тщательный анализ Хоппе привел к тому, что исследование уровня притязаний превратилось в чрезвычайно ценный метод экспериментального изучения личности[17]. Следует отметить, однако, что степень общности и постоянства результатов в этой области не всегда достаточно высока. Измерение разницы между результатом исполнения конкретной задачи и уровнем, которого предполагает достичь испытуемый в следующей попытке (эта разница называется goal discrepancy score[18]), показало, что значения корреляции между этими двумя величинами в двух опытах, проводимых с одним и тем же испытуемым, могут варьировать от 0,26 до 0,75[19] и даже от 0,04 до 0,44[20].

---

[16] См.: *Jucknat M.* Leistung Anspruchsniveau und Selbstbewusstsein // Psychol. Forsch. 1937–1938. B. 22. S. 89–179.

[17] См.: *Murray H.A.* Explorations in personality. N.Y., 1938; *Rotter J.B.* Level of aspiration as a method of studying personality: I. A critical review of methodology // Psychol. Rev. 1942. Vol. 49. P. 463–474; *Rotter J.B.* Level of aspiration as a method of studying personality: II. Development and evaluation of a controlled method // J. Exp. Psychol. 1942. Vol. 31. P. 400–422.

[18] Величина отклонения цели (*англ.*).

[19] См.: *Frank J.D.* Individual differences in certain aspects of the level of aspiration // Amer. J. Psychol. 1935. Vol. 47. P. 119–128.

[20] См.: *Gould R.* An experimental analysis of «level of aspiration» // Genet. Psychol. Monogr. 1939. Vol. 21. P. 1–116.

3. Приложения. Изучалась зависимость уровня притязаний от возраста детей[21], его связь с деятельностью группы[22], а также с потребностью в достижении и рискованным поведением[23] и т.д. Особый интерес представляет тот факт, что большая вариабельность уровня притязаний характерна для патологии и личностей с высоким уровнем тревожности. Группа исследователей лондонского госпиталя Модсли[24] показала, что неврастеники и дистимики ставят перед собой, как правило, более высокие цели, чем нормальные люди, тогда как для истериков характерен минимальный уровень притязаний: они часто ставят перед собой более низкую цель, чем та, которую они только что достигли.

---

[21] См.: *Anderson C.* The development of a level of aspiration in young children. Dissertation doctorale. Univ. de Iova. 1940; *Gottschaldt K.* Der Aufbau des kindlichen Handelns (Beiheft 68 zur Zeitschrift für angewandte Psychologie). Leipzig: J.A. Barth, 1933.

[22] См.: *Hertzman M., Festinger L.* Shifts in explicit goals in a level of aspiration experiment // J. Exp. Psychol. 1940. Vol. 27. P. 439–452; *Shelley H.P.* Level of aspiration phenomena in small groups // J. Soc. Psychol. 1954. Vol. 40. P. 149–164; *Nuttin J. Rombauts J.* Le niveau d'aspiration en fonction de l'homogénété et de l'hétérogénéité ethniques du groupe. Louvain, 1962.

[23] См.: *Atkinson J.W.* Motivational determinants of risk-taking behavior // Psychol. Rev. 1957. Vol. 64. P. 359–372; *Atkinson J.W.* Motives in fantasy, action and society. N.Y., 1958.

[24] См.: *Eysenck H.J., Himmelweit H.T.* An experimental study of the reactions of neurotics to experiences of success and failure // J. Gen. Psychol. 1946. Vol. 35. P. 59–75; *Himmelweit H.T.* A comparative study of the level of aspiration of normal and neurotic persons // Brit. J. Psychol. 1947. Vol. 37. P. 41–59.

К.С. Холл,
Г. Линдсей

[Структура и динамика личности в теории поля Курта Левина]*

Структура личности

Первый шаг в определении человека как структурного понятия — представить его как целостность, отдельную от всего остального. Это можно сделать так, как делается в словарях, например, когда человек определяется как индивид (по словарю *Webster*) или же с помощью пространственной репрезентации человека. Поскольку пространственная репрезентация может быть выражена математически, а вербальные определения — нет, Левин предпочитает определять структурные понятия пространственно. Пойдя этим путем, Левин с самого начала пытается математизировать свои понятия. По Левину, важным преимуществом такой научной стратегии является то, что математические репрезентации требуют точных формулировок, тогда как вербальные определения неточны и двусмысленны. Далее, при математической репрезентации можно получить важную информацию посредством математических операций. Можно искать неизвестные, записывать уравнения, формулировать функциональные отношения. Слова же ведут за собой новые слова, и только. Математика, напоминает Левин — надлежащий язык научного дискурса [рассуждения. – *Ред.-сост.*], хотя математика, используемая Левином для репрезентации психологических понятий — не та, с которой знакомо большинство людей. Математика Левина — неметрическая, она описывает пространственные отношения не в евклидовых терминах. В сущности, это математика для описания взаимосвязей и взаимокоммуникаций в пространстве безотносительно к размеру и форме.

Отделение человека от остального мира находит завершение в образе замкнутой фигуры. Границы фигуры определяют границы целостности, известной

---

* *Холл К.С., Линдсей Г.* Теории личности. М.: «КСП+», 1997. С. 348–376.

как «человек». Все, находящееся внутри границ, обозначается *P* (*the person*), все, лежащее за пределами границ, обозначается, как *не-P*. Неважно, будет ли нарисованная фигура кругом, квадратом, треугольником, восьмиугольником или фигурой неправильной формы — важно, что она полностью замкнута.

Сделаем здесь паузу и обсудим, что же концептуализируется посредством репрезентации человека как замкнутой фигуры. Поскольку абсолютный размер и форма — несущественные свойства репрезентации, единственно значимым свойством рисунка 1 является то, что он изображает полностью ограниченную площадь внутри большей.

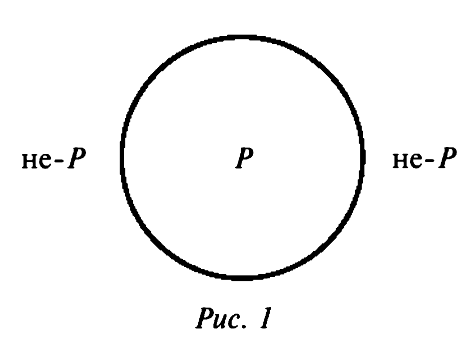


Рис. 1

Следовательно, когда рисуется круг на листе бумаги, концептуализируются два свойства человека. Это: 1) отделенность от остального мира посредством сплошной границы и 2) включенность в большее пространство. Первое свойство — ***дифференциация,*** второе — ***отношение «часть-целое»***.

Иными словами, человек представлен как отделенный от большей целостности, но и включенный в нее. Такое представление не расходится со здравым смыслом, поскольку кожа или одежда представляют видимые границы, отделяющие человека от большого мира, по которому он идет и частью которого является, что вполне очевидно.

Психологическая среда

Если бы нас интересовал только человек, а не мир, частью которого он является, мы бы остановили наше внимание лишь на свойствах пространства, очерченного окружностью, проигнорировав саму границу и внешние области. На этом пути, однако, мы не сможем заметить важные взаимодействия между человеком и средой.

Следовательно, следующий шаг в репрезентации психологической реальности — нарисовать другую замкнутую фигуру, большую, чем человека и окружающую его. Форма и размер не имеют значение, коль скоро она отвечает двум условиям — быть больше человека и окружать его. Для этой репрезентации Левин избрал фигуру, близкую по форме к эллипсу. Необходимо еще одно качество. Новая фигура не может совпадать с какой-либо частью круга, репрезентирующего человека. Должно существовать пространство между границами человека и границами большей фигуры. За исключением этого ограничения круг может быть размещен в любом месте внутри эллипса. Относительные размеры двух фигур несущественны.

Теперь наша картина — круг, вписанный в эллипс, но его не касающийся (рис. 2). Район между двумя периметрами — ***психологическая среда,*** E (*environ-*

ment). Все пространство внутри эллипса, включая круг — *жизненное пространство,* L (*life*). Пространство вне эллипса репрезентирует непсихологические аспекты мира. Для удобства будем называть это пространство физическим миром, хотя он не ограничен только физическими явлениями. Например, в непсихологическом мире есть и социальные явления.

(P + E = Жизненное пространство, L)

Рис. 2

Хотя это простое упражнение — рисование фигур — может показаться неубедительным, оно абсолютно необходимо для понимания и оценки теории Левина. Важно, утверждает Левин, начать с объемлющей картины психологической реальности, картины наибольшей общей валидности, а затем, шаг за шагом, двигаться к дифференцированию из этой широкой панорамы деталей, на основе чего может быть достигнуто понимание конкретной психологической ситуации. Левин убежден, что, если общая картина психологической реальности неточна, не может быть верной и более детальная картина.

Круг-в-эллипсе — не просто иллюстрация или учебная картинка; это — достоверная репрезентация наиболее общих структурных понятий левиновской теории, а именно — «человек», «психологическая среда», «жизненное пространство». Круг-в-эллипсе — это карта или концептуальная репрезентация реальности, и функция ее, как и любой карты, заключается в том, чтобы вести своего пользователя по незнакомой территории и знакомить с новыми фактами относительно реальности.

Жизненное пространство

Хотя мы начали с человека и впоследствии окружили его психологической средой, было бы ближе к левиновской идее (идти от общего к частному) начать с жизненного пространства и дифференцировать в нем человека и среду. Ибо жизненное пространство есть вселенная психолога; это — вся психологическая реальность. Оно содержит тотальность возможных событий, способных повлиять на поведение индивида. Оно включает все, что нужно знать для понимания конкретного поведения человеческого индивида в данной психологической среде и в данное время. Поведение — функция жизненного пространства. B = f (L)[1].

[1] *B — behavior* (поведение), *f — function* (функция) — *англ.*

Задача динамической психологии — однозначно вывести поведение данного индивида из тотальности психологических событий, существующих в жизненном пространстве в данный момент[2].

Тот факт, что жизненное пространство окружено физическим миром, не означает, что жизненное пространство — часть физического мира (рис. 3.)

Рис. 3

Скорее, жизненное пространство и пространство за его пределами — дифференцированные и отдельные регионы большей тотальности. Что это за тотальность, — какова эта большая вселенная — конечная или бесконечная, являет она хаос или космос — не имеет к психологии никакого отношения, за исключением одного важного момента. События, существующие во внешнем регионе и соседствующие с границей жизненного пространства — Левин назвал этот регион «внешней оболочкой жизненного пространства» — могут материально воздействовать на психологическую среду. То есть непсихологические события могут изменять психологические. Левин полагал, что изучение событий, происходящих во внешней оболочке, может быть названо «психологической экологией»[3]. Первый шаг психологического исследования — установить природу событий, существующих на границе жизненного пространства, поскольку эти факты помогут определить, что возможно, а что — нет, что может случиться в жизненном пространстве, а что не может. Левин проделал эту работу перед тем, как предпринял исследование пищевых навыков у людей и возможности их изменения[4].

События в психологической среде также могут вызывать изменения в физическом мире. Между этими двумя мирами — двустороннее сообщение. Соответственно, говорят, что граница между жизненным пространством и внешним

[2] См.: *Lewin K.* Principles of Topological Psychology. N.Y.: Mcgraw-Hill, 1936.

[3] См.: *Lewin K.* Field Theory in Social Sciences: Selected Theoretical Papers / D. Cartwright (Ed.). N.Y.: Harper and Row, 1951. Ch. VIII.

[4] См.: *Lewin K.* Forces behind Food Habits and Methods of Change // Bull. Nat. Res. Counc. 1943. Vol. 108. P. 35–65; *Lewin K.* Field Theory in Social Sciences: Selected Theoretical Papers / D. Cartwright (Ed.). N.Y.: Harper and Row, 1951. Ch. VIII.

миром обладает свойством ***проницаемости***. Граница напоминает проницаемую мембрану или сеть — скорее, чем стену или жесткий барьер. Отметим по ходу дела, что физический мир не может прямо коммуницировать с человеком, равно как и человек не может напрямую коммуницировать с внешним миром. Событие, прежде чем повлиять на человека или испытать его влияние, должно стать фактом психологической среды. Это ясно при взгляде на рисунок, изображающий человека полностью окруженным пространством психологической среды.

Указание на проницаемую границу между жизненным пространством и физическим миром чрезвычайно важно. Поскольку события в непсихологическом мире могут кардинально менять все течение событий в жизненном пространстве, предсказания, основанные только на знании психологических законов, несерьезны. Никогда нельзя быть уверенным заранее, что какое-то событие из внешней оболочки не нарушит границу жизненного пространства и не перевернет вверх тормашками психологическую среду. Случайная встреча, неожиданный телефонный звонок, авария, как известно, могут изменить течение жизни. Поэтому, подчеркивает Левин, для психолога реальнее понять конкретную, в данный момент существующую психологическую ситуацию при помощи описания и объяснения в терминах теории поля, нежели попытаться предсказать, как собирается вести себя человек в некотором будущем.

Следует отметить другое свойство жизненного пространства. Хотя человек окружен психологической средой, он — не часть среды и не включен в нее. Психологическая среда заканчивается у периметра круга, так же, как непсихологический мир — у периметра эллипса. Однако, граница между человеком и средой также проницаема. Это означает, что события среды могут влиять на человека, $P = f(E)$, и наоборот, $E = f(P)$. Прежде, чем мы перейдем к обсуждению природы этих явлений, следует ввести еще одну дифференциацию в отношении структуры человека и среды.

Дифференцированный человек

До этого момента человек был нами представлен как пустой круг. Такая репрезентация была бы адекватной, если бы человек был совершенной целостностью, а это не так. Левин утверждает, что структура человека не гомогенна, что она подразделяется на отдельные, хотя и взаимокоммуницирующие и взаимозависимые части. Чтобы представить эту ситуацию, нужно разделить пространство внутри круга на зоны.

Это делается следующим образом. Сначала разделите человека на две части, нарисовав внутри большого круга меньший с тем же центром. Внешняя часть представляет ***перцептуально-моторный регион*** (***P-M***), центральная — ***внутренний*** (***I-P***) (*inner-personal*). Внутренний регион полностью окружен перцептуально-моторным пространством, так что не имеет прямых контактов с границей, отделяющей человека от среды (рис. 4).

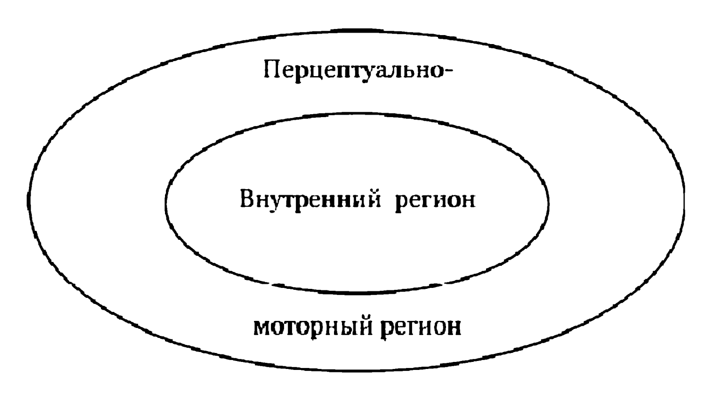


Рис. 4

Следующий шаг — поделить внутренний регион на ячейки (рис. 5). Ячейки, граничащие с перцептуально-моторным регионом, называются периферическими (р); находящиеся в центре — центральными (с). Левин не очень ясно говорит о дифференциации перцептуально-моторной сферы на меньшие регионы. Он полагает, что моторная система действует как единое, поскольку обычно в определенный момент осуществляет лишь один акт. Аналогично, перцептуальная система также обычно функционирует унифицировано, то есть в один момент времени человек может воспринимать только одну вещь.

Однако ясно, что моторную систему следует отделить от перцептивной, поскольку они независимы. Как это следует представить пространственно, не раскрывается. Быть может, лучшим решением, которого придерживается и Левин, является оставить перцептуально-моторную систему неструктурированной, помня при этом, что, когда влияние направлено из среды к человеку, регион, окружающий внутриличностную сферу, представляет перцептивные процессы,

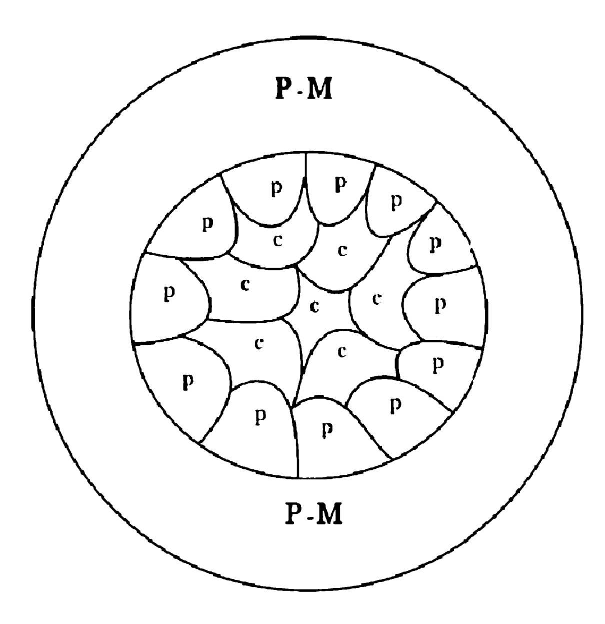


Рис. 5

а в случаях, когда влияние направлено от человека к среде, он представляет моторную систему. Это согласуется и со здравым смыслом — вход предполагает восприятие, а выход — моторный акт.

Теперь мы располагаем точной концептуальной репрезентацией структуры человека. Человек определяется как дифференцированный регион в жизненном пространстве. Теперь обратимся к психологической среде.

Дифференцированная среда

Гомогенная или недифференцированная среда — такая среда, все события в которой в равной степени влияют на человека. В такой среде человек обладал бы совершенной свободой передвижения, поскольку в ней не было бы мешающих барьеров. Такая полная свобода передвижения объективно не отражает истинное положение дел. Следовательно, необходимо разделить среду на регионы (рис. 6).

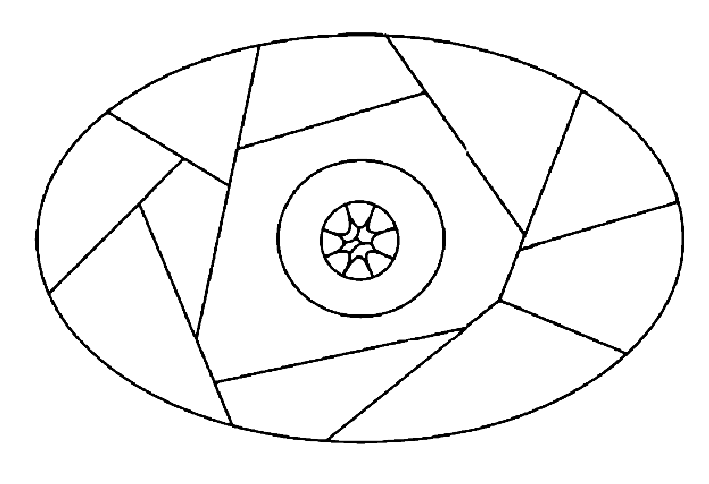


Рис. 6

Между внутренней дифференциацией среды и внутренней дифференциацией человека есть различие. Нет необходимости выделять различные *виды* регионов среды. Среда не содержит ничего сравнимого с перцептуально-моторным слоем или внутриличностной сферой. Все регионы среды схожи. Следовательно, нас устроит любая картина пересекающихся линий. Необходимо, однако, отметить, что при конкретной репрезентации конкретного человека в конкретной психологической ситуации в данный момент времени точное число и относительное положение субрегионов среды, как и точное число и относительное положение во внутренней сфере, должно быть известно, иначе поведение будет непонятно. Полный и точный структурный анализ отражает всю совокупность возможных психологических событий в данный момент времени. Динамический анализ — тема следующего раздела этой главы — показывает, какие из возможных событий актуально повлияют на поведение.

Связи между регионами

Теперь жизненное пространство представлено дифференцированным человеком, окруженным дифференцированной средой. Эта дифференциация показана линиями, служащими границами между регионами. Однако не предполагается, что эти границы представляют непроницаемые барьеры, которые делят человека и среду на независимые и несвязанные регионы. Проницаемость, как мы уже говорили, одно из свойств границы. Коль скоро это так, жизненное пространство представляет сеть взаимосвязанных систем.

Что имеется в виду, когда мы говорим о связи между регионами? Чтобы ответить на этот вопрос, допустим, что каждый субрегион среды содержит один психологический факт, и что один и тот же факт не появляется одновременно более чем в одном регионе. (То, как Левин в этом контексте использует слово *«факт»,* может казаться странным. Для Левина факт — не только нечто доступное наблюдению типа стула или футбольной игры; это также нечто, не наблюдаемое непосредственно, но выводимое из наблюдаемого. Иными словами, есть эмпирические или феноменальные факты и гипотетические или динамические факты. Все воспринимаемое или выводимое относится к фактам. Событие же есть результат взаимодействия нескольких фактов. Стул и человек — каждый из них является фактом, но человек, садящийся на стул — событие). О связи двух регионов говорят, когда факт одного региона коммуницирует с фактом другого. Например, о связи человека со средой говорят постольку, поскольку факт среды может изменить, модифицировать, переместить, интенсифицировать, минимизировать факты внутри человека. На обычном языке: среда может менять человека и наоборот. О связи двух регионов Левин говорит и тогда, когда факты одного региона «поддаются» фактам другого. Податливость — пространственный «двойник» влияния.

Наша непосредственная проблема — представить меру влияния или податливости между регионами. Для этого есть несколько путей. Один из них — поместить эти регионы рядом, если влияние одного на другой велико (рис. 7) и разместить их далеко друг от друга в случае слабого влияния (рис. 8). Число

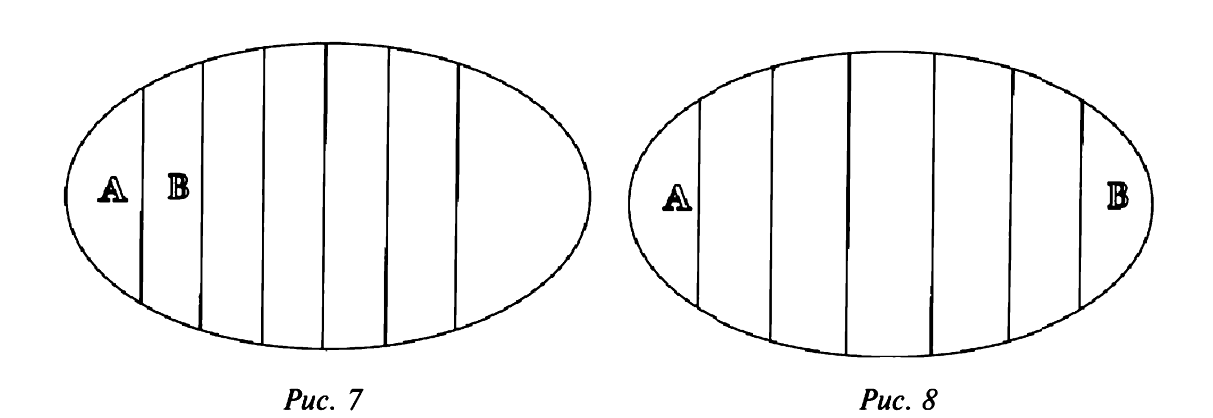


Рис. 7 *Рис. 8*

регионов, размещающихся между *A* и *B*, отражает степень их влияния друг на друга. Этот тип репрезентации можно назвать *«близость – удаленность»*.

Например, регион, похороненный глубоко в центральной части внутриличностного слоя, может отстоять на много ячеек от перцептуально-моторного пространства. В таких обстоятельствах факту среды будет трудно достичь отдаленного центрального региона, так же как факт, укорененный в центральном регионе, будет очень мало коммуницировать — или не будет совсем — со средой. Они будут относительно независимы друг от друга. С другой стороны, периферический регион внутриличностной сферы, граничащий с перцептуально-моторной системой, может быть очень восприимчив к фактам среды.

Два региона могут быть очень близки друг к другу и даже иметь общую границу, и все же не влиять друг на друга вообще. Степень связанности и взаимозависимости — проблема не только количества границ, которые необходимо пересечь; она зависит также от силы сопротивления границы. Если сопротивление сильно, не имеет значения, насколько близки регионы; они будут мало влиять друг на друга. С другой стороны, два региона могут быть далеки и все же оказывать друг на друга существенное влияние — если границы слабы.

Сопротивление границы или ее проницаемость репрезентируются толщиной граничной линии. Очень тонкая линия означает слабую границу, очень толстая — непроницаемую (рис. 9). Этот тип репрезентации может быть назван *«прочность – слабость»*.

Граница не обязательно одинаково проницаема с обеих сторон. Скажем, факт в регионе *A* может влиять на факт в регионе *B*, но факт в регионе *B* может не иметь реального влияния на факт в регионе *A*. Представить это различие можно сделав два рисунка, на одном из которых граничная линия будет тонкой, на другом — толстой. Концептуально это правильно, поскольку влияние *A* на *B* — психологически иная ситуация, нежели влияние *B* на *A*.

Третий способ представить взаимосвязи между регионами — принять во внимание природу среды региона. Среда региона — это качество его покрытия или поверхности. Левин различал несколько свойств среды, наиболее важное из которых — *текучесть–ригидность*. Текучая среда — та, что быстро реагирует

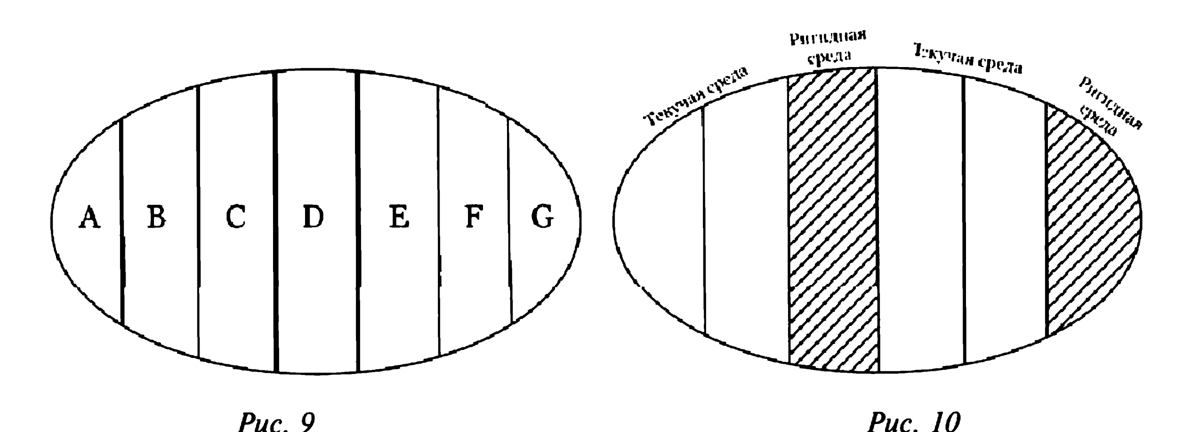


Рис. 9 *Рис. 10*

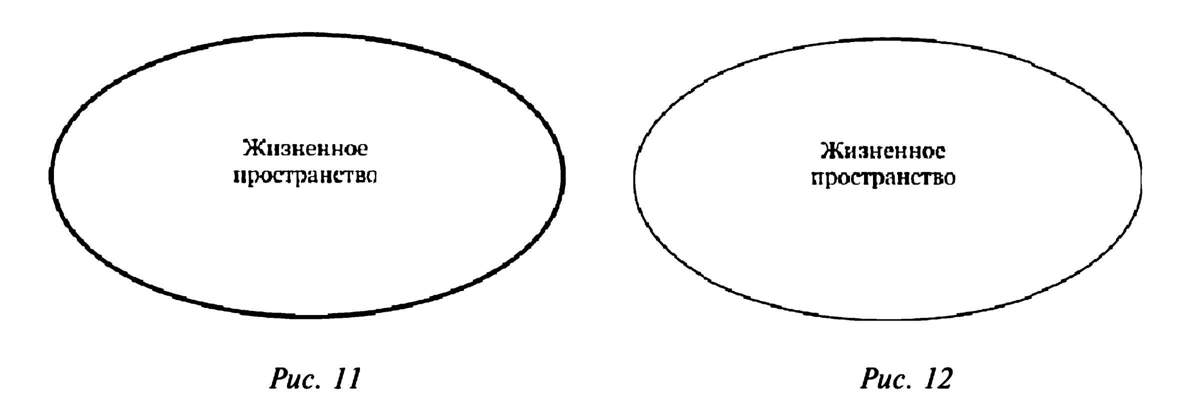


Рис. 11 *Рис. 12*

на любое воздействие. Она подвижна и гибка. Ригидная среда сопротивляется изменениям. Она жестка и неэластична (рис. 10). Два региона, отделенные друг от друга регионом с очень ригидной внутренней средой, будут неспособны к взаимной коммуникации. Аналог — человек, пытающийся преодолеть топь или пробраться через густой подлесок.

При помощи использования понятий близости-удаленности, твердости-слабости, текучести-ригидности можно представить большую часть возможных взаимосвязей в жизненном пространстве. Рассмотрим несколько конкретных примеров. На рис. 11 граница жизненного пространства толстая, а на рис. 12 — тонкая. Рис. 11 отражает ситуацию, когда внешний мир мало влияет на жизненное пространство, а жизненное пространство — на внешний мир. Человек инкапсулирован в своей психологической среде; контакты с физической реальностью слабы. Приходят мысли о шизофренике в плохом состоянии или человеке, который уснул или видит сон. Рис. 12 иллюстрирует прямо противоположную ситуацию. Жизненное пространство и внешний мир тесно связаны. Изменения, происходящие во внешнем мире, влияют на состояние жизненного пространства, а изменения жизненного пространства — на внешний мир. Это — картина человека, чья психологическая среда настроена на физический мир. Малейшее изменение во «внешней оболочке» немедленно отражается изменением психологической среды.

Рис. 13 и 14 отображают податливого и неподатливого человека. Один отгорожен от среды толстой стеной, другой же свободно и легко обменивается с психологической средой.

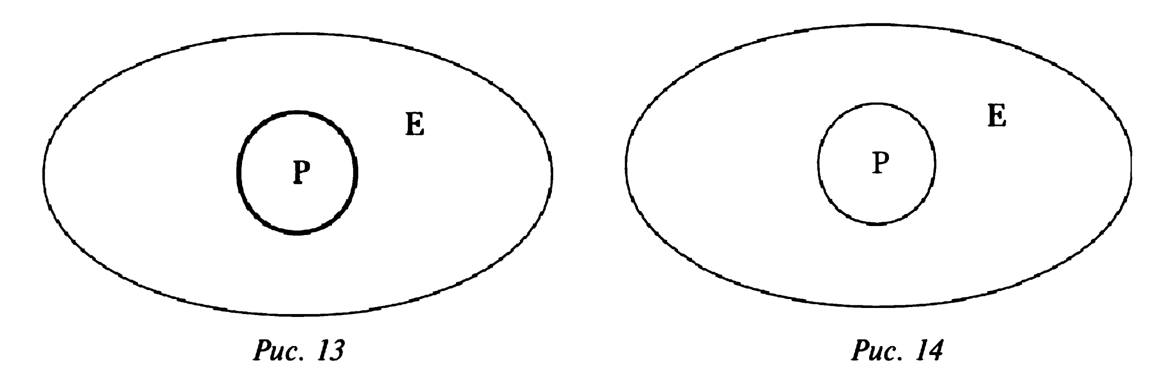


Рис. 13 *Рис. 14*

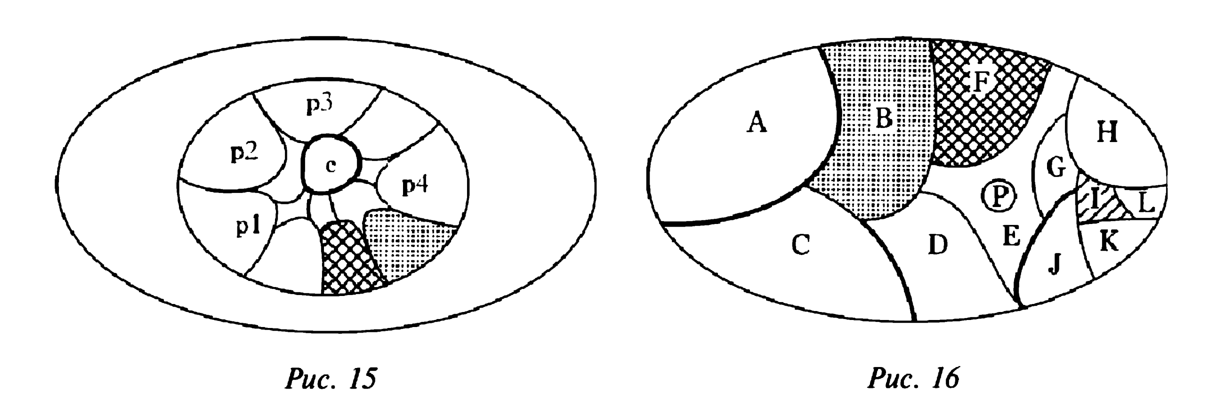


Рис. 15 *Рис. 16*

Рис. 15 изображает человека с более сложной структурой. Ячейки p_1 и p_2 тесно связаны, тогда как p_2 и p_3 отрезаны друг от друга непроницаемой границей. Регион *c* неподатлив или малоподатлив в отношении любого другого. Это выглядит так, как если бы эта область была диссоциирована относительно остального в человеке. Перекрестно заштрихованная ячейка не подвержена влиянию в силу свойств своей поверхности, в то время как усеянная точками легко поддается влиянию. Регион p_4 отдаленно связан с p_1, p_2 и p_3. На рис. 16 изображена психологическая среда сложной структуры.

Следует иметь в виду, что на этих рисунках изображены ситуации в определенный момент времени. В них нет ничего фиксированного или статичного, и вследствие действия динамических сил они постоянно меняются. Нельзя сказать, что человек таков на протяжении длительного периода времени. Жесткая граница может внезапно испариться, слабая граница — уплотниться. Отдаленные регионы могут сойтись. Жесткая среда может смягчиться, текучая — затвердеть. Даже число регионов может ежемоментно меняться. Соответственно, пространственные репрезентации непрерывно теряют актуальность, поскольку изменяется психологическая реальность. Левин не слишком опирается в своих построениях на фиксированные черты, ригидные навыки или иные константы личности. Понятия такого рода — признаки аристотелевского типа мышления, осуждаемого Левином[5].

Количество регионов

Чем определяется количество регионов в жизненном пространстве? Количество регионов определяется количеством отдельных психологических фактов, существующих в данный момент времени. Когда существуют лишь два факта, — человек и среда, — в жизненном пространстве есть лишь два региона. Если среда содержит два факта, например, факт игры и факт работы, тогда среда должна быть разделена на пространство игры и пространство работы. Если есть ряд фак-

[5] См.: *Lewin K.* A dynamic Theory of Personality. N.Y.: McGraw-Hill, 1935. Ch. 1.

тов игры различного рода — например, факт игры в футбол, факт игры в шахматы, факт игры в дартс — тогда пространство игры должно быть разделено на столько субрегионов, сколько есть отдельных фактов игры. Точно так же могут быть различного рода факты работы, каждому из которых должен принадлежать собственный регион. Если для человека не составляет разницы, играет он в футбол, шахматы или дартс, а важно просто то, что он играет, тогда будет лишь одна область игры, а не три. Для охваченного ужасом человека вся психологическая среда может быть наполнена одним фактом угрозы. Все остальные факты могут исчезнуть, оставив совершенно гомогенную среду. Когда к человеку начинает возвращаться спокойствие, он может обнаружить, что часть среды дает безопасность. В этот момент среда дифференцируется на пространство безопасности и пространство опасности. Короче говоря, новый регион дифференцируется в жизненном пространстве, как только возникает новый факт; регион исчезает, как только факт исчезает или сливается с другим фактом. Психологический факт соотносится с психологическим регионом.

Количество регионов в человеке также определяется количеством существующих персональных фактов. Если существует единственный факт чувства голода, тогда внутриличностная сфера будет состоять из одного региона. Но если, помимо чувства голода, есть потребность завершить данную работу, тогда внутриличностный регион будет разделен на два.

Как мы увидим позже, важнейшие факты внутриперсонального региона называются ***потребности,*** тогда как факты психологической среды называются ***валентности.*** Каждая потребность занимает отдельную ячейку во внутриличностном регионе, а каждая валентность занимает отдельный регион в психологической среде.

Человек в среде

Ранее, обсуждая положение человека в среде, мы сказали, что точное расположение круга внутри эллипса не имеет значения, за исключением ограничения на соприкосновение их границ. Это верно лишь для недифференцированной, гомогенной среды, где все факты образуют один регион, то есть где все факты идентичны. Но, коль скоро среда делится на отдельные регионы, местоположение круга оказывается существенным. Факты того региона, в который он помещен, влияют на человека больше, чем остальные. Следовательно, понимание конкретной психологической ситуации предполагает, что мы знаем, где в своей психологической среде находится человек. Физически человек может находиться в классной комнате, но психологически — вновь проводить бейсбольную игру на площадке. Некоторые факты, существующие в классе, например, слова учителя, могут вообще до него не доходить, тогда как другие, например, записочка от соседки, очень просто могут оторвать от размышлений об игре в мяч.

Локомоция и коммуникация

То, как между собой связаны регионы, образующие жизненное пространство, репрезентирует степень влияния или податливости в отношениях между регионами. Но как в точности выражается влияние или податливость? В предыдущем примере относительно мальчика, податливого записке соседки, но неподатливого словам учителя, податливость означает, что мальчику легче двигаться к региону девочки, чем к региону учителя. Когда девочка осуществляет действие передачи мальчику записки, он может выйти из бейсбольного региона и перейти в ее регион. Он осуществил то, что Левин называет локомоцией. Два региона тесно связаны, податливы друг относительно друга и влияют друг на друга, если между ними легко может быть осуществлена локомоция.

Локомоция в психологической среде не означает, что человек должен совершить физическое пространственное движение; в сущности, большая часть локомоций, представляющих психологический интерес, содержит очень мало физических движений. Есть социальные локомоции — например, вступление в клуб, профессионально-деловые локомоции — например, решение проблемы, а также много других типов локомоций.

Теперь мы видим, что важным свойством психологической среды является то, что она представляет регион, в котором возможна локомоция.

> Как среду можно рассматривать все, внутри чего, в направлении чего или от чего человек как целое может осуществлять локомоции[6].

Совершая локомоцию, человек прокладывает путь через среду. Направление дороги и регионы, которые она пересекает, частично определяются силой границ и текучестью регионов, частично же — динамическими факторами, которые нам предстоит обсудить.

Стало быть, влияние регионов среды друг на друга выражается легкостью перемещения человека из одного в другой. Обнаруживают ли свое влияние друг на друга посредством локомоций и регионы личности? Нет, утверждает Левин.

> Сам человек... не может считаться средой, внутри которой объект совершает локомоции из одной части в другую[7].

О регионах личности говорят, что они *коммуницируют* друг с другом. Перцептуальный регион коммуницирует с периферическими ячейками внутриличностного региона, а те, в свою очередь, коммуницируют с ячейками, расположенными ближе к центру. Внутриличностные ячейки могут коммуницировать друг с другом и с моторной сферой. Какие регионы будут коммуницировать,

---

[6] См.: *Lewin K.* Principles of Topological Psychology. N.Y.: Mcgraw-Hill, 1936. P. 167.

[7] См.: *Lewin K.* Principles of Topological Psychology. N.Y.: Mcgraw-Hill, 1936. P. 168.

и пути коммуникаций через регионы частично определяются такими структурными характеристиками, как толщина границ и природа внутренней среды, частично — динамическими факторами.

О локомоции и коммуникации говорят как о событиях, поскольку они — следствие взаимодействия фактов. Напомним, факт репрезентируется регионом. Соответственно, события репрезентируют взаимодействие между двумя или более регионами. Левин говорит, что, когда мы выводим событие, например, локомоцию или коммуникацию, из жизненного пространства, необходимо следовать трем принципам. Первый из них, называемый *принципом связности,* уже упоминался. Он утверждает, что событие — всегда результат взаимодействия двух или более фактов. Один факт сам по себе не может вызвать события. Для этого необходимы как минимум два факта, например, человек и среда — тогда возможна локомоция. Второй принцип — *конкретности* — гласит, что эффект могут иметь лишь конкретные факты. Конкретный факт — такой, который актуально существует в жизненном пространстве. Потенциальные или возможные факты, то есть такие, которые могут существовать где-то в будущем, но сейчас не существуют, не могут вызвать события настоящего. С принципом конкретности тесно связан принцип *одновременности,* утверждающий, что лишь факты настоящего могут продуцировать поведение в настоящем. Факты младенчества и детства могут не иметь никакого влияния на поведение взрослого, если не умудрились в какой-то форме сохраниться на протяжении прошедших лет[8].

Переструктурирование жизненного пространства

Локомоции и коммуникации — не единственные события, которые могут произойти в результате столкновения одного факта (региона) с другими. Могут быть и иные последствия. Количество регионов может уменьшаться или возрастать в зависимости от того, добавляются ли новые факты в жизненное пространство и выводятся ли из него старые. Может меняться относительное местоположение регионов. Два отдаленных региона могут сблизиться, близкие — разойтись. Могут возникать изменения, касающиеся границ. Проницаемая граница может стать жесткой, сильная — слабой. Наконец, возможны изменения в свойствах поверхности регионов. Текучий регион может стать непластичным, ригидный — расслабиться. Все эти события или изменения могут быть названы переструктурированием жизненного пространства[9].

---

[8] См.: Там же. P. 18-36.

[9] См.: *Lewin K.* Field Theory in Social Sciences: Selected Theoretical Papers / D. Cartwright (Ed.). N.Y.: Harper and Row, 1951. P. 251.

Степень реальности

Пока что для обсуждения структурных представлений Левина нам было достаточно двумерной пространственной репрезентации. Однако для полной репрезентации жизненного пространства необходимо третье измерение. Это третье измерение соотносится с представлением о степени реальности и нереальности. Реальность означает актуальную локомоцию, нереальность — воображаемую. Существуют различные степени или уровни, располагающиеся между актуальностью и чистым воображением. Например, человек может вступить в клуб, изменить работу, решить проблему или же он может планировать сделать нечто, или же мечтать об этом. Планирование или размышление — промежуточные уровни между наиболее реалистичным уровнем действия и самым нереалистичным уровнем чистой фантазии.

В целом локомоция осуществляется проще по мере продвижения в направлении нереальности; границы теряют жесткость, а поверхности регионов становятся более текучими.

Левин полагает, что представление об уровнях реальности приложимо не только к структуре среды, но и к структуре человека. Хотя он не разрабатывает эту идею, но, как представляется, подразумевает, что коммуникации между регионами личности могут быть более или менее реалистичными. Например, внутриличностная ячейка может актуально повлиять на моторный регион или же это может произойти в воображении. Человек может высказать свое мнение или лишь грезить об этом.

Временное измерение или перспектива

Хотя ни прошлое, ни будущее не могут повлиять на поведение в настоящем, — в соответствии с принципом одновременности, — тем не менее, отношения, чувства, мысли о прошлом и будущем могут иметь существенное влияние на поведение. Связанные с будущим надежды могут быть для человека гораздо важнее, чем трудности настоящего. Как ожидания могут облегчить наше бремя, так же и тени прошлого могут омрачать настоящее. Таким образом, настоящее должно быть репрезентировано как включающее психологическое прошлое и психологическое будущее[10]. Это измерение может быть длинным или коротким. Оно может быть определенным или туманным. Его структура может быть простой или сложной, его границы могут быть слабыми или жесткими.

[10] См.: Там же. P. 53–56.

Резюме

Важнейшие структурные представления, обсуждаемые в этой главе, это: жизненное пространство, включающее человека в окружении психологической среды. Человек разделен на перцептуально-моторный регион и внутриличностный регион. Внутриличностный регион подразделяется на группы периферических ячеек и центральных ячеек. Психологическая среда также разделяется на регионы. Жизненное пространство окружено внешней оболочкой, представляющей часть непсихологической, или объективной, среды.

Регионы человека и среды разделены *границами*, обладающими свойством *проницаемости*. Регионы жизненного пространства *взаимосвязаны* так, что *факт* одного региона может влиять на *факт* другого. Когда между двумя фактами возникает такое влияние, говорят о *событии*. Степень связанности или мера влияния между регионами определяется *жесткостью* границ, количеством *промежуточных* регионов и *свойствами поверхности* регионов.

О связи регионов среды говорят, если человек может осуществить *локомоцию* между регионами. О связи регионов человека говорят, если они могут *коммуницировать* друг с другом.

Два других измерения жизненного пространства — *реальность-нереальность* и *прошлое-будущее*.

Левин представляет названные понятия в пространственных терминах, так что к ним приложима отрасль математики, известная как *топология*. Топология имеет дело с пространственными отношениями. Она не занимается ни размерами, ни формой, ни величиной, ни расстояниями, ни иными подобными пространственными характеристиками. Топология рассматривает такие пространственные отношения, как «включенность в», «часть-целое» и «наличие или отсутствие связи». Поскольку Левин репрезентирует свои структурные представления топологически, он называет эту часть своей системы «топологической психологией»[11].

Чтобы представить динамические понятия — такие, как направление, расстояние, сила — Левин вынужден был изобрести новый вид пространства, названный им *годологическим пространством*. Годология — это наука о путях. Путь — это то же, что локомоция. Свойства левиновского годологического пространства были также выражены линейными графами, где каждый регион представлен точкой, а каждая граница между регионами — линией, эти точки соединяющей[12].

Обсудим теперь динамические представления Левина, которые, вместе взятые, образуют то, что Левин назвал *векторной психологией*.

---

[11] См.: *Lewin K.* Principles of Topological Psychology. N.Y.: Mcgraw-Hill, 1936.

[12] См.: *Harary F., Norman R.Z., Cartwright D.* Structural Models: An Introduction to the Theory of Directed Graphs. N.Y.: Wiley, 1965.

Динамика личности

Структурная репрезентация жизненного пространства подобна дорожной карте. Хорошая дорожная карта содержит всю информацию, необходимую для планирования любого типа подхода — так же и хорошая структурная репрезентация людей и их окружения содержит все факты, знание которых необходимо для оценки любого возможного типа поведения. Но, так же, как карта не может сказать нам, какой именно поход действительно решит совершить человек, так и детальная картина жизненного пространства не скажет нам о том, как человек собирается себя вести. Только структурные или топологические представления не могут объяснить поведение в конкретной психологической ситуации. Для понимания такого рода необходимы динамические представления.

Важнейшие динамические понятия Левина — энергия, напряжение, потребность, валентность, а также сила или вектор.

Энергия

Левин, как и большинство теоретиков личности, считает, что человек — сложная энергетическая система. Тип энергии, осуществляющий психологическую работу, называется психической энергией. Поскольку теория Левина — исключительно психологическая, ему нет нужды обсуждать вопрос об отношении психической энергии к другим типам энергии.

Психическая энергия высвобождается, когда психическая система (человек) пытается вернуть равновесие после того, как оказалась в состоянии неуравновешенности. Неуравновешенность продуцируется возрастанием напряжения в одной части системы относительно других в результате либо внешней стимуляции, либо внутренних изменений. Когда напряжение в системе вновь выравнивается, выход энергии прекращается, и вся система приходит в состояние покоя.

Напряжение

Напряжение — это состояние человека, или, говоря точнее, состояние внутриличностного региона относительно остальных внутриличностных регионов. Когда Левин обращается к динамическим свойствам региона или ячейки внутриличностной сферы, он называет регион системой.

Напряжение обладает двумя важными свойствами. Первое заключается в том, что состояние напряжения в определенной системе стремится к выравниванию с напряжением окружающих систем. Например, если система *a* находится в состоянии высокого напряжения, а окружающие системы *b, c, d, e* и *f* в состоянии низкого напряжения (рис. 17), тогда напряжение будет стремиться из *a* в *b, c, d, e* и *f* до тех пор, пока напряжение не уравняется во всей системе (рис. 18).

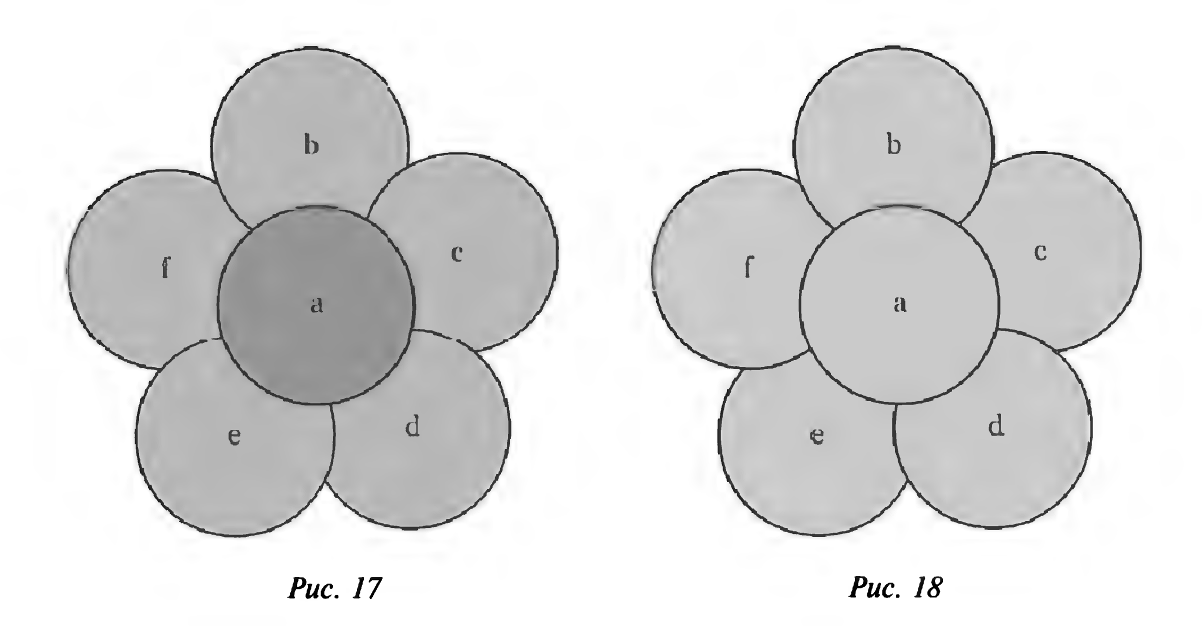


Рис. 17 *Рис. 18*

Психологическое средство уравнивания напряжения называется *процесс*. Процессом может быть мышление, запоминание, чувствование, восприятие, действие и т.п. Например, человек, столкнувшийся с задачей разрешения проблемы, становится напряженным в одной из систем. Для разрешения проблемы — и тем самым редуцирования напряжения — он использует процесс мышления. Мышление продолжается до достижения удовлетворительного результата, и в это время человек возвращается к состоянию равновесия. Или же возможно намерение вспомнить имя. Приходит в действие процесс памяти, восстанавливает имя, напряжение уменьшается.

Хотя напряжение всегда стремится к состоянию равновесия, это свойство относится лишь к системе в целом, но не обязательно ко всем частям-системам. Частная система может в действительности становиться все более и более напряженной, в то время как вся система возвращается к уравновешенному состоянию. Это случается, когда человек, решая проблему, вынужден идти окольным путем. Во время «обхода» напряжение может повышаться в одном из субрегионов, хотя общий процесс, в конечном счете, вернет человека к состоянию равновесия. Например, некто может приступить к задаче, хорошо зная, что придется выдерживать нарастающее напряжение, но в то же время, предвидя, что конечным результатом будет более совершенный баланс сил.

Состояние равновесия не означает, что в системе нет напряжения. По-видимому, ни один организм не может достичь состояния, абсолютно свободного от напряжения, и при этом остаться в живых. Равновесие означает либо, что напряжение во всей системе уравнено, либо, что субсистема с неравным относительно других напряжением твердо отгорожена и изолирована от других внутриличностных систем (рис. 19). Такая напряженная система может оставаться в изоляции долгое время и представлять более или менее постоянный резервуар

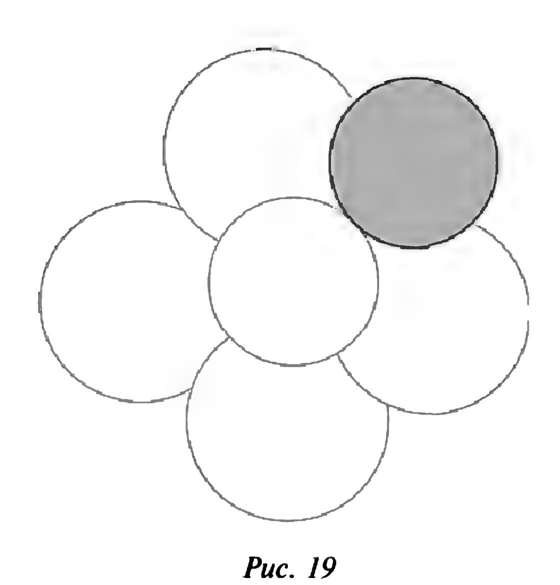


Рис. 19

энергии. В личности может быть ряд таких жестко сегрегированных систем, которые постоянно снабжают энергией деятельность психических процессов.

Человек, установивший равновесие на высоком уровне напряжения, заметно отличается от человека, установившего равновесие на низком уровне напряжения. В первом случае давление на моторику будет сильнее и высока вероятность постоянной утечки энергии в моторику. Такой человек будет демонстрировать высокую диффузную безостановочную активность.

Второе концептуальное свойство напряжения заключается в том, что оно оказывает давление на границы системы. Если граница прочна, диффузия напряжения из системы к пограничным с ней будет остановлена, но если граница слаба, напряжение перетечет из системы в другие. Обычно отдельная напряженная система граничит более чем с одной напряженной системой. В таких случаях сопротивление одной части границы может быть слабее, чем сопротивление других частей. Это позволит напряжению перемещаться в определенных направлениях свободнее, чем в других. Иными словами, динамическая коммуникация между системами изменчива.

Напряженная система *a* может коммуницировать с напряженной системой *b* так, что обмен энергией протекает легко, и в то же время быть отдаленно связанной с системами *c, d, e* и *f*, так, что обмен энергией затруднен (рис. 20).

Говоря динамически, граница — это район сопротивления или барьер. Как барьер, она соответствует сдерживающей силе. Обладает ли сама граница свой-

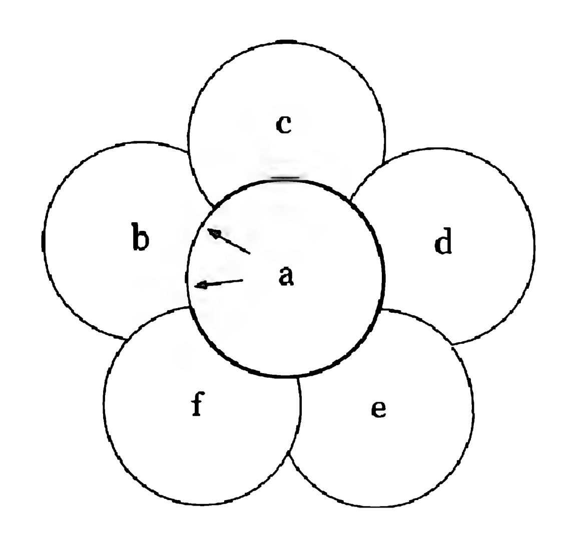


Рис. 20

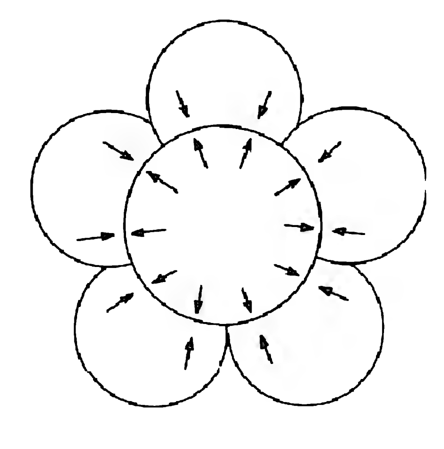


Рис. 21

ством быть напряженной системой? Левин полагает, что нет. Скорее, сила, направленная из района границ *a* против силы, порожденной внутри *a*, определяется состояниями напряжения в окружающих системах. То есть противостоящая сила направляется на границу со стороны пограничных систем (рис. 21).

Потребность

Возрастание напряжения или высвобождение энергии во внутриличностном регионе вызываются возникновением потребности. Потребность может быть физиологическим состоянием — таким, как голод, жажда, сексуальное желание; она может представлять желание чего-либо типа работы, или, например, замужества; или же может быть намерением сделать что-то — например, завершить задание или продолжать начатое. Потребность, следовательно, это понятие из области психологии мотивации, эквивалентное таким понятиям, как мотив, желание, драйв или побуждение.

Левин удерживается от систематического обсуждения природы, источника, числа и видов потребностей, поскольку это понятие его совсем не удовлетворяет. Он полагает, что термин «потребность» неизбежно уступит свое место в психологии более удобному концепту, означающему нечто более доступное наблюдению и измерению. Не считал он важным и составление перечня потребностей, как это делают психологи. Прежде всего, такой перечень был бы почти бесконечен, а во-вторых, единственное, что достойно психологического описания — репрезентация тех потребностей, которые реально существуют в данный момент времени. Это единственные потребности, производящие эффект. Абстрактно говоря, каждый способен чувствовать голод, но лишь когда голод реально нарушает существующее в человеке равновесие, его стоит принимать во внимание.

Очевидно, что Левин в своих представлениях о потребностях очень плюралистичен. Потребностей существует столько, сколько специфических отдельных желаний. У кого-то может быть потребность в непрожаренном бифштексе, который готовят только в одном-единственном ресторане, или услышать определенную тему в симфонии Сибелиуса в исполнении определенного оркестра. Левин не пытается свести множество специфических потребностей к одной общей и говорит следующее:

> Проблема появления потребностей лежит на пересечении культуральной антропологии, психологии развития и психологии мотивации. Разработка ее затруднена незрелыми спекулятивными попытками систематизировать потребности на основе нескольких категорий[13].

[13] См.: *Lewin K.* Field Theory in Social Sciences: Selected Theoretical Papers / D/ Cartwright (Ed.). N.Y.: Harper and Row, 1951. P. 280.

Каждая потребность — это конкретный факт, и невозможно понять истинную психологическую реальность, не описав ее во всей полноте.

Относительно потребностей Левин говорит, что можно различить три состояния: голода, насыщения и пресыщения.

> Эти состояния соответствуют положительной, нейтральной и негативной валентности регионов активности, соотносящихся с конкретной потребностью[14].

Пресыщение означает, что желательный в прошлом объект или деятельность стали вызывать отвращение в плане продолжения связанного с ними опыта. Слишком много чего-то приводит к отвращению.

Кроме того, Левин различает потребности и *квазипотребности*. Потребность соотносится с некоторым внутренним состоянием, например, голода, тогда как квазипотребности эквивалентны специфическому намерению, типа удовлетворить голод, поев в конкретном ресторане. Левин полагает, что потребности человека в значительной степени детерминируются социальными факторами[15].

Напряжение и моторное действие

До сих пор мы занимались в первую очередь внутренней динамикой напряженных систем, а именно динамикой взаимозависимости и коммуникации между системами. Как соотносятся напряжение и действие? Можно предположить, что энергия, текущая из внутриличностного региона в моторику, будет прямо завершаться психологической локомоцией. Однако Левин отвергает такой взгляд. Напряжение, давящее на внешнюю границу человека, не может вызвать локомоцию. Вместо того, чтобы привязывать потребность или напряжение непосредственно к действию посредством моторики, он связывает потребность с определенными свойствами среды, определяющими тип локомоции. Это — очень простой путь обозначения связи мотивации и поведения.

Чтобы достичь этого, требуется ввести еще два понятия. Это понятия *валентности* и *силы*.

Валентность

Валентность — концептуальное свойство региона психологической среды. Это — ценность региона для человека. Есть два типа ценности — положительная и отрицательная. Регион, обладающий положительной ценностью — тот, что содержит целевой объект, который редуцирует напряжение, когда человек войдет

---

[14] См.: *Lewin K.* Field Theory in Social Sciences: Selected Theoretical Papers / D/ Cartwright (Ed.). N.Y.: Harper and Row, 1951. P. 282.

[15] См.: Там же. P. 289.

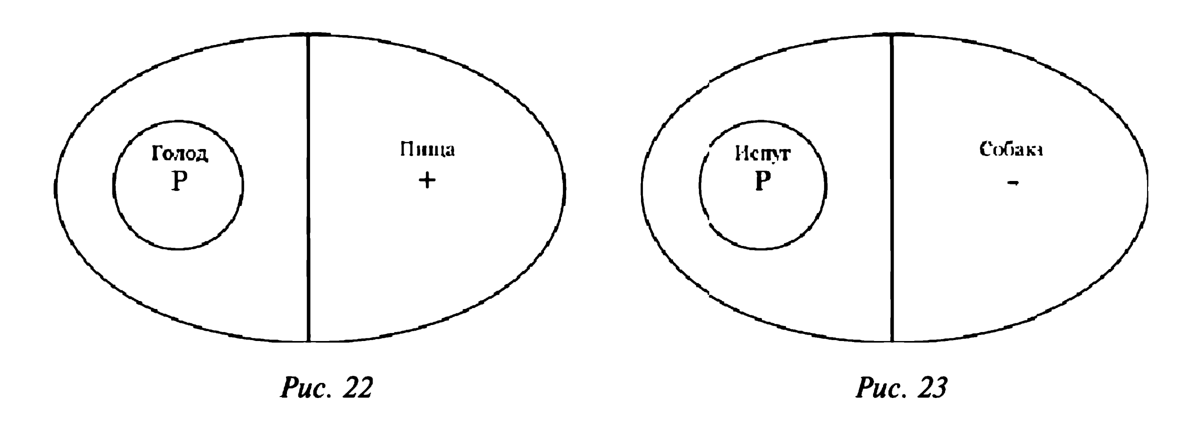


Рис. 22 *Рис. 23*

в него. Например, регион, содержащий пищу, обладает положительной валентностью для голодного человека (рис. 22). Регион, обладающий негативной ценностью — тот, который повысит напряжение. Для человека, боящегося собак, любой регион, где находится собака, будет иметь отрицательную валентность (рис. 23). Положительная валентность привлекает, отрицательная отталкивает.

Валентность координирована с потребностью. Это означает, что положительная или отрицательная валентность конкретного региона среды зависит напрямую от системы в состоянии напряжения. Потребности сообщают среде ценностность. Они организуют среду в сеть привлекающих и отталкивающих регионов. Однако эта сеть валентностей зависит также и от посторонних факторов, не входящих в сферу психологических законов. Наличие или отсутствие самих потребных объектов явно играет важную роль в структурировании психологической среды. Есть ли пища, можно ли ее распознать, какого типа пища и в каком количестве, ее пригодность и близость к объектам, обладающим отрицательной валентностью — все это непсихологические факторы, влияющие на валентность региона для голодного человека.

Валентность — величина переменная; она может быть слабой, средней, сильной. Сила валентности зависит от силы потребности плюс все упоминавшиеся непсихологические факторы.

Валентность — это не сила. Она ведет человека через его психологическую среду, но не является мотивирующей силой локомоции. Как мы уже видели, и сама напряженная система не производит локомоции. Нужно новое понятие. Это — понятие *силы* или *вектора*.

Сила или вектор

Локомоция возникает, когда на человека действует достаточная сила. Сила координирована с потребностью, но она — не напряжение. Сила существует в психологической среде, тогда как напряжение — свойство внутренней системы.

Концептуальные свойства силы — направление, величина и точка приложения. Эти три свойства математически представлены *вектором*. Направление, которое указывает вектор, — репрезентация направления силы, длина вектора

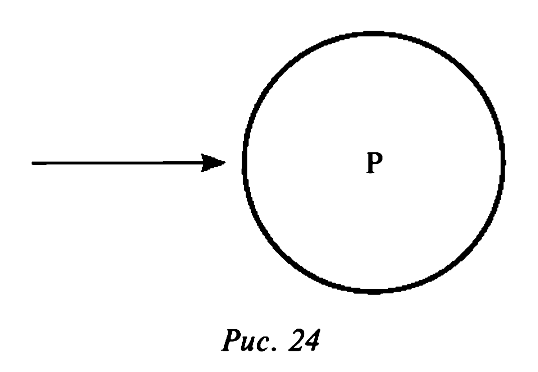


Рис. 24

репрезентирует величину силы, а место на внешней границе человека, которого касается кончик стрелы, репрезентирует точку приложения. Вектор всегда рисуется снаружи человека (рис.24), никогда — внутри: психологические силы — свойства среды, а не человека.

Если на человека действует только один вектор (одна сила), тогда будет локомоция или тенденция к движению в направлении вектора. Если два или более векторов толкают человека в нескольких разных направлениях, итоговая локомоция будет результирующей этих сил.

Теперь можно увидеть отношение валентности и вектора. Регион, обладающий положительной валентностью, это такой регион, в котором действующие на человека векторы направлены в сторону этого региона. Регион с отрицательной валентностью — тот, в котором векторы указывают противоположное направление. Другими словами, направление вектора прямо определяется местоположением региона с положительной либо отрицательной валентностью. Величина вектора соотносится с силой валентности, психологической дистанцией между человеком и валентным объектом и относительной силой других валентностей.

Отметим: понятие потребности — то понятие, с которым координируются все остальные динамические конструкты. Потребность высвобождает энергию, увеличивает напряжение, наделяет ценностью, порождает силу. Это — центральное или ядерное понятие Левина, вокруг которого группируются все остальные

Локомоция

Теперь мы готовы представить тот специфический путь, который пройдет человек в своем продвижении через психологическую среду. Например, ребенок проходит мимо конфетной лавки, заглядывает в окошко и хочет конфет. Вид конфеты побуждает потребность, а эта потребность делает три вещи. Она высвобождает энергию и тем самым повышает напряжение во внутреннем регионе (система «хотения конфеты»). Она наделяет положительной валентностью регион, в котором находятся конфеты. Она порождает силу, толкающую ребенка в направлении конфеты.

Скажем так: ребенку нужно войти в лавку и купить конфету. Эту ситуацию можно представить так, как изображено на рис. 25. Предположим, однако, что у ребенка нет денег: тогда граница между ним и конфетой оказывается непроходимым барьером. Он подойдет к конфете как можно ближе, быть может, засунет нос в окно, но не сможет достать ее (рис.26).

Он может сказать себе: «Если бы у меня были деньги, я бы купил конфет. Может быть, мама даст мне немного денег». Иными словами, рождается но-

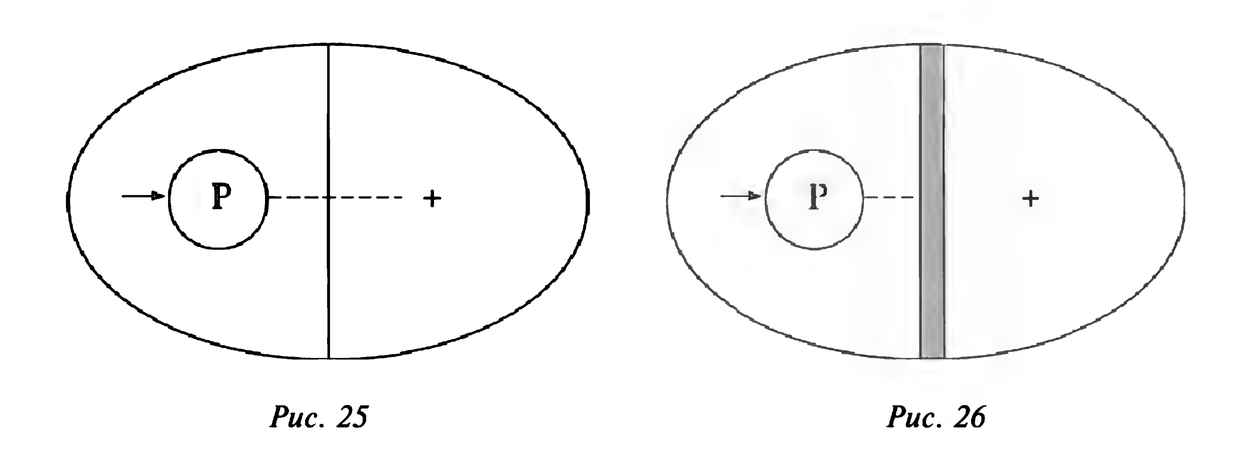


Рис. 25 *Рис. 26*

вая потребность, или квазипотребность, — намерение взять у мамы денег. Это намерение, в свою очередь, побуждает напряжение, вектор и валентность, что представлено на рис. 27. Между ребенком и матерью нарисована тонкая граница — в допущении, что ребенку нужно прийти домой, найти маму и попросить денег. Другая тонкая граница нарисована между матерью и конфетой, чтобы представить усилие, необходимое для возвращения в лавку и покупки. Ребенок движется к конфете, его путь — через мать.

Если мать отказывает ребенку в деньгах, он может подумать о том, не занять ли их у друзей. В этом случае регион, в котором находится мать, окружен непроницаемым барьером, и прокладывается новый путь к конфете — через регион, содержащий друзей (рис. 28).

Эта топологическая репрезентация может бесконечно усложняться появлением дополнительных регионов среды и границ разной степени прочности, а также дополнительных потребностей и соответствующих напряженных систем, валентностей, векторов.

В целом можно сказать, что любая локомоция может быть полностью рассмотрена на основе понятий потребности, напряжения, силы, валентности, барьера, свойств внутренней среды, измерения реальности-нереальности и временной перспективы.

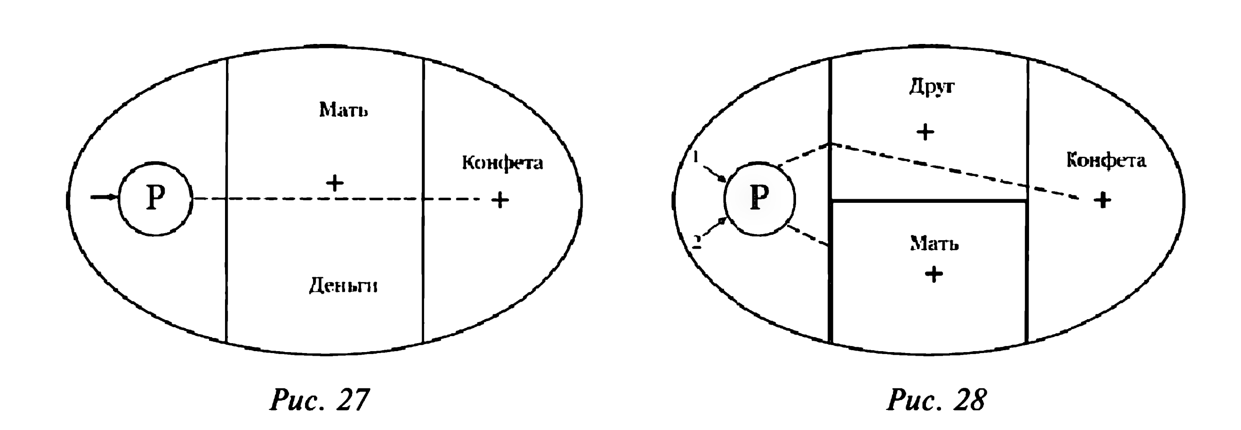


Рис. 27 *Рис. 28*

Динамическое структурирование психологической среды

Динамика психологической среды может меняться четырьмя различными способами. (1) Ценность региона может меняться количественно, например, от менее положительного к более положительному, или же качественно, от положительного к отрицательному. Могут появляться новые валентности, могут исчезать старые. (2) Векторы могут изменяться по силе, по направлению или в обоих отношениях. (3) Границы могут становиться прочнее или слабее, появляться или исчезать. (4) Могут меняться «вещественные» свойства региона, текучесть или ригидность.

Переструктурирование психологической среды может быть результатом изменений в системах напряжения человека, результатом локомоций или когнитивных процессов. Когнитивное переструктурирование происходит, когда человек обнаруживает новые способы решения проблем (инсайт), вспоминает что-то забытое или видит в среде что-то, чего раньше не замечал. Переструктурирование может также быть следствием вторжения сторонних факторов из внешней оболочки в психологическую среду.

Возвращение равновесия

Конечная цель всех психических процессов — вернуть человеку состояние равновесия. Эта цель может быть достигнута несколькими путями, в зависимости от того, какой процесс задействован. Хотя некоторые процессы были описаны выше, полезно перечислить их все.

Неравновесие определяется как состояние неравного напряжения в различных системах человека. Для простоты допустим, что одна из внутренних систем находится в состоянии повышенного напряжения, тогда как другие обладают низким уровнем напряжения. Один путь достижения равновесия — диффундирование напряжения системы по всем другим системам, пока не уравняется напряжение во всей внутренней сфере. Если допустить, что при этом энергия из внутренней сферы не уходит, следствие такой диффузии — поднятие напряжения всей системы и увеличение давления на границе между внутренним слоем и перцептуально-моторным слоем. Допустим, этот процесс повторяется вновь и вновь; тогда результатом будет аккумуляция напряжения во внутренней сфере. О таком человеке говорят, что в нем высоко внутреннее напряжение. Когда граница внутреннего региона не в состоянии больше сопротивляться давлению, возникает внезапный прорыв энергии в моторную сферу, что приведет к возбужденному поведению. Так описываются ситуации припадков и приступов.

Если границы между внутренней системой и перцептуально-моторной областью явно проницаемы, энергия может разряжаться в беспокойной активности. Это — очень простой способ редукции напряжения, хорошо наблюдаемый

в период младенчества. Например, голодный ребенок становится беспокойным. Как говорят, беспокойство помогает выпустить пар.

Преобладающий способ возвращения равновесия — осуществление подходящей локомоции в психологической среде. Подходящая локомоция — та, которая приводит человека в регион объекта, удовлетворяющего цели. Например, если человек находится в состоянии напряжения в силу отсутствия работы, напряжение снизится, когда он работу найдет. В таких случаях перцептивные и моторные процессы — средства перехода к облегчению от напряжения. Разумеется, для достижения цели может оказаться необходимым переструктурировать среду, и это переструктурирование может предполагать сложные и долговременные когнитивные процессы. Человек, мечтающий быть президентом, может проводить годы в манипулировании средой прежде, чем достигнет успеха. Или же он может так и не добиться успеха, оставаясь в постоянном состоянии неравновесия.

Напряжение можно редуцировать и восстановить равновесие посредством замещающей локомоции. Это предполагает, что две потребности взаимозависят настолько, что удовлетворение одной снимает напряжение с другой потребностной системы. Об этом мы подробнее поговорим позже.

Наконец, напряжение можно редуцировать чисто воображаемой локомоцией. Человек, воображающий, что он выполнил сложную задачу или занимает выдающийся пост, получает своего рода шикарное удовлетворение, просто грезя об успехе. Мы обеспечены даже набором готовых грез — в виде романов, спектаклей, фильмов.

Резюме

В этом разделе представлены и обсуждены главные динамические понятия Левина — потребность, психическая энергия, напряжение, сила или вектор и валентность. Эти динамические конструкты, рассмотренные вместе со структурными конструктами, обсуждавшимися в последнем разделе, описывают специфические локомоции индивида и способы структурирования среды. Локомоции и переструктурирования служат цели редуцирования потребностей посредством их удовлетворения.

4 *Классические и современные теоретические проблемы мотивации*

Р. Фрэнкин

Темы в изучении мотивации*

Теории мотивации: исторический обзор

Существует множество разнообразных теорий мотивации. Каждая такая теория разрабатывалась вокруг определенных вопросов или проблем. И хотя теории, о которых я буду рассказывать, во многих отношениях весьма сильно разнятся между собой, все они имеют одну общую особенность: служат для объяснения того, за счет чего происходит активация поведения, а также за счет чего обеспечивается его направленность и устойчивость. Эти три слова (активация, направленность, устойчивость) и являются объектом интереса психологов, занимающихся проблемами мотивации. Другие направления в психологии также обращаются к этим понятиям, но нужно сказать, что в рамках любого мотивационного анализа эти понятия надо рассматривать обязательно.

В данной главе речь пойдет об основных вопросах и проблемах, оказавших влияние на развитие современных теорий мотивации. Можно выделить шесть базовых осей, которые использовались в качестве основы при разработке концепций мотивации: 1) теории инстинктов; 2) теории потребностей/личностных особенностей; 3) теории побуждений/научения; 4) теории мотивации к личностному росту и овладению мастерством; 5) гуманистические теории; 6) когнитивные теории.

Я должен предупредить читателей, что буду представлять различные теории весьма кратко. Многие из них были видоизменены, а значит, их объяснения стали более объемными по сравнению с тем, как я описываю теории мотивации в этом разделе. Моя цель в данном случае — выделить ключевые понятия, положенные в основу каждой из представленных теорий.

---

* *Фрэнкин Р.* Мотивация поведения. СПб.: Питер, 2003. С. 38—69. [В этом источнике библиографические ссылки приводятся не полностью. — *Ред.-сост.*]

Теории инстинктов

Эволюционная теория

<...>Работа, проделанная Дарвином, стала поводом к коренному пересмотру причин и истоков мотивации человека. Дарвин утверждал: все то, что он наблюдал у животных, можно смело переносить и на человека; соответственно получалось, что и людьми и животными управляют одни и те же принципы[1]. Кроме того, эволюционная концепция предполагала, что путь к пониманию поведения человека лежит через наблюдение за тем, как это поведение обусловливается особенностями окружающей среды. <...>

Инстинкты и мотивация

Под влиянием работ Дарвина биологи стали рассматривать мотивацию с позиции теории инстинктов. Ранние теории инстинктов говорили о том, что наше поведение закреплено или предопределено особенностями нашего биологического строения. Понятие инстинкта использовалось не только для объяснения того, как происходит активация поведения, но и для объяснения таких его характеристик, как направленность и устойчивость.

Идеи Дарвина оказали также большое влияние и на психологов. Ранние психологи, к примеру, Вильям Мак-Дугалл (William McDougall, 1871-1938), пытались объяснить поведение человека, используя для этой цели ограниченный набор инстинктов. В конечном счете все эти попытки оказались неудачными, но психологи, тем не менее, продолжали заниматься изучением биологии. Стали проводиться исследования структуры мозга и нервной системы, в результате чего родилась дисциплина, первоначально названная физиологической психологией, которая на сегодняшний день известна под названием нейрологии. Не так давно в рамках психологии появилось новое направление — эволюционная психология; это направление обозначило возврат к изучению биологических аспектов поведения человека с точки зрения эволюционной перспективы.

По прошествии некоторого времени и биологи, и психологи пришли к выводу о том, что помимо факторов наследственности в поведении человека большую роль играют и другие моменты, такие как познание и научение. Поскольку под концепцией инстинктов зачастую понималось, что причины, обусловливающие то или иное поведение, являются врожденными, психологи в настоящее время стараются не использовать данный термин. Вместо этого они говорят о генетике или просто о биологии.

[1] См.: *Darwin*, 1872.

Теория инстинктов Фрейда

Зигмунд Фрейд (1856-1939) рассматривал биологическую сторону человека как источник энергии или импульсов его поведения[2]. <...>

В отличие от биологов, считавших, что инстинкты служат не только источником энергии для поведения, но и придают ему направленность, Фрейд определял инстинкты лишь в качестве источника энергии, полагая, что направленность поведения задается рядом принципов познания и научения. Вся эта схема работает следующим образом. Когда энергия, связанная с одним из инстинктов, возрастает до определенного предела, она становится для человека источником напряжения. Для того, чтобы избавиться от этого напряжения, человек будет стремиться подобрать соответствующую цель. Фрейд предположил, что каждый из инстинктов вызывает у человека свои представления о цели. Также он выдвинул предположение о том, что люди могут замещать (и зачастую так они и поступают) цели, рассеивая, таким образом, часть энергии, принадлежащей этим целям. Например, ряд творческих устремлений (занятия танцами, рисованием, музыкой) может использоваться для символического замещения реальной цели. Вся проблема, по мнению Фрейда, заключается в том, что в ходе развития у человека может возникнуть ассоциация некоторых целей с получением наказания и поэтому, вместо того чтобы стремиться к достижению этих целей, он будет ориентирован на их избегание. Например, ребенок, которого всегда учили, что секс — это грязное или «дурное» занятие, став взрослым, может актуализировать в себе склонность к избеганию секса; а ребенок, наученный, что показывать свой гнев — плохо, будет сдерживать естественную тенденцию к выражению агрессии.

Что может произойти в случае, если цели блокированы? Во-первых, человек может научиться составлению альтернативных планов достижения данных целей; этот процесс ведет к развитию *Эго*. Во-вторых, если *Эго* не полностью развито или запреты, ассоциируемые с целью, чрезмерно жесткие или сильные, человек может перенаправить энергию, пустив ее путем, позволяющим снизить напряжение, но не приводящим к достижению соответствующей цели. Например, человек, испытывающий сильное сексуальное желание, мог бы перенаправить энергию на чтение литературы о сексе, а злящийся на своего босса — переадресовать ее на членов своей семьи. Хотя такое переключение энергии приводит к временному ослаблению напряжения, ассоциируемого с инстинктом, Фрейд все же считал, что подобные методы никогда не будут являться достаточными, постольку поскольку у каждого инстинкта есть своя соответствующая цель. Напряжение будет время от времени всплывать на поверхность, принимая форму невротической тревоги. По Фрейду, невротики все время находятся в страхе из-за того, что их инстинкты могут выйти из-под контроля. Задача Фрейда как терапевта состояла в том, чтобы помочь людям разобраться

[2] См.: *Freud,* 1900/1953, 1911/1949, 1915/1934, 1915/1949, 1923/1947.

с тем, почему они перенаправляют энергию своих инстинктов, — короче говоря, почему они испытывают страх или вину, когда речь заходит об удовлетворении имеющихся инстинктов. Фрейд считал, что плохих инстинктов не существует, а единственный путь к счастью лежит через их удовлетворение. Он утверждал, что многих детей учат неправильным способам обращения со своими инстинктами или тому, что есть инстинкты, удовлетворение которых — «плохое» занятие. В то же время он считал, что люди смогут освободиться от вины и страха, если они осознают, какие условия сопутствовали приобретению этих чувств. Научение подобным чувствам происходит очень рано, поэтому, по мнению Фрейда, задача аналитика состоит в том, чтобы помочь своим пациентам вновь открыть для себя детство. <...>

Резюме и комментарий

Биологи использовали слово «инстинкт» для обозначения врожденной или биологической основы адаптивного поведения. Первоначально биологи понимали под инстинктом поведение, которое появляется при поступлении сигналов из мозга, запускаемых, в свою очередь, определенными событиями, происходящими в окружающей среде. Например, считалось, что миграция птиц — это форма не являющегося выученным поведения, которая приводится в действие определенными событиями, локализованными в окружающей среде, такими, скажем, как определенное время года или отсутствие корма. Биологи полагают, что миграция — это поведение, развитие которого обеспечило выживание ряда видов. <...>

Психологи по большей части отказались от использования понятия инстинктов, но не отказались от эволюционной теории. <...> Важно помнить о том, что под словом *инстинкт* подразумеваются разные вещи не только в рамках различных дисциплин, но и в рамках одной и той же дисциплины в разное время. Биологи обычно понимают под инстинктами поведенческие паттерны как результат функционирования некоторых жестко закрепленных структур, располагающихся в мозге, а психологи рассматривают инстинкты скорее в качестве источников мотивации. Возможно, именно по этой причине психологи отказались от термина *инстинкт* в пользу других, таких как *потребности, драйвы* и *побуждения*.

Теории потребностей

<...> Основу теории потребностей составляет идея о том, что энергетическая заряженность, направленность и устойчивость поведения определяется существованием потребностей. Отказавшись от неподходящей идеи о том, что для каждой формы поведения должен быть свой инстинкт, теоретики, занимающиеся проблемой потребностей, выдвинули предположение, что мы рождаемся с ограниченным набором потребностей, который может быть изменен в процессе научения.

Теория потребностей Мюррея

Генри Мюррей (Henry Murray, 1893-1988) предположил, что людей можно охарактеризовать, используя ограниченный набор потребностей[3]. Индивидуальные различия он объяснял через различия силы потребностей у отдельно взятых людей, составив оппозицию представлению о том, что причины индивидуальных различий связаны главным образом с научением.

Мюррея особо не заботил вопрос о том, являются ли потребности врожденными или приобретенными; идея о том, что потребности могут приобретаться, им принималась. Свою задачу он видел в том, чтобы понять, может ли любое поведение человека быть объяснено посредством ограниченного набора потребностей. <...>

Мюррей провел много времени в попытках измерить эти потребности. Он разработал Тест тематической апперцепции *(ТАТ),* проективную методику, суть которой заключалась в том, что людям предлагалось сначала рассмотреть картинку, а потом составить по ней рассказ. Далее эти рассказы подвергались системному анализу, позволяющему определить степень, в которой они отражали потребности, предложенные Мюрреем.

В настоящее время главный сторонник теории потребностей — Дэвид МакКлелланд, который более сорока лет проработал над обоснованием потребности в достижении, а также потребности в аффилиации и потребности во власти; правда, две последние потребности по сравнению с первой были ему менее интересны. Он смог доказать, что потребность в достижении во многом определяет наше поведение. <...>

Иерархия потребностей по Маслоу

Абрахам Маслоу, быть может, один из самых известных теоретиков, занимающихся проблемой потребностей. Он утверждал, что базовые физиологические потребности соотносятся с некоторым дефицитом, а потребности более высокого порядка — с личностным ростом. Данное предположение хорошо сочетается с различением мотивации достижения (ориентированной на достижение) и мотивации избегания (ориентированной на избегание). По мнению Маслоу, потребности могут быть сгруппированы по отдельным категориям, располагающимся в иерархическом порядке, при этом в основании этой иерархии находятся самые базовые, или первичные, потребности (рис. 1). Лишь после удовлетворения потребностей низшего базового уровня может быть осуществлен переход к следующему набору потребностей, располагающемуся на чуть более высоком уровне; человек будет озабочен удовлетворением потребности в безопасности лишь после того, как будут удовлетворены его физиологические потребности (в пище, воде, тепле). Аналогично, перед тем как обращаться к потребностям

[3] См.: *Murray*, 1938.

в принадлежности и любви, человек должен удовлетворить свою потребность в безопасности, почувствовать себя защищенным, находящимся вне опасности. Как это видно из рис. 1, люди мотивированы в конечном счете потребностью в самоактуализации, но это может произойти лишь после удовлетворения всех остальных потребностей. <...>

Рис. 1. Иерархия потребностей по Маслоу
Потребности представлены в форме пирамиды, в основании которой расположены базовые, или первичные, потребности[4]

Интенсификация и приобретение потребностей

Ранее многие психологи полагали, что люди рождаются с определенным набором базовых потребностей, эти потребности могут быть интенсифицированы посредством использования системы вознаграждений. Они считали, что потребности, с которыми мы рождаемся, — это что-то вроде предрасположенности к действиям, а система вознаграждений может усилить такие предрасположенности и обратить их в устойчивые и стабильные потребности. Таким образом, сопоставление двух концепций — концепции потребностей и концепции системы вознаграждений — способствовало принятию идеи о том, что окружающая среда оказывается фактором, достаточно сильно влияющим на формирование

[4] См.: *Maslow*, 1943, 1970.

мотивации человека. Эту идею охотно разделяли психологи, полагавшие, что научение играет важную роль в процессе развития потребностей.

Некоторые психологи выдвигали предположение о существовании потребностей, которые практически полностью обусловлены влияниями окружающей среды. Работа Дэвида Мак-Клелланда, посвященная изучению мотива достижения, была построена на основе данного предположения[5]. Помимо всего прочего, он утверждал, что дети, получающие вознаграждения за свои достижения, вырастают с сильно развитым мотивом достижения. В своем исследовании Мак-Клелланду удалось показать, что есть такие стили родительского воспитания, применение которых по сравнению с другими увеличивает вероятность формирования сильной потребности достижения; эти данные полностью сочетаются с идеей о том, что вознаграждения играют важную роль в процессе формирования и интенсификации потребностей.

Традиция факторного анализа

По мере расширения исследований в теории потребностей увеличивалось и количество предполагаемых потребностей. Теоретики в области мотивации были обеспокоены столь быстрым ростом числа потребностей, поскольку одним из основополагающих научных принципов является принцип объяснения феноменов, опирающийся на небольшое количество понятий. Они задали вопрос: не лежит ли в основе всех этих разнообразных потребностей ограниченный набор базовых потребностей или диспозиций? Ответ на данный вопрос стали искать с помощью факторного анализа — статистической процедуры, позволяющей установить, одинаково ли разные люди группируют определенный набор предметов. Если разные люди группируют предметы похожим образом, это может быть следствием того, что они действуют, испытывая на себе влияние схожих психологических структур. Применив факторный анализ, Реймонд Кеттелл (Kettell, 1905-1998) предложил шестнадцатифакторную модель[6]. Вслед за этим Гансом Айзенком (Eysenck, 1916-1997) была предложена трехфакторная модель[7], а совсем недавно разработана пятифакторная модель[8]. Мы пришли к выводу, что разное количество факторов, обнаруженных в этих исследованиях, связано с использованием исследователями разных наборов вопросов. Вопросы, используемые в факторном анализе, обычно заимствуются из уже существующих личностных тестов. Для измерения определенной личностной черты исследователи подбирают вопросы, которые дали бы возможность измерить эту черту с различных сторон теоретического континуума, следуя от высокого уровня к низкому. Поэтому мы считаем: разное количество факторов, выявленных в ис-

---

[5] См.: *McClelland*, 1985.

[6] См.: *Kettell*, 1971.

[7] См.: *Eysenck*, 1991.

[8] См.: *Costra, McCrae*, 1992.

следованиях, связано с тем, что исследователи с самого начала включали в тесты, которые далее предлагались испытуемым, разные вопросы. <...>

Однако теоретики все еще не могут прийти к единому мнению по вопросу о том, сколько факторов необходимо для адекватного описания поведения. Не так давно Бенет и Уоллер высказали предположение, что можно описать поведение жителей Испании, отразив имеющиеся у них кросс-культурные различия, используя семь факторов[9]. <...> Тем не менее, большинство теоретиков все же согласны с тем, что поведение человека может быть описано посредством использования общего набора базовых диспозиций.

Резюме

<...>В настоящее время считается, что потребности служат основой для диспозиций. Будут ли эти диспозиции реализованы в форме действий или нет, зависит от ряда обстоятельств, таких как прошлый опыт получения вознаграждений или сущность наших представлений о мире. Факторный анализ предложил психологам более практичный способ определения психологических структур, лежащих в основе мотивации человека. <...> В настоящее время данные проведенных исследований свидетельствуют о том, что любое поведение человека может быть объяснено в терминах 5-7 базовых потребностей или диспозиций и что каждая такая потребность или диспозиция может быть соотнесена с соответствующими биологическими структурами. <...>

Теории научения

Школа бихевиоризма Уотсона

Теории научения создавались на основе гипотезы о том, что поведение лучше объяснять принципами научения, а не через понятие инстинктов. Джон Уотсон (Watson, 1878-1952), позже основавший школу бихевиоризма, сделал вывод о том, что существуют лишь три врожденные эмоциональные реакции — страх, гнев и любовь, а все остальные эмоции — производные от этих базовых[10]. Один из самых серьезных аргументов защиты вышеозначенной позиции, в соответствии с которой основой поведения служит научение, а не инстинкты, определяется таким фактом: люди, выросшие в разных культурах, ведут себя абсолютно по-разному. Существование культурных различий позволяет предположить, что поведенческие паттерны — не жестко закрепленные, врожденные структуры, а формирующиеся под влиянием окружающей среды (например, посредством моделирования)[11]. Хотя первые теоретики, занимавшиеся проблемой научения

---

[9] См.: *Benet, Waller,* 1995.

[10] См.: *Watson, Morgan*, 1917.

[11] См.: *Boring*, 1950.

(например, Уотсон), не отказывались полностью от идеи, что биологические факторы также влияют на поведение, свою цель они видели в том, чтобы показать: любое поведение, в сущности, может быть объяснено через принципы классического обусловливания или инструментального научения (иногда его называют подкрепляемым научением).

Теория побуждений (драйвов) Халла

Одним из самых влиятельных теоретиков, занимавшихся проблемами научения, был Кларк Халл (Hull, 1884-1952). В основе его теории лежала идея о том, что разнообразие человеческого поведения также может быть объяснено через принципы научения. Согласно Халлу, активация драйва (влечения) ведет к случайному поведению. В ходе такого поведения организм выдает случайную реакцию, приводящую к ослаблению побуждения. Когда это происходит, поведение, которое привело к ослаблению драйва, закрепляется. Со временем в результате повторяющегося ослабления драйва формируется привычка. Например, если бездомная голодная собака обнаружит, что можно найти пищу, перевернув мусорный ящик, то у нее начнет формироваться привычка переворачивать мусорные ящики. Таким образом, в отличие от Фрейда, считавшего, что инстинкты вызывают представления о цели, Халл выдвинул предположение о том, что цель обнаруживается в ходе случайного поведения.

По мнению Халла, ослабление драйва способствует возникновению подкрепления. В соответствии с его теорией влечения активируют привычки. Он утверждал, что между драйвами и привычками существует мультипликативное отношение:

Поведение = Влечения × Привычки.

Согласно этой формуле, если привычка слабая, она усиливает сильный драйв (такой, как чувство голода), вызывая определенное поведение (переворачивание мусорных ящиков). С другой стороны, даже слабый драйв может активировать сильную привычку. Таким образом, эта теория может объяснить, почему даже сытая собака будет переворачивать мусорные ящики и есть помои. По теории Халла, драйвы придают силы, чтобы реализовать поведение: не будь одних — не будет и другого.

В течение некоторого времени теория Халла пользовалась большой популярностью среди психологов. Данная теория заимствовала из теории инстинктов основную идею о том, что драйвы мотивируют поведение, но она также была способна объяснять и индивидуальные различия. Одна из наиболее важных заслуг Халла — объяснение того, как слабый драйв может активировать сильную привычку и привести тем самым к реализации того или иного поведения. Мы сами творим свои привычки; Халл же смог показать нам, почему так происходит.

Теория подкреплений Скиннера

В 1960-1970-х гг. разработанная Скиннером теория стала замещать теорию влечений. Скиннер (1904-1990) выдвинул предположение, что для научения нет необходимости в ослаблении драйва. Ряд экспериментов, проведенных в то время, показал, что и животные и люди научаются определенному поведению, даже если не было ослабления биологического драйва. Например, чтобы крысы могли выпить не содержащий питательных веществ раствор (раствор сахарина), их обучали толкать (открывать) засов. В соответствии с теорией Халла получалось, что крысы не могли обучиться такому поведению без подкрепления, которое происходило только в том случае, если биологический драйв ослаблялся. В другом эксперименте крысы-самцы сохраняли высокий уровень сексуальной активности даже тогда, когда их способность к эякуляции во время спаривания была блокирована. Если цель сексуального поведения — воспроизведение, то эякуляция должна быть фактором, крайне важным для того, чтобы произошло подкрепление; по теории Халла, крысы должны были бы утратить интерес к сексуальным действиям.

Теория Скиннера во многом отступала от представлений о биологической основе поведения. По его мнению, поведение находится под контролем внешних подкреплений. Позитивные подкрепления увеличивают вероятность воспроизведения того или иного поведения, а негативные подкрепления, наоборот, снижают ее. <...>

Результаты исследования, проведенного на базе идей Скиннера, показали, что радикально изменить поведение можно посредством систематического использования вознаграждений. Это направление исследований (так называемая *модификация поведения)* показало, что возможно изменить различные поведенческие паттерны, связанные, например, с употреблением наркотиков, определенными пищевыми пристрастиями, семейными взаимоотношениями, правонарушениями и приобретением новых навыков.

По мнению Скиннера, энергичность, направленность и устойчивость поведения соответствуют подкрепляющим обстоятельствам, поэтому нет необходимости еще что-то постулировать. Но психологам за прошедшее время все же удалось доказать, что вознаграждения — это только часть дела. Тем не менее, заслуга Скиннера в том, что он показал: поведение зачастую находится под контролем вознаграждений и может быть изменено просто при изменении обстоятельств, в которых получают вознаграждения.

Теории социального научения

Согласно теории Скиннера, вознаграждения исходят извне. Теоретики, занимающиеся вопросами социального научения, поставили под сомнение эту точку зрения, доказывая, что люди могут научаться также посредством моделирования поведения других людей.

Они исходили из предположения, что мы можем овладевать новыми формами поведения, просто наблюдая за тем, как другие люди, поступая определенным образом, достигают желаемого результата. Этот аргумент объясняет, почему люди реализуют то или иное поведение, за которое они сами никогда не получали никакого вознаграждения. <...>

В соответствии с теорией социального научения, информация — это первопричина начала поведения (энергия), его направленности и устойчивости. Как и последователи теории Скиннера, теоретики социального научения не считали биологические механизмы важными для воспроизведения тех или иных форм поведения. Хотя их теории строились в основном на принципах научения, ими также были введены и элементарные когнитивные понятия[12]. В частности, они предположили, что люди формируют ожидания. В результате просмотра агрессивных по содержанию телевизионных программ, например, у человека появляются мысли о том, что агрессивное поведение в определенных ситуациях вполне уместно. Подобные ожидания могут сформироваться как научение «если/то»: «Если у меня возникнет подобная ситуация, то мое поведение будет соответствовать ей». Согласно теории социального научения, люди обучаются посредством наблюдения не только за поведением других, но и за результатами. Например, человек, видящий, что агрессивное поведение приводит к достижению определенных желаемых результатов, может сформировать такое ожидание: «Если я буду вести себя агрессивно, то тогда получу то-то и то-то», т.е. наблюдение за определенного рода поведением другого человека и полученным желаемым результатом обеспечивает получение наблюдателем викарного подкрепления. Викарное подкрепление увеличивает вероятность того, что наблюдатель начнет имитировать увиденное поведение.

Быть может, самая большая ценность теории социального научения заключается в том, что с ее помощью была сформулирована следующая идея: наше поведение большей частью строится на основе информации, которую мы «регистрируем» пассивно. <...>

Резюме и комментарий

<...> Теория бихевиоризма разработана Уотсоном, но Скиннер и Халл — два самых влиятельных ее сторонника. Халл утверждал, что влечения определяют такие параметры поведения, как его энергичность и устойчивость, а приобретенный опыт (привычки) задает поведению направленность. Скиннер же отказался от использования понятия влечений, а заодно и от идеи, что наши биологические особенности — главные детерминанты поведения. Вместо этого он даже выдвинул предположение о том, что для продуцирования адаптивных форм поведения нам просто необходимо систематизировать подкрепления в соответ-

---

[12] См.: *Berkowitz*, 1990.

ствии с обстоятельствами. В двух своих популярных книгах он утверждает, что можно построить утопическое общество, систематически применяя принципы подкрепления.

Теория социального научения показала, что люди получают и обрабатывают большой объем информации об окружающей среде, и что подобная информация служит источником (энергией) для наших действий и определяет их направленность.

Как теория Скиннера, так и теория социального научения, по сути, представляет собой отступление от первоначального взгляда теоретиков по проблемам мотивации на поведение как попытку адаптироваться к окружающей среде. Было распространено мнение о том, что адаптивное поведение обусловливается действием биологических факторов, а этот аспект не представлял особого интереса для Скиннера или других теоретиков социального научения.

Важно помнить, что в центре всех этих теорий лежит идея о том, что та или иная форма поведения, однажды приобретенная, начинает оказывать глубокое влияние на нашу повседневную жизнь. Обычно такие формы поведения называют привычками, подчеркивая, что они — именно приобретенные формы поведения, а не существующие постоянно. <...>

Теории мотивации к росту и овладению мастерством

Исследование, любознательность и овладение мастерством

В основе теорий мотивации к росту лежит представление о том, что люди и животные мотивированы имеющейся потребностью в успешном взаимодействии с окружающей средой[13]. Смысл одного из базовых положений теории роста заключается в том, что люди не рождаются с уже полностью развитыми способностями. Для успешного протекания процессов адаптации и приспособления людям необходимо эти способности развивать. Во всех теориях роста заложена идея о том, что людям необходимо обрабатывать информацию и приобретать навыки — другими словами, *развивать мастерство*. Чтобы успешно взаимодействовать с окружающей средой, индивиду следует получить как можно больше информации о ней и максимально развить свои навыки.

Теории роста описывают механизм мотивации к росту и овладению мастерством как расхождение между тем, где индивид находится в данный момент, и тем, где ему необходимо быть для того, чтобы адаптация к окружающей среде проходила успешно. Такое расхождение создает внутреннее напряжение. Дабы его ослабить, необходимо уменьшить имеющееся расхождение, развивая

[13] См.: *Dember, Earl*, 1957; *Piaget*, 1970; *White*, 1959.

навыки и интеллектуальные способности. Напряжение — мотивационное понятие, отражающее идею о том, что умеренно негативное аффективное состояние связано с наличием расхождения, чем-то похожего на неприятные ощущения, вызываемые голодом или жаждой; и именно это негативное состояние мотивирует человека на совершение тех или иных действий. <...> Мнения теоретиков, занимающихся проблемой роста, сходятся в следующем: животные воспроизводят исследовательское поведение по той причине, что окружающая среда является для них источником новизны. Эта новизна создает расхождение, которое, в свою очередь, создает напряжение. Для того, чтобы ослабить это напряжение, животные вынуждены исследовать окружающую среду и обрабатывать всю содержащуюся в ней информацию. Когда окружающая среда уже не содержит элементов новизны, напряжение постепенно ослабевает и воспроизведение исследовательского поведения прекращается. Некоторые теоретики выдвигали гипотезу о том, что животное чувствует себя максимально хорошо, когда имеется оптимальный уровень объема поступающей информации, нуждающейся в обработке[14]. Если окружающая среда не обеспечивает требуемого объема стимуляции, животному придется обратиться к поиску новой окружающей среды, которая сможет удовлетворить его потребность в соответствующей стимуляции.

Идея о напряжениях чем-то напоминает концепцию влечений (драйва), разработанную Халлом. Подобно влечениям, напряжения невозможно игнорировать, не замечать. Они мотивируют организм на совершение действий, которые позволят ему вернуться в состояние, свободное от напряжений. Если есть мотивация к росту, данные напряжения могут быть уменьшены лишь тогда, когда человек развивает навыки или когнитивные структуры, позволяющие ему вступать в эффективные взаимодействия с окружающей средой.

Между теоретиками, занимающимися проблемой роста, нет согласия по вопросу о том, какие механизмы — избегания или достижения — лучше объясняют мотивацию к росту. Многие из них считают, что мотивацию создает расхождение между требованиями, выдвигаемыми окружающей средой, и возможностями человека (определяемыми имеющимися у него знаниями или навыками). Но при этом расхождения могут восприниматься либо как основа для решения сложной задачи (состояние достижения), либо как источник напряжения (состояние избегания). Данные постоянно проводимых исследований свидетельствуют о том, что одни люди реагируют на расхождение как на сложную задачу, требующую решения (мотивация достижения), а другие — как на угрозу (мотивация избегания). На основе этих фактов теоретики проводят различие между людьми, ориентированными на овладение мастерством, и людьми, занимающими *Эго*-ориентированную позицию[15]. Как оказывается, такое разделение людей на две

---

[14] См.: *Berlyne*, 1990.

[15] См.: *Nicholls*, 1984.

категории влечет за собой серьезные последствия, позволяющие значительно продвинуться в плане объяснения разброса индивидуальных реакций на одну и ту же ситуацию. <...>

Резюме и комментарий

Теории мотивации к росту и овладению мастерством выступили в некотором смысле как бы в качестве противовеса теориям научения, утверждающим, что все поведение является выученным. В основе теорий роста лежит базовое допущение: мы обладаем биологической предрасположенностью к осуществлению успешного взаимодействия с окружающей средой. Данное допущение вполне согласуется с эволюционным подходом, суть которого заключается в том, что наши адаптационные способности зависят не от воли случая, а, напротив, обусловлены нашими биологическими особенностями. Теоретики, занимающиеся проблемой роста, концентрировали свое внимание на поиске механизмов или процессов, управляющих стремлением к овладению мастерством. В основе большинства, а быть может, даже и всех теорий мотивации к росту и овладению мастерством лежит предположение, что тенденция к овладению мастерством развивается на базе потребности в реализации исследовательского поведения и в проявлении любознательности. <...>

Представление о том, что люди обладают предрасположенностью к овладению мастерством, было взято на вооружение гуманистами, которым удалось конкретизировать ряд идей, актуализированных в результате проведения эмпирических исследований. <...>

Гуманистические теории

Первыми, кто предложил использование гуманистического подхода, были Абрахам Маслоу и Карл Роджерс (1902-1987). Гуманистические психологи строят свои теории на допущении о том, что в людях заложен источник добра и что они обладают врожденным (биологическим) стремлением к росту и совершенствованию. Еще они верят в уникальность каждого человека. Базовое гуманистическое понятие — это понятие самоактуализации, в основе которой лежит высокоразвитая *Я*-концепция.

Карл Роджерс выдвинул предположение, что индивиды находятся под влиянием одной базовой тенденции, суть которой в том, чтобы «актуализировать, защищать и самому получать опыт»[16]. Хотя Роджерс признавал факт существования потребностей, особое внимание он обращал на то, что человеку присуще стремление координировать эти потребности с процессом развития собственной личности. По его мнению, человек строит свою личность на осно-

---

[16] См.: *Rogers*, 1951.

ве получаемого сенсорного опыта и взаимодействий с окружающим миром. Несмотря на то, что Роджерс считал стремление к актуализации врожденным, он также признавал, что путь к самоактуализации зачастую сопровождается болью и страданиями.

Он верил в то, что люди обладают внутренним чутьем, позволяющим определять, что для них будет хорошо, а что — плохо. Человек будет позитивно оценивать тот опыт, который, как ему кажется, сохраняет и поддерживает его личность, и негативно оценивать опыт, препятствующий росту. Таким образом, то, к чему мы стремимся, и то, чего мы избегаем, зависит от факторов, которые, по нашему мнению, способствуют личностному росту.

Роджерс также выдвинул предположение о том, что в процессе взаимодействия с окружающим миром у нас формируется ***потребность в позитивном отношении*** — в получении одобрения, в том, чтобы другие люди нас принимали и любили. Эта потребность делает нас чувствительными к критике и оценке других людей. Еще он выдвинул гипотезу о том, что происходит постепенная интернализация позитивного отношения, в результате чего мы развиваем ***позитивное самоотношение.*** Роджерс был уверен в том, что для успешной реализации своего потенциала человеку необходимо обладать позитивным самоотношением.

Однако он обратил внимание на возможность появления проблемы, связанной с интернализацией позитивного отношения: если мы будем вести себя исходя из того, что нравится другим, то утратим представление о том, что хорошо для развития личности.

Роджерс полагал, что процесс, обратный самоактуализации, — это движение в сторону общепринятых ценностей, когда происходит уход от ценностей внутренних. Людям следует прислушиваться к своему внутреннему голосу — следовать внутреннему чутью, позволяющему определять, что хорошо для их личностного развития; он называл это ***процессом организмической оценки.*** А родителям он давал такой совет: окружать детей не обусловленной любовью, т.е. любовью, вознаграждающей за «хорошее» (с точки зрения родителей) поведение, а любовью безусловной. Другими словами, родители должны любить своих детей за все совершаемые ими выборы и поступки, с уважением относясь к их способности делать именно то, что они считают лучшим для себя.

Несмотря на то что Роджерс и Маслоу никогда не придерживались общих канонов, предписываемых эмпирической психологией, их идеи получили широкое распространение среди людей, не ограничивающих себя традиционными представлениями. Некоторое время назад, когда психологи стали заниматься изучением природы личности и возможностей человека по саморегуляции поведения, был отмечен повторный всплеск интереса к идеям Маслоу и Роджерса.

Когнитивные теории

Основы когнитивных теорий мотивации были заложены в работах теоретиков, занимавшихся проблемой научения, таких как Эдвард Толмен[17] (Edward Tolman, 1886-1959), теоретиков, занимавшихся изучением личности, таких как Курт Левин[18] (Kurt Lewin, 1890-1947), и теоретиков, интересовавшихся вопросами развития, таких как Жан Пиаже[19] (Jean Piaget, 1896-1980). Они считали, что психические образы, возникающие у людей и животных, играют центральную роль в процессе управления поведением. Традиционные теоретики, например Уотсон и Халл, также занимавшиеся проблемой научения, полагали, что любое поведение можно объяснить через принцип усиления привычек или ассоциаций, не прибегая к идее психических образов; у многих людей лишь сама мысль о том, что у животных — особенно у крыс — могут возникать психические образы, вызывала ощущение абсолютной нереальности. Когнитивные теоретики, еще только начинавшие свою работу, ставили такие эксперименты, результаты которых было невозможно объяснить с точки зрения традиционной теории научения. Например, когда изучался процесс латентного научения, одна группа животных (состоявшая из обыкновенных крыс) имела возможность исследовать лабиринт, не получая никаких подкреплений (подготовительная фаза), в то время как у второй, контрольной группы крыс, такая возможность отсутствовала. Экспериментаторы ждали, когда крысы проголодаются, после чего запускали их в лабиринт и лишь тогда, когда они полностью проходили его, давали им подкрепление. Крысы, входившие в первую группу, выполняли данное задание быстрее, чем крысы из контрольной группы. Когнитивные теоретики выдвинули гипотезу о том, что крысы во время подготовительной фазы формировали у себя что-то вроде когнитивной карты, которую они затем использовали для того, чтобы найти выход из лабиринта на фазе, когда им предлагались подкрепления.

Теории оценки вероятностей

Идея о том, что люди и животные формируют психические образы, возникла в 1950-х гг., и ее стали использовать для создания различных теорий, в том числе и никак не связанных с проблемой мотивации. Одна из разновидностей психических образов — это *ожидание* (вероятность), т.е. суждение, основанное на прошлом опыте, который позволяет предположить, какова вероятность того, что некоторое действие приведет к определенному результату. Например, если я прошу у своего босса прибавку к зарплате, то какова вероятность ее получения?

---

[17] См.: *Tolman*, 1932.

[18] См.: *Lewin*, 1938.

[19] См.: *Piaget*, 1970.

Само по себе понятие ожидания не является мотивационным конструктом; но оно образует весьма полезное сочетание с мотивационным конструктом, называемым *оценкой*. Таким образом, теории оценки вероятностей строятся на предположении: люди не только формируют ожидания в отношении того, что может произойти, если они поступят так или иначе, но и оценивают вероятность развития событий. Согласно теории оценки вероятностей, люди выбирают между различными задачами, производя одновременную оценку ценности каждой из них и своих ожиданий. Допустим, я хочу поиграть в теннис. При этом я мог бы оценить свои ожидания, прикинув, насколько велика вероятность того, что мне удастся выиграть у моей соседки, сопоставив это с вероятностью выигрыша у ее пятилетнего сына. Если бы я пришел к выводу о том, что мне не составит особого труда выиграть у них обоих, передо мной встал бы следующий вопрос: выигрыш у кого — у соседки или у ее сына — принесет мне большее удовлетворение (будет для меня более ценным, значимым)?

Теории оценки вероятностей по сути своей гедонистичны. В их основе лежит предположение, что мы предпочтем ту альтернативу, которая, вероятно, приведет к получению наибольшего удовольствия (положительных переживаний). Если все имеющиеся альтернативные варианты кажутся нам непривлекательными, то, скорее всего, мы предпочтем вариант, связанный с наименее неприятными переживаниями. Теории оценки вероятностей иногда называют также теориями когнитивного выбора, или теориями принятия решений[20]. Эксперименты, проводимые в отношении теории оценки вероятностей, строятся на определении того, какой из двух альтернатив или более испытуемый отдаст предпочтение, учитывая вероятность получения определенного результата (скажем, выигрыша в лотерею) и его значимость (количество денег). Другими словами, речь идет об определении того, на какой компромисс готов пойти человек, имеющий дело с двумя этими переменными.

Теории постановки цели

Представление о том, что люди могут формировать ожидания относительно будущего, сыграло ключевую роль в развитии теорий постановки целей. Некоторые теоретики полагают, что люди могут сами себя мотивировать, намечая цели на будущее[21]. Они выдвигают предположение о том, что существуют четыре возможных варианта влияния целей на поведение: 1) они управляют вниманием; 2) мобилизуют силы человека, направляя их на решение некоторой задачи; 3) помогают человеку быть настойчивым; 4) облегчают процесс выработки стратегии действий[22]. Данные проведенных исследований свиде-

---

[20] См.: *Edwards*, 1961.

[21] См.: *Locke*, *Latham*, 1990.

[22] См.: *Locke*, 1968.

тельствуют о том, что намечаемые цели должны быть, с одной стороны, труднодостижимыми, а с другой — конкретными; поэтому высказывание: «Неважно, каким образом ты это сделаешь, но сделай как можно лучше» будет не очень эффективным способом мотивирования людей. Важный механизм регуляции процесса постановки целей заключается в прояснении вопроса о том, насколько мы принимаем намечаемые цели. Если мы их не принимаем, и они не представляют для нас интереса, то соответственно, мы и не будем прикладывать усилия, необходимые для их достижения. Психологи обнаружили, что можно увеличить мотивацию человека к достижению целей, дав ему возможность намечать собственные цели.

Социально-когнитивные теории постановки целей

Ставят ли люди перед собой труднодостижимые цели (или готовы ли они к достижению подобных целей) зависит от того, считают ли они, что у них есть способности (или они могут их развить), необходимые для достижения этих самых целей. Альберт Бандура пишет о *самоэффективности* человека, определяя ее как ожидания, основанные на убеждении в его способности организовать и реализовать поведение, необходимое для достижения результата[23]. Следует отметить, что в теориях оценки вероятностей ожидание имеет отношение к получению результатов, соответствующих определенному уровню прикладываемых усилий, в то время как ожидания, связанные с самоэффективностью, фокусируются на нашей вере в собственные способности. В конечном счете в основе данных представлений лежит наша *Я*-концепция. Другими словами, в соответствии с теорией, разработанной Бандурой, в процессе постановки целей большое значение имеют личностные особенности. <...>

Резюме

Основу когнитивных теорий составляет представление о том, что люди могут формировать психические образы, отражающие особенности окружающей среды, и использовать их затем для управления собственным поведением. Более того, люди могут отдавать предпочтение какой-то одной из нескольких имеющихся альтернатив. Мнения когнитивных теоретиков сходятся на том, что наше поведение не является лишь результатом действия силы привычки, слепо толкающей нас вперед. <...>

---

[23] См.: *Bandura*, 1991.

Биологические, когнитивные факторы и факторы научения

Из обзора некоторых основополагающих теорий мотивации мы увидели, что теоретики, занимающиеся проблемой мотивации, объясняют поведение, исходя из биологических концепций, принципов научения и когнитивных принципов. <...>

Основные темы современных теорий мотивации

В качестве введения в современные теории мотивации давайте рассмотрим некоторые основополагающие понятия, направлявшие мышление теоретиков и процесс изучения проблем, связанных с мотивацией.

Поведение как попытка адаптации

Центральная тема современных теорий мотивации — положение о том, что любое поведение представляет собой попытку адаптироваться к окружающей среде. Оперируя этим базовым предположением, теоретики в области мотивации задаются вопросом о том, что служит источником такого адаптивного поведения: какие механизмы или принципы дадут нам возможность его объяснить? Ученые часто утверждают: если они могут прогнозировать условия, при которых произойдет то или иное событие, значит, можно говорить о понимании причин этого события. За годы исследований психологи разработали чрезвычайно сложный методологический аппарат, помогающий им выявлять причины происходящего.

Эволюционная психология — это относительно молодая дисциплина, корни которой уходят в теорию Дарвина. <...> Ища ответ на вопрос, «с какими проблемами столкнулись наши предки», мы сможем сформировать некоторое представление о том, почему одни формы адаптации появились раньше других. Следуя данному контексту, мы сможем также лучше понять, почему мы такие, какие мы есть, и почему делаем то, что делаем.

Важность определения факторов, активирующих и энергетизирующих поведение

Люди взаимодействуют с окружающей средой посредством двух основных способов: с одной стороны, ими движет потребность в освоении окружающей среды, но в то же самое время, с другой стороны, ими руководит стремление выжить[24].

---

[24] См.: *White*, 1959.

Когда человек сталкивается с этими потребностями, у него часто возникает конфликт: что должно стоять на первом месте — потребность в выживании или потребность в освоении? Данные проведенного исследования свидетельствуют о том, что на первом месте будет стоять потребность в выживании: если я погружен в процесс научения чему-то новому и моя потребность в выживании вдруг оказывается под угрозой, я тут же перестаю учиться и начинаю заниматься вопросом собственного выживания.

А еще данные проведенного исследования показывают, что в этом плане у меня нет свободы выбора. Моя нервная система устроена таким образом, что я просто не могу оставаться невнимательным к своей потребности в выживании. Когда мне что-то угрожает, та часть мозга, которая отвечает за выживание, берет руководство на себя и начинает управлять моим поведением. Сенсорная информация поступает в мозг параллельно по двум отдельным путям: по одному пути информация поступает в ту часть мозга, которая отвечает за реакцию на возникающие угрозы, а по другому — в ту часть мозга, которая отвечает за рациональный анализ. Информация быстрее доходит до той части мозга, которая имеет отношение к вопросу выживания, вот почему моя первая реакция зачастую бывает эмоциональной[25]. Поскольку система, занимающаяся анализом угроз, достаточно неточна, она может допускать ошибки. Когда затем анализ ситуации производится рациональной системой, может быть принято решение о том, что моей жизни ничто не угрожает, и сделана попытка отключить эмоциональную систему. Например, если кто-то критикует написанную мною статью, то моя нервная система может среагировать таким образом, как если бы этот человек физически напал на меня. Вместо того чтобы отреагировать рационально (спокойно, хладнокровно и собранно, как мистер Спок из *Star Trek)*, я просто делаю злобный выпад. На каком-то уровне осознания я могу понимать, что такое мое поведение не совсем уместно, но вместе с тем я не могу себя контролировать. Психологи обнаружили, что наша нервная система часто реагирует так, как будто нашей жизни действительно что-то угрожает.

Зная о том, какие события, происходящие в окружающей среде, активируют в мозгу структуру, отвечающую за выживание, мы можем с большей легкостью понять, почему люди реагируют именно так, как они реагируют. Активация определенных структур мозга и энергетизация поведения — это явления, тесно взаимосвязанные. После активации нервная структура, отвечающая за выживание, обычно остается в таком состоянии до тех пор, пока не поступит обратная связь, содержащая информацию о том, что угрозы больше нет. Но вместе с тем важно знать, каким образом данная структура может быть блокирована. Все мы знаем людей, которые вот уже на протяжении многих лет сдерживают свой гнев. Данные проведенного исследования свидетельствуют о том, что такое подавление гнева не только препятствует успешному протеканию процесса приобрете-

[25] См.: *LeDoux*, 1992.

ния новых знаний и умений, но и плохо сказывается на состоянии здоровья[26]. Очевидно, что теоретику в области мотивации очень важно понимать, какие факторы активируют и энергетизируют поведение человека.

Понимание факторов, управляющих направленностью поведения

Если бы наше поведение не было направленным, мы бы не смогли выжить. Например, появление у нас чувства голода требует того, чтобы наше поведение стало целенаправленным. Мы должны сосредоточить внимание на чем-то одном и сохранять этот фокус внимания до тех пор, пока пищевая потребность не будет удовлетворена. Теория потребностей говорит о том, что направленность поведения определяется именно потребностями[27]. В соответствии с этим объяснением сначала актуализируется потребность, а потом мы в большей или меньшей степени автоматически начинаем действовать в нужном направлении. Но данные проведенных исследований свидетельствуют о том, что это не так. Важную роль здесь играют и полученные в прошлом знания, и используемые нами стратегии мышления (наши когниции). Например, есть люди, которые едят для того, чтобы чем-то занять себя или от чего-то отвлечься; есть такие, которые едят, чтобы насытиться; а кто-то ограничивает себя в еде из-за того, что хочет быть стройным. В соответствии с современными представлениями потребности трактуются как диспозиции; это значит, что они могут служить толчком и даже придавать определенную направленность некоторым формам поведения, но сами по себе не являются достаточным объяснением того, почему люди поступают так, как они поступают.

Теория целей гласит, что цели — начало действий[28]. Согласно этой теории, цель создает напряжение, в результате чего люди начинают продвигаться к ее достижению, стремясь ослабить имеющееся напряжение. Получается, что после появления цели наше поведение обретает сразу и направленность, и необходимую энергетическую подпитку. Но откуда берутся эти цели? Их истоки можно найти в наших биологических особенностях, нашем опыте или используемых нами стратегиях мышления; но дело в том, что цель, в конечном счете, мотивирующая нас на что-то, обычно является сочетанием всех трех вышеописанных параметров. Хотя потребность в энергии и может создать биологический драйв, который мы называем чувством голода, решение о том, что мы будем есть (наша цель), находится под влиянием наших старых привычек и используемых стратегий мышления. Наш первоначальный импульс мог заключаться в желании съесть гамбургер (по старой привычке), но затем

[26] См.: *LeDoux*, 1996.
[27] См.: *Murray*, 1938.
[28] См.: *Locke, Latham*, 1990.

мы решили съесть вместо него тарелку макарон, озаботившись повышенным содержанием жиров в нашем рационе (новая когниция или новая стратегия мышления).

Понимание настойчивости

Интерес психолога, изучающего мотивацию, к проблеме настойчивости более чем что-либо другое отделяет мотивацию от других областей психологии. Например, настойчивость — один из основных предвестников успеха[29]; нередко она оказывается важнее, чем хорошо развитые способности к обучению. Традиционная теория вознаграждений говорит о том, что мы склонны воспроизводить те формы поведения, при которых хорошо себя чувствуем (позитивное подкрепление), и отказываться от таких, при которых чувствуем себя плохо (негативное подкрепление). Прекращение получения вознаграждений обычно становится условием, достаточным для постепенного угасания приобретенной реакции. Согласно традиционной теории вознаграждений, мы будем избегать событий, из-за которых плохо себя чувствуем (вызывающие отвращение или вредоносные стимулы). Поэтому мы могли бы предположить, что неприятные переживания и неудачи — это причины, которые приводят человека к тому, что он сдается. Интересный момент: одни люди действительно сдаются, а другие остаются настойчивыми.

За долгие годы возникло множество теорий, объясняющих, почему люди продолжают оставаться настойчивыми даже без подкреплений или при столкновении с неприятными переживаниями и неудачами. Суть одного из ранних объяснений этого феномена заключается в том, что сигнал о наличии фрустрации, появляющийся, когда мы достигли намеченной цели, но никакого вознаграждения за это не получили, на самом деле лишь обусловливает приближающуюся реакцию[30]. Согласно данному объяснению, негативные чувства сигнализируют о том, что вознаграждение уже близко. Эта идея аналогична старому афоризму, популярному среди инструкторов по аэробике: «Нет боли — нет результата». Хотя это объяснение кажется достаточно убедительным, на самом деле оно основано на допущении о том, что любая форма поведения должна время от времени подкрепляться. А как тогда можно объяснить проявление настойчивости в ситуациях, где подкрепление отсутствует вообще? Объяснение рассматриваемого феномена можно дать с точки зрения когнитивной психологии. Суть его составляет предположение о том, что основой для настойчивости служит внутренняя мотивация человека[31]. В соответствии с теориями внутренней мотивации люди считают, что если они будут воспроизводить определенную форму поведения, то

---

[29] См.: *Seligman*, 1990.

[30] См.: *Amsel*, 1962.

[31] См.: *Deci, Ryan*, 1991.

это приведет к определенным результатам. Многие теории внутренней мотивации основываются на том, что человек может получать вознаграждение в виде овладения новыми знаниями или в виде развития способностей, т.е. речь идет о том, что, в то время как «приманка», задающая направленность поведению, лежит в конце пути, который необходимо пройти, процесс овладения новыми знаниями или развитие способностей обеспечивает прямое подкрепление, поддерживающее целенаправленное поведение.

Но подобные теории таят в себе одну проблему: они не могут до конца объяснить, почему люди остаются настойчивыми даже тогда, когда ясно видно, что движение на пути к цели полностью отсутствует. Согласно теориям внутренней мотивации, движение на пути к цели подкрепляет или обеспечивает мотивацию той или иной формы поведения. Почему же люди продолжают упорствовать даже в том случае, когда вполне очевидно, что они никоим образом не продвигаются на пути достижения своих целей? Было высказано предположение, что люди, и в таких условиях сохраняющие настойчивость, либо оптимисты, либо не теряют надежды; это значит, что они научились или игнорировать неприятные переживания и неудачи, или справляться с ними[32]. <...>

Понимание истоков и основ настойчивости — это вопрос, интересный и важный не только с точки зрения теории, но и с точки зрения практики. Чтобы быть успешным, человеку необходимо научиться быть настойчивым даже перед лицом неудач и неприятных переживаний.

Понимание роли чувств

Теоретикам в области мотивации всегда было интересно, как и что чувствуют другие люди. <...> Большая часть теорий мотивации обращалась к вопросу о том, каким образом позитивная или негативная *эмоциональная реакция* связана с каким-то конкретным событием. Базовое допущение аффективных теорий строится на предположении: люди стремятся к тому, что вызывает у них положительную эмоциональную реакцию, и склонны избегать того, что вызовет негативные переживания.

Различение мотивации избегания и мотивации на достижение, как мы уже говорили ранее, основывается на идее, что чувства являются важной детерминантой поведения. Данные недавно проведенных исследований свидетельствуют: чувства зачастую бывают обусловлены химическими реакциями, протекающими в нашем теле или мозге[33]. Другими словами, чувства — это не плод нашей фантазии, а нечто реальное. Некоторые теоретики советуют нам отслеживать свои чувства, полагая, что таким образом мы сможем управлять своими действиями, поскольку чувства по сравнению с рациональным мышлением более

---

[32] См.: *Seligman*, 1990; *Snyder et al.*, 1991.

[33] См.: *Zuckerman*, 1994.

тесно связаны с проблемой выживания[34]. Бак выдвинул предположение, что эмоциональные реакции — это зов наших генов[35]. Они дают нам информацию о том, как мы адаптируемся к окружающей среде и как с ней взаимодействуем. В то же время есть теоретики, которые утверждают, что чувства являются результатом функционирования примитивных мозговых структур, и поэтому не стоит тратить время и силы на то, чтобы к ним прислушиваться. В соответствии с этой позицией получается, что та часть мозга, которая отвечает за чувства, отстала от жизни, от эры компьютеров и поэтому нам необходимо научиться игнорировать свои чувства.

Короче говоря, так до конца и непонятно, увеличиваем ли мы свои шансы на выживание, прислушиваясь к своим чувствам, или это просто то, что делает нас более счастливыми.

Но, на мой взгляд, вполне очевидно, что негативные чувства могут препятствовать — и чаще всего так и происходит — осуществлению целенаправленного поведения, в то время как позитивные чувства могут поддерживать — и, как правило, поддерживают — целенаправленное поведение. Вот почему современные теоретики, занимающиеся проблемой мотивации, проявляют интерес к вопросу понимания чувств.

Значение индивидуальных различий

Эволюционным психологам и психологам, работающим в других направлениях, интересны лишь общие принципы поведения, но психологам, занимающимся проблемой мотивации, хочется понять, почему люди ведут себя так, как они себя ведут. Эволюционные психологи утверждают, например, что исходная мотивация сексуального поведения обусловлена биологической склонностью, позволяющей дать гарантии того, что наши гены будут воспроизведены в последующих поколениях. Прямое удовольствие или вознаграждение, которое мы получаем, реализуя сексуальное поведение, — это лишь механизм, состоящий на службе у вышеозначенной цели. Далее речь идет о том, что мужчины используют одну стратегию, а женщины — другую, для того чтобы можно было гарантировать воспроизведение своих генов у последующих поколений. В соответствии с данными эволюционного анализа в мужчинах запрограммирована большая склонность к случайным половым связям по сравнению с женщинами[36]. Хотя данный принцип и мог бы объяснить определенные гендерные различия, он не объясняет индивидуальных различий, существующих внутри каждого пола. Если заняться анализом поведения отдельно взятых мужчин и женщин, то можно легко увидеть, что многие мужчины не склонны к промискуитету[37], и, наоборот, до-

[34] См.: *LeDoux*, 1992.

[35] См.: *Buck*, 1999.

[36] См.: *Buss*, 1994.

[37] Промискуитет – неразборчивость в связях.

статочно много женщин проявляют подобную склонность. Чем объясняются эти индивидуальные различия? В соответствии с гипотезой, выдвигаемой теоретиками, занимающимися проблемой мотивации, есть ряд факторов, оказывающих влияние на определенные биологические тенденции. Это когнитивные факторы и факторы, опосредованные прошлым опытом, которые могут оказывать то или иное влияние на поведение человека. Проблема состоит в том, чтобы разобраться, как, когда и почему новоприобретенные знания и способности могут оказывать столь мощное влияние на наши биологически обусловленные механизмы поведения. <...> Ведь мы не просто живые существа, заботящиеся лишь о самих себе. Мы социальные существа, строящие отношения и создающие культуру, а это и есть та малая толика, которая делает нас счастливыми.

Проблема саморегуляции поведения

Как и клинические психологи, теоретики в области мотивации полагают, что можно вполне успешно научить человека управлять своим поведением. Но клинические психологи фокусируют свое внимание на том, как делать людей психически нормальными, в то время как психологи, исследующие мотивацию, более заинтересованы поиском ответа на вопрос, что делает людей исключительными. Как этому человеку удалось стать президентом компании или страны? Как тот стал рок-звездой? А как у этого хватило сил и ловкости, чтобы забраться на самую высокую гору в мире?

Теоретикам, изучающим мотивацию, чрезвычайно интересно разобраться в том, почему человек, обладающий средними способностями, вдруг достигает большого успеха, а исключительно талантливый неожиданно терпит провал. Он может найти ответ в мотивационных принципах. Если удастся определить базовые причины вышеописанных явлений, тогда люди смогут учиться тому, как менять ход своей жизни. Хиггинс, например, говорил, что необходимо понимать роль внимания, сосредоточенного на самом себе в рамках оказания помощи людям в достижении намеченных ими целей (мотивация на достижения) и в избегании ими опасных или несущих вред ситуаций (мотивация на избегание)[38]. <...>

Есть ли у людей воля?

Одно из самых спорных представлений во всей психологии — это представление о том, есть ли у людей воля (сила воли). Представление о существовании воли у людей подразумевает, что мы и есть творцы своей судьбы. Например, было выдвинуто предположение, что человек может сначала создать новый образ себя, а потом найти путь, посредством которого ему удастся достичь желаемой цели,

[38] См.: *Higgins*, 1997.

воплотив в реальность этот образ[39]. Другими словами, он может мечтать (фантазировать), создавая новые образы себя, например о том, как он достигает намеченной цели, становится другим человеком или делает то, чего никогда ранее не делал. После этого он может сделать один из таких образов своей целью и, сопроводив такую цель знанием о том, как достигать цели, может воплотить мечту в реальность. Суть подобных теорий состоит в том, что человек — это не просто продукт биологии или окружающей среды, в которой он живет. Вместо того чтобы быть пассивными и реагировать лишь на возникающие стимулы, люди могут активно строить мир, в котором они сами себя видят преуспевающими и успешно достигающими намеченных целей. <...>

Понятие силы воли подразумевает, что существует лишь несколько ограничений (если таковые вообще имеются), накладываемых на то, что мы можем сделать, и на то, кем мы можем стать. Большинство психологов считают, что мы ограничены нашими биологическими особенностями, способностями к обучению, мыслительными способностями и способностями к решению возникающих проблем. Чтобы измениться, нам необходимо преодолеть эти ограничения. Но, например, несмотря на то, что человек может научиться играть на фортепиано на достаточно хорошем уровне, у него могут отсутствовать способности, которые позволили бы ему стать выдающимся пианистом. Аналогично этому, человек может научиться выполнять в достаточно быстром темпе арифметические операции, но он никогда не сможет соревноваться с компьютером.

Но большинство психологов рассматривает волю более узко, обращаясь к понятию *саморегуляции поведения*. Согласно концепции саморегуляции, нам необходимо научиться делать то, что позволит определенным образом изменить свою жизнь: речь может идти о том, чтобы научиться лучше концентрировать свое внимание, намечать цели, искать пути достижения поставленных целей и избегать негативных мыслей. Короче говоря, мы можем максимально развить навыки и способности, которые у нас уже есть, а также научиться вырабатывать новые навыки посредством практики.

---

[39] См.: *Markus, Nurius*, 1986.

Г. Глейтман ,
А. Фридлунд,
Д. Райсберг

Что общего у разных мотивов*

<...> Разнообразные мотивы абсолютно несхожи между собой, так же как и цели, к которым они направляют организм, — пища, вода, победа над хищником или врагом, хороший ночной сон. Но мы также можем спросить: а что общего у всех этих мотивов? Безусловно, все они стимулируют активность, организуют наши действия, наши взгляды и наши чувства. Но есть ли у этих мотивов какие-либо более специфичные общие черты?

Психология награды и уровень возбуждения

Многие ученые придерживались мнения, что все или, по крайней мере, большинство мотивов могут рассматриваться как поиск некоторого оптимального уровня возбуждения либо общей стимуляции. Однако одним из первых препятствий на данном пути стал вопрос о том, каков этот оптимальный уровень.

Основоположники данной концепции считали, что оптимальным уровнем, к которому стремится организм, является уровень нулевой. Однако факты говорят о том, что это не так, поскольку некоторые виды раздражителей мы, несомненно, активно ищем сами, такие, например, как вкус сладкого, сексуальные заигрывания, спортивные тренировки или захватывающие дух аттракционы. Эти действия не имеют смысла, если стремишься снизить свой уровень возбуждения или избежать стимуляции.

---

* *Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д.* Основы психологии. СПб.: Речь, 2001. С. 128–135.

Такой поиск стимуляции можно наблюдать даже у крыс, которые предпочитают пить искусственно подслащенную воду вместо обычной, хотя подсластитель не содержит калорий и не утоляет голода[1]. Подобные выводы можно сделать и в отношении деятельности, движимой любопытством, или «работы ради работы». Обезьянки потратят много времени на щеколду, прикрепленную к деревянному щиту, для того чтобы выяснить, как она открывается, даже если это не даст им абсолютно ничего. <...>

Похоже, сам процесс решения задачи уже является для них наградой. В этом отношении обезьянки действуют точно так же, как и люди, которые покупают складные мозаики-загадки, решают кроссворды и анаграммы в газетах и другим бесконечным множеством способов увеличивают стимуляцию вместо того, чтобы постараться снизить ее.

Эти факты говорят о том, что оптимальный уровень возбуждения, вероятно, находится выше нуля. Если мы находимся выше этого уровня, мы пытаемся снизить стимуляцию. Но если мы находимся ниже него, мы стремимся к поиску стимуляции.

Каков же этот оптимальный уровень? Несомненно, он меняется от мотива к мотиву. Оптимальный уровень голода, вероятно, очень низок, ибо мы очень недолго можем переносить голод, не испытывая желания поесть. Сексуальный оптимум, очевидно, выше, поскольку большинство животных довольно разборчивы в выборе своих партнеров, даже находясь в состоянии сексуального возбуждения <...>. Между людьми также, вероятно, имеются различия: по некоторым данным, одни люди постоянно «охотятся» за стимуляцией, разыскивая дополнительные раздражители, тогда как другие предпочитают спокойную жизнь[2].

Наркотики и наркомания

Обычно люди находят проторенные дороги для достижения оптимального уровня возбуждения: едят, когда чувствуют голод; спят, если устали; ищут интересных людей или неожиданных ситуаций, чтобы развеять скуку. К сожалению, иногда поиск стимуляции может привести к радикальным изменениям уровня возбуждения с помощью употребления наркотиков.

Наркотики, изменяющие уровень возбуждения. Для изменения уровня возбуждения используются две большие группы наркотиков: *транквилизаторы*, снижающие возбуждение, и *стимуляторы*, которые повышают его.

---

[1] См.: *Sheffield F.D., Roby T.B.* Reward value of a non-nutritive sweet taste // Journal of Comparative and Physiological Psychology. 1950. Vol. 43. P. 471–481.

[2] См.: *Zuckerman M.* Sensation Seeking: Beyond the Optimum Level of Arousal. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1979.

К транквилизаторам относятся различные седативные вещества (например, барбитураты), алкоголь и опиаты (опиум, героин и морфий)[3]. Общий эффект выражается в снижении активности всех нейронов ЦНС. Это может показаться удивительным, так как все мы видели шумных и агрессивных пьяных, — вряд ли они кажутся сонными и подавленными. Однако это несоответствие разъяснится, если мы поймем, что гипервозбужденность пьяного — это пример растормаживания. После одной-двух порций спиртного деятельность тормозящих синапсов головного мозга подавляется, однако при таких (относительно низких) дозах функции возбуждающих синапсов еще не нарушены. Вследствие этого обычные рамки поведения расширяются, и человек может вести себя несвойственным ему образом, испытывать эйфорию и отсутствие сексуальных и агрессивных ограничителей. Но если он продолжает пить, действие алкоголя распространяется на все мозговые центры. Теперь расторможенное возбуждение уступает место общему замедлению функций. Внимание и память будут становиться более расплывчатыми, движения — неловкими, а речь — смазанной, до тех пор пока человек не упадет и не потеряет сознание.

Действие стимуляторов, таких, как амфетамины и кокаин, — совершенно иное. Эти наркотики вызывают сильное сердцебиение, высокое кровяное давление, бессонницу, пониженный аппетит и, вероятно, в результате внутренней стимуляции — спокойное внешнее поведение. Это последнее открытие привело к широкому применению небольших доз стимуляторов из группы амфетаминов (например, декседрина, цилерта и риталина) при лечении людей, страдающих гиперактивностью или расстройством внимания[4].

Кроме того, стимуляторы повышают настроение. При употреблении, в частности, кокаина, подъем настроения может быть чрезвычайно сильным — возникает эйфорический «улет», или «кайф», дополненный ощущением огромной энергии и завышенной самооценкой. Все это привело к тому, что врачи в начале века (включая Зигмунда Фрейда) превозносили кокаин как волшебное лекарство, которое пробуждает у человека неограниченную энергию, чувство радости и эйфории без неблагоприятных побочных эффектов. К несчастью, это далеко от истины, так как за начальную эйфорию приходится платить высокую цену: амфетамины и кокаин часто вызывали зависимость, которая становилась единственным смыслом жизни для человека, употребляющего эти стимуляторы. Кроме того, постоянное употребление этих наркотиков может привести к неадекватным состояниям, напоминающим некоторые виды шизофрении, с ма-

---

[3] Говоря точнее, опыты принадлежат к отдельному классу. В отличие от алкоголя и успокоительных, они действуют как анальгетики (т.е. болеутоляющие) и влияют на отдельные опиатные рецепторы. К тому же один из них — героин — при внутривенном введении способен вызвать необыкновенно сильную эйфорию, «улет», иногда схожий с сильным сексуальным возбуждением.

[4] См.: *Andreasen N.C., Black D.W.* Introductory Textbook of Psychiatry. Washington, D.C.: American Psychiatric Press, 1996.

нией преследования, иррациональными страхами и галлюцинациями[5]. Некоторые из препаратов этих наркотиков дают токсичные эффекты — метамфетамин, например, является мощным нейротоксином, который способен уничтожать нейроны.

Толерантность и отмена. Многие препараты — не только амфетамины и кокаин — могут вызывать зависимость. Вообще, синдром зависимости характеризуется двумя важными симптомами. Во-первых, у человека развивается повышенная толерантность к наркотику, и поэтому ему требуются все возрастающие дозы, чтобы достичь прежнего эффекта. Во-вторых, когда наркотик отсутствует, больной страдает от *абстинентного синдрома*. В общих чертах симптомы этого синдрома противоположны тому действию, которое оказывает наркотик. Так, героин вызывает спокойствие, эйфорию и избавление от боли. Героиновые наркоманы при отсутствии своего наркотика, напротив, чрезвычайно раздражительны, тревожны, беспокойны и страдают бессонницей. Таким же свойством обладают стимуляторы: кокаин и амфетамины вызывают подъем настроения, всплеск энергии; отсутствие этих препаратов приводит к катастрофической депрессии в сочетании с полным физическим истощением. Это касается многих физиологических симптомов, производимых наркотиками: для опиатов характерным следствием являются выраженные запоры (в течение многих столетий опиаты применялись при лечении диареи и дизентерии). И когда прием наркотика прекращается, наркоман начинает страдать острым расстройством ЖКТ и связанными с ним желудочно-кишечными симптомами[6].

Теория процесса противодействия в мотивации

Чем можно объяснить такое явление, как наркомания? Некоторые предположения выдвигает *теория процесса противодействия*, дающая общее представление о широком круге приобретаемых нами мотивов[7]. Базовая посылка данной теории опирается на принцип гомеостаза и гласит, что нервная система обладает свойством противодействия любому отклонению от нормы. Так, организм, испытывающий сильный холод, стремится получить тепло; при перегревании он ищет возможность охлаждения. То же самое относится к степени возбуждения или к степени удовольствия и боли. Если имеет место чрезмерный

---

[5] См.: *Siegel R.K.* Changing patterns of cocaine use: longitudinal observations, consequences, and treatment // Cocaine: Pharmacology, Effects, and treatment of Abuse / J. Grabowski (Ed.). 1984. P. 92–110.

[6] См.: *Julien R.M.* A Primer of Drug Action. N.Y.: Freeman, 1985; *Volpicelli J.* Psychoactive substance use disorders // Abnormal Psychology / D.L. Rosenhan, M.E.P. Seligman. N.Y.: Norton, 1989.

[7] Термин «процесс противодействия» первоначально применялся в области цветного зрения, где он обозначал нервные процессы, идущие в разных направлениях <...>.

сдвиг в сторону радости и экстаза, в силу вступает процесс противодействия, который стремится восстановить нейтральное настроение. И наоборот: если начальный сдвиг наблюдался в сторону ужаса и отвращения, процесс противодействия будет направлен в позитивную сторону, чтобы вернуть человека в состояние равновесия.

Следующее положение данной теории заключается в том, что в каждом из этих случаев эффективность такого процесса противодействия возрастает по мере его развития. Так, при первом испуге человеку требуется некоторое время, чтобы восстановить душевное равновесие, но по мере повторения пугающей ситуации равновесие восстанавливается все быстрее и быстрее[8].

Этот «эффект повторения» может объяснить развитие толерантности, абстинентный синдром и, как следствие, порочный круг наркомании. Согласно этой теории, реакция на прием наркотика дает начало процессу, идущему в обратном направлении, т.е. — восстанавливающему первоначальное состояние организма. Чем чаще человек принимает наркотик, тем сильнее становится этот процесс противодействия. В результате повышается толерантность благодаря тому, что процесс противодействия теперь стал настолько мощным, что может быстро и полностью устранить действие наркотика. Поэтому требуется все большая доза наркотика для преодоления этого процесса противодействия и получения желанного «кайфа». А что происходит, когда наркотик отсутствует? Очевидно, что отсутствует и наркотический эффект, но остается процесс противодействия, сила которого увеличивалась с каждой дозой. Этот процесс погружает наркомана в состояние, обратное тому, которое оказывал отсутствующий наркотик, и это является причиной его мучений во время абстинентного синдрома, выражающихся в симптомах, прямо противоположных действию наркотика[9].

Физиологическое действие награды

Рассмотренные выше темы оптимального уровня возбуждения и процесса противодействия привлекают наше внимание к вопросу о том, что общего могут иметь различные мотивы с точки зрения физиологии. Все они включают некоторый оптимальный уровень возбуждения (даже если этот оптимум меняется от мотива к мотиву); все, вероятно, имеют свой процесс противодействия, поддерживающий стабильность организма. Но существуют ли какие-то общие

---

[8] См.: *Solomon R.L., Corbit J.D.* An opponent-process theory of motivation: I. Temporal dynamics of affect // Psychological Review. 1974. Vol. 81. P. 119–145; *Solomon R.L.* The opponent-process theory of acquired motivation: The costs of pleasure and the benefits of pain // American Psychologist. 1980. Vol. 35. P. 691–712.

[9] См.: *Solomon R.L.* The opponent-process theory of acquired motivation: The costs of pleasure and the benefits of pain // American Psychologist. 1980. Vol. 35. P. 691–712.

физиологические черты, лежащие в основе различных мотивов? Может быть, есть некоторая отдельная область мозга, активация которой вызывает чувство, называемое нами «удовольствием» — будь то удовольствие от секса, прослушивания музыки или вкусной еды? Исследователи пытались ответить на этот вопрос, изучая действие награды с помощью электрической стимуляции различных зон головного мозга.

Общие исследования были начаты в 1954 г., когда Джеймс Олдс и Питер Милнер обнаружили, что крысы начинают нажимать на педаль, если получают в награду один лишь короткий разряд электрического тока в определенную зону гипоталамуса и лимбической системы[10]. Подобное действие самостимуляции как награды было продемонстрировано на множестве примеров других животных, включая кошек, дельфинов, обезьян, а также и людей. Чтобы получить такую стимуляцию, крысы давили на педаль с частотой до 7000 нажатий в час в течение нескольких часов. Если им предлагали выбирать между едой и удовольствием, то крысы часто выбирали второе, даже если они буквально умирали от голода[11].

Специфические и генерализованные центры удовольствия

Чем можно объяснить действие самостимуляции, подобное получению награды? Единственное возможное объяснение заключается в том, что стимуляция мозга вызывает ощущение, схожее с тем, которое оказывает сама награда. Так, стимуляция одной зоны может ввести мозг в заблуждение, что была получена настоящая еда, стимуляция другой зоны — что произошел сексуальный контакт, и т.д. Другой взгляд на проблему заключается в том, что самостимуляция вызывает более генерализованный, неспецифический вид удовольствия, подобно тому, которое дает получение любой награды. Еда, питье и секс, безусловно, различны между собой, но возможно, что та разная информация, которую они посылают в мозг (только что поел, попил, совершил половой акт), в конечном итоге сливается в единую функциональную систему, которая на все эти сигналы реагирует практически однотипным образом («чувствую себя хорошо»).

Полученные данные, в основном, говорят в пользу первого предположения — стимуляция разных зон мозга дает ощущение получения новой неспецифической награды. Например, животные выполняют определенные действия, чтобы получить электрический стимул в латеральную часть гипоталамуса (которая отвечает за чувство голода), но то, насколько активно они работают для

---

[10] См.: *Olds J., Milner P.* Positive reinforcement produced by electrical stimulation of septal areas and other regions of rat brains // Journal of Comparative and Physiological Psychology. 1954. Vol. 47. P. 419–427.

[11] См.: *Spies G.* Food versus intracranial self-stimulation reinforcement in food deprived rats // Journal of Comparative and Physiological Psychology. 1965. Vol. 60. P. 153–157.

получения этой награды, зависит от степени голода. Если они долго не ели, то начинают работать активнее, чем в другом случае. Это значит, что мозг рассматривает стимуляцию этой зоны как эквивалент получения пищи. Аналогичный эффект наблюдается при стимуляции зон, связанных с жаждой и сексуальным поведением[12].

Допаминовая теория удовольствия и наркотического воздействия

Что является физиологическим базисом самостимуляции? Многие исследователи считают, что ответ содержится в допаминовых каналах головного мозга. Известно, что самостимуляция наиболее эффективна, когда она направлена на сгусток нервных волокон, который называется *медиальным пучком переднего мозга*. Эти волокна тянутся от области среднего мозга к гипоталамусу и, по мнению некоторых исследователей, вызывают активность других клеток. Эти волокна проходят от одной части среднего мозга (*вентромедиальная область — ВМО*) к зоне в области переднего мозга, называемой *передней комиссурой* <...>. Нейромедиатором в этих каналах является допамин. Это доказывает тот факт, что если препараты, являющиеся антагонистами допамина, вводятся в близлежащие области мозга, стимуляция действует намного слабее[13].

Многие ученые объясняют эти явления тем, что активация нервных волокон, исходящих из передней комиссуры, воспринимается мозгом как неврологический эквивалент: «это хорошо — давай еще раз!». Это, вероятно, может объяснить некоторые явления наркотической зависимости. И кокаин, и амфетамины повышают уровень допамина в синапсе. Кокаин блокирует возврат допамина в проводящий канал (благодаря чему он остается в этом канале дольше); амфетамины действуют так же, а кроме того, повышают выделение допамина в аксоновом окончании. Попадая в кровь, оба наркотика скоро находят область передней комиссуры и запускают по нервным путям механизм «это хорошо — давай еще раз!». Есть еще очень много непонятного в данной области. Очевидно, что допамин играет решающую роль в физиологическом механизме награды, и мы можем выделить некоторые структуры мозга, имеющие для этого механизма большое значение. Однако мы до сих пор не можем просуммировать все разнообразные знания относительно мозговой стимуляции, чтобы создать единую и непротиворечивую картину биологического базиса для механизма действия награды или, даже больше, биологической основы удовольствия. Когда

---

[12] См.: *Olds M.E., Fobes T.* The central basis of motivation: Intracranial self-stimulation // Annual Review of Psychology. 1981. Vol. 32. P. 523–574.

[13] См.: *Gallistel C.R., Shizgal P., Yeomans J.* A portrait of the substrate for self-stimulation // Psychological Review. 1981. Vol. 88. P. 228–273; *Stellar J.R, Stellar E.* The Neurobiology of Motivation and Reward. N.Y.: Springer Verlag, 1985; *Wise R.A., Rompre P.P.* Brain dopamine and reward // Annual Review of Psychology. 1989. Vol. 40. P. 191–226.

мы сможем это сделать, то поймем не только то, что крысы (а также собаки и дельфины) нажимают на педаль, желая получить небольшой разряд электрического тока в определенную зону головного мозга. Мы сможем понять работу неврологического механизма, лежащего в основе действия естественных наград и мотивов, а также понять, что именно в мозгу заставляет людей и животных отмечать некоторые события как события, которые они хотят пережить вновь (например, поесть, когда голоден; совершить половой акт, когда испытываешь сексуальное возбуждение; и т.д.). И мы, возможно, поймем также некоторые биологические механизмы, лежащие в основе «неестественных» видов награды, таких, как наркотики, употребляя которые, множество людей становятся зависимыми от них.

Г. Олпорт

Трансформация мотивов*

Личность, как и любое другое живое существо, по мере роста меняется. И мотивы — двигатели личности — должны расти и меняться. Нелегко объяснить огромную трансформацию, претерпеваемую мотивами на пути от младенчества к взрослости. Это постепенный и тонкий процесс. Нельзя сказать, что все мотивы меняются в равной степени. Влечения сохраняются. И даже в сложных взрослых мотивах нынешнего дня прошлое (иногда, в некоторой степени) все еще живо. Но необходимо раскрыть, какая часть прошлого еще горит в личности, а какая обратилась в пепел. <...>

Требования к адекватной теории мотивации

Мы полагаем, что адекватная теория человеческих мотивов будет отвечать следующим требованиям.

1. *Она будет признавать современность мотивов.* То, что движет нами, должно двигать сейчас. Следовательно, мотивационная теория должна смотреть на *настоящее* состояние организма. Прошлое несущественно, если нельзя показать, что оно как-то динамически активно в настоящем. Возьмем для примера следующий случай:

> Джордж — молодой преступник. Он осужден за воровство, поджог, вооруженный грабеж и злонамеренное нападение на нескольких полицейских. Ясно, что причина лежит в его несчастном детстве. Мать, которую он любил, умерла, когда ему было пять лет. После этой трагедии мальчик жил только с отцом-пьяницей, от которого не видел ничего, кроме отвержения и жестокости.

---

* *Олпорт Г.* Становление личности: Избранные труды. М.: Смысл, 2002. С. 302—311, 313—329

«Объясняет» ли эта история сегодняшнее поведение Джорджа? В определенном смысле да, ибо она приводит исторические факты, существенные для понимания всего течения его жизни. Но есть другие мальчики, имевшие столь же суровое прошлое и при этом избежавшие таких сильных отклонений в сегодняшнем поведении. Действительно, у одного моего знакомого — пламенного иезуитского миссионера — была очень похожая семейная история. В чем тогда разница? Ответ, похоже, в том, что Джорджа все еще активно беспокоит его детский конфликт, и он до сих пор проигрывает (и перемещает) свою враждебность к отцу, а миссионер как-то перерос конфликт и заменил детские враждебные мотивы другими — более добрыми. Следовательно, нельзя сказать, что прошлая история автоматически определяет нынешнюю «энергию» мотивов. Прошлые мотивы не объясняют ничего, если они не продолжают жить в настоящем.

По этой причине доктрина «вторичных влечений» представляется нам фатально алогичной. Напомним, что эта доктрина рассматривает нынешние мотивы как черпающие свою энергию из прошлого подкрепления. Вы любите ловить рыбу то ли потому, что много лет назад отец брал вас с собой на рыбалку, то ли потому, что он удовлетворял многие ваши первичные детские влечения? С исторической точки зрения эта логика верна. Но ваша нынешняя, сегодняшняя страсть к рыбалке уже не может брать «энергию» из первичных влечений вашего младенчества (с которым исторически связаны ваш отец и его приглашение вместе порыбачить).

В динамическом смысле нет «вторичных» мотивов. Можно говорить о мотивах, вторичных по времени (ибо все нынешние мотивы вырастают из предыдущих), или о мотивах, имеющих вторичную важность для личности. Но с точки зрения *энергии* или *динамики* все мотивы «первичны». Ни один не черпает свою «энергию» из прошлого, а всегда и только из настоящего[1].

2. *Это будет плюралистическая теория, учитывающая мотивы многих типов.* Помимо ошибочного анахронизма (взгляда на нынешнюю мотивацию с точки зрения прошлых событий), у многих мотивационных теорий есть и другой недостаток — чрезмерная упрощенность. Различные авторы уверяют нас, что все мотивы сводимы к одному типу: к влечениям, к поиску удовольствия, к бессознательному, к поиску могущества или к самоактуализации. Ни одна из этих формулировок не может быть полностью адекватной, ибо в каждой есть лишь доля истины. Смахнуть комара со щеки — мотивированный поступок, но столь же мотивированный поступок — посвятить жизнь искоренению желтой лихорадки или малярии. Добиваться глотка воды — не более и не менее мотивированное занятие, чем добиваться олимпийской победы в плавании.

---

[1] Идею своевременности всех мотивов с особой ясностью отстаивал Курт Левин: *Lewin K.* A dynamic theory of personality. N.Y.: McGraw-Hill, 1935.

Вспомним полезное различение, предложенное Маслоу. Он говорит о мотивах *дефицита или нужды* и мотивах *роста*[2]. Первые включают влечения и элементарные психологические потребности: жажду, голод, сон, самосохранение, комфорт, базовую безопасность. Вторые включают амбиции, интересы, притязания нормально развивающегося взрослого. Адекватная теория должна охватывать и те, и другие.

Некоторые мотивы преходящи, другие повторяются, некоторые мгновенны, другие долговременны, некоторые бессознательны, другие осознанны; некоторые ситуативны, другие личностны; некоторые снижают напряжение, другие его поддерживают. Мотивы столь разнообразны, что трудно раскрыть то, что их объединяет. Мотивы человека включают все, что он пытается (сознательно или бессознательно, рефлекторно или намеренно) делать. И это почти все, что мы можем о них сказать.

Приняв этот принцип плюрализма, мы должны быть готовы посмотреть в лицо тому факту, что мотивы животных не будут адекватной моделью мотивов людей, а мотивы взрослых не всегда будут продолжать мотивы детства, и, наконец, мотивация невротичной личности не обязательно будет определять мотивацию нормального индивида. Многие исследователи надеялись распутать клубок человеческой мотивации с помощью упрощенных моделей машины, животного, ребенка или патологической личности. Ни одна из этих моделей не адекватна[3].

3. ***Эта теория будет приписывать динамическую силу когнитивным процессам, т.е. планированию и намерению.*** Мы завершаем эпоху крайнего иррационализма, когда человеческая мотивация приравнивалась к слепой воле (Шопенгауэр), к борьбе за выживание (Дарвин), к инстинктам (Мак-Дугалл и др.), к паровому котлу *Ид* (Фрейд). Мощное влияние этих доктрин низвело роль «интеллекта» до уровня незначительного. В лучшем случае интеллект рассматривался как инструмент для реализации мотива. Когнитивные функции — простые слуги. Центральная нервная система — агент автономной нервной системы[4].

Постепенно возник протест. Свыше сорока лет назад, сделав обзор теории Мак-Дугалла, Грэм Уоллас предложил пополнить перечень инстинктов «инстинктом мысли»[5]. Позднее представители гештальтпсихологии приписали динамическую силу когнитивным операциям. Мы придаем форму своему восприятию,

---

[2] См.: *Maslow A.H.* Motivation and personality. N.Y.: Harper, 1954. [Рус. пер.: *Маслоу А.Г.* Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999.] Подобное положение выдвигала Шарлотта Бюлер, которая на основе обширной работы с историями жизни сделала вывод, что каждый человек стремится и к равновесию, и к экспансии (*Bühler Ch.* Maturation and motivation // Dialectica. 1951. Vol. 5. P. 312–361).

[3] См.: *Allport G.W.* Scientific models and human morals // Personality and social encounter. Boston: Beacon, 1960. Ch. 4.

[4] См.: *Kempf E. J.* The autonomic functions and the personality // Nervous and Mental Diseases Monographs. Ser. 1921. № 28.

[5] См.: *Wallas G.* The great society. N.Y.: Macmillan, 1914.

изменяем свои воспоминания, решаем свои проблемы благодаря динамичным «самоопределяющимся» тенденциям в мозговом поле, у которых нет неизбежной связи с влечениями, инстинктами или другими побуждениями. Бартлетт обобщил такие силы словосочетанием «усилия осмысления». Это понятие играет большую роль в работах многих современных психологов, эмпириков, когнитивных теоретиков и экзистенциалистов[6].

Несомненно, люди жадно стараются познать смысл своих нынешних переживаний и своего существования как целого, но мы не должны резко отделять такие когнитивные мотивы от тех, которые традиционно называются волевыми или аффективными. Для людей типично пытаться делать что-то, в чем их желания и планы хорошо согласуются. Желание и разум не находятся в отношениях господина и слуги, а сплавлены в один мотив, который мы можем назвать «намерением».

Намерение — форма мотивации, обычно игнорируемая, но имеющая центральное значение для понимания личности. Понятие намерения позволяет нам преодолеть противопоставление мотива и мысли.

Подобно всем мотивам, намерение относится к тому, *что индивид пытается делать*. Конечно, существуют сиюминутные и кратковременные намерения (получить стакан воды, смахнуть муху, удовлетворить то или иное влечение); но это понятие имеет особую ценность при указании на личностные диспозиции дальнего действия. Мы можем *намереваться* организовать свою жизнь по какому-то этическому кодексу, отыскать смысл своего существования. Религиозное намерение ведет нас к такому упорядочению жизни, чтобы нам светила надежда в конце достичь райского блаженства.

Понятие намерения позволяет нам признать несколько важных особенностей.

1. Когнитивные и эмоциональные процессы в личности сплавляются в интегральные побуждения.

2. Намерение, подобно всей мотивации, существует в настоящем, но имеет сильную ориентацию на будущее. Использование этого понятия помогает нам проследить динамику мотивации в направлении разворачивания жизни (в будущее), а не так, как это делает большинство теорий (в прошлое). Намерения говорят нам о том, какого будущего старается достичь человек. И это самый важный вопрос, который мы можем задать о любом смертном.

3. Это понятие подразумевает «поддержание напряжения» и, таким образом, отражает универсальную характеристику всех долгосрочных мотивов.

[6] Перечисленные ниже авторы по-разному ставят существенный акцент на динамическую силу познавательных процессов: *Bartlett F.G.* Remembering. E.: Cambridge Univ. Press, 1932; *Asch S.E.* Social Psychology. Englewood Cliffs, N.Y.: Prentice-Hall, 1952; *Cantril H.* The why of man's experience. N.Y.: Macmillan, 1950; *Festinger L.* A theory of cognitive dissonance. Evanston (Ill.): Row, Peterson, 1957; Existence: a new dimension in psychiatry and psychology / L. Festinger, E. Angel, H.F. Ellenberger (Eds.). N.Y.: Basic Books, 1958. [Рус. пер.: Экзистенциальная психология. Экзистенция. М.: Апрель-Пресс; ЭКСМО-Пресс, 2001.]

4. Когда мы определяем главные намерения в жизни, мы получаем тем самым средство для удержания в перспективе второстепенных тенденций.

Молодой студент колледжа *намерен* стать хирургом. Это базовый мотив. Данное намерение неизбежно осуществляет отбор, какие из его способностей будут оттачиваться, а какие будут запущены. (Следовательно, мы не можем понять его личность, изучая только его нынешние способности.) Это намерение вполне может принести разочарование его родителям, планировавшим, что мальчик сделает карьеру в бизнесе. (Следовательно, мы не можем понять его личность, наблюдая его влияние на других.) Намерение также подавляет противоречащие ему мотивы. Он хочет жениться, но его намерение стать хирургом отодвигает реализацию этой цели; он любит футбол, но жертвует им ради учебы. (Следовательно, мы не можем узнать его личность с помощью простого перечисления его влечений и желаний.)

Полезно знать, что человек может делать, каково его влияние на других людей и какими могут быть его импульсы и желания, но картина никогда не будет полной, если мы не узнаем также, каковы намерения этого человека, какого будущего он пытается достичь[7].

Соглашаясь с открытиями психоанализа, мы признаем, что индивид не всегда точно знает свои собственные намерения. На уровне сознания он может ошибочно интерпретировать направление собственных усилий. Мать, которая бессознательно возмущается своим ребенком и ненавидит его, возможно, в сознании переполнена заботливостью и будет настойчиво уверять в своей любви («реактивное образование»). Она нуждается в психиатрической помощи для прояснения своих намерений. Но у большинства смертных импульсы и планы, желания и намерения, конфликты и противоречия довольно точно отражаются в их сознательных отчетах.

К несчастью, понятие намерения не занимает приоритетного места в современной психологии. Это обосновано тем, что оно означает цель, эффективность сознательного планирования и «тягу», направляющую нынешнее поведение человека к его образу будущего. Более популярная «физиологическая» концепция сказала бы, что его *толкают* его мотивы (а не *тянут* его намерения). Многие психологи сказали бы, что «влечения» полностью объясняют все то, что мы здесь приписываем намерениям. Но влечения как таковые слепы. Они не объясняют организацию и ориентацию посредством когнитивных установок, предвидения, кортикального контроля. И тем не менее все эти психологические функции связаны в единое течение мотивации.

Обсуждаемую тему могут проиллюстрировать два ответа разных психологов на вопрос: «Какой самый важный вопрос вы зададите человеку, чтобы понять его личность?» «Глубинный» психолог ответил: «Я бы спросил, какого рода фанта-

[7] Ср.: *Heider F.* The psychology of interpersonal relations. N.Y.: Wiley, 1958. Ch. 4; *Anscombe G.E.M.* Intention. Oxford: Basil Blackwell, 1957.

зии посещают этого человека» (тем самым он выяснил бы, что бессознательно толкает его). Другой — консультирующий психолог с большим опытом — сказал: «Я бы спросил, где он хочет быть и что он хочет делать через пять лет» (тем самым он выяснил бы его долгосрочные намерения).

Прежде чем оставить понятие намерения, необходимо сказать следующее: если это понятие кажется неприемлемым (возможно, потому что оно восходит к Брентано и даже к святому Фоме Аквинскому, или потому что у него есть «менталистский» оттенок), суть может быть успешно сохранена с помощью подчеркивания понятия *интереса*. Намерения человека — это, в конечном счете, его характерные интересы. Даймонд определяет интерес как «предрасположенность заниматься некоторой культурно разработанной деятельностью без расчета на какое-либо иное последующее удовлетворение, чем простое проявление этой предрасположенности»[8].

Выражение «культурно разработанная» обращает внимание на различие между сложностью интереса и относительной простотой влечения. Интерес может включать или не включать первичное влечение, но он всегда включает нечто большее. Даже когда мы говорим, что индивидуум интересуется пищей или сексом, мы признаем, что это не влечения, а усвоенные способы удовлетворения влечений, которые определяют интерес. А на противоположном полюсе мы говорим о таких интересах, как архитектура, работа в ООН или религия. В этих случаях вообще может не быть поддающегося обнаружению элемента влечения.

4. *Эта теория будет учитывать конкретную уникальность мотивов.* Какая разница между мотивом конкретным и абстрактным? Рассмотрим таблицу 1, в

Таблица 1

Конкретное	Абстрактное
У Мэри есть сильное желание стать профессиональной медсестрой	Она сосредоточивает на объекте сексуальное желание с отторможенной целью (фрейдизм)
Джим страстно любит музыку	Его интерес — вторичное влечение, появившееся от его музыкальной матери, которая удовлетворяла его ранние первичные влечения (теория S—R).
Уильям надеется стать первоклассным механиком	Он таким образом выражает свою потребность в достижении (теория потребностей)
Ирэн испытывает страх перед открытым пространством (агорафобия)	Инстинкт бегства — корневой мотив (теория инстинктов)
Томас надеется, что будет избран президентом своего клуба	Мотив — желание господства
Похоже, что Сэм всегда ищет похвалы	У него потребность в заботе
Патриция любит принимать гостей у себя дома	Корни этого — желание компетентности

[8] См.: *Diamond S.* Personality and Temperament. N.Y.: Harper, 1957. P. 294.

левом столбце которой мы перечисляем определенные мотивы, обнаруживаемые при изучении реальных жизней; в правом столбце мы видим, как их можно приладить к разным абстрактным теориям.

Этих примеров достаточно, чтобы продемонстрировать разницу между конкретным и абстрактным видением мотивов. Последнее всегда прилажено к какой-то теоретической системе и вытекает из классификаций якобы базовых общих мотивов людей. Они касаются личности вообще. Они слабо приложимы к конкретному случаю. Ни четыре желания, ни восемнадцать инстинктов, ни тридцать потребностей, ни их любая комбинация или производные не могут адекватно объяснить бесконечное разнообразие целей, которых добиваются бесконечно разнообразные смертные.

Возьмем последний пример из перечисленных в таблице. Верно, что Патриция в определенном смысле проявляет «компетентность» на своих приемах. Но в жизни есть миллионы видов компетентности, которые наверняка вообще не интересуют Патрицию. Ее мотив очень конкретен. Соль ее жизни — гостеприимство, а не абстрактная компетентность. А любая абстрактная схема полностью упускает этот момент и, следовательно, проливает мало света на действительное функционирование ее личности. Видение интересов человека просто как вариаций, звучащих в общем паттерне, — это карикатура на человека.

Этот акцент на уникальности мотивации может вызвать тревогу. Вы спросите: «Что же это будет за *наука* о мотивах, если мы не станем обобщать?» Ответ на это возражение состоит в том, что общие принципы мотивации (подобные тем, о которых идет речь в этой и предыдущей главах) могут помочь нам понять, как образуется уникальность. Ошибочно считать, что общий принцип мотивации может вести только к единообразному списку мотивов, общему для всех людей.

Функциональная автономия

Обратимся теперь к одному общему закону мотивации, полностью учитывающему конкретную уникальность личных мотивов и соответствующему всем другим критериям адекватной теории мотивации. Это отнюдь не единственный валидный принцип, подходящий к развитию человеческих мотивов, не объясняет он и всю мотивацию. Но это наша попытка избежать ограничений единообразных, негибких, абстрактных, ориентированных назад теорий и признать спонтанность, изменчивость, направленность вперед, конкретный характер б льшей части мотивации взрослых.

Функциональная автономия рассматривает взрослые мотивы как разнообразные, самоподдерживающиеся актуальные системы, вырастающие из предшествующих систем, но функционально независимые от них. Со многими мотивами происходит то же, что с ребенком, который постепенно перерастает

зависимость от своих родителей, становится независимым и переживает своих родителей. Переход может быть постепенным, но, тем не менее, радикальным. Когда индивидуум (или мотив) созревает, его функциональная связь с прошлым рвется. Историческая связь остается.

Очевидно, что такая теория противостоит всем концепциям «неизменных энергий». Она отказывается от взгляда на энергии взрослых как на инфантильные или архаичные по природе. Мотивация всегда современна. Жизнь современных Афин — это *непрерывное продолжение* жизни древнего города, но *эта* жизнь (в своем нынешнем «движении») ни в каком отношении не *зависит* от той жизни. Жизнь дерева — это непрерывное продолжение жизни семени, но семя больше не поддерживает и не питает полностью выросшее дерево. Более ранние цели ведут к более поздним целям, но люди отказываются от первых в пользу последних.

Давайте рассмотрим несколько банальных примеров. Бывший моряк жаждет видеть море, музыкант страстно желает вернуться к своему инструменту после вынужденного отсутствия, скупец продолжает накапливать свое бесполезное состояние. Моряк мог впервые полюбить море случайно, стараясь заработать на жизнь. Море было «вторичным подкреплением» для его первичного влечения. Но теперь, когда он, возможно, стал богатым банкиром, первоначальный мотив угас, а жажда моря продолжает существовать и даже усиливается. Музыканта сначала могли ранить упреки по поводу того, как плохо он владеет инструментом. Но теперь он в безопасности, над ним никто не насмехается, и он обнаруживает, что любит свой инструмент больше всего в мире. Скупой, быть может, приобрел свою привычку к бережливости в крайней нужде, но скупость устойчиво сохраняется и усиливается с годами, хотя в ней уже нет необходимости.

Удачный пример — мастерство. Квалифицированный рабочий чувствует себя вынужденным работать очень хорошо, даже если его доход больше не зависит от поддержания высоких стандартов. На самом деле в дни массового распространения «времянок» его стандарты мастерства могут ставить его в экономически невыгодное положение. Но даже тогда он не может выполнять работу небрежно. Мастерство — не инстинкт, но оно может приобретать такое устойчивое влияние на человека, что не удивительно, что Веблен по ошибке принял его за инстинкт.

Бизнесмен, давно материально обеспеченный, доводит себя работой до болезни, а возможно, и скатывается назад в бедность, стремясь к выполнению своих планов. Тяжелая работа, когда-то бывшая средством достижения цели, становится целью самой по себе.

Ни необходимость, ни рассудок не могут заставить человека получать удовольствие от жизни на сельском хуторе, после того как он адаптировался к активной энергичной городской жизни. Городские привычки побуждают его к неистовому существованию, даже если интересам здоровья соответствует более простая жизнь.

Занятия литературой, хороший вкус в одежде, использование косметики, прогулки в общественном парке или зима, проведенная в Майами, сначала могут служить, так сказать, интересам секса. Но каждая из этих «инструментальных» активностей может сама по себе стать интересом, поддерживаемым всю жизнь, даже после того, как перестает служить эротическому мотиву.

Некоторые матери неохотно рожают детей, смущаемые мыслью о том, что уход за ребенком — долгая и нудная работа. «Родительский инстинкт» полностью отсутствует. Мать может тщательно ухаживать за ребенком из страха перед тем, что скажут ее придирчивые соседи, или перед законом, или, быть может, в смутной надежде, что ребенок обеспечит ей старость. Такие грубые мотивы могут требовать от нее выполнения ее работы до тех пор, пока постепенно через практику самоотдачи ее ноша не превращается в радость. С ростом любви к ребенку первоначальные прагматические мотивы утрачиваются навсегда. Нет ничего устойчивее материнских чувств (их прочность вошла в поговорку), даже если (как в данном случае) можно показать, что они являются не изначальным, а приобретенным мотивом.

Позвольте добавить еще один пример. Многие мальчики выбирают профессию, идя по стопам отцов. Многие мальчики проходят также через период страстной «идентификации с отцом». Например, Джо — сын известного политика. Молодым парнем он имитирует все, что делает его отец, быть может, даже произносит «речи». Проходят годы, отец умирает. Теперь Джо — мужчина средних лет, глубоко увлеченный политикой. Он ходит в офис, возможно, на ту же работу, что и отец. Что мотивирует Джо сегодня? Детская фиксация на отце? Предположим, да, ибо, возможно, Джо не изжил свой эдипов комплекс (пытаясь быть подобным папе, чтобы завоевать привязанность мамы). Тогда сегодняшняя политическая деятельность Джо должна иметь невротическую окраску, и мы, возможно, обнаружим, что он демонстрирует компульсивную, ригидную, малоадаптивную манеру поведения. Однако есть шанс, что его интерес к политике вышел за пределы той «идентификации с отцом», с которой он начинался. Историческая непрерывность есть, но уже нет никакой функциональной непрерывности. Политика — это теперь его господствующая страсть, это его стиль жизни, это большая часть личности Джо. Первоначальное семя отброшено.

Все наши иллюстрации имеют одну общую черту. Описанный нами взрослый интерес зарождался как нечто иное. Во всех случаях активность, которая позднее стала мотивационной, сначала была инструментальным средством для какой-то другой цели (т.е. для какого-то предыдущего мотива). То, что было некогда внешним и инструментальным, становится внутренней побудительной силой. Когда-то активность служила влечению или какой-то простой потребности, теперь она служит сама себе или, в более широком смысле, образу *Я* (идеальному *Я*) человека. Теперь диктует не детство, а зрелость.

Таким образом, функциональная автономия относится к любой приобретенной системе мотивации, в которой напряжения носят иной характер, чем предшествовавшие напряжения, из которых выросла эта сформировавшаяся система[9].

Уровни автономии

Я мог бы бесконечно множить примеры функциональной автономии, но это ни к чему. Пора систематизировать наши представления об этом явлении. После нескольких лет размышления над проблемой я пришел к выводу, что его нужно рассматривать на двух уровнях. Следует рассмотреть уровни: (1) *персеверативной* функциональной автономии и (2) *собственной, или проприативной,* функциональной автономии. Первый уровень может быть приблизительно объяснен простыми (или с виду простыми) неврологическими принципами. Однако второй уровень прямо зависит от определенных философских допущений от-

[9] Функциональную автономию (под другими названиями) признавали многие авторы. Много лет назад Ф. Брентано *описал* ее как «известный психологический закон: то, чего вначале желали просто как средства для чего-то другого, в конце концов, из привычки становится тем, чего желают ради него самого» (*Brentano F.* The origin of the knowledge of right and wrong / Transl. by C. Hague. London: Constable, 1902. P. 16). Толмен говорит о «приобретенной приверженности определенным типам средств», обладающих силой возвыситься «в собственных правах» и приобрести «мертвую хватку» (Phil. Sci. 1935. Vol. 2. P. 370). В другом месте Толмен признает наличие «независимых третичных мотивов», которые для всех практических целей должны рассматриваться как функционально автономные (цит. по: Toward a general theory of action / T. Parsons, E.A. Shils (Eds.). Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1951. P. 32f).

Более известно утверждение Р.С. Вудвортса, что «механизмы могут становиться влечениями». «Фундаментальным влечением к определенной цели может быть голод, секс, драчливость и т.д., но, когда *активность* началась, средства для достижения цели становятся сами по себе объектом интереса» (*Woodworth R..S.* Dynamic psychology. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1918. P. 201).

В. Штерн отмечает то же самое, когда пишет, что «феномотивы» могут превращаться в «геномотивы» *(Stern W.* General psychology from the personalistic standpoint / Transl. by H. Spoerl. N.Y.: Macmillan, 1938). Как мы видели в предыдущей главе, нашу позицию поддерживает понятие «вторичной автономии *Эго*» X. Хартмана.

Несмотря на эту широкую поддержку, многие критики заметно сопротивляются этому понятию. В общем, они утверждают: если достаточно далеко распространить теорию инстинктов или теорию редукции влечений, то они охватят все случаи «функциональной автономии» (см.: *Bertocci P.A. Critique* of Gordon W. Allport's theory of motivation // Psychological Review. 1940. Vol. 47. P. 501–532; *Oppenheimer O.* The functional autonomy of motives // Journal of Social Psychology. 1947. Vol. 25. P. 171–179). Критику, исходящую из признания адекватности S–R-психологии, см. в: *McClelland D.C.* Functional autonomy of motives as an extinction phenomenon // Psychological Review. 1942. Vol. 49. P. 272–283; *Rethlingshaefer D.* Experimental evidence for functional autonomy of motives // Psychological Review. 1943. Vol. 50. P. 397–407.

Сомневаюсь, что этих критиков удовлетворит данное изложение фактов в пользу функциональной автономии. Тем не менее, я извлек пользу из этой критики, и моя аргументация, надеюсь, стала более убедительной, чем в первоначальном изложении (*Allport G.W.* Personality: a psychological interpretation. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1937. Ch. 7).

носительно природы человеческой личности: дело не в том, что эти допущения как-то противоречат известным неврологическим фактам, а в том, что они выходят за пределы нынешних знаний о способах действия нервной системы.

Персеверативная функциональная автономия

Начнем с некоторых экспериментов с животными. Не очень понятно, как их трактовать. С одной стороны, нервный и эмоциональный базис животных сходен с таковым у человека. С другой стороны, у животных так плохо развиты высшие корковые центры, что способности к символизации, задержке и собственная система отсчета у них в основном или даже полностью отсутствуют.

1. *Доказательства на животных.* Экспериментатор кормит крысу через равные промежутки времени. Крыса наиболее активна как раз перед временем кормления. Спустя некоторое время экспериментатор перестает кормить крысу. Но хотя она теперь голодна все время, предыдущий ритм максимальной активности (как раз перед обычным временем кормления) устойчиво сохраняется[10].

Моллюск, чьи привычки зарываться в песок и вновь вылезать зависят от приливов и отливов, даже перенесенный с пляжа в лабораторию будет сохранять тот же ритм[11].

Крыса, научившаяся двигаться в лабиринте, побуждаемая голодом, будет правильно пробегать лабиринт даже после насыщения, не ради пищи, но, очевидно, «ради развлечения»[12].

Один исследователь заливал крысам в уши коллодий, тем самым вызывая чистящие движения. Месяц спустя после начала эксперимента, когда в ушах крыс под микроскопом не было найдено даже следов раздражителя, количество «чистящих» движений еще оставалось очень большим[13].

Эти и многие подобные эксперименты показывают то, что мы имеем в виду под *персеверацией*. Этот механизм вступает в действие вследствие того, что один мотив продолжает (по крайней мере, некоторое время) «подпитывать» себя. Здесь мы имеем самый элементарный пример функциональной автономии.

Пока еще невозможно обозначить неврологический базис, лежащий в основе устойчиво продолжающейся функциональной автономии этого типа. Только что упомянутые явления, как и перечисленные ниже, указывают на наличие

---

[10] См.: *Richter C.P.* A behavioristic study of the activity of the rat // Comparative Psychology Monographs. 1922. Vol. 1. № 2.

[11] См.: *Crawford S.C.* Characteristics of nocturnal animals // Quarterly Review of Biology. 1934. Vol. 9. P. 201—214.

[12] См.: *Dodson J.D.* Relative value of reward and punishment in habit formation // Psychobiology. 1917. Vol. 1. P. 231-276.

[13] См.: *Olson W.C.* The measurement of nervous habits in normal children. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1929.

самоподдерживающихся контуров или подструктур, приспособленных уже не только к контролю стимула. Неврологи признают эти явления и рассуждают относительно участвующих в них нервных механизмов[14].

2. *Зависимости*. Никто не станет отрицать, что жажда табака, алкоголя или препаратов опиума — это приобретенная страсть, которая может быть очень интенсивной. Вот что пишет алкоголик, проходящий лечение:

> Эти пароксизмы страстного желания наступают через регулярные промежутки времени (три недели) и длятся в течение нескольких дней. Это не жеманная слабость и не предмет для зубоскальства. В отсутствие «жидкости» я физически и психически заболеваю. Изо рта течет слюна, желудок и кишечник, кажется, сводят судороги, тошнит, я становлюсь желчным, впадаю в беспричинную нервную хандру[15].

Можно сказать, что такой физиологический голод, искусственно вызванный наркотиками, — неправильный пример. Новые работы по зависимостям показывают, что их механизм, в основном, психологический. Так, обезьяны и люди, получавшие опиаты по медицинским показаниям, привыкали и сильно страдали от их «отмены», но после излечения не демонстрировали желания снова употреблять наркотики. С другой стороны, настоящие зависимые даже после лечения, когда все симптомы отмены исчезли, в огромном большинстве случаев возвращаются к своей зависимости. Это происходит не вследствие *физиологического* голода, а только потому, что сформировалась подсистема личности, которая справляется с жизненными фрустрациями при помощи наркотиков. Таким образом, «сидящий на игле» — это человек, сформировавший приобретенную и автономную мотивационную структуру[16].

---

[14] Так, Д.О. Хебб считает, что «открытые группы клеток в мозге» могут обеспечивать некоторое длительное воспроизведение активности (*Hebb D.* The organization of behavior. N.Y.: Wiley, 1949). Морган говорит о «центральных мотивационных состояниях» (*Morgan C.T.* Physiological psychology. N.Y.: McGraw-Hill, 1943. Ch. 22). Дж.Ч. Экклз утверждает, что старое научение никогда не утрачивается, но может быть реорганизовано таким образом, что уже не проявляется в поведенческих паттернах, к которым раньше «принадлежало» (*Eccles J.C.* The neurophysiological basis of mind. Oxford: Clarendon, 1953). Олдз вводит понятие самостимуляции в объяснение «долговременной продолжительности» (*Olds J.* The growth and structure of motives. Glencoe (Ill.).: Free Press, 1956).

Близкую линию рассуждений предлагает У.С.Мак-Каллох (*McCulloch W.S.* A hierarchy of values determined by the topology of nervous nets // Bull. Math. Biophysics. 1945. Vol. 7. P. 89). Этот автор утверждает, что нервная система не линейна; кортикальные нейроны организованы в круг. Импульс не возбудит моторный нейрон, пока не пройдет по всему кругу и соответственно не модифицируется. Во всех этих рассуждениях мы замечаем общую идею кортикального отражательного контура. Этот принцип может оказаться объяснением нервной основы персеверативной функциональной автономии.

[15] См.: *Inmate W.E.* Beyond the door of delusion. N.Y.: Macmillan, 1932. P. 281.

[16] См.: *Lindesmith A.R.* Opiate addiction. Bloomington (Ind.): Principia Press, 1947; *Wilker A.* Opiate addiction: Physiological and neurophysiological aspects in relation to clinical problems. Springfield (Ill): Charles C. Thomas, 1953.

Собственная функциональная автономия

До сих пор мы фиксировали свое внимание на относительно «низкоуровневых» процессах, показывающих переход раннего динамизма в более поздний. Последний вырастает из первого, хотя уже от него не зависит. Во всех своих иллюстрациях мы предполагали, что некоторые виды передаточных механизмов или механизмов обратной связи работают на поддержание систем на их нынешнем уровне, даже если эти системы подвергаются внутреннему изменению.

Нам, однако, не удастся объяснить все взрослые мотивы, если мы остановимся на этом. Прежде всего, если бы мы так сделали, итоговая картина личности напоминала бы ремонтную мастерскую, полную механических самозаводящихся хронометров, показывающих разное время. Личность содержит много таких самоподдерживающихся систем, но ее главная энергия — господствующая система мотивации — дает ей больше единства, чем могут дать отдельные персеверативные системы. Следовательно, наше описание не может быть полным, пока мы не свяжем понятие функциональной автономии с проприативными функциями личности. Рассмотрим несколько примеров, относящихся к этому уровню функциональной автономии.

1. *Способность часто превращается в интерес.* Установлено, что люди обычно *любят* делать то, что могут делать хорошо (корреляция между способностями и интересами высока). Но первоначальным основанием для обучения навыку может быть вовсе не интерес. Например, студент, который сначала выбирает область занятий в колледже из-за того, что это требуется, нравится его родителям, или потому что занятия приходятся на удобное время, может, в конце концов, увлечься темой даже на всю жизнь. Первоначальные мотивы могут быть полностью утрачены. То, что было средством достижения цели, становится целью самой по себе.

Верно, что упражнение талантов способного человека часто вознаграждается. Но упражняется ли он просто для получения вознаграждения? Это кажется маловероятным. И такая мотивация не объясняет влечения, стоящего за гением. Мотив гения — творческая страсть сама по себе. Насколько несерьезно думать о том, что самоотдача Пастера коренилась в его заботах о вознаграждении, здоровье, еде, сне или семье. В пылу исследований он надолго забывал обо всем этом. И такая же страсть двигала гениями, которые в течение жизни не получали почти или совсем никакого вознаграждения, как Галилей, Мендель, Шуберт, Ван Гог и многие другие.

Важно заметить, что основные жизненные интересы редко ясно формируются и даже определяются в детстве (исключение — музыкальная одаренность). <...>

Ясно, что юношеские интересы менее стабильны, чем интересы взрослых. С уверенностью можно сказать, что интересы большинства детей, даже подростков, очень похожи на интересы других детей, а взрослые отличаются уникальностью (индивидуализация). Господствующие страсти взрослых чрезвычайно

разнообразны: один поглощен бизнесом и гольфом, другой — религией и искусством. Пожилая женщина выполняет хлопотную работу в доме престарелых, надеясь только на то, что «кто-то помянет ее добрым словом».

Дело не в том, назовем ли мы эти собственные мотивы *интересами, чувствами, ценностями* или как-то еще. Как бы мы их ни назвали, они являются приобретенными и исключительными. Поскольку порождаемое ими напряжение — иное, чем напряжение исконных мотивов, они, по нашему определению, функционально автономны.

2. *Приобретенные интересы и ценности обладают избирательной силой.* [Далее] мы покажем, что то, что человек воспринимает, запоминает и думает, в значительной мере определяется его проприативными образованиями. По мере возрастания интереса он создает стойкое напряженное состояние, ведущее к соответствующему поведению, а также действует как молчаливый агент, отбирающий и направляющий все то, что к нему относится. Так, люди с сильным эстетическим интересом быстрее реагируют на слова, связанные с этим интересом, чем на слова, относящиеся к отсутствующему у них интересу[17]. Просматривая газету, они читают больше статей, относящихся к искусству, чем люди без выраженного эстетического интереса[18]. Такая же избирательная тенденция обнаруживается во всех изученных видах интересов.

3. *Образ Я и стиль жизни — организующие факторы.* Было бы ошибкой думать об интересах как об одной-единственной побудительной силе. Вместе они формируют сложный образ *Я* (или жизненный стиль), который также функционально автономен. Он развивается постепенно в течение жизни и день за днем направляет и объединяет все (или, по крайней мере, многие) усилия личности.

Я здесь говорю о высших уровнях организации личности. Многие теории личности (особенно те, что постулируют «неизменные энергии») не замечают мотивационной силы образований высокого уровня. Моя позиция такова: низкоуровневые самоподдерживающиеся (персеверативные) системы существуют, но более важный случай функциональной автономии обнаруживается в сложной организации проприума, детерминирующей «общую позицию» зрелой системы.

Важнейший компонент этого главного динамизма — чувство ответственности, которое человек принимает за свою жизнь. То, как человек определяет свою роль и обязанности в жизни, в значительной мере детерминирует его повседневное поведение. (Мак-Дугалл называет этот уровень организации «чувством по отношению к себе», другие называют его «*Эго*-идеалом».)

---

[17] См.: *Cantril H.* General and specific attitudes // Psychological Monographs. 1932. № 192; *Jenkin N.* Affective processes in perception // Psychological Bulletin. 1957. Vol. 54. P. 100–127.

[18] См.: *Cantril H., Allport G.W.* Recent applications of the *Study of Values* // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1933. Vol. 28. P. 259–273; *Engstrom W.C., Power M.E.* A revision of the *Study of Values* for use in magazine readership research // Journal of Applied Psychology. 1959. Vol. 43. P. 74–78.

Какие процессы не являются функционально автономными?

Я утверждал, что личностная структура большей частью постинстинктивна: в норме она не детерминируется полностью ни врожденными влечениями, ни ранними юношескими комплексами. В отличие от Фрейда и Адлера, я не считаю, что основы личности обычно закладываются к трем или пяти годам.

Однако не все мотивы функционально автономны. Несколько их видов не могут быть названы таковыми.

1. *Влечения.* С рождения до смерти человек подчиняется биологическим влечениям. Человек должен есть, дышать, спать и выделять, а его тело должно осуществлять бесчисленные гомеостатические приспособления для поддержания тонкого жизненного равновесия. Конечно, выше указывалось, что у большинства влечений развиваются канализирующие их стили выражения; они ищут удовлетворения определенным предпочтительным способом. Но канализация — это не подлинная функциональная автономия. В качестве нашего первого обобщения скажем: если мотив можно проследить до напряжения первоначального влечения, он не служит примером функциональной автономии.

2. *Рефлекторные действия.* Моргание, коленный рефлекс, процесс пищеварения — ни одно из этих действий не должно считаться функционально автономным, хотя все они также проявляют индивидуальные особенности функционирования. Это автоматические реакции, поддающиеся только легкой модификации и приспособленные к специфической стимуляции. Сомнительно, что их вообще можно классифицировать как мотивы.

3. *Конституциональная оснастка.* Некоторые способности и образования лучше рассматривать как фиксированные и неизменные в течение жизни. Мы, прежде всего, имеем в виду такое «сырье», как *телосложение*, *интеллект*, *темперамент*. Можно добавить индивидуальные ограничения телесной силы и здоровья. Сюда же относятся заданные законы развития (такие, как созревание способностей с возрастом, наступление половой зрелости и т.д.). Ничто из этого прямо не является «мотивом», но разумно учитывать их ограничительное влияние на трансформацию мотивов.

4. *Привычки.* Хотя утверждалось, что «привычки, стремящиеся вверх», хорошо соответствуют нашей концепции персеверативной функциональной автономии, неблагоразумно считать привычки в целом примером функционально автономной мотивации. На самом деле, большинство привычек вообще не являются мотивами. Это инструментальные системы, находящиеся на службе у мотивов.

5. *Первичное подкрепление.* Все паттерны поведения, требующие первичного подкрепления, находятся за пределами концепции функциональной автономии.

Маленький соседский ребенок подходит к нашей двери и получает печенье. Он возвращается снова и снова. Приобрел ли он новый (функционально автономный) мотив? Чтобы получить ответ, мы должны отменить печенье. Если ребенок перестанет приходить, это покажет, что его мотивация полностью была связана с его любовью к сладостям. У него не сформировался новый интерес *к нам*.

Если рабочий делает что-то хорошо только под влиянием похвалы, мы не можем сказать, что мастерство приобрело для него силу мотива. Аналогично, если он получает наследство и совсем прекращает работать, мы смело можем сказать, что для него его профессия была всего лишь внешней привычкой, служащей его потребности зарабатывать на жизнь, а не внутренним функционально автономным мотивом.

Я надеюсь, что теперь ясна моя позиция по «подкреплению». Всякий раз, когда, как в вышеприведенных примерах, форма поведения «затухает» при неудовлетворении первоначального влечения, мы вообще не можем говорить о трансформации мотивов. Функциональной автономии здесь нет. Что касается «вторичного подкрепления», то это объяснение трансформации мотивов смутно и еще слишком привязано к «неизменным энергиям», чтобы дать удовлетворительную теорию роста зрелых интересов.

6. *Инфантилизм и фиксация*. Всякий раз, когда взрослый человек демонстрирует детский или юношеский конфликт, мы не можем говорить о функциональной автономии. Этот человек следует желанию, в основном не изменившемуся с детства.

У девочки двенадцати лет была очень неприятная привычка шлепать губами несколько раз в минуту. В конце концов анализ обнаружил, что восемью годами раньше мать сказала ей, что когда она вдыхает воздух, он «хороший», а когда выдыхает его — воздух «плохой». Эти моралистические понятия огорчили четырехлетнюю девочку, так как из них она поняла, что виновата в том, что делает воздух «плохим». Глубоко встревоженная, она пыталась совсем не дышать. Потерпев неудачу в этих героических усилиях, она изобрела ритуал целования воздуха, который выдыхала, чтобы «снова сделать его хорошим». Привычка сохранилась, отрицательные эмоции привели к вытеснению воспоминаний о событии; тик остался. Потребовался психоанализ, чтобы вернуть в сознание захороненный конфликт и вылечить тик.

В этом случае поведение в двенадцать лет по существу представляет собой отреагирование нерешенного конфликта четырехлетнего возраста. <...> Маленькую девочку *вылечили*, когда устранили конфликт восьмилетней давности. Следовательно, ее невротическое поведение не было *первоначально* самоподдерживающимся.

7. *Некоторые неврозы*. Как показывает наш пример, проблема невротического поведения с точки зрения функциональной автономии усложняется.

Главное, что нам бы хотелось утверждать — это то, что невротические мотивы не являются функционально автономными, ибо актуальные действия невротичного человека изначально нагружены прошлым. Его поведение преследует эхо прежней жизни. Невротик оказывается не способным адекватно сосредоточиваться на настоящем или будущем. Фрейд научил нас, что корни невроза часто лежат в первых годах жизни.

Но есть и другая сторона картины. Любой невроз — это сложнопереплетенная система маневров, предназначенных для поддержания жизни в сложных условиях[19]. Это выученный стиль выживания, и он может рассматриваться без ссылок на прежние неосуществленные потребности. Невротический стиль жизни может жестко установиться и больше не таить в себе прошлых конфликтов. В особенности так называемый «невроз характера» отражает образ *Я*, плохо соответствующий реальности, но, тем не менее, стойкий и сохраняющий стилистическое постоянство. Так не является ли он функционально автономным?

Существует, по крайней мере, теоретическое отличие, которое поможет нам дать ответ. Если в процессе психоанализа пациент оживляет в памяти прошлое (как сделала наша двенадцатилетняя девочка) и узнает, какие вытесненные события создавали проблему, и *если это прослеживание назад обеспечивает исцеление* (потому что пациент видит, что вызвавшему проблему элементу нет места в нынешней мотивационной системе), то невроз *не* был функционально автономным. С другой стороны, если «невроз характера» столь жестко структурирован, что теперь составляет паттерн жизни, и ничто не может устранить его, то у нас нет иного выбора, как признать, что он является приобретенной, функционально автономной мотивационной системой.

> Отсюда мораль для психотерапии. Было бы мудро со стороны терапевта научиться определять, облегчать ли симптомы пациента через «движение к корням проблем» или примирять пациента с его собственным сформировавшимся стилем жизни. В первом случае терапевт полагает, что невроз не является функционально автономным. Во втором случае он полагает, что невроз является таковым и с ним лучше справляться посредством переучивания, а не оживления в памяти.

На психозы можно посмотреть с той же точки зрения. Некоторые психотические расстройства временны и отражают неуравновешенность в существующих системах мотивации. Нарушение не является функционально автономным. Однако некоторые психически больные полностью не способны справляться со своим существованием и постоянно «переходят в другой мир». Такой пациент принимает иллюзорный паттерн и усеченный диапазон поведения как постоянный стиль жизни, и для него этот новый уровень существования становится

---

[19] См.: *Angyal A.* A theoretical model for personality studies // Theoretical model and personality theory / D. Krech, G.S. Klein (Eds.). Durham: Duke Univ. Press, 1952. P. 141.

функционально автономным. Он «привыкает» к своей болезни и выстраивает свою жизнь вокруг нее.

Наконец, вернемся к случаю политика, идущего по стопам своего отца. Когда мы говорили об этом, то подняли вопрос, является ли его взрослый профессиональный интерес простым невротическим «выражением» его детской идентификации с отцом. Если это так (о чем мы судим по наличию у него компульсивности и ригидности), то этот интерес нельзя рассматривать как функционально автономный. Однако если он уже давно проработал свою юношескую зависимость и теперь интересуется политикой ради нее самой, то мотивация функционально автономна. Мы упоминаем этот случай, чтобы подчеркнуть, что необходимо исследовать каждый конкретный пример, чтобы определить, в какой степени и как в нем может присутствовать функциональная автономия.

8. *Сублимация.* Привычная теория Фрейда считает, что все взрослые мотивы (даже наиболее социально ценимые и идеалистичные) — это «очевидные сублимации» примитивных мотивов секса и агрессии. Врач, художник, миссионер вытесняют свои «желания с отторможенной целью»; они находят замену тому, чего *реально* хотят в жизни. Несомненно, «очевидная сублимация» действительно иногда существует, но мы решительно не согласны, что она объясняет *все* мотивы взрослых.

Для доказательства своей точки зрения критики функциональной автономии приводят особые случаи. Один исследователь пишет:

> Мой уклон биологический, механистический и фрейдистский. Позвольте мне описать случай, соответствующий моему уклону и, видимо, отрицающий функциональную автономию.
>
> У меня есть друг, который, похоже, сильно мотивирован эстетическими ценностями. Все, что он делает, кажется соответствующим этой хорошо интегрированной мотивационной системе. Он поднимает глаза от внимательно рассматриваемой фотографии безрукой Афродиты и вздыхает: «Ах, если бы нынешние люди были такими». В поисках совершенной подруги он каждый уик-энд проводит с новой девушкой. Как-то, возвратившись с одного такого свидания, он сказал: «Она в порядке, но у нее нет *бюста*». Он любит поэзию. Когда он читает стихи, слова падают из его рта подобно кусочкам мрамора. Он цитирует Ноэля Коуарда. И во многих других отношениях он — эстет высшей пробы. Составляет ли его любовь к прекрасному функционально автономный мотив? Я думаю, нет.
>
> Его зовут Ларс. Его разведенная мать и он крайне преданы друг другу. В конечном счете, его «идеальная девушка» — его мать. Его озабоченность грудями, его «пережевывание и сосание» прекрасных поэтических строк, — все это демонстрирует его желание обладать своей матерью (или вернуться в нее). Эстетизм Ларса невротичен, это просто очевидная сублимация его истинных мотивов.

Если случай в основном таков, как утверждает этот исследователь, нет оснований предполагать, что эстетический стиль жизни Ларса функционально автономен. Он не присущ внутренне его природе, а стоит на службе другого, более сильного и, в лучшем случае, наполовину осознанного мотива.

Вот другой случай, описанный исследователем, также скептически относящимся к функциональной автономии.

Недавно я встретил одного священника и заинтересовался его случаем. Многие говорили мне, что он — человек с единственным мотивом в жизни: собрать деньги на постройку женского монастыря. Пока я не познакомился с ним, я не мог даже вообразить столь всепоглощающее доминирование этого одного мотива во всем его поведении.

Например, я должен был договориться с ним об аренде школьного зала для подростковых танцев. Он спросил, какой процент прибыли он получит для своего проекта монастыря. Я пытался обсудить с ним проблему досуга подростков; его это не интересовало. Я пытался обсудить межрелигиозное напряжение в общине, он и это отмел. На каждый гамбит в разговоре он отвечал: «Сколько я получу на монастырь?»

У него плохие отношения с людьми в городе, ибо он немилосердно преследует их ради денег. В его офисе находится большая картина предполагаемого монастыря, причем она не висит на стене, а стоит на мольберте, так что сразу бросается в глаза. Даже архиепископ, говорят, не очень благоволит этому проекту, потому что священника подозревают в том, что он расходует на свою цель часть приходских денег.

Как же можно объяснить это единство цели? Примем ли мы психоаналитическую интерпретацию, что сексуально подавленный холостяк нашел способ собрать вокруг себя женщин (монахинь)? Можно представить себе валидность этого объяснения, но я сомневаюсь, ибо других свидетельств сексуального интереса в его поведении нет, и он очень стар. Едва ли можно принять и гедонистическое объяснение, ибо он не только непопулярен из-за своей неприятной настойчивости, он в действительности не сильно продвигается вперед. Его поведение скорее наказывается, чем вознаграждается.

Возможно, лучшее, что мы можем сделать — это сказать, что его главенствующая страсть функционально автономна. Но не уходим ли мы тем самым от попыток объяснить его центральный мотив?

В данном случае, как и во многих других, мы просто недостаточно знаем об обсуждаемой жизни, чтобы прийти к ясному решению. С одной стороны, весьма навязчивая природа поведения священника ставит вопрос о том, не присутствует ли здесь невроз навязчивых состояний, приводящий к смещению какого-то желания с заторможенной целью (быть может, сексуального). С другой стороны, многие люди, вроде старого Фауста, нашли свой смысл жизни в каком-то

ограниченном проекте схожего масштаба. В жизни этого священника проект может быть просто конкретным фокусом приложения религиозного мотива и стиля жизни. Может быть, мы должны принять это как способ сведения всех испытываемых им сложных жизненных влияний с его развивающимися потребностями и интересами в уникальном паттерне проприативного стремления. С этой точки зрения его мотив организации монастыря функционально автономен. В данном случае мы действительно не можем сказать, что тут лучше подходит («сублимация» или функциональная автономия), просто потому, что мы недостаточно знаем о жизни этого человека.

Добавим несколько слов относительно жалобы автора наблюдения на то, что доктрина функциональной автономии «даже не пытается объяснить его центральный мотив». Если автор имеет в виду, что он хотел бы исторического объяснения в виде тех шагов в жизни священника, которые привели его к нынешней главенствующей страсти, то мы можем ответить, что не видим препятствий для его попытки реконструировать историю жизни этого человека. Но историческое объяснение — это *не* функциональное объяснение. В самом реальном смысле функционально автономный мотив *и есть* личность. Мы не можем требовать никакой дальнейшей редукции. Сама по себе жизнь есть энергия и «объяснение». Нет нужды, да и возможности смотреть «глубже» — там ничего нет, если мотив функционально автономен.

Однако мы можем связать любой функционально автономный мотив с тотальной системой проприума и раскрыть его относительную значимость для стиля жизни. Функциональная автономия — не «доктрина отчаяния». Скорее это четкая маркировка одного важного и часто игнорируемого аспекта человеческой мотивации.

Резюмируем: если мы имеем дело с сублимацией (очевидной или нет), то это не случай функциональной автономии. С другой стороны, бездоказательное декларирование того, что все интересы взрослого человека — всего лишь маскировка для его подлинных потребностей (главным образом, в сексе и агрессии), выглядит так же неправдоподобно, как химеры.

Степени функциональной автономии. Наше обсуждение прояснило, что не всегда можно определить, коренится ли данный мотив во влечениях, инфантильной фиксации, сублимациях или полностью взрослых формулах жизни. В сущности, мотив может отражать комбинацию сил: детских и взрослых, инстинктивных и намеренных, сознательных и бессознательных, внешних и внутренних. Даже влечения, как мы видели, посредством канализации приобретают новые высоко индивидуальные привкусы. По этим причинам мы не можем заявить, что мотив всегда *либо — либо*. Мы должны учитывать возможность того, что жизненные мотивы могут демонстрировать много степеней чистоты и примесей в том, что касается функциональной автономии.

Следовательно, на вопрос: «Когда это не так?» — не может быть категоричного ответа. Решение можно найти только после интенсивного изучения

индивидуальной жизни. На практике часто трудно принять решение. Однако в принципе мы можем сказать, что *в той степени, в которой нынешний мотив стремится к новым целям (т.е. обнаруживает напряжение иного вида, чем у мотивов, из которых он развился), он является функционально автономным.*

Как возникает функциональная автономия

Наш научный интерес был бы удовлетворен, если бы мы могли дать простой ответ на трудный вопрос: как возникает функциональная автономия. К несчастью, нам это не удается по двум причинам. Во-первых, нам не хватает знаний о *неврологических процессах*, которые могут быть включены в трансформацию старых и поддержание новых систем мотивации. Во-вторых, у сегодняшней психологии нет последовательной теории *природы человека*. Нельзя ясно понять феномен функциональной автономии до тех пор, пока мы не узнаем больше о соответствующих неврологических механизмах и не придем к корректной формулировке целевой природы мотивов.

Поэтому в настоящее время мы попытаемся только сориентировать наш ответ в правильном (как нам кажется) общем направлении. Мы назовем первую группу соображений «квазимеханическими», а вторую группу — «проприативными».

Квазимеханические соображения

<...> Давайте сделаем обзор нескольких релевантных квазимеханических соображений, которые могут быть нам полезны.

1. *Замедленное угасание.* В процитированном выше отрывке Миллер считает, что некоторые устойчивые приобретенные системы реально находятся на пути к угасанию. Так, маленький мальчик, который научился любить рыбную ловлю потому, что эта деятельность связана с получением любви и внимания от отца, может какое-то время сохранять собственный интерес к рыбалке. Но, если этот интерес не подкрепляется вниманием отца, мальчик, в конце концов, утратит его. Если такое случится, то, конечно, мы должны будем сказать, что интерес мальчика к рыбалке не стал функционально автономным. Мы принимаем это, но хотим обратить внимание на множество случаев, где приобретенные интересы *никогда не угасают.*

В этой связи мы вспоминаем твердо установленный факт, что мотивы избегания, будучи однажды выученными, не поддаются угашению. Этот факт признают представители *S—R*-теорий[20]. Дается объяснение, что животное (или человек) «играет наверняка», никогда не позволяя себе повторно оказаться в

[20] См.: *Solomon R.L., Wynn L.C.* Traumatic avoidance learning: the principles of anxiety conservation and partial irreversibility // Psychological Review. 1954. Vol. 61. P. 353–385.

том положении, в котором оно получило болезненное повреждение (шок, ожог). «Обжегшийся на молоке — дует на воду». У всех нас есть обширный репертуар таких мотивов избегания, и нам нет нужды возвращаться к первому болезненному переживанию, чтобы поддерживать эти мотивы. Они длятся всю жизнь, не угасая.

Теперь давайте сделаем вывод. Если спустя какое-то время приобретенный интерес исчезает (угасает), то мы имеем дело не со случаем функциональной автономии. Но многие случаи «отсроченного угасания» являются, по-видимому, *постоянно* отсроченными, и, следовательно, в них участвует функциональная автономия.

2. *Самоподкрепляющийся контур. Обратная связь* — привычный термин в современной неврологической теории. Он относится к тому факту, что исход ситуации (реакция) посылает обратные нервные импульсы в мозг. Эти обратные импульсы разряжаются на свободных нервных путях и, таким образом, служат поддержанию круговой (или слегка модифицированной) последовательности действия системы[21]. В качестве элементарного примера такого рефлекторного кольца мы уже упоминали младенческий лепет и другие повторяющиеся последовательности действий.

Мы не знаем, насколько постоянной может быть такая система. Мы только можем сказать, что поддержание себя — это базовое неврологическое свойство, лежащее в основании понятия функциональной автономии.

3. *Частичное подкрепление*. Было обнаружено, что деятельности, вознаграждаемые иногда, оказываются более стойкими к затуханию, чем деятельности, вознаграждаемые всегда. В последнем случае прекращение подачи вознаграждения ведет к немедленной смерти деятельности.

> Возьмем пример с животными. Голуби, которых кормят каждый раз, когда включается свет, очень скоро отвыкнут начинать клевать при включении света, если в течение какого-то времени не будут получать корм. Но если их иногда кормят, а иногда нет, привычка сохраняется. Давая такое нерегулярное подкрепление, Ферстер и Скиннер обнаружили, что даже после того, как корм не дается, голуби клюют долго и пылко, в тысячах и тысячах попыток[22].

На уровне человека хороший пример являет азартная игра. Закоренелому игроку нужно выигрывать только *время от времени*. Его страсть поддерживается *надеждой* на выигрыш. Подобным же образом, фактор непредсказуемости улова может поддерживать рвение рыбака.

В случае с голубями мы видим, что «нерегулярное подкрепление» предотвращает затухание, но удовлетворение влечения еще явно присутствует. В слу-

---

[21] См.: *Chang H.T.* The repetitive discharge of corticothalamic reverberating circuits // Journal of Neurophysiology. 1950. Vol. 13. P. 235–257.

[22] См.: *Ferster C.B., Skinner B.F.* Schedules of reinforcement. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1957.

чаях игры и рыбалки, с другой стороны, не удовлетворяются никакие известные элементарные влечения. Оказывается, что цели более привлекательны, если их иногда достигают, а иногда — нет. Этот элемент «риска», конечно, очевиден во многих интересах зрелого возраста. Таким образом, наша «азартная игра» на ход поведения может влиять на формирование автономии.

4. *Смесь нового и знакомого.* Возможно, динамические эффекты частичного подкрепления могут быть частным случаем более общего принципа, изложенного Хеббом. Этот автор указывает, что самоподдерживающиеся интересы отражают озабоченность новым, когда оно смешано с уже знакомым[23]. Ученый зачарован новым в комбинации со знакомым; музыкант поглощен разбором новых и более сложных пьес в общих границах своих возможностей; ребенку нравится игрушка, соответствующая некоторым его ожиданиям, но не всем. Овладение искусством ходьбы — захватывающий мотив для ребенка пятнадцати месяцев, ибо он расширяет его способности. Навыки, которыми уже овладели, лишены мотивационного характера. Именно привычка в процессе ее становления (превращение нового в знакомое) обеспечивает нейрофизиологическую систему автономией.

Этот тип центрального мотивирующего состояния (хотя нам не известна его неврологическая природа) хорошо соответствует типу функциональной автономии, который мы называем «персеверация задания». Незавершенные задачи имеют свойство быть навязчиво принудительными (заметим, что некоторые из них никогда не решаются). Исследователи, ученые, искатели конечной религиозной истины ставят себе новые задачи внутри знакомых условий и преследуют свои цели до смерти. <...> Не отрицая этот динамизм, быть может, стоит принять поправку Хебба: мотивирующий характер рутины значительно увеличивается, если она содержит в себе усложняющий стресс новизны.

5. *Главенство фильтров высокого уровня.* Общепринятый неврологический принцип гласит, что организации более высокого уровня отбирают (отклоняют и пропускают) специфические реакции всех типов. Этот принцип сам по себе благоприятствует развитию функциональной автономии.

> Это можно проиллюстрировать так. Мы допускаем, что влечение голода присутствует у нас с рождения до смерти. Оно не является функционально автономным. Однако в ходе жизни у нас развилось много специфических путей его канализации (мы будем есть эту пищу, но не ту), а также некоторые очень общие установки по отношению к чистоте, внешнему виду, качеству своего питания. У некоторых едоков развивается крайнее гурманство, у других — удивительно изысканный подход к еде. И теперь каждый раз при возникновении голода эти (явно приобретенные) стили активизируются и определенно контролируют и направляют манеру потребления пищи.

---

[23] См.: *Hebb D.O.* The organization of behavior. N.Y.: Wiley, 1949. P. 224–231.

В вышеупомянутой критике функциональной автономии Миллер говорит о «генерализации» и «подкреплении высокого уровня». Нам кажется уместным подумать об этих факторах как о «шлюзах», управляющих приобретением специфических привычек и реакций, а не как о подкреплении конкретных влечений. Ошибка *S—R*-теории лежит в старомодном взгляде на нервную организацию как на сплетение множества специфических влечений и отдельных подкрепляемых привычек. Подобно тому, как физики перестали думать о природе как о сочетании единиц «сантиметр, грамм, секунда», так и современная нейропсихология поворачивается от подкрепляемых конкретных привычек к динамическому неврологическому полю, главенствующему над конкретными привычными реакциями.

В этой связи мы можем обратиться к генетической теории интеллекта Пиаже. Этот автор утверждает, что в течение жизни развиваются новые «схемы» высшего порядка, которые и начинают контролировать наше мышление. Он справедливо утверждает, что более старые схемы остаются как бы «спящими» и часто могут быть использованы вновь. Временами мы «регрессируем» к ним. Но в норме мы предпочитаем работать с вновь приобретенными системами, а не с их предшественниками[24].

6. *Множественные механизмы.* Сверхдетерминированность выживания — еще один принцип поведения млекопитающих: хороший способ адаптации поддерживается многими механизмами. Случись одному механизму потерпеть неудачу, останется дюжина других, которые будут обеспечивать тот же результат. Природа не кладет все яйца в одну корзину. Следовательно, весьма возможно, что функциональная автономия может существовать благодаря и с помощью всех и каждого из тех принципов, на которые мы обратили внимание, а также дополнительных принципов, к которым мы теперь обратимся.

Проприативные соображения

Возвращаясь к функциональной автономии, мы теперь готовы утверждать, что вдобавок к квазимеханическому рассмотрению, предложенному выше в качестве частичного объяснения, нам нужны, по меньшей мере, три дополнительных принципа, тесно связанных с проприативными функциями личности. Взятые вместе, они равносильны утверждению, что функциональная автономия образуется потому, что она является сущностью или сердцевиной целенаправленной природы человека.

1. *Принцип организации уровня энергии.* Рассмотрим человека, который после хорошего обеда и отдыха оглядывается в поисках новых миров для завоевания. Подобно всем здоровым людям, он должен что-то делать со своей энергией. Если его рутинные мотивы (выживания и удовлетворения влечения) не поглощают все его силы, он будет вынужден «изобретать мотивы». Здоровая женщина,

---

[24] См.: *Piaget J.* The psychology of intelligence. L.: Routledge & Kegan Paul, 1950.

достигшая средних лет и больше не занятая заботой о детях, будет жадно искать, «чем заняться». Такая женщина будет чувствовать себя несчастной, пока у нее не появятся новые интересы — к политике, социальной службе, искусству, учебе или к каким-то подобным целям.

Эта линия мышления не объясняет, как возникает конкретный мотив, но она дает нам важный базовый план для теории приобретенных мотивов. Должны существовать мотивы, потребляющие доступную энергию человека. Если существующих мотивов недостаточно, развиваются новые. Если у бездельничающего подростка нет конструктивных интересов, занимающих его время, он легко переходит к бунту, вандализму или преступлению, чтобы дать выход своей энергии.

Мы говорим: природа человека такова, что новые мотивы *должны* вырастать в здоровой жизни в дополнение к гомеостатическим мотивам, которых явно недостаточно.

2. ***Принцип мастерства и компетентности.*** Здесь мы ссылаемся на обсуждение мотивационных теорий, постулирующих «изменяющиеся энергии». Некоторые из них полагают, что базовым побуждением в жизни является мастерство («первичность поведения»), которое в разных возрастах принимает разные новые формы. С этим сходны принципы «компетентности» или «адекватности», а также «мотивы роста» и «самоактуализация». Короче говоря, многие теоретики личности убеждены, что движущая сила человеческой жизни лежит не столько в удовлетворении первичных влечений и их производных, сколько в осуществлении трансакций сверх этого минимального уровня существования.

> Прослеживая развитие зрелых мотивов, Шарлотта Бюлер указывает на обычно встречаемую последовательность. Во-первых, новые и странные объекты вызывают тревогу (ребенок может быть напуган щелчком выключателя электрической лампы; взрослый может испытывать дезориентацию и тревогу в новом незнакомом городе). Однако вскоре приходит нормальное избавление от тревоги. Затем возникает «потребность знать и контролировать» новый и «опасный» объект или ситуацию. Наконец, наступает конструктивное его использование, позволяющее индивидууму расширить свой прежний диапазон компетентности и контроля. «Другими словами, индивид продвигается от своего приспособления к окружению к приспособлению окружения к себе»[25].

Таким образом, ясно, что многие авторы отрицают «реактивную» точку зрения на человека. У человека есть энергия для использования, пробивающая путь за пределы потребности реагировать. Прежде всего, у него есть расширяющийся образ себя (концепция того, чем он хотел бы быть), и достижение этой цели во многом или даже в основном направляет его поведение.

3. ***Принцип проприативного структурирования.*** Концепция функциональной автономии не означает, что в зрелом паттерне каждый мотив автономен

[25] *Bühler Ch.* Maturation and motivation // Dialectica. 1951. Vol. 5. P. 312–361.

от любого другого; она также не означает, что мотивы разлетаются как множество независимых движущих сил вне зависимости от структуры проприума. За исключением определенных изолированных персеверативных систем, функционально автономные мотивы являются высоко проприативными, т.е. прочно коренящимися в *Я*. По сути, они составляют значительную часть *Я* <...>.

Таким образом, важная часть нашего ответа на вопрос о том, как образуется функциональная автономия, состоит в том, что этого требует структура *Я* человека. Молодой человек намеревается стать врачом, человеком мира, политиком или отшельником. Ни одна из этих амбиций не является врожденной. Все это приобретенные интересы. Мы утверждаем, что они существуют *сейчас* не вследствие отдаленного подкрепления. Скорее они существуют потому, что постепенно формирующемуся образу *Я* требуется именно этот конкретный мотивационный фокус.

Должны ли мы далее сказать, что именно существование *Я* объясняет функциональную автономию? Этот ответ опасен, так как он подразумевает, что мистический внутренний агент (душа) в конечном счете придает форму динамическим силам жизни. Мы уже высказали сильное неприятие сомнительной процедуры поиска объяснений в терминах отдельного *Я*.

Мы предпочитаем говорить, что сущностная природа человека такова, что подталкивает к относительной унификации жизни (никогда полностью не достигаемой). В этой тенденции к унификации мы можем распознать много центральных психологических черт. Среди них — поиск человеком ответов на «трагическую триаду» проблем: страдание, вина, смерть. Мы видим также его усилия установить связь со своими ближними и с миром в целом. Мы видим, что он пытается открыть свое особое место в мире, установить свою «идентичность». Как следствие этого поиска (который и есть сама суть человеческой природы) мы отмечаем, что поведение человека в большой степени проактивно, интенционально и уникально для него. В этот тотальный процесс включено чувство самости (образ *Я*). Однако порождает его не *Я* (как отдельный субъект). Самость есть отражение этого фундаментального процесса становления.

С этой точки зрения функциональная автономия — это просто способ утверждения, что мотивы человека меняются и развиваются в течение жизни, потому что это заключено в природе человека. Только теоретикам, преданным реактивной, гомеостатической, квазизакрытой модели человека, оказывается трудно с этим согласиться.

Травматические трансформации

Изменения мотивов обычно так постепенны, что нельзя сказать, где исчезает один и появляется другой. Любовь к музыке ради нее самой может лишь постепенно заменить прилежные занятия; религиозное стремление может медленно развиться

из религиозной рутины; забота о других может шаг за шагом сменять детский эгоцентризм. Изменения могут действовать так же постепенно, как прилив, поднимающий сидящее на мели судно, пока вдруг оно не окажется на плаву.

Но некоторые трансформации происходят внезапно и имеют далеко идущие последствия. Жизнь может быть перевернута одним решающим событием: обращение святого Павла или Толстого, итальянское путешествие Гёте, заражение Ницше от проститутки. Такие травматические трансформации составляют особый пример функциональной автономии.

Травматические изменения могут относиться либо к персеверативному типу функциональной автономии, либо к проприативному типу. Рассмотрим вкратце оба типа.

Персеверативные травмы

Мы отметили, что мотивы избегания никогда не угасают. Обжегшийся ребенок боится огня *навсегда*. Если страх необычайно глубок и навязчив, мы говорим о *фобии*. У многих людей есть иррациональные, но неискоренимые страхи такого типа.

> Ребенка младше трех лет так ужаснул несущийся локомотив, когда он ненадолго отдалился от матери, что над всей его жизнью господствовал страх потери безопасности. Став взрослым, он мог отдаляться от своего дома не больше чем на несколько кварталов. С возрастом ситуация ухудшалась. В конце концов этот страдалец (он работал учителем) был вынужден проводить занятия со студентами колледжа у себя дома[26]. <...>

Собственные травмы

Как мы отметили, отдельное волнующее событие может создать некоторую доминирующую персеверативную систему (фобию, отвращение, ритуал). Но такие события могут также положить начало смещению центра образа *Я* и тем самым повлиять на эволюцию функционально автономных проприативных состояний. Некоторые травмы просто замораживают страхи и ограничивают рост, другие меняют направление развития.

> Антрополог Рут Бенедикт рассказывала, что ее отец умер, когда ей было всего лишь два года. Каким-то образом, несмотря на горе, трагическая сцена у гроба отца дала ей впечатление, что мир смерти — мирный и красивый. Позже, в возрасте шести лет, она рассматривала свое потайное место в стоге сена как свою «могилу». Она пишет: «...Меня озарило — я поняла, что всегда и без проблем

[26] См.: *Leonard W.E.* The locomotive God. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1927. Эта автобиография отличается литературными достоинствами и психологической привлекательностью. О персеверативных неврозах у животных см.: *Masserman J.H.* Behavior and neurosis. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1943.

могу быть сама с собой, и что если я никому не расскажу о вещах, которые для меня важны, никто не сможет отнять их у меня. Я думаю, это было фундаментальным знанием, которым я жила до тридцати пяти лет[27].

Из этих эпизодов двух- и шестилетнего возраста Рут Бенедикт выковала свой стиль жизни на много лет. Следующие два эпизода имеют дело с травматическими переживаниями в школе и колледже.

Женщина, которой сейчас шестьдесят лет, прослеживает свою неизменную преданность поэзии в значительной степени до эпизода на уроках по Вергилию в средней школе. Она выполняла обычный перевод, трудный и скучный. Учитель, в сотый раз пытаясь придать смысл задаче, спросил, как отрывок был бы выражен в Библии. К счастью, она уловила ссылку и сказала: «Склони твое ухо к моей мольбе». И именно в этот момент ее буквально озарило необыкновенно сильное переживание красоты поэзии. Это чувство к поэзии она пронесла через всю жизнь.

Некий новичок в колледже, пришедший из семьи с низкой культурой, высокомерно презирал всяческую интеллектуальную деятельность. Он был плохо подготовлен к колледжу, непривычен к учебе и чудовищно безграмотен. Особые трудности у него были в курсе английского сочинения. Однажды, когда преподаватель в очередной раз устало бранил его, мальчик в очередной раз огрызнулся: «Я не люблю английский, никогда не любил и никогда не полюблю». Но настойчивый учитель скучающим тоном сказал: «Сейчас я говорю не об английском, а о твоей жизни». Эффект был совершенно ошеломляющим. Удар каким-то образом попал в цель. Парень не только изменил свою манеру поведения, но увлекся предметом, получил высокие оценки, вступил в общество «Фи Бета Каппа» и в конце концов стал учителем английского.

Нет нужды говорить, что принятие и использование таких травматических переживаний должно быть как-то подготовлено. Происходит, по-видимому, то, что старые материалы в личности внезапно перегруппировываются и обретают новое значение. Уильям Джеймс говорил об эффективных религиозных обращениях как об «изменении центра» жизни. Это понятие хорошо описывает то, что, наверное, происходит во всех случаях травматических трансформаций.

Резюме

В этой длинной главе много о чем говорилось. Утверждалось, что простая гомеостатическая теория мотивации неадекватна. Утверждалось также, что мы не можем понять роль, которую играют взрослые мотивы, просто проследив

[27] Цит. по: An anthropologist at work / M. Mead (Ed.). N.Y.: Basic Books, 1959. P. 102.

их назад до их происхождения в детстве. Различия между юными и взрослыми мотивами громадны.

Явление трансформации мы называем *функциональной автономией*. Это понятие относится к любой приобретенной системе мотивации, напряжения в которой отличаются по своей природе от тех, из которых развилась эта приобретенная система.

Некоторые функционально автономные системы являются персеверативными, т.е. локальными самоподдерживающимися системами; однако другие имеют отношение к центральным тенденциям жизни и должны рассматриваться в контексте развития проприума, как характеристики самой природы человека. Таким образом, в функциональной автономии участвуют как квазимеханические, так и проприативные функции. Большинство трансформаций происходит постепенно, но некоторые внезапны и травматичны.

Ж. Нюттен

Мотивация, планирование, действие*

Глава 1. Введение и исторический обзор

Психолог, в отличие от психофизиолога, не думает о мотивации в терминах биохимического состояния или неврологического возбуждения. Вместо этого психологи изучают поведение в контексте взаимоотношений индивида с окружающим его миром. Они рассматривают мотивацию как динамический аспект поведения, посредством которого индивид вступает в контакт — т.е. в определенное отношение — с миром. Более конкретно, мотивация представляет собой активный процесс направления поведения к предпочитаемым ситуациям и объектам[1]. <...>

Мотивационная терминология

<...> Самый общий и достаточно абстрактный термин *мотивация* относится к динамическому и направляющему (то есть избирательному и задающему предпочтения) аспекту поведения. В конечном счете, именно мотивация ответственна за тот факт, что то или иное конкретное поведение направляется к одной категории объектов, а не к другой. В противоположность этому, научение играет вторичную роль в определении пути, ведущего к тому или иному конкретному объекту. Термин *потребность* в его психологическом смысле используется для обозначения фундаментальных движущих сил, неотъемлемых от функциони-

---

* *Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004. С. 19, 38—39, 41, 96, 98—105, 107, 109—110, 112—113, 130—131, 134—140, 154—155, 157—160, 164—169, 205, 212—219, 223, 225—226, 229—237, 241—244.

[1] Термин «объект» используется в этой книге в его наиболее широком смысле. Он относится, в частности, как к статичным объектам, так и к событиям, как к ситуациям, так и к людям. Иными словами, «объект» означает все, что может быть воспринятым или желанным. Само это осознание может быть «объектом» мотивации, точно так же, как сам индивид может быть объектом осознания.

рования поведения живых существ. Тем самым потребности означают базовые типы отношений, «требующиеся» индивиду для его оптимального функционирования (глава 3). С увеличением сложности организма они становятся все более дифференцированными. Потребности также связаны с динамикой роста и развития, присущей живому организму. Таким образом, они вовсе не обязательно должны подразумевать понятие гомеостатического дефицита. Понятие потребности равнозначно понятию базового поведенческого побуждения. В отличие от этого, термин *мотив* относится к конкретным проявлениям потребностей. Мотивы связаны с динамическими и направляющими аспектами конкретного действия. Более того, термин *мотив* обозначает также и сам тот объект или цель, которые побуждают субъекта. Именно в этом смысле отец семейства может сказать, что мотивом того, что он остается дома, является мир в семье. В психологии животных физиологическое состояние организма тоже можно назвать, например, мотивом пищевого поведения. Что же касается термина *мотивация* в его конкретном значении (в смысле конкретной мотивации или мотиваций во множественном числе), то он равнозначен термину мотив, как он употребляется в этой книге. <...>

Глава 2. Концептуальная модель человеческого поведения

<...> То, как понимается мотивационный процесс, зависит, большей частью, от нашего понимания поведения. По этой причине данная глава предлагает интегрированную концептуальную модель поведения в общем, и человеческого поведения — в частности. <...> В процессе поведения можно выделить три стадии. 1) Все психологические функции «сотрудничают» друг с другом в построении поведенческого мира, в котором находится индивид как активный «субъект в ситуации». 2) Основные потребности субъекта проходят когнитивную обработку, превращаясь в цели и поведенческие проекты, или планы действия. Эта вторая фаза представляет собой динамический или мотивационный компонент поведения. 3) В завершающей, или исполнительной фазе индивид воздействует на воспринимаемую ситуацию, чтобы достичь своих целей и осуществить свои замыслы. <...>

Глава 3. «Отношенческая» модель мотивации

В данной главе я хочу предложить читателю набросок «отношенческой» теории мотивации. Эта модель определяет мотивацию в терминах взаимоотношений, связывающих действующего индивида с миром. Именно в этих взаимоотно-

шениях проявляется динамическая сущность человеческого поведения. Таким образом, предложенная модель должна вернуть мотивацию к ее исходному источнику и адекватно вписать ее в бихевиоральную схему.

Единство «индивид—среда»

<...> *Бихевиоральная* модель мотивации не должна в качестве основы поведенческой динамики рассматривать биохимический состав тканей организма или электрическую стимуляцию центральной нервной системы. Вместо этого фокусом ее внимания должны стать поведенческие отношения, связывающие индивида с его физической и социальной средой. Функционирование живого организма зависит от этих взаимодействий «личность—среда». Как отмечалось, психологи должны изучать процессы, активирующие и направляющие поведение (то есть мотивацию) в контексте именно таких функциональных взаимоотношений.

Это утверждение можно проиллюстрировать конкретным примером. Голодное животное, попавшее в лабиринт, взаимодействует со средой через свое поведение, например, бегает по лабиринту в поисках пищи. Исследование биологических основ этого голода дает немного для объяснения поведения животного. Просто сказать, что животному нужна еда — значит, предложить непсихологическое описание того, что животное реально делает. Как отметил Р. Шовен[2], этолог, наблюдающий голодных животных, видит не просто животных, которые хотят есть. Он также видит, как животное охотится, хватает добычу и тащит ее к себе в нору. Потребление пищи — это лишь небольшая часть всего «связанного с голодом» поведения животного. Логика предлагаемой модели становится даже более неоспоримой, если ее рассмотреть конкретно в терминах человеческих потребностей. Например, потребность в социальном принятии включает стремление к конкретным формам межличностных взаимоотношений и поведенческого взаимодействия. Другими словами, целевой объект этой социальной потребности — установление конкретного паттерна поведенческих взаимоотношений между индивидом и его человеческой средой. В общем, с психологической точки зрения потребность выполняет динамическую функцию, стремясь установить, сохранить или изменить эту конкретную модель взаимоотношений. <...>

Тем не менее, необходимо подчеркнуть существенные характеристики предлагаемой «отношенческой» модели. Прежде всего, эта модель не определяет поведение в терминах формирования взаимоотношений между двумя предсуществующими автономными сущностями, а именно, организмом, индивидом или личностью с одной стороны, и окружением, средой или — с другой.

[2] См.: *Chauvin R.* Discussion // L. Ancona et al. (Eds.). La motivation. Paris : Presses Universitaires de France, 1959. P. 166—169.

Начальная точка находится не там, где эти две сущности вступают в контакт, а в «отношенческой» сети как таковой, в которой личность и среда образуют два полюса.

Бессмысленно для анализа поведения рассматривать личность или среду вне этой отношенческой сети. Например, поведенческая функция восприятия не может проявиться в поведении независимо от воспринимаемых средовых объектов. В общем, личность — это сеть актуальных и потенциальных взаимодействий между индивидом и средой. Аналогично, среда, как поведенческий мир, строится в ходе взаимодействия между индивидом и внешней физической стимуляцией (глава 2). Таким образом, ни один из этих компонентов не может существовать независимо от функциональной связи с другим компонентом.

Потребности в терминах «отношенческого» функционирования

Мотивацию следует понимать не как серию отдельных «потребностей», но как динамический аспект самого функционирования живого организма. Другими словами, любой живой организм — это, в сущности, модель внутренне активного и направленного «отношенческого» функционирования. Жизнь — это не просто актуальное функционирование в системе «индивид—среда». Жизнь также подразумевает то, что было названо «волей к жизни», которая проявляет себя в согласованных действиях организма против угрожающих воздействий. На языке компьютерной терминологии мы могли бы сказать, вслед за Экбладом[3], что «оставаться в живых» — это первичная инструкция, заложенная в программе организма. Как уже указывалось, поведение является неотъемлемой частью общего функционирования живого организма. Подобно биологической стороне этого функционирования, оно осуществляется непрерывно. Поведение не процесс, начинающийся под влиянием одного конкретного мотива и прекращающийся, когда мотив закончил свое действие. Конкретный стимул и конкретные тенденции не следует рассматривать как действительные *инициаторы* поведения у организма, который в противном случае просто бы «отдыхал». Фактически субъект всегда находится в ситуации, и в этой ситуации он с необходимостью действует. Конкретная мотивация выступает *регулятором* — а не инициатором — основного потока поведенческого функционирования.

Динамическое качество взаимоотношений «индивид—среда» (И—С) является результатом двух факторов. Первое: самой основой жизни для индивида является его способность функционально действовать. Поведение представляет собой психологический аспект этого функционирования. Этот вид активности

[3] См.: *Eckblad G.* Scheme theory. A conceptual framework for cognitive motivational processes. N.Y.: Academic Press, 1981.

берет начало в самом себе, то есть в живом функционировании как побуждении *продолжать* функционировать. Это предположение сходно с мнением Вудвортса о первичности поведения[4]. Предлагаемая нами модель развивает этот взгляд и позволяет охватить общее функционирование живого организма. Второе: так как индивид не является автономной функциональной единицей, его потребность в мире является неотъемлемой частью биполярной структуры его функционирования как «открытой системы». Таким образом, выстраивается «отношенческая» модель поведенческой динамики, в которой потребность является неотъемлемой частью функциональной структуры индивида. Потребности не появляются в ответ на специфический стимул, а присущи индивиду в силу взаимодополнительности полюсов в системе «индивид—среда». Таким образом, взаимосвязи, которые образуют функционирование индивида, — это не просто происходящие события, а функциональные «условия» и «требования». Следовательно, поведенческие потребности можно рассматривать и определять как «требуемые взаимоотношения» между индивидом и миром. Точнее: потребности являются поведенческими взаимоотношениями, поскольку они «требуются», чтобы обеспечить оптимальное функционирование индивида.

В пятой главе дано определение оптимального функционирования в терминах как врожденных стандартов, так и критериев, выработанных самим индивидом. Что касается врожденных стандартов, субъект узнает о том, что его поведение соответствует им, ориентируясь на общее состояние благополучия, удовольствия и удовлетворения, которое сопровождает оптимальное функционирование. Выработанные стандарты, напротив, формируются в рамках Я-концепции индивида и практических целей, которые он себе ставит. Другими словами, индивид функционирует оптимально в той степени, в какой он соответствует обеим системам критериев. Мотивационный аспект некоторых отношений проявляется тогда, когда индивид не может соответствовать этим критериям. Оптимальное функционирование, таким образом, можно рассматривать с точки зрения последствий для индивида.

Следует отметить, что представленное здесь психологическое понятие потребности не ограничено ситуациями, которые характеризуются тем или иным дефицитом. Напротив, потребности относятся к функционированию личности во всей ее полноте и предполагают такие типы активности, как рост, саморазвитие и коммуникация. Другими словами, предложенное нами определение потребности достаточно широко, чтобы охватить все разнообразие человеческого функционирования. Мы считаем потребности неотъемлемыми от поведенческого функционирования как такового и от различных потенциальных возможностей, характерных для функционирования данного вида (см. ниже). <...>

По сути, мы сейчас рассмотрели динамическую природу отношения И—С. Далее следует отметить его избирательный характер, то есть существование кон-

[4] См.: *Woodworth R.S.* Dynamics of behavior N.Y.: Holt, 1958.

кретных объектов и взаимосвязей, в которых нуждается индивид. Очевидно, что люди не относятся одинаково ко всем объектам окружающего мира. Следовательно, чтобы обеспечить оптимальное функционирование системы И—С, необходимы конкретные взаимосвязи с конкретными объектами. Таким образом, комплементарность И—С определяется тем, какие именно типы взаимодействия предпочитает и избирает индивид. Каждый человек мотивирован в направлении как конкретных объектов, так и конкретных типов взаимосвязей. Более того, эта взаимозависимость относится как к биологическому, так и к психологическому уровням человеческого функционирования. Учитывая избирательную природу потребностей, мотивацию следует определять в терминах поведенческих объектов и целей, а не в терминах энергии, стимуляции, органического состояния или моторных реакций. Объект конкретной потребности — это не что-то вторичное по отношению к состоянию потребности. Скорее, сама природа объекта-цели (например, еда, уважение, любовь и т.д.) определяет природу потребности, то есть взаимосвязь, необходимую индивиду.

Почему один, а не другой объект вносит вклад в оптимальное функционирование (например, почему любовь и уважение способствуют психологическому благополучию, а отвержение наоборот) — это вопрос, еще не получивший удовлетворительного ответа. В лучшем случае мы можем попытаться понять «необходимость» определенной категории объектов, встраивая эти объекты в глобальную модель человеческой динамики (глава 4). В конечном счете мы можем только повторить ответ Джеймса на этот вопрос: «человек так устроен». Именно это мы имеем в виду, утверждая, что фундаментальные категории мотивационных объектов являются «врожденными». <...>

Дифференциация потребностей

<...> Связывая динамику поведения с базовой потребностью организма в «отношенческом» функционировании, мы поднимаем новую проблему: как эта абстрактная и пустая идея потребности в «отношенческом» функционировании развивается в богатое разнообразие мотивов, действующих в человеческом поведении? <...>

Доповеденческая стадия потребностей: имплицитная направленность

Определение потребности в терминах требуемых взаимоотношений не предполагает, что каждая потребность непосредственно направляет поведение к конкретным объектам. Поведение голодного младенца не направляет его непосредственно к желаемой еде. То есть можно сказать, что голод не есть «стремление к

пище»[5]. Тем не менее, я утверждаю, что потребность в своей основе ориентирована на ту категорию объектов, которые могут ее удовлетворить. В этом смысле голод в очень большой степени направлен к еде. Рассмотрим эту ориентацию.

На поведенческом уровне важно различать то, что называется «траекторией», то есть практические шаги, ведущие к объекту, и более внутреннюю и имплицитную направленность, которая отражает тот факт, что определенные контакты являются желаемыми и удовлетворительными, в то время как другие — нет. Толман этой направленностью объяснял «целесообразность» поведения[6]. Другими словами, тот факт, что только некоторые объекты позитивно подкрепляют или удовлетворяют потребности, наводит на мысль, что поисковому поведению, которое вызывается потребностью, присуща избирательная направленность. Эта направленность «встроена» в психический аппарат, так же как исходное соответствие встроено в функциональную систему И—С. Таким образом, прежде чем произойдет какое-либо научение, младенец уже предпочитает родительскую теплоту и принятие отвержению, так же как он предпочитает одни вкусовые ощущения другим. Например, можно заметить в детях динамическую ориентацию по направлению к определенным эмоциональным взаимоотношениям. Эта ориентация очевидно выступает в том факте, что, даже без предшествующего подкрепления и несмотря на пережитое отвержение, ребенок предпочитает родительские фигуры и стремится к ним. В отсутствие таких взаимоотношений ребенок демонстрирует нарушения функционирования (крайней реакцией на него является маразм). <...>

Итак, предполагается, что потребности существуют еще до начала поведения. На этой стадии требуемые взаимосвязи И—С пока не нашли адекватных им поведенческих паттернов, а потребности еще не сконцентрированы на конкретном объекте и носят, скорее, диффузный характер. На этой доповеденческой стадии присущая мотивации направленность отражается в избирательности, составляющей основу и положительного, и отрицательного подкрепления. Исследовательское поведение, запускаемое мотивационным состоянием, также отличается направленностью. Таким образом, первые реакции не являются случайными, но уже ориентируют поведение в предпочитаемом направлении. <...>

Тот факт, что конкретные поведенческие взаимоотношения И—С не запрограммированы в организме заранее, позволяет индивиду строить свою личную мотивационную и поведенческую систему на основе и индивидуального опыта, и индивидуальных целей. Таким образом, вхождение каждого человеческого индивида в мир посредством поведения представляет собой уникальную структуру, которая формирует его личность. Эта поведенческая пластичность психологических потребностей в рамках их врожденной ориентации практически неогра-

[5] См.: *Brown J.S.* Problems presented by the concept of acquired drives // J.S. Brown et al. (Eds.). Current theory and research in motivation. Symposium. Lincoln: University of Nebraska Press, 1953. P. 1—21.

[6] См.: *Tolman E.C.* Purposive behavior in animals and men. N.Y., L.: The Centure Co., 1932.

ниченна. Стремление к социальному принятию, например, может проявиться в бессчетных сетях поведенческих взаимоотношений, имеющих один общий смысл или одну базовую цель. По этой причине мотивационную направленность субъекта к конкретному объекту следует рассматривать как конкретизацию или «канализацию» более общей потребности (см. главу 5). <...>

Глава 4. Поведенческие потребности человека

Цель этой главы — определить главные динамические ориентации человеческого поведения. Другими словами, каковы поведенческие взаимосвязи, необходимые для оптимального функционирования, и каковы категории «объектов», с которыми человек пытается взаимодействовать? Вначале постараюсь осветить мою личную точку зрения на этот вопрос. <...>

В этой главе мы показываем, что многообразие динамики поведения или потребностей объясняется развитием в ходе процессов дифференциации из единого динамического функционирования индивида. Будем надеяться, что это поможет нам лучше понять генезис мотивационной структуры личности. Моя цель состоит не в том, чтобы предложить и обосновать список психологических потребностей. Напротив, считая проблему составления подобного списка надуманной, я пытаюсь показать, как развиваются различные динамические ориентации на основе различных функциональных способностей человека и различных объектов, включенных в их функционирование. Таким образом, акцент делается на соединении каждой потребности с общим поведенческим динамизмом. В первую очередь, я выделяю общую потребность в отношенческом функционировании (которая является центром модели, представленной в этой книге); затем обозначаю несколько уровней личностной активности в поведенческом функционировании. Необходимо показать их соответствие объективным критериям выделения «потребностей» в данном здесь их определении. <...>

Зачем и как искать базовые мотивационные ориентации?

Говорить о мотивации — значит, обращаться к переменной, выведенной из наблюдаемого поведения. Даже очень специфический и конкретный мотив выводится из характеристик поведения, включая и вербальное поведение. Сейчас наша задача состоит в том, чтобы определить, достаточно ли изучать конкретные мотивы или вместо этого следует попытаться выявить более общие мотивационные ориентации, контролирующие широкий спектр видов поведения, между которыми, на первый взгляд, мало общего.

Для начала следует осознать, что множественность целей, преследуемых человеком, образует головоломку, несовместимую с той простотой, к которой

стремится наука. Знание о том, что то, что нравится одному человеку, другой может игнорировать или даже отвергать, только усиливает эту путаницу. Большей частью человек далеко ушел от набора материальных объектов (например, пищи, воды или электрошока), которые используются, чтобы подкреплять и, следовательно, мотивировать животных в лабораторных условиях. В человеческой психологии желание осмыслить этот мотивационный хаос приводит исследователей к раскрытию общих динамических ориентаций, лежащих в основе многообразия не связанных между собой целевых объектов.

На самом деле, на фоне бесконечного множества конкретных мотивационных объектов возможно выделить некоторые тенденции. Хотя сбор урожая и охота — это очень разные типы поведения, они оба связаны с потребностью в пище. Здравый смысл даже допускает, что люди, несмотря на явные различия, всегда и везде одинаковы в том, что они преследуют одни и те же фундаментальные цели. Это допущение не противоречит данным, полученным культурной антропологией. Тот факт, что способы, которыми люди стремятся достичь чувства самоценности, уважения и социального принятия, сильно различаются, привел некоторых ученых к заключению, что определенные потребности не являются универсальными. Тем не менее, часто оказывается, что люди различаются только способом, которым они выражают эти потребности. Эти различия в выражении потребностей — результат многообразия культурных ситуаций, а не фундаментальных различий между людьми как таковыми. Таким образом, оправдано наше желание отыскать в этом уже упомянутом поведенческом хаосе некоторое зерно единства и вразумительности.

Вторая причина для поиска динамических ориентаций состоит в том, что сама структура человеческого поведения диктует нам стремление объединить различные мотивационные элементы в более общую мотивационную модель. Большинство объектов, к которым стремится человек, просто представляют собой средства, используемые в достижении очень немногих конечных целей. Структура «средство—цель», организованная как серия соподчиненных целей, является фундаментом человеческого поведения. Поиск фундаментальных потребностей происходит в рамках такой иерархической структуры. Поиск конечных целей подобен открытию фундаментальных потребностей. Следовательно, знание конечной цели придает новый смысл многообразию действий-шагов, которые понятны только в свете этой цели.

Наконец, поиск базовых ориентаций имеет и практическое применение. В психотерапии, так же как и в других видах прикладной психологии, смысл данного поведения можно понять только в свете конечной цели, к которой (иногда неосознанно) стремится индивид. Например, мы, вероятно, не сможем понять интенсивность, с которой человек ищет некий объект, пока мы не знаем, как этот объект связан со стремлением к другой, более фундаментальной цели. Вообразите, например, студентку, которая, провалившись на экзамене, пытается

покончить жизнь самоубийством. Она уже работает медсестрой, но хочет стать врачом. Ее друзья пытаются убедить ее, что эта неудача не так уж много значит, потому что она уже имеет право работать медсестрой и, следовательно, может оставаться в медицинской сфере. Они не могут понять ее чрезмерно эмоциональную реакцию на невозможность достичь желаемой цели. Особенная и даже отчасти невротическая связь, которая существует между ее стремлением быть врачом и смыслом жизни, проясняется только в ходе психотерапии. С точки зрения ее невротической Я-концепции, она может стать кем-то в своих глазах и в глазах своего отца, только получив диплом врача. Она не преследует одну из множества возможных целей, а пытается удовлетворить фундаментальную потребность. Когда ей это не удается, жизнь для нее теряет смысл. Другими словами, интенсивность практической мотивации можно объяснить только в связи с базовыми тенденциями.

Некоторые психологи, к сожалению, дискредитировали поиск фундаментальных потребностей, пытаясь составлять списки не связанных между собой потребностей, тенденций или инстинктов. Следует еще раз подчеркнуть, что в наше намерение это не входит. <...>

Следует вкратце пояснить метод перехода от многочисленных конкретных целевых объектов (например, экономия денег) к более общей ориентации или категории целевых объектов (безопасность), включенных в поведенческую потребность. Проблема в том, как относить разные конкретные цели и виды целенаправленной деятельности к одной и той же мотивационной ориентации, или потребности.

Принцип прост. Мы должны попытаться обнаружить более общую цель или смысл, общий для различных конкретных видов поведения, несмотря на их различия. Человек, который забирается на дерево, чтобы сорвать яблоко, ведет себя не так, как человек, который ловит рыбу или охотится. Тем не менее, эти формы поведения имеют между собой нечто общее и могут быть поэтому объединены в одну категорию — поведение, направленное на поиск пищи. Эта общая характеристика имеет отношение к общей функции или роли, выполняемой различными объектами в биологическом функционировании индивида. Общая функция или роль придает этим различным типам поведения общий смысл. Они все направлены на объекты, относящиеся к категории «пища», и поэтому относятся к общей динамической ориентации, или потребности, неудовлетворение которой приведет к далекому от оптимального функционированию индивида. Разновидность пищи не играет большой роли и варьирует в зависимости от частных условий. Это может быть рис, мясо, фрукты и т.д. Важно, что объект принадлежит к категории того, что обеспечивает «питание» организма. Осознание этого общего качества, таким образом, не просто классификация. Выделение этой группы основано на *функциональной тождественности* этих объектов в поведении индивида. <...>

Попытка установить *число потребностей*, которые можно выделить из конкретных видов поведения, похожа на попытку определить, сколько факторов следует выделять при факторном анализе личности. В зависимости от используемой процедуры анализа получаются совершенно разные результаты. Количество определяемых факторов относительно велико, если используется метод Кеттелла, и относительно мало, если применяется факторная процедура «второго порядка» по Айзенку. Точно так же количество выделяемых основных потребностей или тенденций зависит от уровня обобщения, используемого в нашем анализе поведения. По этой причине рекомендуется ограничиваться довольно общими критериями дифференциации потребностей, а задачу конкретизации того, как основные потребности выражаются в поведении, оставить исследователям развития мотивации.

Итак, структуры поведения, выполняющие одну и ту же значимую функцию или роль в поведенческом контексте, опираются на одну и ту же динамическую ориентацию, то есть берут начало от одной и той же функциональной потребности (*принцип функциональной тождественности*). На определенном уровне обобщения возможно выделить осмысленную динамическую ориентацию, лежащую в основе разнообразных поведенческих структур, хотя их обозначения могут и не быть тождественными. <...>

Основы дифференциации поведенческой динамики

Первая дифференциация в рамках общего динамизма отношенческого функционирования — это различение ориентации на субъекта, с одной стороны, и на объект, с другой. В основе этой дифференциации лежит биполярная природа функциональной системы И—С. Ее можно понимать как акцент в поведении либо на полюсе «Индивид», либо на полюсе «Среда». Динамическая ориентация «на субъекта» — основа поведения, служащего сохранению и развитию субъекта. Динамическая ориентация «на мир» направляет поведение на взаимодействие с объектами (например, социальными и познавательными объектами). В динамизме первого типа, то есть мотивации, направленной на субъекта или на свое Я, можно различать два аспекта. Действующий субъект может рассматривать себя как прямой объект или цель своего поведения. Но если даже индивид фокусируется на внешнем объекте, он автоматически вносит вклад и в свое личностное развитие через собственное поведение. В определенных условиях забыть о себе означает создать оптимальные условия для саморазвития. Поэтому во всех формах поведения обнаруживается подобная двойственность, хотя один полюс системы И—С может в любое время преобладать над другим. В самом деле, субъект не может развиваться, не взаимодействуя со своей средой, при этом такое взаимодействие обычно вносит вклад в развитие самого субъекта. <...>

Ориентация «на субъекта»

Проявления базового динамизма. В этом разделе мы обсудим, как несколько тенденций, которые, как считается, выражают автономные потребности, можно рассматривать в качестве различных проявлений одной и той же фундаментальной динамической характеристики живого организма. В рамках отношенческой модели мотивации потребности рассматриваются как необходимые взаимосвязи с конкретными ситуациями среды. Это означает, что требуемые взаимосвязи определяются средовой ситуацией и самим индивидом. Если субъект воспринимает ситуацию как опасную, его базовая потребность в оптимальном функционировании активирует поведение *самосохранения;* при нападении он будет *защищать* себя; в нестабильных социальных условиях он будет искать *тепло* в межличностных отношениях; чувствуя себя слабым и беззащитным — стремиться к *безопасности;* в плохую погоду, наконец, он попытается найти физическое *укрытие*. Напротив, в благоприятных условиях тот же самый индивид раскроется и выразит свои скрытые способности, так как стремится к *саморазвитию*. Все попытки составить на основе ситуационных условий список потребностей как автономных сущностей обречены на неудачу, потому что разнообразие ситуаций и соответствующих им типов поведения можно классифицировать по-разному и с разной степенью обобщенности. Напротив, мы лучше начинаем понимать динамику поведения, если найдем общий знаменатель различных динамических паттернов.

Можно смело утверждать, что в упомянутых примерах поведение направляется и активируется одним и тем же базовым динамизмом в соответствии с ситуационными условиями на данный момент. То же самое можно сказать о некоторых постоянных условиях нашей культурной среды. Для успешного функционирования в нашем сложном поведенческом мире индивид должен развивать «компетентность»[7] и «эффективность»[8] так же, как эффективное поведение предполагает, что мы организуем окружающую среду «комфортно» (то есть так, чтобы с ней легко было управляться). Стремление к подобному материальному комфорту, — вероятно, главная «потребность» нашей западной цивилизации. Физический комфорт среды означает то же, что и компетентность индивида. Вместе они способствуют созданию объективных и субъективных условий для успешного функционирования. В других культурах потребность успешно взаимодействовать со средой может выражаться в самых разных формах.

Что касается социального контакта, индивид воспринимает других так же, как самого себя. Этот контакт предполагает процесс «социального сравнения», на который указывал Фестингер[9]. Социальное сравнение так проникает во все

---

[7] См.: *White R.. W.* Motivation reconsidered: The concept of competence // Psychological Review. 1959. Vol. 66. P. 297—333.

[8] См.: *Bandura A.* Self-efficacy: Toward a unifying theory of behavioral change // Psychological Review. 1977. Vol. 84. P. 191—215.

[9] См.: *Festinger L.* A theory of social comparison processes // Human Relations. 1954. Vol. 7. P. 117—140.

сферы нашей жизни, что без него уже невозможна оценка личности. Утверждения о чьем-то интеллекте или гиперактивности вне сравнения с другими людьми не будут иметь никакого смысла. Именно в контексте социального сравнения базовый динамизм к саморазвитию и самоутверждению в нашей культуре трансформируется в *конкуренцию*. <...>

Внутренняя согласованность. Кроме описанных форм мотивации, имеющих отношение к динамической ориентации на свое «Я», к той же ориентации относятся и другие стремления. Самосохранение и развитие предполагают, что индивид остается самим собой, то есть они предполагают одновременно наличие внутренней *согласованности* и *идентичности*. Это само по себе — определение «индивида», то есть того, кто «не разделен (in-dividuum)» внутри себя, хотя «отделен» (отличен) от других. На биологическом уровне психологическому стремлению сохранять свою индивидуальность и личностную идентичность аналогично динамическое постоянство внутренней среды организма (гомеостаз). Как на психологическом, так и на биологическом уровнях есть свидетельства того, что индивид стремится к само-согласованности и пытается оставаться «верным самому себе» в рамках своей Я-концепции[10]. Поведенческая и вербальная несогласованность обычно приводит индивида к ощущению потребности оправдывать свои действия. Напротив, когнитивный диссонанс ведет к корректирующим действиям, направленным на его уменьшение. Результаты некоторых исследований дают нам право предполагать, что индивиды даже искажают свое само-восприятие, чтобы сохранить согласованность своей Я-концепции[11].

В контексте проблемы *автономии* и самодетерминации то, что ограничивает свободу выбора или действия, может вести к мотивационному состоянию «реактивного сопротивления»[12]. То же стремление к самодетерминации наблюдается, как показано в классическом исследовании Кана и Каца, в социальном контексте[13]. Эти исследователи продемонстрировали, что продуктивность, самоотдача в работе и удовлетворение от работы повышаются при предоставлении работнику автономии в выполнении его обязанностей. Тот же самый работник будет склонен реагировать негативно на задания, которые он просто должен выполнить в соответствии с указаниями начальства. В общем, человек предпочитает осуществлять свои собственные проекты и разрабатывать способы того, как это сделать; так он поддерживает свою личную идентичность.

---

[10] См.: *Lecky P.* Self-consistency: A theory of personality. N.Y.: Island, 1945; *Korman A.K.* The psychology of motivation. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1974.

[11] См.: *Nuttin J.* Tache, reussite et echec. Theorie de la conduite humaine (Studia Psychologica). Louvain : Publications universitaires, 1953. P. 122—170; *Janssens L., Nuttin J.* Frequency perception of individual and group successes as a function of competition, coaction, and isolation // Journal of Personality and Social Psychology. 1976. Vol, 34. P. 830—836.

[12] См.: *Brehm J.W.* A theory of psychological reactance. N.Y.: Academic Press, 1966; *Wicklund R.A.* Freedom and reactance. Hillsdale: Erlbaum, 1974.

[13] См.: *Kahn R.L., Katz D.* Leadership practices in relation to productivity and morale // D. Cartwright, A. Zander (Eds.).Group dynamics. Evanston: Row Peterson, 1960. P. 554—570.

Главную идею этого раздела о динамической ориентации субъекта на собственное «Я» можно выразить следующим образом. Многие «потребности», обычно выводимые из мотивированного поведения субъекта, направленного на самого себя, можно рассматривать как результат дифференциации в индивиде базового динамизма. Эта дифференциация развивается как функция многообразия значимых ситуаций и внутренних условий, в которых находится действующий субъект. Согласно отношенческой модели мотивации, поведенческие взаимоотношения, необходимые для оптимального функционирования в функциональной системе И—С, зависят и от личности, и от ситуации. Рассматривать эти «потребности» как отдельные мотивационные сущности означает отделить их от присущей им динамической основы. На уровне *биологического* самосохранения исчерпывающий список таких потребностей можно составить на основе хорошо известных физиологических функций. На психологическом уровне, напротив, главную роль играет смысл различных ситуаций и реакций. <...>

Дальнейшая дифференциация

<...> Теперь рассмотрим дифференциацию динамической ориентации «на объекты». Она протекает, прежде всего, на основе различных функциональных каналов, через которые человек способен вступать во взаимоотношения со своим миром «объектов». Эти функциональные каналы зависят от биологического и психологического оснащения живых существ. Как уже отмечалось, эти каналы — функциональные способности индивида и подлинные носители его внутренней поведенческой динамики. Таким образом, потенциальная возможность полета у птицы предполагает склонность летать (Р. Вудвортс); аналогично бесчисленные способности человека — воспринимать, понимать, общаться и т.д. — предполагают склонности делать это. Более того, через каждый из этих функциональных каналов субъект вступает в поведенческий контакт с различными типами людей и объектов в различных ситуациях. При этом межличностные отношения с людьми могут принимать самые разнообразные формы (детско-родительские, межполовые и т.д.); следовательно, мотивы детско-родительских отношений качественно отличаются от тенденций межполовых отношений. Все эти факторы играют роль в процессах дифференциации, через которые динамизм «к объектам» разветвляется на разнообразные функциональные потребности и мотивы. Этот процесс дифференциации подобен тому, как сердечно-сосудистая система разветвляется на множество артерий. В то время как главные артерии можно сравнить с функциональными возможностями и жизненными целями индивида, капилляры похожи на почти неограниченное число мотивационных объектов-целей и структур «средство—цель», на которые потребности разветвляются в мотивационной системе личности. Главные артерии нашей мотивационной системы несут сильный динамический заряд, так что субъекту сложно отвергнуть или изменить главную жизненную цель, карьеру или функционирование

через конкретный поведенческий канал. Частную структуру «средство—цель», напротив, можно легко заместить равноценным мотивационным конструктом. По сути, большинство наших динамических ответвлений — это личностные конструкты.

Два уровня функционирования: физиологические и психологические потребности

Прежде всего, исходя из функционального оснащения индивида, рассмотрим дифференциацию динамики поведения на физиологические и психологические потребности.

Физиологические механизмы, посредством которых организм взаимодействует с физическими и биохимическими элементами биосферы, следует отличать от поведенческих процессов, через которые индивид воздействует на значимые ситуации, в которых он воспринимает и мыслит себя. Индивид, стремящийся к межличностным отношениям, обеспечивающим ему социальное признание, функционирует на другом уровне, нежели организм, которому необходимо специфическое биохимическое поступление, чтобы поддержать внутренний физиологический баланс. В первом случае важно субъективное восприятие и интерпретация данной социальной ситуации. Во втором случае важны биохимические характеристики элементов, которые попадают в организм. В разведении этих процессов как раз и заключается специфика нашей психологической науки. Динамику, свойственную функционированию живого индивида, следовательно, необходимо различать по тем же признакам. Это разделение не противоречит, конечно, базовой целостности живого организма и его внутреннего динамизма. Оно относится лишь к конкретным научным подходам, изучающим в этих процессах разные группы характеристик. И на физиологическом, и на психологическом уровне отношенческого функционирования некоторые взаимосвязи со средой оказываются «необходимы» для нормального, или оптимального функционирования индивида. Каждый из этих способов функционирования участвует в функциональном динамизме целого организма; они образуют наши физиологические и психологические (поведенческие) потребности.

Как уже отмечалось, дифференциацию в области физиологических потребностей осуществить легче, чем в области поведения. Мы, тем не менее, намерены ограничить наше исследование именно поведенческой сферой. Может быть, достаточно сказать, что, благодаря единому характеру живого организма, физиологическая потребность также проявляется на поведенческом уровне. В нормальных условиях физиологические потребности влияют на поведение через органы чувств (например, «стимул влечения» Халла). Таким образом, ощущение голода запускает центрально опосредованный и тонкий процесс переработки информации. Физиологическая потребность в пище, трансфор-

мированная в восприятие голода, играет главную роль в различных типах поведения, в то время как потребность в кислороде удовлетворяется одним только автоматическим механизмом дыхания.

Функциональные способности индивида

Второй источник динамической дифференциации — это бесчисленные функциональные каналы, через которые субъект способен входить в поведенческий контакт со средой. Благодаря «влечению к поведению», то есть динамизму, влекущему субъекта к отношенческому функционированию, который служит основой предложенной отношенческой модели мотивации, каждую из основных форм поведения необходимо рассматривать как потенциальную форму этого влечения. Другими словами, чем более разнообразны функциональные способности биологического вида, тем больше «необходимых отношений» или потребностей он имеет. Как сказал Вудвортс:

> Различные способности взаимодействия со средой служат выражением одного общего поведенческого влечения; в зависимости от условий окружающей среды они придают этому влечению различные формы[14].

Таким образом, мы утверждаем, что каждой из основных форм функционирования присуща своя внутренняя динамика. В следующих разделах этой главы описаны главные способности человека к поведенческим взаимоотношениям: когнитивные, социально-аффективные и физические или манипулятивные.

Познавательные взаимосвязи. Взаимодействие со средой через познавательные и информационные процессы варьирует от элементарного ощущения до изощренной абстракции и рассуждения. Познание связывает субъекта с объектами в поведенческой ситуации и сопровождает, в той или иной степени, все формы поведения. Хорошо известно, что динамизм, связанный с различными формами познавательного взаимодействия, очень долго игнорировали в пользу гомеостатических потребностей. Разнообразие познавательных потребностей, начиная с удовольствия разглядывать, слушать или трогать объект и заканчивая непрерывным поиском объяснений человеком своего места во Вселенной, дает некоторое представление о богатстве познавательной динамики.

Социально-аффективные взаимосвязи. Другая важная группа функциональных взаимоотношений с поведенческим миром коренится в способности человека участвовать в межличностной, или социальной коммуникации. Социальным взаимоотношениям придают их своеобразие аффективность и взаимность. Аффекты — в диапазоне от любви до ненависти — ограничены межличностными отношениями. Особая природа межличностных переживаний кроется в их воспринимаемой взаимности. Тот факт, что я воспринимаю другого человека как того, кто воспринимает меня и испытывает ко мне чувства, придает нашему

[14] См.: *Woodworth R.S.* Dynamics of behavior N.Y.: Holt, 1958.

взаимодействию специфический характер. Эта особая форма взаимодействия «индивид—среда» развивается дальше в способность делиться личными идеями и переживаниями с другим человеком и оценивать его реакции на меня. Другими словами, социальное взаимодействие можно отличать от иных форм отношенческого функционирования, из чего вытекает их особая роль в мотивации (см. ниже).

Качественное многообразие мотивации увеличивается в социальном взаимодействии и важно для точного понимания поведения. Мотивация «знакомиться с людьми» качественно отлична от дружбы или материнской или эротической любви. В этом контексте есть очевидное преимущество в понимании мотивации в терминах поведенческих взаимоотношений и объектов. Фактически, именно благодаря самой природе поведенческих взаимосвязей с другим индивидом человек психологически становится приятелем, другом, отцом или супругом. В психологической терминологии существительными часто заменяют сети взаимоотношений. То, что называется *любовью* и *дружбой*, относится к различным паттернам межличностного поведения, а *мать*, говоря психологическим языком, — это тот человек, с которым постепенно развивалось несколько типов поведенческих отношений. Природа этих взаимосвязей также определяет природу мотиваций, которые объединяют этих людей. Очевидно, что мы серьезно сузим изучение мотивации, если заранее исключим из исследования качественные различия между видами социальных контактов и ограничимся только количественными различиями в интенсивности мотиваций. Здесь также следует принять во внимание, что качество этих мотивационных отношений может влиять на их интенсивность.

Способность манипулировать объектами. Третья форма динамического взаимодействия включает физическое манипулирование объектами. В то время как познание связывает субъекта с любым объектом, включая самого субъекта (самопознание и сознание), социальное взаимодействие ограничено людьми и их заместителями. Напротив, физическая манипуляция затрагивает, главным образом, трансформацию неодушевленных объектов. Очевидно, все три формы взаимоотношений со средой как-то пересекаются. Познание управляет тактильной манипуляцией, в то же время такая манипуляция может способствовать когнитивному исследованию и усиливать определенные типы социального взаимодействия (эротические и сексуальные отношения, например). Большей частью познание сопровождает — усиливает или подавляет — такие взаимоотношения.

Манипуляцию также можно понимать более широко. Люди склонны преобразовывать и пытаться воздействовать на любую ситуацию. Они более, чем животные, склонны изменять все, с чем они находятся в контакте. В этом смысле склонность манипулировать направлена не только на неодушевленные объекты. Люди пытаются изменить общество так же, как пытаются изменить свою собственную ситуацию и свое окружение. Человек, побуждаемый и на-

правляемый потребностями, начинает думать о некоторых изменениях, ведущих к улучшению некоторых сторон ситуации; затем он пытается осуществить эти изменения. Другими словами, его мышление не удовлетворяется только исследованием и пониманием мира, человек также мотивирован изменить и улучшить этот мир. В человеческом динамизме к прогрессу и развитию заложено и загадочное стремление «превзойти» достигнутый уровень. Даже в консервативных цивилизациях, таких как древнеиндийская культура, человек пытался изменить и улучшить хотя бы свою внутреннюю жизнь, развивая способности к медитации и отказывая себе в естественных желаниях. В целом человек скорее деятель, чем наблюдатель, ему трудно удержаться от вмешательства в естественный ход событий и от создания новых ситуаций. Позже мы вернемся к этой главной характеристике человеческой мотивации (сравните с «удовольствием от причинности», упомянутым выше).

Другой аспект взаимоотношения *Homo faber* (человека творящего) со средой заключен в его мотивационной привязанности к объектам, которые он создает. Таким образом он стремится обладать, психологически и материально, продуктами своего творчества. Эта приверженность, включающая в себя отождествление субъектом себя со своими произведениями, открывает новое измерение в динамизме роста и саморазвития: человек воспринимает продукты своего труда как расширение собственной личности; лишенный их, он переживает это как отчуждение. <...>

Глава 5. От потребностей к целям и планам

Тот факт, что люди ставят перед собой цели и строят планы — одна из наиболее поразительных и наименее исследованных характеристик человеческого поведения. <...> В этой главе мы рассмотрим процессы, через посредство которых динамика поведения или потребности трансформируются в цели, поведенческие проекты и действия. <...>

Механизмы научения

Канализирование потребностей

В то время как потребность направлена на относительно широкую категорию предпочитаемых объектов, конкретный мотив направлен на конкретный объект. <...>

Тем не менее, когда индивид в состоянии потребности переживает эту потребность как стремление к конкретному объекту, путь, ведущий к этому объекту, не является просто информационным, или ассоциативным. *Это конкрет-*

ная поведенческая форма самой потребности. В этом случае уместно говорить о ***канализировании*** потребностей в конкретные поведенческие пути[15]. Например, общая потребность быть с людьми развивается в ходе времени в конкретное стремление быть с конкретной группой людей или с конкретным человеком. Другими словами, конкретное действие уже не является одним из многих средств достижения некоторой категории объектов; это поведенческая форма самой потребности.

Мы понимаем, что эта поведенческая конкретизация потребности может рассматриваться в терминах подкрепляемых реакций. Тем не менее образ канала лучше выражает процесс конкретизации самой потребности в поведенческом паттерне. По сути, отношенческая модель мотивации рассматривает потребности как динамизм, неотъемлемый от поведенческого функционирования. Это означает, что поведение рассматривается как потребность, прокладывающая себе дорогу в поведенческом мире. <...>

Функциональная автономия мотивов

Различие между канализированием потребностей и процессом обучения через подкрепление позволяет нам понять важный феномен в инструментальной мотивации. Некоторые из видов поведения, осуществляемых индивидом, суть не более, чем средства достижения цели. Их валентность возникает только из мотивации достичь заданную цель. Тем не менее, в других случаях поведение может вначале быть нейтральным (или даже отталкивающим) средством достижения цели, но стать желаемой целью само по себе, когда исходная цель утратит свою мотивационную роль. Олпорт называл этот феномен функциональной автономией мотивации. То, что он считал внутренне и автономно мотивированным действием, мы интерпретируем как канализирование другой потребности в том же самом поведенческом акте. Как указал Олпорт, моряк, выходивший сначала в море, видя в этом только средство достижения цели (заработать денег), впоследствии может рассматривать выход в море как цель. Действие «завязать шнурки» или «написать букву», напротив, остается чисто инструментальным. Олпорт отметил, что действия как средства могут повторяться без внешней мотивации, пока их полностью не освоят, то есть пока индивид стремится улучшить свой навык в конкретной области. Мы допускаем, что в этом случае поведенческий акт мотивируется индивидуальной потребностью в компетентности. Путешествие по морю, напротив, — это поведение, в котором легко могут быть канализированы многие потребности.

Итак, представляется, что множество изначально нейтральных объектов через ассоциацию с мотивационными объектами становятся или привлекательными, или отталкивающими. Хотя в процессе научения новые базовые

---

[15] См.: *Murphy L.* Personality. A biological approach to origins and structure N.Y., L.: Harper & Brothers, 1947.

потребности не приобретаются, могут приобретаться новые поведенческие реакции (такие как бегство крысы из белого помещения) — в качестве средств удовлетворить существующие потребности (избегание болезненного удара электрическим током). Таким образом, единая базовая потребность мотивирует разнообразие не связанных ничем другим типов поведения. Ассоциация сама по себе не имеет мотивационной силы, но может приводить к канализированию существующей потребности или информировать субъекта о средствах достижения цели. Выше уже отмечалась очевидная польза того, чтобы в хаотическое множество мотивационных объектов ввести единый принцип их связи с основополагающим поведенческим динамизмом. С другой стороны, некоторые поведенческие паттерны, изначально служившие средствами достижения цели, могут стать целями сами по себе. Это происходит, когда базовая потребность канализируется в конкретном поведенческом паттерне (процесс канализирования и функциональная автономия мотивов). В этом смысле можно допустить, что посредством автоматического подкрепления конкретное действие становится поведенческой конкретизацией более общей потребности. Отметим, что одни действия и объекты подходят для такого канализирования потребностей лучше, чем другие. Так, базовую потребность сложно канализировать в действие «завязывание шнурков», но ряд потребностей легко может находить поведенческое оформление в путешествиях по морю. То же самое предпочтение встречается в процессах обусловливания: гусеница может вызывать условную реакцию страха с гораздо большей вероятностью, чем цветок.

Когнитивная переработка потребностей

Упомянув несколько механизмов научения в процессе развития мотивации, мы намерены более полно исследовать процесс, посредством которого потребности развиваются в цели, поведенческие проекты или планы. В самом деле, на человеческое поведение сильное влияние оказывает тот факт, что каждое воздействие, будь оно внешнего или внутреннего происхождения, обрабатывается высоко развитыми когнитивными функциями. Это же относится к человеческим потребностям, которые трансформируются в когнитивно-динамические структуры, такие как намерения, цели и планы. <...>

Восходящая фаза мотивации

Перед тем как рассмотреть конкретные процессы, ведущие человека к установлению новых целей, представим общую схему, в которой проявляется этот важный аспект человеческой мотивации. На уровне биологической эволюции в целом, и мотивационного развития в частности, проявляются две противоположных тенденции. Первая стремится к разрядке, состоянию баланса и отдыха. Вторая стремится нарушить баланс и порождает все более сложные

структуры и напряжения. Процесс «перезарядки» важнее процесса разрядки. Человеческая попытка удовлетворить возрастающую ответственность, принять на себя больший риск и установить новые цели важнее, чем уменьшение напряжения. <...>

Процессы планирования и постановки целей представляют собой восходящую тенденцию в мотивационной теории, представленной в этой книге. В то время как движение к желаемой цели ведет к уменьшению напряжения, движение, которое позволяет человеку устанавливать новые цели, возбуждает в нем новое состояние напряжения. Другими словами, восходящее движение к постановке новых целей — это выражение фундаментальной характеристики человеческой мотивации, а именно стремления выйти за рамки уже достигнутых целей. Эта общая тенденция действует в рамках более специфических поведенческих потребностей человека и ориентирует его действия на развитие. Таким образом, восходящее движение человеческой мотивации тесно связано с центральным динамизмом к саморазвитию, о котором мы говорили в четвертой главе; он, по-видимому, аналогичен общей восходящей тенденции жизни.

Рассмотрим теперь конкретные формы этого мотивационного развития, выражающиеся в постановке целей и планировании. Эти процессы не работают по механизму ассоциации или научения через подкрепление, хотя научение присутствует в любой человеческой активности. Эти процессы, как и сам прогресс, имеют более творческую и конструктивную природу. Мотивационные состояния превращаются в цели и поведенческие проекты через взаимодействие познания и мотивации, то есть посредством ***когнитивной переработки потребностей.*** <...>

Порождение целей и проектов

<...> Вообще нас интересует процесс, посредством которого индивид переходит из мотивационного состояния (потребности) к осуществлению специфического целенаправленного поведения. Этот переход опосредуется постановкой целей и планированием. Здесь важны два вопроса:

1) Как мы переходим от потребности к целям и планам?

2) Как мы переходим от целей и планов к действию? <...>

Потребности активируют когнитивное функционирование: постановка целей. Наша цель состоит не в том, чтобы исследовать множество факторов, которые могут оказывать влияние на образование целей и планов, и не в том, чтобы предсказывать цели, которых попытается достичь данный субъект в конкретной ситуации. Мы намерены лишь акцентировать общую роль мотивации и познания в процессе постановки целей. Поскольку вклад динамики поведения часто открыто не обсуждается, мы пытаемся показать, что постановка целей и планирование — ***это потребности*** в процессе когнитивного поиска своего выхода в поведение. Действительно, потребности являются «необходимыми взаимо-

отношениями» в поведенческом контексте. Так же, как и охотничье поведение животного является поведенческой формой пищевой потребности, постановка целей и планирование у человека — это его состояние потребности, которая стремится найти выход в поведении на когнитивном уровне функционирования, то есть это *когнитивная переработка потребностей.*

Таким образом, первый шаг в описании процесса постановки целей состоит в указании на тот факт, что мотивационная потребность активирует и направляет не только перцептивную и моторную систему индивида, но также его внутренний когнитивный потенциал. Другими словами, потребность в пище, принятии или власти заставляет человека думать, воображать, вспоминать, исследовать в той же мере, что и передвигаться. Исключение этого когнитивного аспекта поведенческого функционирования приводит к ошибочному пониманию воздействия мотивации на человеческое поведение. Состояние потребности действует у взрослых людей не только через механизм эфферентной моторной разрядки, но, главным образом, активируя и направляя его высшее познавательное функционирование, которое завершается постановкой целей и планированием. Вскоре мы укажем на специфические характеристики этих главных процессов. <...>

Первый шаг в процессе, ведущем от потребностей к целям, поведенческим проектам и действию, можно описать следующим образом. Как уже отмечалось, мотивационные состояния (потребности) активируют и регулируют когнитивное функционирование индивида. Неоднократно было показано, что потребности могут активировать когнитивное функционирование. Мотивационные состояния легче проявляют себя на репрезентативном уровне, чем во внешнем поведении. Отсутствие социального подавления и низкая степень личной вовлеченности в репрезентативное поведение, свободный доступ к символическим объектам и гибкость ментальной манипуляции делают когнитивное функционирование исключительно чувствительным к мотивационным состояниям. Таким образом, мир когнитивных репрезентаций стал для многих психологов главной лабораторией по изучению мотивации. Это можно видеть, например, в работе Мюррея и Макклеланда с тематическим апперцептивным тестом (ТАТом), а также и в более поздних исследованиях. <...>

Следует указать на то, что когнитивное функционирование индивида, активированное мотивационным состоянием, имеет в своем распоряжении «обогащенный» мир символических объектов и действий. Все, что человек видит, переживает и делает, сохраняется в хранилище информации и знаний и, в принципе, может быть восстановлено и использовано для обнаружения или конструирования целевых объектов, пригодных для потребности индивида. Более того, гибкость познавательных «манипуляций» с символическими объектами обеспечивает более эффективную исследовательскую стратегию, чем это возможно на уровне физических проб и ошибок с реальными объектами и действиями. Когнитивное хранилище информации также включает в себя знание

и переживание самого себя, то есть Я-концепцию. Благодаря осознанию себя, потребности существуют в человеке как постоянные условия его личности, а не просто как периодические состояния. Таким образом, человек мотивирован зарабатывать себе на жизнь и думать о конкретных целях и средствах, способных удовлетворить эту потребность, актуально не находясь в состоянии потребности. Через самоосознание и Я-концепцию человек познает себя как субъекта, имеющего потребность в нескольких категориях объектов.

По этой причине процесс постановки целей оказывается творческой и эффективной когнитивной стратегией, которая используется высоко развитыми живыми существами при поиске конструктивного и личностного выражения их потребностей. Прежде чем манипулировать не столь податливым материалом настоящего поведенческого мира, происходит конструирование и проверка нескольких набросков, так что выбранное конечное состояние с самого начала действия находится в поле зрения и направляет это действие. Таким образом, постановка целей — это неотъемлемая часть поведенческого функционирования индивида, определяющая некоторые из его наиболее характерных особенностей.

Укажем на следующие характеристики процесса постановки целей. Во-первых, познавательная активность, вызываемая состоянием потребности индивида, есть поисковая и конструирующая активность. Ее роль состоит в том, чтобы трансформировать общее мотивационное состояние в конкретную цель, то есть достичь чего-то конкретного. Тот же самый процесс ведет к конструированию поведенческого пути, то есть структуры «средство—цель», или плана, чтобы осуществить эту цель. Следовательно, целевой объект отличается от воображаемого продукта; это нечто, что «необходимо сделать», то есть нечто, мотивационно нагруженное и относящееся к реальному поведенческому миру удовлетворения потребностей. Более того, постановка целей и планирование — это проявления потребностного состояния как такового, на познавательном уровне прокладывающего себе путь в поведенческий мир. Следовательно, цели и планы не являются чисто когнитивными продуктами, это когнитивно-динамические структуры. Конкретное содержание цели, такой, например, как профессиональная карьера или пища, конечно, определяется ее ситуационным и культурным контекстом; здесь мы рассматриваем только процесс порождения цели.

Следует отметить, что перевод общего состояния потребности в конкретный целевой объект — главный шаг в поведенческом процессе. Хотя во многих случаях этому процессу способствуют социальное научение и ситуационные факторы, нахождение конкретной цели для удовлетворения размытой потребности — скажем, завоевания привязанности, удовлетворения амбиций, придания жизни смысла через подготовку к профессиональной карьере — это ключевые творческие шаги в саморазвитии. Возьмем, например, студентку медицинского факультета, о которой мы говорили в главе 4. Во время психоте-

рапевтического сеанса она вспомнила, что, будучи ребенком, безнадежно и настойчиво пыталась завоевать любовь своего отца и, чтобы удовлетворить эту потребность, поставила перед собой цель: сначала стать медсестрой, а потом и врачом. Последнее в контексте конкретно ее ситуации было очень необычной целью. Эта цель появилась после длительного обдумывания как результат запутанных комбинаций различной информации. Похожим образом безработный молодой инженер, который думает о своем будущем и ставит перед собой цель начать свою карьеру на маленьком заводе, следует по аналогичному пути перевода своей потребности в конкретную цель и план. Вообще можно сказать, что в поведенческом функционировании индивида в целом потребностное состояние становится познавательной проблемой, которую нужно решить. Это значит, что потребность активирует и направляет мышление субъекта. Потребность частично преобразуется в проблему: «*Что* делать? Какую конкретную цель следует достичь?». Обычно цель — это не просто объект, которого нужно достичь, но скорее что-то, что нужно осознать и осуществить в новом контексте. Мы решительно утверждаем, что в общем виде способность конкретизировать свои размытые потребности в реалистичных целевых объектах — главный элемент личностной зрелости и душевного здоровья в различные периоды жизни. Состояние потребности, которое нельзя трансформировать во «что-то реалистичное, что можно сделать или следует достичь» — то есть в поведенческую цель, — создает постоянное ощущение дискомфорта и безнадежности в детстве и отчаяние — в старшем возрасте. <...>

Конструирование поведенческих проектов или планов. Вторая стадия когнитивной переработки потребностей — это конструирование поведенческого пути, то есть структуры «средство—цель», или плана, посредством которого мотивированный индивид пытается достичь поставленной цели.

На уровне физической реальности конечное состояние или цель действия не могут быть достигнуты прежде, чем будет пройдена каждая из последовательных стадий, ведущих к этой цели. Таким образом, следование плану предшествует цели на уровне исполнения. Тем не менее, как показано в главе 2, на уровне креативного мышления цель обычно устанавливается до перехода к поведенческому пути. В самом деле, построение пути предполагает знание о цели, которой необходимо достичь. Как говорили древние философы: «Последнее из того, что должно быть исполнено, нужно учесть первым». Таким образом, оказывается, что эффективное планирование зависит от этой важной характеристики когнитивных процессов.

В конструировании поведенческих планов, по сути, участвуют те же процессы, что и в постановке целей. Именно динамизм отношенческого функционирования (то есть потребность в объекте поведения) активирует познавательное функционирование, манипулируя при этом многими поведенческими возможностями, находящимися в его распоряжении, и опробуя их. Эта творческая активность направлена на конструирование поведенческих средств, ведущих к

поставленной цели. Частью таких поведенческих проектов или планов могут быть более или менее сложные когнитивные структуры. Так, студент, которого спрашивают, почему он возвращается домой на выходные, может ответить: «Потому что я не ездил домой в прошлом месяце». На первый взгляд не видно, как негативный *факт,* а именно «неделание» чего-то, может сам по себе быть *мотивом* действия (исключая тот случай, когда данная «причина» воспринимается как часть мотивационного плана). Предположим, что более общая мотивация студента — время от времени ездить домой, чтобы удовлетворить явное желание своих родителей. Эта мотивация сама по себе включена в базовую потребность, которая связывает его с родителями. В контексте текущей ситуации студента эта базовая потребность конкретизировалась в поведенческий план ездить домой, по крайней мере, раз в месяц. Именно в контексте этого мотивационного плана тот факт, что студент не ездил домой в прошлом месяце, становится чрезвычайно серьезным мотивом сделать это на следующих выходных, которые являются последними выходными текущего месяца. Мотивация заключается не в самом негативном факте, но возникает из более общей динамики поведения, которая и приняла форму упомянутого поведенческого плана.

Здесь сложные познавательные структуры могут функционировать как мотивы — в этом случае часто называемые «причинами» — сделать что-то так или иначе или не сделать вовсе. Через эту запланированную активность базовые человеческие потребности «разветвляются» в замысловатую сеть когнитивно-динамических каналов, которые, как мы показали в главе 4, можно сравнить с капиллярами сердечно-сосудистой системы. Важно понимать, что таким образом большинство человеческих мотивов воплощаются в когнитивно-динамических структурах «средство—цель», которые в конечном счете приобретают свою динамику за счет когнитивного канализирования потребностей через поведенческие пути. Другими словами, когнитивно проложенные пути рассматриваются как поведенческие каналы, в которых находит свое выражение динамика отношенческого функционирования, то есть «потребности». Планированием или формированием поведенческих проектов называется именно это когнитивно-динамическое канализирование. В этом смысле цели и поведенческие проекты являются первой предварительной реализацией поведенческих взаимосвязей, востребованных состоянием потребности. Реализация является предварительной потому, что происходит только на когнитивном уровне функционирования, хотя в ряде случаев требуется и переход к действию.

Следует еще раз подчеркнуть, что поведенческое планирование, о котором мы ведем речь, отличается от «интеллектуальных упражнений» эксперта, проверяющего несколько возможных способов решить гипотетические проблемы поведения. В нашем случае планирование относится к индивиду, находящемуся в актуальном состоянии потребности и пытающемуся конкретизировать эту потребность в достижении конкретной цели конкретными действиями. Что-

бы избежать путаницы, я предпочитаю говорить о *поведенческих проектах*, а не планах, так как второй термин для многих психологов имеет достаточно ясную когнитивную окраску. Именно в этом когнитивно-динамическом смысле цель является «фокусированной потребностью», а план — поведенческой формой потребности на познавательном уровне функционирования.

Отметим, что фазу планирования в поведении не следует отделять — хотя необходимо отличать — от фазы выполнения поведения. Планирование и действие часто идут рука об руку, вдохновляя и корректируя друг друга. Важные цели и планы часто оформляются в ходе действия и обрабатываются только постепенно. Возьмем план карьеры, постройки дома, женитьбы, завоевания известности и т.д. Чтобы план созрел, могут пройти месяцы и даже годы. Этот процесс можно сравнить с тем, как происходит операционализация общей теоретической проблемы. Ситуационные факторы и приобретенный опыт играют главную роль в творческом мышлении и воображении. Предшествующий опыт находится в хранилище информации, доступном планирующему субъекту. Более того, процесс планирования не следует рассматривать как то, что характерно только для построения важных целей и проектов немногих избранных индивидов. Его можно наблюдать в повседневной деятельности каждого, например, это относится к плану отца помочь сыну с карьерой или к усилиям подростка выглядеть оригинально. В каждом случае поведенческий шаг создает новую проблему, для решения которой требуется, чтобы предшествующий опыт и информация были реорганизованы. Хотя используются приобретенные навыки, конкретная цель варьирует в зависимости от конкретной ситуации. Тем самым постановка целей и планирование отличаются от простого повторения ранее подкрепленных реакций. Сам факт, что поведенческие пути, ведущие к постановке целей, как и сами цели, не являются ни простым воспроизводством социально приобретенного поведения, ни врожденными паттернами реагирования, позволяет людям выражать свои базовые потребности в более или менее персонализированных формах поведения, которые образуют их личность. <...>

От поведенческих проектов к действию. На последней стадии в нашей модели «от потребностей к действию» происходит переход от «фокусированной потребности» (то есть цели и плана) к действию. Это означает переход от познавательного к исполнительному уровню поведения.

Мы показали, как познавательное функционирование индивида активируется и направляется его состоянием потребности и как когнитивная переработка потребностей завершается целями и планами действия. Тем не менее мотивационное воздействие потребности на поведенческий процесс не заканчивается постановкой цели и планированием. Подобная когнитивная переработка не удовлетворяет потребность. Обычно для достижения удовлетворения на уровне реальности функциональной системы И—С должны быть установлены «необходимые отношения». <...>

В конечном счете индивидом движет не «привлекательность» такого когнитивного образования, как цель. Как упоминалось ранее, один и тот же динамизм присущ человеческому функционированию в целом и каждому из его конкретных поведенческих потенциалов. Принимая во внимание функциональное оснащение человека, тот же самый внутренний динамизм ведет его к тому, чтобы думать *и* действовать, ставить цели *и* достигать их посредством внешнего поведения. Другими словами, базовый динамизм, лежащий в основе конкретной мотивации индивида, регулирует его общее функционирование, как на познавательном уровне, так и на внешнем поведенческом уровне; он активирует когнитивные процессы постановки целей и планирования, а также внешнее поведение, преследующее эти цели. <...>

Следовательно, проблема перехода от постановки целей к выполнению действий должна быть сформулирована в более интегративном контексте функционирования индивида.

Заключение

Итак, переработку потребностей в цели, планы и действие можно представить следующим образом. Неопределенное состояние потребности и дискомфорта, соединенное с динамизмом установления взаимосвязей с объектами среды, регистрируется индивидом как сенсорное воздействие и перерабатывается посредством таких познавательных процессов, как осознание, репрезентация, исследовательский поиск, память, воображение, умозаключения, проверка гипотез. Через активизацию этого познавательного функционирования состояние потребности постепенно трансформируется в более узкую динамическую ориентацию, определяющую на познавательном уровне, что конкретно необходимо сделать — то есть целевой объект, который необходимо достичь, и план, который необходимо осуществить. Таким образом, переработка доповеденческого состояния потребности в цели и планы в основном аналогична переработке слабого сенсорного воздействия в осмысленное восприятие конкретных ситуаций и объектов (с той оговоркой, что в динамической схеме потребности воспринимаемые объекты заменены целевыми объектами, которые нужно достичь). Таким образом, этот процесс можно описать в следующих четырех утверждениях.

1) Потребности воздействуют на человеческое поведение, не только вызывая моторные реакции «проб и ошибок», но также активируя и направляя познавательное функционирование субъекта таким образом, что подходящие для удовлетворения потребности объекты могут стать целями, которые необходимо достичь. Таким образом, цель представляет собой конкретизированную, или «сфокусированную», потребность.

2) Полностью используя свой богатый запас информации и гибкость операций, познавательное функционирование субъекта разрабатывает поведенческие структуры «средство—цель», то есть поведенческие проекты или планы, посредством которых можно достичь цели. Таким образом, план — это конкретная по-

веденческая форма, которую принимает потребность на познавательном уровне реализации.

3) Пока цель не достигнута, субъект воспринимает расхождение (несоответствие) между актуальной ситуацией и желаемой целью. Это расхождение само по себе действует на поведение не как мотивационная сила, а как информация о том, что потребность еще не удовлетворена, и, следовательно, субъект сохраняет мотивацию и должен продолжать свою целенаправленную деятельность. Несоответствие, так же как и ожидаемый результат, не заменяет мотивацию.

4) Переход от когнитивно-динамической постановки целей и планирования к внешнему поведенческому действию следует рассматривать в контексте единого функционирования живого индивида, оснащенного моторным и психическим потенциалом к выполнению действия. Единый врожденный динамизм лежит в основе обеих модальностей функционирования, хотя разные научные подходы вычленяют из общего функционирования различные характеристики.

5 *Оптимум мотивации. Закон Йеркса-Додсона*

Р. Готтсданкер

[Закон Йеркса–Додсона: Исследование научения и определение оптимального уровня его стимуляции]*

Гипотеза о максимальной (или минимальной) величине[1]

Эксперимент по исследованию научения

Экспериментаторами были Роберт Йеркс и Джон Додсон. Йеркс, который интересовался эволюционным развитием, в то время тщательно изучал любопытное маленькое животное под названием *танцующая мышь*[2]. Это название связано с тем, что иногда из-за генетического дефекта данная разновидность домашней мыши непрерывно движется по кругу или выписывает восьмерки. Кстати, позже Йеркс провел свои известные исследования на шимпанзе и призывниках на военную службу.

---

* *Готтсданкер Р.* Основы психологического эксперимента. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 278–283, 349–352. В книге представлены основные экспериментальные схемы, и два исследования, приведенные в тексте, являются примерами, соответственно, многоуровневого и факторного экспериментов. *Многоуровневый*, или мультивалентный, эксперимент – это эксперимент с несколькими (более двух) уровнями независимой переменной. *Факторный* эксперимент – это эксперимент с двумя или несколькими независимыми переменными. (*Примечание В.В. Петухова.*)

[1] «Экспериментальная гипотеза о максимальной (*или минимальной*) *величине* — предположение о том, при каком *уровне* независимой переменной зависимая переменная принимает максимальное (или минимальное) значение. Основана на представлении о двух *базисных процессах*, оказывающих противоположное действие на зависимую переменную: при достижении определенного (высокого) уровня независимой переменной «негативный» процесс становится сильнее «позитивного»; проверяется только в *многоуровневом* эксперименте» (*Петухов В.В.* Словарь экспериментатора // *Готтсданкер Р.* Основы психологического эксперимента. С. 432).

[2] См.: *Yerkes R.M.* The Dancing Mouse. N.Y.: Macmillan, 1907.

В эксперименте 1908 г. у мыши вырабатывался навык, основанный на различении черного и белого. Перед мышью находились две двери в два туннеля. В каждой пробе мышь осторожно вынуждали войти в тот или другой туннель, постепенно уменьшая с помощью листа картона пространство камеры перед туннелями. Стены и потолок одного туннеля, как и пространство перед входом в него, были выложены белым картоном. Второй туннель аналогичным образом выстилался черным картоном. Пол каждого туннеля представлял собой проволочную сетку. Только в том случае, когда мышь входила в *белый* туннель, через сетку пропускался ток. Пройдя через любой туннель, мышь попадала в свою камеру-гнездо, где ее ожидала мышь противоположного пола. Так что страдание экспериментального животного компенсировалось состраданием.

Мышь не могла научиться избегать удара тока, просто ориентируясь на правую или левую сторону, поскольку местоположение белого и черного туннеля менялось в случайном порядке от пробы к пробе. С каждым животным ежедневно проводилось по 10 проб. Тренировки продолжались до тех пор, пока животное не совершало все пробежки в течение трех дней подряд без ошибок. Например, самец № 128 смог это сделать на 16, 17 и 18-й дни. Очевидно, он научился различать черное и белое к концу 15-го дня. Поэтому можно было считать, что данное животное достигло *критерия* научения после 150 проб — ведь ежедневно было по 10 проб.

Разным мышам подавали ток различной силы. Он измерялся в условных «единицах стимуляции». *Слабый* уровень (125 единиц) почти не замечался мышью. «*Сильный* стимул (500 единиц) был крайне неприятен даже самим экспериментаторам, и мыши *также* энергично реагировали на него»[3]. *Средний*

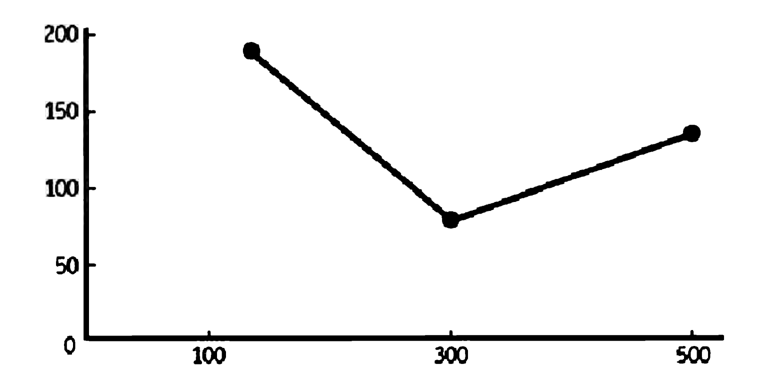


Рис. 1. Влияние силы электроудара на успешность научения (опыты на танцующих мышах):

ось абсцисс — сила электроудара (в условных единицах);
ось ординат — среднее количество проб, необходимых для достижения критерия успешного решения задач

[3] См.: *Yerkes R.M., Dodson J.D.* The relation of strength of stimulus to rapidity of habit formation // Journal of Comparative Neurology and Psychology. 1908. Vol. 18. P. 467–468.

уровень составлял 300 единиц. Действие каждого уровня электроудара исследовалось на четырех мышах — двух самках и двух самцах. В качестве зависимой переменной было выбрано среднее число проб, необходимых для достижения критерия научения всеми четырьмя мышами. Результаты показаны на рис. 1. Видно, что *минимальное* значение зависимой переменной, 80 проб, было получено при *промежуточном* уровне независимой переменной, 300 единицах стимуляции. На самом деле научение при самой слабой стимуляции было даже хуже, чем показано, поскольку одна из четырех мышей так и не научилась различать черный и белый туннели, и ей условно приписали 200 проб, ибо после них эксперимент прекратился.

Конечно, использование только трех уровней независимой переменной с трудом позволяет квалифицировать эксперимент как многоуровневый. Это беспокоило и Йеркса и Додсона: «Следует иметь в виду, что поскольку использовалось только три интенсивности стимула <...> возможно, наиболее благоприятная сила стимуляции обнаружена не была»[4].

Прогресс в понимании

Существует множество экспериментов, в которых гипотеза максимума или минимума вполне оправдана. Между прочим, не нужно считать, что термины *максимум* и *минимум* означают в этих экспериментах разное. Если бы в эксперименте Йеркса и Додсона мерой научения служило число правильных ответов, то при 300 единицах стимуляции достигался бы *максимум*. <...>

Одним из оснований гипотезы максимума (или минимума) является теория двух противоположных основных процессов, определяемых независимой переменной. Причем «негативный» процесс при достижении высокого уровня становится сильнее «позитивного». <...>

Можно показать, что танцующая мышь, учившаяся избегать удара током, <...> должна была различать два туннеля и ассоциировать туннель с ударом тока или его отсутствием. По свидетельству Йеркса и Додсона, различение было плохим при слишком сильном ударе. «Поведение мышей менялось по мере усиления стимуляции. При сильной стимуляции они выбирали не менее быстро, чем при слабой, однако в первом случае они были менее осторожны и действовали с меньшей осмотрительностью и уверенностью»[5]. Таким образом, различение стимулов (черного и белого) ухудшалось с увеличением силы удара. Ассоциирование же белого туннеля с ударом (при состоявшемся различении) могло с усилением удара только усиливаться. Следовательно, здесь снова должен был существовать некоторый уровень независимой переменной (силы удара), оптимальный для дискриминационного научения.

[4] См.: *Yerkes R.M., Dodson J.D.* The relation of strength of stimulus to rapidity of habit formation // Journal of Comparative Neurology and Psychology. 1908. Vol. 18. P. 482.

[5] См.: Там же. P. 476.

Наверное, некоторые из вас уже предвосхитили дальнейшее рассуждение. Оно состоит в том, что более сложное различение требует большей осторожности и осмотрительности, чем простое. Это означает, прежде всего, что оно протекает медленнее. Более того, оптимальным для его освоения будет удар, более слабый, чем для простого различения. Как раз такие результаты и получили исследователи в своей дальнейшей работе. Вот их заключение: «По мере увеличения сложности различения интенсивность стимула, оптимальная для формирования навыка, приближается к порогу»[6]. Эта зависимость сегодня известна под названием *закона Йеркса—Додсона.* <...>

Проверка комбинированных гипотез[7]

С появлением факторных схем в технике экспериментирования совершается еще один шаг вперед. Теперь исследователи попытаются проверять гипотезы о том, каким образом влияют на поведение сразу две независимые переменные, сочетаясь друг с другом. Есть немало примеров, когда мы совершенно уверены, что данная деятельность определяется не единственной независимой переменной. Еще до экспериментов Йеркса и Додсона[8] было известно, что на количество проб, необходимых для научения, будет влиять как сила электроудара, так и трудность различения стимулов. <...> У Йеркса и Додсона были основания для конкретного предположения об отношении между ***комбинациями*** силы электроудара и трудности различия, с одной стороны, и количеством проб, необходимых для достижения критерия научения, — с другой. <...>

Закон Йеркса–Додсона: определение оптимального уровня

<...> Йеркс и Додсон повторили свой эксперимент, введя новые условия, затруднявшие и облегчавшие различение стимулов. Различение облегчали, сокращая доступ света в черный туннель и делая его тем самым еще чернее, а затрудняли, сокращая доступ света в белый туннель, так что он больше походил на черный.

---

[6] См.: *Yerkes R.M., Dodson J.D.* The relation of strength of stimulus to rapidity of habit formation // Journal of Comparative Neurology and Psychology. 1908. Vol. 18. P. 481.

[7] «Комбинированная экспериментальная гипотеза – предположение об отношении между определенным ***сочетанием (комбинацией)*** двух (или нескольких) независимых переменных, с одной стороны, и зависимой переменной – с другой <...>; проверяется только в ***факторном*** эксперименте» (***Петухов В.В.*** Словарь экспериментатора // ***Готтсданкер Р.*** Основы психологического эксперимента. С. 432).

[8] См.: *Yerkes R.M., Dodson J.D.* The relation of strength of stimulus to rapidity of habit formation // Journal of Comparative Neurology and Psychology. 1908. Vol. 18. P. 459–482.

Затем отдельным группам мышей давали задачи с легким различением (при пяти разных уровнях электроудара) и с трудным различением (четыре уровня электроудара). По каждой группе определяли количество проб, необходимых для достижения критерия успешного решения задач. Все полученные результаты, в том числе и те, что уже были представлены <...> для задач средней трудности (рис. 1), показаны на рис. 2. Очевидно, что основной результат воздействия переменной трудности различения очень высокий. Выделяются следующие общие закономерности: во-первых, при всех уровнях интенсивности электроударов быстрее всего научение протекало в тех случаях, когда различать туннели было легко. Во-вторых, можно говорить о некотором преимуществе при сильных ударах: правые ветви каждого из графиков несколько ниже левых. Однако по-настоящему интересно именно взаимодействие между двумя независимыми переменными, силой электроудара и трудностью различения. Гипотеза, о которой мы говорили <...>, подтвердилась. Мы уже знаем, что для задач средней трудности минимальное количество проб, необходимых для успешного научения, приходится на силу удара в 300 единиц. Теперь мы видим также, что для задач с трудным различением этот минимум наступает при более слабом ударе — 195 единиц. И наконец, для самых легких задач результаты продолжают улучшаться даже при 420 единицах; весьма вероятно, что при еще более сильном ударе мыши будут научаться еще быстрее.

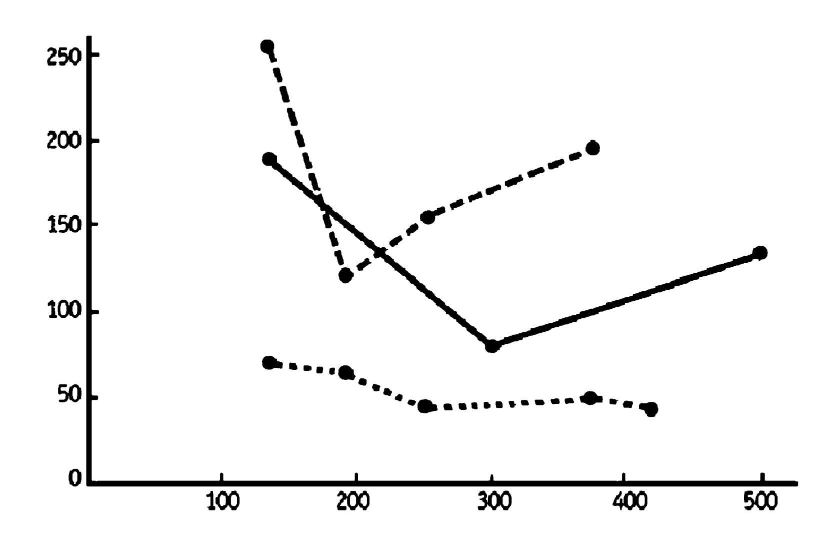


Рис. 2. Влияние силы электроударов на успешность научения при различных уровнях трудности задач (опыты на танцующих мышах):
I — трудные, II — средние и III — легкие задачи;
ось абсцисс — сила электроудара (в условных единицах);
ось ординат — среднее количество проб, необходимых для достижения критерия успешного решения задач

П. Фресс

Оптимум мотивации*

Оптимум мотивации. Идея оптимума мотивации, в сущности, столь же стара, как и человеческая мысль, и моралисты всегда осуждали чрезмерные страсти, из-за которых человек терял контроль над собой.

Поэтому психологи разных стран признавали, что интенсивная стимуляция отрицательно сказывается на нашей эффективности, точнее говоря, на адаптации к задачам, которые непрерывно ставит перед нами среда. Как говорил в 1920 г. Пьерон,

> объективно эмоция, видимо, характеризуется также довольно сильной диффузной реактивностью, которая выходит за рамки ответов, непосредственно соответствующих возбуждению[1].

Даже психологи, признающие континуум активации, отмечают это нарушение адаптации, возникающее, когда интенсивность ситуации становится слишком сильной. Так, Линдслей[2] показал, что, когда активация становится чрезмерной, эффективность человека ухудшается, появляются признаки дезорганизации и ослабления контроля. Однако экспериментальное доказательство существования оптимума мотивации было получено гораздо позже ввиду трудностей экспериментального изучения эмоций. Первые работы, в которых был выявлен этот оптимум, не касались собственно эмоций, но они установили зависимость между показателем активации и качеством исполнения. Йеркс и Додсон[3] были первыми, кто обнаружил оптимум мотивации у животных. В

* Экспериментальная психология / Ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. М.: Прогресс, 1975. Вып. V. С. 120–125.

[1] См.: *Piéron H.* De l'actinie à l'homme. Paris: P.U.F., 1959. Vol. 2. P. 149.

[2] См.: *Lindsley D.B.* Psychophisiology and motivation // Jones M.R. Nebraska symposium on motivation. Lincoln: Univ. Nebr. Press, 1957. P. 44–104.

[3] См.: *Yerkes R.M., Dodson J.D.* The relation of strength of stimulus to rapidity of habit formation // J. comp. neurol. Psychol. 1908. Vol. 18. P. 458–482.

следующем параграфе мы вернемся к их важному вкладу в науку. Однако их работы не сразу получили признание. Даффи[4] установила, что результаты детей, которые были чрезмерно напряжены (напряжение измерялось с помощью динамографа), оказались хуже. Она вновь высказала мысль о существовании оптимума напряжения, зависящего от задачи и индивидов.

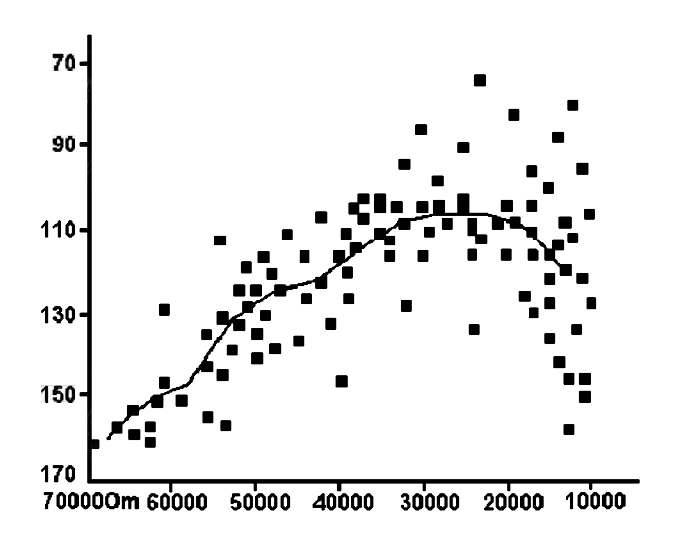


Рис. 1. Соотношение между величиной сопротивления кожи ладони и временем реакции у испытуемого в различных состояниях бодрствования[5]

Наиболее важный эксперимент был поставлен Фрименом[6]. Он измерял у одного испытуемого время реакции и одновременно уровень сопротивления кожи (КГР). Эти измерения, сделанные на протяжении нескольких дней и в разное время суток, дали результаты, представленные на рис. 1. На нем отчетливо виден оптимум активации. Шлосберг[7], сомневаясь в этом, повторил эксперимент, измеряя помимо времени реакции тремор руки (амплитуду дрожания); сопоставив эти два измерения с сопротивлением кожи, он получил ту же самую кривую с максимумом.

С этими результатами изучения спонтанного континуума активации, оцениваемой по физиологическим показателям, следует сопоставить данные, свидетельствующие о том, что с усилением мотивации повышается качество исполнения, но до определенного предела: если она слишком велика, исполнение ухудшается.

---

[4] См.: *Duffy E.* The relationship between muscular tension and quality of performance // Amer. J. Psychol. 1932. Vol. 44. P. 535–546.

[5] По: *Freeman G.L.* The relationship between performance level and bodily activity level // J. exp. Psychol. 1940. Vol. 26. P. 606.

[6] См. Там же. P. 602–608.

[7] См.: *Schlosberg H.* Three dimensions of emotions // Psychol. Rev. 1954. 61. P. 81–88.

Это можно наблюдать и в повседневной жизни. Учащиеся теряются на экзамене, военным хорошо известно, что войска лучше маневрируют на учениях, чем в бою. Установлено, что в бою лишь треть солдат стреляет по команде.

Исследование Стеннетта[8] показывает отношение между активацией, мотивацией и исполнением. Задача была на слуховое слежение (tracking): испытуемый должен был поворачивать ручку так, чтобы исчез звук, при этом точка, соответствующая нулю, периодически перемещалась программистом. После обучения испытуемого вводились три уровня мотивации:

1) слабая мотивация: задача представлялась как калибровка прибора;

2) средняя: небольшие вознаграждения за успехи;

3) сильная: большое вознаграждение за успех, электрические удары за неудачу.

Активация, измеряемая по КГР и тонической активности (ЭМГ активной и неактивной руки), увеличивалась от ситуации 1 к ситуации 3, однако лучшие результаты были получены в ситуации 2.

Фримен[9] обобщил эти результаты и представил их в виде кривой (рис. 2). Он явно связывает ухудшение эффективности с эмоциональной реакцией, чего не было в прежних исследованиях, в которых сильная активация, измеряемая по мышечному напряжению или уменьшению сопротивления кожи, означала только факт превышения оптимума мотивации.

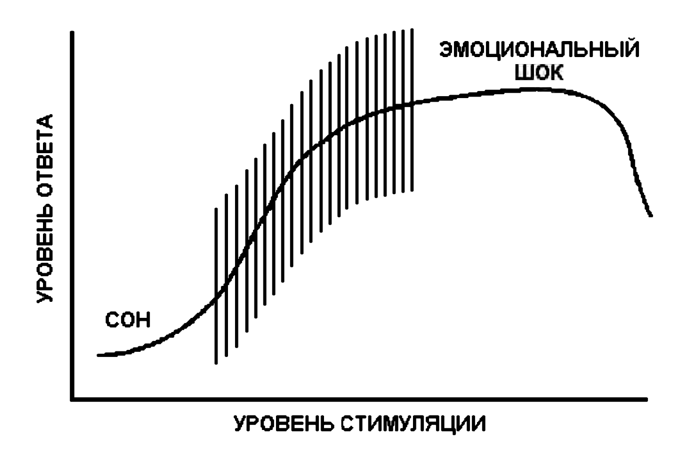


Рис. 2. Оптимум реакции[10]

Если точно воспроизвести схему Фримена, то нельзя согласиться со способом выражения переменных, отложенных им на ординатах и особенно на абсциссах. Если принять его формулировку, которая объясняется общей кон-

[8] См.: *Stennet R.G.* The relationship of performance level and to level of arousal // J. exp. Psychol. 1957. 54. P. 54–61.

[9] См.: *Freeman G.L.* The energetics of human behavior. Cornell Univ. Press., 1948. P. 112.

[10] По: *Freeman G.L.* The energetics of human behavior. Cornell Univ. Press., 1948. P. 114.

цепцией автора, то окажется, что то, что мы назвали уровнем активации, будет просто энергетическим эффектом стимуляции. Эта узкобихевиористская точка зрения не согласуется с психологическими фактами и даже с данными нейрофизиологии, которые показывают, что стимуляции воздействует на ретикулярную формацию в зависимости от чувствительности субъекта.

Хебб[11] подчеркивает, что ситуация оказывает двоякое действие на нервную систему. Она дает субъекту информацию (cue function), а также посредством восходящей ретикулярной системы определяет уровень активации (arousal). Если этот уровень повышается и более сложная ситуация требует более тонкой адаптации, то происходит взаимодействие двух систем (cue function и arousal) и при наличии тревожных и эмоциональных реакций наблюдается ухудшение исполнения. Таким образом, Хебб получил кривую, которая имела такую же форму, что и кривая Фримена, хотя он стоял на совершенно иной позиции.

Мальмо[12] также предложил аналогичную кривую, устанавливая зависимость непосредственно между уровнем исполнения и уровнем активации. Ухудшение исполнения при сильной активации, очевидно, связано с природой задачи: замедленные реакции в задачах, требующих быстроты; неловкость, когда надо быть точным; более медленное научение, более низкое качество интеллектуальных решений. Нарушение адаптации может выражаться не только в количественной, но и качественной форме, и, в частности, наблюдается ухудшение во всех областях деятельности. <...>

Вариации оптимума. Закон Йоркса—Додсона. Оптимум мотивации изменяется, очевидно, при каждой задаче. Йоркс и Додсон провели в 1908 г. важный эксперимент, который дал одинаковые результаты на крысах, цыплятах, кошках и человеке. Задача состояла в различении двух яркостей, при этом один из ответов произвольно оценивался как неправильный. Задача была более или менее сложной и предполагала три уровня трудности различения. Кроме того, предусматривались три уровня мотивации, а именно: слабый, средний или сильный электрический удар как наказание за ошибки.

Общие результаты представлены на рис. 3. На абсциссе отложены уровни силы электрического удара, на ординате — число проб, необходимых для достижения одного и того же критерия хорошего различения. Три кривые соответствуют трем уровням трудности задачи. Они показывают, что в каждом случае имеется оптимум мотивации, при котором научение является наиболее быстрым. Однако результаты свидетельствуют также о том, что этот оптимум зависит и от трудности задачи, поэтому закон Йеркса—Додсона можно сформулировать следующим образом: «С увеличением трудности задачи интенсивность наказания, определяющаяся оптимальную скорость научения, должна приближаться

---

[11] См.: *Hebb D.O.* Drives and the conceptual nervous system // Psychol. Rev. 1955. Vol. 62. P. 243—254.

[12] См.: *Malmo R.B.* Activation. A neuropsychological dimension // Psychol. Rev. 1959. Vol. 66. P. 367—386.

к пороговой величине». Это означает, что в случае трудной задачи оптимум достигается при слабой мотивации, тогда как при легкой задаче он соответствует сильной мотивации. Очевидно, что при легкой задаче избыточная мотивация не вызывает нарушений поведения, но такая возможность возникает при трудных задачах.

Рис. 3. Схема, иллюстрирующая закон Йеркса—Додсона[13]

Такие же результаты были получены Хаммесом[14] и Бродхерстом[15] на крысах. Другие исследования показали, что усиление возбуждения, или в более общей форме мотивации, влечет за собой ухудшение исполнения.

Так, Кардо[16] изучал влияние амфетамина на условную реакцию избегания у крыс. Он установил, что слабые дозы улучшают эту реакцию, тогда как сильные вызывают беспорядочные ответы.

[13] По: *Young P.T.* Emotion in man and animal. N.Y.: Wiley, 1943. P. 307.

[14] См.: *Hammes J.A.* Visual discrimination learning as a function of shock fear and task difficulty // J. comp. physiol. Psychol. 1956. Vol. 49. P. 481–484.

[15] См.: *Broadhurst P.L.* Emotionality and the Yerkes–Dodson Law // J. exp. Psychol. 1957. Vol. 54. P. 345–352.

[16] См.: *Cardo B.* Rapports entre le niveau de vigilance et le conditionnement chez l'animal. Etude pharmacologique et neurologique. Paris: Masson, 1961.

Еще одним подтверждением этого закона являются результаты Патрика[17], полученные на человеке. Испытуемого помещали в кабину с 4 дверями, из которой он должен был как можно быстрее найти выход. Для этого нужно было определить дверь, которая не запиралась, причем место искомой двери менялось в случайном порядке, но никогда не повторялось два раза подряд. Следовательно, логического решения задачи не существовало, однако испытуемый мог найти более или менее рациональную стратегию. Если усиливали мотивацию испытуемого (в кабине сверху сыпались гвозди или пропускался слабый электрический ток через пол), решения становились менее рациональными, более стереотипными и в конечном счете неэффективными.

[17] См.: *Patrick J.R.* Studies in rational behavior and emotional excitement: the effect of emotional excitement on rational behavior of human subjects // J. comp. Psychol. 1934. Vol. 18. P. 153–195.

6 *Экспериментальные исследования мотивации*

Г. Глейтман,
А. Фридлунд,
Д. Райсберг

[Мотивы голода и угрозы]*

Голод

<...> Всем животным необходимо есть, и большая часть их жизни вращается вокруг пищи — ее поиск, охота за ней, ее поглощение и приложение максимальных усилий к тому, чтобы не стать пищей для других. Все эти действия, безусловно, имеют жизненную важность для поддержания гомеостаза, поскольку пополняют запас питательных веществ во внутренней среде организма. Какие же механизмы заставляют животное есть и прекращать прием пищи? <...>

Сигнал к еде

Что лежит в основе чувства голода и желания поесть? Когда мы чувствуем себя сытыми и прекращаем трапезу? Большинство из нас не встает на весы, чтобы определить количество пищи, которое необходимо съесть (и, разумеется, этого никогда не делают животные). Вместо этого мы поддерживаем нормальную массу своего тела, полагаясь на множество внутренних сигналов, говорящих о состоянии питательных запасов нашего организма. Некоторые из этих сигналов показывают состояние кратковременных источников энергии, используемых при возникновении опасности и других всплесках активности, другие — состояние долговременных источников, необходимых при длительном напряжении.

Сигналы из печени

Основным источником информации о потребности в восполнении питательных веществ является печень, которая выполняет важнейшую функцию определения

* *Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д.* Основы психологии. СПб.: Речь, 2001. С. 96–119.

и контроля основного питательного элемента, используемого для кратковременных затрат энергии: глюкозы.

Сразу после приема пищи глюкоза поступает в кровь. Некоторая ее часть сразу же используется организмом, а другая превращается в *гликоген* (часто называемый животным крахмалом) и различные жирные кислоты, которые сохраняются для последующего употребления. Этот процесс идет в обратном направлении, когда организм испытывает потребность в этой законсервированной энергии. Тогда гликоген и жирные кислоты превращаются в необходимую глюкозу.

Печень управляет этим двусторонним процессом и информирует другие органы о том, в каком направлении происходит метаболизм — глюкоза перерабатывается в гликоген и жирные кислоты или наоборот. Если организм начинает откладывать запас (наличие превышает потребность, поэтому излишек может быть переработан в гликоген), печень посылает сигнал о насыщении и животное прекращает есть. Если организм осуществляет воспроизводство глюкозы (потребность превышает наличие, поэтому используются резервы), печень передает сигнал о голоде и животное начинает есть (рис. 1). Роль печени видна в эксперименте с голодными собаками, которым делали инъекцию глюкозы. Когда глюкозу вводили в вену, ведущую непосредственно к печени, собаки прекращали есть. Когда глюкозу вводили в вену, ведущую к другой области, соответствующего эффекта не наблюдалось[1].

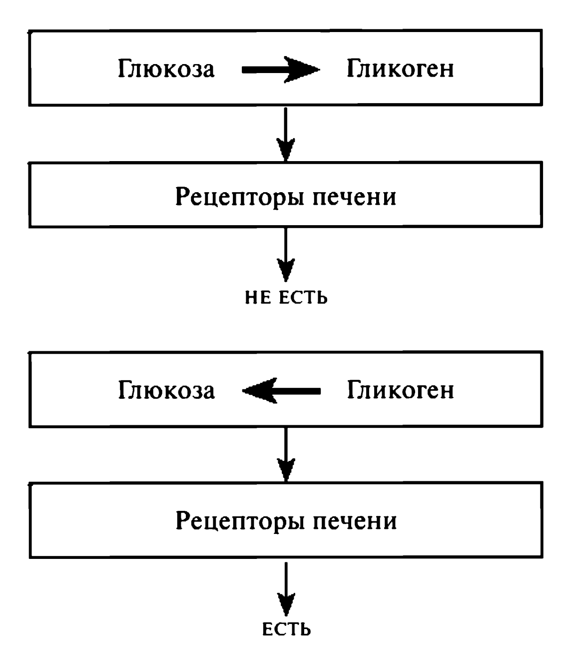


Рис. 1. Связь глюкозо-гликогенового баланса с печенью и питанием

[1] См.: *Russek M.* Hepatic receptors and the neurophysiological mechanisms controlling feeding behavior // Neurosciences Research. Vol. 4. / S. Ehrenpreis (Ed.). N.Y.: Academic Press, 1971; *Friedman M.I., Stricker E.M.* The physiological psychology of hunger: A physiological perspective // Psychological Review. 1976. Vol. 83. P. 409–431.

Заметим, однако, что эта система регуляции должна действовать со значительным опозданием. Представьте, что печень до тех пор не дает сигнала к началу еды, пока уровень глюкозы в крови не опустится. Поскольку пищевой метаболизм — процесс медленный, будет достаточно большой разрыв между моментом подачи сигнала «нужна глюкоза!» и моментом, когда необходимое пополнение поступит. Эта ситуация может быть опасной для организма, и поэтому должна быть исключена. Печень должна предвосхищать будущую потребность организма, следовательно, пища должна поступать заранее.

Как же печень определяет нужное время? Это происходит при помощи сигналов, информирующих ее о повышении и понижении уровня глюкозы в крови: когда пища не поступает в организм в течение некоторого времени, этот уровень начинает падать. До того как этот уровень упадет слишком низко, печень начинает извлекать гликоген из запаса и перерабатывать его в глюкозу. В результате уровень глюкозы в крови возвращается к норме. Этот процесс имеет ярко выраженные признаки: вслед за постепенным снижением уровня глюкозы, продолжающимся обычно достаточно долго, следует резкий скачок, причиной которого является компенсаторная деятельность печени.

Эта симптоматика медленного спада — быстрого роста не означает, что запас энергии исчерпан; она показывает, что организм использовал свои резервы и что наступило время пополнить их. Когда эти изменения уровня глюкозы происходят у крыс, животные начинают есть[2]. Когда это происходит с людьми, они также говорят, что голодны и хотели бы что-нибудь съесть.

Внутренние сигналы

Мозговые рецепторы. Печень — лишь один из компонентов в системе, регулирующей прием пищи. Многие исследователи считают, что и сам мозг содержит клетки, чувствительные к уровню глюкозы в крови, и концентрируются эти клетки в структуре, так много значащей для процесса гомеостаза, — в гипоталамусе. Доказательства существования таких рецепторов были получены в эксперименте, в котором гипоталамус подвергли химической обработке, в результате чего его клетки стали невосприимчивыми к глюкозе. Это привело к чрезвычайному обжорству. Возникшее в результате обработки «молчание» рецепторов было расценено мозговыми механизмами как показатель энергетического дефицита, что и привело к необходимости срочно поесть[3].

Желудочные рецепторы. Мы выяснили, почему животные начинают есть. Но что заставляет их остановиться? Мозговые рецепторы не могут быть причиной, так как они реагируют на недостаток глюкозы в крови, который не может

---

[2] См.: *Campfield L.A., Smith F.J.* Transient declines in blood glucose signal meal initiation // International Journal of Obesity. 1990. Vol. 14. P. 15–33.

[3] См.: *Miselis R.R., Epstein A.N.* Feeding induced by 2-deoxy-D-glucose injections into the lateral ventrical of the rat // Physiologist. 1970. Vol. 13. P. 262.

быть устранен до того, пока пища хотя бы частично не переварится. Однако животные прекращают есть задолго до этого. Почему?

Распространенное мнение, что мы едим, пока не наполним желудок, верно лишь отчасти. Животное перестанет есть, когда его желудок наполнен лишь частично, если пища была калорийной, и оно будет продолжать есть, если желудок наполнен некалорийной массой того же объема. Это означает, что стенки желудка имеют рецепторы, чувствительные к питательным веществам, растворенным в пищевой массе. Эти рецепторы посылают сигнал в мозг о том, что норма питания получена, а следствием является чувство сытости[4].

Импульсы жировой ткани. Поскольку животное не может быть уверено, что пища будет в наличии в следующий раз, когда понадобится энергия, оно удовлетворяет не только сиюминутную потребность в еде. Оно потребляет пищу в количестве, достаточном как для текущих нужд, так и для создания питательного потенциала на будущее. Для создания запаса животные используют жировые клетки своего организма. Эти клетки усваивают жирные кислоты, выработанные печенью, и за счет этого растут. При необходимости жирные кислоты выделяются из жировой ткани в кровь и перерабатываются в глюкозу.

Хотя жировая ткань рассматривалась обычно как пассивный запас, теперь выяснилось, что жировые клетки также влияют на чувство голода. Они производят вещество, называемое лептином, которое выделяется в кровь и оказывает действие на рецепторы гипоталамуса и областей, прилегающих к кровеносным сосудам мозга[5]. Некоторые ученые предполагают, что лептин производит сигналы, говорящие о том, что жира в запасе достаточно и нет нужды его пополнять, и это, возможно, уменьшает потребность в пище. Тот факт, что определенные виды мышей, для которых характерно врожденное ожирение, значительно теряют в весе при инъекциях лептина, подтверждает эту гипотезу[6]. Исследователи предполагают выяснить действие лептина на гипоталамус, а также определить, могут ли лептин и его близкие заменители быть полезными при лечении некоторых видов ожирения у людей.

Сигналы из окружающей среды

Люди и животные питаются, чтобы сохранить гомеостаз; другими словами, они едят, когда организм требует пищи. Но они едят и побуждаемые другими причинами. Например, внешние раздражители, скажем, запах жареного мяса, мо-

---

[4] См.: *Deutsch J.A., Puerto A., Wang M.L.* The stomach signals satiety // Science. 1978. Vol. 201. P. 165-167.

[5] См.: *Maffei M., Hallaas J., Ravussin E. et al.* Leptin levels in human and rodent: Measurement of plasma leptin and ob RNA in obese and weight reduced subjects // Nature Medicine. 1995. Vol. 1. P. 1155–1161; *McGregor G.P., Desaga J.E., Enlenz K. et al.* Radiommunological measurement of leptin in plasma of obese and diabetic human subjects // Endocrinology. 1996. Vol. 137. P. 1501–1504.

[6] См.: *Pelleymounter M.A. Cullen M.J., Baker M.B. et al.* Effects of the obese gene product on body weight regulation in ob/ob mice // Science. 1995. Vol. 269. P. 540–543.

жет быть весьма сильным побудителем к началу еды. Важное значение имеет и время суток: организм более настроен на еду в привычное время. Курица, уже насытившаяся зерном, продолжает клевать его, если кормится рядом с другими курицами, которые еще голодны[7].

Эффективность внешних стимулов напрямую зависит от внутреннего состояния организма. Если мы только что съели слишком сытный обед или у нас болит живот, даже вкуснейший десерт больше не будет нас волновать. Эти общеизвестные истины могут быть подтверждены и в лаборатории: в серии исследований ученые вживляли обезьянам электроды в гипоталамус и обнаружили группы нейронов, которые возбуждались только тогда, когда обезьяне показывали орех или банан, причем эта реакция наблюдалась только у голодной обезьяны. Если животное сначала кормили досыта, а затем показывали ему пищу, нейроны гипоталамуса оставались невозбужденными. Оказалось, что, по крайней мере для гипоталамуса, глаз значит не больше, чем желудок[8].

Тот факт, что привлекательность пищи зависит от степени голода, вновь обращает наше внимание на механизм действия любого мотива — потенцирование определенной реакции. В конце концов, животные никак не могут знать, что конкретно нужно их организму в данный момент; ни они, ни большинство из нас никогда не читали книг по физиологии системы пищеварения. Но, к счастью, природа заложила в их (и в нашу) нервную систему эту информацию таким образом, что конкретные потребности управляют восприятием, делая пищу особенно привлекательной для голодного. То, что самый приятный десерт становится непривлекательным после двух или трех порций, лишний раз демонстрирует движущую силу мотивов, которые влияют на наши чувства не меньше, чем на наши действия.

Центры гипоталамической регуляции

Теперь мы знаем, что существует множество сигналов к принятию пищи; одни из них поступают из печени, другие — из желудка и жировых тканей, и еще одна часть сигналов зависит от уровня питательных веществ в крови. Естественно было бы предположить, что эти разнообразные сигналы интегрируются в некотором центре нервной системы, где принимается окончательное решение — есть или не есть. В течение многих лет главным претендентом на роль такого центра считался гипоталамус, который, как известно, является к тому же регулятором температуры тела и водного баланса. Физиологами была разработана теория двустороннего гипоталамического контроля питания, которая аналогична системе температурного контроля. Она постулирует существование двух центров-антагонистов, один из которых связан с голодом, другой — с насыщением.

---

[7] См.: *Bayer E.* Beitrage zur Zweitkomponententheorie des Hungers // Zeitschrift der Psychologie. 1929. Bd. 112. S. 1–54.

[8] См.: *Mora F., Rolls E.T., Burton M.J.* Modulation during learning of the responses of neurons in the lateral hypothalamus to the sight of food // Experimental Neurology. 1976. Vol. 53. P. 508–519.

Два центра регуляции питания

Согласно теории двустороннего контроля, гипоталамус содержит блоки, «включающие» и «выключающие» процесс приема пищи. Центр «включения» предположительно находится в боковой части гипоталамуса; он действует как центр голода, т.е. его возбуждение приводит к началу приема пищи. Другой центр находится в его вентромедиальной (центральной) части и включает механизм, прекращающий прием пищи.

Эти выводы были сделаны на основе данных о различных нарушениях головного мозга. Крысы с поврежденной боковой частью гипоталамуса страдали от *афагии* (от греч. недоедание). Они отказывались есть и пить и умерли бы от голода, если бы их принудительно не кормили через трубку[9]. Примечательно, что со временем происходило заметное восстановление функции. После нескольких недель животные снова начинали есть, особенно если им предлагали соблазнительные деликатесы вроде гоголя-моголя[10].

Повреждения вентромедиальной части приводили к совершенно противоположному результату. Животные с такими повреждениями страдали *гиперфагией* (от греч. переедание). Они становились ненасытными и ели бесконечно. Если повреждение было обширным, крысы превращались в настоящие горы жира, достигая массы, в 3 раза превышающей дооперационную. Опухоли в этой части гипоталамуса, хотя и очень редки, приводят к такому же результату у людей[11].

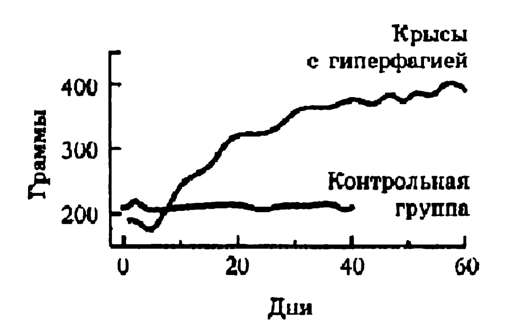


Рис. 2. Гиперфагия

Кривая показывает набор массы тела у крыс с гиперфагией после операции, нарушающей работу гипоталамуса. Впоследствии масса устанавливается на новом уровне[12]

---

[9] См.: *Teitelbaum P., Stellar E.* Recovery from failure to eat produced by hypothalamic lesions // Science. 1954. Vol. 120. P. 894–895.

[10] См.: *Teitelbaum P., Epstein A.N.* The lateral hypothalamic syndrome: Recovery of feeding and drinking after lateral hypothalamic lesions // Psychological Review. 1962. Vol. 69. P. 74–90.

[11] См.: *Miller N.E., Bailey C.J., Stevenson J.A.F.* Decreased «hunger» but increased food intake resulting from hypothalamic lesions //Science. 1950. Vol. 112. P. 256–259.

[12] См.: *Teitelbaum P.* Sensory control of hypothalamic hyperphagia // Journal of Comparative and Physiological Psychology. 1955. Vol. 48. P. 156–163.

Хотя повреждения вентромедиальной части и приводят к быстрому набору массы тела, этот процесс прекращается через месяц или два. После этого масса животного остается постоянной на новом уровне, который намного превышает прежний (рис. 2). Животное ест достаточно для того, чтобы поддерживать эту массу, но не больше[13]. Это означает, что повреждение приводит к сдвигу верхнего уровня в регуляции массы тела — уровня, который служит чем-то вроде ориентира при приеме пищи. Как мы увидим ниже, эта интерпретация может быть применима к некоторым аспектам ожирения у людей.

Новый взгляд на теорию двусторонней регуляции питания

Теория двусторонней регуляции питания поддерживала идею двух управляющих центров на протяжении нескольких десятилетий. Однако последние годы доказали ее несостоятельность, отчасти благодаря нейрохимическим исследованиям, показавшим, что все не так просто, как кажется. К примеру, рассмотрим роль боковой части гипоталамуса в процессе питания. Действительно, некоторые нейрохимические соединения, называемые *орексинами*, при введении в мозг вызывают желание поесть, и они вырабатываются именно в этой части гипоталамуса[14]. Однако были открыты еще одни соединения, *нейропептиды* Y, которые оказались весьма сильными стимуляторами аппетита[15], настолько сильными, что инъекция в мозг даже совершенно сытой крысы заставляла ее снова приниматься за еду[16]. Нейропептиды Y оказывали наибольший эффект в стороне от боковой части гипоталамуса, так что эту часть вряд ли можно назвать «главным центром питания».

Другая проблема касается нарушений в центральной части гипоталамуса. В соответствии с теорией двусторонней регуляции, крысы с повреждениями в этой части переедали из-за нарушения механизма, прекращающего еду. Но данные повреждения вызывают усиленную работу парасимпатического отдела АНС, который стимулирует перепроизводство инсулина, а он, в свою очередь, увеличивает долю полезных питательных веществ, особенно глюкозы, превращаемых в жир и переводимых в жировые ткани. Короче говоря, откладывается в запас так много, что не удается обеспечить процесс метаболизма. В результате животное чувствует себя голодным и вынуждено есть все больше и больше, чтобы

[13] См.: *Hoebel B.G., Teitelbaum P.* Weight regulation in normal and hyperphagic rats // Journal of Physiological and Comparative Psychology. 1976. Vol. 61. P. 189–193.

[14] См.: *Sakuriam T., Amemiya A., Ishii M. et a*l. Orexin and orexin receptors: A family of hypothalamic neuropeptides and G protein-coupled receptors that regulate feeding behavior // Cell. 1998. Vol. 92. P. 573–582.

[15] См.: *Gibbs W.W.* Gaining on fat // Scientific American. 1996. Vol. 275. P. 88–94.

[16] См.: *Stanley B.G., Magdalin W., Leibowitz S.F.* A critical site of neuropeptide Y-induced eating lies in the caudolateral paraventricular/perifornical region of the hypothalamus // Society for Neuroscience Abstracts. 1989. Vol. 15. P. 894.

получить необходимую энергию. Оно оказывается в роли богатого скупца, который запер в сундуки все свои сокровища и у которого, вследствие этого, не осталось денег на жизнь.

Ожирение

Все эти детерминанты процесса питания так или иначе связаны с проблемой, в чем-то обусловленной изобилием современного общества, — с ожирением. Существует много причин, почему люди переедают. В некоторых случаях причина имеет физиологическую природу (связана с генетическими факторами). В других дело заключается в том, что люди просто много едят и мало двигаются.

Конституциональные факторы

Большинство из нас принимает как данное то, что масса нашего тела зависит от потребления калорий и расхода энергии. Это, конечно, верно, но это еще не все. Конституциональные факторы могут предрасполагать человека к полноте, даже если он ест не больше (и двигается не меньше), чем его стройный сосед, живущий рядом. Что это за факторы? Это может быть и более эффективный пищеварительный аппарат, поскольку у человека, организм которого усваивает большую часть той пищи, которую он потребляет, прибавка в массе неизбежно будет больше, чем у его собратьев с менее продуктивной пищеварительной системой. Другой причиной может быть более низкий уровень метаболизма; чем меньше потребляемых калорий сжигается, тем больше накапливается жирового запаса. У некоторых людей слишком большая доля потребляемых питательных веществ превращается в жир и слишком малая — сжигается в качестве топлива для получения внутренней энергии. Эти различия помогают объяснить тот факт, что одни люди набирают массу легче, чем другие[17]. Но где же скрыты эти конституциональные факторы? Частично на этот вопрос может ответить генетика. В некоторых случаях у людей, так же как и у мышей, выраженное ожирение объясняется, вероятнее всего, нарушениями в генах, которые регулируют производство лептина[18].

Очень часто наша полнота обусловлена генами, определяющими те особенности метаболического процесса, которые мы только что рассмотрели. Это было подтверждено результатами исследования 12-ти пар близнецов мужского пола. Каждый из участников эксперимента потреблял в день на 1000 калорий больше, чем было необходимо для поддержания нормальной массы тела. Актив-

---

[17] См.: *Sims E.A.* Energy balance in human beings: The problems of plenitude // Vitamins and Hormones: Research and Applications. 1986. Vol. 43. P. 1–101; *Friedman M.I.* Body fat and the metabolic control of food intake // International Journal of Obesity. 1990. Vol. 14. P. 53–67.

[18] См.: *Reed D.R., Ding Y., Xu W., Gatner C. et al.* Extreme obesity may be linked to markers flanking the human OB gene // Diabetes. 1996. Vol. 45. P. 691–694.

ность участников оставалась прежней, и они почти не занимались физическими упражнениями. Этот режим продолжался в течение 100 дней. Нужно ли говорить, что все 24 участника набрали лишнюю массу, но разница была довольно существенной, от 4 до 11 *кг*. Еще больше различий наблюдалось в том, в каких местах откладывались лишние килограммы. У одних это был живот; у других — бедра и ягодицы. Важно отметить, что значение набранной каждым участником лишней массы было сходным с тем значением, которое набрал его близнец (рис. 3). Это касалось также и мест отложения лишних килограммов. Если человек толстел в области живота, то же происходило и с его близнецом; если у другого жировая ткань откладывалась на бедрах и ягодицах, его близнец поправлялся там же. Эти данные в значительной степени подтверждают то, что у разных людей организм по-разному распределяет лишние калории, и этот метаболический механизм является врожденным[19].

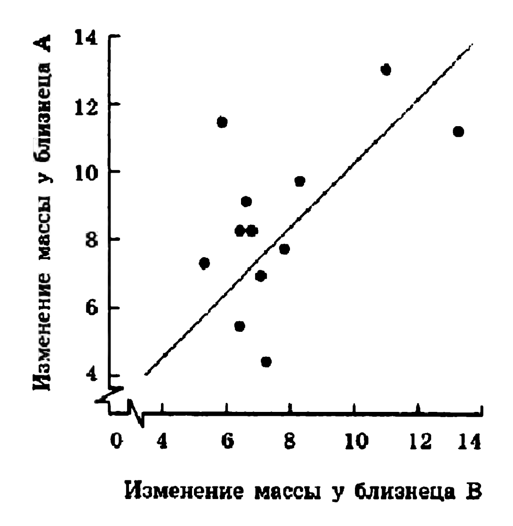


Рис. 3. Сходство в появлении лишней массы тела у близнецов
Прибавка у 12 пар однотипных близнецов после 100 дней усиленного питания. Каждая точка представляет пару близнецов, где прибавка у близнеца А соответствует значению по вертикальной оси. Прибавка измеряется в килограммах

Является ли такая метаболическая продуктивность генетическим дефектом? Для сторонников теории «запасливых генов», которые считают, что такой продуктивный метаболизм был выгоден для наших предков в те времена, когда пиры были редкостью, а голод — обычным явлением, конечно нет[20]. В подоб-

[19] См.: *Bouchard T.J., Jr., Lykken D.T., McGue M. et al.* Source of human psychological differences: The Minnesota study of twins reared apart // Science. 1990. Vol. 212. P. 1055–1059.

[20] См.: *Fujimoto W.Y., Bergstrom R.W., Boyko E.J. et al.* Susceptibility to development of central adiposity among populations // Obesity Research. 1995. Vol. 3 (suppl. 2). P. 179–186; *Groop L.C., Tuomi T.* Noninsulin-dependent diabetes mellitus – a collision between thrifty genes and an affluent society // Annals of Medicine. 1997. Vol. 29. P. 37–53;

ных обстоятельствах тенденция к накоплению жировых тканей в сколь можно большем количестве служила цели выживания, так же как в случае с медведем, который накапливает лишний жир, готовясь к долгому зимнему посту. Но та же самая продуктивность не идет на пользу сегодня, особенно тем, кто живет в странах, где добывание пищи (к тому же высококалорийной) сводится к простой поездке в супермаркет на автомобиле!

Поведенческие факторы

У некоторых людей тучность обусловлена конституциональными факторами. Но у многих людей причина тучности кроется в поведении: они просто едят намного больше, чем требуется для восполнения той энергии, которую они расходуют. Почему? Совершенно очевидно, что единого ответа нет; для хронически переедающих людей причина не одна — их множество.

Люди различаются по своим критическим точкам массы. Вероятно, это является отражением разной конституции тела, которая обусловлена генетически[21].

Исследования современной психологии: не слишком ли я полный?

Огромное число людей считают себя слишком полными. Исследования показывают, что в США в любой период времени 40% женшин и 25% мужчин пытаются похудеть[22]. Для большинства из них диета — наиболее предпочитаемый способ контроля за массой собственного тела, который состоит в том, чтобы или есть меньше, или снизить количество потребляемых калорий.

Что мы имеем в виду, говоря о ком-то, что «он — слишком полный»? Многие люди считают, что пришло время сесть на диету, когда видят, что одежда стала для них тесной. Другие пользуются таблицами «идеальной массы» для мужчин и женщин разного роста, другими подобными таблицами в страховых компаниях и других учреждениях. Согласно этим таблицам многие люди действительно имеют лишнюю массу и должны сбросить несколько килограммов.

Однако мнение врачей по этим вопросам и по поводу этих таблиц существенно изменилось в последние годы, в основном благодаря переменам в отношении к связи между лишней массой тела и риском для здоровья. В настоящее время имеются данные о том, что не существует риска, связанного с небольшим

Ravussin E., Pratley R.E., Maffei M. et al. Relatively low plasma leptin concentrations precede weight gain in pima Indians // Nature Medicine. 1997. Vol. 3. P. 238–240.

21 См.: *Foch T.T., McClearn G.E.* Genetics, body weight, and obesity // Obesity / A.J. Stunkard (Ed.). Philadelphia: Saunders, 1980.

22 См.: National Institutes of Health. Methods of voluntary weight loss and control // Technology Assessment Conference Statement, March 3–April 1, 1992. Washington: NIH Office of Medical Applications Research, 1995.

превышением массы (до 20% сверх нормы). Даже для умеренно полных людей (8—12 *кг* сверх нормы) риск для здоровья остается незначительным[23]. А как насчет людей, которые еще тяжелее? Они действительно имеют прогноз более короткой жизни, чем худые люди, но это, скорее всего, результат их физической малоподвижности, а не лишней массы. Полные люди, ведущие физически активный образ жизни, живут так же долго, как и худошавые люди[24]. <...>

Эти обстоятельства побудили Национальный институт здоровья (НИЗ) в 1998 году выпустить новые нормативы. Эти нормативы базируются на индексе массы тела (ИМТ), формула которого определяет соответствующую массу, ориентируясь только на рост человека, без учета его пола и возраста. Для расчета ИМТ берут массу человека в килограммах, делят ее на рост в метрах, возведенный в квадрат. Оптимальное значение ИМТ равно 25. Если полученный результат колеблется в пределах от 25 до 30, человек имеет лишнюю массу тела; если результат превышает 30, человек страдает ожирением. Согласно статистике НИЗ, оптимальная масса тела для человека ростом 153 *см* составляет 57 *кг*; ростом 163 *см* — около 66 *кг*, ростом 173 см — 75 *кг*, ростом 183 *см* — 84 *кг*.

Что вам следует делать, если индекс массы вашего тела превышает оптимальный? НИЗ дает несколько неожиданную рекомендацию: если вы не превышаете свою норму более чем на 12 *кг*, то не набирайте больше массу, но в то же время бросьте свои диеты, потому что лучший выход — это сохранить свое теперешнее состояние!

Что рационального в таком совете? Риск для здоровья, связанный с лишними 12 килограмами, незначителен. Но если вы все же постараетесь похудеть, то вы, скорее всего, в скором времени вновь вернетесь к прежней массе, так что польза будет очень кратковременной. В одном исследовании пациенты проходили курс специальной диеты. В среднем, пациенты теряли 84% своей лишней массы, но в течение последующих двух с половиной лет они вновь набрали 80% от той массы, которую сбросили. В другом исследовании группа пациентов снизила массу в среднем на 25 *кг*, но 50% из них вернулись к исходной массе в течение трех лет, а через девять лет 90% из этой группы снова вернулись к прежней массе. В сущности, идентичные результаты были получены и в отношении всех других диет, по которым проводились исследования[25].

Почему так происходит? Ваше тело имеет свою собственную точку критической массы <...>, и, когда вы садитесь на диету, оно «стремится» к тому, чтобы сохранить этот уровень, разрушая результаты любых диет. Кроме всего прочего, ваш организм начинает более продуктивно использовать те калории,

---

[23] См.: *Andres R.* Influence of obesity on longevity in the aged // Aging, Cancer, and Cell Membranes / C. Borek, C.M. Fenoglio, D.W. King (Eds.). N.Y.: Thieme-Stratton, 1980. P. 230—246.

[24] См.: *Kampert J.B., Blair S.N., Barlow C.E., Kohl H.W.* Physical activity, physical fitness, and all-cause and cancer mortality: A prospective study of men and women // Annals of Epidemiology. 1996. Vol. 6. P. 452—457.

[25] См.: *Seligman M.E.P.* What You Can Change and What You Can't. N.Y.: Knopf, 1993.

которые вы потребляете. Одно из исследований было посвящено изучению группы людей, достигших в результате диеты желанной массы. Чтобы поддерживать ее, им приходилось ограничивать калорийность пиши до 1298 калорий в день. Контрольная группа потребляла 1950 калорий в день для поддержания той же массы[26].

Приспособительные реакции организма требуют от человека, чтобы, садясь на диету, он всегда был начеку, если хочет сохранить свою новую форму. Если он расслабится, то эти же приспособительные реакции сделают более сложным снижение массы во второй раз, и еше более сложным — в третий раз, даже если диеты (количество и калорийность потребляемой пиши, уровень физической активности) будут идентичными[27].

Эти факты помогают объяснить повсеместно наблюдаемый замкнутый круг: диета — возврат к исходной массе — снова диета; эта схема сама по себе может представлять угрозу для здоровья[28]. Множество проблем со здоровьем, включая сердечные приступы и параличи, связаны с проблемами лишней массы[29].

Короче говоря, полнота — в некоторых пределах — не ведет к проблемам со здоровьем, а вот диета, скорее всего, — ведет! Означает ли это, что люди должны бросить свои разгрузочные дни и выкинуть таблицы калорийности? Вероятно, нет, потому что, в конце концов, стремление к снижению массы тела обусловлено больше социальными и этическими требованиями, чем заботой о здоровье. К тому же силы, утверждающие в обществе представления об идеальном сложении — это силы чрезвычайно мощные, и поэтому очень трудно для любого человека — с лишней массой или с нормальной — даже просто принять свое тело таким, какое оно есть. Люди могут понимать, что созданное обществом представление об идеале — вовсе не святыня и нет такого закона (и даже медицинского предписания), требующего от каждого человека соответствия этому идеалу. Но эти знания — прозрачная ширма, которая не может заслонить людей от мира, наполненного социальными стандартами и рекламными моделями, утверждающими торжество худосочности, которая для большинства из нас противоестественна и, вероятнее всего, нездорова[30].

---

[26] См.: *Geisler C., Miller D., Shah M.* The daily metabolic rate of the post-obese and the lean // American Journal of Clinical Nutrition. 1987. Vol. 45. P. 914–920; *Blackburn G., Wilson G., Kanders B. et al.* Weight-cycling: The experience of human dieters // American Journal of Clinical Nutrition. 1987. Vol. 49. P. 1105– 1109.

[27] См.: *Brownell K.D., Greenwood M.R.C., Stellar E., Shrager E.E.* The effects of repeated cycles of weight loss and regain in rats // Physiology and Behavior. 1986. Vol. 38. P. 459–464.

[28] См.: *Carlson N.R.* Physiology of Behavior. Boston: Allyn and Bacon, 1991.

[29] См.: *Hamm P., Shekelle R., Stamler J.* Large fluctuations in body weight during young adulthood and the twenty-five year risk of coronary death in men // American Journal of Epidemiology. 1989. Vol. 129. P. 312–318.

30 Подробнее см.: *Smith C.A.* Women, weight and body image // Lectures on the Psychology of Women / J.C. Chrisler, C. Golden, P.D. Rozee (Eds). N.Y.: McGraw-Hill, 1996.

Угроза

<...> До сих пор наше внимание было сосредоточено на мотивах, диктуемых факторами внутреннего контроля гомеостаза. Дисбаланс внутренней среды заставляет организм предпринимать определенные действия, восстанавливающие равновесие. Однако эти так называемые внутренне регулируемые мотивы все же не являются чисто внутренними. Вкусная еда может заставить нас есть, даже если мы не голодны; предчувствие холода побуждает животных строить гнезда, хотя они еще не испытывают холода.

К другим мотивам это относится в большей степени, так как первоначально вызвавший их импульс полностью исходит из внешней среды (хотя внутренние факторы тоже имеют значение). Один из таких мотивов касается нашей реакции на возникшую угрозу. В этом случае стимул чаще всего является внешним — угрожающее обстоятельство или объект, — но ответная реакция протекает внутри, так как организм готовится убежать, отразить или уменьшить угрозу.

Угроза и автономная нервная система

Какие физиологические механизмы лежат в основе нашей реакции на угрозу? Выше говорилось, что автономная нервная система (АНС) делится на два отдела: симпатический и парасимпатический. По мнению американского психолога Уолтера Б. Кеннона (1871—1945), эти два отдела выполняют важные и различные между собой функции. Парасимпатический отдел управляет вегетативными реакциями повседневной жизни: накоплением питательных веществ, воспроизводством и выведением отходов. В общем, определяет работу организма в «мирное время» — поддерживает постоянный, умеренный сердечный ритм, перистальтику желудка и кишечника, секрецию пищеварительных желез и т.п. Симпатический отдел АНС выполняет активирующие функции. Он задействует ресурсы организма в период кризиса и обеспечивает готовность организма к активным действиям[31].

Эта противоположность функций двух автономных отделов АНС заметна в различных видах деятельности организма. Например, парасимпатическое возбуждение замедляет сердечный ритм и снижает кровяное давление. Симпатическое возбуждение дает противоположный эффект, а также замедляет пищеварение и сексуальную активность. Кроме того, оно стимулирует мозговой слой надпочечников к выделению адреналина и норадреналина в кровь. Эти вещества оказывают, в сущности, то же действие, что и симпатическое возбуждение — усиливают сердечный ритм, ускоряют метаболизм и т.д. В результате симпатическая реакция проявляется еще сильнее (рис. 4).

---

[31] См.: *Cannon W.B.* Bodily Changes in Pain, Hunger, Fear and Rage. N.Y.: Appleton-Century, 1929.

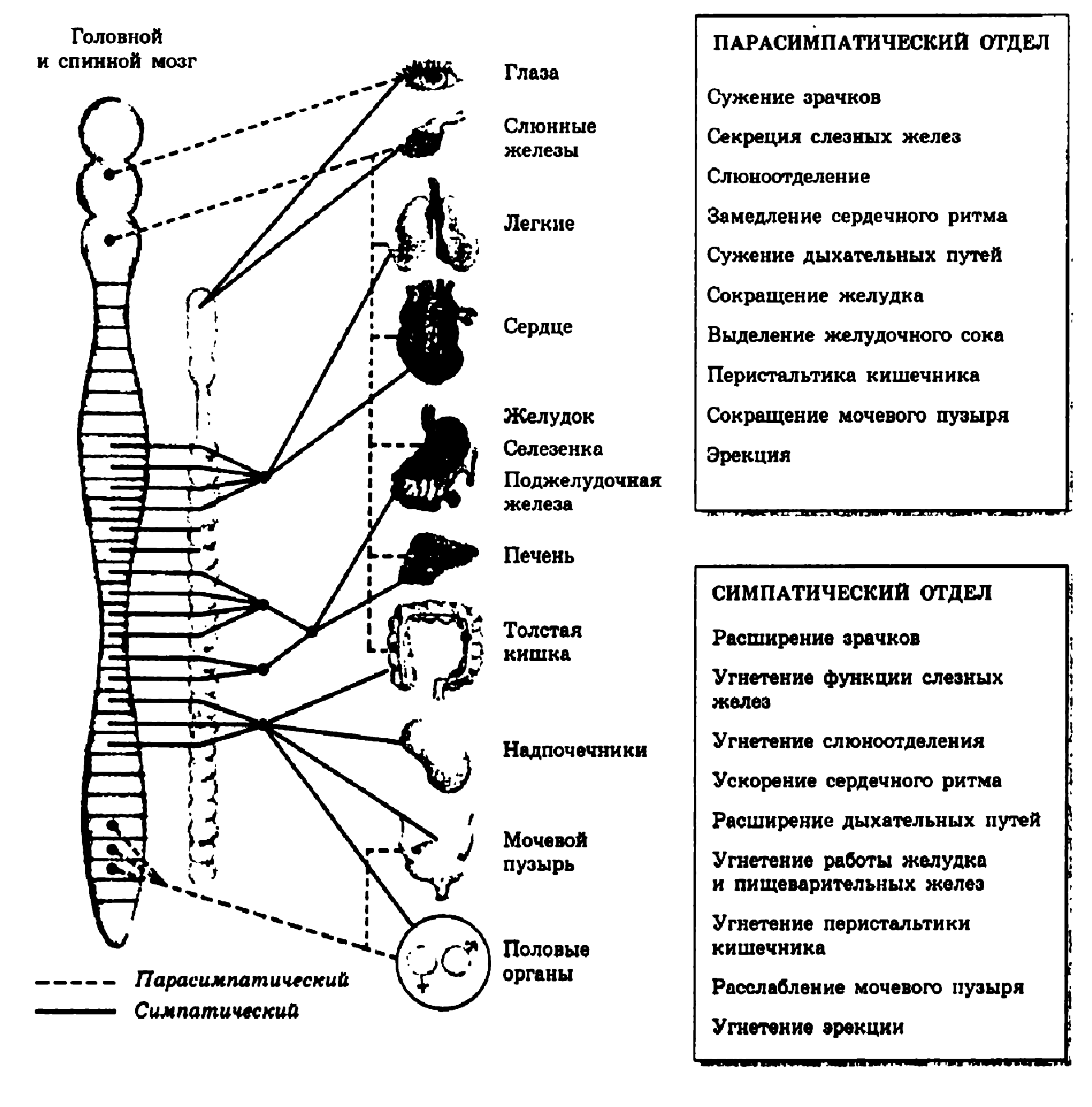


Рис. 4. Симпатический и парасимпатический отделы автономной нервной системы

Парасимпатический отдел обеспечивает выполнение вегетативных функций организма: стимулирует функции пищеварения, способствует развитию сексуальной активности и т.д. Симпатический отдел помогает организму подготовиться к встрече с угрозой: усиливает работу сердца и легких, высвобождает питательные вещества для работы мышц и угнетает пищеварительную и сексуальную функции.

Заметьте, что нервные окончания симпатического отдела связаны в цепь с нервными узлами, находящимися за пределами спинного мозга. В результате симпатическая активация носит в некотором смысле диффузный характер;

любое симпатическое возбуждение распространяется скорее на все органы в целом, чем на какой-то один конкретный. Это в корне отличается от парасимпатического отдела, действие которого более специфично и осуществляется через блуждающий нерв — один из нервов, который берет начало в черепном отделе и проходит через грудную клетку и брюшную полость

Реакция готовности

Кеннон считал, что сильное симпатическое возбуждение служит реакцией готовности, которая мобилизует силы организма в случае угрозы — для того, чтобы, по его словам, «бежать или бороться». Рассмотрим пасущуюся зебру, безмятежно поддерживающую гомеостаз, жуя траву и расширяя сосуды под жарким солнцем Африки. Внезапно она видит приближающегося льва. Вегетативные функции теперь должны остаться на втором плане, поскольку если зебра не убежит, у нее не останется внутренней среды, которую надо поддерживать. Бегство потребует продолжительного мышечного напряжения и полной поддержки всех систем организма, а это именно то, что обеспечивается активной работой симпатического отдела. Вследствие его активации мышцы получают больше питательных веществ, поступающих в мгновенно раскрывшиеся кровеносные сосуды. В то же время выбрасываются отходы и несущественные органические функции приостанавливаются. И если зебра не убежит, то не потому, что ее симпатическая нервная система не сработала.

Кеннон предоставил достоверные доказательства, подтверждающие, что подобная автономная реакция происходит в ситуации борьбы, а не бегства. У кошки, готовой броситься на собаку, усиливается сердцебиение, шерсть поднимается дыбом (в нормальном состоянии это служит сохранению тепла), зрачки расширяются — присутствуют все признаки симпатического возбуждения, говорящие о том, что организм приготовился к интенсивному мышечному напряжению <...>.

Но формула Кеннона — «бежать или бороться» — слишком проста, чтобы учесть полную картину явления, животные реагируют на угрозу множеством способов. Например, крысы пытаются убежать при возникновении угрозы, но сражаются, когда загнаны в угол. Некоторые животные становятся совершенно неподвижными, чтобы хищник не заметил их. Другие животные обладают более экзотичными способами самозащиты: некоторые виды рыб меняют цвет при возникновении угрозы, что делает их неразличимыми на фоне песчаного океанского дна. Этот эффект вызывается непосредственным действием адреналина на различные пигменты кожи животного.

А что происходит у людей? Когда мы напуганы, дыхание автоматически учащается, сердце начинает колотиться, ладони потеют и иногда у нас бегут «мурашки» по коже или начинается дрожь — все это действие симпатического отдела. Фактически, такие автономные реакции можно использовать для опре-

деления эмоционального состояния. Особенно часто используется измерение кожно-гальванической реакции (КГР). Мгновенное изменение электрического сопротивления кожи, вызванное деятельностью потовых желез, — это точный показатель физиологической готовности.

КГР и другие показатели автономной активности часто используются в комплексе тестов *полиграфа* — аппарата, чаще называемого детектором лжи. <...>

Лимбическая система

До настоящего времени наше внимание было сконцентрировано на автономной нервной системе, ее симпатическом и парасимпатическом отделах. Но другие отделы мозга также играют важную роль в ответной реакции организма на угрозу. Эти зоны сконцентрированы в так называемой старой коре, находящейся под отделами новой коры. Они образуют особый комплекс, часто называемый *лимбической системой* (рис. 5). Стимуляция лимбической системы электрическим током может превратить мурлыкающую кошку в шипящее чудовище. Стимуляция той же зоны у человека часто вызывает чувства сильной тревоги или гнева, как, например, у пациента, который рассказывал, что ему вдруг захотелось рвать вещи в клочья и швырять их в лицо экспериментатора[32].

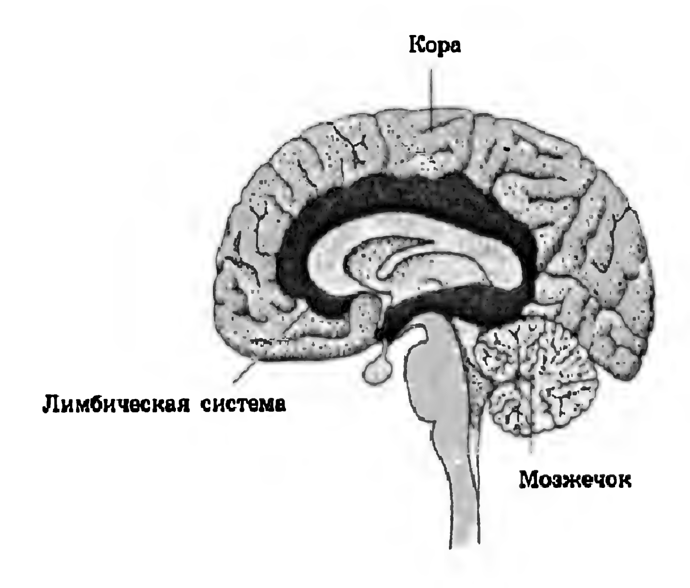


Рис. 5. Лимбическая система головного мозга человека[33]

[32] См.: *Magnus O., Lammers J.* The amygdaloid-nuclear complex // Folia Psychiatrica Neurologica et Neurohirurgico Neerlandica. 1956. Vol. 59. P. 552–582; *King H.E.* Psychological effects of excitation in the limbic system // Electrical Stimulation of the Brain / D.E. Sheer (Ed.). Austin: University of Texas Press, 1961; *Flynn J., Vanegas H., Foot W. et al.* Neural mechanisms involved in a cat's attack on a rat // The Neural Control of Behavior / R.F. Whalen et al. (Eds.). N.Y.: Academic Press, 1970.

[33] См.: *Keeton W.T., Gould J.L.* Biological Science. N.Y.: Norton, 1986/1993.

Вероятно, разные отделы мозга приводят в действие различные виды агрессивного поведения. Стимуляция гипоталамической области у кошки вызывает к действию паттерн хищника: крадущееся приближение, а затем быстрый, смертоносный бросок. Стимуляция другого отдела приводит к модели Хэллоуина: контратаки при самообороне (вероятно, схожие с тем, что у человека характеризуется как ярость). Когда начинает развиваться эта модель действия, кошка игнорирует близкую мышь и злобно бросается на экспериментатора, в котором она, по-видимому, чувствует угрозу[34]. Атака хищника — это совершенно другое дело: лев, который бросается и затем потрошит зебру, вовсе не испытывает ярости, он занят обычным делом добывания пищи. (Приятно ли зебре то, что лев в это время на нее не сердится, — это уже другой вопрос.)

Разрушительное действие автономного возбуждения

Выше мы говорили о биологической ценности системы быстрого реагирования на появление угрозы. Однако сильное возбуждение симпатического отдела АНС может стать разрушительным и вредным для организма. Эта оборотная сторона медали особенно очевидна в отношении человека. В нашей ежедневной жизни мы редко сталкиваемся с необходимостью приложения чрезмерных усилий, но наша биологическая природа не изменилась из-за того, что в современном мире больше нет саблезубых тигров. Мы обладаем все той же системой быстрого реагирования, которая служила нашим примитивным предкам и последствия действий которой могут наносить серьезный урон организму.

Вредное действие угрозы на наш желудок или сексуальные функции общеизвестно. В периоды острой тревоги диарея или запор — обычное явление, в те же периоды очень трудно достичь сексуального возбуждения и удержать его. Это объясняется тем, что наши пищеварительные функции и многие аспекты нашей сексуальности (например, эрекция у мужчин и вагинальная смазка у женщин) в основном контролируются парасимпатическим отделом АНС и, следовательно, угнетаются при интенсивном симпатическом возбуждении. Более того, последствия угрозы иногда могут вызывать и такие расстройства, как боли в животе или головные боли. В тяжелых случаях психофизиологические последствия оказываются хроническими, как в случаях с гипертензией или коронарным расстройством, что может привести к параличу, сердечному приступу и даже к смерти <...>.

---

[34] См.: *Egger M.D., Flynn J.P.* Effect of the electrical stimulation of the amygdala on hypothalamically elicited behavior in cats // Journal of Neurophysiology. 1963. Vol. 26. P. 705–720; *Clemente C.D., Chase M.H.* Neurological substrates of aggressive behavior // Annual Review of Physiology. 1973. Vol. 35. P. 329–356.

Боль и действие эндорфинов

Мы рассказали достаточно о том, как организм реагирует на различные угрожающие обстоятельства, но какие же стимулы вызывают реакцию в первую очередь? Значение некоторых из них мы усваиваем через научение, а некоторые вызывают мгновенную реакцию без какого-либо предшествующего опыта. Примером такого врожденного стимула является боль.

Боль как способность выжить

Кажется парадоксальным, но чувство боли имеет огромную ценность для сохранения жизни, представляя собой в гораздо большей степени благо, чем зло. Это ярко подтверждают редкие примеры детей с врожденной нечувствительностью к боли. Они часто умирают молодыми, получив многочисленные ранения и имея множество шрамов[35]. Будучи ребенком, одна такая девушка откусила кончик языка, когда жевала резинку, получила сильные ожоги, усевшись на горячий радиатор, а также имела серьезные вывихи суставов бедер и спины, потому что не могла правильно перевернуться во время сна. Перечисленные травмы стали причиной множественных инфекций, которые привели ее к смерти в 29 лет[36].

Снижение боли с помощью эндорфинов

Боль дает нам сигнал к действию, заставляя нас отстраняться от огня, лить холодную воду на ожог или переносить тяжесть тела на другую ногу при растянутой лодыжке[37]. Однако продолжительная боль может мешать осуществлению важных потребностей организма. К счастью, естественный отбор справился с этой проблемой, организм располагает средствами для облегчения своей боли.

Есть много историй о спортсменах, которые получают травмы, но не чувствуют боли до конца соревнований; подобные же случаи рассказывают о солдатах во время сражения или о родителях, спасающих своих детей. Эти истории говорят о том, что существуют внутренние механизмы, вызывающие *анальгезию* (нечувствительность к боли). Различные лабораторные эксперименты подтверждают это. Крысы, подвергнутые различным формам дистресса, — например, вынужденные плыть в холодной воде, — действительно становятся менее чувствительными к боли[38]. Подобный эффект наблюдается и у человека: как ни странно, разряд слабого электрического тока в спине или конечностях может

---

35 См.: *Manfredi M., Bini G., Cruccu G. et al.* Congenital absence of pain // Archives of Neurology. 1981. Vol. 38. P. 507–511.

36 См.: *Melzack R.* The Puzzle of Pain. N.Y.: Basic Books, 1973.

37 См.: *Bolles R.C., Fanselow M.S.* Endorphins and behavior // Annual Review of Psychology. 1982. Vol. 33. P. 87–102.

38 См.: *Bodnar R.J., Kelly D.D., Brutus M. et al.* Stress-induced analgesia: Neural and hormonal determinants // Neuroscience and Biobehavioral Reviews. 1980. Vol. 4. P. 87–100.

действовать как анальгетик. Таким же свойством обладает акупунктура — древний китайский метод лечения с помощью игл, втыкаемых в различные зоны тела[39]. Эта процедура снимает боль у людей и животных[40].

Какие механизмы лежат в основе этого явления? Вероятно, ответ содержится в химических характеристиках мозга. Давно известно, что боль можно притупить или полностью устранить с помощью наркотиков, таких, как морфий и другие опиаты. Эти наркотики обычно поступают в организм из внешней среды. Но иногда мозг сам является фармацевтом. В условиях различных дистрессовых ситуаций (включая боль) мозг вырабатывает особый вид опиатов, который потом сам и потребляет. Речь идет об эндорфинах (сокращенное от «эндогенный», произведенный внутри, и «морфин») — группе нейротрансмиттеров, по химическому составу схожих с опиатами типа морфия, модулирующих сигналы боли, направляемые в головной мозг по нервным путям спинного мозга <...>. Оказалось, что разработанные врачами новые опиатные формы действуют по принципу внутренних анальгетиков организма, причем некоторые препараты из группы эндорфинов мозга обладают на самом деле гораздо более сильным действием, чем наркотики, произведенные искусственным путем[41].

Плацебо. Многие исследователи полагают, что эндорфины играют определенную роль при снятии боли с помощью плацебо — химически инертных препаратов, которые, тем не менее, действительно уменьшают боль и способствуют выздоровлению <...>. Действие плацебо легко продемонстрировать на примере. В одном из экспериментов нескольким пациентам выдали сладкие пилюли под видом аспирина; другим — те же пилюли под видом морфина[42]. В обоих случаях пилюли привели к существенному облегчению.

Действительно ли эндорфины принимают участие в оказываемом плацебо эффекте? Чтобы выяснить это, исследователи использовали препараты, блокирующие действие опиатов, такие, как налоксон и налтрексон. Эти лекарства обычно дают пациентам при передозировке героина; они-то и стали незаменимым инструментом исследований. Многие опыты показали, что налоксон блокирует эффект снятия боли, вызываемый акупунктурой[43], а также эффект

---

[39] См.: *Mann R., Bowsher D., Mumford J. et al.* Treratment of intractable pain by acupuncture // Lancet. 1973. Vol. 2. P. 57–60.

[40] См.: *Nathan P.W.* Acupuncture analgesia // Trends of Neurosciences. 1978. Vol. 1. P. 210–223.

[41] См.: *Snyder S.H., Childers S.R.* Opiate receptors and opioid peptides // Annual Review of Neuroscience. 1979. Vol. 2. P. 35–64; *Bloom F.E.* The endorphins: A growing family of pharmacologically pertinent peptides // Annual Review of Pharmacology and Toxicology. 1983. Vol. 23. P. 151–170; *Olson G.A., Olson R.D., Kastin A.J.* Endogenous opiates: 1994 // Peptides. 1995. Vol. 16. P. 1517–1555.

[42] См.: *Evans F.J.* The placebo response in pain reduction // Advances in Neurology. 1974. Vol. 4. P. 289–296.

[43] См.: *Mayer D.J., Price D.D., Raffi A. et al.* Acupuncture hypalgesia: Evidence for activation of a central control system as a mechanism of action // Advances of Pain Research and Therapy. Vol. 1 / J.J. Bonica, D. Albe-Fessard (Eds.). N.Y.: Raven Press, 1976.

плацебо. В одном из таких исследований пациентам давали плацебо после удаления зуба мудрости. Это помогало некоторым пациентам, но не оказывало никакого действия, если пациенты вместе с плацебо получали налоксон[44]. Вывод заключался в том, что плацебо стимулирует производство эндорфинов; действие налоксона, следовательно, блокирует работу эндорфинов. Дальнейшие исследования показали, что хотя налоксон может уменьшать действие плацебо, он не устраняет его совсем. Это свидетельствует о том, что существуют другие способы снятия боли, не включающие эндорфиновую систему[45]. У людей ярким примером обезболивания в обход эндорфинового механизма является гипноз. Гипнотическое избавление от боли имеет достаточную силу, чтобы применяться периодически в хирургии, и его анальгезирующий эффект не страдает от налоксона[46].

Зачем организму многочисленные обезболивающие системы? Ответ (по крайней мере, частичный) зависит от продолжительности боли: кратковременная боль, вероятно, снимается с помощью эндорфинов, но если боль продолжается, то в действие вступают другие механизмы. Если же стрессоры действуют особенно долго, тогда эндорфиновая система, вероятно, снова начинает действовать, чтобы справиться с болью[47].

Исследования современной психологии: почему некоторым людям нравится прыгать с парашютом?

Много лет назад психолог Кларк Халл предположил, что организм стремится минимизировать всякое напряжение и возбуждение: мы едим, чтобы уменьшить голод, уходим от громкого шума, чтобы избежать боли, и т.д. Однако можно привести множество примеров, в которых живые существа, в частности люди, стремятся к напряжению и возбуждению. Мы катаемся на «американских горках» и смотрим фильмы ужасов. Мы едим пищу настолько острую, что она причиняет боль. Некоторые из нас прыгают с парашютом, лазят по горам и бросаются голо-

---

[44] См.: *Levine J.D., Gordon N.C., Fields H.L.* The role of endorphins in placebo analgesia // Advances of Pain Research and Therapy. Vol. 3 / J.J. Bonica, J.C. Liebesking, D. Albe-Fessard (Eds.). N.Y.: Raven Press, 1979.

[45] См.: *Watkins L.R., Mayer D.J.* Organization of endogenous opiate and nonopiate pain control systems // Science. 1982. Vol. 216. P. 1185–1192.

[46] См.: *De Benedittis G., Panerai A.A., Villamira M.A.* Effects of hypnotic analgesia and hypnotizability on experimental ischemic pain // International Journal of Clinical and Experimental Hypnosis. 1989. Vol. 37. P. 55–69; *Moret V., Forster A., Laverriere M.-C. et al.* Mechanisms of analgesia induced by hypnosis and acupuncture: Is there a difference? // Pain. 1991. Vol. 42. P. 135–140.

[47] См.: *Terman G.W., Shavit Y., Lewis J.W. et al.* Intrinsic mechanisms of pain inhibition: Activation by stress // Science. 1984. Vol. 226. P. 1270–1277; *Olson G.A., Olson R.D., Kastin A.J.* Endogenous opiates: 1994 // Peptides. 1995. Vol. 16. P. 1517–1555.

вой вниз с мостов на резиновом канате. И популярность таких «экстремальных видов спорта» стремительно растет.

Почему? Почему люди (а также некоторые животные) активно ищут острых ощущений — включая и такие, которые для большинства из них являются действительно опасными? Одна из возможных причин кроется в том факте, что люди сильно различаются в своем отношении к «острым ситуациям». Некоторые обладают такой чертой, которую психологи называют *охотой за стимуляцией* — тенденцией к поиску разнообразных и новых ощущений, острых переживаний и приключений для того, чтобы избежать скуки.

Охота за стимуляцией обычно измеряется личностными тестами, которые содержат утверждения типа «Я бы хотела попробовать прыгнуть с парашютом», «Если бы я могла не тратить столько времени на сон» или «Иногда я люблю чудить, просто чтобы посмотреть, как это действует на других» <...>. Те, кто во многом соглашается с такими утверждениями, имеют высокий балл по шкале охоты за стимуляцией; те, кто не соглашается, имеют низкий балл.

Марвин Цукерман, разработавший эту шкалу, предоставил убедительные доказательства ее валидности[48]. Люди, получающие высокие баллы по шкале, с большей вероятностью участвуют в «экстремальных видах спорта», становятся особенно беспокойными в условиях монотонии и ограниченности, меньше боятся змей, склонны водить машину быстрее, чем люди с низким баллом. Заключительная часть валидизации была сделана на основе исследований «стрикинга», популярного увлечения 1970-х годов, приверженцы которого скидывали одежду и потом на виду у всех бегали, ходили или ездили на велосипеде обнаженными. Когда студентов спрашивали, думали ли они заняться «стрикингом» (или уже занимались), их ответы показали значительную корреляцию с баллами по шкале «Охота за стимуляцией».

Зачем такие люди ишут острых ощущений? С точки зрения Цукермана, у охотников за стимуляцией наблюдается сильная реакция на новые стимулы в некоторых системах мозга, особенно в тех, которые содержат фермент моноаминовой окиси (МАО); сюда входят системы, где в качестве нейротрансмиттеров служат норадреналин (НА) и допамин[49]. Одно из основных доказательств было получено им из исследования, в котором уровень НА в цереброспинальной жидкости связывался с показателями различных личностных тестов. Результаты показали отрицательную корреляцию: чем более выражена тенденция к охоте за стимуляцией, тем ниже уровень НА. Это соответствовало генеральной гипотезе

---

[48] См.: *Zuckerman M.* Sensation Seeking: Beyond the Optimum Level of Arousal. Hillsdale: Erlbaum, 1979; *Zuckerman M.* Behavioral Expressions and Biosocial Bases of Sensations Seeking. N.Y.: Cambridge University Press, 1994.

[49] См.: *Zuckerman M.* A critical look at three arousal constructs in personality theories: Optimal levels of arousal, strength of the nervous system, and sensitivities to signals of reward and punishment // Personality Dimensions and Arousal: Perspectives on Individual Differences / J. Strelau, H.J. Eysenck (Eds.). N.Y.: Plenum, 1987. P. 217–230; *Zucker-man M.* The psychophysiology of sensation seeking // Journal of Personality. 1990. Vol. 58. P. 313–345.

Цукермана: если у человека низкий уровень НА, его норадреналиновые системы, возможно, слабофункциональны. В результате он испытывает недостаток стимуляции, что заставляет его искать опасности и риска, чтобы активировать выработку НА.

Другие исследователи сконцентрировали свое внимание на допамине — медиаторе, родственном НА. Они обнаружили, что люди, употребляющие наркотики, имеют такие же высокие баллы, как и охотники за стимуляцией, и предположили, что биологическим фундаментом в обоих случаях служат допаминомедиаторные системы мозга.

Стремление к острым ощущениям характерно для многих членов одной семьи, и некоторые исследователи предполагают, что существует генетическая предрасположенность к этому. Поэтому, когда две отдельные группы исследователей выделили ген, который, по их мнению, содержал информацию об определенном типе допаминовых рецепторов и одновременно был связан с охотой за стимуляцией, это вызвало бурную реакцию. Однако последующая попытка подтвердить это открытие была безуспешной, так что оно остается пока гипотетическим. Наконец, стоит сказать несколько слов об еще одной группе людей, известной своим стремлением к риску и опасности, — о подростках. Факты ясно говорят о том, что подростки регулярно участвуют в различного рода рискованных предприятиях, что отражается в более частых случаях аварий, арестах за мелкие правонарушения, заражении венерическими заболеваниями и т.д.[50].

Что же заставляет подростков рисковать? Отнюдь не невежество. Данные свидетельствуют о том, что они полностью осознают риск, связанный с их поведением. Может быть, это чувство безнаказанности? Опросы показывают, что подростки обычно уверены, что каждый из них менее причастен, скажем, к аварии, чем другой. Однако у взрослых наблюдается такая же тенденция, поэтому это не может являться причиной различия между подростками и взрослыми <...>[51].

Одни ученые считают, что мы должны рассматривать стремление к риску среди подростков так же, как мы рассматриваем охоту за стимуляцией среди взрослых — в том смысле, что у подростков хронический дефицит стимуляции, вероятно, объясняется множеством обменных и гормональных изменений, происходящих в их организме. Чтобы компенсировать этот недостаток, они ищут дополнительного риска и острых ощущений[52].

---

[50] См.: *Arnett J.* Reckless behavior in adolescence: A developmental perspective // Developmental Review. 1992. Vol. 12. P. 339–373; *Hechinger F.M.* Fateful Choices: Healthy Youth for the Twenty-first Century. Washington: Carnegie Council on Adolescent Development, 1992.

[51] См.: *Quandrel M.J., Fischoff B., Davis W.* Adolescent invulnerability // American Psychologist. 1993. Vol. 48. P. 102–116.

[52] См.: *Arnett J.* Reckless behavior in adolescence: A developmental perspective // Developmental Review. 1992. Vol. 12. P. 339–373.

Другие ученые опровергают это предположение, утверждая, что подростки стремятся к риску по другой причине: желая определить границы дозволенного в своем поведении, в своей социальной роли и в своей жизни вообще[53].

Вообще, в основе человеческого стремления к острым ощущениям лежит несколько разных механизмов. Некоторые люди (охотники за стимуляцией) жаждут сенсации и ищут новых и опасных ситуаций, чтобы утолить свою жажду. Другие, вероятно, недооценивают реальный риск, связанный с их поведением, и в результате действуют опрометчиво. Остальные, возможно, и понимают, что сильно рискуют, но, тем не менее, хотят испытать свои возможности. Так или иначе, но нет никакого сомнения в том, что мы, так же как и животные, не стремимся к какому-либо снижению мотивации или минимизации возбуждения, о которых говорил Халл много лет назад. <...>

[53] См.: *Jessor P.* Risk behavior in adolescence: A psychosocial framework for understanding and action // Developmental Review. 1992. Vol. 12. P. 374–390; *Cole M., Cole S.R.* The Development of Children. N.Y.: Freeman, 1996.

Ж. Нюттен

[Познавательная и социальная мотивация]*

Познавательная мотивация

Вудвортс привлек внимание к потребности, о которой прежде мало говорили: потребности в восприятии (will to perceive). Он справедливо заметил, что наши отношения со средой определяются такими факторами, как желание «видеть, слышать, отчетливо видеть, отчетливо слышать, выяснить или понять то, что мы видим или слышим в данный момент»[1]. Аналогичные взгляды высказал Ниссен применительно к животным. Он отмечал у животного «почти постоянную активность, направленную на то, чтобы быть осведомленным об окружающей обстановке. Значительная часть повседневной активности грызуна, собаки, мартышки или шимпанзе состоит из движений тела и органов чувств, предназначенных для того, чтобы поддерживать контакт животного с происходящим вокруг»[2]. В начале века Мак-Дауголл (1908) говорил, что

> у обезьян, животных, наиболее близких к человеку, явно выражено любопытство (или потребность в знании) и что оно не только заставляет животное приближаться к объекту и внимательно наблюдать за ним, но также и манипулировать им[3].

Начиная с 1950 г. эти выводы были подтверждены и детально проанализированы в многочисленных экспериментах. <...>

---

* Экспериментальная психология / Под ред. П. Фресса, Ж. Пиаже. М.: Прогресс, 1975. Вып. V. С. 49–63.

[1] См.: *Woodworth R.S.* Reinforcement of perception // Amer. J. Psychol. 1947. Vol. 60. P. 119–124.

[2] См.: *Ниссен Г.В.* Филогенетическое сравнение // Экспериментальная психология / С.С. Стивенс М., 1960. Т. 1. С. 471.

[3] Цит. по: *McDougall W.* An introduction to social psychology. L.: Methuen & Co., 1948. P. 49–50.

Любопытство и новые объекты

В своем первом исследовании Берлайн[4] помещал крыс в пустую экспериментальную клетку и позволял им знакомиться с ней в течение двух часов. Когда позднее крысы снова оказывались в этой клетке, они обнаруживали в ней три одинаковых предмета (первая группа из трех крыс — три кубика, вторая — три цилиндра), которые они могли обнюхивать два раза по 5 *мин*. Основная фаза эксперимента состояла в том, что, когда крыс в очередной раз помещали в клетку, один из трех знакомых предметов заменялся новым (два кубика и цилиндр — для первой группы, два цилиндра и кубик — для второй группы). Время, затраченное каждой крысой на исследование (обнюхивание) каждого из трех предметов, регистрировалось с помощью хронографа с тремя циферблатами (экспериментатор нажимал на соответствующую кнопку во время исследования каждого предмета). Время, затрачиваемое на обследование предметов каждой из 6 крыс экспериментальной группы, с точностью до 1 *с* приводится в первой строке таблицы 1. Различие между временем, затраченным на исследование знакомого и нового предмета, оказывается статистически значимым. Контрольной группе, также состоявшей из шести крыс, после ознакомления с пустой клеткой сразу же предлагался набор разнородных предметов (2 кубика и цилиндр — первой группе, 2 цилиндра и кубик — второй). В контрольной группе не было различия между знакомыми и новыми предметами, ибо каждый из трех предметов исследовался в первый раз. Время, затраченное на исследование каждого предмета, показано во второй строке таблицы 1. Значимого различия между временем исследования в этом случае не наблюдается. <...>

Таблица 1

Время (в секундах), затраченное на изучение каждого из трех предметов набора, один из которых является новым[5]

Крысы I— VI	Группа А: 2 кубика и 1 цилиндр			Группа Б: 2 цилиндра и 1 кубик		
	I	II	III	IV	V	VI
Экспериментальная группа	**8**—7—2	0—**4**—1	0—2—**1**	**4**—1—3	1—**3**—1	1—1—**2**
Контрольная группа	**2**—0—0	7—**12**—9	4—7—**7**	**2**—3—2	7—**2**—6	3—8—**2**

Порядок цифр соответствует порядку, в котором появлялись предметы в клетке: выделенная цифра относится к новому предмету. 6 крыс экспериментальной группы 20 *с* изучали 2 знакомых предмета (т.е. в среднем 10 *с* на предмет). Время, затраченное на новый предмет, равно 22 *с* (т.е. на 12 *с* больше для

[4] См.: *Berlyne D.E.* Novelty and curiosity as determinants of exploratory behavior // Brit. J. Psychol. 1950. Vol. 41. P. 68—80.

[5] См.: *Berlyne D.E.* Novelty and curiosity as determinants of exploratory behavior // Brit. J. Psychol. 1950. Vol. 41. P. 77—78.

6 крыс или на 2 *с* для одного животного). Такое различие является статистически значимым (t = 3,55; p = 0,017). У контрольной группы такого различия не наблюдалось (средняя разность для одного животного – 0,17). Среднее время исследования 2 сходных (и уже знакомых) предметов в экспериментальной группе также значимо меньше, чем время исследования сходных (но не знакомых) предметов в контрольной группе (t = 2,27; p = 0,046).

Тенденция к манипулированию

Первые систематические исследования тенденции к манипулированию были осуществлены Харлоу[6]. Обе его работы были проведены на макаках-резусах, а в качестве предметов для манипулирования использовались механические головоломки, состоявшие либо из 3, либо из 6 элементов (рис. 1). Первый эксперимент (с головоломкой из 3 элементов) показал, что в течение 14 опытных дней

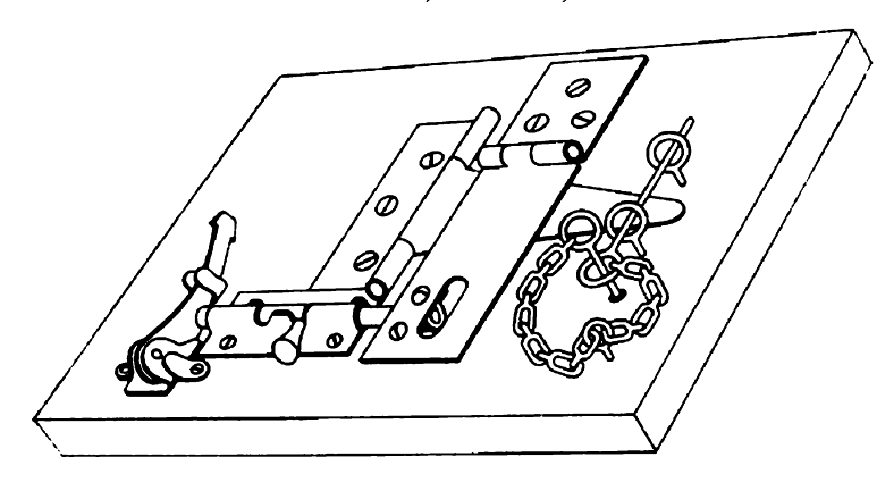


Рис. 1. Механическая головоломка из 6 элементов. Головоломка, применявшаяся в первом исследовании[7], была проще и состояла из 3 элементов[8]

обезьяна с интересом манипулировала головоломкой и освоила все операции, с помощью которых головоломка разбирается, не получая за это никакого вознаграждения извне. Во втором эксперименте Харлоу подверг еще более детальному изучению процесс и возможности научения и динамику интереса обезьяны к этому виду манипуляций.

---

[6] См.: *Harlow H.F., Harlow M.K., Meyer D.R.* Learning motivated by a manipulation drive // J. Exp. Psychol. 1950. Vol. 40. P. 228–234; *Harlow H.F.* Learning and satiation of response in intrinsically motivated complex puzzle performance by monkeys // J. Comp. Physiol. Psychol. 1950. Vol. 43. P. 289–294.

[7] См.: *Harlow H.F., Harlow M.K., Meyer D.R.* Learning motivated by a manipulation drive // J. Exp. Psychol. 1950. Vol. 40. P. 228–234.

[8] См.: *Harlow H.F.* Learning and satiation of response in intrinsically motivated complex puzzle performance by monkeys // J. Comp. Physiol. Psychol. 1950. Vol. 43. P. 290.

Эксперимент проходил следующим образом. Механическая головоломка (рис. 1) находилась в клетке обезьяны, расположенной в свою очередь в закрытом помещении. Обезьяна все время (12 дней) имела доступ во внешнюю и значительно большую клетку, соединенную с первой. Пять раз в день (почти каждые 2 *ч*) экспериментатор входил в клетку, чтобы снова собрать головоломку, которую обезьяна успела разобрать в перерыве между его посещениями. В течение первых 5 *мин* каждого периода экспериментатор наблюдал за поведением обезьяны. Он отмечал, в частности, число правильных и неправильных манипуляций с игрушкой, проделанных обезьяной за это время. Действия считались правильными, если они приводили к разбору или освобождению одного из элементов головоломки, и неправильными, если обезьяна манипулировала с элементами не в установленном порядке или не могла их освободить.

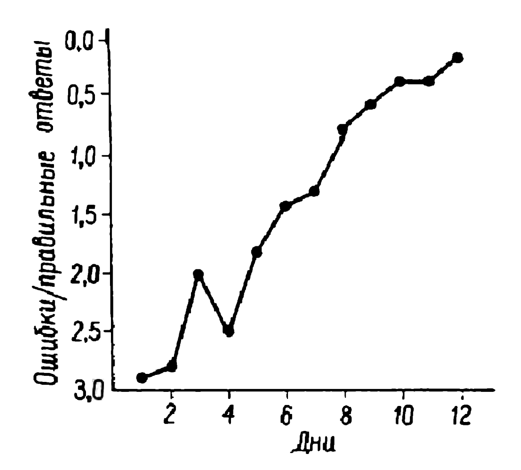


Рис. 2. Кривая научения (отношение неправильных ответов к правильным) для 5 элементов механической головоломки за 12 дней эксперимента

Головоломка состояла фактически из 5 элементов, шестой — шарнирная петля — был несъемным. Результаты 1-го, 2-го и 4-го дней значимо отличаются от результатов 10-го, 11-го и 12-го дней, p = 0,01. В конце каждого 2-часового сеанса экспериментатор входил в клетку и фиксировал число разобранных к этому моменту механизмов. Величина активности обезьян в ненаблюдаемый период определялась путем вычитания из этого числа количества механических элементов, разобранных в течение первых 5 *мин*. Эта величина также возрастала в течение 12 дней[9]

На рис. 2 представлена кривая успехов двух обезьян, принимавших участие в опытах в течение 12 дней подряд; по ординате откладывается отношение неправильных действий к правильным. Кривая показывает, что научение обезьян происходит, несмотря на отсутствие какого-либо вознаграждения (пищи, например) извне. Другие графики автора свидетельствуют о том, что эти две

[9] См.: *Harlow H.F.* Learning and satiation of response in intrinsically motivated complex puzzle performance by monkeys // J. Comp. Physiol. Psychol. 1950. Vol. 43. P. 292.

обезьяны осуществляли соответственно 63 и 82 правильных действия в течение первых шести дней и 157 и 134 в течение последующих шести дней (за первые пять минут каждого сеанса). Интенсивность мотивации и активности обезьяны проявлялась, в частности, в том, что в последние 6 дней 81% головоломок разбирались практически в первые 5 *мин* после предъявления их животному.

На 13-й день Харлоу изучал феномен насыщения — каждые 6 *мин* в течение 10 *ч* (всего 100 сеансов) он предлагал каждой из обезьян вновь собранную головоломку. Он отметил заметное сокращение числа манипуляций, что свидетельствует об эффекте насыщения. Однако каждая из двух обезьян разобрала почти половину из возможного числа механизмов (100X6), а именно 286, что говорит об удивительной активности обезьяны и предполагает сохранение связанных с ней мотивов. <...>

Потребность в восприятии и исследовании

Стремление к визуальному восприятию и исследованию наилучшим образом было продемонстрировано в известных экспериментах Батлера[10]. Пять обезьян-резусов помещались в клетку с непрозрачными стенками, освещавшуюся изнутри лампочкой в 25 *Вт*. На передней стенке находились две небольшие дверцы (рис. 3), которые открывались посредством электрического механизма, как

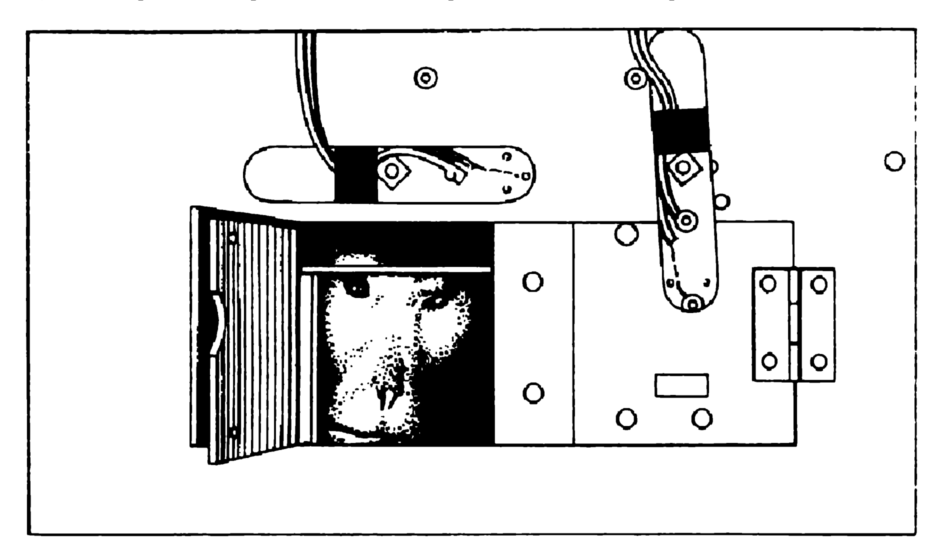


Рис. 3. Частичный вид устройства, применявшегося для изучения визуальной исследовательской деятельности.

Видны две дверцы, закрывающиеся и открывающиеся автоматически с помощью электрического устройства. Через открытую дверцу видна голова макаки-резус, исследующей окружающую обстановку[11]

[10] См.: *Butler R.A.* Discrimination learning by rhesus monkeys to visual-exploration motivation // J. Comp. Physiol. Psychol. 1953. Vol. 46. P. 95–98.

11 См: *Butler R.A., Harlow H.F.* Persistence of visual exploration in monkeys // J. Comp. Psysiol. Psychol. 1954. Vol. 47. P. 259.

только обезьяна нажимала на одну из них. После предварительного периода тренировки перед дверцами вывешивались желтая и синяя картонки с тем, чтобы указать, какая из дверей автоматически откроется при нажатии на нее. Обезьяны, таким образом, обучались визуальному различению. Единственным вознаграждением обезьяне всякий раз, когда она нажимала на правильную дверцу, служило то, что, как только последняя открывалась, обезьяна получала возможность заглядывать через отверстие в лабораторию и наблюдать за тем, что там происходит. Через 30 *с* опускалась ставня.

Если обезьяна нажимала на заблокированную дверцу, зажигалась маленькая лампочка и сразу же опускалась ставня, закрывавшая обе дверцы. За каждой пробой — как удачной, так и неудачной — следовал 30-секундный интервал, во время которого картонки менялись местами в случайном порядке, затем ставня поднималась, и обезьяна снова могла их видеть. Обезьяна располагала для выбора 5 *мин*. Если в течение этого времени она никак не реагировала на картонки, дверца открывалась извне, оставалась открытой в течение 30 *с*, затем опускалась ставня, и спустя 30 *с* снова предъявлялись картонки. Разумеется, пробы могли следовать с большей или меньшей частотой в зависимости от того, насколько быстро обезьяна нажимала на дверцу, после того как поднималась ставня. Каждая обезьяна делала 20 проб ежедневно на протяжении 20 дней (5 дней в неделю).

Полученные результаты показывают, что все животные научились выполнять задачу на различение (рис. 4).

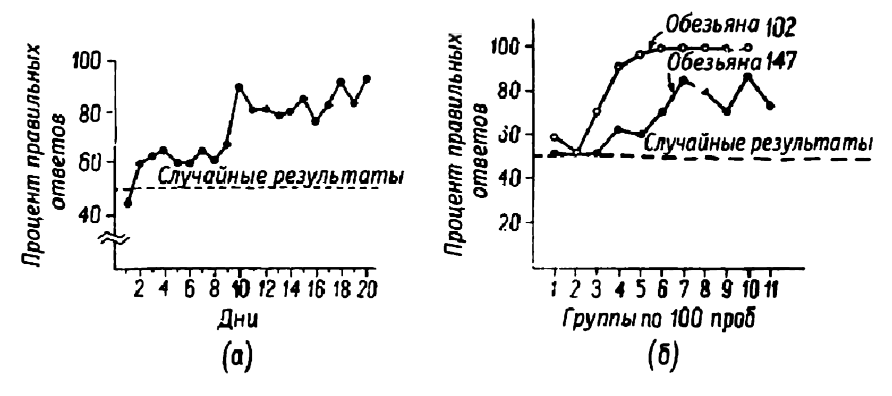


Рис. 4. (*а*) — кривая научения 3 обезьян в опыте Батлера с визуальным различением, где мотивацией являлась исследовательская деятельность[12]; (*б*) — индивидуальные кривые научения 2 других обезьян в опыте Батлера с визуальным различением, где мотивацией являлась исследовательская деятельность.

Показано увеличение числа правильных ответов на протяжении 11 последовательных серий по 100 проб в каждой. Обезьяна 102 достигла и удерживалась на уровне почти безошибочной деятельности в течение 600 последних проб. Результаты обезьяны 147 в последние 600 проб хотя и несколько хуже, однако значимо выше случайных (р = 0,01)[13]

[12] См.: *Butler R.A.* Discrimination learning by rhesus monkeys to visual-exploration motivation // J. Comp. Physiol. Psychol. 1953. Vol. 46. P. 96.

[13] См. там же.

Исследователи измеряли также латентное время реакции (т.е. время от поднятия ставни до нажатия на одну из дверц). Были отмечены индивидуальные различия у 5 животных, участвовавших в этом эксперименте, но латентное время в последние дни опыта возросло (по сравнению с первыми днями) только в одном из пяти случаев. Следовательно, рассмотренная нами мотивация успешно противостояла насыщению[14].

Теоретическая интерпретация

Харлоу[15] подчеркнул различие между потребностью в исследовании и гомеостатическими потребностями. Он говорил о противоположности этих двух категорий потребностей: одни из них имеют внутреннее происхождение, другие — внешнее. Такое противопоставление кажется нам некоторым преувеличением, поскольку оно основывается на различном — внешнем или внутреннем — источнике мотивации. Действительно, наблюдения этологов показали важное значение внешних объектов (releasers, или пусковых механизмов) для развертывания поведения, что, однако, не умаляет значения органических или внутренних компонентов мотивационного фактора. С другой стороны, можно считать, что источником всякой мотивации является либо индивид, «имеющий определенную тенденцию», либо объект, обладающий валентностью.

Тем не менее, нельзя, видимо, отрицать глубокого различия между гомеостатическими и вообще физиологическими потребностями и познавательными тенденциями (потребностью в исследовательской деятельности, восприятии, познании). Но искать это различие следует, скорее, в природе «завершающих реакций»[16], характерных для того и другого типа потребностей и поведения. В то время как удовлетворение гомеостатических потребностей связано, как правило, с действиями, оказывающими биологическое воздействие на организм или на его потомство, удовлетворение познавательных потребностей связано, видимо, с самим объектом. Отношения организма со средой предполагают, таким образом, некоторую активность, свидетельствующую о том, что организм на определенной ступени эволюции способен выделять некоторые объекты и интересоваться ими как таковыми. Видимо, именно здесь и следует искать источник могущественных объектных мотивов, или подчиненности объекту, столь характерных для некоторых поступков и помыслов человека, например для его научной деятельности. Келли[17] справедливо подчеркивает, что такая установ-

---

[14] См. так же: *Butler R.A., Harlow H.F.* Persistence of visual exploration in monkeys // J. Comp. Psysiol. Psychol. 1954. Vol. 47. P. 258–263.

[15] См.: *Harlow H.F.* Mice, monkeys, men and motives // Psychol. Rev. 1953. Vol. 60. P. 23–32; *Harlow H.F.* Motivation as a factor in the acquisition of new responses // Current theory and research in motivation. A symposium. Lincoln: Univ. of Nebraska Press, 1953. P. 24–49.

[16] См.: *Шеррингтон Ч.* Интегративная деятельность нервной системы. Л., 1969. С. 311–314.

[17] См.: *Kelly G.A.* The psychology of personal constructs. N. Y.: W.W. Norton & Co., 1955. Vol. 2. P. 4.

ка, характерная для ученых, не является исключительно привилегией немногих избранных; каждый человек, говорит он, является одновременно man-the-scientist[18], стремящимся познать мир таким, каков он есть, и man-the-bio-logical-organism[19], на котором чрезмерно сосредоточен интерес психолога.

Тенденция к чередованию

С потребностью в исследовании, с одной стороны, и феноменом насыщения — с другой, следует связать тенденцию к чередованию, отмеченную у животных, например, при выборе маршрута в лабиринте. Этот феномен можно описать следующим образом: животное, которое в Т-образном лабиринте поворачивает в первый раз направо, при второй пробе чаще всего поворачивает налево. Это происходит не только в опытах без подкрепления, но также и в том случае, если в конце первого коридора находится вознаграждение. Фаулер[20] уточнил этот вопрос, указав, что количественно небольшое вознаграждение (пища) практически не влияет на тенденцию к чередованию, тогда как большое явно уменьшает ее. В последнем случае тенденция к повторному выбору первого пути берет верх над тенденцией к чередованию. <...>

Изоляция и сенсорное лишение

Среди исследований, показавших существование потребности во внешней стимуляции, необходимо выделить, помимо работ, посвященных исследовательскому поведению, многочисленные работы по изучению изоляции и сенсорного лишения[21], и особенно материалы симпозиума, опубликованные под редакцией Соломона и др.[22] Мы ограничимся сообщением об исследовании, осуществленном на человеке в лаборатории Хебба[23]. Экспериментаторы просили испытуемых оставаться в полной неподвижности. Они лежали в удобной позе на диване в звуконепроницаемой камере, на них были надеты специальные очки, пропускавшие рассеянный свет, но не позволявшие различать предметы. Руки испытуемых были помещены в картонные цилиндры, чтобы свести к минимуму

---

[18] Человек-ученый (*англ.*).

[19] Биологический организм (*англ.*).

[20] См.: *Fowler H., Fowler D.E., Dember W.N.* The influence of reward on alternation behavior // J. Comp. Psysiol. Psychol. 1959. Vol. 52. P 220–224; *Fowler H., Blond J., Dember W.N.* Alternation behavior and learning: the influence of reinforcement magnitude, number and contingency // J. Comp. Physiol. Psychol. 1959. 52. P. 609–614.

[21] См.: *Wexler D. et al.* Sensory deprivation // A. M. A. Arch. of Neurol. and Psychiat. 1958. Vol. 79. P. 225–233.

[22] См.: Sensory deprivation // *Solomon P. et al.* (Eds.). Cambridge: Harvard Univ. Press, 1961.

[23] См.: *Bexton W.H., Heron W., Scott T.H.* Effects of decreased variation in the sensory environment // Canad. J. Psychol. 1954. Vol. 8. P. 70–76.

тактильные ощущения (рис. 5). Была обеспечена возможность удовлетворения физиологических потребностей; кроме того, испытуемые получали за день «безделья» крупную сумму денег (20 долларов).

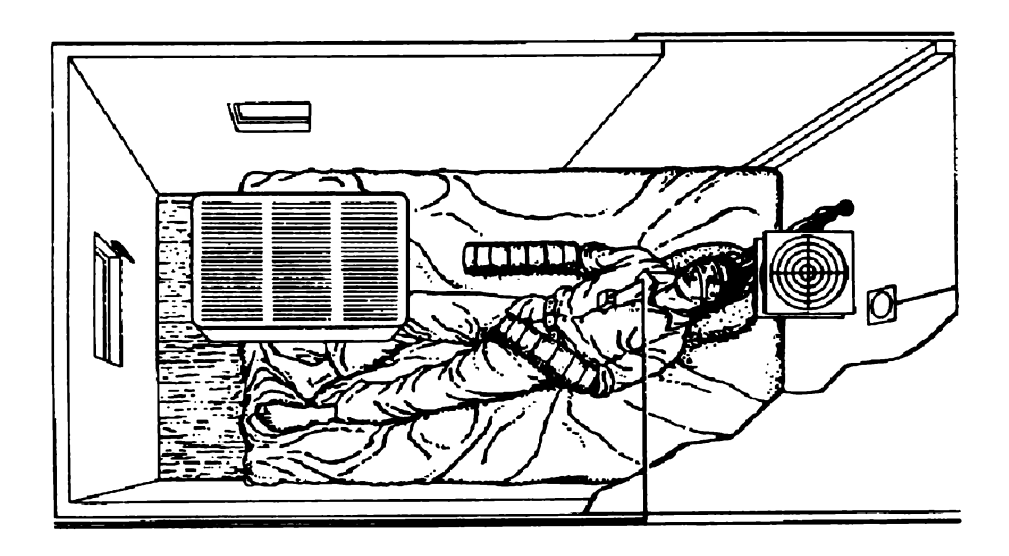


Рис. 5. Экспериментальная камера для изучения перцептивной изоляции (лаборатория Хебба)

На рис. показан вид камеры сверху (потолок отсутствует). Аппарат кондиционирования воздуха расположен в ногах испытуемого, вытяжной вентилятор — над его головой. Видны микрофон, громкоговоритель и провода для записи электроэнцефалограммы. На отдельных стадиях эксперимента голова испытуемого лежала на подушке, имевшей форму U[24]

Результаты показывают, что после 12 *ч* отсутствия контакта с внешним миром у испытуемых наблюдается ряд психических нарушений; человек начинает испытывать различного рода трудности. Он оказывается не в состоянии правильно думать и поступать, у него наблюдаются даже эмоциональные расстройства. Посредством тестов были обнаружены и нарушения в интеллектуальной деятельности, иногда возникают галлюцинации. Одним словом, испытуемый не переносит отсутствия предметов. Студенты, испытывавшие потребность в деньгах, предпочитали выполнять тяжелую и скучную работу за 7 долларов в день, чем продолжать этот эксперимент, приносивший им 20 долларов, но лишавший их всего внешнего «мира». Это наводит нас на мысль о существовании очень сильной потребности в контакте с внешним миром. Исследования Спитца и многих других показали, что наблюдаемые у детей психические нарушения часто являются прямым следствием отсутствия эмоциональных контактов с человеком (см. Социальная мотивация).

[24] См.: Sensory Deprivation // A symposium held at Harvard Medical School. Cambridge, 1961. P. 9.

Социальная мотивация

Поиски социального контакта

Известно множество различных интерпретаций того факта, что индивид ищет общества себе подобных. Причем такой контакт также может иметь самые различные формы <...>. Некоторые авторы, например, Мак-Дауголл[25], ссылались при этом на стадный инстинкт. В настоящее время существует тенденция рассматривать социальные мотивы как производные, обусловленные вторичным подкреплением некоторых физиологических потребностей. Индивид ищет общества других индивидов, поскольку таким образом он сможет удовлетворить свою потребность в пище. Посредством процесса генерализации связь одного индивида с другим, с помощью которого была удовлетворена его потребность, распространяется и на других представителей того же вида.

Такое объяснение подтверждается многими данными. Известно, например, что овца не обязательно в силу врожденного инстинкта следует за бараном или за стадом; если человек будет ухаживать за овцой и кормить ее, она привязывается к этому человеку и уже больше не является неотъемлемым членом группы себе подобных. У этологов можно найти многочисленные данные о таких «пусковых механизмах» поведения, а также о времени, когда такие связи устанавливаются (Imprinting).

Что касается человека, то тот факт, что ребенок удовлетворяет свои многочисленные потребности благодаря взрослому, создает между ребенком и взрослым совершенно особые аффективные отношения. Тем не менее факты говорят о том, что объяснение социальных тенденций удовлетворением первичных потребностей едва ли правомерно. Известно, что начиная с определенного возраста, ребенок ищет не столько общества взрослых, сколько товарищей в игре, которые не способствуют ему в удовлетворении его органических потребностей. Андерсон[26] и другие подчеркивали, что в этом случае необходимо искать иные факторы. После периода, когда ребенок играет один с какими-то предметами, наступает период, когда ему хочется «делать что-либо» *вместе с другими*. Он явно ищет общества других с целью совместной реализации того или иного игрового замысла, сложность которого увеличивается с возрастом[27].

Кроме того, систематические наблюдения Спитца[28] показывают, что удовлетворение органических потребностей не является, видимо, достаточным

---

[25] См.: *McDougall W.* An introduction to social psychology. L.: Methuen & Co., 1908; 28 ed. 1948.

[26] См.: *Anderson H.* Social development // Manual of child psychology / L. Carmichael. (Ed.). 1954. P. 1162–1215.

[27] См. также: *Murphy L.B.* Social behavior and child personality. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1937.

[28] См.: *Spitz R.A.* Hospitalism. An inquiry into the genesis of psychiatric conditions in early childhood // Psychoanal. Stud. Child. 1945. Vol. 1. P. 53–74.

условием для формирования социальных контактов ребенка. Несмотря на то, что в условиях больницы ребенок получает со стороны взрослых все необходимое для удовлетворения его «первичных» потребностей, отсутствие матери отрицательно сказывается на эмоциональном и социальном контактах ребенка и даже на его интеллектуальном и физическом развитии. Таким образом, для нормального развития ребенка необходима, видимо, сложная сеть человеческих взаимоотношений, которая представляет собой самостоятельную ценность. (Критические замечания к работам Спитца см. в статье Пинно[29]; см. также ответ Спитца[30].)

Аффективное значение человеческого лица

Эту ценность и особое значение человеческих контактов, не связанных с удовлетворением физиологических потребностей, еще более наглядно показало изучение первых аффективных реакций ребенка на человеческое лицо. Конкретным примером такой эмоциональной реакции является первая социальная улыбка ребенка (в отличие от *гастрической улыбки*, описанной Гезеллом) в двухмесячном возрасте.

Некоторые авторы пытались объяснить эту первую аффективную реакцию образованием условных связей на основе удовлетворения первичных потребностей или физического контакта[31]. Напротив, К. Бюлер[32], исследовавший вместе со своими многочисленными сотрудницами эту проблему, считает социальную улыбку специфической и первичной реакцией на человеческое лицо. Деннис[33] пытался решить эту проблему, установив безусловный раздражитель, вызывающий социальную улыбку. С этой целью он провел наблюдение за двумя близнецами в строго экспериментальных условиях и был вынужден прийти к выводу, что не существует более первичного раздражителя, чем присутствие человека. Спитцу и Вольфу[34] удалось даже определить те части человеческого лица, которые являются особенно важными и вызывают реакцию ребенка.

Несмотря на отрицательные результаты, Деннис продолжал считать, что ребенок улыбается при виде человеческого лица потому, что воспринимает его

---

[29] См.: *Pinneau S.R.* The infantile disorders of hospialism and anaclitic depression // Psychol. Bull. 1955. Vol. 52. P. 429–452.

[30] См.: *Spitz R.A.* Reply to Dr. Pinneau // Psychol. Bull. 1955. Vol. 52. P. 453–459.

[31] См.: *Watson J.B.* Behaviorism. N. Y.: People's Inst. Publ. Co., 1924.

[32] См.: *Bühler C.* Die ersten sozialen Verhaltungsweisen des Kindes // Soziologische und psychologische Studien über das erste Lebensjahr (Quellen und Studien zur Jugendkunde, № 5). Jena: Fischer, 1927. P. 1–102; *Bühler C.* The social behavior children // Handbook of child psychology / C. Murchison (Ed.). Worcester: Clark Univ. Press, 1933. P. 374–416.

[33] См.: *Dennis W.* A comparison of the rat's first and second exploration of a maze unit // Amer. J. Psychol. 1935. Vol. 47. P. 488–490.

[34] См.: *Spitz R.A., Wolf K.M.* The smiling response // Genet. Psychol. Monogr. 1946. Vol.34. P. 57–125.

как сигнал, предвещающий удовлетворение той или иной физиологической потребности. Однако все попытки заставить ребенка улыбнуться при виде соски, из которой он регулярно получал пищу, окончились неудачей[35]. С точки зрения Бюлера, человеческое лицо имеет для ребенка особое значение. Можно говорить, вероятно, о специфической восприимчивости у человека, лежащей в основе некой первичной потребности в социальном контакте. Как показал Спитц, исчезновение лица человека сопровождается у ребенка реакциями неудовольствия.

[35] См.: *Dennis W.* A comparison of the rat's first and second exploration of a maze unit // Amer. J. Psychol. 1935. Vol. 47. P. 220.

С. Аш

Мнения окружающих и социальное давление*

<...> Каждый из нас согласится с тем банальным фактом, что общество формирует поведение, мнения и убеждения человека. Ребенок вплоть до малейших деталей и нюансов усваивает свой родной язык. Член племени каннибалов считает поедание людей нормальным явлением. Все социальные науки опираются на наблюдения за влиянием группы на отдельного человека. Что же касается психологов, то групповое давление на сознание индивида вызывает у них множество вопросов, на которые им хотелось бы получить исчерпывающий ответ. <...>

Далее я опишу несколько экспериментальных исследований, посвященных эффектам группового давления, проведенных мною недавно при содействии нескольких ассистентов. Эти исследования не только демонстрируют возможности давления группы на личность, но также иллюстрируют новые методы решения этой проблемы и ставят вопросы, на которые еще предстоит ответить.

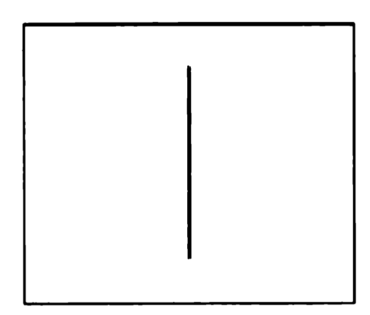
Группа из семи молодых людей, студентов колледжа, приглашалась в аудиторию для «психологических экспериментов по визуальному восприятию». Экспериментатор сообщал им, что все испытуемые должны сравнить линии разной длины. Он показывал две большие белые карточки. На одной из них изображалась одна черная вертикальная линия, эталон, к которому следовало подобрать пару. На другой карточке были три вертикальные линии различной длины. Испытуемые должны были выбрать одну из них такой же длины, что и линия на первой карточке. Одна из трех линий была действительно такой же длины, две другие значительно отличались. Разница составляла от двух до четырех сантиметров.

Эксперимент начинается вполне стандартно. Испытуемые вслух сообщают ответы, следуя очередности в том порядке, в котором они сидят в комнате. На

---

* Общественное животное. Исследования / Ред. Э. Аронсон. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. Т. 1. С. 31, 33-43

первом этапе эксперимента все испытуемые выбирают одну и ту же линию в качестве парной эталону. Затем предъявляется второй набор карточек, и снова группа высказывает единодушное мнение. Испытуемые вежливо выражают готовность продолжить скучный эксперимент.



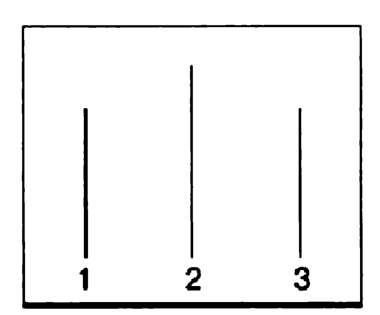


Рис. 1

Испытуемым показывали две карточки. На одной изображалась стандартная линия. На другой — три линии, одна из которых была той же длины, что и стандартная. Испытуемым нужно было найти эту линию

В третьем опыте порядок процедуры неожиданно нарушается. Один из испытуемых, находящийся в самом конце группы, не соглашается с другими в своем выборе парной линии. Он выражает несогласие, удивление и растерянность. Во время следующего опыта он снова не соглашается, тогда как другие придерживаются одного и того же выбора. Диссидент все больше и больше тревожится и колеблется, продолжая не соглашаться в процессе эксперимента. Он задумывается перед тем, как произнести свое мнение вслух, говорит тихим голосом или смущенно улыбается.

Однако диссидент не знал, что экспериментатор заранее попросил других членов группы давать почти в каждом опыте (начиная с третьего) один и тот же, причем неправильный, ответ.

Этот ничего не подозревающий человек, не знавший о таком предварительном сговоре группы, и есть главный испытуемый. Он помещается в такие условия, что в действительности, отвечая правильно, оказывается в меньшинстве и в одиночестве и видит простой и очевидный факт вопреки всем остальным. Так, испытуемый сталкивается с противостоянием двух сил: очевидности своих чувств и единодушным мнением группы коллег. К тому же он должен объявить о своих взглядах публично, в присутствии большинства, которое также высказывает свое мнение вслух.

Проинструктированное большинство время от времени дает правильные ответы, чтобы испытуемый не заподозрил сговор против него. (Только в редких случаях испытуемый действительно проявлял подозрительность. Когда это происходило, эксперимент останавливался и результат не учитывался.) Каждая серия состояла из 18 опытов, в 12 из них большинство (подсадные участники)

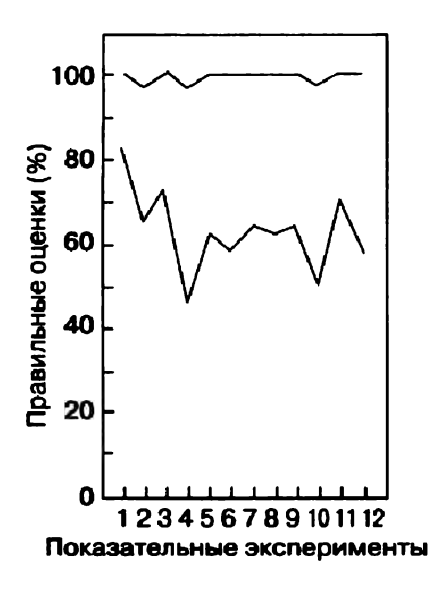


Рис. 2

Ошибки 123 испытуемых, каждый из которых сравнивал линии в присутствии от шести до восьми оппонентов, изображены нижней кривой. Правильные ответы, данные не под давлением большинства, показаны верхней линией

давало ложные ответы. Как человек реагирует на давление группы в этой ситуации? Сначала я сообщу статистические данные экспериментов, через которые прошло 123 испытуемых из разных колледжей (не считая мой собственный, Суортмор Колледж). Во всех этих опытах испытуемые оказывались в меньшинстве, как в ситуации, описанной выше.

Испытуемые могли выбрать: действовать ли независимо, отвергая мнение большинства, либо согласиться с большинством, не прислушиваясь к собственным чувствам. Из 123 испытуемых, прошедших через тест, многие согласились с мнением большинства. Хотя в обычных условиях испытуемые, сравнивая линии, делают менее 1% ошибок, но под давлением группы находившиеся в меньшинстве участники в 36,8% случаев изменяли своему восприятию в пользу вводящего в заблуждение, ошибочного мнения большинства (см. рис.2).

Конечно, реакция индивидов была неодинаковой. Одну крайность представляли около четверти испытуемых, полностью независимые, те, кто никогда не соглашался с ошибочным мнением большинства. Вторая крайность — это те, кто почти всегда уступал большинству. Участвовавшие в эксперименте испытуемые обнаруживали тенденцию принимать достаточно последовательные решения. Те, кто принимал независимые решения, как правило, не уступали большинству во всех сериях эксперимента, а те, кто уступал мнению группы, оказывались не в состоянии свободно принимать решения в процессе всего эксперимента.

Причины поразительных индивидуальных различий еще детально не выяснены. Поэтому сейчас мы можем сообщить только предварительные выводы,

полученные после интервьюирования испытуемых по окончании эксперимента. Среди независимых личностей было много таких, которые твердо настаивали на своем, уверенные в собственной правоте.

Наиболее примечательно здесь то, что они небезучастно слушали ответы большинства, но были способны преодолеть сомнения и восстановить внутреннее равновесие. Другие, действовавшие независимо, полагали, что большинство отвечает правильно, но продолжали не соглашаться с ним, поскольку считали своим долгом называть вещи такими, какими они их видят.

В числе очень уступчивых людей мы обнаружили группу, которая быстро приходила к выводу: «Я не прав, они правы». Другие соглашались, чтобы, как они объясняли, «не испортить ваши результаты». Многие из тех, кто соглашался с группой, подозревали, что большинство — это «овцы», идущие за первым отвечающим, или что большинство — жертвы оптического обмана. Несмотря на это, их подозрения не помогали им в момент принятия решения. Большую тревогу вызывают реакции испытуемых, считавших свои отличия от большинства доказательством собственных недостатков, которые необходимо было скрыть любой ценой. Поэтому они отчаянно пытались присоединиться к большинству, не задумываясь о последствиях. И все уступчивые люди не учитывали причин того, почему они соглашались с большинством.

Какой фактор влияния большинства более существенен — количество людей или их единодушие? Чтобы ответить на этот вопрос, мы изменили условия эксперимента. В одной серии экспериментов количество людей, находившихся

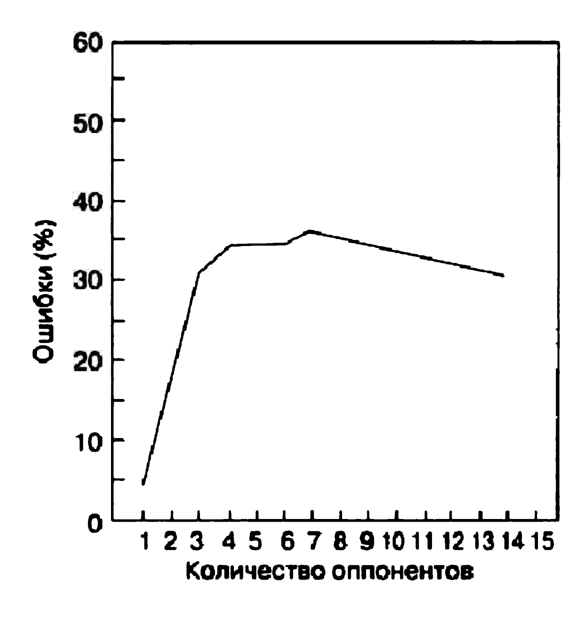


Рис. 3

Количество человек, составлявших большинство, оказывало влияние на испытуемых. С единственным оппонентом испытуемый ошибался только в 3,6% случаев. С двумя оппонентами у него было 13,6% ошибочных ответов; с тремя — 31,8%; с четырьмя — 35,1%; с шестью — 35,2%; с семью 37,1%; с девятью 35,1%; с пятнадцатью — 31,2%

в оппозиции, варьировалось от одного до пятнадцати человек. Результаты показали отчетливую тенденцию (см. рис. 3).

Когда испытуемому противостоял один человек с противоречивым ответом, он редко сомневался и продолжал отвечать независимо и правильно почти во всех опытах. Когда оппозиция увеличивалась до двух человек, давление возрастало: испытуемый, находившийся в меньшинстве, давал теперь до 13,6% неправильных ответов. Под давлением большинства из трех человек ошибки испытуемых подскакивали до 31,8%. Но дальнейшее увеличение оппозиции существенно не усиливало давления на испытуемого. Совершенно ясно, что количество людей, находящихся в оппозиции, имеет значение до определенных пределов.

Когда же нарушалось единодушие большинства, это приводило к поразительным результатам. В таких экспериментах испытуемый получал поддержку правильно отвечающего партнера — либо другого испытуемого, который не знал о предварительном соглашении группы, либо участника эксперимента, которого проинструктировали давать все время правильные ответы.

Присутствие партнера, поддерживавшего независимого одиночку, значительно ослабляло влияние большинства. Число не соответствующих истине ответов испытуемого уменьшалось в четыре раза по сравнению с количеством неправильных ответов, имевших место при давлении единодушного большинства (см. рис. 4).

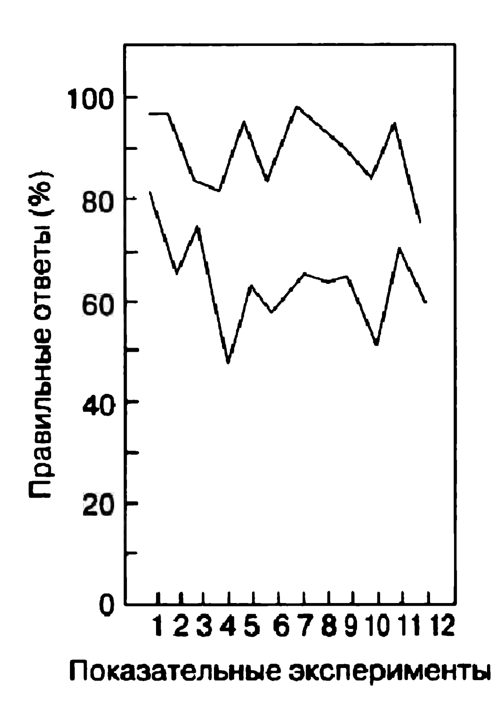


Рис. 4

Два испытуемых, поддерживавших друг друга в противостоянии большинству, допускали меньше ошибок (верхняя кривая), чем один испытуемый, противостоящий большинству (нижняя кривая)

Даже самые слабые личности уже не вели себя так послушно, как раньше. Наиболее интересной оказалась реакция на партнера. В целом испытуемый проявлял к нему чувство теплоты и близости: партнер внушал ему уверенность. И испытуемый не сомневался в независимости мнения партнера.

Было ли столь сильное воздействие партнера на испытуемого следствием самого факта «партнер тоже не согласен с большинством», без учета содержания мнения? Или это влияние связано именно с тем, что партнер дает правильный ответ?

Теперь мы ввели в экспериментальную группу человека, которого проинструктировали, чтобы он противоречил большинству, но при этом и не соглашался с испытуемым. В одних экспериментах большинство всегда должно было выбирать наихудшую для сравнения линию, а проинструктированный партнер указывал на линию, близкую к эталону. В других экспериментах большинство последовательно занимало промежуточную позицию, а не согласный в основном ошибался. Так мы могли изучить относительное влияние «компромиссного» и «экстремистского» партнера на ответы испытуемого.

И снова результаты были очевидны. Когда присутствовал умеренно настроенный не соглашающийся человек, то влияние большинства снижалось до 1/3, и испытуемый никогда полностью не уступал мнению группы. Более того, в этом случае испытуемый допускал лишь умеренные ошибки, а не грубые. Иначе говоря, не соглашающийся человек по большей части контролирует выбор ошибок. Так что испытуемый противостоял большинству, даже порой уступая его давлению.

С другой стороны, когда еще один «диссидент» всегда выбирал линию, которая менее всего соответствовала стандартной, результаты значительно отличались от предыдущих. Такой «экстремист-диссидент» провоцировал более независимое поведение испытуемых. Испытуемые меньше поддавались влиянию группы. Их ошибки составляли только 9%. Более того, все ошибки были связаны с линией, близкой к стандартной. Теперь мы можем сделать вывод о том, что «диссидент» сам по себе влияет на возрастание независимости испытуемых и снижает вероятность ошибок, а поведение «диссидента» дает значительный эффект.

Во всех предыдущих экспериментах испытуемые находились в постоянных, не меняющихся условиях. Теперь мы обратились к изучению того эффекта, который оказывают на испытуемых меняющиеся условия эксперимента. В первом эксперименте изучались последствия потери или приобретения партнера. Проинструктированный партнер начинал отвечать правильно в первых шести экспериментах. С его поддержкой испытуемый обычно сопротивлялся давлению большинства: восемнадцать из двадцати семи испытуемых были полностью независимыми. Но после шестого эксперимента партнер присоединялся к большинству. Как только он это делал, ошибки испытуемого резко возрастали. Его подчинение большинству происходило так же часто, как и в тех случаях, когда

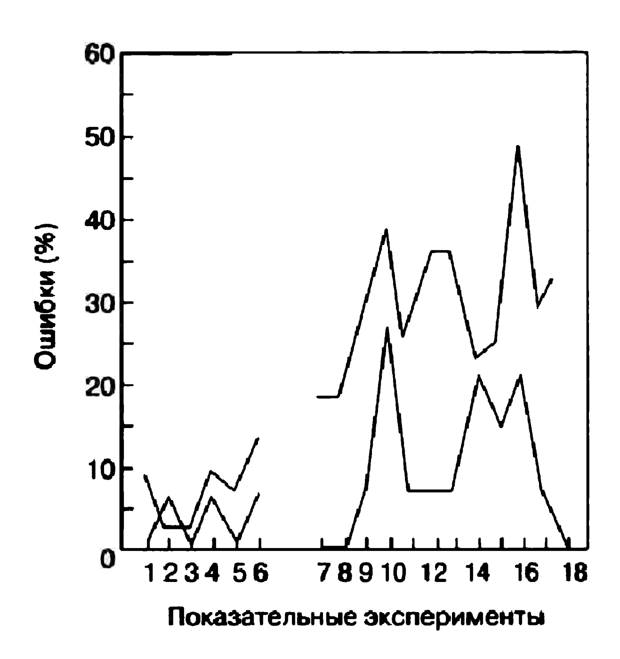


Рис. 5

Партнер оставил испытуемого в одиночестве после шести экспериментов. Верхняя кривая показывает ошибки испытуемых, когда партнер противостоит большинству. Нижняя кривая показывает ошибки, когда партнер просто ушел из аудитории

испытуемый, находящийся в меньшинстве, противостоял единодушному большинству (см. рис. 5).

Это самый удивительный факт, обнаруженный в экспериментах с потерей партнера: первоначальное наличие партнера или совместной с ним оппозиции большинству не усиливают независимости испытуемого потом, после «измены» партнера. Рассматривая результаты эксперимента, мы предположили, что не учитываем важное обстоятельство — эффект, который оказывает на испытуемого «дезертирство» партнера на сторону большинства. Поэтому мы изменили условия так, чтобы партнер просто уходил из аудитории в нужный момент. (Чтобы исключить всякие подозрения, мы говорили в этот момент, что его вызывает декан.) <...>

В таких условиях эксперимента эффект воздействия партнера сохранялся после его ухода. После ухода партнера испытуемые делали ошибки, но все же меньше, чем когда партнер переходил на сторону большинства (см. рис. 5).

Изменив условия эксперимента, мы начинали с опытов, в которых большинство давало единодушные правильные ответы. Затем большинство постепенно переходило к неправильным ответам, и к шестому опыту наивный испытуемый оставался в одиночестве а единодушная группа действовала против него. Пока кто-либо оставался на стороне испытуемого, он полностью сохранял

независимость. Но как только испытуемый обнаруживал себя в одиночестве, его тенденция уступать мнению большинства резко возрастала.

Как и ожидалось, сопротивление испытуемого давлению группы в этих экспериментах зависело от того, насколько ошибалась группа. Мы постоянно меняли величину расхождений между сравниваемыми линиями и стандартной, надеясь найти такое соотношение, при котором ошибка большинства будет столь очевидной, что каждый испытуемый отвергнет ее и будет независим в своих оценках. К сожалению, в этом мы не добились никакого успеха. Даже тогда, когда разница между линиями составляла восемнадцать сантиметров, все же находились испытуемые, которые присоединялись к ошибкам большинства.

Это исследование ответило на несколько простых вопросов, но поставило много других которые ждут своего изучения. Нам бы хотелось выяснить, насколько последовательно человек принимает решения в ситуациях, которые различаются по содержанию и структуре. Если последовательность независимости или конформности поведения фактически признается, то как она функционально связана с особенностями характера и личности? Каким образом независимость связана с социальными и культурными условиями? Являются ли лидеры более независимыми, чем остальные люди, или же они приспосабливаются к обстоятельствам, которые создают их последователи? На эти и многие другие вопросы можно, вероятно, получить ответ с помощью того типа исследований, который мы здесь описали.

Жизнь в обществе подразумевает консенсус как необходимое условие. Но консенсус, по сути своей продуктивный, все же требует от человека, чтобы он жертвовал независимостью собственных поступков и мыслей. Когда консенсус приводит к доминированию конформности, социальные процессы в обществе искажаются, и индивид становится зависимым от тех сил, которые определяют его чувства и мысли. Здесь мы обнаружили, что тенденция к конформности в нашем обществе столь сильна, что вполне образованные и умные молодые люди по этой причине называют белое черным. Все это наводит на размышления об особенностях нашего образования и тех ценностях, которые определяют наше поведение.

Не стоит делать слишком пессимистические выводы из нашего исследования, поскольку нельзя недооценивать способности человека сохранять независимость. Мы можем также найти некоторое утешение в следующем наблюдении: почти все участники нашего эксперимента соглашались с тем, что независимость лучше, чем конформизм.

С. Милграм

Бихевиористское исследование подчинения*

<...> Подчинение — базовая составляющая в структуре социальной жизни. Система власти нужна в любом обществе. Только у человека, живущего в изоляции, нет необходимости реагировать подчинением или неповиновением на команды других. Подчинение как детерминанта поведения имеет особенно большое значение в наше время. Вполне достоверно известен тот факт, что с 1933 по 1945 г., следуя приказу, одни люди убивали миллионы других невинных людей, строили газовые камеры, лагеря смерти, в которых неуклонно выполнялись ежедневные нормы по количеству свежих трупов, не менее эффективно, чем нормы по производству бытовой техники. Такая бесчеловечная политика могла возникнуть в сознании отдельного человека, но в массовом порядке ее можно было провести только, если приказам подчинялось большое число людей.

Подчинение — это механизм психологического принуждения отдельного человека действовать в направлении некой, часто политической, цели. Склонность человека к подчинению авторитету власти, как цемент, соединяет человека с системой власти. Факты современной истории и наблюдения из повседневной жизни позволяют сделать вывод о том, что для многих людей подчинение может быть вполне естественной чертой и даже преобладающим импульсом, атрибутом этичного, нравственного, вызывающего симпатию поведения.<...>

Хотя эти эпизоды имеют отношение к одной из рассматриваемых в нашем исследовании форм подчинения, не надо думать, что всякое подчинение включает акты агрессии против других. Подчинение служит многочисленным продуктивным целям. Действительно, сама жизнь общества предопределяется существованием подчинения. Подчинение может служить благородным и образовательным целям, благотворительности и альтруизму, но вместе с тем может вести к разрушению.

---

* Общественное животное. Исследования / Ред. Э. Аронсон. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. Т. 1. С. 44—64.

Общая процедура эксперимента

Для изучения подчинения была разработана специальная процедура[1]. Испытуемого, не информированного об истинном смысле исследования (т.н. «наивного субъекта»), просили наносить жертве удары электротоком. В эксперименте применяли «ложный» генератор тока. На этом генераторе были четко помечены 30 уровней тока от 15 до 450 вольт и помещены словесные обозначения: «слабый ток», «опасно: сильный ток». Реакции жертвы, специально подготовленного помощника экспериментатора, строятся по определенной схеме. Испытуемого просят наносить удары электротоком, представив процесс как часть «обучающего эксперимента» и говоря, что сама процедура проводится якобы для «изучения влияния наказания на память». По мере того как эксперимент продвигается дальше, «наивного субъекта» побуждают наносить жертве все более сильные удары током, вплоть до того, что испытуемый достигает уровня «опасно: сильный ток». Внутреннее сопротивление становится сильнее и в какой-то момент испытуемый отказывается продолжать эксперимент. Пока испытуемый уступает требованиям экспериментатора, его поведение описывается как «подчинение». Момент прекращения наказания — это акт неподчинения. Количественная величина, соответствующая выполнению действия испытуемым, основывается на максимальной величине силы тока, удар которой он соглашается нанести, прежде чем отказывается продолжать дальше. Таким образом, для любого конкретного испытуемого и для любого конкретного условия эксперимента степень подчинения можно свести к определенной цифровой величине. Исследователи здесь ставят перед собой задачу систематически изменять степень подчинения командам экспериментатора. Техника позволяет по-разному манипулировать со значимыми переменными. Исследователь может изменять источник команд, содержание и форму приказов, приборы для нанесения наказания, объект наказания, общую социальную ситуацию и т.д. Следовательно, проблема не в том, чтобы организовать и провести как можно больше экспериментов, а в том, чтобы выбрать такие экспериментальные условия, которые лучше всего проясняют процесс подчинения с социально психологической точки зрения. <...>

Метод

Испытуемые

Испытуемыми были 40 мужчин в возрасте от 20 до 50 лет, из Нью-Хейвена и окружающих районов. Психологи дали рекламу в местной газете, а также пригласили людей участвовать в эксперименте, разослав прямые приглашения по

[1] См.: *Milgram S.* Dynamics of obedience. Washington: National Science Foundation, 1961. 25 January. (Mimeo).

почте. Ответившие на приглашение полагали, что будут участвовать в проводящемся Йельским университетом исследовании памяти и обучения. Выборка включала представителей самых разных профессий: почтовых клерков, преподавателей средней школы, торговых работников, инженеров и рабочих. Образовательный уровень испытуемых был неоднородным, некоторые участники не окончили начальную школу, а некоторые были докторами наук и квалифицированными специалистами. За участие в эксперименте платили четыре с половиной доллара. При этом испытуемым сообщили, что денежное вознаграждение выплачено за сам факт прихода в лабораторию, независимо от последующих событий. В табл. 1 характеризуется возрастной и профессиональный состав участников эксперимента.

Таблица 1

Распределение возраста и типов профессий в эксперименте

Профессии	20–29 лет n	30–39 лет n	40–50 лет n	Общий итог в процентах (профессиональный)
Рабочие, квалифицированные и неквалифицированные	4	5	6	37,5
Продавцы, бизнесмены, служащие	3	6	7	40,0
Профессионалы	1	5	3	22,5
Общий процент (возраст)	20	40	40	

Примечание: Сумма n = 40

Персонал и место действия

Эксперимент проводился в Йельском университете в первоклассной лаборатории по взаимодействию (эта деталь подчеркивала легитимность эксперимента). Другой вариант этого же самого эксперимента исследователи проводили за пределами университета. Роль экспериментатора выполнял 31-летний школьный учитель биологии. Он вел себя сдержанно и держался строго, одет был в серый халат лаборанта. Жертву играл 47-летний бухгалтер, американец ирландского происхождения, которого специально обучили для выполнения этой роли. Большинство наблюдателей считало его симпатичным человеком с мягкими манерами.

Процедура

В каждом эксперименте участвовал один «наивный субъект» (ничего не подозревающий испытуемый) и одна жертва (помощник экспериментатора). Исследователям нужен был предлог, который бы оправдал нанесение ударов током испытуемым. Легенда успешно объясняла необходимость ударов электротоком. После общего вступления, когда испытуемым рассказывали, что, как предпо-

лагают ученые, существует взаимосвязь между наказанием и обучением, им сообщали:

> В действительности мы знаем очень мало о воздействии наказания на обучение, потому что на эту тему не проводилось почти никаких настоящих научных исследований с людьми.
>
> Например, мы не знаем, в какой степени наказание ценно для обучения, и мы не знаем, насколько для нас имеет значение то, кто наказывает; мы не знаем, будет ли взрослый лучше усваивать материал под руководством молодого человека или же человека старше него, — многих нюансов подобного рода мы еще не знаем.
>
> Поэтому к нашему исследованию мы привлекли взрослых людей различных профессий и возрастов. И мы просим некоторых из них быть учителями, а некоторых — учениками.
>
> Мы хотим выяснить, какое воздействие разные люди оказывают друг на друга как преподаватели и ученики, а также влияние наказания на обучение в этой ситуации.
>
> Поэтому я собираюсь попросить одного из вас быть сегодня вечером преподавателем, а другого — учеником.
>
> Кто-нибудь уже сделал свой выбор?

Затем испытуемые тянули жребий — листки бумаги, чтобы определить, кто в эксперименте будет преподавателем, а кто — учеником. Психологи устраивали так, что «наивный субъект» всегда был преподавателем, а помощник — учеником (на обоих листках было слово «преподаватель»). Сразу же после этого учителя и ученика отводили в соседнюю комнату, и ученика пристегивали к аппарату, напоминающему электрический стул.

Экспериментатор объяснил, что ремни должны пресечь излишнюю подвижность, когда ученику наносят удар электротоком. В результате экспериментаторы достигали того, что «ученик» не мог выйти из ситуации. Электрод прикрепляли к запястью «ученика» пластырем, чтобы «избежать волдырей и ожогов». Испытуемым сказали, что электрод соединялся с генератором тока в соседней комнате.

Для большей достоверности экспериментатор сообщал в ответ на вопрос ученика: «Хотя удары электротоком могут быть крайне болезненными, они не сильно повредят ткани».

Задача обучения. Урок, который испытуемый преподавал ученику, заключался в совместном обучающем задании. Испытуемый читал ряд пар слов ученику, а затем зачитывал первое слово каждой пары вместе с четырьмя другими словами. Ученик должен был указать, какое слово из четырех названных ранее сочеталось с первым. Он сообщал свой ответ, нажав на одну из четырех кнопок перед собой, вследствие чего зажигался один из пронумерованных секторов на коробке с ответами, помещенной наверху генератора тока.

Генератор тока. Панель инструментов состоит из 30 рычагов с переключателями. Каждый переключатель снабжен указанием с количеством вольт от 15 до 450. Напряжение возрастает на 15 вольт от одного переключателя к следующему слева направо. Кроме того, для групп из четырех переключателей были четко указаны следующие обозначения: слабый ток, умеренный ток, сильный ток, очень сильный ток, интенсивный ток, очень сильный ток, опасно для жизни (два переключателя после этого последнего обозначения были просто отмечены XXX).

После переключения каждая кнопка переключателей вспыхивала сигнальным красным светом; слышалось электрическое гудение; затем вспыхивала голубым светом надпись «увеличитель напряжения», стрелка на вольтметре сдвигалась вправо; были слышны различные щелчки переключателей.

В верхнем левом углу генератора — название: генератор тока, тип ZLB, Dyson Instrument Company, Waltham, массовый выпуск 15-450 вольт.

Для убедительности и создания впечатления аутентичности аппарата были тщательно изготовлены все необходимые детали. Панель инструментов была сделана на заводе, а все ее компоненты отличались высоким качеством. Никто из испытуемых не подозревал, что этот инструмент был только симуляцией генератора тока[2].

Показательный удар электротоком. Каждому испытуемому, прежде чем он приступал к своей роли учителя, наносили удар электротоком на генераторе. Это был удар током в 45 вольт, и его наносили, нажав на третью кнопку генератора. Ток проходил через запястье испытуемого, а его источником служила батарейка в 45 вольт, которую вставляли в генератор. Тем самым испытуемого убеждали в аутентичности генератора.

Инструкция по нанесению ударов электротоком. Испытуемому велели наносить удары электротоком ученику каждый раз, когда тот отвечает неправильно. Более того, испытуемого обучали «увеличивать уровень тока каждый раз, как ученик дает неправильный ответ» (это использовалось в качестве основной команды). Испытуемому также велели сообщать ученику уровень тока, прежде чем наносить удар. Это служило постоянным напоминанием испытуемому об увеличивающейся интенсивности тока, который он наносит ученику.

Предварительное тестирование и процедура эксперимента. Предварительное тестирование показало, что процедура чтения слов и нанесения ударов током

---

[2] Похожий аппарат использовался Бассом (1961) для исследования агрессии в условиях лаборатории, когда ученый также применил генератор тока. Несмотря на большое сходство технических деталей в процедуре эксперимента, каждый исследователь действовал независимо. Милграм впервые представил чертежи и фотографии своего генератора тока, план эксперимента и первые результаты в докладе для Национального научного фонда в январе 1961 г. Этот доклад зачитывался ограниченному кругу людей. Басс рассказал о своей процедуре спустя шесть месяцев, но более широкой аудитории. Впоследствии ученые обменялись технической информацией и отчетами. Настоящая статья впервые появилась у редактора 27 декабря 1961 г., она вновь вышла с сокращениями 27 июля 1962 г.

требует некоторой практики, прежде чем ее можно правильно осуществить. Поэтому, прежде чем приступить к обычной процедуре эксперимента, учителю дают прочесть предварительную серию из 10 слов ученику. Во время чтения встречаются 3 нейтральных слова (т.е. такие слова, на которые ученик правильно отвечает), так что удары наносятся за 7 слов, при этом максимальный уровень тока 105 вольт (умеренный ток). Почти все испытуемые овладевают этой процедурой к моменту окончания предварительного процесса.

Затем испытуемым дают второй список и говорят, что процедура останется прежней: однако экспериментатор добавляет условие:

> Когда вы дойдете до конца списка, повторите его снова и продолжайте наносить удары, пока ученик не усвоит все пары правильно.

Экспериментатор обучает испытуемого, требуя

> начинать с 15 вольт и усиливать уровень тока на одну ступень всякий раз, когда ученик отвечает неверно.

Обратная связь с жертвой. Во всех ситуациях, когда ученик дает заранее определенные ответы на тест с парами слов, устанавливается порядок приблизительно трех неправильных ответов на один правильный. В данном эксперименте ученик никак не реагирует и не подает признаков протеста до тех пор, пока уровень тока не достигнет 300 вольт. Когда «учитель» наносит ему удар в 300 вольт, ученик начинает колотить в стену комнаты, в которой он сидит, пристегнутый к электрическому стулу. Испытуемый слышит его стук. С этого времени ученик перестает нажимать на кнопку ответа и реагировать на слова учителя.

В этот момент испытуемые, как правило, обращаются к экспериментатору за советом. Экспериментатор дает наставления испытуемому воспринимать отсутствие ответа как неправильный ответ и наносить удар током испытуемому в соответствии с оговоренной процедурой. Экспериментатор советует испытуемым выжидать 5-10 секунд, прежде чем считать отсутствие ответа за неправильный ответ, и увеличивать уровень тока на одну ступень каждый раз, когда ученик отвечает неправильно. Ученик снова начинает стучать в стену, когда ему наносят удар током в 315 вольт; после этого «учитель» ничего не слышит и никаких ответов на сигнальной коробке не появляется.

Обратная связь с экспериментатором. В разные моменты проведения эксперимента испытуемый может обратиться к экспериментатору за советом о том, стоит или нет продолжать наносить удары током или же он может показать, что не желает продолжать. В эксперименте было важно создать стандарты ответа экспериментатора на такие вопросы и реакции,

Если испытуемый проявлял нежелание продолжать, то экспериментатор реагировал серией «толчков», используя их настолько, насколько нужно было, чтобы заставить испытуемого продолжать.

Толчок 1: Пожалуйста, продолжайте. Или: Пожалуйста, дальше.

Толчок 2: Для эксперимента нужно, чтобы вы продолжали.

Толчок 3: Совершенно необходимо, чтобы вы продолжали.

Толчок 4: У вас нет другого выбора, вы должны продолжать.

Толчки всегда следовали подряд: если не действовал толчок 1, применялся толчок 2. Если испытуемый отказывался подчиняться экспериментатору после толчка 4. эксперимент заканчивался. Экспериментатор всегда говорил твердым, но вежливым тоном. Последовательность возобновлялась всякий раз, когда испытуемый останавливался или проявлял нежелание следовать приказаниям экспериментатора.

Специальные толчки. Если испытуемый спрашивал, не получает ли ученик сильные телесные повреждения, то экспериментатор отвечал:

Хотя удары могут быть болезненными, ткани испытуемого не повреждаются, так что, пожалуйста, продолжайте. (Следует толчок 2,3 и 4, если необходимо.)

Если испытуемый говорил, что ученик не хотел продолжать, экспериментатор отвечал:

Нравится это ученику или нет, вы должны продолжать до тех пор, пока он не выучит все пары слов правильно. Так что, пожалуйста, продолжайте. (Следуют толчки 2, 3и4, если нужно.)

Зависимые показатели

Основной зависимый показатель для любого испытуемого — это максимальная величина силы электротока, который он наносит, прежде чем отказывается продолжать дальше. В принципе эта величина может варьироваться от 0 (для испытуемого, который отказывается нанести даже первый удар) до 30 (когда испытуемый наносит удар током максимально допустимой величины). Испытуемый, прерывающий эксперимент в любой момент до нанесения удара током 30-го уровня, считается «непослушным» испытуемым. Тот испытуемый, который полностью выполняет команды экспериментатора и соглашается нанести удар током любого уровня, называется «послушным» испытуемым.

Дополнительные записи. За некоторым исключением экспериментальные сессии записывались на магнитофон. Время от времени делались фотографии при помощи зеркал. В процессе эксперимента психологи фиксировали любое необычное поведение. Иногда экспериментаторы приглашали дополнительных наблюдателей, чтобы объективно описать поведение испытуемых. С помощью специальных таймеров измерялась задержка и продолжительность ударов.

Интервью и разъяснения. После проведения эксперимента испытуемых интервьюировали; использовались открытые вопросы, проективные методы и

шкалы установок. После интервью следовали специальные процедуры, позволявшие им прийти в нормальное психическое состояние. Между испытуемым и жертвой организовывали дружеское примирение, и экспериментаторы старались снизить любое напряжение, возникшее после эксперимента.

Результаты

Предварительные прогнозы

Прежде чем рассказать о результатах эксперимента, полезно учесть, как люди предсказывают действия испытуемых, которым велят нанести сильный удар электротоком другому лицу. 14 старшекурсников Йельского университета, обучающихся психологии, получили детальное описание ситуации эксперимента. Их попросили тщательно подумать об этом и предсказать, как будут вести себя 100 гипотетических испытуемых. Конкретно их попросили подумать, как распределятся показатели степени подчинения для «100 американцев разных профессий в возрасте от 20 до 50 лет», помещенных в ситуацию эксперимента.

В основном респонденты были единодушны относительно ожидаемого поведения гипотетических испытуемых. Все респонденты предсказали, что только незначительное меньшинство нанесет всю серию ударов до конца. (Оценки составляли от 0 до 3%; то есть самые «пессимистичные» студенты предсказывали, что из 100 человек 3 нанесут самый сильный из возможных ударов тока — в 450 вольт.) Средняя величина в классе составляла 1,2%. Автор неофициально задал такой же вопрос и своим коллегам. Чаще всего на него отвечали, что вряд ли кто-нибудь из испытуемых перейдет отметку «очень сильный ток».

Результаты эксперимента 1

Испытуемые принимают ситуацию. За некоторым исключением испытуемые были уверены в реальности ситуации эксперимента, они не сомневались, что наносят удары электротоком другому человеку и что самые сильные удары крайне болезненны. В интервью после эксперимента испытуемых спрашивали: «Насколько болезненными для ученика были последние несколько ударов, которые вы ему нанесли?» Испытуемым поручили указать в своих ответах на 14-балльной шкале уровень тока от уровня «совсем безболезненный» до уровня «крайне опасный». Возможный ответ был 14 (крайне болезненный), а средняя величина составляла 13,42.

Признаки сильного напряжения. Многие испытуемые проявили признаки нервозности в ситуации эксперимента, особенно когда требовалось нанести более мощный удар электротоком. В большом числе случаев напряжение достигало крайней степени, которая редко наблюдается в лабораторных социально-

психологических экспериментах. Экспериментаторы видели, как испытуемые потели, дрожали, заикались, кусали свои губы, стонали и расцарапывали себе кожу. Это были характерные, а не исключительные реакции на эксперимент.

Одним из признаков такого напряжения были регулярные припадки нервного смеха. 14 из 40 испытуемых нервно улыбались или хохотали. Этот смех казался совершенно неуместным и даже странным. У 3 испытуемых наблюдались совершенно неконтролируемые припадки. В одном случае у испытуемого были столь сильные судороги, что потребовалось прекратить эксперимент. В другом случае 46-летний продавец энциклопедий пришел в смятение от своего собственного неприемлемого и неконтролируемого поведения. В интервью после эксперимента испытуемые прилагали немало усилий, чтобы доказать, что они не принадлежат к садистскому типу и что их смех не означал, что им нравилось наносить жертве удары током.

Распределение баллов. Предполагалось, что люди, в целом, не согласятся нанести удар электротоком выше уровня, обозначенного как «очень сильный ток». В табл. 2 показано распределение максимальных величин использованной силы тока. Полученное распределение баллов сильно отличается от прогноза.

По команде экспериментатора каждый из 40 испытуемых зашел дальше ожидаемого предела. Ни один из них не остановился, пока не дошел до уровня 20. (На этом уровне - в 300 вольт — жертва стучит в стену и перестает отвечать на вопросы учителя.)

Из 40 испытуемых 5 отказались подчиниться командам экспериментатора выше уровня в 300 вольт. 4 испытуемых нанесли еще один удар током и отказались продолжать дальше. Два прекратили на уровне в 330 вольт и по одному испытуемому останавливались на отметке 345, 360 и 375 вольт. Таким образом, всего 14 испытуемых отказались подчиниться экспериментатору. Полезно воспроизвести их замечания в момент неподчинения, зафиксированные на магнитофонной ленте:

> [0124] Мне кажется, он пытается что-то сообщить, он стучит.., Нечестно ударять этого человека током... эти ужасные вольты. Мне кажется, что это бесчеловечно... Я не могу продолжать; нет, это неправильно. Это дьявольский эксперимент. Там человек страдает. Нет, я не хочу продолжать. Это безумие (испытуемый отказывается продолжать).
>
> [0123] Он стучится. Я собираюсь выйти из игры. Я бы хотел продолжать, но я не могу поступить так с человеком... простите, я не могу поступить так с человеком. Я боюсь за его сердце. Проверьте... Нет, действительно, я не могу этого сделать.

Эти испытуемые часто приходили в очень возбужденное состояние и даже сердились. Иногда вербальный протест выражался минимально, и испытуемый просто вставал со стула перед генератором тока и показывал, что хочет выйти из лаборатории.

Из 40 испытуемых 26 подчинились всем приказам экспериментатора, они наказывали жертву, пока не достигали самого сильного уровня тока на генераторе. В этот момент экспериментатор приказывал прекратить эксперимент. (Максимальный ток обозначен в 450 вольт, а в двух шагах от этого обозначения помещена надпись: «опасно для жизни: сильный ток»).

Таблица 2

Распределение моментов выхода из эксперимента

Вербальное обозначение и указатель напряжения в вольтах	Количество испытуемых, для которых данный показатель напряжения был максимальным
Слабый ток	
15	0
30	0
40	0
60	0
Умеренный ток	
75	0
90	0
105	0
120	0
Сильный ток	
135	0
150	0
165	0
180	0
Очень сильный ток	
195	0
210	0
225	0
240	0
Интенсивный ток	
255	0
270	0
285	0
300	5
Чрезвычайно интенсивный ток	
315	4
330	2
345	1
360	1
Опасно для жизни	
375	1
390	0
405	0
420	0
XXX	
435	0
450	26

Хотя послушные испытуемые продолжали наносить удары электротоком, они часто делали это, переживая сильный стресс. Некоторые из них выражали нежелание наносить удары тока выше 300 вольт и, как и те, кто не подчинился экспериментатору, проявляли страхи, и все же эти испытуемые слушались экспериментатора.

После того, как испытуемые наносили удары тока максимальной величины, и экспериментатор требовал остановить процедуру, многие подчиняющиеся испытуемые облегченно вздыхали, потирали брови и глаза или нервно мяли в руках сигареты. Некоторые покачивали головой, по всей видимости, чувствуя сожаление. Некоторые испытуемые оставались спокойными на протяжении эксперимента и проявляли только минимальные признаки напряжения.

Обсуждение результатов

Два результата эксперимента вызвали удивление. Первое — это появление у испытуемых непрогнозируемой тенденции подчиняться в этой ситуации. Участники эксперимента с детства знали, что причинять вред другому человеку против его воли — серьезное нарушение нравственного поведения. И при этом 26 испытуемых нарушают эту догму, следуя инструкциям авторитетного человека, не обладающего особой властью принуждать к выполнению его команды. Неповиновение не может принести материальной потери испытуемому; никакого наказания не последует. Замечания и внешнее поведение многих участников свидетельствовали о том, что, наказывая жертву, они поступали вопреки собственным ценностям. Испытуемые часто выражали глубокое неодобрение тем, что наносили удары током человеку, даже несмотря на его возражения, а другие осуждали такие действия и называли их глупыми и бессмысленными. И при этом большинство выполнило требования экспериментатора. Этот результат был удивительным с точки зрения предсказаний в вопроснике, описанном выше (здесь, однако, возможно, что отдаленность респондентов от действительной ситуации и трудность передачи им конкретных деталей может объяснить серьезную недооценку феномена подчинения).

Однако результаты были также неожиданными для людей, наблюдавших за экспериментом сквозь зеркальные стекла. Наблюдатели часто выражали недоверие, когда видели, что испытуемый наносил жертве более сильный удар током. Эти люди знали все детали ситуации и все же последовательно недооценивали подчинение, которое могут проявить испытуемые.

Второй непредвиденный эффект — необычное напряжение, вызванное процедурами. Можно было бы предположить, что испытуемый просто прекратит или поступит так, как велит ему его совесть. Но в действительности все происходило иначе. Испытуемые демонстрировали поразительные реакции напряжения и эмоционального усилия. Один из наблюдателей сообщает:

> Я наблюдал, как зрелый и поначалу уравновешенный бизнесмен уверенно входил в лабораторию и улыбается. За 20 минут он превратился в подергивающуюся, заикающуюся развалину — человека, с которым вот-вот произойдет нервный срыв. Он постоянно дергал себя за мочку уха и заламывал руки. В какой-то момент он ткнул себя кулаком в лоб и пробормотал: «О, Боже, лишь бы это поскорей закончилось». И все же он реагировал на каждое слово экспериментатора и послушно выполнял приказания до конца.

Понимание феномена подчинения должно основываться на анализе тех условий, в которых он возникает. Следующие черты эксперимента детальнее объясняют высокую степень подчинения в данной ситуации.

1. Эксперимент проводился в Йельском университете — учреждении с безупречной репутацией — и осуществлялся за счет средств университета. Можно с полным основанием предполагать, что участвующий в эксперименте персонал — компетентный и уважаемый. В настоящее время исследуется степень влияния авторитета учреждения, являющегося базой эксперимента. Так, проводится серия экспериментов за пределами Нью-Хейвена и без очевидной связи с университетом.

2. Эксперимент, по крайней мере внешне, должен достичь достойной цели — приумножить наши знания об обучении и памяти. Подчинение возникает не как цель, а как инструментальный элемент в ситуации, которую испытуемый считает значимой и осмысленной. Возможно, он и не видит всего ее смысла, но может совершенно резонно предполагать, что экспериментатор понимает значение и смысл ситуации полностью.

3. Испытуемый считает, что жертва охотно подчинилась системе приказов экспериментатора. Во-первых, жертва — не подневольный пленный. Этот человек пришел в лабораторию предположительно для того, чтобы помочь исследованию экспериментатора. То, что позже он может продолжать участвовать в эксперименте не по собственной воле, не меняет факта: первоначально он согласился принять участие в эксперименте безо всяких ограничений. Таким образом, он в какой-то степени выполнял свое обязательство перед экспериментатором.

4. Испытуемый тоже добровольно стал участвовать в эксперименте и считает, что обязан помочь экспериментатору. Он уже дал обещание, и выйти из эксперимента для него значит отказаться от первоначального обещания помочь.

5. Некоторые особенности процедуры усиливают ощущение обязанности по отношению к экспериментатору. Прежде всего, ему заплатили за то, что он пришел в лабораторию. Отчасти это обязательство аннулируется после слов экспериментатора:

Разумеется, как и во всех экспериментах, вы получаете деньги просто за то, что приходите в лабораторию. Поэтому, независимо от того, что произойдет в дальнейшем, деньги — ваши[3].

6. С точки зрения испытуемого, тот факт, что он учитель, а другой человек — ученик, является случайностью (это определяется с помощью жребия), и он, испытуемый, подвергается тому же самому риску, что и другой человек, получивший роль ученика. Поскольку роли в эксперименте распределялись справедливо, ученик не может жаловаться по этому поводу. (Похожая ситуация возникает в армейских частях — когда нет добровольцев, то на особо опасные задания военные отправляются по жребию, и предполагается, что «невезучий» солдат мужественно встретит свою неудачу.)

7. Существует, по меньшей мере, двусмысленность в отношении прерогатив психолога и соответствующих прав его испытуемого. Есть смутные ожидания относительно того, что психолог может требовать от своего испытуемого и когда он нарушает приемлемые границы. Более того, эксперимент устраивается в закрытой обстановке, и, таким образом, у испытуемого нет возможности избежать двусмысленного положения, обсудив его с другими. Почти не имеется стандартов, которые, по-видимому, непосредственно применимы к ситуации, новой для большинства испытуемых.

8. Испытуемых убеждают в том, что удары током, которые они наносят жертве, «болезненные, но не опасные». Так что они предполагают, что дискомфорт, который испытывает жертва, — кратковременный, а научная польза эксперимента — вечна.

9. До 20 уровня тока жертва продолжает давать ответы при помощи сигнальной коробки. Испытуемый может расценить это как знак того, что жертва все еще хочет «поиграть в игру». Только после 20-го уровня тока жертва перестает соблюдать правила и отказывается отвечать дальше.

Эти особенности помогают объяснить высокую степень подчинения, полученную в данном эксперименте. Возможно, многие аргументы и не требуют тщательного рассмотрения, но их можно проверить с помощью дальнейших экспериментов и подтвердить или опровергнуть[4]

Следующие характеристики эксперимента касаются природы конфликта, с которым сталкивается испытуемый.

10. Испытуемый помещается в ситуацию, когда он должен реагировать на требования двух человек: экспериментатора и жертвы. Испытуемый должен раз-

[3] 43 испытуемых, студентов последнего курса Йельского университета, участвовали в эксперименте на добровольных началах. (Результаты экспериментов похожи на результаты экспериментов с испытуемыми, которым платили).

[4] У Милграма приводится отчет о серии недавно проведенных экспериментов, в которых используется парадигма подчинения. См.: *Milgram S.* Dynamics of obedience. Washington: National Science Foundation, 1961. 25 January. (Mimeo).

решить конфликт и выполнить требования одного или другого; причем эти требования — взаимоисключающие. Более того, решение должно принять форму очень заметного действия, то есть испытуемый должен или нанести удар током жертве, или прекратить эксперимент. Таким образом, испытуемый втягивается в открытый конфликт, не позволяющий принять полностью удовлетворительное решение.

11. В то время как требования экспериментатора имеют вес научного авторитета, требования жертвы исходят из его личного ощущения боли и страдания. Оба эти требования не обязательно рассматривать как в одинаковой степени настоятельные и законные. Экспериментатор хочет получить абстрактные научные данные; жертва кричит из-за того, что хочет получить облегчение физического страдания, обусловленного действиями испытуемого.

12. В процессе эксперимента у испытуемого имеется мало времени на размышление. Конфликт развивается быстро. Всего спустя несколько минут после того, как испытуемого усаживают перед генератором тока, жертва начинает протестовать. Более того, испытуемый замечает, что уже прошел 2/3 уровней тока к тому моменту, когда слышит первые протесты жертвы. Таким образом, испытуемый понимает, что конфликт будет постоянным и станет еще сильнее, по мере того как он будет вынужден наносить все более мощные удары. Скорость, с которой конфликт обрушивается на испытуемого, и его реализация, которая предсказуемым образом повторяется, усиливают напряжение испытуемого.

13. Если обобщить, то конфликт возникает из противостояния двух глубоко укоренившихся поведенческих диспозиций: во-первых, склонности человека не приносить вреда другим, а во-вторых, тенденции подчиняться тем, кто кажется нам законной властью.

Р.Р. Хок

Помогать или не помогать*[1]

Одно из самых потрясающих событий в истории психологии и психологических исследований не было ни экспериментом, ни открытием ученых. Это было реальное событие, вернее говоря, ужасающая трагедия, которая произошла в Нью-Йорке. О ней сообщали все средства массовой информации Соединенных Штатов. (В статьях по психологии ее пересказывали многократно.) Это случилось в 1964 году. Китти Дженовезе (Kitty Genovese) — хозяйка бара в Манхеттене — после закрытия своего заведения возвращалась домой, в спокойный район среднего класса Квинс. Когда она вышла из машины и направилась к своему дому, на нее напал мужчина с ножом. Он нанес Китти несколько ударов своим оружием, она пронзительно взывала о помощи. Один из соседей открыл окно и закричал: «Отстань от девушки!», после чего нападавший пустился в бегство. Но потом он вернулся, повалил Дженовезе на землю и начал снова наносить ей удары ножом. Она продолжала громко кричать, и наконец, кто-то позвонил в полицию. Буквально через две минуты после вызова полиция была на месте, но Дженовезе была мертва, а ее убийца уже исчез. Нападение длилось 35 минут. Полицейское расследование выявило, что свидетелями происшествия были 38 человек из окружающих домов, но только один из них, в конце концов, вызвал полицию. Одна супружеская пара (они сообщали о своей уверенности, что полицию вызовет кто-то другой) придвинула два стула поближе к окну, чтобы наблюдать сцену насилия. Убийца так и не был найден.

Если бы кто-нибудь поскорее пришел на помощь Дженовезе, она, возможно, осталась бы в живых. Весь Нью-Йорк и вся страна пришли в ужас от кажущегося отсутствия сострадания со стороны такого большого количества соседей, даже не попытавшихся прекратить насилие. Люди искали причину та-

---

* *Хок Р.Р.* 40 исследований, которые потрясли психологию. Секреты выдающихся экспериментов. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. С. 394–405.

[1] Базовые материалы: *Darley J.M., Latane B.* Bystander intervention in emergencies: Diffusion of responsibility // Journal of Personality and Social Psychology. 1968. Vol. 8. P. 377–383.

кой пассивности. Виновата была отчужденность, вызванная жизнью в большом городе, виноваты были жители района Квинс, виновата была глубинная сущность человеческой натуры.

Трагедия Дженовезе вызвала жгучий интерес психологов, которые вознамерились понять, какие психологические силы могли помешать людям реально оказать помощь. Эта область психологии изучает то, что исследователи поведения называют просоциальным поведением, или поведением, вызвавшим позитивные социальные последствия. Она занимается такими темами, как альтруизм, сотрудничество, неоказание помощи и помощь. Если бы вы оказались очевидцем аварии или какой-либо другой катастрофы, в которой кто-то нуждается в помощи, на ваше решение вмешаться и предложить свою помощь влияли бы многие факторы. Психологи решили изучить эти факторы. Среди них были двое социальных психологов: Джон Дарли (John Darley) из Нью-Йоркского Университета и Биб Латане (Bibb Latane) — из Колумбийского. Они ввели термин, обозначающий поведение человека, оказывающего помощь в критической ситуации, — вмешательство очевидца (или в данном случае, невмешательство).

Приходилось ли вам когда-нибудь в жизни непосредственно сталкиваться с чрезвычайной ситуацией? Это явление совсем необычное, противоположное тому, что можно подумать, смотря телевизор или читая газеты. Дарли и Латане приблизительно подсчитали, что человек за свою жизнь сталкивается менее чем с шестью такими ситуациями. Это одновременно и хорошо, и плохо: хорошо — по очевидным причинам, плохо, потому что при непосредственном столкновении с такого рода ситуацией вам приходится принимать решение, как поступить, не имея опыта в таких делах. Общество диктует, что мы должны помогать другим людям, но часто, как и в случае с Дженовезе, мы этого не делаем. Почему? Не из-за того ли, что не имеем достаточного опыта и не знаем, что делать? Или из-за отчужденности, присущей жителям больших городов? Или людям по их природе вообще не свойственно проявлять заботу?

Дарли и Латане проанализировали реакции очевидцев. Они предположили, что именно большая численность людей, оказавшихся свидетелями трагедии, уменьшила желание каждого из них в отдельности вмешаться и помочь. И ученые решили проверить свою гипотезу экспериментально.

Теоретические вопросы

Здравый смысл, возможно, говорит вам: чем больше очевидцев в чрезвычайной ситуации, тем более охотно каждый из них вмешивается в нее. Но Дарли и Латане выдвинули как раз противоположную гипотезу. Причиной того, что никто не сделал и шагу для помощи Дженовезе, был так называемый феномен рассеяния ответственности (diffusion of responsibility). Его суть состоит в том, что с возрастанием числа свидетелей в таких ужасных ситуациях растет и убеждение:

«Кто-то другой поможет, так что мне вмешиваться не обязательно». Случалось ли вам когда-нибудь бывать свидетелем аварии на переполненной улице? Да еще наблюдать эту жуткую сцену? Много шансов за то, что вы проехали бы мимо, будучи уверенным, что кто-нибудь другой обязательно вызовет полицию и скорую помощь. Персональной ответственности за эти действия вы не чувствовали. А теперь представим, что несчастный случай произошел на пустынной проселочной дороге, где никого вокруг нет. Ваша реакция на случившееся будет другой? И моя — тоже!

Концепция о диффузии ответственности сформировала теоретическую базу для исследования проблемы. Идея состояла в том, чтобы в лаборатории создать ситуацию, похожую на ту, в которую попала Дженовезе, да еще таким образом, чтобы ею можно было манипулировать и систематически изучать ее. К разработке эксперимента Дарли и Латане подошли очень творчески.

Методика

Воссоздать происшествие с убийством Китти Дженовезе для экспериментальных целей было практически невозможно по очевидным причинам. Поэтому нужно было придумать ситуацию, приближенную к критической, и искусно и правдиво разыграть ее таким образом, чтобы можно было наблюдать вмешательство в нее свидетелей. Участвовать в эксперименте Дарли и Латане пригласили учащихся подготовительного курса психологии Нью-Йоркского университета. Ученые попросили студентов принять участие в обсуждении вопросов адаптации к высококонкурентной городской университетской жизни, а также поговорить о личных проблемах, которые у них возникают. Студентам предложили честно обсудить свои проблемы между собой, не испытывая при этом какого-либо дискомфорта или смущения. Участники находились в отдельных комнатах и могли переговариваться друг с другом с помощью внутренней телефонной связи. Им объяснили, что эта связь позволяет говорить только одному человеку. Каждому студенту было дано по две минуты, после чего микрофон переключался на другого участника.

Все это было придумано, чтобы добиться у испытуемых естественного поведения и не раскрывать до поры истинные цели эксперимента. Наиболее важной частью этой предварительной стадии было разделение студентов на три группы с различными условиями эксперимента. Испытуемые в группе 1 считали, что они будут беседовать только с одним собеседником, во второй группе каждый предполагал, что разговаривает по телефону с двумя людьми, испытуемым из третьей группы сказали, что к их линии будут подключаться пять человек. На самом деле каждый испытуемый был сам по себе, а все другие голоса были записаны на пленку.

Размер группы варьировался, сам тип критической ситуации был создан. Исследователи решили, что эпилептический припадок будет выглядеть очень реалистично и воспримется большинством людей как несчастный случай. Как только началось обсуждение и включилась линия связи между испытуемыми и другими «студентами», испытуемые услышали первого студента, мужчину, рассказывающего, что ему трудно сосредоточиться на учебе и приспособиться к жизни в Нью-Йорке. Затем, в некотором замешательстве, он добавил, что иногда у него бывают припадки, особенно после сильного стресса. Далее разговор переключился на следующего студента. В группе 1 следующим по очереди был сам студент-испытуемый, в то время как в других группах испытуемый слышал один или несколько голосов перед тем, как подходила его очередь высказаться. После разговора испытуемого опять подходила очередь «первого студента». И вот происходил несчастный случай. «Первый студент» говорил сначала как обычно, а потом у него начинался припадок (вспомните: все это было на аудиопленке). Латане и Дарли воспроизводили припадок в деталях, примерно так:

> Я-э-м-я думаю я — мне нужна-а-а е-е-если если бы-ы-ы кто-нибудь э-э-э-э-э-э-э-э немно-о-ого помог мне здесь, потому что — э-э-э-э- я -э- я -э- я у меня-э-э-э-я-э — я пробле е е е ма прямо сейчас и я э-э-э-э если бы кто-нибудь смог бы помочь мне выйти на-на-наверняка мне с-с-с-с-стало-о-о-о бы |легче э-э-э-э — потому-у-у-у-зздесь я э-э-э-э-у-у-у-у мне э-э-э-надо-э-э-надо выйти-и-и-и-и-и-и мне действительно нужна помощь-у-у — у-у-э-э-э — э-э е-е-е-если кто-о — о-оо-ниб-будь по-о-о-моожет мне-е-е-е поможет мне-е-е немно-о-о-го-о помо-ожет э-э-э-э-у-у-у-у-(Слышно, как человек задыхается.) ...Я умираю-ю-ю-ю... помогите-е-е-при-ипадок (задыхается, тишина)[2].

Для испытуемых — это действительно несчастный случай. Ведь какой-то «студент» в беде, и ему нужна неотложная помощь. Проанализировав реакции испытуемых, Дарли и Латане подсчитали (в процентах), сколько испытуемых из данной группы помогли студенту в беде (помощь определялась тем, что участник покидал свою комнатку и уведомлял экспериментатора о проблеме). Было измерено также и время, которое потребовалось испытуемым для отклика на несчастный случай и попытки оказать помощь. Испытуемым предоставляли 4 минуты для проявления реакции, после чего эксперимент заканчивался.

Результаты

Открытия, сделанные в этой работе, точно подтвердили гипотезу экспериментаторов. На рис. 1 приведены данные (в процентах) о количестве испытуемых, сообщивших о приступе быстро.

---

[2] См.: *Darley J.M., Latane B.* Bystander intervention in emergencies: Diffusion of responsibility // Journal of Personality and Social Psychology. 1968. Vol. 8. P. 95-96.

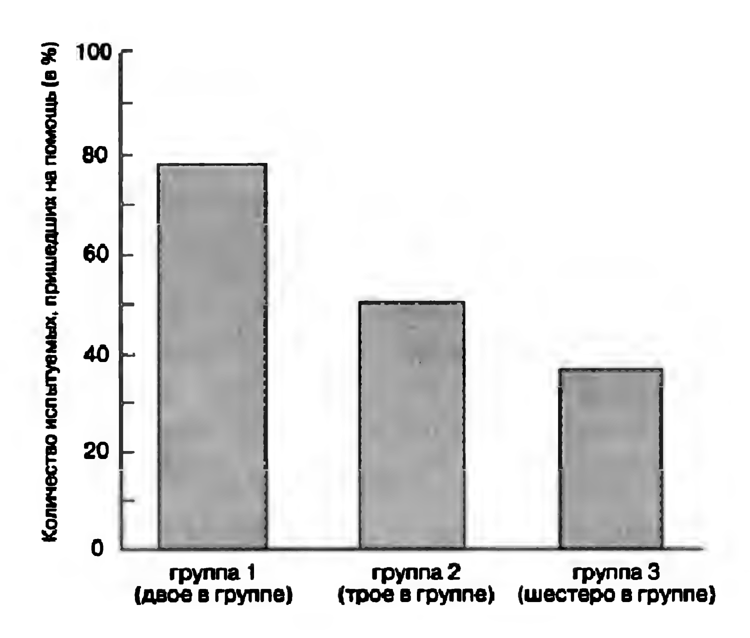


Рис. 1. Количество испытуемых в группах различной численности, которые быстро пришли на помощь при приступе[3]

Чем больше испытуемых было в группе, тем поразительно меньшее их число откликнулось на случившуюся беду. И среди тех кто, в конце концов, решился помочь, испытуемых, пришедших на помощь с задержкой, было больше там, где больше присутствовало очевидцев. Для группы 1 продолжительность задержек в отклике на ситуацию не превышала одной минуты, тогда как для группы 3 эта величина была более 3 минут. И наконец, общее число испытуемых, сообщивших о припадке как во время него, так и после, варьировалось в группах с такой же закономерностью. Все испытуемые в группе 1 сообщили о несчастном случае, в группе 2 — только 85%, а в группе 3 — 60%, и им потребовался для решения о вмешательстве весь 4-минутный промежуток времени.

Обсуждение

Как и в реальной трагедии с Китти Дженовезе, вы можете подумать, что в этом исследовании просто попались люди, неотзывчивые к жертвам (к страдающим припадками). Однако Дарли и Латане быстро выяснили, что это не может являться основанием для невмешательства испытуемых из групп 2 и 3 (или соседей Дженовезе). Все испытуемые рассказывали, что они переживали сильное беспокойство и дискомфорт во время приступа болезни у собеседника и обнаруживали физические признаки нервозности (дрожащие руки, потные ладони). Экспериментаторы пришли к заключению, что причина полученных

[3] См.: *Darley J.M., Latane B.* Bystander intervention in emergencies: Diffusion of responsibility // Journal of Personality and Social Psychology. 1968. Vol. 8. P. 380.

результатов заключается в разной численности людей, якобы входящих в группу, по мнению испытуемых. Любое изменение вашего поведения, вызванное присутствием других людей, называется социальным влиянием. Несомненно, социальное влияние играло важную роль в этом исследовании. И мы до сих пор удивляемся: почему? Что такого скрывалось в этом присутствии других людей, что оказывало столь сильное влияние?

Дарли и Латане продемонстрировали реальное проявление их теории о диффузии ответственности. С возрастанием количества людей в группе испытуемый чувствует меньшую персональную ответственность за действия по оказанию помощи. Испытуемым во второй и третьей группе было легче предполагать, что кто-нибудь другой разрешит эту проблему. Кроме того, разделяется на других присутствующих не только ответственность за оказание помощи, но и потенциальные вина, и упреки за ее неоказание. Пока в нашей культуре помощь другим считается позитивным действием, отказ в помощи или ее неоказание подразумеваются позорными. Если вы оказались единственным свидетелем несчастного случая, негативные последствия неоказания помощи будут намного более сильными, чем тогда, когда были и другие свидетели, с которыми легче было бы нести бремя невмешательства в ситуацию.

Другое возможное объяснение социального влияния психологи называют боязнью оценки. Дарли и Латане утверждали, что та составляющая причины, из-за которой мы не оказываем помощь при наличии других свидетелей, кроется в нашей боязни быть поднятыми на смех или показаться растерянными. Представьте, как глупо вы будете себя чувствовать, если броситесь на помощь кому-нибудь, кто не хочет вашей помощи или вообще в ней не нуждается. Я вспоминаю время, когда был подростком. С большой группой друзей я плавал в бассейне соседа. Когда я уже собирался нырнуть в воду с борта, то увидел лежащую на дне бассейна лицом вниз тринадцатилетнюю дочь соседа. Я оглянулся, но никого рядом не было, и никто, кроме меня, не мог этого видеть и принять меры в очевидном несчастном случае. Неужели она утонула? А может быть, шутит? Я не был уверен ни в том, ни в другом. Я уже собирался завопить, призывая на помощь, и нырнуть ей на выручку, как вдруг она лениво всплыла на поверхность. Мои колебания и опасения ошибиться длились 30 секунд. Наверняка многие из вас пережили в жизни что-то подобное. Проблема состоит в том, что подобные случаи дают нам негативный жизненный опыт: оказание помощи может выглядеть глупо.

Значение полученных результатов

Благодаря этой и другим их работам, Дарли и Латане стали ведущими исследователями в области психологии, изучающей поведение человека при оказании помощи и факторы вмешательства очевидца. Многие ранние работы этих авто-

ров вошли в их книгу[4]. В этом труде они в общих чертах наметили модель поведения при оказании помощи, которая была широко принята в психологической литературе по данной проблеме. Дарли и Латене полагали, что существует пять шагов, которые вам нужно пройти прежде, чем вы вмешаетесь в чрезвычайную ситуацию:

1. Вы — человек, потенциально оказывающий помощь, — сначала должны заметить, что случилось происшествие. В исследовательской работе, описанной в данной главе, экспериментаторы не сомневались, что несчастный случай будет замечен. Но в реальной жизни вы можете очень спешить куда-то, или ваше внимание будет полностью поглощено чем-то другим, и вы вполне можете не заметить происшествие.

2. Далее вы должны интерпретировать ситуацию как происшествие, когда помощь действительно необходима. Это как раз тот момент, когда вас охватывает страх быть неадекватным. В рассмотренном выше исследовании в ситуации не было неясности, и необходимость в оказании помощи была совершенно очевидна. В реальности же большинство несчастных случаев несут в себе какую-то степень неопределенности, такую как в моем примере с бассейном. Представьте себе: вы видите мужчину, идущего по улице с интенсивным автомобильным движением; он шатается и пытается добраться до тротуара. Вот и решайте: болен он или пьян? От того, как вы поймете ситуацию, будет зависеть ваше решение, вмешиваться ли в нее. Многие очевидцы, которые не оказали помощи Дженовезе, говорили потом, что считали себя свидетелями любовной ссоры и не хотели быть в нее втянутыми.

3. Вы должны взять на себя персональную ответственность. Обычно это происходит моментально, если вы единственный свидетель критической ситуации. Если же имеются и другие очевидцы, тогда не исключено, что чувство ответственности вы перенесете на них. Эта третья ступень была главной в эксперименте. Чем больше людей присутствует при происшествии, тем больше рассеяно чувство ответственности каждого из них, и тем менее охотно будет оказана помощь.

4. Если вы взяли на себя ответственность, тогда вы должны решить, какие действия предпринять. Если вы не знаете, что делать, или не чувствуете себя способным совершить необходимое действие, вы менее охотно окажете помощь. В рассмотренном исследовании спорный вопрос о компетенции вообще не играл роли, так как все, что должен был сделать испытуемый, это сообщить о припадке экспериментатору. Но в случае, когда толпа людей видит, что человек попал под машину, в первую очередь на помощь приходят люди, связанные с медицинскими профессиями, — они знают, как нужно действовать.

5. И наконец, после того как вы решили, какие действия нужно предпринять, вы должны их совершить. Но знание того, что необходимо предпринять, еще не гарантирует, что вы это сделаете. Теперь вы взвешиваете все «за» и «про-

---

[4] См.: *Latane B., Darley J.M.* The unresponsive bystander: Why doesn't he help? N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1970.

тив» вашего вмешательства в ситуацию. Захотели бы вы вмешаться в драку, когда оба ее участника вооружены ножами? А что вы скажете о жертвах несчастных случаев — сможете ли вы квалифицированно помочь им, или от вашего вмешательства им будет только хуже (опять спорный вопрос компетентности)? А если вы все-таки вмешаетесь, не потянет ли это за собой необходимость участвовать в судебном разбирательстве? А что если вы попытаетесь помочь, а когда все закончится, будете выглядеть глупо? Множество подобных вопросов, в зависимости от ситуации, промелькнет в вашем мозге, прежде чем вы действительно начнете действовать.

Рисунок 2 иллюстрирует, каким образом оказание помощи может состояться или как ему может помешать одна из этих ступеней.

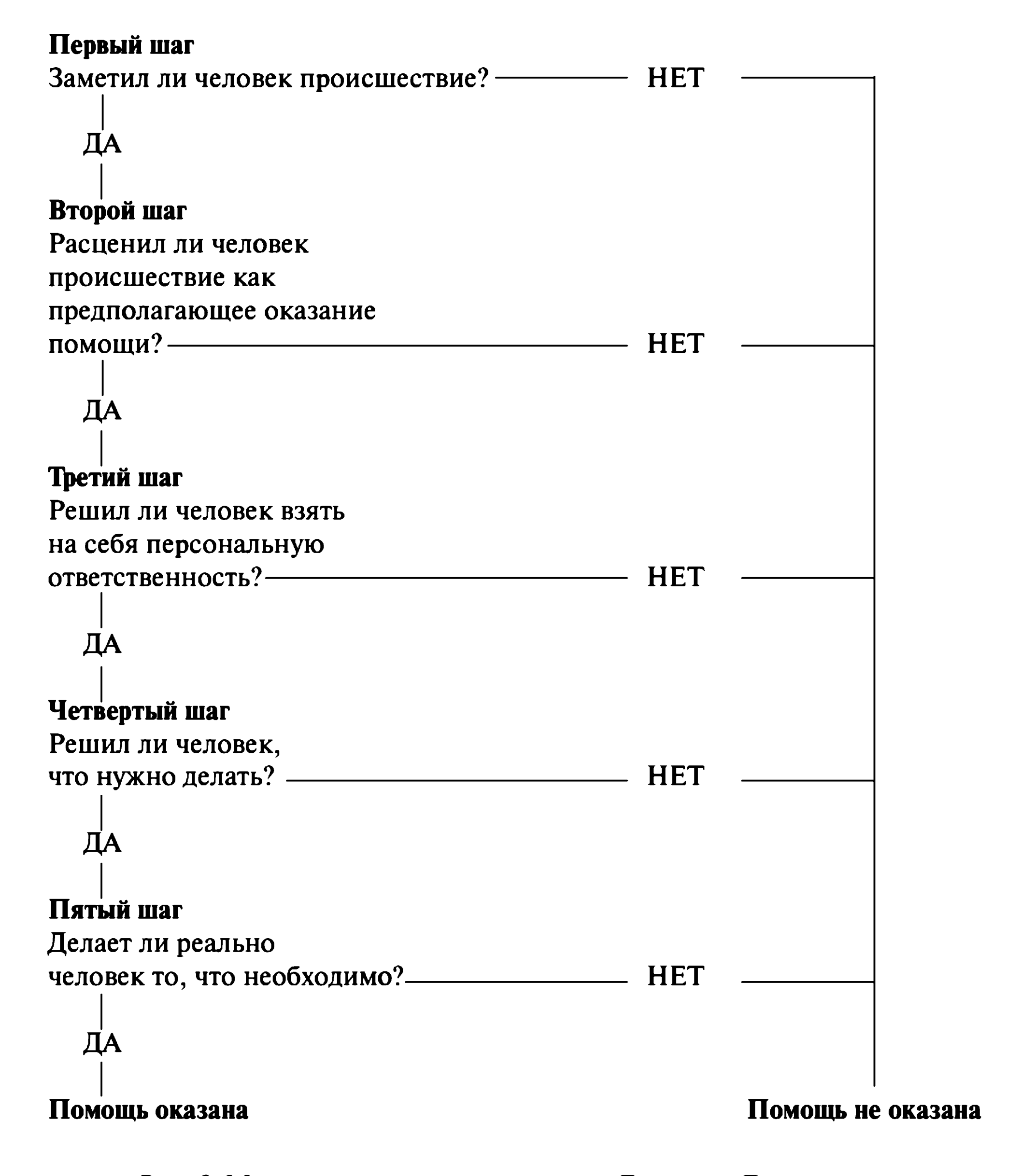


Рис. 2. Модель оказания помощи по Латане и Дарли

Последующие исследования и современные разработки

Внутри обеих групп людей — тех, которые были наблюдателями убийства Китти Дженовезе, и тех, которые участвовали в эксперименте Латане и Дарли, не было реального контакта участников. Как вы полагаете, что бы произошло, если бы очевидцы могли видеть друг друга и переговариваться между собой? Возможно, они бы проанализировали чрезвычайную ситуацию и решили, как разделить между собой действия по оказанию помощи, и поддерживали бы друг друга в этих действиях. Итак, поскольку оказание помощи — это ожидаемое действие в нашей культуре, мы можем надеяться, что в ситуациях, когда другие люди могут видеть и оценивать действия друг друга, они более вероятно будут поступать правильно и вмешиваться в ситуацию. Однако Дарли и Латане полагали, что в некоторых случаях даже группы людей, находящихся в тесном контакте, будут менее вероятно оказывать помощь, чем отдельные люди. Они предположили, что так чаще бывает, когда ситуация несет в себе некую неопределенность.

Представьте себе, что вы сидите в комнате ожидания. И вдруг через вентиляционное отверстие начинает поступать дым. Вы начинаете беспокоиться, оглядываетесь на других людей. Все остальные абсолютно спокойны. Такой процесс называется социальным сравнением. Вы решаете, что ваша реакция на дым, должно быть, преувеличена, и не предпринимаете никаких действий. Почему? Да потому что вы боитесь оказаться растерянным и высмеянным, если предпримете что-то и ошибетесь, как это обсуждалось выше (может быть, это вовсе не дым, а пар из кондиционера). Вы никак не можете понять, почему каждый сидящий в зале чувствует то же, что и вы, но скрывает это так же, как и вы, чтобы не выглядеть растерянным! Каждый сравнивает свою реакцию с реакцией других, и никто ничего не предпринимает по поводу дыма. Невероятно? Как раз нет.

Латане и Дарли проверили экспериментально эту идею в своих несколько более поздних исследованиях. Приводим описание ситуации, которую они творчески создали. В эксперименте участвовали студенты-волонтеры, согласившиеся на опрос «по обсуждению некоторых проблем, касающихся жизни университета большого города». Когда они являлись для интервью, их усаживали в комнату и просили заполнить предварительную анкету. Через несколько минут в комнату через вентиляцию начинал поступать дым. Он состоял из смеси химических веществ, не опасных для здоровья. Через несколько минут дым становился таким густым, что в комнате почти ничего не было видно. Фиксировался промежуток времени, после которого испытуемые сообщали о дыме экспериментатору. Некоторые из испытуемых находились в комнате поодиночке, другие — с двумя помощниками экспериментатора («подсадными»), о которых думали, что они такие же участники опроса. Остальные испытуемые находились в комнатах с тремя другими «испытуемыми». Снова результаты эксперимента полностью со-

впали с теорией Латане и Дарли. 55% испытуемых-одиночек сообщили о наличии дыма в течение первых двух минут. И только 12% испытуемых из остальных двух групп поступили так же. По прошествии 4 минут результаты были следующими: 75% участников-одиночек совершили действие, а в остальных группах число сообщивших о дыме не увеличилось ни на одного человека.

Новаторские исследования Дарли и Латане по специфическим проблемам оказания помощи и диффузии ответственности продолжают влиять и на широкое поле исследований по актуальным вопросам. Например, появилась статья в психологическом журнале, посвященном как раз такой тематике. В ней модель поведения, по Дарли и Латане, применяется к хулиганскому поведению учеников начальной школы[5]. Исследователи решили изучить вовлеченность сверстников в ситуации, где один ребенок запугивает другого. Школьникам задавали вопросы, будут ли они вести себя так же плохо или вступятся за того, кого обижают. К сожалению, ответы не были обнадеживающими.

> Сверстники проводят 54% времени, поддерживая хулиганов тем, что пассивно наблюдают за их действиями, 21% своего времени они подражают их плохому поведению, и 25% времени они вступаются за обиженного[6].

В целом девочки значимо более охотно вмешиваются в ситуацию, чем мальчики. Другие данные показывают, что старшие мальчики (4-6 классы) более вероятно присоединяются к плохому поведению, чем младшие (1-3 классы). Авторы делают вывод, что очевидцы-ровесники играют главную роль в существовании и сохранении возрастной проблемы школьного хулиганства. Эти исследования определенно означают, что мы могли бы более эффективно понижать уровень хулиганства в школах, если бы обучали и воспитывали детей так, чтобы они менее охотно поддерживали плохое поведение и более охотно приходили бы на помощь обиженным.

Другим показателем жизнеспособности работы Дарли и Латане является присутствие этих авторов в системе World Wide Web. Компьютерный поиск приводит нас ко многим документам, связанным с именами Дарли и Латане: по «эффекту очевидца», поведению по оказанию помощи и т.п. Вы можете в деталях изучить замечательные работы Дарли и Латане, заходя на прекрасные веб-сайты[7]. На последнем из приведенных сайтов детально обсуждается «эффект очевидца» Дарли и Латане; рассматриваются материалы, начиная от описания реального события (убийство Китти Дженовезе), разнообразных сведений по уточнению этой теории, до ее использования в важных смежных областях: стресс большого города, виктимология и преступность.

---

[5] См.: *O'Connell P., Pepler D., Craig W.* Peer involvement in bullying: Insights and challenges for intervention // Journal of Adolescence. 1999. Vol. 22(4). P. 437-452.

[6] См.: Там же. P. 437.

[7] См.: www.acjnet.org (1996) (щелкнуть по search и войти в bystander); www.brunel.ac.uk/~hsstbbp/soclec5.htm (1999).

Заключение

Результаты описанного исследования могут показаться даже пессимистичными, но это и должно вызывать беспокойство, ведь исследование связано с экстремальной специфической ситуацией, в которой человек не оказал помощь. Мы видим сколько угодно примеров, когда люди ежедневно помогают друг другу, примеров альтруизма или даже героического поведения. Однако это исследование важно, и не только потому, что оно объясняет приводящее в недоумение поведение человека, но главное — помогает изменить его. Обнадеживает факт: если большее число людей узнает об «эффекте очевидца», то большее их число будет делать все от них зависящее в критических ситуациях, даже если другие люди будут тоже присутствовать при этом. Исследования действительно показывают, что когда люди знают об «эффекте очевидца», они более охотно оказывают помощь в критических ситуациях[8]. Базовая линия поведения такова: никогда не думай, что это кто-то другой должен вмешаться или вмешается в чужую беду; всегда действуй так, как будто кроме тебя никого нет. Если не ты, то кто же?

---

[8] См.: *Beaman A., Barnes P., Klentz B., Mcquirk B.* Increasing helping rates through information dissemination: Teaching pays // Personality and Social Psychology Bulletin. 1978. Vol. 4. P. 406-411.

Л. Берковиц

Желание причинить ущерб*

Все агрессивные действия имеют нечто общее. Как считает большинство исследователей, целью агрессивного поведения всегда является *намеренное причинение ущерба другому человеку.* Эти исследователи по-разному формулируют свои определения, но имеют в виду одну и ту же идею. Великолепным примером может послужить определение агрессии, предложенное более полувека назад группой ученых Йельского университета, руководимой Джоном Доллардом и Нилом Миллером. В их классическом труде, посвященном влиянию фрустрации на агрессию, последняя определяется как

> действие, целью которого является причинение ущерба другому организму (или заменителю организма)[1].

Другими словами, *цель* действия состоит в том, чтобы причинить вред. Агрессор хочет нанести вред жертве агрессии. Роберт Бэрон, другой хорошо известный исследователь в этой области, формулирует ту же самую идею в более разработанном виде. Он определяет *агрессию* как

> любую форму поведения, направленного к цели нанесения вреда или причинения ущерба другому живому существу, которое мотивировано избегать подобного обращения[2].

Агрессор понимает, что поступает в отношении жертвы таким образом, что жертва явно против подобного с ней обращения. Вопрос не в том, рассматривает ли общество в целом такое поведение как нежелательное. Главное — знание атакующего о том, что жертва не хочет, чтобы с ней так поступали.

---

* *Берковиц Л.* Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб.: прайм-Еврознак, 2001. С. 31–37.

[1] См.: *Doilard J, Miller N.E., Doob L.W., Mowrer O.H., Sears R.R.* Frustration and aggression. New Haven: Yale University Press, 1939. P. 11.

[2] См.: *Baron R.A.* Human aggression. N.Y.: Plenum Press, 1977. P. 7.

Определение, принятое в данной книге

В этой книге термин «агрессия» всегда будет означать некоторый вид ***поведения,*** физического либо символического, которое ***мотивировано намерением причинить вред кому- то другому.*** Я не буду использовать слово «агрессия» как синоним для слов «ассертивность», «подчинение» или «независимость». Я буду использовать термин «насилие» только в отношении крайней формы агрессии, ***намеренного стремления причинить серьезный физический ущерб*** другому лицу. Ввиду моих целей, «агрессия» не означает несправедливость, обиду, дурное обращение и тому подобное, если только все подобные формы поведения не были вызваны намеренным стремлением причинить ущерб другому лицу.

Всегда ли причинение ущерба является первичной целью?

Инструментальная и эмоциональная агрессия

Агрессия может служить реализации других целей. Даже если агрессия всегда включает намерение причинить ущерб, это не всегда является главной целью. Агрессоры, совершая нападения на свои жертвы, могут преследовать и другие цели. Солдат хочет убить своего врага, но его намерение может проистекать из желания защитить свою собственную жизнь, может быть способом проявить патриотизм или же быть продиктовано стремлением заслужить одобрение своих командиров и друзей. Киллер, нанятый криминальными элементами, может стремиться убить определенное лицо, но делает это с целью заработать большую сумму денег. Аналогично, члены уличных криминальных банд могут напасть на группу прохожих, появившихся в их квартале, желая показать чужакам, какие они крутые парни, которым лучше не попадаться на пути. Разгневанный муж может поколотить свою жену с тем, чтобы утвердить свою доминирующую позицию в семье. Во всех этих случаях, хотя агрессоры имеют намерение причинить ущерб или даже убить свою жертву, оно не является их основной целью. Нападение в этих случаях является скорее средством достижения некоторой другой цели, которая для них более важна, чем причинение ущерба их жертве. Мысль об этой цели инициирует атаку.

Психологи обозначают действие, которое совершается для достижения какой-то внешней цели, а не ради удовольствия от самого действия, «инструментальным поведением». Аналогично и агрессивное поведение, имеющее другую цель помимо причинения ущерба, называется «инструментальной агрессией». Утверждения о том, что человеческая агрессия обычно является попыткой

принуждения или стремлением сохранить свою власть, доминирование или социальный статус, в основном расценивают большую часть агрессивных действий как проявление инструментальной агрессии.

Эмоциональная агрессия. Многие социальные психологи считают, что существует также и иной вид агрессии, основной целью которой является причинение ущерба другому лицу. Этот вид агрессии, следуя терминологии Фешбаха, часто называют «враждебной агрессией»[3]. Ее можно было бы называть также «эмоциональной», «аффективной» или «гневной» агрессией, поскольку это такая агрессия, которая вызывается эмоциональным возбуждением, причем речь идет о негативных эмоциях, и агрессор стремится причинить ущерб другому лицу. Я буду использовать термин «эмоциональная агрессия» с тем, чтобы акцентировать различия между этим поведением и более инструментально ориентированными агрессивными действиями.

В данной книге я буду обсуждать в основном эмоциональную агрессию. Я часто буду обращать внимание на то, что многие из нас испытывают желание атаковать кого-нибудь, когда нам бывает плохо. Во многих из этих случаев, нападая на другого человека, мы не думаем о достижении каких-либо преимуществ или получении каких-то выгод и довольно часто даже знаем, что наши действия не принесут нам какой-либо пользы, скажем, не улучшат наше положение или не сделают его менее неприятным. И все же мы чувствуем побуждение ударить другого человека или разбить, разломать какую-нибудь вещь.

Некоторые испытывают удовольствие оттого, что причиняют вред другим людям. Понятие эмоциональной агрессии выражает тот факт, что, совершая агрессивные действия, человек может испытывать удовольствие. Многие люди стремятся причинить кому-нибудь ущерб, когда они находятся в подавленном настроении, и, достигая своей цели, получают удовлетворение, так как избавляются от депрессии. Они могут при этом даже испытывать удовольствие и тем самым получать психологическое вознаграждение, причиняя ущерб своим жертвам (до тех пор, пока сами не начинают страдать от негативных последствий своего поведения). Подумайте о том, что это значит. Некоторые люди живут во враждебном окружении, и их часто провоцируют. Другие люди, например, многие подростки из бедных семей, проживающих в гетто больших городов, часто сталкиваются с невозможностью достижения целей, которые ставит перед ними общество. Они не уверены в ценности собственной личности и чувствуют себя бессильными в окружающем мире, который они не могут контролировать. Порой они кипят едва скрываемым возмущением. Каковы бы ни были источники неудовольствия, возмущения, гнева людей, следует признать, что некоторые из них постоянно испытывают побуждения к тому, чтобы атаковать других. Поэтому есть все основания полагать, что, атакуя других людей в подобных случаях, они имеют возможность научиться тому, что агрессия может доставлять удо-

[3] См.: *Feshbach S.* The catharsis hypothesis, aggressive drive, and the reduction of aggression // Aggressive Behavior. 1984. Vol. 10. P. 91–101.

вольствие. Более того, предположим, что такие агрессоры находят также, что, нападая на окружающих, можно получать и другие выгоды: они могут доказать свою мужественность, продемонстрировать, какие они сильные и значимые, завоевать статус в своей социальной группе и так далее. Достижение этих целей учит тому, что агрессия может быть вознаграждающей формой поведения. Повторяющееся получение подобных вознаграждений за агрессивное поведение приводит их к открытию того, что агрессия сама по себе доставляет удовольствие. Независимо от того, как именно это происходит, в результате некоторые люди приходят к тому, что совершают агрессивные действия ради удовольствия от причинения ущерба другим людям, а не только в целях достижения тех или иных выгод. Они могут атаковать кого-либо, даже не будучи эмоционально возбужденными, просто потому, что уже знают: это доставит им удовольствие. Если, например, они скучают или не в духе, то могут отправиться на поиски агрессивных развлечений.

Я полагаю, что именно этим были обусловлены некоторые из прогремевших на всю страну инцидентов, произошедших в Нью-Йорке несколько лет назад. Вы помните историю о молодой женщине, которая была зверски избита и изнасилована в Центральном парке Нью-Йорка в апреле 1989 года? Банда подростков однажды вечером двигалась через парк, нападая на каждого, кто попадался им на пути, а потом набросилась на проходившую мимо женщину. Она была избита столь сильно, что три недели находилась в коме.

Эти действия, несомненно, были обусловлены рядом мотивов. Во-первых, подростки, вероятно, хотели показать окружению (а может быть, и самим себе), что они крутые парни, которых следует уважать.

Однако если мы посмотрим, как они сами описывали свое поведение, то можем вполне обоснованно полагать, что оно было обусловлено также и другими побудительными факторами. Они говорили, что «разъярились», «вели себя дико и буйствовали просто черт знает почему». Каковы бы ни были прочие мотивы нападения, совершенно очевидно, что эти подростки искали удовольствий, причиняя страдания другим людям. Несчастная женщина оказалась жертвой этих агрессивных побуждений.

Приведем примеры, казалось бы, бессмысленных нападений на бездомных людей.

> Банда подростков, вооруженных ножами и папками, двигалась ночью в канун Дня всех святых по улице, круша все вокруг. Добравшись до пешеходного моста к Вэд-Айленд, озверевшая толпа набросилась на нескольких ютившихся там бездомных, оставив одного из них лежащим среди мусора с перерезанным горлом...
>
> Группа подростков (некоторые из них были в масках) напала на бездомных людей, вероятно, ради острых ощущений...
>
> Детективы, расследовавшие эти зверские нападения, отмечают эскалацию насилия в ночь перед праздником Дня всех святых, когда подростки стараются

превзойти друг друга. «Они забавлялись, нападая на бездомных...— говорил один из детективов.— Похоже, им хотелось встряски, острых ощущений. Иногда при виде крови люди впадают в безумие»[4].

Каким образом можно объяснить подобные вещи? Что двигало юными насильниками? У жертв не было денег, и они не вторгались на территорию нападавших. Члены банды на самом деле думали, что утверждают свою маскулинность, избивая усталых больных стариков, которые были слишком слабыми, чтобы защищаться? Возможно, детектив был прав. Они просто «забавлялись», причиняя страдания другим. Я предполагаю, что этот вид агрессии гораздо более распространен, чем многие думают. Банды, совершающие агрессивные действия, связанные с насилием, атакуют других ради удовольствия, получаемого от причинения боли, также как и ради достижения чувства силы, контроля, власти над другими.

Доказательства желания причинять ущерб другим

Поскольку в социальных науках существует расхождение относительно этого вида эмоциональной агрессии, полезно рассмотреть результаты эксперимента, проведенного Бэроном, которые могут помочь убедить сомневающихся[5]. В этом эксперименте участвовали молодые люди — студенты университета. Сначала им рассказали о мнимой цели эксперимента. Затем помощник экспериментатора вызвал у половины испытуемых состояние гнева, злости, в то время как на других испытуемых подобного воздействия не оказывалось и они находились в нормальном, спокойном состоянии. Каждый испытуемый затем имел возможность десять раз нанести удар электрическим током помощнику экспериментатора якобы в качестве наказания за ошибки при выполнении учебных задач. Испытуемый был обязан наносить удары, но оставался свободен в выборе мощности разряда от очень слабого до весьма сильного. Важным было также то, что испытуемый мог видеть счетчик на аппарате, который якобы показывал, насколько сильную боль чувствовал наказываемый при каждом наносимом ему ударе (разумеется, как обычно в подобного типа экспериментах, наказываемый ударам тока не подвергался, а информация о боли фальсифицировалась). Целью эксперимента было установить, каким образом информация о боли жертвы будет влиять на интенсивность наказания, то есть на мощность наносимых испытуемым ударов.

Основные данные исследования представлены на рис. 1. Как можно видеть на этом рисунке, когда испытуемые не были рассержены человеком, которого они наказывали, информация о боли уменьшала интенсивность наносимых уда-

---

[4] См.: New York Times, Nov. 2, 1990.

[5] См.: *Baron R.A.* Human aggression. N.Y.: Plenum Press, 1977. P. 260-263.

ров. Эта информация напоминала испытуемым о том, что они причиняют боль другому человеку; не желая причинять боль, участники эксперимента ослабляли силу ударов. Кроме того, как сообщает Бэрон, было заметно, что эти испытуемые чувствовали себя плохо, получая информацию о страданиях жертвы.

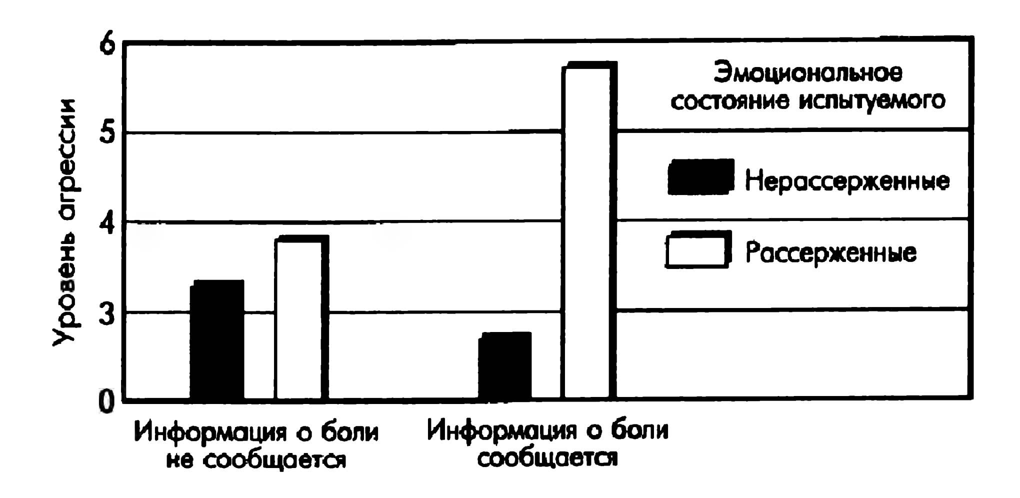


Рис. 1. Уровень агрессии (трансформированная интенсивность электрошока х длительность) как функция эмоционального состояния испытуемых и их информированности о причиняемой жертве боли[6]

Но та же самая информация вызывала усиление величины наказания, применяемого рассерженными испытуемыми. Будучи спровоцированными тем, кого они наказывают, участники эксперимента стремились причинить боль этому человеку. Получаемая ими информация, по сути, означала, что они близки к цели причинить достаточно сильные страдания тому, кто вызвал их гнев, и это стимулировало к еще большей агрессии. Это похоже на то, как первые порции съеденной пищи вызывают у голодного человека еще более сильное желание есть. Рассерженные люди, очевидно, наслаждаются «первыми порциями»; кроме того, побуждая «кусать» энергичнее, информация о страдании другого улучшает их настроение.

Подстрекающее (стимулирующее) условие. Помимо выражений «инструментальная агрессия» и «эмоциональная агрессия» для обозначения этих видов агрессии могут быть использованы и другие термины. Но какие бы определения мы не применяли, имеет смысл рассматривать инструментальную агрессию как относительно рациональную и легко понимаемую форму поведения (во всяком случае, с точки зрения выгоды агрессора), а эмоциональную — как значительно менее контролируемую сознательно.

---

[6] См.: *Baron R.A.* Human aggression. N.Y.: Plenum Press, 1977. P. 263.

Тема 13

Строение личности

Проблема строения личности, выделения ее составляющих. Взаимосвязь представлений о строении и развитии личности. Представление о строении личности в психологии сознания и поведения. Категория бессознательного в классическом психоанализе и динамическое представление о строении личности. Социальное чувство и препятствия его реализации. «Комплекс неполноценности» и его компенсация. Архетипы коллективного бессознательного как образцы постановки и возможного решения личностных проблем. Общее представление о телесно-ориентированной терапии. Представление о личности в гештальттерапии и гуманистической психологии. Потребность в самоактуализации как источник саморазвития личности. Представление о реальном и идеальном *Я*. Представление об основных видах психотерапии. Бихевиоральная психотерапия: коррекция способов поведения. Психоаналитическая терапия: помощь в решении личностных проблем. Гуманистическая терапия: понимание (постановка) личностных проблем и самоактуализация человека.

Вопросы к семинарским занятиям

1. *Представление о личности в психологии сознания*
2. *Представление о личности в психоанализе*
3. *Представление о личности в аналитической психологии*
4. *Личность и общение в транзактном анализе*
5. *Личность как совокупность черт. Общие и индивидуальные черты личности*
6. *Когнитивные теории личности. Теория персональных конструктов*

1 *Представление о личности в психологии сознания*

В. Джемс

Личность*

Мое и Я

О чем бы я ни размышлял, предо мной всегда более-менее неотступно стоит сознание *самого себя, моего личного существования*. В то же время ведь это *Я* сознает себя, так что целое мое *Я*, будучи как бы двойным, т.е. познающим и познаваемым, отчасти объектом, а отчасти субъектом, должно иметь две стороны или точки зрения, которые для краткости обозначим: одно — словом *Мое*, а другое — словом *Я*. Я называю это «различными точками зрения», а не отдельными предметами, потому что тождество этих *Мое* и *Я*, даже и в самом акте их дифференциации, является, возможно, самым неискоренимым требованием общего чувства, поэтому оно не должно быть обойдено нашей терминологией ни теперь, ни далее, к какому бы выводу о значении этого требования мы ни пришли в конце концов. Итак, рассмотрим последовательно:

Я как познаваемое, как *Мое*, как *Ego*, получаемое в опыте, или «эмпирическое» *Ego*, как его иногда называют.

Я как познающее, или просто *Я*, или «чистое *Ego*» по обозначению некоторых авторов.

Личность как познаваемое эмпирическое *Ego*

<...> Во всяком случае эмпирическое *Ego* в наиболее широком смысле слова есть общий итог того, что человек может назвать своим, т.е. не только собственное тело и собственные психические силы, но и принадлежащие ему — платье и дом, жену и детей, предков и друзей, свою добрую славу и творческие произведения, земельную собственность и лошадей, яхту и текущий счет. Все эти предметы

* *Джемс У.* Научные основы психологии. Мн.: Харвест, 2003. С. 184—203, 207—208.

вызывают в нем одинаковые эмоции и чувства. Если эти предметы возрастают и процветают, то вместе с тем и то, что мы назвали термином *Мое*, торжествует, если же они колеблются и чахнут, оно чувствует себя подавленным. Конечно, не все предметы отражаются одинаково болезненно или радостно в этом *Ego*, но все оказывают на него воздействие одним и тем же путем.

Взяв эмпирическое *Ego* в наиболее широком смысле слова, мы можем подразделить его историю на три части, по отношению:

a) к составляющим его элементам;

b) к чувствам и эмоциям, вызываемым этими элементами (самочувствие);

c) к поступкам, вызываемым этими элементами *(самообеспечение и самосохранение)*.

a) Составные элементы эмпирического *Ego* могут быть подразделены на классы:

материальное *Ego*;
социальное *Ego*;
духовное *Ego*.

Материальное Ego

Тело является наиболее существенной частью материального *Ego* у каждого из нас, но некоторые части тела представляются более интимно «нашими», чем другие. Затем идет одежда. Старинное изречение, гласящее, что человеческая личность состоит из души, тела и одежды, заключает в себе нечто большее, чем простую шутку. Мы настолько считаем одежду чем-то нераздельным с нашими качествами, настолько отождествляем с нею самих себя, что лишь немногие из нас без колебания дадут решительный ответ, что они предпочли бы: иметь ли красивое тело, прикрытое грязным рубищем, или некрасивое тело, но украшенное безукоризненным одеянием. Далее в материальном *Ego* следует наша семья, образующая как бы часть нас самих. Наши родители, жена и дети являются костьми от костей наших и плотью от плоти нашей. Когда кто-нибудь из них умирает, от нас как бы отрывается частица собственного существа. Если близкие нам совершают дурные поступки, мы стыдимся так, как если бы мы сами их совершили. Если близкие нам подвергаются оскорблению, в нас вспыхивает гнев с такой силой, словно мы сами находимся на их месте. Затем следует наш дом. Сцены, разыгрывающиеся здесь, составляют часть нашей собственной жизни, вид нашего дома вызывает в нас нежнейшие чувства привязанности, мы нелегко прощаем постороннему, если он, посетив наш дом, откроет в нем недостатки или отнесется к нему презрительно. Все эти вещи различных порядков являются для нас предметом инстинктивного предпочтения и сливаются с наиболее важными практическими интересами нашей жизни. Мы все слепо стремимся заботиться о нашем теле, прикрывать его как можно более красивой одеждой,

заботиться о наших родителях, жене и детях и созидать себе свой собственный дом, где мы могли бы жить, улучшая его. Такое же инстинктивное влечение побуждает нас накапливать имущество, а сбережения, сделанные этим путем, становятся более-менее близкой частью нашего эмпирического *Мое*. Наиболее же с нами срастается та часть нашего достатка, которая пропитана трудовым потом. Редкий человек не почувствует себя лично уничтоженным, если плод физических либо умственных трудов всей его жизни, скажем, какая-нибудь энтомологическая коллекция или обширная рукопись, внезапно подвергается уничтожению. Такие же чувства питает скупец к накопленному золоту, и хотя, конечно, некоторая доля удрученности при потере имущества вызывается сознанием того, что нам придется обойтись без удовольствий, которые бы доставило пользование собственностью, тем не менее над этим и превыше всего прочего преобладает чувство унижения нашей личности, превращение части нас самих в ничто, а это, конечно, уже само по себе представляет своеобразное психологическое явление. <...>

Социальное *Ego*

Социальное *Ego* — то, чем признают данного человека окружающие. Мы не только стадные животные, жаждущие пребывать на виду у наших близких, но мы имеем прирожденное желание привлекать к себе внимание посторонних и производить на ближних выгодное впечатление. Трудно придумать более жестокое наказание, будь это вообще физически осуществимо, как если бы кто-нибудь, свободно вращаясь в обществе, оставался абсолютно никем не замечаемым. Представьте себе, что никто при вашем входе не оборачивался бы к вам, никто не отвечал бы на ваши вопросы, все оставляли бы без внимания ваши поступки, игнорируя само ваше существование. Ведь вы не замедлили бы впасть в такое бешенство и бессильное отчаяние, по сравнению с которыми любая физическая мука была бы облегчением, поскольку сами муки дали бы вам почувствовать, несмотря на всю тягостность вашей доли, что не настолько вы еще пали, чтобы совсем не быть стоящими людского внимания.

Строго говоря, ***каждая особь имеет столько социальных личностей, сколько оказывается налицо индивидов,*** знающих данную особь и сохраняющих о ней представление в своей памяти. Повредить один из этих образов о нем, создающихся в душах других людей, равносильно вреду, который был бы нанесен самому этому человеку. Но так как те наши сограждане, которые имеют представление о нашей личности, распадаются на классы, то в обыденном смысле можно сказать, что данный человек имеет столько социальных *Ego*, сколько существует отдельных групп или кружков, о мнении которых он заботится. Большей частью, перед каждой из этих групп индивид обнаруживает только известные стороны своего характера. Многие, например, из юнцов, держатся перед родителями и наставниками сущими скромниками, но среди товарищей-забияк бранятся и

бесчинствуют не хуже каких-нибудь пиратов. Мы перед детьми обнаруживаем себя совсем с иной стороны, чем перед клубными сотрапезниками, стараемся казаться по-разному тем, кого мы сами нанимаем работать для нас, и перед теми, кто нанимает нас, а с друзьями мы держимся иначе, чем с первой и второй группой. Отсюда на практике выходит как бы подразделение одного человека на многочисленные личности. Порою это может даже привести к путанице, когда, например, один круг людей узнает, как данный субъект ведет себя в другом кружке, или же это может казаться чем-то вроде гармоничного разделения труда, например, когда человек проявляет большую нежность к своим детям и в тоже время очень сурово относится к находящимся под его началом солдатам или арестантам. <...>

Добрая или худая слава, устанавливающаяся о человеке, или его честь — также названия одного из его социальных *Ego*. Своеобразное социальное *Я* человека, именуемое его честью, — обычно результат одного из тех противоречий, о которых упоминалось выше. Это есть тот образ, который складывается об известной особе в глазах его собственного общественного «слоя». Он или возвышает его, или осуждает в зависимости от соответствия его поступков с известными требованиями, которые бы не могли предъявляться к нему вовсе, на ином житейском поприще. Так, штатский человек может беспрепятственно покинуть свой город в разгар эпидемии, но духовное лицо и врач считали бы такой поступок несовместимым со своей честью. Точно также честь заставит солдата сразиться или умереть при таких обстоятельствах, в каких обычный человек не замедлит обратиться в бегство, вовсе не пятная этим своей социальной личности. Точно так же судье или государственному служащему их официальное обличие воспрещает вступать в денежные сделки, даже если они считаются вполне приличными и не роняют достоинства частных лиц. Не редко приходится слышать, как люди подчеркивают отличие своих социальных личностей: «как человек, я вполне вам сочувствую, но как должностное лицо, пощадить вас не могу» или «в качестве политического деятеля я вынужден смотреть на него как на союзника, но он мне, в смысле нравственной личности, противен». То, что можно назвать «профессиональным мнением», играет в жизни чрезвычайно важную роль. Вор не должен красть у другого вора, для игрока обязательна уплата карточного долга, хотя он и не подумает выполнять иных долгов. Закон чести «порядочного общества» был в течение всей истории переполнен запрещениями и разрешениями, а его единственным основанием было желание человека послужить как можно лучше одному из своих социальных *Я*. Вы, например, вообще не допускаете обмана, но имеете полное право лгать без зазрения совести, обеляя ваши отношения к какой-нибудь даме, для вас обязательно принять вызов от ровни, но если вас на дуэль вызовет личность, низшая по общественному положению, вы вправе ее только высмеять. Примеров этих, я полагаю, достаточно для выяснения значения «социальной личности».

Духовное *Ego*

Под духовным *Ego*, насколько это касается моего эмпирического *Я*, здесь подразумевается не одно какое-либо преходящее состояние моего сознания. Я под этим понимаю, скорее, целую совокупность состояний моего сознания, моих конкретных душевных способностей и наклонностей. Эта совокупность в любое мгновение может стать объектом моей мысли, совершающейся сейчас, и вызвать эмоции, сходные с теми, какие во мне пробуждаются иными частями моего эмпирического *Я*. Например, ***когда мы думаем о себе самих как о мыслителях,*** мы представляем себе остальные стороны на нашего *Ego* чем-то внешним, хотя и принадлежащим нам. Но и в пределах нашего духовного *Ego* некоторые элементы его рисуются нам более внешними, чем другие. Например, наша способность к восприятию ощущений представляется нам менее близкой, чем, например, наши эмоции или желания; происходящие в нас умственные процессы менее непосредственно принадлежат нам, чем решения нашей воли. Таким образом, чем больше в наших состояниях сознания оказывается ***деятельного чувствования,*** тем более они кажутся нам центральными частями нашего духовного *Ego*. Истинный центр или ядро нашего *Ego*, насколько мы знаем о нем, самое святилище нашей жизни, есть то чувство деятельного состояния, которым обладают некоторые наши внутренние состояния. Это чувство деятельности нередко принималось за непосредственное раскрытие или откровение живой субстанции нашей души. Так это или нет — вопрос, к которому мы вернемся впоследствии.

Пока я хочу только отметить тот своеобразный ***внутренний характер,*** какой имеют душевные состояния, обладающие свойством казаться деятельными. Это производит такое впечатление, будто известные душевные состояния стремятся навстречу всем остальным элементам нашего опыта. Весьма вероятно, все люди согласятся, что они испытывают именно такое чувство.

Чувства и эмоции, вызываемые оставными элементами личности

Самоопределение или самооценка. Самооценка бывает двух видов: либо «самодовольство», либо «недовольство собой». «Самолюбие» же скорее следует отнести к категории «действий», поскольку люди с понятием самолюбия скорее связывают известную группу деятельных стремлений, чем чувствований, в точном смысле слова.

Язык имеет достаточный запас синонимов для обозначения обоих видов самооценки. Так, с одной стороны, мы отличаем гордость, самодовольство, суетность, самоуважение, заносчивость, тщеславие, с другой же стороны, скромность, смирение, смущение, недоверие к самому себе, стыд, уничижение, сокрушение, страх перед пересудами и личное отчаяние. Эти два противоположных

класса чувств представляются нам как бы элементарными свойствами нашей природы. <...>

Можно, однако, сказать, что нормальным возбудителем самочувствия является пережитые успех либо неудача, а равно благоприятное или неблагоприятное положение, какое человек занимает в свете. <...> Человек, с широко разросшимся опытным *Ego*, востребованный силой, которая неизменно обеспечивала ему успех, обладающий положением, богатством, друзьями и добрым именем, едва ли будет охвачен болезненным недоверием к самому себе и сомнениями, какие он, пожалуй, испытывал в юношеском возрасте. «Я ли не создал висячие сады Вавилона!» А тем временем другой человек, который совершал промах за промахом и посреди жизненного пути, сраженный неудачами, свалился, не взобравшись на гору, конечно, проникается болезненной неуверенностью в самом себе и опасается даже таких испытаний, с которыми ему справиться под силу. <...>

Самообеспечение и самосохранение

Под эти понятия подходит значительное число наших инстинктивных побуждений. Так мы различаем телесное, социальное и духовное самоискание.

Телесное самообеспечение. Все обычные и целесообразные рефлекторные действия и движения, направленные на питание и защиту, — проявления физического самосохранения. Страх и гнев наталкивают на действия, целесообразные в данном направлении. Если под самообеспечением мы будем понимать заботы в предвидении будущего, а под самосохранением — все, что нас обеспечивает в настоящем, то гнев и страх придется отнести к одной категории с инстинктами, заставляющими нас охотиться, заготавливать запасы, строить дома, делать полезные орудия, и все это мы станем рассматривать, как побуждения к физическому самообеспечению. Эти инстинкты, впрочем, вместе с наклонностью к любви, родительской привязанностью, любознательностью и соревнованием, направляются не только на развитие нашей физической личности, но и преследуют интересы нашего материального *Ego* в самом широком смысле слова.

Наше социальное самообеспечение. Оно, в свою очередь, поддерживается непосредственно с помощью присущих нам: наклонности к любви и дружбе, жажде славы, влияния и власти, желания нравиться и вызывать восторги. Косвенно же оно питается всевозможными побуждениями, направленными на заботы о материальном благосостоянии, поскольку побуждения эти оказываются средством, пригодным для социальных целей. То, что непосредственные побуждения к заботам о социальном *Ego*, вероятно, являются чистыми инстинктами, понять нетрудно.

В желании «привлекать к себе внимание других» достоин внимания тот факт, что сила этого желания имеет мало общего с истинной оценкой заслуг, опирающейся на критерии чувства или разума.

Мы без всяких разумных оснований удлиняем список лиц, которым будто бы нужно нанести визиты, и только для того, чтобы иметь возможность сказать, когда назовут чью-нибудь фамилию: «А, я хорошо его знаю», — и чтобы на улице раскланиваться чуть ли не с половиной встречных. При этом само собой разумеется, что особенно желательно всем иметь выдающихся друзей и самому привлекать внимание и вызывать восхищение. Тэккерей призывал читателей откровенно признаться, не был бы любой из них чрезвычайно доволен, если бы имел возможность показаться разгуливающим по лучшей улице Лондона в обществе двух герцогов. За отсутствием герцогов и завистливых поклонов мы не брезгуем ни малейшей мелочью, лишь бы привлечь к себе внимание. В наши дни огромная масса людей одержима страстью видеть свое имя в газетах, неважно, в каком разделе: «приезжающих и отъезжающих», «хронике», интервью или хотя бы в связи с крупным скандалом. <...>

Духовное самообеспечение. В эту главу следует внести всякое побуждение, направленное на психический прогресс — будет ли он прогрессом умственным, нравственным или духовным в конкретном смысле этих слов. Следует, правда, допустить, что значительная часть того, что обычно считается духовным самообеспечением в узком тесном смысле слова, сводится к заботам о материальном и социальном самообеспечении за пределами могилы. В стремлении магометанина попасть в рай и стремлении христианина избежать адских мучений одинаково сказывается ничем не прикрытая материальность искомых благ. Там, где загробная жизнь рассматривается с более положительной и утонченной точки зрения, многие из ее благ, таких, как близость к божеству, общение с усопшими родственниками и святыми — не более как социальные блага наиболее возвышенной категории. Чистым же духовным самообеспечением можно считать только поиск подъема нашей внутренней природы, ее незапятнанность грехом, как в здешнем мире, так и в загробном. Но этот широкий внешний обзор фактов жизни нашего *Я* был бы неполон, если бы мы не рассмотрели еще:

Соперничества и столкновения между различными эмпирическими *Ego*

Когда представляется широкий выбор для желаний, то наша материальная природа ограничивается только одним из этих многих, представляющихся нам благ, то же замечается и в области выбора нами эмпирических *Ego*. Я часто становлюсь лицом к лицу с необходимостью остановиться на одном из моих опытных *Ego*, устранив остальные. Не потому, что я не хотел бы, если бы мог, быть сразу и здоровым и красивым, и щеголем, и силачом, и миллионером, и остряком, и bon-vivant, и покорителем женских сердец, и философом, и филантропом, и государственным деятелем, и воином, и исследователем Африки, и модным поэтом, и святым. Деятельность миллионера не совмещается с подвижниче-

ством святого, бонвиван едва ли сможет ужиться в одной шкуре с филантропом, а философ и покоритель сердец плохо укрываются под одной оболочкой. Столь различные свойства могут казаться совместимыми только в ранней юности. Но для того, чтобы осуществить в действительности хотя бы одно из этих свойств, все остальные должны быть более или менее подавлены. Таким образом, тот, кто стремиться реализовать свою самую настоящую, наиболее сильную и глубокую личность, должен тщательно проверить этот список, отметить тот путь, на котором он может ожидать успеха. Благодаря этому все другие *Ego* утратят действительность, кроме одного, судьба которого действительна.

Неудачи этой социальной личности — действительные неудачи, а ее успехи — реальные успехи, причем первые ведут за собой посрамление, а другие — радость. <...>

Из предыдущих рассуждений возможно вывести такой парадоксальный случай, доведя до крайности два представленных выше типа: первый парадокс — о человеке, огорченном до смерти мыслью о том, что он оказался не первым, а только вторым кулачным бойцом или вторым гребцом в мире. Его не утешает то, что он мог бы побить всех обитателей мира, за исключением одного. И пока это им не сделано, он ни во что не ставит все остальные свои успехи. В своих собственных глазах он является как бы не существующим, и он *действительно не существует*. А тот заморыш, которого всякий может побороть, нисколько не огорчается своим слабосилием, потому, что давным-давно отказался от попытки для своего *Ego* «вести эту линию», — как говорят купцы. Но там, где нет попыток, нет и неудач, а там, где отсутствуют неудачи, не может быть и унижения.

Таким образом, наше самочувствие в этом мире вполне обусловливается тем, чем мы жаждем стать, или тем, что мы жаждем сделать. Это определяется отношением, в каком стоят наши наличные или потенциальные силы. Это дроби, в которых знаменателем являются наши претензии, а числителем — наш успех: так самоуважение равно успеху, деленному на претензии.

Эта дробь будет возрастать как по мере уменьшения знаменателя, так и по мере увеличения числителя. Уменьшение претензий так же успокаивает, как и их осуществление. И там, где борьба бесконечна, а разочарование в успехе беспрестанно, там неизбежен и отказ от своих претензий. <...>

Какое блаженство наступает в тот день, когда мы решаемся, наконец, отбросить претензии казаться молодыми или моложавыми. «Слава тебе, Господи, — говорим мы, — наконец-то эта иллюзия прошла!» Все то, что мы прибавляем к своему *Ego*, является столько же бременем, сколь и предметом гордости. Некто, потеряв в последней американской войне все свое состояние и дойдя до крайней нищеты, уверял, что никогда за всю жизнь он не чувствовал себя таким свободным и счастливым. Этот факт лишний раз подтверждает, что наше самочувствие всецело находится в нашей власти. Карлейль замечает:

Сведи к нулю твои притязания на вознаграждение, и тогда весь мир очутится под твоей пятой. Совершенно справедливо сказал величайший писатель нашего времени, что, прямо говоря, жизнь начинается только с *отречения*.

Ни угрозы, ни убеждения не подействуют на человека, пока они не затрагивают какое-либо из его социальных *Ego* — действительных или возможных для него, только этим путем и возможно оказать влияние на чужую волю и даже завладеть ею. Поэтому первой задачей дипломатов, государей и всех тех, кто хочет властвовать и управлять, является поиск у своих жертв наиболее сильного начала их самооценки, чтобы направить на него все дальнейшие воздействия. Но когда человек становится выше тех претензий, которые зависят от чужой воли, и когда он перестает смотреть на эти претензии, как на часть самого себя, мы совершенно бессильны овладеть им. Стоический рецепт удовлетворенности состоит в том, чтобы приучить себя заранее отказываться от всего, что лежит вне нашей собственной силы или власти, — тогда все удары судьбы будут проходить для нас неощутимо. Эпиктет советует этим ограничением и укреплением нашей личности делать ее неуязвимой:

Я должен умереть, — говорит он, — прекрасно, но должен ли я, умирая, жаловаться на это? Я стану по-прежнему высказывать открыто все то, что считаю истиной, а если тиран пригрозит мне за это смертью, я отвечу: «Разве я говорил тебе когда-нибудь, что я бессмертен? Ты будешь делать свое дело, а я стану делать свое: твое дело — убивать, а мне умирать не страшно; твое дело — обречь меня на изгнание, а мое — удалиться без малейшей тревоги. <...>

Надо сознаться, что этот стоический взгляд, хотя он и полезен и довольно героичен в свое время и на своем месте, однако, он может стать обычным душевным процессом только у несимпатичных и ограниченных характеров. Такие рассуждения строятся только на исключениях. Если я стоик, то все блага, какие я не могу себе приобрести, перестают быть для меня благами, а тут недалеко до искушения и совсем отвергнуть в них благо. Эта уловка охранять свою личность путем исключений и отрицаний весьма обычна в рассуждениях людей, и во всем остальном не сходящихся со стоиками. Все ограниченные люди *обносят окопами* свое *Я* и отвлекают его от области того, чем просто завладеть не могут. Люди, которые на них не похожи или не пользуются уважением, — люди, не подвластные их влиянию — оказываются в их глазах субъектами, к самому существованию которых они относятся с холодным отрицанием, если не с ненавистью, как бы на самом деле ни были почтенны эти люди. <...>

Люди дружелюбные действуют, напротив, путем расширения границ своей личности до включения в нее всех ближних. Пусть границы их личности и страдают некоторой неопределенностью, это с лихвой окупается расширением ее содержания. Nil humani a me alienum (ничто человеческое мне не чуждо). Пусть люди презирают мою ничтожную личность, пусть они со мной обращаются,

как с собакой, и я, пока еще у меня душа в теле, не стану к ним относиться отрицательно. Люди — такая же реальность, как и я. То положительное добро, которое в них есть, я сделаю своим. Великодушие подобных дружелюбных открытых натур подчас действительно впечатляет. Подобные люди могут чувствовать нечто вроде утонченного восторга, порождаемого мыслью, что, пусть они слабы и некрасивы, малообеспечены и всеми позабыты, а все-таки являются нераздельной частичкой этого чудесного мира, владеют товарищеским паем в силе ломовых лошадей, в радостях молодежи, в мудрости мыслителей, и не совсем безучастны к богатству Вандербильдов и самих Гогенцоллернов. Таким образом, относясь к ближним отрицательно или одаривая их любовью, наше *Ego* пытается утвердить себя в качестве реально существующего. Кто вместе с Марком Аврелием искренне говорит: «О, Вселенная, всего того, чего желаешь ты, желаю и я», — тот развил в себе личность, в которой устранены все следы отрицательности и отказа от благ природы, так что всякое дуновение жизни может дать силу его парусам.

Иерархия различных *Ego*

Установилось довольно единодушное мнение на счет классификации различных *Ego*, которые могут заключаться в одном человеке или «овладевать» им; эта классификация в то же время обозначает и различные взгляды человека на самого себя (самоопределения). ***Такие различия выстраиваются в целую иерархическую лестницу, которая начинается с физическими Ego, а на вершине заканчивается духовным Я, в промежутке же размещаются бестелесно материальные и разнообразные социальные Я.***

Даже одно естественное стремление к самообеспечению привело бы нас к увеличению числа наших *Ego*, причем обдуманно мы избираем только те из них, которые можем сохранить за собой. Таким образом, отсутствие корыстолюбия может стать нашей «добродетелью поневоле». Описывая наши совершенствования в этой части, циники без резонных оснований ссылаются на басню о лисице и зеленом винограде. <...>

Разумеется, это не единственный путь, каким мы учимся подчинять низшие стороны нашей личности высшим. Прямое нравственное суждение, несомненно, имеет здесь определенное значение и, в конце концов, значение не ничтожное, когда мы применяем к самим себе суждения, вызванные в нас первоначально поступками посторонних лиц. Одним из наиболее странных законов нашей природы является то, что многое, удовлетворяющее нас, когда мы находим его в себе, не нравится нам, когда мы его замечаем в других. Едва ли, например, кто-нибудь примирится с чужой физической «неряшливостью»; точно также в других мы не выносим жадности, суетности, вспыльчивости, ревности, самодурства и гордости. Будь я совершенно предоставлен самому себе, я,

вероятно, дал бы этим непроизвольным наклонностям расцвести в моей особе беспрепятственно и потребовалось бы немало времени, прежде чем во мне образовалось бы понятие о том, в каком порядке подчинить эти свойства друг другу. Но имея постоянную возможность составлять суждения о себе подобных, я, как замечает господин Горвиц, начинаю разбирать и мои собственные страсти в зеркале чужих страстей и начинаю *думать* о них теперь иначе, чем я их *чувствовал* прежде. Само собой разумеется, что общие нравственные обобщения (т.е. общие правила), внушенные мне в детстве, чрезвычайно ускоряют появление во мне этих отраженных суждений о самом себе.

Таким образом и происходит, как уже было сказано выше, распределение различных *Ego*, которых люди могли добиваться в себе, по известной иерархической лестнице, соответствующей различному достоинству этих *Ego*.

Известная доля телесного эгоизма лежит в основе всех других *Ego*. Но при рассмотрении других качеств индивидуума, излишек чувственности понижает их, а в лучшем случае ослабляет их значение.

Более широкое материальное *Ego* считается более высоким, чем непосредственное тело. Кто не способен поступиться некоторой долей таких благ, как пища, питье, тепло и сон, ради преуспевания в мире, тот считается жалким созданием. В свою очередь, социальное *Ego* как целое ставится выше, чем материальное *Ego* во всей его совокупности. О нашей чести, друзьях и общественных обязанностях мы должны заботиться более, чем о целости нашей шкуры и имущественном благосостоянии. Духовное же *Ego* представляется драгоценным и стоящим выше всех других настолько, что всякий из и нас предпочтет лишиться друзей, доброй славы, имущества и самой жизни, чем утратить это *Ego*.

В любом из видов Ego, т.е. материальном, социальном и духовном, люди отличают непосредственное и действительное Я от отдаленного и возможного, а также более узкие взгляды от более широких, причем преимущество отдается этим вторым качествам перед первыми. Каждый должен предпочитать физическим наслаждениям данного мгновенья свое общее здоровье, каждый должен пожертвовать талер, имеющийся у него, ради сотни талеров, которые получит за это, каждый должен предпочесть нажить себе врага среди своих теперешних знакомых, если благодаря этому он приобретет дружбу человека, принадлежащего к более высокому и ценному кругу общества, точно так же, каждому лучше отказаться от учености, изящества и остроумия, чем от спасения души. <...>

Итог

Нижеследующая табличка может служить итогом изложенного выше.

Опытная жизнь нашего *Я* подразделяется, как указано ниже, на следующие рубрики:

	Материальная	Социальная	Духовная
Самообеспечение	Телесные желания и инстинкты. Любовь к нарядам, щегольство, наклонность к стяжательству, стремление к удобству. Любовь к собственному жилью и т.д.	Желание нравиться, быть замеченным, вызывать восторги. Общительность, соревнование, зависть, любовь, преследование честолюбивых замыслов, самолюбие и т.д.	Умственные, нравственные и религиозные влечения. Совестливость.
Самоуважение	Личная суетность, скромность и т.п. Гордость богатством. Страх перед бедностью.	Социальная и семейная гордость, тщеславие, пошлая подражательность, смирение, стыдливость и пр.	Чувство нравственного или умственного превосходства, чистоты и пр. Сознание своей низменности или вины.

Ego, как познающее Я или чистое *Ego*, представляет собой несравненно более трудный предмет для исследования, чем то наше *Ego*, которое мы назвали «опытным» (эмпирическим). Это *Я* есть то, которое в любую данную минуту сознает, тогда как опытное *Ego* — один из предметов, которые осознаются. Другими словами, чистое *Я* есть сам «мыслящий». И тут непосредственно возникает вопрос: что же такое этот «мыслящий»? Есть ли это преходящее состояние самого сознания, или нечто, лежащее глубже сознания и менее изменчивое?

Преходящие состояния, как мы уже видели, должны представлять собой цепочку перемен, а ведь каждый из нас невольно считает свое *Я* неизменным. Это побудило большинство философов допустить за преходящими состояниями сознания постоянную Субстанцию или тот Деятель, видоизменение или действие которого и составляют преходящие состояния сознания. Этот Деятель — «мыслящий» субъект, а преходящие состояния сознания — его орудия или средства. «Душа», «трансцендентное *Я*», «дух» — такими наименованиями обозначают этот более постоянный вид «мыслящего».

2 *Представление о личности в психоанализе*

З. Фрейд

Разделение психической личности*

<...> Я знаю, что в своих взаимоотношениях с лицами или вещами вы сами определяете, что является исходным пунктом. Так было и с психоанализом: для развития, которое он получил, для отклика, который он нашел, было небезразлично, что начал он с работы над симптомом, самым чуждым для *Я* элементом, который имеется в душе. Симптом происходит от вытесненного, являясь одновременно его представителем перед *Я*, но вытесненное для *Я* — это чужая страна, внутренняя заграница, так же как реальность — разрешите такое необычное выражение — заграница внешняя. От симптома путь лежал к бессознательному, к жизни влечений, к сексуальности, и это было время, когда против психоанализа выдвигались глубокомысленные возражения, что человек — существо не только сексуальное, он знаком и с более благородными и более высокими порывами. Можно было бы добавить, что, вдохновленный сознанием этих высоких порывов, он нередко позволяет себе несуразные мысли и игнорирование фактов.

Вам лучше знать, что с самого начала у нас считалось: человек страдает от конфликта между требованиями жизни влечений и сопротивлением, которое поднимается в нем против них, и мы ни на миг не забывали об этой сопротивляющейся, отклоняющей, вытесняющей инстанции, которая, как мы полагали, обладает своими особыми силами, стремлениями *Я*, и которая совпадает с *Я* популярной психологии. Только ведь при всех трудных успехах научной работы и психоанализу не под силу было одновременно изучать все области и высказывать суждение сразу по всем проблемам. Наконец, дело дошло до того, что мы смогли направить свое внимание с вытесненного на вытесняющее и встали перед этим *Я*, казавшимся таким само собой разумеющимся, в твердой уверенности и здесь встретить вещи, к которым мы могли быть не подготовле-

---

* *Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. М.: Наука, 1989. С. 334–349.

ны; однако было нелегко найти первый подход. Вот об этом-то я и хочу с вами сегодня побеседовать!

Предполагаю, однако, что это мое изложение психологии *Я* подействует на вас иначе, чем введение в психическую преисподнюю, которое ему предшествовало. Почему это так, с точностью сказать не могу. Как казалось мне сначала, вы подумаете, что ранее я сообщал вам факты, пусть даже непривычные и своеобразные, тогда как теперь вы услышите преимущественно мнения, т.е. умозрительные рассуждения. Но это не так; получше все взвесив, я должен сказать, что удельный вес мыслительной обработки фактического материала в нашей психологии *Я* не намного больше, чем в психологии неврозов. Другие обоснования своего предположения я тоже вынужден был отбросить; теперь я считаю, что каким-то образом это кроется в характере самого материала и в непривычности нашего обращения с ним. Все же я не удивлюсь, если в своем суждении вы проявите еще больше сдержанности и осторожности, чем до сих пор.

Ситуация, в которой мы находимся в начале нашего исследования, сама должна указать нам путь. Мы хотим сделать предметом этого исследования *Я*, наше наисобственнейшее *Я*. Но возможно ли это? Ведь *Я* является самым подлинным субъектом, как же оно может стать объектом? И все-таки, несомненно, это возможно. *Я* может взять себя в качестве объекта, обращаться с собой, как с прочими объектами, наблюдать себя, критиковать и бог знает что еще с самим собой делать. При этом одна часть *Я* противопоставляет себя остальному *Я*. Итак, *Я* расчленимо, оно расчленяется в некоторых своих функциях, по крайней мере, на время. Части могут затем снова объединиться. Само по себе это не ново, возможно, непривычный взгляд на общеизвестные вещи. С другой стороны, нам знакома точка зрения, что патология своими преувеличениями и огрублениями может обратить наше внимание на нормальные отношения, которые без этого ускользнули бы от нас. Там, где она обнаруживает слом и срыв, в нормальном состоянии может иметь место расчленение. Если мы бросим кристалл на землю, он разобьется, но не произвольно, а распадется по направлениям своих трещин на куски, грани которых, хотя и невидимо, все-таки предопределены структурой кристалла. Такими растрескавшимися и расколовшимися структурами являются душевнобольные. И мы не можем им отказать в чем-то вроде почтительного страха, который испытывали древние народы перед сумасшедшими. Они отвернулись от внешней реальности, но именно поэтому они больше знают о внутренней, психической реальности и могут нам кое-что выдать, что было бы нам иначе недоступно. Об одной группе таких больных мы говорим, что они страдают бредом наблюдения (Beobachtungwahn). Они жалуются нам, что постоянно и вплоть до самых интимных отправлений находятся под удручающим наблюдением неизвестных сил, вероятно все-таки лиц, и в галлюцинациях слышат, как эти лица объявляют о результатах своих наблюдений: «Сейчас он хочет сказать это, вот он одевается, чтобы выйти, и т.д.» Это наблюдение — еще не то же самое, что преследование, но близко к

нему, оно предполагает, что больному не доверяют, ждут, как бы застать его за запретными действиями, за которые его должны наказать. Что было бы, если бы эти сумасшедшие были правы, если бы у нас у всех была такая наблюдающая и угрожающая наказанием инстанция в *Я*, которая у них лишь резко отделена от *Я* и по ошибке смещена во внешнюю реальность?

Не знаю, произойдет ли с вами то же, что и со мной. Но с тех пор, как под сильным впечатлением этой картины болезни мною овладела идея, что отделение наблюдающей инстанции от остального *Я* может быть в структуре *Я* закономерной чертой, она меня не оставляет, и я вынужден был заняться изучением и других характерных особенностей и отношений этой отделенной таким образом инстанции. Вскоре был сделан следующий шаг. Уже содержание бреда наблюдения намекает на то, что наблюдение является лишь подготовкой к суду и наказанию, и, таким образом, мы узнаем, что у этой инстанции есть другая функция, которую мы называем своей совестью. Вряд ли в нас найдется что-либо другое, что мы бы так постоянно отделяли от своего *Я* и так легко противопоставляли ему, как совесть. Я чувствую склонность что-то сделать, что обещает мне наслаждение, но отказываюсь от этого на основании того, что совесть мне этого не позволяет. Или, поддавшись чрезмерному желанию наслаждения, я делаю что-то, против чего поднимается голос совести, и после проступка моя совесть наказывает меня упреками стыда, заставляет раскаиваться за него. Я мог бы сказать просто, что особая инстанция, которую я начинаю различать в *Я*, является совестью, но более осторожным было бы считать эту инстанцию самостоятельной и предположить, что совесть является одной из ее функций, а самонаблюдение, необходимое как предпосылка судебной деятельности совести, является другой ее функцией. А так как, признавая самостоятельное существование какой-либо вещи, нужно дать ей имя, я буду отныне называть эту инстанцию в *Я «Сверх-Я»*.

А теперь жду от вас иронического вопроса: не сводится ли эта ваша психология *Я* вообще к тому, чтобы буквально понимать общеупотребительные абстракции, превращая их из понятий в предметы, многого не выигрывая этим? Отвечу: в психологии *Я* трудно будет избежать общеизвестного, здесь речь будет идти, скорее, о новых точках зрения и систематизациях, чем о новых открытиях. Так что оставайтесь пока при своем уничтожающем критическом мнении и подождите дальнейших рассуждений. Факты патологии дают нашим исследованиям фон, который вы напрасно искали бы в популярной психологии. Далее. Едва мы примирились с идеей такого *Сверх-Я*, которое пользуется известной самостоятельностью, преследует собственные намерения и в своем обладании энергией независимо от *Я*, как перед нами неизбежно встает картина болезни, в которой со всей ясностью обнаруживается строгость, даже жестокость этой инстанции и изменения ее отношения *Я*. Я имею в виду состояние меланхолии, вернее, приступа меланхолии, о котором и вы тоже достаточно много слышали, даже если вы не психиатры. При этом недуге, о

причинах и механизмах которого мы слишком мало знаем, наиболее яркой чертой является способ обращения *Сверх-Я* — про себя вы можете сказать: совести — с *Я*. В то время как меланхолик в здоровом состоянии может быть более или менее строг к себе, как любой другой, в приступе меланхолии *Сверх-Я* становится сверхстрогим, ругает, унижает, истязает бедное *Я*, заставляет его ожидать самых строгих наказаний, упрекает его за давно содеянное, которое в свое время воспринималось легко, как будто оно все это время собирало обвинения и только выжидало своего теперешнего прилива сил, чтобы выступить с ними и вынести приговор на основании этих обвинений. *Сверх-Я* предъявляет самые строгие моральные требования к отданному в его распоряжение беспомощному *Я*, оно вообще представляет собой требования морали, и мы сразу понимаем, что наше моральное чувство вины есть выражение напряжения между *Я* и *Сверх-Я*. Это весьма примечательный результат наблюдения: мораль, данная нам якобы от Бога и пустившая столь глубокие корни, выступает [у таких пациентов] как периодическое явление. Потому что через определенное количество месяцев все моральное наваждение проходит, критика *Сверх-Я* умолкает, *Я* реабилитируется и вновь пользуется всеми человеческими правами вплоть до следующего приступа. Правда, при некоторых формах заболевания в промежутках происходит нечто противоположное: *Я* находится в состоянии блаженного опьянения, оно торжествует, как будто *Сверх-Я* утратило всякую силу и слилось с *Я*, и это ставшее свободным, маниакальное Я позволяет себе действительно безудержное удовлетворение всех своих прихотей. Процессы, полные нерешенных загадок!

Вы ждете, конечно, больше, чем простой иллюстрации, услышав от меня, что мы кое-что знаем об образовании *Сверх-Я*, т.е. о возникновении совести. Основываясь на известном высказывании Канта, сравнившего нашу совесть со звездным небом, набожный человек мог бы, пожалуй, почувствовать искушение почесть оба их за прекрасные создания творца. Небесные тела, конечно, великолепны, но что касается совести, то здесь Бог поработал не столь много и небрежно, потому что подавляющее большинство людей получило ее лишь в скромных размерах или в столь малой степени, что об этом не стоит и говорить. Мы ни в коей мере не отрицаем ту часть психологической истины, которая содержится в утверждении, что совесть — божественного происхождения, но это положение требует разъяснения. Если совесть тоже является чем-то «в нас», то это ведь не изначально. Это — полная противоположность сексуальной жизни, которая действительно была с самого начала жизни, а не добавилась лишь впоследствии. Но маленький ребенок, как известно, аморален, у него нет внутренних тормозов против стремлений к удовольствию. Роль, которую позднее берет на себя *Сверх-Я*, исполняется сначала внешней силой, родительским авторитетом. Родительское влияние на ребенка основано на проявлениях знаков любви и угрозах наказаниями, которые доказывают ребенку утрату любви и сами по себе должны вызывать страх. Этот реальный страх является предшественником

более позднего страха совести; пока он царит, нет нужды говорить о *Сверх-Я* и о совести. Только впоследствии образуется вторичная ситуация, которую мы слишком охотно принимаем за нормальную, когда внешнее сдерживание уходит вовнутрь, когда на место родительской инстанции появляется *Сверх-Я*, которое точно так же наблюдает за *Я*, руководит им и угрожает ему, как раньше это делали родители в отношении ребенка.

Сверх-Я, которое, таким образом, берет на себя власть, работу и даже методы родительской инстанции, является не только ее преемником, но и действительно законным прямым наследником. Оно и выходит прямо из нее, и мы скоро узнаем, каким путем. Но сначала остановимся на рассогласовании между ними. Кажется, что *Сверх-Я* односторонне перенимает лишь твердость и строгость родителей, их запрещающую и наказывающую функцию, в то время как их исполненная любви забота не находит места и продолжения. Если родители действительно придерживались строгого воспитания, то кажется вполне понятным, если и у ребенка развивается строгое *Сверх-Я*, однако против ожидания опыт показывает, что *Сверх-Я* может быть таким же неумолимо строгим, даже если воспитание было мягким и добрым, если угроз и наказаний по возможности избегали. Позднее мы вернемся к этому противоречию, когда будем говорить о превращениях влечений при образовании *Сверх-Я*.

О превращении родительского отношения в *Сверх-Я* я не могу сказать вам так, как хотелось бы, отчасти потому, что этот процесс так запутан, что его изложение не уместится в рамки введения, которое я хочу вам дать, а с другой стороны, потому, что мы сами не уверены, что полностью его поняли. Поэтому довольствуйтесь следующими разъяснениями. Основой этого процесса является так называемая идентификация (Identifizierung), т.е. уподобление *Я* чужому *Я*, вследствие чего первое *Я* в определенных отношениях ведет себя как другое, подражает ему, принимает его в известной степени в себя. Идентификацию не без успеха можно сравнить с оральным, каннибалистическим поглощением чужой личности. Идентификация — очень важная форма связи с другим лицом, вероятно, самая первоначальная, но не то же самое, что выбор объекта. Различие можно выразить примерно так: если мальчик идентифицирует себя с отцом, то он хочет *быть,* как отец; если он делает его объектом своего выбора, то он хочет *обладать,* владеть им; в первом случае его *Я* меняется по образу отца, во втором это не необходимо. Идентификация и выбор объекта в широком смысле независимы друг от друга; но можно идентифицировать себя именно с этим лицом, изменять *Я* в соответствии с ним, выбрав его, например, в качестве сексуального объекта. Говорят, что влияние сексуального объекта на *Я* особенно часто происходит у женщин и характерно для женственности. О наиболее поучительном отношении между идентификацией и выбором объекта я уже как-то говорил вам в предыдущих лекциях. Его легко наблюдать как у детей, так и у взрослых, как у нормальных, так и у больных людей. Если объект утрачен или от него вынуждены отказаться, то достаточно часто потерю возмещают тем, что идентифици-

руют себя с ним, восстанавливая в своем *Я*, так что здесь выбор объекта как бы регрессирует к идентификации.

Этими рассуждениями об идентификации я сам не вполне удовлетворен, но мне будет достаточно, если вы сможете признать, что введение в действие *Сверх-Я* может быть описано как удачный случай идентификации с родительской инстанцией. Решающим фактом для этой точки зрения является то, что это новообразование превосходящей инстанции в *Я* теснейшим образом связано с судьбой Эдипова комплекса, так что *Сверх-Я* является наследием этой столь значимой для детства эмоциональной связи. Мы понимаем, что с устранением Эдипова комплекса ребенок должен отказаться от интенсивной привязанности к объектам, которыми были его родители, а для компенсации этой утраты объектов в его *Я* очень усиливаются вероятно давно имевшиеся идентификации с родителями. Такие идентификации, как следствия отказа от привязанности к объектам, позднее достаточно часто повторяются в жизни ребенка, но эмоциональной ценности этого первого случая такой замены вполне соответствует то, что в результате этого в *Я* создается особое положение. Тщательное исследование показывает нам также, что *Сверх-Я* теряет в силе и завершенности развития, если преодоление Эдипова комплекса удается лишь отчасти. В процессе развития на *Сверх-Я* влияют также те лица, которые заместили родителей, т.е. воспитатели, учителя, идеальные примеры. Обычно оно все больше отдаляется от первоначальных индивидуальностей родителей, становясь, так сказать, все более безличностным. Но нельзя также забывать, что ребенок по-разному оценивает своих родителей на разных этапах жизни. К тому времени, когда Эдипов комплекс уступает место *Сверх-Я*, они являют собой нечто совершенно замечательное, утрачивая очень многое впоследствии. И тогда тоже происходят идентификации с этими более поздними родителями, они даже обычно способствуют формированию характера, но это касается только *Я*; на *Сверх-Я*, которое было сформировано более ранним образом родителей, они уже не влияют.

Надеюсь, у вас уже сложилось впечатление, что понятие *Сверх-Я* описывает действительно структурное соотношение, а не просто персонифицирует абстракцию наподобие совести. Мы должны упомянуть еще одну важную функцию, которой мы наделяем это *Сверх-Я*. Оно является также носителем *Я*-идеала, с которым *Я* соизмеряет себя, к которому оно стремится, чье требование постоянного совершенствования оно старается выполнить. Несомненно, этот *Я*-идеал является отражением старого представления о родителях, выражением восхищения их совершенством, которое ребенок им тогда приписывал.

Знаю, что вы много слышали о чувстве неполноценности, которое характеризует как раз невротиков[1]. Оно проявляется, в частности, в так называемой художественной литературе. Писатель, употребивший словосочетание «комплекс

---

[1] Имеются в виду взгляды Адлера, считавшего комплекс неполноценности главной движущей силой развития личности. (*Здесь и далее комментарии М.Г. Ярошевского.*)

неполноценности», считает, что этим он удовлетворяет всем требованиям психоанализа и поднимает свое творение на более высокий психологический уровень. В действительности искусственное словосочетание «комплекс неполноценности» в психоанализе почти не употребляется. Он не является для нас чем-то простым, тем более элементарным. Сводить его к самовосприятию возможного недоразвития органов, как это любят делать представители школы так называемой индивидуальной психологии, кажется нам недальновидным заблуждением. Чувство неполноценности имеет глубоко эротические корни. Ребенок чувствует себя неполноценным, если замечает, что он нелюбим, и точно так же взрослый. Единственный орган, который может рассматриваться как неполноценный, это рудиментарный пенис, клитор девочки. Но по большей части чувство неполноценности происходит из отношения *Я* к своему *Сверх-Я*, являясь, так же как чувство вины, выражением напряжения между ними. Чувство неполноценности и чувство вины вообще трудно отделить друг от друга. Возможно, было бы правильно видеть в первом эротическое дополнение к чувству моральной неполноценности. Этому вопросу разграничения понятий мы в психоанализе уделяли мало внимания.

Именно потому, что комплекс неполноценности стал так популярен, я позволю себе сделать здесь небольшое отступление. У одного исторического деятеля нашего времени, который здравствует и поныне, но отошел от дел, вследствие родовой травмы имело место некоторое недоразвитие одного члена. Очень известный писатель наших дней, охотнее всего пишущий биографии замечательных людей, занялся жизнью этого упомянутого мной человека. Но ведь трудно подавить в себе потребность углубления в психологию, когда пишешь биографию. Поэтому наш автор отважился на попытку построить все развитие характера своего героя на чувстве неполноценности, вызванном этим физическим дефектом. Но при этом он упустил один маленький, но немаловажный факт. Обычно матери, которым судьба дала больного или неполноценного ребенка, пытаются восполнить эту несправедливость чрезмерной любовью. В нашем случае гордая мать повела себя по-другому, она отказала ребенку в любви из-за его недостатка. Когда он стал могущественным человеком, то всеми своими действиями доказал, что так никогда и не простил свою мать. Если вы представите себе значение материнской любви для детской душевной жизни, вы, видимо, мысленно внесете поправки в теорию неполноценности биографа.

Но вернемся к *Сверх-Я*. Мы наделили его самонаблюдением, совестью и функцией идеала. Из наших рассуждений о его возникновении получается, что оно обусловлено чрезвычайно важным биологическим, а также определяющим судьбу психологическим фактом, а именно длительной зависимостью ребенка от своих родителей и Эдиповым комплексом, которые опять-таки внутренне связаны между собой. *Сверх-Я* является для нас представителем всех моральных ограничений, поборником стремления к совершенствованию, короче, тем, что нам стало психологически доступно из так называемого более возвышенного в

человеческой жизни. Поскольку оно само восходит к влиянию родителей, воспитателей и им подобных, мы узнаем еще больше о его значении, если обратимся к этим его источникам. Как правило, родители и аналогичные им авторитеты в воспитании ребенка следуют предписаниям собственного *Сверх-Я*. Как бы ни расходилось их *Я* со *Сверх-Я*, в воспитании ребенка они строги и взыскательны. Они забыли трудности своего собственного детства, довольны, что могут, наконец, полностью идентифицировать себя со своими родителями, которые в свое время налагали на них тяжелые ограничения. Таким образом, *Сверх-Я* ребенка строится собственно не по примеру родителей, а по родительскому *Сверх-Я*; оно наполняется тем же содержанием, становится носителем традиции, всех тех сохранившихся во времени ценностей, которые продолжают существовать на этом пути через поколения. Вы легко угадаете, какую важную помощь для понимания социального поведения человека, например, для понимания беспризорности, или даже практические советы по воспитанию можно извлечь из представления о *Сверх-Я*. Видимо, так называемые материалистические воззрения на историю грешат недооценкой этого фактора. Они отделываются от него замечанием, что «идеологии» людей суть не что иное, как результат и надстройка действующих экономических отношений. Это правда, но очень вероятно — не вся правда. Человечество никогда не живет полностью в настоящем, в идеологиях *Сверх-Я* продолжает жить прошлое, традиция расы и народа, которые лишь медленно поддаются влияниям современности, новым изменениям, и, пока оно действует через *Сверх-Я*, оно играет значительную, независимую от экономических отношений роль в человеческой жизни.

В 1921 г. при изучении психологии масс я попытался использовать дифференциацию *Я* и *Сверх-Я*. Я пришел к формуле: «Психологическая масса является объединением отдельных личностей, которые ввели в свое *Сверх-Я* одно и то же лицо и на основе этой общности идентифицировались друг с другом в своем *Я*». Она относится, конечно, только к тем массам, которые имеют одного вождя. Если бы у нас было больше примеров такого рода, то предположение *Сверх-Я* перестало бы быть совершенно чуждым для нас и мы совсем освободились бы от той робости, которая все еще охватывает нас, привыкших к атмосфере преисподней, при продвижении на более поверхностные, более высокие слои психического аппарата. Разумеется, мы не думаем, что, выделяя *Сверх-Я*, мы говорим последнее слово в психологии *Я*. Это скорее начало, с той лишь разницей, что тут не только начало трудно.

Ну а теперь нас ждет другая задача, так сказать, с другой стороны *Я*. Она возникла благодаря наблюдению во время аналитической работы, наблюдению, собственно говоря, очень старому. Как уже не раз бывало, им давно пользовались, прежде чем решились признать. Как вы знаете, вся психоаналитическая теория, собственно, построена на признании сопротивления, которое оказывает нам пациент при попытке сделать сознательным его бессознательное. Объективным признаком сопротивления является то, что его ассоциативные мысли

остаются необъяснимыми или далеко уклоняются от обсуждаемой темы. Субъективно он может и признавать сопротивление, потому что испытывает ощущение стыда, приближаясь к теме. Но этот последний признак может и отсутствовать. Тогда мы говорим пациенту, что из его отношения мы заключаем, что он находится сейчас в состоянии сопротивления, а он отвечает, что ничего об этом не знает и замечает только затруднения [в появлении] ассоциативных мыслей. Обнаруживается, что мы были правы, но тогда его сопротивление было тоже бессознательным, таким же бессознательным, как и вытесненное (Verdrдngte), над устранением которого мы работали. Следовало бы давно поставить вопрос: из какой части его душевной жизни исходит такое бессознательное сопротивление!? Новичок в психоанализе быстро найдет ответ: это и есть сопротивление бессознательного. Двусмысленный, неприемлемый ответ! Если под этим подразумевается, что он исходит из вытесненного, то мы должны сказать: это не так! Вытесненному мы скорее припишем сильный импульс, стремление пробиться к сознанию. Сопротивление может быть только выражением *Я*, которое в свое время осуществило вытеснение, а теперь хочет его сохранить. Так мы всегда и понимали это раньше. С тех пор как мы предполагаем в *Я* особую инстанцию, представляющую ограничивающие и отклоняющие требования *Сверх-Я*, мы можем сказать, что вытеснение является делом этого *Сверх-Я*, оно проводит вытеснение или само, или по его заданию это делает послушное ему *Я*. И вот если налицо случай, когда сопротивление при анализе пациентом не осознается, то это значит, что либо *Сверх-Я* и *Я* в очень важных ситуациях могут работать бессознательно, либо, что было бы еще значительнее, что некоторые части того и другого, *Я* и самого *Сверх-Я*, являются бессознательными. В обоих случаях мы вынуждены прийти к неутешительному выводу, что *Сверх-Я* и сознательное, с одной стороны, и вытесненное и бессознательное — с другой, ни в коем случае не совпадают[2].

<...> Прежде чем я продолжу, выслушайте мои извинения. Хочу сделать дополнения к введению в психоанализ, которое я начал пятнадцать лет тому назад, и вынужден вести себя так, будто и вы в этот промежуток времени не занимались ничем иным, кроме психоанализа. Я знаю, что это невероятное предположение, но я беспомощен, я не могу поступить иначе. И связано это с тем, что вообще очень трудно познакомить с психоанализом того, кто сам не является психоаналитиком. Поверьте, мы не хотим произвести впечатление, будто мы члены тайного общества и занимаемся какой-то тайной наукой. И все же мы должны признать и объявить своим убеждением, что никто не имеет права вмешиваться в разговор о психоанализе, не овладев определенным опытом, который можно получить только при анализе своей собственной личности. Когда я читал вам лекции пятнадцать лет тому назад, я пытался не обременять вас некоторыми

---

[2] Это положение говорит о новом подходе Фрейда к проблеме неосознаваемой психики. Ее область, согласно излагаемому взгляду, охватывала, наряду со сферой бессознательных влечений, также (в известных масштабах) и другие компоненты личности, в том числе ее ядро — *Я*.

умозрительными моментами нашей теории, но именно с ними связаны новые данные, о которых я хочу сказать сегодня.

Возвращаюсь к теме. Свое сомнение, могут ли *Я* или даже *Сверх-Я* быть бессознательными или они только способны осуществлять бессознательные действия, мы с полным основанием решаем в пользу первой возможности. Да, значительные части *Я* и *Сверх-Я* могут оставаться бессознательными, обычно являются бессознательными. Это значит, что личность ничего не знает об их содержании и ей требуется усилие, чтобы сделать их для себя сознательными. Бывает, что *Я* и сознательное, вытесненное и бессознательное не совпадают. Мы испытываем потребность основательно пересмотреть свой подход к проблеме сознательное — бессознательное. Сначала мы были склонны значительно снизить значимость критерия сознательности, поскольку он оказался столь ненадежным. Но мы поступили бы несправедливо. Здесь дело обстоит так же, как с нашей жизнью: она не многого стоит, но это все, что у нас есть. Без света этого качества сознания мы бы затерялись в потемках глубинной психологии; но мы имеем право попытаться сориентировать себя по-новому.

То, что должно называться сознательным, не нуждается в обсуждении, здесь нет никаких сомнений. Самое старое и самое лучшее значение слова «бессознательный» — описательное: бессознательным мы называем психический процесс, существование которого мы должны предположить, поскольку мы выводим его из его воздействий, ничего не зная о нем. Далее, мы имеем к нему такое же отношение, как и к психическому процессу другого человека, только он-то является нашим собственным. Если выразиться еще конкретнее, то следует изменить предложение следующим образом: мы называем процесс бессознательным, когда мы предполагаем, что он активизировался *сейчас*, хотя *сейчас* мы ничего о нем не знаем. Это ограничение заставляет задуматься о том, что большинство сознательных процессов сознательны только короткое время; очень скоро они становятся *латентными*, но легко могут вновь стать сознательными. Мы могли бы также сказать, что они стали бессознательными, если бы вообще были уверены, что в состоянии латентности они являются еще чем-то психическим. Таким образом мы не узнали бы ничего нового и даже не получили бы права ввести понятие бессознательного в психологию. Но вот появляется новый опыт, который мы уже можем продемонстрировать на [примере] ошибочных действий. Например, для объяснения какой-то оговорки мы вынуждены предположить, что у допустившего ее образовалось определенное речевое намерение. По происшедшей ошибке в речи мы со всей определенностью догадываемся о нем, но оно не осуществилось, т.е. оно было бессознательным. Если мы по прошествии какого-то времени приводим его говорившему и тот сможет признать его знакомым, то, значит, оно было бессознательным лишь какое-то время, если же он будет отрицать его как чуждое ему, то, значит, оно длительное время было бессознательным. Возвращаясь к сказанному, из этого опыта мы получаем право объявить бессознательным и

то, что называется латентным. Учитывая эти динамические отношения, мы можем теперь выделить два вида бессознательного: одно, которое при часто повторяющихся условиях легко превращается в сознательное, и другое, при котором это превращение происходит с трудом и лишь со значительными усилиями, а может и никогда не произойти. Чтобы избежать двусмысленности, имеем ли мы в виду одно или другое бессознательное, употребляем ли слово в описательном или в динамическом смысле, договоримся применять дозволенный, простой паллиатив. То бессознательное, которое является только латентным и легко становится сознательным, мы назовем предсознательным, другому же оставим название «бессознательный». Итак, у нас три термина: сознательный, предсознательный и бессознательный, которых достаточно для описания психических феноменов. Еще раз: чисто описательно и предсознательное бессознательно, но мы так его не называем, разве что в свободном изложении, если нам нужно защитить существование бессознательных процессов вообще в душевной жизни.

Надеюсь, вы признаете, что это пока не так уж сложно и вполне пригодно для употребления. Да, но, к сожалению, психоаналитическая работа настойчиво требует употребления слова «бессознательный» еще и в другом, третьем смысле, и это, возможно, и вносит путаницу. Под новым и сильным влиянием того, что обширная и важная область душевной жизни обычно скрыта от знания *Я*, так что протекающие в ней процессы следует признать бессознательными в правильном динамическом смысле, мы понимаем термин «бессознательный» также и в топическом или систематическом смысле, говоря о системе предсознательного и бессознательного, о конфликте *Я* с системой бессознательного (ubw), все больше придавая слову скорее смысл области души, чем качества психики. Явно неудобное открытие, согласно которому даже части *Я* и *Сверх-Я* в динамическом отношении бессознательны, мы воспринимаем здесь как облегчение, ибо оно позволяет нам устранить осложнение. Мы видим, что не имеем права называть чуждую *Я* область души системой ubw, так как неосознанность не является исключительно ее характеристикой. Хорошо, не будем больше употреблять слово «бессознательный» в систематическом смысле, дав прежнему обозначению лучшее, не допускающее неправильного толкования название. Вслед за Ницше и по примеру Г. Гроддека[3] мы будем называть его в дальнейшем *Оно* (Es). Это безличное местоимение кажется особенно подходящим для выражения основного характера этой области души, ее чуждости *Я*. *Сверх-Я*, *Я* и *Оно* — вот три царства, сферы, области, на которые мы разложим психический аппарат личности, взаимодействиями которых мы займемся в дальнейшем.

Но прежде только одна короткая вставка. Догадываюсь, что вы недовольны тем, что три качества сознательного и три сферы психического аппарата не сочетаются в три мирно согласующиеся пары, видя в этом нечто омрачающее

---

[3] См.: *Groddeck G.* Das Bush von Es. Wien, 1923.

наши результаты. Однако, по-моему, сожалеть об этом не стоит, и мы должны сказать себе, что не имеем права ожидать такого приглаженного упорядочивания. Позвольте привести сравнение, правда, сравнения ничего не решают, но они могут способствовать наглядности. Представьте себе страну с разнообразным рельефом — холмами, равниной и цепями озер, со смешанным населением — в ней живут немцы, мадьяры и словаки, которые занимаются различной деятельностью. И вот распределение могло бы быть таким: на холмах живут немцы, они скотоводы, на равнине — мадьяры, которые выращивают хлеб и виноград, на озерах — словаки, они ловят рыбу и плетут тростник. Если бы это распределение было безукоризненным и четким, то Вильсон мог бы ему порадоваться, это было бы также удобно для сообщения на уроке географии. Однако очевидно, что, путешествуя по этой стране, вы найдете здесь меньше порядка и больше пестроты. Немцы, мадьяры и словаки всюду живут вперемешку, на холмах тоже есть пашни, на равнине также держат скот. Кое-что, естественно, совпадет с вашими ожиданиями, т.е. в горах не занимаются рыболовством, а виноград не растет в воде. Да, картина местности, которую вы представили себе, в общем и целом будет соответствовать действительности, в частностях же вы допустите отклонения.

Не ждите, что об *Оно,* кроме нового названия, я сообщу вам много нового. Это темная, недоступная часть нашей личности; то немногое, что вам о ней известно, мы узнали, изучая работу сновидения и образование невротических симптомов, и большинство этих сведений носят негативный характер, допуская описание только в качестве противоположности *Я.* Мы приближаемся к [пониманию] *Оно* при помощи сравнения, называя его хаосом, котлом, полным бурлящих возбуждений. Мы представляем себе, что у своего предела *Оно* открыто соматическому, вбирая оттуда в себя инстинктивные потребности, которые находят в нем свое психическое выражение, но мы не можем сказать, в каком субстрате. Благодаря влечениям *Оно* наполняется энергией, но не имеет организации, не обнаруживает общей воли, а только стремление удовлетворить инстинктивные потребности при сохранении принципа удовольствия. Для процессов в *Оно* не существует логических законов мышления, прежде всего тезиса о противоречии. Противоположные импульсы существуют друг подле друга, не отменяя друг друга и не удаляясь друг от друга, в лучшем случае для разрядки энергии под давлением экономического принуждения объединяясь в компромиссные образования. В *Оно* нет ничего, что можно было бы отождествить с отрицанием, и мы с удивлением видим также исключение из известного философского положения, что пространство и время являются необходимыми формами наших психических актов. В *Оно* нет ничего, что соответствовало бы представлению о времени, никакого признания течения во времени и, что в высшей степени странно и ждет своего объяснения философами, нет никакого изменения психического процесса с течением времени. Импульсивные желания, которые никогда не переступают через *Оно,* а также

впечатления, которые благодаря вытеснению опустились в *Оно*, виртуально бессмертны, спустя десятилетия они ведут себя так, словно возникли заново. Признать в них прошлое, суметь обесценить их и лишить заряда энергии можно только в том случае, если путем аналитической работы они станут осознанными, и на этом в немалой степени основывается терапевтическое действие аналитического лечения.

У меня все время создается впечатление, что из этого не подлежащего сомнению факта неизменности вытесненного во времени мы мало что дали для нашей теории. А ведь здесь, кажется, открывается подход к самому глубокому пониманию. К сожалению, и я не продвинулся здесь дальше.

Само собой разумеется, *Оно* не знакомы никакие оценки, никакое добро и зло, никакая мораль. Экономический или, если хотите, количественный момент, тесно связанный с принципом удовольствия, управляет всеми процессами. Все эти инстинкты, требующие выхода, полагаем мы, находятся в *Оно*. Кажется даже, что энергия этих инстинктивных импульсов находится в другом состоянии, чем в иных душевных областях, она более подвижна и способна к разрядке, потому что иначе не могли бы происходить те смещения и сгущения, которые характерны для *Оно* и совершенно не зависят от качества заряженного (Besetzte) — в *Я* мы назвали бы это представлением. Чего бы мы только ни дали, чтобы побольше знать об этих вещах! Между прочим, вы видите, что мы в состоянии назвать еще и другие свойства *Оно*, кроме того, что оно бессознательно, а также признаете возможность того, что части *Я* и *Сверх-Я* являются бессознательными, не имея таких же примитивных и иррациональных черт. К характеристике собственно *Я*, насколько оно допускает обособление от *Оно*, и *Сверх-Я* мы, скорее всего, приблизимся, если примем во внимание его отношение к самой внешней поверхностной части психического аппарата, которую мы обозначим как систему W—Bw. Эта система обращена к внешнему миру, она опосредует его восприятия, во время ее функционирования в ней возникает феномен сознания. Это орган чувств всего аппарата, восприимчивый, между прочим, к возбуждениям, идущим не только извне, но и из недр душевной жизни. Вряд ли нуждается в пояснении точка зрения, согласно которой *Я* является той частью *Оно*, которая модифицировалась благодаря близости и влиянию внешнего мира, приспособлена к восприятию раздражений и защите от них, может быть сравнима с корковым слоем, которым окружен комочек живой субстанции. Отношение к внешнему миру для *Я* стало решающим, оно взяло на себя задачу представлять его перед *Оно* для блага *Оно*, которое в слепом стремлении к удовлетворению влечений, не считаясь с этой сверхсильной внешней властью, не смогло бы избежать уничтожения. Выполняя эту функцию, *Я* должно наблюдать за внешним миром, откладывать в следах своих восприятий правильный его образ, путем проверки реальностью удалять из этой картины внешнего мира все добавления, идущие от внутренних источников возбуждения. По поручению *Оно Я* владеет подходами к моторике, но между потребностью и действием оно делает отсрочку для мыслительной работы, во время

которой использует остатки воспоминаний из опыта. Таким образом, принцип удовольствия, который неограниченно правит ходом процессов в *Оно*, оказывается низвергнутым с трона и заменяется принципом реальности, который обещает больше надежности и успеха.

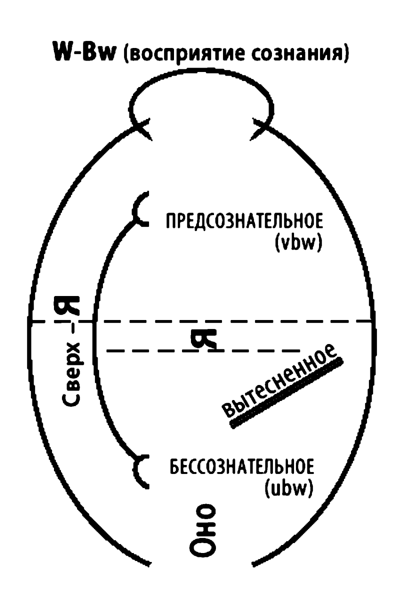
Очень сложное для описания отношение ко времени также сообщается *Я* системой восприятия; едва ли можно сомневаться в том, что способ работы этой системы дает начало представлению о времени. Чем особенно отличается *Я* от *Оно*, так это стремлением к синтезу своих содержаний, к обобщению и унификации своих психических процессов, которое совершенно отсутствует у *Оно*. Когда мы в будущем поведем разговор о влечениях в душевной жизни, нам, вероятно, удастся найти источник этой существенной характерной черты *Я*. Она единственная дает ту высокую степень организации, которой *Я* обязано лучшими своими достижениями. Развитие идет от восприятия влечений к овладению ими, но последнее достигается только тем, что психическое выражение влечений включается в более широкую систему, входит в какую-то взаимосвязь. Пользуясь популярными выражениями, можно сказать, что *Я* в душевной жизни представляет здравый смысл и благоразумие, а *Оно* — неукротимые страсти.

До сих пор нам импонировало перечисление преимуществ и способностей *Я*, теперь настало время вспомнить и об оборотной стороне. *Я* является лишь частью *Оно*, частью, целесообразно измененной близостью к грозящему опасностями внешнему миру. В динамическом отношении оно слабо, свою энергию оно заимствовало у *Оно*, и мы имеем некоторое представление относительно методов, можно даже сказать, лазеек, благодаря которым оно продолжает отнимать энергию у *Оно*. Таким путем осуществляется, например, также идентификация с сохранившимися или оставленными объектами. Привязанность к объектам исходит из инстинктивных притязаний *Оно*. *Я* сначала их регистрирует. Но, идентифицируясь с объектом, оно предлагает себя *Оно* вместо объекта, желая направить либидо *Оно* на себя. Мы уже знаем, что в процессе жизни *Я* принимает в себя большое число остатков бывшей привязанности к объектам. В общем, *Я* должно проводить в жизнь намерения *Оно*, оно выполняет свою задачу, изыскивая обстоятельства, при которых эти намерения могут быть осуществлены наилучшим образом. Отношение *Я* к *Оно* можно сравнить с отношением наездника к своей лошади. Лошадь дает энергию для движения, наездник обладает преимуществом определять цель и направление движения сильного животного. Но между *Я* и *Оно* слишком часто имеет место далеко не идеальное взаимоотношение, когда наездник вынужден направлять скакуна туда, куда тому вздумается. От одной части *Оно Я* отделилось благодаря сопротивлениям вытеснения. Но вытеснение не продолжается в *Оно*. Вытесненное сливается с остальным *Оно*.

Поговорка предостерегает от служения двум господам. Бедному *Я* еще тяжелее, оно служит трем строгим властелинам, стараясь привести их притязания и требования в согласие между собой. Эти притязания все время расходятся, часто кажутся несовместимыми: неудивительно, что *Я* часто не справляется со своей

задачей. Тремя тиранами являются: внешний мир, *Сверх-Я* и *Оно*. Если понаблюдать за усилиями *Я*, направленными на то, чтобы служить им одновременно, а точнее, подчиняться им одновременно, вряд ли мы станем сожалеть о том, что представили это *Я* в персонифицированном виде как некое существо. Оно чувствует себя стесненным с трех сторон, ему грозят три опасности, на которые оно, будучи в стесненном положении, реагирует появлением страха. Благодаря своему происхождению из опыта системы восприятия, оно призвано представлять требования внешнего мира, но оно хочет быть и верным слугой *Оно*, пребывать с ним в согласии, предлагая ему себя в качестве объекта, привлекать его либидо на себя. В своем стремлении посредничать между *Оно* и реальностью оно часто вынуждено одевать бессознательные (ubw) требования *Оно* в свои предсознательные (vbw) рационализации, затушевывать конфликты *Оно* с реальностью, с дипломатической неискренностью разыгрывать оглядку на реальность, даже если *Оно* упорствует и не сдается. С другой стороны, за ним на каждом шагу наблюдает строгое *Сверх-Я*, которое предписывает ему определенные нормы поведения, невзирая на трудности со стороны *Оно* и внешнего мира, и наказывает его в случае непослушания напряженным чувством неполноценности и сознания вины. Так *Я*, движимое *Оно*, стесненное *Сверх-Я*, отталкиваемое реальностью, прилагает все усилия для выполнения своей экономической задачи установления гармонии между силами и влияниями, которые действуют в нем и на него, и мы понимаем, почему так часто не можем подавить восклицания: жизнь не легка! Если *Я* вынуждено признать свою слабость, в нем возникает страх, реальный страх перед внешним миром, страх совести перед *Сверх-Я*, невротический страх перед силой страстей в *Оно*.

Структурные соотношения психической личности, изложенные мною, я хотел бы представить в непритязательном рисунке, который я здесь прилагаю.



Здесь вы видите, что *Сверх-Я* погружается в *Оно*, как наследник Эдипова комплекса оно имеет с ним интимные связи; оно дальше от системы восприятия, чем *Я*. Оно сообщается с внешним миром только через *Я*, по крайней мере, на этой схеме. Сегодня, конечно, трудно сказать, насколько рисунок правилен; по крайней мере, в одном отношении это определенно не так. Пространство, которое занимает бессознательное *Оно*, должно быть несравненно больше, чем пространство *Я* или предсознательного. Прошу вас, сделайте мысленно поправку.

А теперь в заключение этих безусловно утомительных и, возможно, не совсем ясных рассуждений еще одно предостережение! Разделяя личность на *Я*, *Сверх-Я* и *Оно*, вы, разумеется, не имеете в виду строгие границы наподобие тех, которые искусственно проведены в политической географии. Своеобразие психического мы изобразим не линейными контурами, как на рисунке или в примитивной живописи, а скорее расплывчатыми цветовыми пятнами, как у современных художников. После того как мы произвели разграничение, мы должны выделенное опять слить вместе. Не судите слишком строго о первой попытке сделать наглядным психическое, с таким трудом поддающееся пониманию. Весьма вероятно, что образование этих отдельных областей у различных лиц весьма вариабельно, возможно, что при функционировании они сами изменяются и временно регрессируют. Это, в частности, касается филогенетически последнего и самого интимного — дифференциации *Я* и *Сверх-Я*. Несомненно, что нечто подобное вызывается психическим заболеванием. Можно хорошо представить себе также, что каким-то мистическим практикам иногда удается опрокинуть нормальные отношения между этими отдельными областями, так что, например, восприятие может уловить соотношения *Я* и *Оно*, которые в иных случаях были ему недоступны. Можно спокойно усомниться в том, что на этом пути мы достигнем последней истины, от которой ждут всеобщего спасения, но мы все-таки признаем, что терапевтические усилия психоанализа избрали себе аналогичную точку приложения. Ведь их цель — укрепить *Я*, сделать его более независимым от *Сверх-Я*, расширить поле восприятия и перестроить его организацию так, чтобы оно могло освоить новые части *Оно*. Там, где было *Оно*, должно стать *Я*. Это примерно такая же культурная работа, как осушение Зёйдер-Зе.

Р. Хок

[Проективные методы изучения личности]*

Кто мы есть: наши проекции[1]

Представьте, что вы с другом в летний день отдыхаете на зеленом лугу. На небе только несколько легких облаков. Указывая на облако, вы говорите другу: «Посмотри, это облако похоже на женщину в свадебном платье с длинной фатой». В ответ на это друг спрашивает: «Где? Я не вижу этого. А мне форма этого облака напоминает вулкан с дымящейся шапкой на вершине». Пока вы пытаетесь убедить друг друга в своем восприятии одной и той же формы, воздушный поток меняет направление и превращает это облако в совершенно другую форму. Почему такая разница в том, что увидели вы оба? Вы смотрели на одну и ту же форму, а видели в ней два совершенно разных предмета.

Так как на восприятие каждого человека часто влияют психологические факторы, возможно, различные предметы, увиденные в форме облака, что-то раскрывают в личности наблюдающих. Иными словами, и вы, и ваш друг что-то вложили от себя в восприятие облаков на небе. Эти представления легли в основу разработанного Роршахом (Rorschach) теста восприятия формы, более известного как тест чернильных пятен. Этот тест был одним из первых, представляющих так называемые проективные техники.

Два наиболее известных и широко применяемых проективных теста — это Тест чернильных пятен Роршаха и Тематический Апперцептивный Тест (ТАТ). Обе эти методики являются основными тестами в истории клинической психологии. Так как тест Роршаха, впервые описанный в 1922 году, содержит прямые

---

* *Хок Р.Р.* 40 исследований, которые потрясли психологию. Секреты выдающихся экспериментов. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. С. 359–376.

[1] Базовые материалы: *Rorschach H.* Psychodiagnostics: A diagnostic test based on perception. N.Y.: Grime & Stratton, 1942.

сравнения различных групп психических заболеваний и часто связывается с диагностикой психических расстройств, он мог бы быть отнесен еще и к разделу психопатологии. <...>

При использовании проективного теста человеку предъявляется набор неоднозначных стимулов и предполагается, что он будет проецировать на них свое бессознательное. В тесте Роршаха стимулами являются просто симметричные чернильные пятна, которые можно воспринять как любое количество объектов.

По Роршаху, то, что человек видит на чернильном пятне, часто многое открывает в его истинной психологической натуре. Он называл это явление интерпретацией случайных форм. Существует известный анекдот о чернильных пятнах Роршаха, в котором рассказывается о психотерапевте, тестирующем клиента. При предъявлении первой карточки с чернильными пятнами врач спрашивает: «Что вам это напоминает?» Клиент отвечает: «Секс». При показе второй карточки вновь задается этот же вопрос, на который клиент опять отвечает: «Секс». Когда на первые пять картинок получен один и тот же однословный ответ, психотерапевт замечает: «Похоже, что вы определенно сексуально озабочены!» На что удивленный клиент отвечает: «Я? Доктор, это вы озабочены, показывая все эти грязные картинки!» Конечно, подобная история слишком упрощает тест Роршаха. Хотя сами чернильные пятна отобраны так, что смутно напоминают какие-то предметы, чтобы поддержать активность интерпретации, сексуальная ориентация в ответах должна учитываться, но, в среднем, не более чем любая другая.

Роршах был уверен, что перед его проективной методикой стоят две основные цели. Во-первых, она должна применяться как исследовательский прием для выявления неосознанных аспектов личности. О другой цели Роршах объявил несколько позднее, она заключалась в том, что тест следует использовать при диагностике различных типов психопатологии.

Теоретические основания

Теоретической основой методики Роршаха являлось то, что в процессе интерпретации выбранного наугад чернильного пятна внимание индивида будет переключено таким образом, что ослабнут обычные защитные психологические механизмы. В ответ это позволит высвободиться скрытым сторонам психики. Когда воспринимаемый стимул неоднозначен (т.е. имеет слишком мало ключевых признаков, чтобы понять, что же это такое в действительности), интерпретация стимула при его восприятии должна происходить исходя из внутренних особенностей человека. <...> По замыслу Роршаха, чернильные пятна были настолько неопределенными, что их трудно было понять, но они позволяли получить наибольшее количество проекций бессознательного.

Метод

При рассмотрении теста чернильных пятен Роршаха можно выделить две его важные стороны: процесс создания оригинальных форм автором и методы, предназначенные для интерпретации и оценки ответов, сделанных клиентами.

Создание теста

Объяснение Роршахом, как создаются формы, очень похоже на план детской игры с изображениями:

> Образование таких случайных форм очень простое: на лист бумаги капаются несколько крупных чернильных пятен, бумага складывается пополам, и чернила растекаются по обеим половинам листа[2].

Рис. 1. Примеры случайных форм, используемых в тесте случайных форм Роршаха

На этом, однако, простота заканчивается. Дальше Роршах продолжает объяснять, что эффективно могут использоваться только те рисунки, которые отвечают определенным требованиям.

Например, рисунок должен быть относительно простым, симметричным и слегка напоминать какие-то предметы. Роршах считал, что формы должны быть симметричными, потому что асимметричные чернильные пятна отвергаются субъектами как неподходящие для интерпретации. После длительного отбора Роршах остановился на 10 формах, которые вошли в его основной тест. Из 10 рисунков 5 были черно-белыми, 2 — черно-красными, а 3 — многоцветными. На рисунке 1 представлены 3 фигуры из тех, какими пользовался Роршах.

Проведение теста и оценка

Тест Роршаха по интерпретации форм прост в проведении. Каждый тестируемый получает одно за другим все изображения фигур, и задается вопрос: «Что бы это могло быть?». Субъекты свободно могут перевернуть карточку в любое положение, могут держать ее близко к глазам или отдалить настолько, насколько им хочется. Исследователь или психотерапевт, проводящий тест, отмечает реакции индивидов на каждую фигуру, не подсказывая им. Время не ограничено.

---

[2] См.: *Rorschach H.* Psychodiagnostics: A diagnostic test based on perception. N.Y.: Grime & Stratton, 1942. P. 15.

Роршах отмечал, что почти всегда тестируемые считали данный тест предназначенным для изучения воображения. Однако автор очень осторожно объяснял им, что это задание не является тестом воображения и что креативность воображения человека не оказывает значимого влияния на результаты.

Это, утверждал Роршах, тест восприятия, охватывающий процессы ощущения, памяти, сознательных и бессознательных ассоциаций между формой стимула и другими психологическими силами, которые таятся внутри индивида.

Роршах перечисляет следующие направления для оценки реакции людей на 10 чернильных пятен[3].

1. Сколько было дано ответов? Каково время реакции, т.е. как долго человек смотрит на фигуру перед тем, как ответить? Как часто он отказывается интерпретировать фигуру?

2. Была ли связана интерпретация только с формой фигуры, или при восприятии учитывались цвет или движение?

3. Воспринималась ли фигура целиком или отдельными частями? Какие части были выделены и как они интерпретировались?

4. Что увидел субъект в данном изображении?

Интересно отметить, что Роршах рассматривал содержание интерпретации как наименее важный фактор в реакциях, проявленных человеком на чернильные пятна. В следующем разделе обобщаются наблюдения Роршаха, связанные с четырьмя установками, приведенными выше, в отношении большого числа людей, имевших различные психологические признаки.

Результаты

Чтобы выяснить, чем отличаются различные группы людей при выполнении теста чернильных пятен, Роршах и его помощники проводили тест с представителями нескольких психологических групп. Эти группы включали психически здоровых людей с различным уровнем образования, больных шизофренией и пациентов с маниакально-депрессивным расстройством.

Таблица 1 представляет типичные ответы, полученные Роршахом при предъявлении испытуемым 10 форм чернильных пятен.

Конечно, в каждой группе разные люди высказывались по-разному, но приведенные в таблице ответы служат примерами.

Роршах обнаружил, что пациенты дают от 15 до 30 ответов на 10 фигур. Пациенты с депрессией обычно давали меньше ответов; у благополучных людей ответов было больше; у больных шизофренией количество ответов имело значительные вариации в зависимости от пациента. Что касается времени реакций, то весь тест обычно занимал от 20 до 30 минут, у шизофреников тест занимал в среднем меньше времени. Психически здоровые субъекты почти никогда не

---

[3] См.: *Rorschach H.* Psychodiagnostics: A diagnostic test based on perception. N.Y.: Grime & Stratton, 1942. P. 19.

затруднялись интерпретировать все фигуры, а пациенты с шизофренией часто отказывались отвечать.

Таблица 1

Типичные ответы при восприятии чернильных пятен (психически здоровые люди)[4]

Номер фигуры	Ответы
I	Два Санта-Клауса с вениками под мышками
II	Бабочка
III	Две фигурки марионеток
IV	Орнамент на мебели
V	Летучая мышь
VI	Мотылек или дерево
VII	Две головы человека или две головы животных
VIII	Два медведя
IX	Два клоуна или две вспышки света
X	Голова кролика, две гусеницы или два паука

Роршах был уверен, что та часть формы, которая получила интерпретацию субъекта, например, присутствовало ли в интерпретации движение и в какой степени интерпретация затрагивала цвет изображения, — все это крайне важно при анализе выполнения теста человеком. Рекомендации автора для оценки этих факторов достаточно сложны, и требуются тренировка и опыт, чтобы правильно анализировать ответы человека. Однако Глейтман представил полезное и краткое обобщение:

> Если чернильное пятно воспринимается целиком, это указывает на то, что мышление интегрированное, концептуальное, а если при интерпретации учитываются в большом количестве мелкие детали, то предполагается компульсивная ригидность. Относительно частое привлечение белого пространства можно принять за знак сопротивления и негативизма. Ответы с описанием людей в движении указывают на воображение и богатый внутренний мир, ответы, в которых преобладает цвет, указывают на эмоциональность и импульсивность[5].

И наконец, Роршах рекомендует для анализа ответов последнее направление: что конкретно видит человек в чернильном пятне? Наиболее обычная категория ответов связана с животными или насекомыми. Процент ответов о животных колеблется от 25% до 50%. Интересно, что пациенты с депрессией

---

[4] См.: *Rorschach H.* Psychodiagnostics: A diagnostic test based on perception. N.Y.: Grime & Stratton, 1942. P. 126–127.

[5] См.: *Gleitman H.* Psychology (3rd ed.). N.Y.: Norton, 1991.

давали наиболее высокий процент ответов о животных, а люди художественных профессий реже всего называли животных.

Другая категория анализа, предложенная Роршахом, была названа «оригинальные ответы». Такие ответы случаются менее чем один раз из ста случаев. Оригинальные ответы наиболее часто отмечались у пациентов с диагнозом «шизофрения» и довольно редко у нормальных субъектов со средним уровнем умственного развития.

Обсуждение

При обсуждении своего теста интерпретации форм Роршах отмечал, что первоначально тест был разработан для изучения теоретических вопросов о бессознательной работе человеческого мозга и психики.

Случайно было обнаружено, что тест обладает потенциальной возможностью служить диагностическим средством. Роршах заявлял, что при помощи его теста часто оказывалось возможным выявить шизофренические наклонности, скрытые неврозы, предпосылки депрессии, характерные черты интроверсии, по сравнению с экстраверсией, а также умственное развитие. Он, однако, не предлагал, чтобы тест чернильных пятен заменил обычную практику клинического диагноза, скорее, тест мог стать помощником в этом процессе. Роршах также предостерегал, что хотя тест может указывать на бессознательные тенденции, его нельзя использовать для тщательного исследования бессознательных процессов. Автор допускал, что в то время для этих целей более подходящими методиками служили интерпретация снов и тест свободных ассоциаций.

Критические замечания и дальнейшие исследования

За десятилетия, прошедшие со времени разработки теста Роршахом, во многих исследованиях возникали вопросы ко многим выводам автора. Наиболее серьезная критика относилась к валидности теста — действительно ли тест измеряет то, о чем заявлял Роршах, т.е. базовые личностные характеристики. Исследования показали, что выраженное разнообразие в ответах, которое Роршах относил на счет личностных факторов, можно объяснить проще: вербальными способностями, возрастом индивида, характеристиками умственного развития, уровнем образования, а также особенностями того, кто проводит тест[6]. В целом, научные исследования о тесте Роршаха не дали оптимистической картины в отношении его надежности или валидности в качестве личностного теста или

[6] Для подробного ознакомления с представленной критикой см.: *Anastasi A., Urbinai S.* Psychological testing (7th ed.). N.Y.: Macmillan, 1996.

диагностического инструмента. Тем не менее, тест привычно используется клиническими психологами и психотерапевтами. Это явное противоречие можно объяснить тем, что в обычном употреблении методика чернильных пятен Роршаха используется не как формальный тест, а, скорее, как средство, помогающее психотерапевту понять индивидуальность клиента. По сути, это расширение вербального общения, которое обычно возникает между психотерапевтом и клиентом. При такой менее строгой интерпретации ответов на вопросы тест может способствовать более полному пониманию клиента для повышения эффективности психотерапии.

Одним из интересных видов использования теста Роршаха является предъявление фигур для интерпретации не одному человеку, а парам, семьям, сотрудникам, членам группы и т.д. Участников теста просят согласованно определить, что собой представляют фигуры. Подобное применение теста дает основание считать его методом для изучения и улучшения взаимоотношений людей[7].

Современные разработки

Обзор современной психологической и родственной литературы показывает, что валидность оценочных шкал Роршаха продолжает изучаться и обсуждаться. В некоторых обнадеживающих работах психоаналитической направленности указывается, что более новые методы проведения теста и оценки результатов могут повысить надежность шкал, способность определять диагноз и проводить разграничения между различными психологическими расстройствами. Например, в работе Arenella и Ornduff использовался метод чернильных пятен Роршаха, чтобы изучить отличия в образе своего тела у девушек, озабоченных сексуальными проблемами и не озабоченных ими; причем при наличии разноге рода стрессовых ситуаций. Исследователи обнаружили, что «сексуально озабоченные» клиентки получили оценки по тесту Роршаха, указывающие, что девушки придавали большее значение своему телу, чем не страдающие от сексуальных проблем их сверстницы[8]. Подобным образом другие исследователи получили результаты по тесту Роршаха для группы, включавшей 66 преступников мужского пола в возрасте от 14 до 17 лет, имевших психопатический склад личности[9].

В этой работе было выявлено, что, по крайней мере, некоторые стандартные переменные Роршаха имели значимую связь с различными уровнями психопатологии. Авторы предположили, что метод Роршаха может стать ценным

---

[7] См.: *Aronow E., Reznikoff M.* Rorschach content interpretation. N. Y.: Grune & Stratton, 1976.

[8] См.: *Arenella J., Ornduff S.* Manifestations of bodily concern in sexually abused girls // Bulletin of the Menniger Clinic. 2000. Vol. 64(4). P. 530–542.

[9] См.: *Loving J., Russell W.* Selected Rorschach variables of psychopathic juvenile offenders // Journal of Personality Assessment. 2000.. 75(1). P. 126–142.

прогностическим средством в отношении того, кто из подростков может быть отнесен к группе риска в плане преступного поведения, и разработать стратегии профилактики.

Еще одним из современных приложений теста чернильных пятен Роршаха было изучение опасности возникновения нарушений психики у членов различных культовых объединений[10].

В этой работе при анализе ответов на тест Роршаха и других измерений, было выяснено, что новые члены культового объединения не испытывали каких-либо особых психологических нарушений, а постоянные члены, похоже, были психологически хорошо адаптированы. Однако исследователям удалось найти свидетельства значительных трудностей социальной и психологической адаптации после того, как субъекты переставали быть членами культовой группы.

Наконец, весьма изящно преломив понимание концепции проективного теста чернильных пятен Роршаха, ученые разработали новое в индивидуальной и семейной терапии диагностическое средство креативности, которое они назвали «семейный альбом»[11]. Клиента просят создать семейный альбом, произвольно комбинируя рисунки, фотографии, записки, воспоминания и любые материалы, какие клиент захочет включить. Получившийся коллаж затем вводится в психотерапевтический процесс таким же образом, как результаты теста Роршаха. Авторы так описывают этот альбом:

> Этот способ помогает психотерапевту обойти сопротивление и “цензуру” клиентов, пользуясь прямым подходом к бессознательному миру клиента, создавая при этом диагностический и психотерапевтический канал. Этот семейный альбом-подлинник связан с восприятием клиентом взаимоотношений с родителями... это реальные конкретные отношения с родителями, с братьями и сестрами; и перенос этих отношений на взаимодействие между супругами и детьми[12].

Безусловно, валидностъ адаптированного таким образом теста Роршаха в равной степени остается открытой для обсуждения, как и валидность первоначального теста, на котором основан этот способ. Однако эти исследования, наравне со многими другими, демонстрируют устойчивое влияние работы Роршаха и создают потенциальные возможности для разработки и применения проективных тестов, валидность и психотерапевтическая ценность которых может оказаться выше.

---

[10] См.: *Aronoff J., Lynn S., Malinowski P.* Are cultic environments psychologically harmful? // Clinical Psychology Review. 2000. Vol. 20(1). P. 91–111.

[11] См.: *Yerushalmi H., Yedidya T.* The family album // American Journal of Family Therapy. 1997. Vol. 25(3). P. 261–269.

[12] См.: Там же. P. 261.

Опиши это![13]

<...>Спустя несколько лет после того, как был создан тест Роршаха, в Гарвардской психологической клинике Генри А. Мюррей (Henry A. Murray) со своей сотрудницей Кристианой Д. Морган (Christiana D. Morgan) разработали совершенно новую форму проективного теста и назвали его Тематический Апперцептивный Тест, или ТАТ, в котором главное внимание уделялось содержанию интерпретации. В отличие от бесформенных фигур, таких как чернильные пятна Роршаха, ТАТ составляют черно-белые изображения людей, представленных в различных неопределенных ситуациях. Клиента просят составить рассказ по этим рисункам. Затем рассказы анализируются психотерапевтом или исследователем, чтобы выявить скрытые бессознательные конфликты (апперцепция — это осознанное восприятие).

Теоретическое обоснование ТАТ заключалось в том, что когда вы наблюдаете за поведением человека либо на картинке, либо в реальной жизни, вы будете интерпретировать это поведение в соответствии с нитями, связывающими его с ситуацией. Когда причины, вызывающие поведение, ясны, то ваша интерпретация будет не только правильной, но в значительной степени соответствующей восприятию других наблюдающих. Однако когда смысл ситуации непонятен и трудно найти причины того или иного поведения, ваша интерпретация будет, скорее, отражать что-то о вас самих — о ваших страхах, желаниях, конфликтах и т.д. Например, представьте, что вы видите лица мужчины и женщины, смотрящих на небо, но с разными выражениями лица: у него на лице ужас, а она улыбается. По мере того как вы наблюдаете за ситуацией, вы понимаете, что они ждут очереди, чтобы прокатиться на самом высоком аттракционе американских горок, который расположен на «Волшебной горе» в Калифорнии.

В данной ситуации нетрудно интерпретировать поведение этой пары, и возможно, ваш анализ будет более или менее таким же, как у других наблюдающих. Теперь представьте, что вы видите те же выражения лиц, но люди находятся «в изоляции», без подсказывающей ситуации, объясняющей поведение. Если бы вас спросили: «Чем занимаются эти люди?», ваш ответ зависел бы от внутренней интерпретации, и он мог бы открыть больше сведений о вас, чем о людях, которых вы наблюдали. Более того, из-за необычности изолированного поведения ответы различных наблюдающих сильно отличались бы друг от друга (т.е. они наблюдают за НЛО; спуск лыжников; смотрят, как маленькие дети играют на высокой горке; наблюдают за приближающимся торнадо). Такова идея Тематического Апперцептивного Теста, созданного Морган и Мюрреем; и до настоящего времени этот тест является очень популярной психотерапевтической методикой помощи клиентам.

---

[13] Базовые материалы: *Murray H. A.* Exploration in personality. N.Y.: Oxford University Press, 1938. P. 531–545.

Теоретические положения

Теоретические основы ТАТ, как и теста Роршаха, заключались, в основном, в том, что поведение человека управляется бессознательными силами. Фактически, принимаются принципы психодинамической психологии, первоначально разработанные Фрейдом. С этой точки зрения, бессознательные конфликты должны представлять интерес для постановки точного диагноза и успешного лечения имеющихся психологических проблем. Это было причиной разработки теста чернильных пятен, который обсуждался в предыдущей статье, такая же цель была и у Мюррея при создании ТАТ. Морган и Мюррей писали:

> Цель этой процедуры заключается в том, чтобы стимулировать словесное творчество, пробуждая этим фантазии, которые открывают скрытые и бессознательные комплексы[14].

По замыслу авторов, процесс заключался в том, что индивиду должны были показать рисунки неопределенного содержания с изображением проявлений человеческого поведения. При попытке объяснить ситуацию субъект в меньшей степени осознает ситуацию как имеющую отношение к нему и меньше беспокоится, что за ним наблюдает психотерапевт. Это, в свою очередь, должно стать причиной, чтобы человек меньше сопротивлялся и открыл внутренние желания, страхи, свой прошлый опыт, что до этого могло быть вытеснено. Мюррей отмечал также, что часть теоретического обоснования теста составляло объяснение, что

> большинство произведений художественной литературы является сознательным или бессознательным выражением жизненного опыта или фантазий автора[15].

Метод

По первоначальному замыслу, человека просили предположить, какие события происходят в сцене, изображенной на рисунке, а также сказать, что он думает о том, чем должна закончиться сцена. После проверки нового метода было решено, что можно значительно больше узнать о психологии человека, если просто попросить его составить по картинке рассказ.

Сами рисунки были выполнены таким образом, чтобы стимулировать фантазии субъекта о конфликтах и важных событиях из личного жизненного опыта. Поэтому было решено, что каждый рисунок должен включать изображение, по крайней мере, одного человека, с которым тестируемый мог бы легко отождествлять себя. Методом проб и ошибок с использованием сотен рисунков был составлен окончательный набор из 20 рисунков. Так как ТАТ широко применятся

[14] См.: *Murray H. A.* Exploration in personality. N.Y.: Oxford University Press, 1938. P. 530.

[15] См.: Там же. P. 531.

Рис. 2. [Пример одной из картинок ТАТ. — *Ред.-сост.*]

в настоящее время, многие считают, что широко распространенная публикация используемых рисунков может снизить их валидность. Однако трудно понять смысл такого теста без возможности увидеть, какого типа рисунки предлагаются. Поэтому рис. 2 представляет один из первоначальных вариантов, который использовался, но не попал в окончательный набор из 20 рисунков.

На ранних этапах тест проводили Морган и Мюррей, сообщения о тестах помещены в книге Мюррея, изданной в 1938 году. <...>

Испытуемые, принимавшие участие в исследовании, были в возрасте от 20 до 30 лет. Каждый сидел в удобном кресле, повернувшись спиной к экспериментатору (как обычно практикуется психотерапевтами при проведении ТАТ). Цитируемую ниже инструкцию получал каждый испытуемый:

> Это тест творческого воображения. Я покажу вам картинку и прошу вас предложить план сюжета или придумать рассказ, к которому этот рисунок подошел бы как иллюстрация. Каковы отношения персонажей на рисунке? Что с ними случилось? О чем они думают и что чувствуют? Чем все закончится? Постарайтесь, пожалуйста. Так как я прошу вас подключить ваше литературное воображение, то рассказ может быть таким длинным и подробным, как вы захотите[16].

Экспериментатор вручал испытуемому поочередно каждый рисунок и делал пометки, что именно о каждом из них говорил человек. Каждому тестируемому отводился 1 час времени. Поскольку время было ограничено, то большинство могли полностью закончить рассказы для 15 из 20 рисунков.

[16] См.: *Murray H. A.* Exploration in personality. N.Y.: Oxford University Press, 1938. P. 532.

Через несколько дней испытуемых принимали вновь и беседовали с ними об их рассказах. Чтобы скрыть истинную цель исследования, участникам говорили, что хотели сравнить их творческие возможности со способностями известных писателей. Людям напоминали об их реакциях на рисунки и просили объяснить, чем они руководствовались при составлении рассказов. Им также предлагался тест свободных ассоциаций, при проведении которого они должны были говорить первое, что придет в голову, в ответ на слова, названные экспериментатором.

Эти пробы проводились для того, чтобы определить, в какой степени составленные рассказы отражали личный опыт, конфликты, желания и т.д.

Результаты и обсуждение

Мюррей и Морган сообщали о двух открытиях, полученных в ранний период работы с ТАТ. Первое относилось к тому, что рассказы, составленные испытуемыми по рисункам, имели четыре источника: 1) книги и кинофильмы, 2) реальные события из жизни друга или родственника, 3) личный опыт, 4) сознательные или бессознательные фантазии.

Второе и более важное открытие заключалось в том, что субъекты явно проецировали свой личностный, эмоциональный и психологический опыт в свои рассказы. Для примера авторы приводили испытуемых-студентов, большинство которых принимало персонаж на одном из рисунков за студента, тогда как никто из других категорий испытуемых этого не делал. В другом примере отец тестируемого был судовым плотником, и испытуемому очень хотелось попутешествовать и увидеть мир. Эта фантазия проявилась в интерпретации нескольких рисунков. Например, когда показывали рисунок с изображением двух беседующих рабочих, в рассказе было:

> Эти два парня — искатели приключений, они всегда стремятся посетить отдаленные места. Сейчас они в Индии. Они только что узнали о новой революции в Южной Америке и обсуждают вопрос, как туда можно добраться... В конце рассказа они плывут в Америку на грузовом судне[17].

Мюррей сообщает, что каждый без исключения человек, участвовавший в исследовании, отражал в рассказе некоторые свойства своей личности.

Чтобы еще проиллюстрировать, как ТАТ выявляет характерные свойства личности, авторы подробно описывают одного испытуемого. «Вирт» был русским евреем, эмигрировавшим в Соединенные Штаты после ужасного детства во время Первой мировой войны. Он подвергался гонениям, испытывал голод, разлуку с матерью. Рисунок № 13 из набора ТАТ получил следующее письменное описание Мюррея и Морган: «На полу напротив дивана свернувшаяся калачи-

---

[17] См.: *Murray H. A.* Exploration in personality. N.Y.: Oxford University Press, 1938. P. 534.

ком фигура мальчика, голова лежит на правой руке. Около него на полу лежит предмет, похожий на револьвер». Рассказ Вирта об этом рисунке:

> Произошло ужасное несчастье. Тот, кого он любил, застрелился. Возможно, это его мать. Она могла пойти на это из-за нищеты. Он уже достаточно взрослый и понимает все эти невзгоды, и сам хотел бы застрелиться. Но он молод и спустя некоторое время берет себя в руки. Некоторое время он живет в нищете, первые несколько месяцев думая о смерти[18].

Интересно сравнить этот рассказ с другими, более современными, составленными по этому же рисунку:

1. Учитель средней школы (35 лет):

> Я думаю, что это человек, который попал в тюрьму за то, чего он не совершал. Он отрицал, что совершал какое-либо преступление. Он боролся и защищал свою правоту в суде. Но он сдался. Сейчас он полностью опустошен, подавлен, надежд не осталось. Он сделал фальшивый пистолет, чтобы попытаться бежать, но он знает, что это тоже не поможет (из материалов автора).

2. Ученица средней школы (16 лет):

> Эта девочка играет в прятки, возможно, со своими братьями. Она считает до ста. Она выглядит печальной и усталой, потому что ей не удается выиграть и все время приходится водить. Похоже, что до этого мальчики играли в другую игру, потому что там валяется игрушечный пистолет (из материалов автора).

Не надо быть психотерапевтом, чтобы усмотреть внутренние конфликты, мотивы или желания, которые эти три человека могли спроецировать на один и тот же рисунок. Эти примеры также показывают, насколько разными могут быть ответы при проведении ТАТ.

Критические замечания и родственные исследования

Хотя при проведении Тематического Апперцептивного Теста используются совершенно другие стимулы, чем в тесте чернильных пятен Роршаха, его на тех же основаниях критикуют за слабую надежность и валидность. Наиболее серьезной проблемой ненадежности ТАТ является то, что различные клиницисты предлагают разную интерпретацию ответов на один и тот же набор стимулов-картинок. Некоторые критики предполагают, что психотерапевты могут неумышленно ввести характеристики собственного бессознательного в описания рисунков субъектом. Другими словами, интерпретация ТАТ может оказаться проективным тестом для врача, который его проводит!

---

[18] См.: Там же. Р. 536.

Что касается валидности (т.е. до какой степени ТАТ реально измеряет то, что предназначен измерить), то часто предлагаются различные варианты критики. Если тест измеряет основные характеристики психики, то он должен различать, так сказать, нормальных людей и умственно нездоровых или дифференцировать различные типы психологических состояний. Однако исследования показали, что тест не способен выявлять подобные различия. В работе Eron ТАТ проводился с двумя группами мужчин — демобилизованных военнослужащих (veterans). Одни были студентами, а другие — пациентами психиатрической больницы. Когда были проанализированы результаты ТАТ, то не было обнаружено значимых различий как между двумя названными группами, так и между пациентами, имеющими разные психические заболевания[19].

В другом исследовании изучалась способность ТАТ прогнозировать поведение. К примеру, если индивид, описывая рисунки, много говорит о насилии, это не дает возможности различить ту агрессию, которая просто присутствует в фантазиях автора, и возможность реального насильственного поведения. Некоторые люди способны фантазировать об агрессии, никогда не проявляя насильственного поведения, тогда как у других агрессивные фантазии могут предсказывать реальное насилие. Так как объекты ТАТ не указывают, к какой из этих категорий относится определенный человек, то тест имеет низкую валидность в прогнозе агрессивных тенденций[20].

Другая, касающаяся существа дела и очень важная критика Тематического Апперцептивного Теста (какой также подвергался и тест чернильных пятен Роршаха) относится к тому, является ли валидной сама проективная гипотеза.

Основным предположением, лежащим в основе ТАТ, является то, что рассказы испытуемых о рисунках выявляют что-то об устойчивых бессознательных процессах, характеризующих этих людей.

Но существуют научные доказательства того, что ответы на такие проективные тесты, как тест Роршаха и ТАТ, могут зависеть от временных и ситуативных факторов. Это значит, что когда с вами проводят ТАТ в понедельник, сразу после работы, после того как вы крупно поспорили с боссом, а затем в субботу, когда вы вернулись после отдыха на побережье, в этих двух случаях рассказы, которые вы составите по рисункам, могут быть совершенно разными. Критики утверждают, что в какой степени различаются рассказы, в той же степени ТАТ только слегка касается вашего временного состояния, а не вашей реальной основы личности.

Как отмечают критики, в различных работах были выявлены варианты выполнения ТАТ, связанные со следующими влияющими на результаты факторами: голод, недостаток сна, употребление наркотиков, уровень тревожности, фрустрация, вербальные способности, характерные черты специалиста, прово-

---

[19] См.: *Eron L.* A normative study of the thematic apperception test // Psychological Monographs. 1950. Vol. 64. № 315.

[20] См.: *Anastasi A., Urbinai S.* Psychological testing (7th ed.). N.Y.: Macmillan, 1996.

дящего тест, отношения испытуемого к обстановке при проведении теста, а также когнитивные возможности человека. В свете этих открытий Анна Анастази (Anne Anastasi), ведущий специалист по психологическим тестам, пишет:

> Для многих исследований характерно стремление бросить тень сомнения на саму проективную гипотезу. Существует достаточно доказательств, что альтернативные объяснения в отношении ответов индивида на неструктурированные стимулы теста можно считать хорошими или даже очень хорошими[21].

Современное применение теста

Исследования Мюррея и Тематический Апперцептивный Тест продолжают цитировать и включать в многочисленные работы по свойствам личности и их измерениям. Появилось более 150 подобных статей в журналах по специальной психологии и смежным дисциплинам между 1997 и серединой 2000 года, когда готовилось издание этой книги. В серьезной работе Литински и Хаслама была оценена способность ТАТ измерять степень риска совершения человеком самоубийства[22]. Авторы разработали уникальную методику оценки интерпретаций по рисункам ТАТ, которая дала возможность выявить тип мыслительного процесса, называемого дихотомическим мышлением, проявляющегося в связи с депрессией, настроем на самоубийство, попытками совершить самоубийство. Результаты показали, что применение ТАТ позволяет определить наличие тенденций дихотомического мышления у людей со склонностями к самоубийству, в сравнении с нормальными. Более того, испытуемые, имеющие склонность к самоубийству, представили более короткие рассказы по картинкам ТАТ, чем обычные участники, подтверждая этим другие данные о том, что пациенты, склонные к самоубийству, бывают когнитивно и аффективно «отключены».

Работа Мюррея 1938 года также использовалась в исследованиях личностных расстройств, таких как антисоциальная личность (неприятие правил других людей и их нарушение, обман, возбуждение, раздражение, агрессивность, полное безразличие к безопасности других, отсутствие чувства вины и угрызений совести), избегающая (avoidant) личность (постоянное, хроническое чувство неполноценности), пограничная личность (вспышки гнева, очень нестабильные взаимоотношения) и нарциссическая личность (повышенное ощущение собственной значимости, большая потребность во внимании и восторге).

В одной из подобных работ отмечалось, что ТАТ оказался успешным при дифференциации всех названных личностных расстройств, и что измерения ТАТ совпадали с измерениями Миннесотского многопрофильного личностного опросника (MMPI), широко применяемого и достаточно валидного объ-

---

[21] См.: *Anastasi A., Urbinai S.* Psychological testing (7th ed.). N.Y.: Macmillan, 1996.

[22] См.: *Litinsky A., Haslam N.* Dichotomous thinking as a sing of suicide risk on the TAT // Journal of Personality Assessment. 1998. Vol. 71(3). P. 368–378.

ективного средства оценки личности. Прекрасно разработанный веб-сайт с дальнейшей информацией обо всех 10 личностных расстройствах можно найти в Интернете[23].

Последняя работа, которая будет сейчас названа, могла бы особенно заинтересовать многих читателей данной книги. В этой работе упоминалось исследование Мюррея в отношении эффективности преподавательской деятельности профессоров-психологов по мере того, как они старели[24]. Авторы выяснили, что эта эффективность с возрастом ухудшалась и была связана с некоторыми особыми чертами личности. Например, такое свойство, как обращение за поддержкой, одобрением (approval-seeking), которое приписывалось хорошему преподаванию, ослабевало с годами, а независимость, характерная черта при слабом преподавании, усиливалась. Следует иметь в виду, что в данной работе анализировались особенности деятельности всего лишь 33 профессоров из небольшого числа учебных заведений, и поэтому результаты не могут (а по мнению автора этой книги, скорее всего, не могут!) относиться к профессорам психологии вообще.

Заключение

Одним из самых заметных свойств проективных тестов, таких как ТАТ и Тест чернильных пятен Роршаха, является то, что, несмотря на множественные нападки за слабость, ненадежность и за то, что, возможно, в их основе лежат ошибочные положения, они остаются среди наиболее часто применяемых психологических тестов. То, что клиницисты активно пользуются этими средствами, а экспериментальные психологи становятся более осторожными в применении данных тестов, является предметом спора между двумя этими группами специалистов. Как разрешить спор? Наиболее простым ответом на этот вопрос было бы указание, что и ТАТ, и Тест чернильных пятен Роршаха применяются в психотерапии фактически не как тесты, а как вспомогательное средство, расширяющее возможности обычных интервью между психотерапевтами и их пациентами. Из этого следует, что названные тесты применяются очень индивидуально для того, чтобы наладить «каналы связи» с клиентами и войти в скрытые психологические области. Как объясняет один практикующий психотерапевт:

> Я не оцениваю ответы своих клиентов по рисункам ТАТ и не учитываю их при диагнозе, но рисунки — очень замечательное и полезное средство для освещения проблемных областей в жизни клиента. Распознавание и осознание тех результатов, которые получаются при проведении ТАТ, приводят к более целенаправленной и эффективной психотерапии (из материалов автора).

---

[23] См.: http://mentalhelp.net/personalitydisorders/symptom.htm

[24] См.: *Renaud R., Murray H.* Aging, personality, and teaching effectiveness in academic psychologists // Research in Higher Education. 1996. Vol. 37(3). P. 323–340.

Б. Саймон

Платон и Фрейд: психика в конфликте и психика в диалоге*

В *Я и Оно* Фрейд пишет:

> *Я* олицетворяет то, что можно назвать разумом и рассудительностью, в противоположность к *Оно*, содержащему страсти. Все это соответствует общеизвестным и популярным разграничениям[1].

«Общеизвестные разграничения», к которым апеллирует Фрейд, — на мой взгляд, не что иное, как то, что появилось и отчетливо выступило в западной мысли благодаря платоновской философии. Моя задача здесь — очертить и расширить представление о психике как разделенной на части, одна из которых представляет разум, а другая — влечения, и показать приложения и некоторые следствия подобного взгляда на психику. Я считаю, что данное конкретное различение является фундаментальным в работах Платона и крайне важным в работах Фрейда, хотя для Фрейда это было только первым шагом в его теории.

Сравнение Платона с Фрейдом имеет долгую историю. Фрейд, помимо нескольких разрозненных замечаний касательно Платона в своих ранних работах (в частности, в *Толковании сновидений*) не проводил подобного сравнения вплоть до 1920 г., когда оно появилось в предисловии к четвертому изданию *Трех очерков по теории сексуальности* (*Freud*, 1905).

> Что же касается «расширения» понятия о сексуальности, ставшего необходимым благодаря анализу детей и так называемых перверзных, то да позволено будет напомнить всем тем, кто с высоты своей точки зрения с презрением смотрит на

---

* *Simon B.* Plato and Freud: The mind in conflict and the mind in dialogue // Psychoanalytic Quarterly. 1973. Vol. 42. P. 91–122. (*Перевод М.В. Фаликман.*)

[1] Цит. по: *Фрейд З.* Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1989. С. 431. — *Ред.-сост.*

психоанализ, как близко расширенная сексуальность психоанализа совпадает с Эросом «божественного» Платона[2].

Действительно, большинство ссылок Фрейда на Платона относится к некоторых аспектам сходства между Эросом[3] и либидо[4]. В процитированном Фрейдом эссе, первом широком обсуждении данного сопоставления, уже должным образом принимаются к сведению методологические трудности, вовлеченные в решение подобного рода задачи. <...>

Пфистер в определенной степени усиливает утверждение относительно сходства между Платоном и Фрейдом, называя Платона предшественником Фрейда (*Pfister*, 1922). В своей работе, написанной, по всей видимости, не без влияния Юнга, он пытается увеличить правдоподобие теории Фрейда, утверждая, что у одного из величайших мыслителей прошлого были идеи, подобные фрейдовским. Он сравнивает представления Платона и Фрейда относительно Эроса и либидо, относительно идеи бессознательного и в плане взглядов на гармонию и здоровье. В этом обсуждении, в целом некритичном, приводится несколько интересных наблюдений.

В книге Георгиадеса с вполне однозначным заглавием *От Фрейда к Платону*, подчеркивается один из особенно важных методологических аспектов подобного рода сравнений[5]. Георгиадес указывает, что Платон может быть предшественником Фрейда, но, вдобавок к толкованию его как психоаналитика, Платона считали также и христианином, мистиком, либеральным гуманистом, фашистом (или коммунистом), политическим теоретиком и протоевгенистом[6]. На самом же деле, считает автор, именно благодаря нашему интересу к Фрейду, благодаря вопросам, поставленным в работах Фрейда, мы оглядываемся и по-новому смотрим на работы Платона, обнаруживая сходство. Затем Георгиадес обращается к подробному обсуждению частей души в сравнении с фрейдовскими понятиями *Я*, *Оно* и *Сверх-Я*; он сравнивает образы коня и всадника в *Я* и *Оно* с платоновским описанием души в *Федре* как возницы с двумя конями. Он выделяет множество других моментов сходства и различия, замечая, что в работах Платона действительно содержится некое представление о бессознательном, а также определенное понятие подавления.

Если говорить о более недавних исследованиях, то ценный вклад в эту проблему был сделан в работах Лэйн-Энтральго, Амадо Леви-Валенси, Лейббранда

[2] Цит. по: *Фрейд З.* Очерки по психологии сексуальности. М.: МЦ «Система», 1989. С. 6. — *Ред.-сост.*

[3] Эрос – греческий бог любви; в теории влечений Фрейда — совокупность влечений к жизни, противоположных влечениям к смерти. — *Ред.-сост.*

[4] Либидо – гипотетическая форма психической энергии, источником которой является тело. — *Ред.-сост.*

[5] См.: *Georgiades P.* De Freud a Platon. Paris: Bibliotheque-Charpentier, 1934.

[6] Протоевгенист – предшественник евгеники как учения о наследственном здоровье человека и возможных методах влияния на эволюцию человечества. — *Ред.-сост.*

и Уиттли, которые привлекли наше внимание к рассмотрению Платоном различия между диалогом и диалектикой с последующим сравнением с психоаналитическим диалогом[7].

Однако упомянутые работы содержат в большей или меньшей степени неудачные попытки установить, действительно ли между общими формами теорий этих двух исследователей существует достаточная степень соответствия, которая оправдала бы осмысленность «сравнительно-противопоставительного» подхода. Если предположить, что мы можем говорить о центральном, лежащем в основе теоретических построений представлении о структуре, общей для обоих мыслителей, то такое сравнение оправдано. Это базовое представление состоит в том, что человек есть существо, находящееся в конфликте, что он расщеплен внутри себя, и что он расщеплен на высшую, рациональную часть и низшую, вожделеющую часть. В той степени, в которой верно это допущение, а также в той степени, в которой основные части теорий согласуются в плане признания изучения человека в конфликте своей центральной задачей, полезно и имеет смысл говорить об их сходстве и различии.

Насколько хорошо Фрейд знал Платона, насколько он использовал эти знания в собственных рассуждениях, к данному спору прямого отношения не имеет. Тексты Платона едва ли можно считать важным ближайшим источником взглядов Фрейда, да и Фрейд, вероятно, не был до такой степени погружен в платоновские работы. Можно считать само собой разумеющимся, что влияние Платона на все последующее развитие западной философии и психологии более чем значительно, однако мне не хочется останавливаться на проблемах исторической непрерывности и передачи идей. То, чем я на самом деле собираюсь заняться, — это обрисовать некоторые сходные структуры или формы в теориях двух авторов и, так сказать, вынести за скобки исторические проблемы.

Итоговый вывод из подобного рода анализа должен исходить из его результатов. Для меня, по крайней мере, настоящее исследование стало способом более острой постановки вопроса относительно того, что у Фрейда является оригинальным и радикальным. Схема конфликта, «модель», которая очерчена у Платона, присутствует у Фрейда в качестве одного из строительных блоков или модулей. Очерчивание ее контуров позволит более явно увидеть другие составные части здания. Еще более важно то, что подобный тип рассмотрения высвечивает определенные проблемы, связанные с понятием психики как разделенной на части. Эти проблемы не были более или менее удовлетворительно разрешены в мысли Платона; аналогичным образом, рассмотрение развития в менявшейся в течение ряда лет концепции Фрейда позволяет предположить, что и он сталкивался с целым рядом возможных решений. Предвосхищая по-

[7] См.: *Amado Levy-Valensi E.* Verite et langage du dialogue platonicien au dialogue psychanalytique // La Psychanalyse. 1956. Vol. I. P. 257–274; *Lain-Entralco P.* The Therapy of the Word in Classical Antiquity. New Haven: Yale University Press, 1970; *Leibbrand W., Wettley A.* Der Wahnsinn. Freiberg, Germany: K. Alber, 1961.

следующее обсуждение, укажем некоторые из этих вопросов: место аффекта; ряд проблем, объединенных в понятии «сублимация»; вопрос о том, может ли психология конфликта излагаться в процессуальных терминах, которые не были бы предельно антропоморфными; и, наконец, вопрос касательно того, какой тип терапии (диалогической) необходим для изменения индивида.

Платоновская модель психики и подразделения внутри психики[8]

Чтобы понять подоплеку, необходимо очертить некоторые детали интеллектуального и культурного наследия, доступного Платону. Он работал внутри сложившихся традиций и в то же время пытался радикально трансформировать и переформулировать их. Эта чарующая и важнейшая глава в истории западной мысли здесь может быть изложена только вкратце. Сократ, наставник Платона и главное действующее лицо всех платоновских диалогов, родился около 470 г. до н.э. Платон родился в 427 г. до н.э., ему исполнилось 28 лет, когда Сократ был осужден и казнен. Примерно за столетие до рождения Сократа действовала разнородная группа мыслителей, которых впоследствии назвали «досократиками» или «досократическими философами». В эту группу входили Анаксимандр и Анаксимен, Фалес, Гераклит, Парменид, Анаксагор, Эмпедокл и ряд других мыслителей[9]. Перечислим основные аспекты их деятельности.

1. Они начали разрабатывать фундаментальный словарь абстракций и дефиниций всей последующей философской, психологической и физической мысли.

2. Они характеризовали «психику» и «психическое» (действительно впервые определяя эти термины) как то, что организует, планирует и абстрагирует общее из частного.

3. Они различили два способа мышления и рассуждения в терминах таких дихотомий, как «физиологическое» и «мифологическое», «бодрствующее» и «спящее», «истинно сущее» и «рождающееся и умирающее».

4. Они утвердили превосходство первого способа мышления (который можно было бы более точно обозначить как «рациональное абстрагирование»).

5. Они утвердили превосходство тех, кто мыслит абстрактно (тех, кто впоследствии был назван «философами»)[10].

Наряду с интересом к работам этих мыслителей, Платон был в значительной степени вовлечен в интенсивное обсуждение моральных и политических

---

[8] Более детальное обсуждение материалов по Платону см. в работе Саймона (в печати), которая содержит также более обширную библиографию.

[9] Анаксагор и Парменид были старшими современниками Сократа и потому не являются досократиками в хронологическом смысле.

[10] Это описание во многом позаимствовано из *Предисловия к Платону* Эрика Хэйвлока и других его работ (см.: *Havelock E.A.* Preface to Plato. Cambridge: Harvard University Press, 1963).

проблем, проникших во все произведения культуры Афин V века до н.э. Вопросы морального суждения и моральной ответственности, индивидуальной и коллективной порывистости и, напротив, сдержанности, а также возможностей человека в плане самообмана и саморазрушения буквально витали в воздухе. Эти вопросы настойчиво и зачастую очень остро ставились в греческой трагедии, обсуждавшей проблемы закона и справедливости, и в учениях софистов[11]. Политические процессы в Греции в целом, включая хронические братоубийственные войны, гражданские перевороты в Афинах в 411 и 404 гг. до н.э. и последующая казнь Сократа в 399 г. не только легли в основу работ Платона, но и дали ему значительное количество наблюдений, послуживших для создания теорий природы и мотивации человека.

Впоследствии в работах Платона нашли отражение именно эти два направления греческой мысли: попытки досократиков выделить в чистом виде и определить абстрактное, рациональное рассуждение и мышление и давление этических и моральных проблем его времени. Крайне схематично мы можем представить Платона как мыслителя, который определил абстрактное и рациональное в качестве эквивалентного моральному благу. Он поставил равенство между самопознанием и самообузданием, сформулировал абстрактные понятия знания и добродетели, а затем провозгласил, что знание — это *и есть* добродетель. Вдобавок ко всему этому, он отождествил все эти понятия (знание, добродетель и т.п.) с психическим здоровьем и стал утверждать, что невежество и иррациональность представляют собой моральное зло и, следовательно, сумасшествие.

Последующее обсуждение представляет собой крайне сжатое изложение взглядов Платона. В действительности, его взгляды со временем подвергались значительным изменениям, и каждый исследователь Платона просто обязан выработать свое собственное суждение относительно того, что является для Платона центральным и наиболее существенным.

Слово, которое я перевожу как «психика» (*mind*), – это слово *psyche* (душа). Ему не соответствует в точности ни одно из слов английского языка, в значительной степени потому, что ни одного более или менее однозначного определения значения этого слова в текстах Платона нет. Было бы честным признать, что изрядная часть философской деятельности Платона сводилась к решению задачи определения и описания души (несмотря на то, что при первом прочтении диалогов Платона может сложиться впечатление, что он прекрасно знал, что такое душа, и использовал это как уже данное с целью дальнейшего обсуждения). Спектр основных и дополнительных значений слова *psyche* включает в себя следующее: «душа» как бессмертная часть человека, нечто вроде его духовной сущности; что-то по существу интеллектуальное и знающее («разум»); и, наконец, человек как таковой. (Фрейдовский термин «психический/ментальный

---

[11] Софисты — школа философов-просветителей, сложившаяся в V в. до н.э. в Древней Греции; софисты склонялись к релятивизму, т.е. утверждали относительность и условность всякого знания и отрицали возможность познания объективной истины. — *Ред.-сост.*

аппарат» также означает *psyche*.) Как бы то ни было, существенными свойствами *psyche* для Платона являются, по всей видимости, следующие.

1. Это структура — несмотря на то, что нематериальная; это «нечто», устойчивое и состоящее из частей, которые функционируют связанно друг с другом.

2. *Psyche* описывается в терминах активности, а не пассивности (таких, например, как восприимчивость к влияниям извне и мотивация внешними воздействиями в описаниях психической жизни у Гомера). Одно из понятий, подразумевающее такую активность — «аутокинез»: душа является самодвижущей.

3. *Psyche* отвечает за исполнительные функции, принимает команды, организует и ассимилирует. Таким образом (*Теэтет*, 184 D), *psyche* управляет поступающими ощущениями, усваивает их и определяет их дальнейшую судьбу внутри психики. В противном случае психика вскоре оказалась бы переполнена ощущениями, как если бы она была троянским конем, заполненным воинами. В одном из описаний (*Государство*, 353 D) разумная часть *psyche* отвечает за «управление, обдумывание и другие подобные задачи» (можно заметить, что эти функции по смыслу очень близки к тому, чем ведает *Я* в структурной теории Фрейда).

4. То, что постигает разум, нематериально (или, по меньшей мере, то, что постигает уникальная и бессмертная часть *psyche*, нематериально). Здесь в неявном виде присутствует понятие умственного представления или разных степеней представления. Разум имеет дело с целым спектром представлений внешнего мира, начиная от почти буквальных, картинных и заканчивая словесными, мысленными и пропозициональными (*Филеб*, 38 C; *Софист*, 261 и сл.; *Теэтет*, 190).

5. У Платона везде предполагается (или, точнее, платоновские диалоги, позволяют нам в конечном счете утверждать), что *psyche* знает особым образом: она анализирует, абстрагирует и дает определения (т.е. психика осуществляет операции диалектики).

6. *Psyche* разделена на части. Хотя частные детали деления психики на части могут от диалога к диалогу меняться (Платон прекрасно осведомлен о том, что его схемы деления во многом экспериментальны), во всех них есть общее: расщепление (зазор) между высшей и низшей частями. Если сформулировать коротко, высшая часть души более «духовна», а низшая более «телесна». В диалоге *Федон*, где Платон рассматривает *psyche* как целое, она представлена как разделенная (и находящаяся в конфликте) с телом как целым. Следует подчеркнуть, что такое разделение вообще-то предполагает конфликт, и что при этом часто ставится вопрос о необходимости сотрудничества между частями души.

В схеме, представленной в диалоге *Государство* — пожалуй, наиболее известной — Платон проводит границу, прежде всего, между рациональной (*logisticon*) и вожделеющей (*epithumicon*) или «страждущей» частью. Третий элемент – аффективная, или «страстная» часть, и каждая из двух других частей пытается привлечь на свою сторону эту «энергетическую» часть в качестве союзника. Платон предлагает образ, или физическую модель, выражающую его понимание того, что являют собой эти три части: 1) «многоликий и многоглавый зверь» с ликами

домашних и диких зверей, расположенных по кругу, который «может изменять их и производить все это из самого себя» (соответствует вожделеющей части); 2) лев («страстная», или «аффективная» часть); 3) человек, который, однако же, значительно меньше льва (разумная часть) (*Государство*, 588)[12].

Эти три части различаются по функциям и, кроме того, по отношению к действительности. В целом, у Платона повсюду присутствует допущение, что более низменные части души приспособлены для постижения более низких частей мира и имеют разные цели: например, вожделеющая часть постигает посредством чувственного восприятия конкретные, отдельные, преходящие объекты, и ее цель — получение чувственного удовольствия. Разумная часть оснащена так, что способна к познанию наиболее общего и абстрактного, вневременного и нематериального, и всего того, что может содержаться в понятии «формы» (идеи) (см. *Тимей* – везде, *Государство* – везде, *Федр*, 247С). «Становление» в противоположность «бытию» — другой способ выразить это противопоставление.

Противоположные свойства высших и низших форм умственной деятельности, которые могут быть извлечены из диалогов, можно суммировать следующим образом:

Низшие части психики	*Высшие части психики*
Вожделеющие	Рациональные
Телесные	Духовные
Рождающиеся и исчезающие	Истинно сущие
Мнение (докса)	Истинное знание (эпистеме)
Образные, иллюзорные	Идеальные
Тень	Солнце
Спящие, сновидящие	Бодрствующие
Детские	Взрослые
Императивные	Отсрочивающие
Подражание (мимезис)	Абстрактное понимание
Постоянное движение	Стабильность
Конфликт	Гармония
Гетеросексуальные	Гомосексуальные – асексуальные

Здесь, как мне представляется, мы имеем дело с фундаментальной моделью психики в конфликте. Эта модель, которая вошла в основные направления западной мысли благодаря Платону, является основой разделения психики на части, использованного Фрейдом в клиническом контексте. Одна из частей психики мыслит, и мышление предполагает оценку реальности; другая часть желает и вожделеет. Мыслящая часть — стабильная, взрослая, цивилизованная; она является собственно человеческой и устроена в соответствии с рациональной оценкой возможностей, средств и последствий. Другая часть «мыслит» совершенно иначе, на

[12] См.: *Платон*. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 384. — *Ред.-сост.*

языке желаний и потребностей, образно, в большей степени посредством чувств, чем слов и предложений; она непостоянна, изменчива и легко возбудима.

Кроме того, здесь мы имеем дело с фундаментальным различением, которое Фрейд описывает в терминах первичных и вторичных процессов мышления и видов *разрядки* (*discharge*). Действительно, различение понятий «связанного» (*bound*) и «подвижного» (*mobile*) катексиса[13] можно соотнести с образом, который мы находим у Платона (см. диалог *Менон*) — «впечатления» (мнение, чувственные впечатления, неабстрактные формы мышления) постоянно перемещаются, как маленькие механические пружинные человечки. Высшая часть психики посредством операции «размышления» (схематизирующей и классифицирующей деятельности) объединяет, или *связывает*, эти свободно блуждающие психические содержания и может превратить их в *эпистеме* (абстрактное, организованное знание). Таким образом, высшая часть психики укрощает, цивилизует и воспитывает непокорные, нецивилизованные части психики. Но недостаточно разделить психику на части и на этом остановиться; эти части все еще обитают в одном и том же помещении и должны достигнуть определенного *modus vivendi* (*образа жизни*). Идеал Платона — доминирование высшего над низшим, которое, тем не менее, все еще предполагает некоторую степень кооперации.

В целом, Платон указывает на противоположность и конфликт между каким-то видом рассудочности и каким-то видом потребности. У каждого есть свои собственные цели, интересы, особый способ мышления. Однако Платон, особенно в *Государстве*, настойчиво утверждает, что проблема не сводится к формуле «разум против эмоций», несмотря на то, что эмоции несут отпечаток потребностей в значительно большей степени, чем разум. Концептуальная проблема, с которой Платон вынужден вступить в противоборство, неотъемлема от расщепления психики — это необходимость в некотором энергетическом понятии, в чем-то, что движет психику в целом, заставляет ее работать. Язык и образы Платона в значительной степени антропоморфны: что может заставить высшую часть, человека разумного внутри многоглавого зверя, которым человек тоже является; что может заставить его хотеть или *желать* действовать разумным образом? Или, на менее антропоморфном языке машин, что движет психическим аппаратом?

Государство — диалог, в котором подчеркивается необходимость постулировать аффективную, одухотворенную, или энергетическую, часть психики (которую Платон уподобляет льву). Более того, именно в этом диалоге интенсивно обсуждается проблема того, как побудить человека искать истину, как стремиться использовать высшую часть психики, — короче говоря, проблема образования. Именно этот диалог дает первый набросок программы систематического образования в западном мире. Эта программа систематического образования явно включает в себя восхождение от физической подготовки к наиболее абстрактным видам умственной подготовки.

[13] Катексис – количество энергии, свободно перемещающейся или же связанной с любым объект-представлением или с психической структурой. — *Ред.-сост.*

В других диалогах, особенно в *Пире*, построенном вокруг темы Эроса, или любви, и вокруг того, как *убеждать* человека, мы видим, что Эрос занимает теоретическую позицию, которую можно сравнить с позицией, занимаемой *thumoeides* — духовно-аффективной частью. Эрос в *Пире* — это, прежде всего, энергетическая сила любой человеческой деятельности, от низшей до возвышенной. Эрос побуждает нас любить и вожделеть, стремиться порождать детей и другие наследуемые формы (социальные институты, правительства, произведения искусства, стихи) и творить. Кроме того, он побуждает нас стремиться к знанию, учиться и приближаться к формам истины, добра и красоты. Каковы происхождение и природа этой любви? Является ли она исходно телесной или же приходит из высших сфер и впоследствии портится? В той части, где Сократ рассуждает об Эросе, он выдвигает несколько мифоподобных и аллегорических положений об Эросе, каждое из которых указывает на *промежуточную* и *опосредствующую* природу Эроса. Он не может быть назван ни человеческим, ни божественным; он — дитя Изобилия и Скудности. Эти положения говорят о том, что Платон не хочет определять эту энергетическую силу как имеющую явный источник в психическом или телесном, высшем или низшем. Скорее всего, он пытается сохранить ее значение как энергии, участвующей в функционировании и того, и другого. Но диалоги не дают полностью удовлетворительного ответа на вопрос, каким же именно образом любовь к абстрактной свободе (*philo-sophia* = философия) связана с телесной любовью и вожделением? Теперь становится очевидным, почему Фрейд с такой готовностью выдвигает предположение (см. *Nachtmansohn*, 1915) о сходстве между Эросом и либидо. Для Фрейда либидо прежде всего телесно, однако один из вариантов его судьбы — это сублимация, в том числе сублимация в поиске и в любопытстве. Таким образом, Фрейд обсуждает связь между влечениями к зрелищам, «влечением к познанию» и потребностью ребенка узнать о тайнах соития и рождения.

Только теперь мы начинаем видеть, сколь многое в действительности влечет за собой модель психики как расщепленной на низшую и высшую части. Ни в случае Платона, ни в случае Фрейда не так уж и важно, что это расщепление определяется как начальная точка для построения теории. А важно то, что расщепление — это структура, которая лежит в основе их формулировок. Время от времени она всплывает в относительно явном виде, как в утверждении Фрейда из *Я и Оно*, процитированном в начале статьи. В попытках Фрейда создать теорию, полезную для клинических целей, мы можем обнаружить группировки мотивов и функций по линии именно этого расщепления. Иногда его язык более откровенен в отношении мотивов и целей, иногда — способов функционирования. Так, в различении сознания и бессознательного (например, в *Толковании сновидений*) рациональность, испытание реальностью (*reality testing*), отсрочка (*delaying*), мышление, вербализация и бдительность (*being aware*) уравниваются с сознанием. Желание, импульсивность, немедленное удовлетворение, картинность (*pictorial*) и сон уравниваются с бессознательным. Различение первичного

и вторичного процессов, соотнесение их с мышлением и способами освобождения (разрядки) опирается на сходные критерии, но в большей степени затрагивающие способ функционирования, чем цели и мотивы.

В *Проекте научной психологии* Фрейда мы обнаруживаем, что *Я* характеризуется как психическая структура, которая связывает, откладывает, фильтрует и преобразует импульсы, связанные с относительно неустойчивыми нейронными системами[14]. Среди прочих задач, *Я* делает возможной память, преобразуя образы восприятия в постоянные воспоминания. Эта точка зрения на *Я* в *Проекте*, равно как и обсуждение развития мысли в виде галлюцинируемого отсутствующего объекта в *Толковании сновидений*, направлены на решение проблемы того, как телесные импульсы и желания преобразуются в мысли, суждения и другие высшие формы умственной деятельности. Позднее, в 1910 г., Фрейд усилил различение между влечениями *Я* и сексуальными влечениями. Само понятие влечения неявно уже содержит в себе смесь психического и телесного. Различение влечений *Я*, в большей степени ориентированных на выживание и приспособленных к оценке реальности, и сексуальных влечений, направленных на удовольствие и удовлетворение, представляет собой иную форму размещения разных классов мотивов в разных частях личности. В последующем разделении *Я* и *Оно* проводится более формальное структурное различение между этими двумя видами функционирования.

Аналогичным образом, т.е. в контексте лежащего в их основе расщепления, следует рассматривать проблемы, к которым адресуются понятия «сублимации», «нейтрализации» и «регрессии на службе *Я*». Необходимо разобраться в способах взаимодействия между разделенными частями психики. Отсюда естественным образом вытекают вопросы, образуется ли *Я* из *Оно* (или же *Я* и *Оно* развиваются независимо друг от друга из какой-то недифференцированной матрицы), можно или нельзя говорить об отдельной энергии *Я*. Польза терминологии психоанализа состоит в явной постановке проблем, недостаточно выявленных в платоновском обсуждении взаимосвязи различных частей психики. Решить эти проблемы адекватным образом с помощью данной терминологии вряд ли удастся. Тем не менее, она ставит действительные вопросы, и служит как концептуальная основа и набор директив для детального изучения некоторых важных аспектов как нормального, так и патологического функционирования психики. Расщепление не является ни единственной, ни главной детерминантой теории Фрейда, но представляет собой скорее особого рода ограничение, некое сдерживающее условие для возможных формулировок [предлагаемых решений][15].

---

[14] См.: *Freud S.* Project for a scientific psychology // Standard Edition. I. 1950 [1895]. P. 295–307.

[15] См. обсуждение «bridge concepts» в аналитической теории в работах Гроссмана и Саймона (*Grossman W.* Reflections on the relationships of introspection and psycho-analysis // Int. J. Psych. 1967. Vol. XLVIII. P. 16–31; *Grossman W., Simon B.* Anthropomorphism: Motive, meaning, and causality in psychoanalytic theory // The Psychoanalytic Study of the Child. 1969 Vol. XXIV. P. 78–111.).

Язык и основные метафоры, обращенные к психике, у Платона в высшей степени антропоморфны[16]. Понятия, используемые им для описания психических процессов, — те же, что описывают взаимодействие между людьми; различные части психики проявляют волю и желают, противоборствуют, взаимодействуют, строят козни и враждуют, наконец, пытаются одолеть друг друга. Таким образом Платон успешно справился с проблемой [описания взаимодействия частей психики], однако он вовсе не хотел быть понятым слишком буквально: «господин самого себя» отнюдь не означает, что в одном и том же человеке заключены двое. И все-таки он не ввел никакого иного способа выражения. В истории психологических теорий, включая и психоанализ, мы обнаруживаем неоднократные попытки очистить теории от антропоморфного языка. Однако, как утверждалось и в других работах[17], как только мы начинаем анализировать человека с целью обсуждения нравственных проблем, конфликтов между желаниями и средств социального управления, антропоморфный язык потихоньку вползает обратно. (Мы можем попытаться устранить его как чертика из табакерки в известной пословице, но он все равно выскакивает снова и снова.)

По мнению профессора Ирвина, части души по Платону следует, в сущности, рассматривать как выделение разных классов мотивов; т.е. эти части не столько анализируют функционирование и функции психики, сколько очерчивают спектр мотивов, побуждающих человеческое поведение. Такой взгляд на Платона (как и на Фрейда), по сути, правилен, особенно если учесть, что разные типы мотивов могут повлечь за собой разные виды функционирования. В итоге разделение психики на части с использованием антропоморфного языка конфликтующих целей и мотивов отражает различия в психике разных людей, обладающих разными стилями деятельности.

Антропоморфный язык неизбежен, поскольку платоновская модель в значительной степени опирается на самонаблюдение, а интроспективные данные о поведении, конфликтах, решениях и затруднительных положениях представлены в форме внутреннего диалога. (Платон определяет мышление как разговор с самим собой). Данные самонаблюдения, в свою очередь, во многом сходны с диалогом, как потому, что этот метод исследования психики основан на диалоге между двумя или более людьми, так и потому, что при нормальном развитии субъекта формирование, осознание и определение его внутренней жизни в значительной степени зависит от диалога с другими людьми[18]. В общем и целом, платоновская модель состоит в выделении рациональной и иррациональной, или вожделеющей, частей психики. Ту же модель мы находим у Фрейда как в

---

[16] Разумеется, для *Государства*, где структуры психики сравниваются с государственными структурами, уместен также термин «социоморфны».

[17] См. например: *Grossman W., Simon B.* Anthropomorphism: Motive, meaning, and causality in psychoanalytic theory // The Psychoanalytic Study of the Child. 1969. Vol. XXIV. P. 78–111.

[18] См.: *Grossman W.* Reflections on the relationships of introspection and psycho-analysis // Int. J. Psych. 1967. Vol. XLVIII. P. 16–31.

ранних, так и в поздних описаниях конфликтов, а именно, в противопоставлении сознания и бессознательного, вторичных и первичных процессов, влечений *Я* и сексуальных влечений, наконец, *Я* и *Оно*.

Что касается третьего понятия фрейдовской трехчастной модели психики, — *Сверх-Я*, то Фрейд пришел к его выделению как отдельной инстанции постепенно, исходя из клинических соображений. В более ранних работах, например, в *Толковании сновидений*, функции нравственности в целом связываются с рациональной, структурированной частью психики, т.е. той ее частью, которая мыслит и репрезентирует человеку требования реальности. Реальность описывается как сочетание физической и социальной действительности, включающей общие моральные и этические стандарты культуры. Первоначально «цензор» сновидений не был оформлен как отдельная инстанция. Для Платона равенство морального блага и истинной реальности не столь случайно, как для Фрейда. Оно образует краеугольный камень его мысли: абсолютная истина, формы истины, добра и красоты существуют, моральное благо и истина неразделимы.

Психические расстройства: что такое болезнь и что такое сумасшествие?

Хотя точки зрения Платона и Фрейда на болезнь и сумасшествие не идентичны, мне хотелось бы провести некоторые важные аналогии между платоновским понятием сомы и определением болезни по Фрейду.

Во-первых, сумасшествие и бешенство (неистовство) не были вовсе чуждыми для жизни Афин V в. до н.э. Греческие трагедии полны сцен, в которых герой переживает внутренний конфликт, а также таких, где герой в конечном итоге сходит с ума. Наиболее плодовитым автором в этом отношении был, вероятно, Еврипид, но и у Эсхила (Ио в *Прикованном Прометее*) и Софокла (Аякс)[19], без сомнения, используются драматические описания сумасшествия. Право и медицина, хотя и с иных позиций, также были вынуждены иметь дело с крайними формами сумасшествия, и к V в., например, врачи стали говорить о сумасшествии более естественно и в плане морали более нейтрально. Платоновское обсуждение «сумасшествия» и «душевной болезни» проходило на фоне этих тенденций. Термин «душевная болезнь», хотя и был введен не Платоном, использовался им значительно чаще, чем другими классическими авторами. У Платона оба термина встречаются довольно часто и в самых разнообразных контекстах, причем сумасшествие и его варианты трактуются в значительной степени прозаично. Однако Платон трансформировал понятие болезней души и исцеления от этих болезней, что выходило далеко за пределы достижений

[19] Еврипид (ок. 480–406 до н.э.), Софокл (ок. 496–406 до н.э.) и Эсхил (ок. 525–456 до н.э) – величайшие древнегреческие поэты-драматурги. — *Ред.-сост.*

культуры его времени. В работах Платона, если попытаться сформулировать вкратце, уникально то, что психическое здоровье отождествляется с высшими абстрагирующими и рациональными видами деятельности, тогда как сумасшествие относится к телесным, вожделеющим и связанным с ними формам мышления. «Кажущееся», тень, жажда, выход из-под контроля — все это из разряда сумасшествия. Термин «кажущееся», или «мнение» (doxa), Платон использует для описания мышления низших частей души. Кроме того, этот термин соответствует обычному, повседневному мышлению, — здесь можно говорить о верном мнении (хорошо выверенное эмпирическое знание и здравый смысл) или о плохом мнении, однако мнение всегда является низшим по отношению к знанию (*episteme*). Похоже, что мнение (doxa) обозначает и то, что другие греческие авторы называли «галлюцинацией», или иллюзией.

Платон, как и другие греки того времени, отождествляет здоровье (и психическое здоровье) с гармонией, а болезнь и сумасшествие – с недостатком гармонии между частями психики. Этот же принцип характеризует рассуждения Фрейда относительно равновесия между импульсом и ограничением, желанием и запретом. Если мы зайдем слишком далеко в одном направлении, то будем иметь дело с безудержным варварством, в другом — с неврозом. Платон, как мне кажется, принял достаточно «не-эллинистическую» точку зрения относительно того, где должен быть расположен пункт равновесия — между правящим разумом и подчиненными ему страстями.

Разумеется, точка зрения Фрейда относительно ценности влечения была более позитивна, и сам Фрейд находился под более сильным впечатлением опасности чрезмерного подавления влечений. Тем не менее, борьба между влечением и разумом, и та же самая борьба в связи с понятиями болезни и недуга, отражена во всех работах Фрейда. «Там, где было *Оно*, должно стать *Я*», — таков один из вариантов целей терапии. Аналогичным образом, в обсуждении недугов цивилизации и недовольства ею (в *Будущем одной иллюзии* и в первой главе *Недовольства цивилизацией*) можно увидеть ту же самую модель: культура требует от людей отказа от удовлетворения влечений, а люди обижаются и готовы к тому, чтобы когда-нибудь сбросить хомут цивилизации. Культура должна предложить хоть какую-то оболочку для этой горькой пилюли[20].

Но есть еще один аспект платоновского определения сумасшествия и душевной болезни, который связан для Фрейда с чем-то более фундаментальным и центральным, а именно, с важностью «невежества». «Невежество» у Платона не является чем-то случайным или легко поправимым благодаря передаче знаний. Оно представляет собой глубинное явление и поддерживается интересами человека, исконно ему присущими. (Общий термин Платона — *aphrosune*, т.е. «безрассудство» как смесь невежества и сумасшествия.) Например, Сократ в раннем диалоге *Гиппий меньший* говорит своему собеседнику:

[20] Вторая часть *Недовольства цивилизацией* дает принципиально новую версию проблемы, включая скрытые действия вины.

Искоренив невежество моей души, ты сотворишь мне гораздо большее благо, чем если бы ты излечил болезнь моего тела[21].

«Познай самого себя» и «Неизученная жизнь не стоит того, чтобы ее проживать», — вот формулировка сократовских ценностей. Менее известно определение сократовской позиции, принадлежащее Ксенофонту:

Сумасшествие он называл противоположностью свободы, хотя и не заходил столь далеко, чтобы отождествить невежество и сумасшествие. Несмотря на это, он действительно думал, что не знать себя и воображать, что ты знаешь вещи, о которых ты знаешь, что их не знаешь, — вещь, наиболее близкая к ярому сумасшествию[22].

Переходя от диалога к диалогу, можно увидеть сдвиг от акцента Сократа на самопознании к акценту Платона на познании форм, абсолютной истины и добродетели. Но я считаю, что это всего лишь разница в акцентах. С обеих точек зрения, невежество вызывается, поддерживается и отождествляется с преходящим, иллюзорным и изменчивым, с одичавшими желаниями. Чрезмерные страсти, нарциссическая гордость, воля к власти — все это может помешать познанию (например, самопознанию) и представляет собой разновидности сумасшествия. Это понятие невежества — важный аналог видов «невежества» в отношении к своему *Я*, обсуждаемых Фрейдом (например, истерия — это незнание по причине нежелания знать). Важность этого сопоставления тем более замечательна, что теперь мы переходим к обсуждению лечения, необходимого для устранения невежества и замещения его знанием. Представление о том, сколь много усилий на это потребуется, и каково сопротивление со стороны человека, которому пытаются открыть глаза на мир, объединяет обоих мыслителей.

Итак, в своих рабочих установках Платон и Фрейд сходятся в вопросе о важности «невежества»: Фрейд — в аналитическом диалоге, а Платон — в философском. Но, по-видимому, это сходство становится неизбежным при расщеплении психики на части или при взгляде на человека как разделенного на части. Одна часть человека будет иметь дело с другой частью, используя все известные ей трюки, с тем, чтобы одержать верх — угрозы, убеждение, подкуп и, наконец, полный обман, являющийся в облике невежества.

Исцеление

В диалоге «*Федр*» Сократ вежливо выслушивает своего собеседника, рассуждающего о красоте местности, по которой они прогуливаются, и о деталях местной мифологии. Он дает натуралистические объяснения этих мифов, в надежде, что

[21] Цит. по: *Платон.* Диалоги. М.: Мысль, 1986. С. 168–169. — *Ред.-сост.*

[22] См.: Memorabilia III. IX. 6.

Сократ сочтет его стремление развенчать все это магическое и божественное надувательство стилем мысли, приличествующим рациональному человеку и философу. Сократ, однако, восклицает:

> Если кто, не веря в них, со своей доморощенной мудростью приступит к правдоподобному объяснению каждого вида, ему понадобится много досуга. У меня же для этого досуга нет вовсе. А причина здесь, друг мой, вот в чем: я никак еще не могу, согласно дельфийской надписи, познать самого себя. И, по-моему, смешно, не зная пока этого, исследовать чужое. Поэтому, распростившись со всем этим и доверяя здесь общепринятому, я, как я только что и сказал, исследую не это, а самого себя: чудовище ли я, замысловатее и яростней Тифона, или же я существо более кроткое и простое, и хоть скромное, но по своей природе причастное какому-то божественному уделу?[23].

Но как человек может познать самого себя или же сферу «идей» и «истинно сущего»? Метод познания, прежде всего, *диалогический*, но постепенно он превращается в *диалектический*. В этом переходе от диалога к диалектике, который может быть проиллюстрирован текстами Платона, мы снова находим существенные моменты для сравнения с тем типом диалога, который использует метод психоанализа. Общим же для них, кроме и за пределами поверхностного сравнения двух беседующих друг с другом людей, является тот тип *проблемы*, в рамках которой один человек пытается помочь другому понять нечто, что тот должен, но не может понять.

Для Платона диалог — это разговор или обмен мнениями между двумя (или несколькими) людьми. В самых ранних платоновских диалогах, где, вероятно, мы находим наиболее живой образ Сократа за работой, мы видим, как он приводит логические доказательства своих утверждений и пытается вести собеседника вслед за собой по пути к истине и пониманию. Столь же явно видно, как он очаровывает, уговаривает и обольщает собеседника, и как он высмеивает, ставит в тупик и заставляет своего оппонента (или друга!) чувствовать себя максимально неловко. «Чудесные чары» и «целебные травы» его слов льются согласно освященной веками традиции поэта, сказителя, чародея, шамана, исцеляющего сердце и несущего истину. Но при этом Сократ подобен оводу и электрическому угрю. Здесь мы находим *начало* общефилософского метода, и более того, описание «сократического вопрошания». Сам же метод может быть назван «человек-за-работой».

Если мы обратимся к более поздним диалогам, то сможем увидеть, как Платон разрабатывает и оттачивает общий метод задавания вопросов, т.е. диалектику. Диалектика включает диалог, но по сути, это метод задавания вопросов и ответов на них: разделение, определение, категоризация и абстрагирование. Похоже, что форму вопрошания определяют некоторые основные правила. Вопросы ставятся

---

[23] Цит. по: *Платон*. Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 137–138. — *Ред.-сост.*

так, что позволяют, в лучшем случае, дать только два ответа — «да» или «нет». Часто в конце спора происходит *сведение к абсурду* (*reductio ad absurdum*), и один из участников спора уступает другому. Конечная цель спора состоит в том, чтобы добиться какой-то степени определенности и ясности, определить разнообразные и изменчивые аспекты феноменального мира, мира «становления». Диалектика — это инструмент, посредством которого мы можем навести мосты между миром рождающегося и умирающего и миром истинно сущего, областью «того, что кажется» и «того, что истинно». Диалектика принципиально отличается от диалога тем, что последний во многом основан на различных «риторических эмоциях»: убеждении, обольщении, идентификации с говорящим и, в худшем случае, на обращении за помощью к иррациональным страхам. Цель диалектики заключается не в обмане, а в открытии и утверждении того, что является истиной. «Эристика», т.е. искусство ведения устного спора с целью победить (нечто вроде гимнастических состязаний, от которых греки были без ума), чужда духу диалектики. В двух словах можно сказать, что Платон попытался определить в общих чертах такой интерактивный метод поиска истины, который бы обошел и исключил все виды желаний, характерные для «вожделеющих» частей психики — желаний подавить, соблазнить или унизить человека.

Но если диалектика должна работать без этих обычных мотивов ведения спора, то спрашивается, — должна ли она работать вовсе без эмоций? Здесь мы возвращаемся к проблеме того, что же управляет высшими частями психики. Эмоции, вовлеченные в диалектический процесс, — это, к примеру, удивление, переживание по поводу трудности проблемы, стыд, связанный с незнанием, чувство тупика (*aporia*) и переживание дискомфорта, вызванное в результате обнаружения противоречий с личными убеждениями. Допустимой эмоцией будет и удовольствие от разрешения проблемы. Но не являются ли все эти «академические эмоции» несколько бледноватыми и чрезмерно рафинированными? Быть может и так, но что-то более сильное стало бы помехой, а что-то более слабое едва ли смогло бы произвести в душе возмущение, необходимое для того, чтобы побудить ее к поиску истины. Это не пассивный процесс, и он должен вызывать дискомфорт. Диалектика не успокаивает, подобно сладким песням поэта или речи одаренного оратора; она разрушает и раздражает. Платон считает, что когда люди действительно полностью вовлечены в диалектический процесс, «они становятся злее по отношению к себе и мягче по отношению к другим». Миф о пещере в диалоге *Государство* в наиболее явном виде очерчивает тот *идеал*, согласно которому открытие и видение истины столь же неприятны, как выход на яркий солнечный свет для жителя пещеры.

Диалектика не является ни ранней формой психоанализа, ни его предтечей. Об этом можно говорить только в предельно общем смысле, и по желанию мы можем обратить внимание, как на сходные черты, так и на очевидные различия между ними. Одно из важных различий заключается в том высоком значении, которое Платон придает одной из крайних позиций спектра различ-

ных смесей мышления и чувства, а именно, *эпистеме*, т.е. абстрактным, общим и диалектическим формам мышления. Однако Платон, как и Фрейд, чувствует необходимость осмысления смеси интеллектуальных и эмоциональных сил, возбуждаемых в попытке «познать себя» посредством диалога. Общая проблема заключается в создании метода или инструмента, использование которого хотя и зависит от личности владельца, но которому в принципе можно было бы обучить и передать многим другим людям. Еще одна общая проблема состоит в том, чтобы направить в нужное русло эмоции и импульсы, необходимые для поиска и обретения чувства убежденности в истине. «В сердцах человеческих пишет только диалектика», — вот в чем заключается как идеал, так и проблема платонизма. И диалектика, и психоанализ должны соединить и привести к большей гармонии конфликтующие части человека.

Общая часть представлений как диалектики, так и анализа заключается в расщеплении между двумя членами диады. Любопытно, что это расщепление между терапевтом и пациентом или между учителем и учеником выстраивается по линии расщепления внутри души. Для Платона философ относится к остальному человечеству как рациональная часть души к вожделеющей. Подобно этому у Фрейда мы обнаруживаем тенденцию к отождествлению терапевта с *Я*, а пациента — с иррациональным, т.е. с *Оно*. Обсуждая перенос[24], Фрейд пишет:

> Эта борьба между терапевтом и пациентом, между интеллектом и жизнью сообразно влечениям, между пониманием и стремлением действовать[25].

Отметим, что предполагаемое здесь отождествление означает, что отношение терапевта к пациенту подобно отношению интеллекта к влечению. Анализ и диалектика стремятся уменьшить этот разрыв, замостить пропасть. Ученику или пациенту необходимо, в конце концов, научиться делать самостоятельно то, что сначала он мог делать только с помощью учителя или терапевта.

Таким образом, опыт участников диалога тесно связан с теоретической структурой расщепления психики. Теоретическая модель психики – это модель психики людей, вступающих в диалог. Рабочая установка диалога дает наиболее жизненные и непосредственные примеры проблемы соотношения разума и эмоций, рационального и иррационального, мысли и действия. В процессе диалога возникают сопротивление и препятствия на пути поиска истины. Платон говорит об апории, безвыходном положении, участники платонического диалога смущаются, запутываются, даже приходят в отчаяние и краснеют от стыда. Хотя концептуализация и метод исследования этих форм [психики] у Фрейда совершенно иные, обнаружение их существования характерно для

---

[24] Перенос (трансфер) – процесс, посредством которого бессознательные желания переходят на те или иные объекты; например это может быть перемещение на аналитика чувств, представлений и прочего, связанного с людьми из прошлого пациента.

[25] См.: *Freud S.* The dynamics of transference // Standard Edition. 1912. XII. P. 108.

обоих мыслителей. В человеке есть человек, цели которого противны самому человеку[26].

В целом я утверждаю, что сходство между моделями Платона и Фрейда включает в себя следующие взаимосвязи.

1. Каждый из авторов в качестве основной рабочей задачи стремится к изучению человека в состоянии конфликта, в особенности саморазрушительного конфликта. Когда человек находится в состоянии конфликта, две его части противостоят друг другу.

2. Природа рабочей ситуации, форма диалога, направленного на установление истины, сталкивает участников этого диалога с фактами конфликта человека с самим собой и с другими людьми.

3. Оба автора используют данные самонаблюдения и внутреннего диалога, которые, по-видимому, подтверждают существование внутри души конфликтующих частей.

4. В каждом из случаев теория развивается с точки зрения человека, играющего ведущую роль в диалоге, и выстраивает расщепление в диалоге по линии расщепления в психике.

5. Платоновская теория психики рассматривает психику как инструмент, который может быть использован диалектически. Фрейдовская теория рассматривает психику и пациента, и терапевта как вовлеченные в процесс психоанализа.

Оба мыслителя рассматривают мир с позиций вполне определенной схемы: они везде видят конфликт: в психике одного человека, между людьми, в политике и т.д. Кроме того, их схема включает в себя чувства высшего и низшего порядка, каждое из которых стремится взять верх над другим. Откуда следует начинать поиск «источника» подобных взглядов? Что является «моделью» для этой «модели»? Один из интересных возможных вариантов ответа, более явный для Платона, чем для Фрейда, заключается в том, что основу разделения психики за-

---

[26] Удачное совпадение состоит в том, что, по крайней мере, в некоторых диалогах, особенно в *Государстве*, структура диалога, т.е. роли, исполняемые несколькими его участниками, соответствует частям психики. Эта точка зрения, которую до недавнего времени отстаивал Алан Блум в своем переводе и комментариях к *Государству*, имеет свои преимущества, если не интерпретировать Платона на ее основе слишком буквально (См.: *Bloom A.* The Republic of Plato (translation with notes and Interpretative Essay). N.Y.: Basic Books, Inc., 1968.). Так, Тразимах, который утверждает, что справедливо то, что может безнаказанно сделать сильнейший, олицетворяет действия страждущей части души (или, лучше, является иллюстрацией таковых). Главкон «эротичен», или страстен; его, всегда энергичного и полного энтузиазма, следует мягко вести и поучать, а не подчинять и укрощать. Если рассмотреть диалог под таким углом зрения, можно увидеть изоморфизм между частями души, частями государства и участниками диалога. Однако подобное представление драматической структуры диалога оставляет без ответа другой вопрос: является ли она осознанной находкой Платона, или же в значительной степени неосознаваема? Последняя версия представляется мне более привлекательной, однако, обе возможны и согласуются с тем, что Платон в юности, до того, как попал под влияние Сократа, писал драмы.

дает доминирующая форма политической организации. Следовательно, можно предположить, что источником модели психики является структура греческого общества, в частности, отношения между господином и рабом (или между социальными группами). Мне могут возразить, что в *Государстве* представлена в определенном смысле идеализированная картина социальной структуры греческого государства, в частности такого, как Спарта[27]. Но где та политическая или социальная структура, которая очевидна для Фрейда? В действительности, у Фрейда она вездесуща и проявляется в самых разнообразных формах. В *Сопротивлении психоанализу* Фрейд говорит:

> Человеческая цивилизация зиждется на двух опорах: одна из них — это управление природными силами, а другая — ограничение наших инстинктов. Трон правителя покоится на закованных в цепи рабах. Среди инстинктивных компонентов, которые таким образом ставятся на службу, сексуальные инстинкты, в узком смысле этого слова, являются из-за своей силы и дикости наиболее бросающимися в глаза. Горе, если они высвободятся из своих цепей! Трон будет опрокинут и правитель растоптан[28].

Этому пассажу предшествует параграф, в котором Фрейд не без одобрения сравнивает платоновский Эрос с понятием либидо. Даже *Толкование сновидений*, известное прежде всего механическими и физическими моделями процессов сновидения, переполнено политическими, социальными и экономическими аналогиями. Например, цензор сновидений действует подобно почтовому цензору[29]. Инстанция психики — это инстанция, подобная правительственному учреждению или бюро. Помимо этого, в течение всей своей карьеры Фрейд уделял много внимания вопросам взаимоотношений между психикой и человеческим сообществом, психикой и историей.

Ряд этих аргументов интересен и может потребовать дополнительного исследования, особенно в случае Фрейда. Однако было бы неверно представлять политическую структуру как базовую модель структуры психики, прежде всего потому, что она сама является продуктом психики, структурирующей и конструирующей факты социальной жизни в рамках определенной схемы.

Другой вероятный источник данной модели психики напрашивается сам собой — это отношения между ребенком и родителями. Родитель рационален, а ребенок подчиняется желаниям. Иногда они конфликтуют, иногда сотрудничают. Но и здесь очевидно, что это только один из вариантов детско-родительских отношений, причем вариант, который, несомненно, является отражением или

---

[27] См. *Enter Plato* Гулднера, где приводится сильное обоснование для подобного утверждения (*Couldner A.* Enter Plato: Classical Greece and the Origins of Social Theory. N.Y.: Basic Books, Inc., 1965.).

[28] См.: *Freud S.* The resistances to psycho-analysis // Standard Edition. 1925 [1924]. XIX. P. 219.

[29] См.: *Freud S.* The Interpretation of dreams // Standard Edition. 1900–1901. IV/V. P. 142–143.

продуктом определенного, хотя и широко распространенного в культуре, отношения к детям.

Нам могут вынести вердикт *non licet* (не подобает). Ибо все, что мы можем сказать — это то, что налицо сложное взаимодействие между тремя типами структур: а) структурой или моделью, которая существует в сознании создателя теории, и которую он накладывает на изучаемые феномены; б) структурами или моделями, которые являются распространенными и подкрепляются внутри культуры, и посредством которых культура интерпретирует и упорядочивает окружающий мир; в) структурами, которые, так или иначе, могут «действительно» существовать (т.е., не исключено, что какие-то модели феноменального мира и в самом деле соответствуют структурам, неотъемлемо присущим самим феноменам)[30].

Доминирующая, если не единственная точка зрения Фрейда, особенно в ранних его работах, заключается в том, что *структура* психики предзадана, а схемы выделения частей психики (а не только ее содержание) проецируются во внешний мир и отражаются в творениях человеческой культуры, например, в мифах, религии и философских системах. Эти представления обсуждались в работе Гроссмана и Саймона в связи с понятием Фрейда о *внутрипсихическом восприятии* (*endopsychic perception*)[31]. В *Психопатологии обыденной жизни* Фрейд утверждает, что задача психологии заключается в преобразовании «метафизики в метапсихологию»[32], т.е. в том, чтобы вывести из философии человеческой психики факты, говорящие о ее действительной структуре. Это утверждение может быть истинным, но главное возражение против него относится к способу его использования. Если, например, проследить эту идею в работах Фрейда вплоть до 1920 г., можно увидеть несколько разных вариантов «действительной структуры психики» и, соответственно, несколько разных вариантов схемы психики, которые мы должны искать в продуктах культуры (например, различение сознательного и бессознательного; разделение на *Я*, *Оно* и *Сверх-Я* и т.д.)[33].

Схема конфликта заключена в психике мыслителя, и мы не можем дать исчерпывающего объяснения того, как эта схема там оказалась. Отклоняясь от темы, можно предположить, что в индивидуальной психологии людей, особенно чувствительных к конфликту и склонных видеть его повсюду, может быть что-то общее. Рискну выдвинуть довольно-таки умозрительную гипотезу, частично

[30] Некоторое разъяснение и анализ этих проблем можно найти в *Структурализме* Пиаже, в особенности там, где он обсуждает работы Леви-Стросса (см.: *Piaget J.* Structuralism. N.Y.: Basic Books, Inc., 1970. P.106–119).

[31] См.: *Grossman W., Simon B.* Anthropomorphism: Motive, meaning, and causality in psychoanalytic theory // The Psychoanalytic Study of the Child. 1969. Vol. XXIV. P. 78–111.

[32] См.: *Freud S.* The psychopathology of everyday life // Standard Edition. 1901. VI. P. 258.

[33] Недавно рассуждение, сходное с фрейдовским, было представлено в увлекательной работе Devereux (1970) *Структура трагедии и структура души в «Поэтике» Аристотеля*. Хотя его наблюдения довольно интересны и обоснованы, предлагаемая автором понятийная структура открыта для обсуждения.

основанную на объяснении Фрейдом того, как он в своем самоанализе пришел к открытию значимости Эдипова комплекса[34].

Что касается Фрейда, важно, что его ситуация была необычна: два значительно превосходящих его по возрасту сводных брата, дети его отца от первого брака, и отец, по возрасту годившийся ему в деды. Что касается Платона, то мы не имеем достаточного количества надежных биографических и автобиографических данных, однако все сходятся на том, что его отец умер, когда Платон был юношей, и мать снова вышла замуж (за брата своей матери), и от этого брака родился младший единоутробный брат, Антифон. У отчима Платона, Пирилампа, был старший сын от предыдущего брака. У родных отца и матери Платона было еще трое детей: два сына, Главкон и Адимант, и дочь, порядок рождения которых неизвестен.

Платон, конечно же, в явной форме не знал и не описывал эдиповы конфликты, однако во всех его диалогах встречаются ссылки на отцеубийственные и кровосмесительные желания, как открыто заявленные, так и в скрытом виде (например, в мифе о Гиге в *Государстве*: Гиг становится невидимым, проникает в спальню царицы и совращает ее, убивает царя и захватывает царство)[35]. Интересно и то, что, хотя сам Платон почти никогда не появляется в своих диалогах (его имя упоминается только дважды; один раз — чтобы объяснить, что он был болен и не мог присутствовать при смерти Сократа!), его *братья* выступают в качестве главных действующих лиц в *Государстве*, диалоге, в котором предлагается ликвидация семьи! Его родные братья и единоутробный брат снова появляются в *Пармениде* — диалоге, который посвящен, на уровне проблем логики, сложным отношениям между формами, включая вопросы сходства, родства и тождественности.

Я предполагаю, что в случае как Фрейда, так и Платона некоторые нетипичные черты структуры семьи, возможно, частично центрированные вокруг эдиповых конфликтов, выступили своего рода *катализаторами* осознания конфликтов желаний и страстей как вездесущей особенности человеческой жизни.

Другой особенностью стиля мышления и взгляда на мир, характеризующей обоих обсуждаемых авторов, является мышление в схемах, или поиск сходных схем в разнообразных явлениях. Это можно назвать рассуждением по аналогии, или стремлением к открытию по аналогии, как, например, сравнение души с государством, или сравнение истории иудейского народа со стадиями развития человеческого ребенка, хотя само понятие «аналогия» здесь не вполне адек-

---

[34] Эдипов комплекс – совокупность любовных и враждебных желаний ребенка, направленных на родителей. — *Ред.-сост.*

[35] Сравните объяснение Платона с объяснением Геродота (Кн. I, 7), который красочно и с определенной психологической проницательностью, которую мог подхватить и Платон, рассказывает ту же историю. См. работу *Розенбаума* и *Росси* Геродот: обозреватель сексуальной психопатологии (*Rosenbaum C.P., Rossi R.* Herodotus: Observer of Sexual Psychopathology // Amer. Imago. 1971. Vol. XXVIII. P. 71–78.).

ватно. Я прибегнул выше к понятию «изоморфизм», т.е. к предположению о существовании сходных конфигураций — по большей части в том смысле, как если бы речь шла о подобных треугольниках, которые необходимо сопоставить. У Фрейда, даже в большей степени, чем у Платона, мы находим представление о том, что современные паттерны жизни взрослого человека имеют историю, которая состоит из более ранних вариантов этих форм. Если у взрослого человека наблюдается непонятный паттерн поведения, то ищите инфантильную форму, которая прольет свет на взрослую, ищите Эдипов треугольник, который прояснит нынешние треугольники взрослого, и т.д. Как для Фрейда, так и для Платона метод выведения структуры неизвестного из структуры известного с последующими перемещениями туда и обратно между ними является основным и наиболее перспективным. Существует ли имманентная связь между их готовностью повсюду видеть схему конфликта и готовностью разыскивать схемы? Усилил ли опыт необычной структуры семьи у каждого из них не только сознавание конфликта, но и сознавание структур? Единственное, что я могу предложить, это всего лишь намек или, возможно, неверный указатель.

Несколько замечаний относительно различий между Платоном и Фрейдом

До сих пор я подчеркивал, что обсуждаю суть общего у Платона и Фрейда: использование ими определенной модели психики с вспомогательным определением конфликта. В дальнейшем каждый из этих исследователей столкнулся с ядром сходных проблем, а именно, с вопросами, возникающими в связи с расколом между влечениями и разумом. Однако, несмотря на то, что они поднимают одни и те же проблемы, предлагаемые решения могут быть разными.

Во-первых, разрешите начать с очевидного. Фрейд — это, прежде всего, клиницист, и его наиболее оригинальный и устойчивый вклад в психологию не следует искать в его философских положениях или в его *Weltanschauung* [нем. Мировоззрение]. С этой точки зрения сравнивать и противопоставлять этих двух мыслителей не имеет смысла. В основе работ Фрейда лежит метод свободных ассоциаций и ***интерпретации***. Понятия производности, превращений влечения, представления о защите, а также о важности интерпретации переноса (трансфера) далеко выходят за пределы того, что завещал любой из клинических, философских либо поэтических предшественников Фрейда. Тем не менее, учитывая значительную степень «соизмеримости» между этими двумя мыслителями, можно попытаться выделить некоторые глубокие различия.

Самое глубокое различие заключено в отношении каждого из них к конфликту. Как уже было сказано выше, оба мыслителя характеризуются необычной чувствительностью к конфликту, противоречию, парадоксу, иронии и т.д.

Для Фрейда все это лежит в основе нашего существования; несмотря на то, что люди так или иначе справляются со своими конфликтами и склонны к утопическим решениям, сходство между ними заключается в том, что конфликты как определенная мера несчастья в их жизни неизбежны. Одно из ранних фрейдовских положений относительно «лечения» истерии состоит в том, что мы должны помочь нашим пациентам-невротикам принять свои экзотические страдания как повседневное несчастье жизни.

Платон признает вездесущность конфликта, однако не готов принять ее. У него есть не только потребность и сильное желание устранить конфликт, но и план такого устранения. Для Платона все решения множества различных видов проблем группируются вокруг идеи устранения противоречия, двусмысленности и конфликта. Справедливость заключается в том, что каждый человек делает что-то одно, а не несколько дел, и в том, что каждый класс горожан выполняет только одну функцию. Мифы, которые греки так горячо любили и рассказывали на ночь своим детям в качестве сказок, следовало устранить: они воспитывали противоречие и дисгармонию. Гармония у Платона иногда предполагает гармоничное расположение конфликтующих сил, но обычно ее смысл заключается в том, что каждый элемент удерживается отдельно и особо, и в таком случае они в некотором роде гармонизированы (напр., *Пир*, 187). В идеальном городе-государстве Платона, описанном в Государстве, соперничество, противоборство и все сопутствующие им эмоции должны быть минимизированы или вовсе устранены. Мужчины и женщины должны быть уравнены; роль биологических различий следует умалить. Наиболее далеко идущим предложением, касающимся реформирования города, является *устранение семьи*, хотя бы для класса стражей. Пусть люди не знают, кто их биологические отец и мать, брат и сестра; пусть определение этих родственных отношений будет бюрократизировано. Город-*государство* — вот откуда происходят дети. Хотя это явно и не прописано, для Платона, семья — это корень зла. Я не раз отмечал <...>, что у Платона можно найти образ агрессивной первосцены[36], и что именно этот образ сопровождает его определения зла и сумасшествия[37]. Возникает впечатление, что Платон как будто утверждает, что, если человек рожден в обстановке запутанного, агрессивного, темного сумасшествия, то можем ли мы ожидать от него чего-то лучшего? Поэтому мы находим у Платона попытку найти лучший способ рождения детей, чем посредством половых сношений.

Возражения Платона Гомеру и греческой трагедии вообще отчасти основаны на знании того, насколько великие поэты использовали и полагались на множественные идентификации, сдвиги и колебания в ролях исполните-

[36] Первосцена – сцена сексуальных отношений между родителями, наблюдаемая или воображаемая ребенком. — *Ред.-сост.*

[37] См. также: *Bradley N.* Primal scene experience in human evolution and its fantasy derivatives in art, proto-science and philosophy // The Psychoanalytic Study of Society. Vol. IV / W. Muensterberger, S. Axelrad (Eds.). N.Y.: International Universities Press, Inc., 1967. P. 34–79.

лей[38]. В этом отношении и в своем противостоянии конфликту и двойственности Платон крайне неэллинистичен. Конфликт у Платона во многом связан с нуждами и требованиями тела, и его противостояние конфликту идет рука об руку с унижением телесного.

С точки зрения рассуждения о двух прямо противоположных позициях по отношению к конфликту можно попытаться взглянуть на то, что я считаю бросающимся в глаза пробелом у Платона. Я имею в виду представление о *Сверх-Я*, или совести, которая может находиться в конфликте с *Я*, а не только с *Оно*; идею относительно того, что человек может страдать от чувства вины, а нравственная сила в человеке может выступить в качестве пятой колонны, которая может разрушить личность. Платона не следует винить в том, что ему не удалось открыть и четко сформулировать подобное представление. Вероятно, он не смог бы принять столь легко эту идею, даже если бы прочел Фрейда. Тема страданий от иррационального чувства вины во многом «витала в воздухе» во времена Платона, особенно у Еврипида, но Платон был вынужден пренебречь ею.

Представление о неизбежности конфликта проистекает из идеи неразрушимости инфантильных желаний и объектов этих желаний. Это подразумевает идею интернализации объектов в том виде, в каком они были пережиты ребенком в процессе развития. Поскольку моральные, управляющие, фрустрирующие и поощряющие аспекты этих объектов представлены внутренне, на их репрезентации направлена смесь любви и ненависти, агрессии и либидо, и т.д., которые ребенок испытывает по отношению к родителям.

Платон, вероятно, заметил, что раннее моральное воспитание может быть насыщено всеми типами амбивалентности, однако этот факт приводит его в ужас и он испытывает сильнейшую потребность как-то обойти его или избежать его последствий. Фрейдовская идея *Сверх-Я* предполагает существование особой инстанции ***внутри*** психики, которая могла бы предоставить кров как любви, так и ненависти к человеку. Платон представляет предельный источник моральных ценностей как внешний по отношению к человеку: таковы Формы Истины, Добра и т.д. Они не могут быть испорчены ненавистью и агрессией. Эти отрицательные влияния передаются телу и его потребностям — амбивалентность расщеплена.

В заключение следует отметить, что настоящую статью можно считать только началом сравнительного исследования творчества двух мыслителей. Мы в значительной степени упростили Платона, а в работах Фрейда многое следует рассматривать с точки зрения философских подходов, появившихся значительно позднее платонизма. В этом плане особенно продуктивной и поучительной является работа Поля Рикера (1970). Однако мы надеемся, что метод поиска сходных форм, довольно неуклюже использованный в данной работе, поможет другим исследователям на пути к более широкому и богатому пониманию, как Платона, так и Фрейда.

---

[38] См.: *Havelock E.A.* Preface to Plato. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1963.

3 *Представление о личности в аналитической психологии*

К. Юнг

Определение терминов*

Душа (психическое, психика, личность, персона, анима)

В процессе моих исследований, посвященных структуре бессознательного, мне пришлось установить логическое различие между душой и психическим. Под психическим или психикой я понимаю целокупность всех психических процессов, как сознательных, так и бессознательных. Со своей стороны, под душой я мыслю определенный, обособленный функциональный комплекс, который лучше всего было бы охарактеризовать как *личность*. Для более ясного описания того, что я при этом имею в виду, я должен привлечь сюда еще некоторые точки зрения. Так, в частности, явление сомнамбулизма, раздвоенного сознания, расщепленной личности и т.д., в исследовании которых наибольшие заслуги принадлежат французским ученым, привели нас к той точке зрения, по которой в одном и том же индивиде может существовать множество личностей.

Душа как функциональный комплекс или «личность»

Ясно и без дальнейших объяснений, что у нормального индивида никогда не обнаруживается такое умножение личностей; однако возможность диссоциации личности, подтвержденная этими случаями, могла бы существовать и в сфере нормальных явлений, хотя бы в виде намека. И, действительно, несколько более зоркому психологическому наблюдению удается без особых затруднений усмотреть наличность хотя бы зачаточных следов расщепления характера даже у нормальных индивидов. Достаточно, например, внимательно понаблюдать за кем-нибудь при различных обстоятельствах, чтобы открыть, как резко меняется

* *Юнг К.Г.* Психологические типы. СПб.: Ювента; М.: Прогресс–Универс, 1995. С. 496, 507–514, 582–583, 553–554.

его личность при переходе из одной среды в другую, причем каждый раз выявляется резко очерченный и явно отличный от прежнего характер. Поговорка «со своими лается, а к чужим ласкается» (Gassenengel — Hausteufel) формулирует, отправляясь от повседневного опыта, именно явление такого расщепления личности. Определенная среда требует и определенной установки. Чем дольше и чем чаще требуется такая соответствующая среде установка, тем скорее она становится привычной. Очень многие люди из образованного класса по большей части вынуждены вращаться в двух совершенно различных средах — в домашнем кругу, в семье и в деловой жизни. Эти две совершенно различные обстановки требуют и двух совершенно различных установок, которые, смотря по степени идентификации *Эго* с каждой данной установкой, обусловливают удвоение характера. В соответствии с социальными условиями и необходимостями социальный характер ориентируется, с одной стороны, на ожиданиях и требованиях деловой среды, с другой стороны — на социальных намерениях и стремлениях самого субъекта. Обыкновенно домашний характер слагается скорее согласно душевным запросам субъекта и его потребностям в удобстве, почему и бывает так, что люди, в общественной жизни чрезвычайно энергичные, смелые, упорные, упрямые и беззастенчивые, дома и в семье оказываются добродушными, мягкими, уступчивыми и слабыми. Который же характер есть истинный, где же настоящая личность? На этот вопрос часто невозможно бывает ответить.

Эти рассуждения показывают, что расщепление характера вполне возможно и у нормального индивида. Поэтому мы с полным правом можем обсуждать вопрос о диссоциации личности и как проблему нормальной психологии. По моему мнению, — если продолжать наше исследование, — на поставленный вопрос следует отвечать так, что у такого человека вообще нет настоящего характера, что он вообще не *индивидуален*, а *коллективен*, т.е. соответствует общим обстоятельствам, отвечает общим ожиданиям. Будь он индивидуален, он имел бы один и тот же характер при всем различии в установке. Он не был бы тождествен с каждой данной установкой и не мог бы, да и не хотел бы, препятствовать тому, чтобы его *индивидуальность* выражалась так, а не иначе как в одном, так и в другом состоянии. В действительности он индивидуален, как и всякое существо, но только бессознательно. Своей более или менее полной идентификацией с каждой данной установкой он обманывает по крайней мере других, а часто и самого себя, относительно того, каков его настоящий характер; он надевает *маску*, о которой он знает, что она соответствует, с одной стороны, его собственным намерениям, с другой — притязаниям и мнениям его среды, причем преобладает то один, то другой момент.

Душа как персона

Эту маску, т.е. принятую ad hoc установку, я назвал *персоной* — термин, которым обозначалась маска древнего актера. Человека, который отождествляется с такой маской, я называю «личным» в противоположность «индивидуальному».

Обе вышеупомянутые установки представляют две коллективные *личности*, которые мы суммарно обозначим одним именем *персоны*. Я уже указал выше, что настоящая индивидуальность отлична от них обеих. Итак, *персона* есть комплекс функций, создавшийся на основах приспособления или необходимого удобства, но отнюдь не тождественный с индивидуальностью. Комплекс функций, составляющий *персону*, относится исключительно к объектам. Следует достаточно четко отличать отношение индивида к объекту от его отношения к субъекту. Под «субъектом» я разумею прежде всего те неясные, темные побуждения, чувства, мысли и ощущения, которые не притекают с наглядностью из непрерывного потока сознательных переживаний, связанных с объектом, но которые всплывают, чаще мешая и задерживая, но иногда и поощряя, из темных внутренних недр, из глубоких дальних областей, лежащих за порогом сознания, и в своей совокупности слагают наше восприятие жизни бессознательного. Бессознательное есть субъект, взятый в качестве «внутреннего» объекта. Подобно тому, как есть отношение к внешнему объекту, внешняя установка, так есть и отношение к внутреннему объекту, внутренняя установка. Понятно, что эта внутренняя установка вследствие ее чрезвычайно интимной и трудно доступной сущности является гораздо менее известным предметом, чем внешняя установка, которую каждый может видеть без всяких затруднений. Однако мне кажется, что получить понятие об этой внутренней установке вовсе не так трудно. Все эти так называемые случайные заторы, причуды, настроения, неясные чувства и отрывки фантазий, подчас нарушающие сосредоточенную работу, а иногда и отдых самого нормального человека, происхождение которых мы рационалистически сводим то к телесным причинам, то к другим поводам, основаны обыкновенно вовсе не на тех причинах, которым их приписывает сознание, а суть восприятия бессознательных процессов. К таким явлениям принадлежат, конечно, и сновидения, которые, как известно, часто сводятся к таким внешним и поверхностным причинам, как расстройство пищеварения, лежание на спине и т.п., хотя такое объяснение никогда не выдерживает более строгой критики. Установка отдельных людей по отношению к этим явлениям бывает самая различная. Один совсем не позволяет своим внутренним процессам влиять на себя, он может, так сказать, совершенно отрешаться от них, другой же в высокой степени подвержен их влиянию; еще при утреннем вставании какая-нибудь фантазия или какое-нибудь противное чувство портят такому человеку на весь день настроение; неясное, неприятное ощущение внушает ему мысль о скрытой болезни, сновидение вызывает у него мрачное предчувствие, хотя он, в общем, вовсе не суеверен. Напротив, другие люди лишь эпизодически подвержены таким бессознательным побуждениям или же только известной их категории. У кого-то они, может быть, и вообще никогда не доходили до сознания в качестве чего-то, о чем можно было бы думать, для другого же они являются темой ежедневных размышлений. Один оценивает их физиологически или же приписывает их поведению своих ближних, другой находит в них религиозное откровение.

Эти совершенно различные способы обращаться с побуждениями бессознательного столь же привычны для отдельных индивидов, как и установки по отношению к внешним объектам. Поэтому внутренняя установка соответствует столь же определенному комплексу функций, как и внешняя установка. В тех случаях, когда внутренние психические процессы, по-видимому, совершенно оставляются без внимания, типичная внутренняя установка отсутствует столь же мало, сколь мало отсутствует типичная внешняя установка в тех случаях, когда постоянно оставляется без внимания внешний объект, реальность фактов. В этих последних, далеко не редких случаях персона характеризуется недостатком соотнесенности, связанности, иногда даже слепой неосмотрительности, опрометчивости, склоняющейся лишь перед жестокими ударами судьбы. Нередко именно данные индивиды с ригидной персоной отличаются такой установкой к бессознательным процессам, которая крайне восприимчива к исходящим от них влияниям. Насколько они с внешней стороны неподатливы и недоступны для влияния, настолько же они мягки, вялы и податливы по отношению к их внутренним процессам. Поэтому в таких случаях внутренняя установка соответствует внутренней личности, диаметрально противоположной личности внешней. Я знаю, например, человека беспощадно и слепо разрушившего жизненное счастье своих близких, но прерывающего важную деловую поездку, чтобы насладиться красотой лесной опушки, замеченной им из вагона железной дороги. Такие же или похожие случаи известны, конечно, каждому, так что у меня нет надобности нагромождать примеры.

Душа как анима

Повседневный опыт дает нам такое же право говорить о внешней личности, какое он дает нам признавать существование личности внутренней. Внутренняя личность есть тот вид и способ отношения к внутренним психическим процессам, который присущ данному человеку; это есть та внутренняя установка, тот характер, которым он обращен к бессознательному. Внешнюю установку, внешний характер я называю *персоной*; внутреннюю установку, внутреннее лицо я обозначаю словом *анима* или душа. В той мере, в какой установка привычна, она есть более или менее устойчивый комплекс функций, с которым *Эго* может более или менее отождествляться. Наш повседневный язык выражает это весьма наглядно: когда кто-нибудь имеет привычную установку на определенные ситуации, привычный способ действия, то обыкновенно говорят: «он совсем другой, когда делает то или это». Этим вскрывается самостоятельность функционального комплекса при привычной установке: дело обстоит так, как если бы другая личность овладевала индивидом, как если бы в него «вселялся иной дух». Внутренняя установка, душа, требует такой же самостоятельности, которая очень часто соответствует внешней установке. Это один из самых трудных фокусов воспитания — изменить *персону*, внешнюю установку. Но столь же

трудно изменить и душу, потому что обыкновенно ее структура столь же крайне спаяна, как и структура *персоны*. Подобно тому, как *персона* есть существо, составляющее нередко весь видимый характер человека и, в известных случаях, неизменно сопутствующее ему в течение всей его жизни, так и душа его есть определенно ограниченное существо, имеющее подчас неизменно устойчивый и самостоятельный характер. Поэтому нередко душа прекрасно поддается характеристике и описанию.

Что касается характера души, то, по моему опыту, можно установить общее основоположение, что она в общем и целом *дополняет* внешний характер персоны. Опыт показывает нам, что душа обыкновенно содержит все те общечеловеческие свойства, которых лишена сознательная установка. Тиран, преследуемый тяжелыми снами, мрачными предчувствиями и внутренними страхами, является типичной фигурой. С внешней стороны бесцеремонный, жесткий и недоступный, он внутренне поддается каждой тени, подвержен каждому капризу так, как если бы он был самым несамостоятельным, самым легко определимым существом. Следовательно, его *анима* (душа) содержит те общечеловеческие свойства определяемости и слабости, которых совершенно лишена его внешняя установка, его *персона*. Если *персона* интеллектуальна, то душа, наверно, сентиментальна. Характер души влияет также и на половой характер, в чем я не раз с несомненностью убеждался. Женщина, в высшей степени женственная, обладает мужественной душой; очень мужественный мужчина имеет женственную душу. Эта противоположность возникает вследствие того что, например, мужчина вовсе не вполне и не во всем мужественней, но обладает и некоторыми женственными чертами. Чем мужественнее его внешняя установка, тем больше из нее вытравлены все женственные черты; поэтому они появляются в его душе. Это обстоятельство объясняет, почему именно очень мужественные мужчины подвержены характерным слабостям: к побуждениям бессознательного они относятся женски податливо и мягко подчиняются их влияниям. И наоборот, именно самые женственные женщины часто оказываются в известных внутренних вопросах неисправимыми, настойчивыми и упрямыми, обнаруживая эти свойства в такой интенсивности, которая встречается только во внешней установке у мужчин. Эти мужские черты, будучи исключенными из внешней установки у женщины, стали свойствами ее души.

Поэтому, если мы говорим у мужчины об *аниме*, то у женщины мы, по справедливости, должны были бы говорить об *анимусе*, чтобы дать женской душе верное имя.

Что касается общечеловеческих свойств, то из характера *персоны* можно вывести характер души. Все, что в норме должно было бы встречаться во внешней установке, но что странным образом в ней отсутствует, находится, несомненно, во внутренней установке. Это основное правило, всегда подтверждающееся в моем опыте. Что же касается индивидуальных свойств, то в этом отношении нельзя делать никаких выводов. Если у мужчины, в общем, во внешней установ-

ке преобладает или, по крайней мере, считается идеалом логика и предметность, то у женщины — чувство. Но в душе оказывается обратное отношение: мужчина внутри чувствует, а женщина — рассуждает. Поэтому мужчина легче впадает в полное отчаяние, тогда как женщина все еще способна утешать и надеяться; поэтому мужчина чаще лишает себя жизни, чем женщина. Насколько легко женщина становится жертвой социальных условий, например, в качестве проститутки, настолько мужчина поддается импульсам бессознательного, впадая в алкоголизм и другие пороки. Если кто-нибудь тождествен со своей персоной, то его индивидуальные свойства ассоциированы с душой. Из этой ассоциации возникает символ душевной беременности, часто встречающийся в сновидениях и опирающийся на изначальный образ рождения героя. Дитя, которое должно родиться, обозначает в этом случае индивидуальность, еще не присутствующую в сознании.

Тождество с *персоной* автоматически обусловливает бессознательное тождество с душой, ибо, если субъект, *Я* не отличен от *персоны*, то он не имеет сознательного отношения к процессам бессознательного. Поэтому он есть не что иное, как эти самые процессы, — он тождествен с ними. Кто сам безусловно сливается со своей внешней ролью, тот неизбежно подпадает под власть внутренних процессов, т.е. при известных обстоятельствах он неизбежно пойдет наперекор своей внешней роли или же доведет ее до абсурда. <...> Это, конечно, исключает утверждение индивидуальной линии поведения, и жизнь протекает в неизбежных противоположностях. В этом случае душа всегда бывает проецирована в соответствующий реальный объект, к которому создается отношение почти безусловной зависимости. Все реакции, исходящие от этого объекта, действуют на субъекта непосредственно, изнутри захватывая его. Нередко это принимает форму трагических связей. <...>

Эго

Под *Эго* я понимаю комплекс идей, представлений, составляющий для меня центр поля моего сознания и который, как мне кажется, обладает в высокой степени непрерывностью и тождественностью (идентичностью) с самим собой. Поэтому я говорю об *Эго-комплексе*[1]. Этот комплекс есть настолько же содержание сознания, насколько и условие сознания, ибо психический элемент осознан мной постольку, поскольку он отнесен к *Эго*-комплексу. Однако, поскольку *Эго* есть лишь центр моего поля сознания, оно не тождественно с моей психикой в целом, а является лишь комплексом среди других комплексов. Поэтому я различаю между *Эго* и *самостью*, поскольку *Эго* есть лишь субъект моего сознания, *самость* же есть субъект всей моей психики, включающей также

[1] См.: *Юнг К.Г.* Психология dementia praecox (раннего слабоумия) // Избранные труды по аналитической психологии. Цюрих, 1939. Т. 1. С. 150.

и ее бессознательное. В этом смысле *самость* была бы идеальной сущностью (величиной), включающей в себя *Эго*. В бессознательных *фантазиях самость* часто возникает в виде сверхординарной (необычной) или идеальной личности, вроде Фауста у Гете или Заратустры у Ницше. Именно для сохранения идеального образа архаические черты *самости* изображались иногда как отделенные от «высшей» *самости*, как, например, Мефистофель у Гете, Эпиметей у Шпиттелера, а в христианской психологии дьявол или Антихрист. У Ницше Заратустра открывает свою тень в «Безобразнейшем человеке». <...>

Самость[2]

Как эмпирическое понятие, *самость* обозначает целостный спектр психических явлений у человека. Она выражает единство личности как целого. Но в той степени, в какой целостная личность по причине своей бессознательной составляющей может быть сознательной лишь отчасти, понятие *самости* является отчасти лишь *потенциально* эмпирическим и до этой степени *постулятивным*. Другими словами, оно включает в себя как «переживабельное» (experienceable), так и «непереживабельное» (inexperienceable) (или еще не пережитое). Эти качества присущи в равной мере многим другим научным понятиям, оказывающимся более именами, нежели идеями. В той степени, в какой психическая целостность, состоящая из сознательных и бессознательных содержаний, оказывается постулятивной, она представляет *трансцендентальное* понятие, поскольку оно предполагает существование бессознательных факторов на эмпирической основе и, таким образом, характеризует некое бытие, которое может быть описано лишь частично, так как другая часть остается (в любое данное время) неузнанной и беспредельной.

Подобно тому как сознательные и бессознательные явления дают о себе знать практически, при встрече с ними, *самость*, как психическая целостность, также имеет сознательный и бессознательный аспекты. Эмпирически *самость* проявляется в сновидениях, мифах, сказках, являя персонажи «сверхординарной личности» (см. *Эго*), такие как король, герой, пророк, спаситель и т.д., или же в форме целостного символа, — круга, квадрата, креста, *квадратуры круга* (quadratura circuli) и т.д. Когда *самость* репрезентирует complexio oppositorum, единство противоположностей, она также выступает в виде объединенной ду-

---

[2] Данная дефиниция была написана Юнгом для немецкого издания Собрания сочинений и отсутствует в русском издании 1929 г. — *Ред. источника*. Любопытно отметить, что определение, данное самости, как «целостного спектра психических явлений у человека» почти идентично определению психического как «тотальности, целостности всех психических процессов, как сознательных, так и бессознательных» (см. *душа*). Здесь может подразумеваться, что каждый индивид посредством психического или благодаря ему в своей потенции представляет самость. Вопрос лишь в том, чтобы «реализовать» эту присущую ему в потенции самость. Но это уже вопрос самой жизни. — *Ред. англ. издания*.

альности, например, в форме *дао*, как взаимодействия *инь* и *ян* или враждующих братьев, или героя и его противника (соперника) (заклятого врага, дракона), Фауста и Мефистофеля и т.д. Поэтому эмпирически *самость* представлена как игра света и тени, хотя и постигается как целостность и союз, единство, в котором противоположности соединены. Так как такое понятие непредставимо — *третьего не дано* — то *самость* оказывается трансцендентальной и в этом смысле. Рассуждая логически, здесь мы имели бы дело с пустой спекуляцией, если бы не то обстоятельство, что самость обозначает символы единства, которые оказываются обнаруживаемы эмпирически.

Самость не является философской идеей, поскольку она не утверждает своего собственного существования, т.е. она не гипостазирует самое себя. С интеллектуальной точки зрения это всего лишь рабочая гипотеза. Ее эмпирические символы, с другой стороны, очень часто обладают отчетливой *нуминозностью*, т.е. априорной эмоциональной ценностью, как в случае *мандалы*, пифагорейского tetraktys, кватерности и т.д. Таким образом, *самость* утверждает себя как *архетипическую идею*, отличающуюся от других идей подобного рода тем, что она занимает центральное место благодаря значительности своего содержания и своей нуминозности.

К. Юнг

[Структура души]*

Для нас важно то, что сознание невозможно представить вне связи с *Эго*. Если нечто не имеет отношения к *Эго*, то оно не является сознательным. Следовательно, сознание можно определить как соотношение психических фактов и *Эго*. А что такое *Эго*? Это сложное образование, которое конституируется, во-первых, общим осознанием собственного тела, собственного существования и, во-вторых, данными памяти — у вас есть некоторое представление о том, что происходило в прошлом, долгая последовательность воспоминаний. Таковы две основные составляющие феномена, именуемого *Эго*. Таким образом, *Эго* можно назвать комплексом психических фактов. Этот комплекс обладает мощнейшим магнетизмом: он притягивает то, что содержится в бессознательном, в этом темном царстве, о котором мы ничего не знаем; он также притягивает впечатления извне, которые, соприкасаясь с *Эго*, становятся фактами сознания (только так: в противном случае их нельзя считать сознательными).

Мне представляется, что *Эго* есть своего рода комплекс, безусловно, самый близкий и дорогой нам. Он всегда в центре нашего внимания и всех наших помыслов; это центр сознания, без которого не обойтись. При разрушении *Эго* (например, в случае шизофрении) у индивида исчезает система координат: центр распался, какие-то психические составляющие отныне относятся к одному фрагменту *Эго*, какие-то — к другому. Поэтому у шизофреника наблюдается быстрый переход как бы от одной личности к другой.

В сознании мы можем различить несколько функций. Благодаря им сознание может быть сориентировано либо на эктопсихические, либо на эндопсихические факты. Под эктопсихическим я понимаю отношение между содержаниями сознания и данными, поступающими извне. Это система ориентации, связывающая человека с данными ему посредством ощущений внешними

---

* *Юнг К.Г.* Тэвистокские лекции / Исследование процесса индивидуации. М.: Рефл-бук; Ваклер, 1998. С. 17–31, 53–59.

фактами. С другой стороны, эндопсихика — это система отношений между содержаниями сознания и постулированными выше бессознательными процессами.

Сперва рассмотрим эктопсихические функции. Прежде всего, это — *ощущение*[1], функция наших органов чувств (sense function). Под ощущением я понимаю то, что французские психологи называют «la fonction du reel»[2], которая составляет совокупность всего осознаваемого мною о внешних факторах, данных мне через функцию моих органов чувств. Ощущение говорит мне, что нечто *есть*, оно не говорит мне, *что* есть это нечто, оно вообще не говорит мне ничего об этом нечто, кроме как то, что оно есть.

Далее мы выделяем функцию *мышления*[3]. Если послушать философов, то окажется, что мышление — это что-то невообразимо сложное. А вообще-то лучше никогда не спрашивайте об этом философа, ибо он единственный, кто не знает, что такое мышление. Всем остальным это хорошо известно. Если вы, например, обратитесь к простому человеку со словами: «Да ты подумай своей головой!» — он прекрасно поймет, чего вы от него хотите. Не поймет один лишь философ. Мышление в своей простейшей форме сообщает нам о том, *что* есть данная вещь. Оно дает имя вещи, прилагает понятие, поскольку мышление означает восприятие и суждение. В немецкой психологии это называется апперцепцией[4].

Для обозначения третьей функции мы заимствуем из повседневного языка слово «чувство» (feeling). Когда я рассуждаю о чувстве, люди обычно приходят в замешательство — на их взгляд, я говорю нечто ужасное. Благодаря тональности чувства мы узнаем о *ценности* вещи. Например, чувство может показать, нравится ли вам данная вещь или нет. Иначе говоря, оно показывает, чего эта вещь для вас *стоит*. Без определенной чувственной реакции невозможно воспринять ни одного явления. У вас всегда есть определенный чувственный настрой, который можно даже обнаружить экспериментальным путем. А сейчас вы услышите о чувствах нечто «ужасное»: чувство, как и мышление, является рациональной функцией. Все мыслящие люди абсолютно убеждены в том, что чувство отнюдь не рациональная функция, но как раз напротив — самая иррациональная. Мой совет: не спешите с выводами — поймите, человек не может быть одинаково совершенным во всех отношениях. Если, например, у человека блестяще развито мышление, о его чувствах подобного не скажешь — невозможно делать два дела одновременно; одно мешает другому. Чувство и мышление мешают друг другу. Поэтому если вы намерены мыслить по-научному или по-философски бесстрастно, то придется отказаться от чувственной шкалы ценностей. Здесь вас не должны заботить чувства, иначе вам, чего доброго, начнет казаться, что

---

[1] См.: *Юнг К.Г.* Психологические типы. Опр. 47.

[2] Досл.: «функция реальности» (*франц.*). — *Ред. источника.*

[3] См.: *Юнг К.Г.* Психологические типы. Опр. 53.

[4] См.: Там же. Опр. 5.

размышлять о свободе воли значительно важнее, нежели, к примеру, заниматься классификацией вшей. С точки зрения чувства объекты различаются не только *фактически*, но и *ценностно*. Ценности — неважная подпорка для интеллекта, но все же они существуют и более того — являются важной психологической функцией. Для того, чтобы получить целостную картину мира, необходимо учитывать ценностный аспект. В противном случае вы попадете в беду. Многим людям чувства кажутся иррациональными потому, что они отождествляют их с безрассудством. Поэтому каждый, особенно здесь, в Англии, убежден, что следует контролировать свои чувства. Я вполне допускаю, что это — полезная привычка, меня вообще восхищает эта способность англичан. Однако от чувств никуда не денешься: я, например, видел людей, превосходно контролировавших свои чувства, и, тем не менее, далеко не безмятежных.

И наконец, о четвертой функции. Ощущение говорит нам о том, что вещь *есть*; мышление — о том, *что* это за вещь, чувство — о том, какова *ценность* этой вещи для нас. Чего тут недостает? Можно было бы думать, что для создания целостной картины мира достаточно знать о том, что нечто *есть*, о том, *что* есть это нечто, и о том, чего оно *стоит*. Однако существует еще одна категория — время. Вещи имеют прошлое и будущее. Они откуда-то приходят и куда-то уходят, и вы не знаете, откуда и куда они идут, но у вас есть то, что американцы называют чутьем (hunch). Если, скажем, вы торгуете живописью и антиквариатом, чутье подсказывает вам, что перед вами шедевр, написанный превосходным мастером приблизительно в 1720 г. Или такой пример — вы не знаете, какова будет цена данных акций через некоторое время, но чувствуете, что она возрастет. Это называется *интуицией*: нечто вроде предвосхищения. Бывает так, что вы не знаете, что происходит с пациентом, но у вас, как мы говорим в таких случаях, «есть идея» или «есть ощущение» (повседневный язык пока не выработал достаточно подходящих терминов для этого). Правда, в английском языке все больше употребимо (причем весьма удачно) слово «интуиция», в то время как во многих других языках подобного слова пока нет. Немцы не могут даже лингвистически различить ощущение и чувство. Во французском же языке они различимы; по-французски вы, пожалуй, не сможете сказать, что у вас есть определенное «sentiment dans l'estomac»[5], а скажете: «sensation»[6].

В английском языке есть два разных слова для обозначения *ощущения* (sensation) и *чувства* (feeling), но зато вы легко можете перепутать чувство с *интуицией*. Вследствие этого проводимое мною различение может показаться вам натянутым, но, смею вас заверить, с точки зрения научной практики оно является чрезвычайно важным. Мы обязательно должны определять, что имеем в виду, когда употребляем тот или иной термин, иначе мы будет говорить на непонятном языке; и психология особенно страдает от этого. Когда в повседневной жизни человек говорит о «чувствах», возможно, порой он подразумевает нечто

[5] Досл.: «чувство в животе». — *Ред. источника.*

[6] Досл.: «ощущение». — *Ред. источника.*

совсем иное, чем кто-то другой, говорящий о «чувствах». Некоторые психологи, пользующиеся понятием чувства, определяют его как расстройство мыслей. «Чувство есть не что иное, как незавершенная мысль», — таково определение, принадлежащее одному хорошо известному психологу. Однако чувство подлинно, реально, это некая функция, и посему ему соответствует определенное слово. Сознание всегда инстинктивно находит слова для обозначения реально существующих вещей. Лишь психологи изобретают наименования для несуществующих вещей.

Последняя функция — интуиция — представляется весьма таинственной. Про меня самого, как известно, говорят, что я «большой мистик». Да, из таких вещей и состоит мой мистицизм! Интуиция — это функция, с помощью которой можно видеть то, что происходит «за углом», что, собственно говоря, невозможно; но кто-то как будто делает это за вас, и вы ему доверяете. Если жить обычной жизнью в своих четырех стенах, делать рутинную повседневную работу, то интуиция может и не понадобиться. Но оказавшись на бирже или, скажем, где-нибудь в Центральной Африке, вы, наряду со всем другим, вынуждены полагаться на свое чутье. Вы, конечно же, будете не в силах точно рассчитать, кто вас там поджидает в зарослях, т.е. там «за углом», — тигр или носорог, — однако у вас возникает предчувствие, которое, быть может, спасет вам жизнь. Поэтому люди, живущие в естественных условиях, активно пользуются интуицией; точно так же интуиция необходима разного рода первопроходцам, с риском для жизни отправляющимся в неведомые дали. Не обойтись без нее изобретателям и судьям. И, оказавшись в неожиданной ситуации, не имея устоявшихся понятий и ценностей, вы тоже будете вынуждены положиться на свой интуитивный дар.

Хоть я и старался как можно обстоятельнее описать эту функцию, мне это, кажется, не удалось. Итак, я утверждаю, что интуиция является особым типом восприятия, идущим не прямо от ощущения, а от бессознательного, — и дальше этого не иду, отдавая себе отчет в том, что «не знаю, как она работает». Мне не известно, что происходит, когда человек знает то, чего он, в принципе, знать не может. Мне не известно, как у него это получается, но факт остается фактом — он знает и может использовать это знание. Существуют пророческие сны, телепатические феномены и много других проявлений интуиции. Я был свидетелем многих явлений подобного рода и убежден в подлинности их существования. Они наблюдаются у примитивных народов. Обнаружить их можно где угодно, принимая во внимание подсознательное восприятие, например, когда ощущение столь слабо, что сознание просто не может его уловить. В случае криптомнезии, например, в один прекрасный момент из мрака бессознательного в сознание внезапно вторгается и не дает покоя какое-то слово. Немцы называют это Einfall, т.е. нечто такое, что свалилось на голову неведомо откуда. Порой это похоже на откровение. На самом деле интуиция вполне естественна, это совершенно нормальное явление. Она необходима для того,

чтобы воссоздать ту реальность, которую мы не способны ни почувствовать, ни помыслить, ни ощутить. Относительно прошлого и будущего можно сказать, что первое уже не реально, а второе еще не реально. Поэтому мы должны быть благодарны небесам за то, что имеем такую функцию, которая проливает свет на то, что скрывается «за углом». Врачам, которых профессиональный долг нередко ставит перед совсем неожиданной ситуацией, тоже никак не обойтись без интуиции. Своим верным диагнозом мы нередко бываем обязаны этой «мистической» функции.

Обычно психологические функции контролируются волей, по крайней мере, нам хотелось бы, чтобы это было так, поскольку нас страшит все, что совершается произвольно. Если функции под контролем, их можно подавлять, подвергать отбору, усиливать, исходя из своих намерений или интенций, как это принято называть. Однако порой они все же выходят из-под контроля — думают за нас, чувствуют за нас, — да так, что чаще всего мы ничего не можем с этим поделать. Или же они вообще действуют на бессознательном уровне, а вы не подозреваете, что они натворили, хотя не исключено, что когда-нибудь вы еще столкнетесь с плодами этих бессознательных переживаний. Когда-нибудь вам скажут, что вы якобы были очень озлоблены или возмущены и потому, дескать, вели себя так-то и так. Вам, пожалуй, и невдомек, что вас обуревали все эти чувства, но тем не менее, скорее всего, так оно и было. Таким психологическим функциям, как чувство, присуща своя специфическая энергия. Вы не можете просто избавиться ни от чувства, ни от мысли, ни от какой бы то ни было другой из описанных функций. Никто не в состоянии сказать: «Я не буду думать», — ибо думать все равно придется. Точно так же никто не вправе сказать: «Я не буду испытывать чувства» — чувствовать так или иначе придется по той причине, что специфическая энергия, присущая в данном случае чувству, не может быть передана другой функции души.

Бесспорно, имеются приоритеты. Люди с развитым сознанием предпочитают думать, они приспосабливаются к реальности посредством мыслей. Другие — те, у кого лучше развита функция чувств, — весьма общительны и ценностно ориентированы; к тому же они подлинные артисты, создающие специфический чувственный настрой и в нем живущие. Люди с чутким восприятием внешней реальности опираются главным образом на свои ощущения. Под влиянием доминирующей функции складывается индивидуальный психологический тип. Если, например, человек пользуется преимущественно интеллектом, мы можем безошибочно судить о том, к какому типу он относится; отсюда же можно сделать вывод о состоянии его чувств. Когда мышление является высшей или доминирующей функцией, чувство неизбежно играет подчиненную роль[7]. Это правило верно и в отношении остальных трех функций. Чтобы вам стало все понятно, я приведу диаграмму.

---

[7] См.: *Юнг К.Г.* Психологические типы. Опр. 30.

Схематически это можно изобразить как своего рода скрещение функций (рис. 1). В центре находится *Эго* (Э) с присущей ему энергией, это — энергия воли. В случае мыслительного типа воля может быть направлена в сторону мышления (М). Подчиненную (или низшую) функцию — чувство (Ч) — мы помещаем строго под ним. Это проистекает из того факта, что, думая, мы должны исключить всякие чувства, и наоборот — чувства исключают мышление. Если вы думаете, забудьте о чувствах и ценностях, ибо больше всего наше мышление страдает от чувств. И наоборот, те, кто руководствуется чувствами, пренебрегают разумными доводами, что вполне понятно: эти функции противоречат друг другу. Порой люди уверяют меня, что у них одинаково развиты как мышление, так и чувство, но я не считаю это возможным: ни у одного человека противоположные функции не могут быть одинаково совершенными.

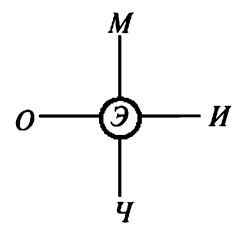


Рис. 1. Функции

То же самое происходит в случае с парой *ощущение* (О) — *интуиция* (И). Каково их взаимодействие? Невозможно воспринимать физические факты и одновременно «заглядывать за угол». Наблюдая за человеком в момент действия функции ощущения, вы можете увидеть, что зрачки его глаз сужены, взгляд сосредоточен на определенной точке. Наблюдая же за выражением лица и глазами человека интуитивного типа, вы обнаружите, что взгляд его, рассеянный подобно лучам света, скользит по поверхности вещей, ни на чем не сосредоточиваясь, чтоб охватить все вокруг в его полноте, и среди множества воспринимаемых вещей где-то на периферии своего поля зрения человек замечает нечто; это и есть *чутье*. Часто уже по глазам можно определить, принадлежит человек к интуитивному типу или нет. Человек интуитивного склада обычно пренебрегает деталями. Он всегда пытается охватить ситуацию целиком, и тогда что-то неожиданно обнаруживает себя, вырываясь из этой целостности. Если же вы принадлежите к сенсорному типу, вы воспринимаете факты такими, каковы они есть, но при этом у вас уже нет никаких интуиций, хотя бы потому, что невозможно делать два дела одновременно. Действие одной функции исключает действие другой. Поэтому я расположил их друг напротив друга.

Благодаря этой простой схеме можно сделать множество важных заключений относительно структуры сознания конкретного индивида. Если, например, его мышление высоко дифференцировано, то чувства обязательно будут недифференцированными. Не означает ли это, что у людей такого типа вообще

нет чувств? Напротив, они говорят, что их чувства очень сильны, что они буквально переполнены эмоциями. Действительно, эти люди находятся под влиянием собственных эмоций, чувства буквально захлестывают их. Весьма показательным с этой точки зрения было бы, например, изучение частной жизни какого-нибудь профессора. Если вы хотите узнать, как интеллектуал ведет себя дома, спросите об этом его жену, и, уверяю вас, услышите пренеожиданнейший рассказ.

У человека с доминантой функции чувств все наоборот. В нормальном состоянии он не позволяет мыслям нарушать свой покой, но в случае каких-либо нарушений или невроза его начинают преследовать мысли; какая-то мысль становится навязчивой, и порой от нее уже невозможно избавиться. Обычно это — славный малый, но с нелепыми фантазиями и с невысоким уровнем мышления. Им овладевают мысли, опутывая его; он не в силах освободиться, поскольку рассуждения ему не даются в силу неповоротливости его ума. Но и какой-нибудь интеллектуал, когда им владеют чувства, мог бы сказать: «С моими чувствами — то же самое», и против этого любые аргументы бессильны. Ему нет спасения, пока он, образно говоря, полностью не перекипит в своих эмоциях. Такого человека невозможно урезонить в его чувствах, а если б и можно было, для него это обернулось бы ущербностью.

Аналогично дело обстоит с сенсорным и интуитивным типами. Люди интуитивного склада всегда не в ладу с реальностью: реальные жизненные возможности всегда проходят мимо них. Это люди, которые едва засеяв одно поле и не дождавшись урожая, уже спешат засевать другое. Они все время пашут и пашут и никак не могут остановиться — на горизонте все время появляются новые возможности, ни одна из которых, в конечном счете, не реализуется. Напротив, сенсорный тип пребывает в согласии с вещами, он всегда остается в пределах налично данного. Для него истинны лишь реальные вещи. А что значит реальность для интуитивного типа? Это что-то неистинное; этого быть не должно — должно быть нечто совсем иное. У сенсорного типа все по-другому: утрата ощущения реальности ввергает его в уныние; ему жизненно необходимо ощущение окружающих его четырех стен. Однако заприте в этих четырех стенах представителя интуитивного типа, и его единственным желанием будет поскорее вырваться оттуда, ибо для него конкретная ситуация — это самая настоящая темница, за стенами которой открывается мир новых возможностей.

Это различие играет огромную роль в практической психологии. Не думайте, однако, что я просто распределяю людей по рубрикам: это «интуитивный тип», а это — «мыслительный». Меня часто спрашивают: «Не является ли такой-то представителем мыслительного типа?» Я отвечаю, что никогда не думал об этом. Нет нужды раскладывать всех и вся по полочкам, навешивая соответствующие ярлыки. Но для классификации обильного эмпирического материала определенные критерии, которые привносят порядок, все же совершенно необходимы. Надеюсь, я не преувеличиваю их значение, но для меня это упорядочение опыта весьма важно, особенно если имеешь дело с человеком, обеспокоенным чем-

то, расстроенным, или же когда необходимо объяснить его поведение кому-то другому. Так, например, чтоб объяснить поведение жены ее мужу (или наоборот), никак не обойтись без подобных объективных критериев, иначе все ваши разъяснения останутся на уровне «он сказал — она сказала».

Как правило, подчиненная функция не обладает теми качествами, которые присущи сознательной дифференцированной функции. Последняя обычно управляется интенцией и волей. Если вы действительно относитесь к мыслительному типу, то можете сознательно управлять своим мышлением. Вы контролируете ход мысли, думаете о чем вам угодно, и, уж во всяком случае, вы не являетесь рабом своих мыслей. Человеку этого типа легко сказать: «Я могу думать и по-другому, даже противоположным образом». Люди с доминирующей функцией чувств на это не способны — им не дано распоряжаться собственными мыслями. Мысли распоряжаются ими. Зачарованные мыслью, люди этого типа трепещут перед этой грозной силой. Мыслительный же тип опасается быть охваченным порывом чувств, ибо его чувства носят архаический характер. В области чувств он, подобно архаическому человеку, лишь беспомощная жертва собственных эмоций. Почему первобытный человек столь «вежлив» в общении со своими соплеменниками? Да потому, что ему хорошо известно, к каким непоправимым последствиям может привести пробуждение чувств. Этим объясняются и многие из наших обычаев. Например, в момент рукопожатия не принято держать руку в кармане или за спиной, чтоб было видно, что там не спрятано оружие. Восточное приветствие в виде поклона с протянутыми вперед ладонями означает: «В моих руках ничего нет». Кланяясь кому-то, вы опускаете голову к его ногам, и он видит, что вы абсолютно беззащитны и полностью ему доверяете. Изучая символику поведения примитивных народов, мы можем понять, что пугает человека в другом. Точно так же нас пугают наши собственные низшие функции. Если взять, к примеру, типичного интеллектуала, жутко боящегося влюбиться, его страх может показаться дурацким предрассудком. Но скорее всего он прав, поскольку, влюбившись, он непременно наделает массу глупостей. Для него это ловушка, ибо его чувства открыты только для женщин архаического типа — «опасных» женщин. Вот почему многие интеллектуалы склонны вступать в брак с женщинами, явно уступающими им в развитии. Обычно, вследствие рокового неведения относительно природы собственных чувств, они попадают во власть горничных и кухарок. Их страх и бездеятельность носят совершенно обоснованный характер: их интеллект неуязвим, но в области чувств они зависимы и управляемы. Их чувства легко обмануть, ими, в отличие от мыслей, можно манипулировать. И все это они сами прекрасно знают. Поэтому никогда не толкайте интеллектуала в омут чувств, ибо он должен держать эту опаснейшую для себя силу под неусыпным контролем.

Это правило распространяется на все функции. Подчиненная функция всегда соответствует архаической части нашей личности; в своей подчиненной функции мы всегда остаемся первобытными людьми. С другой стороны, мы ци-

вилизованны в своей дифференцированной функции. В пределах последней мы обладаем свободой воли, а в рамках подчиненной функции ни о какой свободе не может быть и речи. Это наша открытая рана, или, по крайней мере, открытая дверь, сквозь которую может проникнуть все что угодно.

Теперь переходим к эндопсихическим функциям сознания. Функции, о которых я уже рассказал, способствуют сознательной ориентации во внешнем мире, однако они неприменимы в отношении вещей, которые скрывает под собой *Эго*. *Эго* — всего лишь тонкая пленка сознания на поверхности целого океана таинственных процессов, происходящих внутри. Там внутри — тот слой психических феноменов, которые формируют сознательное обрамление *Эго*. Я проиллюстрирую эту мысль диаграммой (рис. 2).

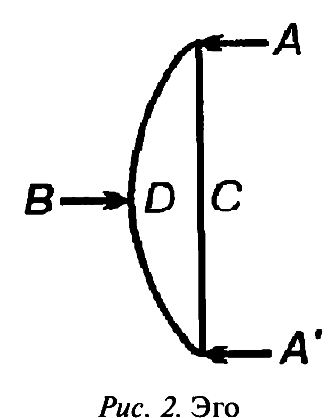


Рис. 2. Эго

Если предположить, что линия AA′ является порогом сознания, тогда в зоне D мы имеем ту часть сознания, которая относится к эктопсихическому миру B — миру, управляемому рассмотренными выше функциями. Но по другую сторону — в зоне C — находится *теневой мир*. Здесь *Эго* окутано тьмой, мы не можем в него заглянуть и сами для себя остаемся загадкой. Мы знаем *Эго* лишь в зоне D, но совершенно не знаем, каково оно в зоне C. По этой причине мы постоянно узнаем о себе что-то новое. Год за годом нам открывается нечто такое, чего мы раньше не знали. Нам всякий раз кажется, что вот теперь-то нашим открытиям наступил конец, но этого никогда не будет. Мы продолжаем обнаруживать в себе то одно, то другое, порой переживая потрясения. Это говорит о том, что всегда остается часть нашей личности, которая по-прежнему бессознательна, которая по-прежнему находится в становлении. Мы не завершенны; мы растем и изменяемся. Хотя та будущая личность, которой мы будем когда-то, уже присутствует в нас, просто она пока что скрывается в тени. *Эго* подобно бегущему кадру в фильме. Будущая личность еще не видна, но мы движемся вперед, где вот-вот начнут вырисовываться ее очертания. Таковы потенциалы темной стороны *Эго*. Мы знаем, какими мы были, но не знаем, какими станем!

Таким образом, ***первой*** эндопсихической функцией будет ***память***. Функция памяти (или репродукции) связывает нас с тем, что ушло из сознания, с

подсознательным, с тем, что вытесняется либо подавляется. Такую способность воспроизводить бессознательные содержания мы называем памятью. Это первая функция, которую мы можем ясно различить во взаимодействии сознания с теми содержаниями, что в данный момент находятся вне поля зрения.

Со *второй* эндопсихической функцией дело обстоит сложнее. Здесь мы погружаемся в глубокий мрак. Сперва я дам название: *субъективные компоненты сознательных функций*. Сейчас, я надеюсь, вы все поймете. Например, встретив человека, которого вы никогда раньше не видели, вы, естественно, что-то о нем подумаете. Но вы не всегда рискнете высказать это; вполне возможно, что ваше мнение неверно и ничего общего не имеет с этим человеком. Это как раз и есть субъективная реакция. Подобную реакцию вызывает та или иная вещь, либо ситуация в целом. Независимо от объекта, сознательная функция всегда сопровождается более или менее неадекватной субъективной реакцией. Нам до боли знакомы эти явления, но никому не хочется признавать себя настолько субъективным. Мы предпочитаем не думать об этом: уж слишком хочется считать себя абсолютно безупречным, вполне откровенным, честным и прямодушным, ну разве что «слишком мягким» — да вы не хуже меня знаете все эти фразы. Однако на самом-то деле все не так. У каждого бывают какие-то субъективные реакции, просто в этом неловко признаться. Я называю эти реакции субъективными компонентами. Они составляют один из важнейших элементов наших взаимоотношений с собственным внутренним миром. Здесь мы становимся болезненно чувствительными. Мы боимся проникновения в этот теневой мир *Эго*. Нам неприятно видеть свою оборотную сторону, и в силу этого в нашем цивилизованном обществе можно встретить немало людей, начисто лишенных тени, навсегда утративших связь с нею. Это двухмерные люди, лишенные третьего измерения — телесности. Тело — наш самый ненадежный компаньон, постоянно преподносящий нам неприятные сюрпризы; о многих связанных с ним вещах не принято даже упоминать. Тело чаще всего выступает воплощением теневой стороны *Эго*. Порой это принимает форму личной или же семейной тайны, от которой, естественно, всякий жаждет избавиться. Думаю, что теперь более или менее понятно, что я подразумеваю под субъективными компонентами. Это свойственная нам склонность реагировать определенным образом, причем далеко не всегда признаваемая.

Из этого правила есть одно исключение: люди, которые, в отличие от большинства из нас, живут «на оборотной стороне». У нас в Швейцарии таких людей называют «злосчастными птичками», *Pechvogel*[8]. Вечно у них неприятности, во всем у них разлад. Причина всех их злоключений в том, что они живут *тенью*, поставив под сомнение самого себя. В очередной раз опоздав на концерт или на лекцию, такой человек, боясь кого-то побеспокоить, пытается бесшумно войти в зал хотя бы в самом конце, но обязательно задевает при этом стул, вызывая

[8] Неудачник (нем. идиома). — *Ред. источника.*

ужасный шум и, естественно, привлекая к себе всеобщее внимание. Таков уж он, этот Pechvogel.

Теперь займемся третьим эндопсихическим компонентом (функцией его не назовешь). В случае с памятью мы еще можем говорить о функции, хотя на самом деле и память лишь в известной степени является функцией, подвластной волевому или сознательному контролю. Часто она преподносит нам сюрпризы, подобно строптивому коню, которого нелегко оседлать. Нередко она отказывает самым нелепым образом. В еще большей мере сказанное относится к субъективным компонентам и реакциям. Но совсем неважно обстоит дело с *эмоциями* и *аффектами*. Это, очевидно, уже не функции, а события: при эмоциях нас буквально заносит, ваше послушное приличиям *Эго* устраняется, и ваше место занимает некто иной. В таких случаях мы говорим: «он вне себя», «бес попутал» или «что на него нашло?», ибо такой человек выглядит одержимым. У примитивных народов нет таких выражений, как: «он безмерно зол»; вместо этого говорят, что в человека «вселился демон и все в нем перевернул». Нечто подобное происходит с эмоциями; человек становится одержимым, он уже сам не свой, контроль над собой снижается до нулевой отметки. Это состояние, при котором человеком овладевает то, что у него внутри, и он не в силах ему противостоять. Он может сжать кулаки, сцепить зубы, но, тем не менее, он уже не принадлежит себе.

Четвертый эндопсихический фактор я называю *инвазией* (invasion)[9]. Здесь безраздельно господствует теневая, бессознательная сторона психики, способная влиять и на сознательные процессы. Сознательный контроль в этом случае достигает своего нижнего предела. Однако совершенно не обязательно относить такие состояния к разряду патологических. Они являются таковыми лишь в старом смысле слова, когда патологией[10] называли науку о страстях. В этом смысле их действительно можно назвать патологическими, но по сути это просто экстраординарные состояния, в которых от охваченного бессознательным здорового человека можно ожидать чего угодно. Разум ведь можно терять и более или менее нормальным образом. Например, мы не вправе считать некоторые хорошо знакомые нашим предкам состояния патологическими по той причине, что они не устраивают нас. С их точки зрения, они были совершенно нормальными. Они думали, что в таких случаях в человека вселяется дьявол или злой дух, или же наоборот — из него уходит душа (точнее, одна из его душ, число которых может доходить до шести). Расставаясь с душой, человек становится совсем другим, он как бы теряет себя. Подобные вещи часто происходят с невротиками. Время от времени или в четко определенные дни их внезапно покидают силы, они просто не владеют собой, пребывая под необъяснимым воздействием. Сами по себе такие процессы не являются патологическими; они принадлежат к нормальной феноменологии человека, однако когда они приобретают привыч-

[9] Вторжение, нашествие (англ.). — *Ред. источника.*

[10] От греч. *pathos* – страсть. — *Ред. источника.*

ный и повторяющийся характер, это вполне справедливо называется неврозом. Именно это ведет к неврозу; с нормальными же людьми такое бывает лишь в исключительных случаях. Быть охваченным эмоциями — еще не патология, а просто нежелательное состояние. Нет смысла называть патологией то, что по той или иной причине для нас нежелательно. На свете есть много всяких неприятных вещей — взять хотя бы налоги, — которые только за это еще нельзя считать патологией. <...>

Я намереваюсь завершить рассмотрение структуры человеческой души. Обсуждение данной проблемы было бы неполным без учета существования бессознательных процессов. <...> Нам не дано иметь дело с самими бессознательными процессами — они недосягаемы. Их невозможно постичь непосредственно, ибо они являются нам лишь в своих продуктах; исходя из своеобразия последних, мы постулируем необходимость наличия чего-то такого, что стоит за ними и из чего они возникают. Эту темную сферу мы называем бессознательной psyche[11]. <...>

Теперь я бы суммировал вышесказанное; для этого я воспользуюсь диаграммой (рис. 3). Она кажется очень сложной, но на самом деле крайне проста. Представим себе ментальную сферу в виде светящегося шара. Поверхность, от которой исходит свет, — функция, играющая ведущую роль в процессе приспособления. Если вы адаптируетесь главным образом с помощью мышления, оно и образует такую поверхность: вы постигаете вещи своим мышлением, его же вы демонстрируете окружающим. Если вы относитесь к иному типу, то соответственно на поверхность выходит иная функция[12].

---

[11] С переводом термина «psyche» (в английском и немецком языках его написание идентично) в отечественном юнговедении царит путаница. Имеются следующие варианты его передачи на русском языке: псюхе (В. Бакусев), психея (С. Аверинцев), психе (Е. Мелетинский), психика (А. Руткевич). Ситуацию усложняет также и тот факт, что С.С. Аверинцев в одних местах переводит «psyche» как «психею», а в других – как «душу» (см. его перевод фрагмента из работы Юнга «К пониманию психологии архетипа младенца» в сб. «Самосознание европейской культуры XX века». М., 1991 С.119–124). Ему же принадлежит и попытка разобраться со значением данного понятия. «Психея» (Psyche), – пишет он в примечаниях к упомянутой работе (там же, с. 126), – в словоупотреблении Юнга особый термин, не тождественный термину «душа», хотя этимологически он представляет собой латинское транскрибирование греческого psykhe – душа. По Юнгу, душа есть «ограниченный функциональный комплекс», строго организованный вокруг *Я*; психея же вмещает в себя полноту всех психических процессов, регистрируемых при наблюдении данного индивида, включая проявления коллективного бессознательного и вообще все эти прорывы внеличной стихии в его личность. Поэтому душа – часть, психея – целое». Как ни привлекателен выход, предложенный С.С. Аверинцевым, воспользоваться им нам не представляется возможным: во-первых, контекст, в котором слово «psyche» появляется в «Тэвистокских лекциях», не так однозначен, а во-вторых, аверинцевский вариант перевода (психея) носит несколько искусственный характер. То же самое можно сказать о словах «псюхе» и «психе». С другой стороны, переводя «psyche» как «психику» или «душу», мы бы пошли наперекор самому Юнгу, видимо, не случайно использовавшему помимо привычных «mentality», «mind», «soul» еще и «psyche». См. также комментарий в кн.: *Юнг К.Г.* Психология и алхимия. К.; М.: Рефл-бук; Ваклер, 1997. С. 476 (прим. 2). — *Ред. источника.*

[12] Относительно общего определения типов и функций см.: *Юнг К.Г.* Психологические типы. Вып. 7. Гл. 10.

Рис. 3. Psyche

На диаграмме роль периферийной функции отведена *ощущениям*. Благодаря им человек получает информацию о мире внешних объектов. Во втором круге находится *мышление*, с его помощью человек прислушивается к тому, что говорят ощущения, а затем дает вещам наименования. По поводу этих вещей возникают *чувства*; чувственный настрой сопровождает всякое человеческое наблюдение. И наконец, человек делает ряд предположений относительно того, откуда появляются эти вещи, куда они устремлены и каковы их возможности. Это *интуиция*, с помощью которой можно «заглянуть за угол». Эти четыре функции составляют эктопсихическую систему.

Следующая сфера, выделенная на диаграмме, представляет сознательный *Эго*-комплекс, с которым соотносятся все функции. В рамках эндопсихики мы, в первую очередь, отметим *память* — функцию, которая еще поддается контролю со стороны воли; она контролируема *Эго*-комплексом. Затем мы встречаем *субъективные компоненты функций*. Ими уже невозможно управлять в полном смысле слова, но посредством волевого усилия их можно хотя бы подавить, вытеснить, или, наоборот, интенсифицировать. Они значительно слабее контролируются, нежели память, хотя и память, как известно, тоже крепкий орешек. После этого мы переходим к *аффектам* и *инвазиям*, которые контролируются только с помощью жесткого силового нажима. Единственное, что с ними можно сделать, это подавить. Они могут превосходить по мощи наш *Эго*-комплекс, и тогда остается лишь стиснуть зубы, чтоб не взорваться.

На самом деле система психики, конечно же, не может быть исчерпывающе выражена с помощью такой простой диаграммы. Последняя скорее может служить шкалой значений, демонстрирующей постепенное снижение энергии или интенсивности *Эго*-комплекса (проявляющейся в волевом усилии) по мере приближения к покрытым мраком глубинам этой целостной структуры — *бессознательному*. Первым идет индивидуальный подсознательный слой. Индивидуальное *бессознательное* — это та часть psyche, где находится материал, который с таким же успехом мог бы находиться и в сознании. Вы знаете, что множество явлений называют бессознательными, однако такие утверждения весьма относительны. Именно в этой сфере нет ничего такого, что непременно должно быть бессознательным для каждого. Есть такие люди, которые осознают практически все из того, что в принципе можно осознать. Далее, есть множество содержаний, которые в нашей цивилизации являются бессознательными, но, если обратиться к другим расам, обнаружится, что, например, в Индии или в Китае люди отдают себе отчет в таких вещах, до которых в наших странах психоаналитикам приходится докапываться месяцами. Более того, простой человек, живущий в естественных условиях, нередко осознает то, о чем городской человек понятия не имеет, и даже во сне начинает видеть только под воздействием психоанализа. Я заметил это еще в школе. Живя в деревне, среди крестьян и животных, я прекрасно осознавал множество таких вещей, о которых городские мальчики даже не догадывались. Мне попросту повезло, и я был свободен от предубеждений. Анализируя сны, симптомы или фантазии как невротиков, так и нормальных людей, вы переступаете искусственный порог и начинаете постигать бессознательное. Индивидуальное бессознательное на самом деле весьма относительно, сфера его действия может быть ограничена, сужена практически до нуля. Вполне можно предположить, что человек в состоянии развить свое сознание до такой степени, что он сможет сказать: Nihil humanum a me alienum puto[13].

И наконец, мы подходим к самому ядру системы, к тому, что вообще не может быть осознано, — к сфере архетипического. Его предполагаемые содержания появляются в форме образов, которые можно понять, лишь сопоставляя их с историческими параллелями. Если у вас в распоряжении не будет параллелей, вы не сможете интегрировать эти содержания в сознание, и они останутся в состоянии проекции. Содержания коллективного бессознательного не могут быть объектом произвольного намерения, они не подвластны контролю со стороны воли. Ведут они себя так, словно находятся вовсе вне вас — вы замечаете их в ваших соседях, но только не в себе. Когда содержания коллективного бессознательного активизируются, мы начинаем обнаруживать нечто определенное в окружающих людях. К примеру, мы начинаем считать, что Италии угрожают злобные абиссинцы. Совсем как в известном рассказе Анатоля Франса. Два крестьянина вечно дрались друг с другом, и нашелся третий, которому захотелось

[13] Homo sum; humani nil a me alienum puto. — Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо (лат.). (*Terence*. Heauton Timorumenos. 1.1.25.)

узнать, в чем дело; одного из них он спросил: «Почему ты так ненавидишь своего соседа и вечно дерешься с ним?» — и тот ответил: «Mais il est l'autre cote de la riviere!»[14] Точь-в-точь как Франция и Германия. Мы, швейцарцы, во время Мировой войны, как вам известно, имели возможность читать газеты и наблюдать, как этот специфический механизм, подобно артиллерийским залпам, срабатывал то на одном, то на другом берегу Рейна. Было совершенно ясно, что люди видят в своих соседях то, чего в самих себе не осознают.

Как правило, результатом констелляции коллективного бессознательного в большой социальной группе является коллективное помешательство — духовная эпидемия, которая может привести к революции, войне или чему-то подобному. Такого рода движения исключительно заразительны и практически непреодолимы, ибо в моменты активизации коллективного бессознательного вы больше не принадлежите себе. Вы не просто *участвуете в движении*, вы сами и *составляете это движение*. Если бы вы жили в Германии или оказались там на какое-то время, все ваши попытки защититься оказались бы тщетны. Эта инфекция проникает под кожу. Вы человек, и где бы вы ни были, оградить себя можно только ценой сужения своего сознания и как можно большего опустошения и бездушности. Но тогда вы теряете свою душу, превращаясь в сгусток сознания, скользящего по поверхности, не погружаясь в море жизни и не принимая в ней никакого участия. Оставаясь же самим собой, вы заметите, что коллективная атмосфера проникла к вам под кожу. Невозможно жить в Африке или любой другой экзотической стране и не проникнуться ее атмосферой. Если вы живете в окружении желтых людей, вы «пожелтеете» изнутри, из-под кожи. Это невозможно предотвратить, ведь в чем-то вы точно такие же человеческие существа, как негры, китайцы или кто-либо еще, в чьем окружении вы оказались. В коллективном бессознательном мы одинаковы с людьми иной расы, у вас и у них имеются одинаковые архетипы — точно так же, как и у вас, и у них имеются глаза, сердце, печень и т.д. Неважно, что у них кожа черного цвета. Несомненно, в определенной мере это важно — по сравнению с вами у них, вероятно, отсутствует целый исторический слой. Истории рас соответствуют разные пласты психики.

Если вы станете изучать расы, как изучал их я, то сможете сделать очень интересные открытия. Вы сделаете их, например, изучая североамериканцев. Внутри каждого американца, поскольку он живет на этой девственной почве, скрывается краснокожий индеец. И пусть даже он никогда не встречал ни одного краснокожего, пусть чернокожие отовсюду изгнаны и даже места в трамваях предназначены только для белых, чернокожий и индеец оба сосуществуют внутри американца, который сам, в силу этого, оказывается представителем отчасти цветной нации[15]. Подобные вещи совершенно бессознательны, и говорить о них можно лишь с наиболее просвещенными людьми. Это почти так же трудно, как

---

[14] «Да ведь он живет по другую сторону реки!» (франц.). — *Ред. источника.*

[15] См.: *Jung C.G.* Civilization in Transition // C.W. Vol. 10 (Pars. 94ff, 946ff).

рассказывать французам и немцам, почему они так враждебно настроены друг против друга.

Совсем недавно мне довелось провести замечательный вечер в Париже. Я был приглашен в круг весьма утонченных людей, и у нас состоялась очень оживленная беседа. Меня спросили о национальных различиях, и я, будучи уверен, что стою на надежной почве, сказал: «Вы цените la clarte latine, la clarte de l'espirit latin[16]. Это от того, что мышление у вас является подчиненным. Латинский мыслитель в целом уступает немецкому». Тут все явно навострили уши, а я продолжал: «Зато ваши чувства непревзойденны, они совершенно дифференцированы». — «Как это?» — спросили меня, и я ответил: «Ступайте в кафе, на водевиль, да куда угодно, где исполняются песни или пьесы — и вы столкнетесь с удивительным феноменом. Вначале вам предложат порцию гротескных или циничных пассажей, а затем внезапно произойдет что-то сентиментальное. Мать теряет ребенка, разбитая любовь или что-нибудь необыкновенно патриотическое — и вот вы уже должны прослезиться. Для вас сладкое и соленое непременно должны идти вместе. Немец может целый вечер есть одни только сладости. Француз же обязательно добавит туда немного соли. Вы встречаете человека и говорите: «Enchante de faire vorte eon-naissance»[17]. Но вам не обязательно быть при этом «enchante de faire sa connaissance», на самом деле вы можете чувствовать нечто вроде: «А не пошел бы ты к дьяволу!» И это не беспокоит ни вас, ни его. Однако не вздумайте говорить «Enchante de faire vorte connaissance» немцу, ибо он запросто в это поверит. Немец продаст вам пару подвязок для носков и ждет, что вы за это не просто заплатите (это само собой разумеется); он ждет, что вы его за это полюбите».

Для немецкой нации характерно то, что функция чувства играет подчиненную роль, у немцев она недифференцирована. Если вы скажете это немцу в лицо, он обидится. Я тоже обижусь. Немец слишком привязан к тому, что он называет Gemutlichkeit[18]. Полная дыма комната, в которой все друг друга любят, — это и есть gemutlich, и этого нельзя касаться. Здесь все должно оставаться совершенно ясным — одна нота, и ничего больше. Это и есть la clarte germanique du sentiment[19] — подчиненная функция. С другой стороны, какая-нибудь парадоксальная фраза французу может показаться обидной, поскольку в ней отсутствует ясность.

---

[16] «...латинскую ясность, ясность латинского духа» (франц.). — *Ред. источника.*

[17] «Счастлив с вами познакомиться» (франц.). — *Ред. источника.*

[18] Добродушие (*нем.*). — *Ред. источника.*

[19] Немецкая ясность чувства (*франц.*). — *Ред. источника.*

Личность и общение в транзактном анализе

Э. Берн

Анализ игр*

Структурный анализ

Наблюдения за спонтанной социальной деятельностью, которые лучше всего проводить в специальных психотерапевтических группах, обнаруживают, что время от времени разные аспекты поведения людей (позы, голос, точки зрения, разговорный словарь и т.п.) заметно меняются. Поведенческие изменения обычно сопровождаются эмоциональными. У каждого человека некий набор поведенческих схем соотносится с определенным состоянием его сознания. А с другим психическим состоянием, часто несовместимым с первым, бывает связан уже другой набор схем. Эти различия и изменения приводят нас к мысли о существовании различных состояний Я.

На языке психологии состояние *Я* можно описывать как систему чувств, определяя ее как набор согласованных поведенческих схем. По-видимому, каждый человек располагает определенным, чаще всего ограниченным репертуаром состояний своего *Я*, которые суть не роли, а психологическая реальность. Репертуар этих состояний мы попытались разбить на следующие категории: 1) состояния *Я*, сходные с образами родителей; 2) состояния *Я*, автономно направленные на объективную оценку реальности; 3) состояния *Я*, все еще действующие с момента их фиксации в раннем детстве и представляющие собой архаические пережитки. Неформально проявления этих состояний *Я* называются Родитель, Взрослый и Ребенок. В дальнейшем мы будем использовать именно эту терминологию.

Мы считаем, что человек в социальной группе в каждый момент времени обнаруживает одно из состояний *Я* — Родителя, Взрослого или Ребенка. Люди с разной степенью готовности могут переходить из одного состояния в другое.

На основе этих наблюдений можно прийти к некоторым диагностическим выводам. Высказывание «Это ваш Родитель» означает: «Вы сейчас рассуждаете

---

* *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: Прогресс, 1988. С. 16–25, 37–46.

так же, как обычно рассуждал один из ваших родителей (или тот, кто его заменял). Вы реагируете так, как прореагировал бы он — теми же позами, жестами, словами, чувствами и т.д.». Слова «Это ваш Взрослый» означают: «Вы только что самостоятельно и объективно оценили ситуацию и теперь в непредвзятой манере излагаете ход ваших размышлений, формулируете свои проблемы и выводы, к которым Вы пришли». Выражение «Это ваш Ребенок» означает: «Вы реагируете так же и с той же целью, как это сделал бы маленький ребенок». Смысл этих высказываний можно пояснить подробнее.

1. У каждого человека были родители (или те, кто их заменял), и он хранит в себе набор состояний *Я*, повторяющих состояния *Я* его родителей (как он их воспринимал). Эти родительские состояния *Я* при некоторых обстоятельствах начинают активизироваться. Следовательно, упрощая это понятие, можно сказать: «Каждый носит в себе Родителя».

2. Все люди (не исключая детей) способны на объективную переработку информации при условии, что активизированы соответствующие состояния их *Я*. На обыденном языке это звучит так: «В каждом человеке есть Взрослый».

3. Любой человек был раньше моложе, чем сейчас, поэтому он несет в себе впечатления прежних лет, которые при определенных условиях могут активизироваться. Можно сказать, что «каждый таит в себе маленького мальчика или девочку».

Здесь нам хотелось бы поместить структурную диаграмму (схема 1а), отражающую все компоненты личности, выявленные на данном этапе анализа. Диаграмма включает состояния Родителя, Взрослого и Ребенка. Они четко отделены друг от друга. Неопытный наблюдатель может и не заметить их отличий, но человеку, взявшему на себя труд изучения структурной диагностики, отличия вскоре покажутся весьма впечатляющими и содержательными.

Из соображений удобства мы будем впредь называть конкретных людей родителями, взрослыми или детьми (со строчной буквы). В тех же случаях, ког-

Схема 1. Структурная диаграмма

да будем говорить о состояниях *Я*, то те же слова будут написаны с заглавной буквы: Родитель (Р), Взрослый (В), Ребенок (Ре). На схеме 1б дан упрощенный вид структурной диаграммы. Считаем необходимым упомянуть о некоторых особенностях используемой нами терминологии.

1. Мы никогда не употребляем слово «ребяческий», так как это понятие содержит негативный оттенок, поэтому от него следует избавляться.

Описывая Ребенка, мы будем употреблять слово «детский». Оно звучит более объективно и может быть использовано в биологическом смысле. Во многих отношениях Ребенок — одна из наиболее ценных составляющих личности, так как вносит в жизнь человека то, что настоящий ребенок вносит в семейную жизнь: радость, творчество и очарование.

Если Ребенок нездоров и беспокоен, то последствия могут быть самыми неблагоприятными. Однако определенные меры для улучшения ситуации могут и должны быть приняты.

2. Все вышесказанное касается и слов «зрелый» и «незрелый». Мы не считаем, что существуют так называемые «незрелые личности». Есть люди, в которых Ребенок совершенно некстати и неумело берет на себя управление всей личностью, но в тоже время у них есть и хорошо структурированный Взрослый, которого нужно только обнаружить и привести в действие. У так называемых «зрелых людей», наоборот, контроль за поведением почти все время осуществляет Взрослый, но и у них, как и у всех остальных, Ребенок может прорваться к власти, и тогда появляются обескураживающие результаты.

3. Следует отметить, что Родитель может проявляться двояким образом — прямо или косвенно: как активное состояние *Я* или как влияние Родителя. В первом, активном, случае человек реагирует так, как реагировали в подобных случаях его отец или мать («Делай, как я»). Если же речь идет о косвенном влиянии, то обычно реакция человека бывает такой, какой от него ждали («Не делай, как я; делай то, что я говорю»). В первом случае он подражает одному из родителей, во втором — приспосабливается к их требованиям.

4. Ребенок тоже может проявлять себя двумя способами: как приспособившийся Ребенок и как естественный Ребенок. Приспособившийся Ребенок изменяет свое поведение под влиянием Родителя. Он ведет себя так, как этого хотели бы отец или мать: например, очень зависимо от них или не по годам самостоятельно. Нытье или «уход в себя» — это тоже способы адаптации. Таким образом, влияние Родителя выступает как причина, а приспособившийся Ребенок — как следствие. В то же время естественный Ребенок проявляет себя в спонтанном поведении: например, в непослушании, бунте или в проявлении творческого порыва.

Состояния *Я* — это нормальные физиологические феномены. Человеческий мозг организует психическую жизнь, а продукты его деятельности упорядочиваются и хранятся в виде состояний *Я*. Некоторые работы американских ученых содержат конкретные факты, подтверждающие эту точку зрения. На раз-

ных уровнях существуют и другие упорядочивающие системы, такие, например, как память на факты. Однако естественным образом опыт запечатлевается в меняющихся состояниях сознания. Каждый тип состояний по-своему жизненно важен для человеческого организма.

Ребенок — это источник интуиции, творчества, спонтанных побуждений и радости.

Состояние «Взрослый» необходимо для жизни. Человек перерабатывает информацию и вычисляет вероятности, которые нужно знать, чтобы эффективно взаимодействовать с окружающим миром. Ему знакомы собственные неудачи и удовольствия. Например, при переходе улицы с сильным движением необходимо произвести сложные оценки скоростей. Человек начинает действовать только тогда, когда оценит степень безопасности перехода улицы. Удовольствия, которые люди испытывают в результате такого рода успешных оценок, на наш взгляд, объясняют любовь к таким видам спорта, как горные лыжи, авиационный и парусный спорт.

Взрослый контролирует действия Родителя и Ребенка, является посредником между ними.

Родитель осуществляет две основные функции. Во-первых, благодаря этому состоянию человек может эффективно играть роль родителя своих детей, обеспечивая тем самым выживание человеческого рода. Важность этой функции подчеркивается тем фактом, что люди, оставшиеся сиротами в раннем детстве, испытывают гораздо большие трудности при воспитании собственных детей, чем те, которые росли в полных семьях вплоть до подросткового возраста. Во-вторых, благодаря Родителю многие наши реакции давно стали автоматическими, что помогает сберечь массу времени и энергии. Люди многое делают только потому, что «так принято делать». Это освобождает Взрослого от необходимости принимать множество тривиальных решений, благодаря чему человек может посвятить себя решению более важных жизненных проблем, оставляя обыденные вопросы на усмотрение Родителя.

Следовательно, все три аспекта личности чрезвычайно важны для функционирования и выживания. Их изменения необходимы только в том случае, если один из этих аспектов нарушает здоровое равновесие. В обычной ситуации каждый из них — Родитель, Взрослый и Ребенок — заслуживает одинакового уважения, так как каждое состояние по-своему делает жизнь человека полноценной и плодотворной.

Трансакционный анализ

Мы называем *трансакцией* единицу общения. Люди, находясь вместе в одной группе, неизбежно заговорят друг с другом или иным путем покажут свою осведомленность о присутствии друг друга. Это мы называем *трансакционным сти-*

мулом. Человек, к которому обращен трансакционный стимул, в ответ что-то скажет или сделает. Мы называем этот ответ *трансакционной реакцией*.

Цель простого трансакционного анализа — выяснить, какое именно состояние *Я* ответственно за трансакционный стимул и какое состояние человека осуществило трансакционную реакцию. В наиболее простых трансакциях и стимул, и реакция исходят от Взрослого. Например, хирург, оценив на основе имеющихся у него данных необходимость в скальпеле, протягивает руку медсестре. Правильно истолковав этот жест, оценив расстояние и мышечные усилия, она вкладывает скальпель в руку хирурга таким движением, какого от нее ждут. Несколько более сложными являются трансакции Ребенок — Родитель. Например, во время болезни ребенок с высокой температурой просит пить, и ухаживающая за ним мать приносит стакан воды.

Обе вышеописанные трансакции мы называем *дополнительными*. Иными словами, при нормальных человеческих отношениях стимул влечет за собой уместную, ожидаемую и естественную реакцию. Первый пример (его классифицируем как дополнительную трансакцию первого типа) представлен на схеме 2а. Второй (дополнительная трансакция второго типа) показан на схеме 2б. Однако совершенно очевидно, что трансакция — это звенья одной цепочки: каждая реакция (Рк) в свою очередь становится стимулом (Ст).

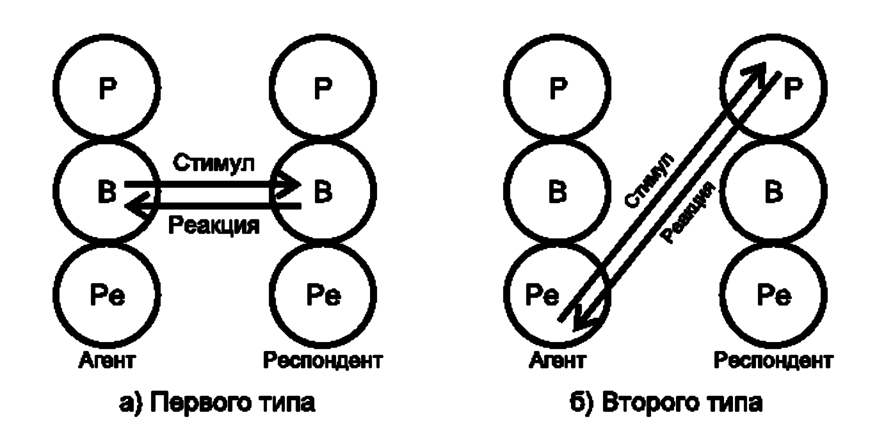


Схема 2. Дополнительные трансакции

Первым правилом коммуникации мы считаем следующее: пока трансакции дополнительны, процесс коммуникации будет протекать гладко. Следствие из этого правила: пока трансакции дополнительны, процесс коммуникации может продолжаться неопределенно долго. Эти правила не зависят ни от природы трансакций, ни от их содержания. Они целиком основаны на векторах общения. Пока трансакции сохраняют дополнительный характер, правило будет выполняться независимо от того, заняты ли ее участники, например, какими-то сплетнями (Родитель — Родитель), решают ли реальную проблему (Взрослый — Взрослый) или просто играют вместе (Ребенок — Ребенок или Родитель — Ребенок).

Обратное правило состоит в том, что процесс коммуникации прерывается, если происходит то, что мы называем *пересекающейся* трансакцией. На схеме 3а представлена наиболее обычная пересекающаяся трансакция, которая вызывает наибольшие трудности в процессе общения, какой бы стороны человеческих отношений она ни касалась: семейной жизни, любви, дружбы или работы (пересекающаяся трансакция первого типа). Именно этот тип трансакции доставляет наибольшие хлопоты психотерапевтам (в психоанализе он получил название классической реакции переноса). Стимул рассчитан на взаимоотношения Взрослый — Взрослый, например: «Давай попробуем понять, почему в последнее время ты стал много пить» или «Ты не знаешь, где мои запонки?». Соответствующим трансакции Взрослый — Взрослый в первом случае может быть признан ответ: «Давай попробуем понять. Мне и самому этого хочется». А во втором: «Запонки лежат на столе».

Однако собеседник может вдруг вспылить. Тогда ответы будут другие, например в первом случае: «Ты как мой отец — все время меня критикуешь», — а во втором: «Вечно я у тебя во всем виновата!» Оба последних ответа соответствуют схеме Ребенок — Родитель, и, как видно из схемы 3а, векторы трансакций пересекаются.

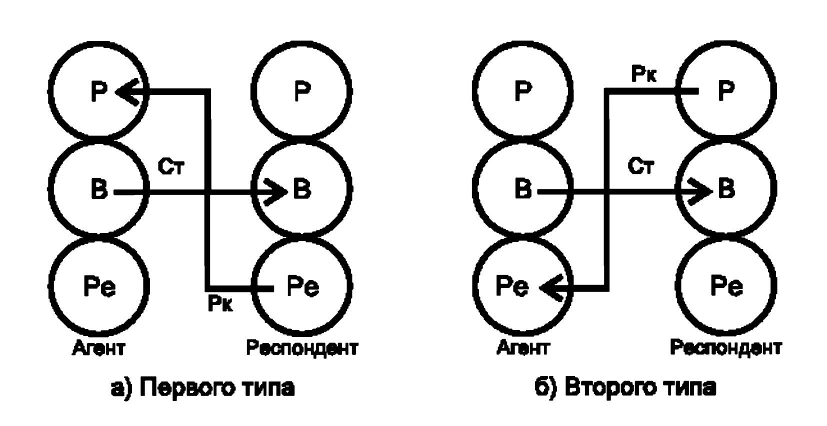


Схема 3. Пересекающиеся трансакции

При подобных обстоятельствах следует временно отложить решение проблемы алкоголя или запонок до тех пор, пока векторы не будут приведены в порядок. Это может продолжаться несколько месяцев в первом примере и несколько секунд во втором, причем либо игрок должен стать Родителем, дополняя неожиданно проснувшегося в собеседнике Ребенка, либо нужно активизировать в нем Взрослого. Если, например, при обсуждении с хозяйкой качества мытья посуды, вдруг служанка вздумает взбунтоваться, то разговор на уровне Взрослый — Взрослый будет закончен. Возможным продолжением может стать коммуникация на уровне Ребенок — Родитель или обсуждение другой Взрослой проблемы: не следует ли хозяйке уволить служанку?

На схеме 3б показан случай, обратный пересекающейся трансакции первого типа. Он представляет собой реакцию контрпереноса, хорошо знакомую психотерапевтам: пациент делает объективное, Взрослое замечание, а врач перекрещивает векторы, отвечая как родитель ребенку. Это пересекающаяся трансакция второго типа. Например, на вопрос: «Не знаешь, где мои запонки?» — может последовать ответ: «Почему ты никогда сам не знаешь, где твои вещи? Ты ведь, кажется, уже не ребенок?»

Диаграмма взаимоотношений (схема 4), на которой изображены девять возможных векторов общения между спрашивающим и отвечающим, обладает некоторыми интересными свойствами.

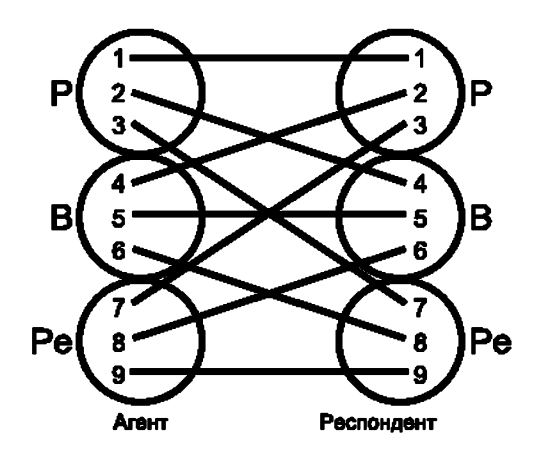


Схема 4. Диаграмма взаимоотношений

Дополнительные трансакции между «равными психологическими состояниями» представлены линиями (1—1)2, $(5—5)^2$ и $(9—9)^2$. Трансакции (2—4) (4—2), (3—7)(7—3) и (6—8) (8—6) тоже дополнительные. Все остальные комбинации образуют пересекающиеся трансакции, и на диаграмме они тоже пересекаются: например, (3—7) (3—7) — двое людей, лишившихся дара речи, свирепо уставились друг на друга. Если никто из них не уступит, коммуникация прекратится и они разойдутся в разные стороны. Обычно один отступает на (7—3), что приводит к игре «Скандал»; лучшим решением было бы $(5—5)^2$, при котором оба рассмеются или обменяются рукопожатием.

Простые дополнительные трансакции чаще всего встречаются при неглубоких производственных или общественных взаимоотношениях. Их легко нарушить простыми пересекающимися трансакциями. В сущности, поверхностные взаимоотношения можно определить как не выходящие за пределы простых дополнительных трансакций. Такого рода взаимоотношения возникают в совместной деятельности, ритуалах и времяпрепровождениях.

Более сложными являются *скрытые* трансакции, требующие одновременного участия более чем двух состояний *Я*. Именно эта категория служит основой для игр. Продавцы, например, весьма сведущи в так называемых «угловых тран-

сакциях», в которых участвуют три состояния *Я*. Следующий обмен репликами является ярким, хотя и несколько грубоватым примером торговой игры.

Продавец: Эта модель получше, но она вам не по карману.

Покупательница: Вот ее-то я и возьму.

Эта трансакция проанализирована на схеме 5а. Продавец на уровне Взрослого констатирует два факта: «Эта модель лучше» и «Она вам не по карману». На социальном уровне слова продавца кажутся обращенными к Взрослому покупательницы, поэтому она должна была бы ответить: «Вы, безусловно, правы и в том, и в другом». Однако скрытый, психологический вектор был умело направлен опытным Взрослым продавца к Ребенку покупательницы. Ответ, который дал Ребенок, показывает, что наш анализ правилен. Покупательница думает: «Несмотря на финансовые последствия, я покажу этому наглецу, что я ничуть не хуже других его покупателей». Эта трансакция дополнительна на обоих уровнях, поскольку продавец как бы принимает ответ покупательницы за чистую монету, т.е. как ответ Взрослого, решившего сделать покупку.

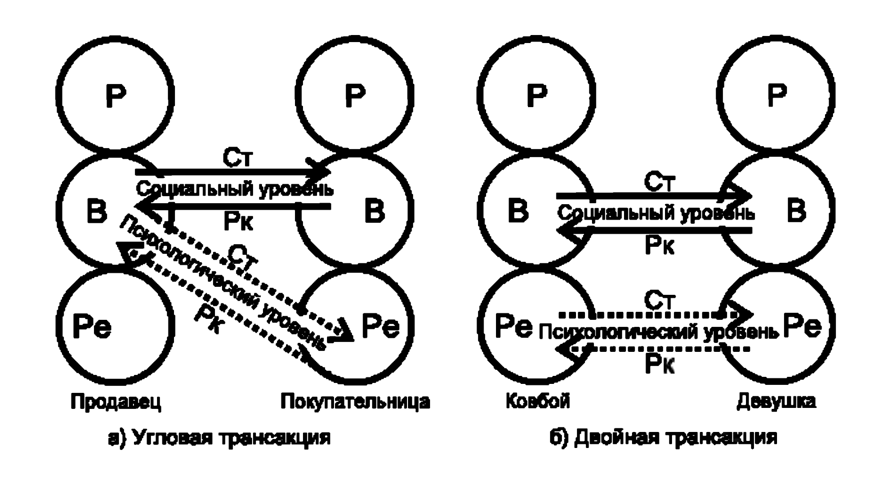


Схема 5. Скрытые трансакции

В двойной скрытой трансакции участвуют четыре состояния *Я*. Она часто присутствует при флирте.

Ковбой: Не хотите ли посмотреть конюшню?

Девушка: Ах, я с детства обожаю конюшни.

На схеме 5б видно, что на социальном уровне происходит разговор о конюшнях между Взрослыми, в то время как на психологическом уровне это разговор Ребенка с Ребенком и его содержание — сексуальные взаимоотношения (заигрывание). На поверхности инициатива принадлежит Взрослому, но исход большинства подобных игр на самом деле предопределяет Ребенок, так что участников игры может ждать сюрприз.

Таким образом, мы подразделяем трансакции на дополнительные и пересекающиеся, на простые и скрытые, а последние — на угловые и двойные. <...>

Игры

Определение

Игрой мы называем серию следующих друг за другом скрытых дополнительных трансакций с четко определенным и предсказуемым исходом. Она представляет собой повторяющийся набор порой однообразных трансакций, внешне выглядящих вполне правдоподобно, но обладающих скрытой мотивацией; короче говоря, это серия ходов, содержащих ловушку, какой-то подвох. Игры отличаются от процедур, ритуалов и времяпрепровождений, на наш взгляд, двумя основными характеристиками: 1) скрытыми мотивами; 2) наличием выигрыша. Процедуры бывают успешными, ритуалы — эффективными, а времяпрепровождение — выгодным. Но все они по своей сути чистосердечны (не содержат «задней мысли»). Они могут содержать элемент соревнования, но не конфликта, а их исход может быть неожиданным, но никогда — драматичным. Игры, напротив, могут быть нечестными и нередко характеризуются драматичным, а не просто захватывающим исходом.

Нам необходимо разграничить игры с ранее не обсуждавшимся типом социального действия, а именно с операцией. Операцией мы называем простую трансакцию или набор трансакций, предпринятых с некоторой заранее сформулированной целью. Например, если человек честно просит, чтобы его утешили, и получает утешение, то это операция. Если кто-либо просит, чтобы его утешили, и, получив утешение, каким-то образом обращает его против утешителя, то это игра. Следовательно, внешне игра выглядит как набор операций. Если же в результате игры один из участников получает «вознаграждение», то становится ясно, что в ряде случаев операции следует считать маневрами, а просьбы — неискренними, так как они были лишь ходами в игре.

Например, в игре «Страхование», о чем бы страховой агент ни вел разговор, если он настоящий игрок, он ищет клиента или «обрабатывает» его. Единственная его цель — заполучить «добычу». То же самое относится к играм «Недвижимое имущество» и другим подобного типа. Поэтому когда коммерсант на званом вечере вместе с другими гостями участвует в тех или иных времяпрепровождениях, например в «Доходах и расходах», то за его дружеским поведением фактически может скрываться целый ряд умелых маневров, цель которых — добыть интересующую его информацию. В США существуют десятки профессиональных журналов, обучающих искусству коммерческих маневров. Они рассказывают о выдающихся играх и игроках (коммерсантах, заключивших исключительно удачные сделки). С точки зрения трансакционного анализа такие издания ничем не отличаются от известных спортивных журналов.

Однако предметом нашего исследования являются бессознательные игры, в которые играют неискушенные люди. Не отдавая себе в этом отчета, они порождают в процессе игры двойные трансакции. Именно такие игры во всем мире образуют важнейший аспект общественных взаимоотношений. Благодаря

их динамической природе игры нетрудно отличить от статических установок, являющихся чаще всего результатом жизненной позиции.

Не следует заблуждаться относительно значения слова «игра». Как мы уже говорили, игра совсем не обязательно предполагает удовольствие или веселье. Например, коммивояжеры совсем не считают свою работу забавной, как это прекрасно показал Артур Миллер в пьесе «Смерть коммивояжера»[1]. Многие игры весьма серьезны. Так же как сегодня спортсмены всерьез играют в футбол, так и большинство игроков нельзя обвинить в отсутствии серьезного отношения к играм.

То же самое относится и к словам «играть» и «игрок». Это могут подтвердить игроки в покер, а также те, кто долго играл на бирже. Этнографы, представители других наук знают о том, какой серьезный характер могут приобретать игры. Одна из самых сложных когда-либо существовавших игр — «Придворный», превосходно описана Стендалем в «Пармской обители». Эта игра отличалась убийственной серьезностью. Наиболее зловещей игрой является, конечно, война.

Типичная игра

Проиллюстрируем основные черты игр на примере одной игры, наиболее распространенной среди супругов, которую можно назвать «Если бы не ты».

Миссис Уайт жаловалась на то, что ее муж всегда очень строго ограничивал ее светскую жизнь, поэтому она так и не научилась танцевать. После того как она прошла курс лечения у психотерапевта, что повлияло на ее установку, ее муж стал чувствовать себя менее уверенно и стал больше ей разрешать. Миссис Уайт могла теперь расширить поле своей деятельности и записалась на уроки танцев. И вдруг она обнаружила, к своему ужасу, что смертельно боится танцевать на глазах у людей, и ей пришлось отказаться от своей затеи.

Это неприятное происшествие, так же как и целый ряд ему подобных, пролило свет на некоторые особенности брака миссис Уайт. Из всех своих поклонников она выбрала в мужья самого деспотичного претендента. Это в дальнейшем дало ей возможность сетовать на то, что она могла бы заниматься различными делами, «если бы не он». У многих ее подруг мужья тоже были деспотичными, так что, собираясь за чашечкой кофе, они подолгу играли в «Если бы не он».

Однако вопреки ее жалобам выяснилось, что на самом деле муж оказывал ей большую услугу, запрещая делать то, чего она сама очень боялась. Более того, он фактически даже не давал ей возможности догадаться о своем страхе. Это, наверное, и была одна из причин, по которой ее Ребенок весьма прозорливо выбрал такого мужа.

Но этим дело еще не исчерпывалось. Запреты мужа и жалобы жены были причиной частых ссор, что отрицательно сказывалось на их интимной жизни. Муж испытывал при этом чувство вины, поэтому постоянно дарил жене подар-

[1] Миллер, Артур (р. 1915) — американский драматург. Трагедия «Смерть коммивояжера» (1949) о крахе успеха как мечты, веры и моральной нормы «маленького человека».

ки. Он этого не делал бы, если бы все было в порядке. Когда же муж предоставил жене больше свободы, то его подарки стали и дешевле, и реже. Помимо дома и детей, супруги, по существу, имели мало общих интересов, поэтому на этом фоне ссоры были для них серьезным событием, во время которых разговоры супругов выходили за рамки обычного обмена репликами. В целом семейная жизнь миссис Уайт служила подтверждением мысли, которую она всегда высказывала: все мужчины — подлецы и тираны. Впоследствии оказалось, что подобная ее установка была связана с навязчивыми фантазиями многолетней давности, в которых она представляла себя изнасилованной.

Приведенную игру можно проанализировать с разных сторон. Очевидно, что она принадлежит к явлениям из области социальной динамики. Принципиальный факт состоит в том, что, поженившись, мистер и миссис Уайт получили возможность общаться, т.е. установили социальный контакт. Благодаря этому их семья стала социальной группой — в отличие, например, от вагона метро, где люди пространственно находятся в контакте, но редко пользуются возможностью социального контакта и поэтому образуют асоциальную группу. Взаимное влияние супругов Уайт на их поведение и реакции составляет социальное действие.

В рамках различных дисциплин социальное действие можно рассматривать со многих точек зрения. Поскольку наши интересы лежат в области психодинамики личности, то наш подход относится к социальной психиатрии. Мы как бы в неявной форме выносим суждение о том, насколько данные игры отвечают понятию «душевное здоровье».

Такой подход несколько отличается от более нейтральных и менее пристрастных подходов социологии и социальной психологии. В отличие от других дисциплин психиатрия оставляет за собой право вмешаться и воскликнуть: «Погодите!» Трансакционный анализ является частью социальной психиатрии, а анализ игр — это специальный раздел трансакционного анализа.

Объект практического анализа игр составляют конкретные случаи, происходящие в конкретных ситуациях. В то же время теоретический анализ игр стремится выделить и обобщить характерные черты различных игр, с тем чтобы их всегда можно было узнать независимо от их сиюминутного вербального наполнения и специфической культурной основы. Например, в теоретическом анализе игры «Если бы не ты» (супружеский вариант) должны быть перечислены ее характерные черты таким образом, чтобы эту игру можно было бы легко распознать как в новогвинейской деревне, так и в манхэттенском особняке. Причем сделать это можно независимо от того, связана ли игра с брачной церемонией или с тем, откуда взять деньги на удочки для внуков, а также вне зависимости от того, насколько грубо или тонко сделаны ходы в игре в соответствии с допустимым уровнем откровенности между мужем и женой.

Распространенность той или иной игры в данном обществе входит в компетенцию социологии и этнографии. А анализ игр в плане социальной психиатрии осуществляется путем описания игры как таковой независимо от того,

насколько часто она встречается. Возможно, такое разграничение не является исчерпывающим. Оно аналогично различию между медицинской статистиком и терапией: первая интересуется тем, насколько широко распространена, например, малярия, а вторая имеет дело с реальными случаями малярии, где бы то ни было — в джунглях или в Манхэттене.

Ниже мы приводим схему, которая, на наш взгляд, оказалась наиболее полезной для теоретического анализа игр. Безусловно, по мере накопления новых знаний эта схема будет улучшаться. Прежде всего, необходимо установить, что данная последовательность маневров отвечает критериям игры. Затем собирается как можно больше образчиков этой игры. В коллекции образцов выделяются существенные черты. Некоторые аспекты игры выделяются как особенно важные. Они классифицируются под соответствующими названиями; желательно, чтобы названия были максимально выразительными с точки зрения имеющихся знаний. Сам анализ проводится с позиции Водящего в игре. В нашем случае это миссис Уайт.

Тезис. Содержит общее описание игры, в том числе и фактическую последовательность событий (социальный уровень), а также информацию о психологическом фоне, эволюции взаимоотношений, об их существенных чертах (психологический уровень). Мы уже дали такое описание для игры «Если бы не ты». В дальнейшем мы будем сокращенно называть ее ЕНТ.

Антитезис. Мы можем лишь предполагать, что некоторая последовательность трансакций является игрой, пока не убедимся в ее существенной значимости для игрока. Для доказательства значимости можно использовать отказ от игры или уменьшение «вознаграждения». В этом случае Водящий предпримет более энергичные попытки, чтобы продолжить игру. Но, столкнувшись с категорическим отказом играть или с ощутимым уменьшением «вознаграждения», он впадает в отчаяние — состояние, отчасти напоминающее депрессию, но отличающееся от нее некоторыми существенными чертами. Это состояние более острое и содержит элементы фрустрации и растерянности, что может выражаться, например, в приступе безутешных рыданий. При успешной терапии такая реакция вскоре может уступить место юмористическому подтруниванию над собой, предполагающему Взрослое понимание: «Ну вот, опять я за старое!»

Следовательно, состояние отчаяния находится в ведении Взрослого, в то время как при депрессии все полномочия принадлежат Ребенку. Состояние, противоположное депрессии, — надежда, воодушевление и живой интерес к окружающему. Состояние, противоположное отчаянию, — смех. Вот почему так приятен терапевтический эффект анализа игр.

Антитезисом ЕНТ является отсутствие запретов. Игра возможна лишь при условии, что муж продолжает что-то запрещать жене. Если вместо привычного «Не смей!» он вдруг ответит «Ради бога!», ее замаскированные страхи выйдут наружу, и жена не сможет больше обвинять во всем мужа, как мы уже наблюдали в случае с миссис Уайт. Чтобы лучше понимать природу игры, необходимо знать ее антитезис и продемонстрировать его эффективность на практике.

Цель. Здесь констатируются общие цели игры. Иногда они представляют собой несколько альтернатив. Например, цель ЕНТ можно сформулировать либо как придание себе уверенности («Не в том дело, что я боюсь, — просто он мне не позволяет»), либо как самооправдание («Дело не в том, что я не стараюсь, — просто он меня не пускает»). Первая функция (придание уверенности) более очевидна и в большей степени отвечает потребности в безопасности, которую испытывает жена. Поэтому наиболее распространена точка зрения, что цель ЕНТ состоит именно в придании себе уверенности.

Роли. Как мы уже говорили выше, состояние *Я* — это не роль, а феномен (психический). Поэтому мы должны формально разграничивать их. Игры подразделяются на требующие участия двух, трех и более игроков — в зависимости от того, на сколько ролей они рассчитаны. Состояние *Я* каждого игрока иногда соответствует его роли, а иногда нет.

ЕНТ рассчитана на двух участников, причем предполагает роли мужа-тирана и подавляемой им жены. Жена может играть свою роль либо с позиции благоразумного Взрослого («Самое разумное, если я буду поступать, как он велит»), либо с позиции капризного Ребенка. Муж-тиран может действовать с позиции Взрослого («Самое разумное для тебя делать, как я говорю») или соскользнуть на позицию Родителя («Не вздумай меня не послушаться»).

Иллюстрации. Очень поучительно попутно изучить детские корни игры, ее прототипы, характерные для раннего возраста. Поэтому, предпринимая формальное описание игры, желательно найти ее детские параллели. Оказывается, дети играют в ЕНТ так же часто, как взрослые, и детский вариант очень похож на взрослый, с той только разницей, что место мужа-тирана занимает реальный родитель.

Трансакционная парадигма[2]. Приводится трансакционный анализ типичной ситуации, описывающий социальный и психологический уровни той скрытой трансакции, которая обнажает суть игры. Наиболее драматический вид ЕНТ приобретает на социальном уровне с позиции Родитель — Ребенок.

М-р Уайт: Сиди дома и занимайся хозяйством.

М-с Уайт: Если бы не ты, я могла бы не сидеть дома, а развлекаться.

На психологическом уровне (скрытый семейный договор) игра ведется с позиции Ребенок — Ребенок и выглядит совсем по-другому.

М-р Уайт: Ты всегда должна быть дома, когда я прихожу. Я смертельно боюсь, что меня бросят.

М-с Уайт: Я так и буду вести себя, если ты поможешь мне избегать пугающих меня ситуаций.

Оба эти уровня проиллюстрированы на схеме 6.

---

[2] Парадигма (гр. paradeigma — пример, образец) — система основных научных достижений (теорий, методов), по образцу которых организуется исследовательская практика ученых в данной области знаний в определенный исторический период. Здесь анализ коммуникации дан с точки зрения трансакционного анализа.

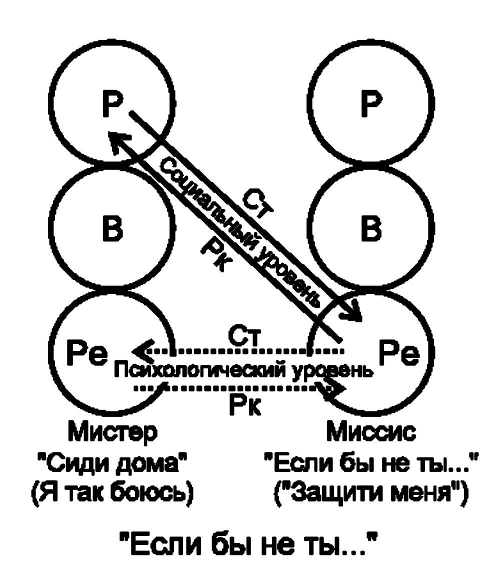


Схема 6. Игра

Ходы в игре. Ход в игре, в общем, соответствует «поглаживанию» в ритуале. Как и в любой игре, по мере накопления опыта игроки становятся искуснее. Ходы, не ведущие к цели, отбрасываются, и каждый ход становится более концентрированным в смысле достижения цели. Многие случаи «идеальной дружбы» часто основаны на том, что игроки дополняют друг друга очень экономно и к большому взаимному удовлетворению, так что их игры отличаются максимальным выигрышем при минимальной затрате сил. Некоторые промежуточные, предварительные и предупредительные ходы при этом можно опустить, что придает взаимоотношениям красоту и изящество. Усилия, сэкономленные на защитных маневрах, можно потратить на «украшения», к восторгу обоих участников, а часто и наблюдателей.

Для того чтобы игра состоялась, необходимо какое-то минимальное число ходов, и они могут быть зарегистрированы в протоколе. Конкретные игроки могут «расцветить» ходы или сильно увеличить их число в зависимости от своих нужд, способностей или желаний. Вот основная структура ЕНТ:

1) приказ — согласие («Сиди дома» — «Хорошо»);

2) приказ — протест («Сегодня тоже сиди дома» — «Если бы не ты»).

«Вознаграждения», полученные в результате игры, в целом состоят в ее стабилизирующем (гомеостатическом) эффекте. Биологически гомеостаз обеспечивается «поглаживаниями», а укрепление жизненной позиции увеличивает психологическую стабильность. Мы уже говорили, что «поглаживание» на самом деле может принимать различные формы, поэтому биологическое «вознаграждение» можно описывать в терминах тактильного (осязательного) контакта. Например, роль мужа в ЕНТ напоминает шлепок тыльной стороной ладони

(весьма отличный от шлепка ладонной стороной кисти, что унизительно), а реакция жены — нечто вроде капризного пинка по голени. Таким образом, биологический выигрыш при ЕНТ есть результат обмена воинственно-капризными трансакциями: это довольно мучительный способ поддержания здоровья, но тем не менее довольно эффективный.

Жизненная позиция жены («Все мужчины — тираны») является реакцией на типичную для состояний фобий потребность сдаться и обнажает четкую структуру игры. Если попытаться дать ее развернутое описание, то получится что-нибудь вроде: «Если я окажусь одна в толпе, соблазн сдаться будет слишком велик; дома же я не сдаюсь, это он меня заставляет, что доказывает: все мужчины — тираны». Поэтому обычно в такую игру играют женщины, для которых типично чувство отрыва от реальности. Это означает, что их Взрослый не в состоянии удерживать контроль над ситуацией при сильном соблазне. Более детальное исследование этого механизма относится уже к области психоанализа, а не анализа игр, для которого основной интерес состоит в конечном результате.

Внутреннее психологическое «вознаграждение» впрямую связано с экономией психической энергии (либидо[3]). В игре ЕНТ социально допустимое подчинение власти мужа защищает жену от приступов невротического страха. В то же время оно удовлетворяет ее мазохистские потребности, если таковые имеются (мы употребляем термин «мазохизм» не в смысле «самоотречения», а в классическом смысле, как состояние сексуального возбуждения, возникающее вследствие депривации, боли или унижения). Иными словами, ситуации депривации и подчинения приводят жену в состояние возбуждения.

Внешнее психологическое «вознаграждение» состоит в уклонении от опасных ситуаций посредством игры. Это особенно очевидно в ЕНТ, где имеется ярко выраженная мотивация: подчиняясь ограничениям со стороны мужа, жена избегает ситуаций, которые вызывают у нее страх.

Смысл внутреннего социального «вознаграждения» содержится в названии игры, под которым она известна в узком кругу. Подчиняясь мужу, жена получает право заявлять: «Если бы не ты». Это помогает ей структурировать время, которое она проводит с мужем. В случае с миссис Уайт потребность в структурировании времени была особенно велика, так как общих интересов у них с мужем не было, особенно в период до рождения детей и после того, как дети выросли. Пока дети росли, супруги играли в ЕНТ реже и менее интенсивно, поскольку дети выполняли свою обычную функцию структурирования родительского времени и, кроме того, обеспечивали семью еще более распространенным вариантом ЕНТ «Загнанная домохозяйка».

Тот факт, что молодые американские матери действительно очень заняты, не влияет на анализ этого варианта игры. Анализ игр стремится лишь беспри-

---

[3] Либидо (лат. libido — стремление) — одно из центральных понятий фрейдизма, обозначающее глубинную, бессознательную психическую энергию индивида, коренящуюся в сексуальном инстинкте.

страстно ответить на следующий вопрос: при условии, что женщина очень занята, каким образом она сумеет воспользоваться своей занятостью, чтобы получить хоть какую-то компенсацию?

Внешнее социальное «вознаграждение» определяется тем, как данная ситуация используется для внешних социальных контактов. Игра «Если бы не ты» (слова жены мужу) легко трансформируется во времяпрепровождение «Если бы не он», популярное при встречах с подругами за чашкой кофе. Игры влияют и на выбор социальных компаньонов. Когда новую соседку приглашают на чашку кофе, на самом деле ее приглашают поиграть в «Если бы не он». Если она будет хорошим партнером, то вскоре может стать для всех лучшей подругой. Если же она откажется играть и будет настойчиво говорить о своем муже в доброжелательном тоне, долго в компании она не продержится. С ней произойдет то же, что обычно происходит с человеком, который отказывается пить на вечеринках. Постепенно ее вообще перестанут приглашать в эту компанию.

Таким образом, мы подошли к концу анализа формальных характеристик ЕНТ.

5 *Личность как совокупность черт. Общие и индивидуальные черты личности*

Г. Олпорт

[Теория черт]*

Личность, характер, темперамент

Происхождение термина «личность»

Слово *personality*[1] и его корень *person* давно привлекают внимание языковедов. <...> Понятие *personality* в английском языке, *personalit* во французском и *Persönlichkeit* в немецком близки понятию *personalitas* в средневековой латыни. В классической латыни использовалось только слово *persona*. Все филологи соглашаются, что первоначально это слово означало *маску*. (Этот факт может дать некоторое ощущение комфорта тем, кто предпочитает определять личность в понятиях внешнего воздействия — ведь в нем подчеркивается внешняя видимость, а не внутренняя организация.) Но даже в древности слово *persona* означало и актера за маской, т.е. подлинное сочетание его внутренних и «масочных» качеств. Оно также означало важного человека (отсюда *personage, parson*[2]). Это понятие также использовалось для обозначения трех ипостасей Троицы. И длительные теологические споры разворачивались вокруг того, были ли эти *personae* тремя масками одного Бога или тремя со-равными лицами. Самое, быть может, известное определение персоны дал в шестом веке Боэций: *Persona est substantia individua rationalis naturae* — персона есть индивидуальная субстанция рациональной природы. <...>

Определение для этой книги

Не бывает определений правильных или неправильных. Понятия определяются так, как это полезно для заданной цели. Для целей данной книги нам требуется «эссенциалистское» определение личности. Мы будем относиться к личности

---

* *Олпорт Г.* Становление личности. М.: Смысл, 2002. С. 232–234, 236–241, 362, 370–382, 386–403.

[1] Личность (*англ.*).

[2] Важная персона, священник (*англ.*).

как к единице, которая находится «вовне» и сама по себе обладает внутренней структурой. Все формулировки полны ловушек, но наше определение (лучше ли, хуже ли) таково:

ЛИЧНОСТЬ — ЭТО ДИНАМИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ВНУТРИ ИНДИВИДА ТЕХ ПСИХОФИЗИЧЕСКИХ СИСТЕМ, КОТОРЫЕ ДЕТЕРМИНИРУЮТ ХАРАКТЕРНОЕ ДЛЯ НЕГО ПОВЕДЕНИЕ И МЫШЛЕНИЕ.

Кратко исследуем ключевые понятия этого определения.

Динамическая организация. <...> Центральная проблема психологии — психическая организация (формирование паттернов, или иерархии идей и привычек, динамически направляющих деятельность). Интеграция и другие организационные процессы необходимы для объяснения развития и структуры личности. Поэтому «организация» должна появиться в определении. Это понятие подразумевает также реципрокный процесс — *дезорганизацию*, особенно у тех аномальных личностей, которые отмечены прогрессирующим распадом.

Психофизические. Это понятие напоминает нам, что личность не является ни исключительно ментальным, ни исключительно неврологическим (физическим) феноменом. Она организует функционирование и «психики», и «тела» в некотором сложном единстве.

Системы. Система (любая) — это комплекс взаимодействующих элементов. Системами являются привычки, чувства, черты, представления, стили поведения. Эти системы латентно существуют в организме, даже когда они не активны. <...>

Детерминировать. Личность *является* чем-то и *делает* что-то. Латентные психофизические системы <...> либо мотивируют, либо направляют специфическую деятельность и мысль. Все системы, составляющие личность, должны рассматриваться в качестве *детерминирующих тенденций*. Они оказывают руководящее влияние на все приспособительные и экспрессивные поступки, через которые личность познается.

Характерное. Все акты поведения и все мысли характерны и уникальны <...> для данного человека. Даже поступки и представления, которые у нас явно общи с другими, в своей глубине индивидуальны, идиоматичны. Правда, некоторые поступки и представления более идиосинкратичны, чем другие, но нельзя найти ничего, что не имело бы личного оттенка. Следовательно, в некотором смысле, понятие «характерные» в нашем определении — лишнее. Однако избыточность — не обязательно плохо, она помогает добраться до сути.

Поведение и мышление. Этими двумя понятиями покрывается все, что может делать индивид. Его основное занятие — приспособление к своему окружению. Но в определении личности через одно лишь приспособление не было бы мудрости. Мы не только приспосабливаемся к нашему окружению, мы размышляем о нем. Мы также стремимся господствовать над ним и иногда добиваемся

успеха. Следовательно, поведение и мышление ведут к выживанию и развитию. Это способы приспособления и выхода за границы ситуации, в которой мы находимся, всегда отбираемые, направляемые психофизическими системами, составляющими нашу личность.

Можно спросить, обладают ли личностью, согласно этому определению, животные. Ответом будет осторожное «да». Несомненно, у животных есть рудиментарные (зачаточные) формы наследуемых и приобретаемых путем научения психофизических систем, ведущих к характерной (уникальной) активности. (Об их мышлении мы ничего не знаем.) Но эта уступка не заводит нас слишком далеко. Психофизическая индивидуальность низших животных чрезвычайно примитивна и не может служить полезным прототипом человеческой личности. Осмелюсь утверждать, что различие между любыми двумя видами млекопитающих (до человека) не так велико, как различие между двумя людьми. Огромная сложность человеческого мозга, в противоположность более простому мозгу других животных, видимо, подкрепляет это утверждение. <...>

Характер

Понятие «характер» не менее интересно, чем понятие «личность». Этими понятиями часто пользуются как взаимозаменяемыми, хотя первое имеет латинское происхождение, а второе — греческое. Χαρακτήρ (гравировка) — это как бы примета человека, паттерн его черт или его жизненный стиль. Наиболее известным человеком, употреблявшим это понятие еще в Древней Греции, был Теофраст, ученик Аристотеля. Он создал множество тонких письменных зарисовок характеров, из которых сохранилось 30.

Мы уже сказали, что сегодня эти два понятия часто используются как синонимы. Однако европейские психологи предпочитают «характер», а американские более склоняются к «личности». На то есть интересная причина. *Persona* первоначально означала маску, χαρακτήρ — чекан. Первое понятие предполагает внешность, видимое поведение, поверхностные качества; второе предполагает глубокие (возможно, врожденные), фиксированные и базовые структуры. Сейчас американская психология отдает предпочтение изучению воздействий внешней среды, и эти бихевиористские наклонности приводят ее к подчеркиванию внешнего движения, видимого действия. Европейская же психология имеет тенденцию подчеркивать врожденное, природное в человеке, то, что глубоко «выгравировано» («вычеканено») и относительно неизменно. Фрейд, например, часто говорит о структуре характера, и редко — о личности. Понятие «характерология» широко используется в Европе, но редко в Америке. Американские психологи написали очень много книг под названием «Личность» и только несколько под названием «Характер». <...>

Помимо первоначального значения (чекана) понятие «характер» приобретает особое дополнительное значение. Говоря, что у человека «хороший харак-

тер», мы акцентируем его моральную высоту. (Если мы говорим, что у него «хорошая личность», то просто имеем в виду, что он социально эффективен.) Таким образом, говоря о характере, мы обычно подразумеваем моральные стандарты и высказываем ценностное суждение. Этот нюанс беспокоит тех психологов, которые хотят уберечь структуру и функционирование личности от вторжения моральных оценок. Именно по этой причине в данной книге выбран термин «личность». (Проницательный читатель может сказать: «Подчеркиваемая вами *внутренняя структура* хорошо соответствует тому, что древние греки имели в виду под *характером*». Так и есть, но именно опасность ценностных суждений заставляет нас отказаться от использования этого термина.)

Относительно личности (всей целиком или любой ее части) тоже, конечно, можно высказать ценностное суждение, например: «Он — благородный человек» или «У нее много привлекательных качеств». В обоих случаях мы говорим, что обсуждаемый человек обладает чертами, желательными с точки зрения каких-то внешних социальных или моральных стандартов. Сырой психологический факт состоит в том, что качества человека — это просто то, что у него есть. Некоторые наблюдатели (и некоторые культуры) могут находить эти качества благородными и привлекательными, другие — нет. По этой причине и в соответствии с нашим собственным определением мы предпочитаем трактовать *характер* как *оцененную личность*, а *личность*, если хотите, как *лишенный оценки характер*.

Понятие «*характерный*» — птица другого полета. Мы использовали его в нашем определении личности, ибо, к счастью, оно лишено оценочной ауры, окружающей слово «характер», и не обращается к моральным суждениям. Так как понятие «характерный» близко к первоначальному (чеканному) значению характера, мы считаем его полезным. Оно послужит для охвата привычек, черт, установок и интересов — любых примет, *высеченных* на человеке. Забавно, что в производном слове сохранилось первичное значение, тогда как его корневая форма сильно обросла этическим мхом. <...> Этическая теория — важная ветвь философии, но ее не следует смешивать с психологией личности.

Темперамент

Из древних времен до нас дошла доктрина, что темперамент человека детерминируется в основном «жидкостями» (секретами желез) тела. Термин «темперамент» пришел в английский язык в средние века вместе с доктриной четырех жидкостей. Он означал тогда и означает сейчас «конституцию (склад) ума, особенно зависящую от физической конституции (или связанную с ней)». Исследования темперамента сегодня часто ведутся под названием «конституциональная психология».

Можно сказать, что темперамент, подобно *интеллекту* и *телосложению*, обозначает разновидность «сырья», из которого формируется личность. Все три фактора прочно опираются на генную детерминацию и, следовательно, явля-

ются аспектами личности, наиболее зависящими от наследственности. Темперамент относится к «химическому климату» («внутренней погоде»), в котором развивается личность. Чем сильнее диспозиция закреплена в природной конституционной почве, тем вероятнее о ней будут говорить как о темпераменте. «Ее природный темперамент отличается живостью». «У него медлительный и вялый темперамент». <...>

Для достижения необходимого прогресса в изучении темперамента надо проводить гораздо больше исследований в области человеческой генетики, биохимии, неврологии, эндокринологии и физической антропологии. Мы знаем, что личность в значительной степени обусловлена темпераментом, но у нас нет точного знания об источниках самого темперамента.

Что составляет темперамент? Ясный ответ невозможен. Когда мы говорим, что кто-то легко пугается, обладает сильными или слабыми побуждениями, имеет «ужасный нрав», по природе своей медлителен и сонлив или возбудим, энергичен или имеет «мрачную диспозицию», мы описываем темперамент. Делались различные попытки проанализировать наши базовые измерения темперамента с помощью психологических тестов, но окончательное согласие до сих пор не достигнуто.

Возможно, основной фактор действительно относится к *влечению и силе* в противоположность *апатии*. Конституции, характеризующиеся мощным влечением и силой, могут обладать высокой скоростью метаболизма и сильным функционированием щитовидной железы[3]. Но наши знания о физической основе еще ненадежны, и мы не знаем, сколько дополнительных параметров нужно для классификации основных форм темперамента.

Не имея более точных знаний о предмете, мы предлагаем следующее определение как достаточно представляющее нынешнее психологическое употребление понятия и адекватное целям этой книги.

Под темпераментом понимаются характерные феномены эмоциональной природы индивидуума, включая его подверженность эмоциональной стимуляции, его обычную силу и скорость реакции, превалирующее настроение и все особенности колебаний и интенсивности настроения. Эти явления рассматриваются как зависящие от конституционального строения, следовательно, в основном как имеющие наследственную природу.

В данном определении не подразумевается, что темперамент неизменен с рождения до смерти. Подобно телосложению и интеллекту, темперамент может меняться (в некоторых пределах) посредством медицинских, хирургических и диетических вмешательств, а также в ходе обучения и приобретения жизненного опыта. Темперамент может меняться с развитием личности. Однако остается тот факт, что в наших природных способностях, начиная с рождения, существуют конституциональные, химические, метаболические, нейронные уровни, устанавливающие нам определенные рамки. Изменение возможно, но не безгранично.

[3] См.: *Adcock C.J.* The differentiation of temperament from personality // Journal of General Psychology. 1957. Vol. 57. P. 103–112.

Резюме

Вольтер однажды написал:

> Если вы собираетесь разговаривать со мной, сначала определите свои термины.

Такие высоко абстрактные слова, как *личность*, *характер* и *темперамент* особенно требуют определения, чтобы разговор о них приносил пользу.

Я даю личности «эссенциалистское» определение. *Личность* — это то, чем человек «реально является» вне зависимости от того, как другие люди воспринимают его качества и какими методами мы их исследуем. Наше восприятие и наши методы могут быть ошибочны так же, как астроном может потерпеть неудачу в изучении состава звезды. Но звезда находится все там же и по-прежнему интригует исследователя. Мое определение, конечно, не отрицает, что человек изменчив и его поведение может меняться от ситуации к ситуации. Оно просто гласит, что у человека есть внутренняя структура и диапазон характеристик (конечно, изменчивых, но поддающихся установлению), и мы надеемся изучить именно эту структуру.

Характер — термин, без которого мы в основном можем обойтись, так как он относится (по нашему определению) к оценке личности. С другой стороны, понятие «характерный» сохраняет свое первоначальное значение чекана (уникально выгравированные черты) и, следовательно, полезно для наших целей.

Темперамент, подобно интеллекту и телосложению, относится к «сырью», из которого сформирована личность. Природные основы темперамента не остаются неизменными, хотя они устанавливают ограничения на развитие личности. <...>

Теория общих черт

Едва ли кто-нибудь усомнится в существовании черт как существенных единиц личности. Они включены в обыденную речь. Мы говорим, что этот мужчина грубоват и застенчив, но прилежный работник, а та женщина брезглива, болтлива и язвительна. Психологи также общаются с помощью этих терминов. Один психолог недавно написал рекомендательное письмо для бывшего студента, характеризуя его как *амбициозного, дружелюбного, увлеченного учителя*, но обладающего *вспыльчивым нравом*. Даже в своих специальных работах по изучению личности большинство исследователей используют какую-нибудь теорию черт <...>. В то же время психологам известно, что здравый смысл — плохой ориентир, а вопрос о чертах личности — одна из областей исследования, где здравый смысл, даже если он верен в своей основе, требует критической проверки и уточнения.

Аргументы против черт

Начнем с того, что названия черт, вроде тех, которые приведены в предыдущем абзаце, подразумевают слишком многое. Молодой учитель не всегда «дружелюбен», он не одинаково «амбициозен» по всем направлениям, его «увлеченность», конечно, зависит от того, кого и чему он обучает.

В ходе второй мировой войны Управление стратегических служб учредило Диагностический Центр, где экзаменовались кандидаты на секретную работу за рубежом. После того, как кандидата в течение нескольких дней тестировали и обучали, несколько психологов должны были попытаться определить его характерные черты и предсказать, будут ли они способствовать или препятствовать ему при исполнении секретного задания. Исследователи нашли эту задачу чрезвычайно трудной, а соображения, которые они привели, могут быть восприняты как классическое утверждение об ограниченности любой доктрины черт:

> Легко точно предсказать результат соединения одного известного химического реактива с другим известным химическим реактивом в безукоризненно чистой пробирке. Но где тот химик, который может предсказать, что случится с известным химическим реактивом, если он соприкасается с неизвестным химическим веществом в неизвестном сосуде? Как тогда может психолог предсказать с какой-либо степенью точности результат будущих встреч одной едва знакомой личности с сотнями других неизвестных личностей в далеких неопределенных городах, деревнях, полях и джунглях, переполненных никому не ведомыми потенциальными неприятностями и выгодами?[4].

Этот критический разбор настолько верен и настолько убедителен, что мы должны сразу признать, что ***никакая теория черт не может быть доброкачественной, если она не принимает во внимание и не объясняет изменчивость человеческого поведения***. Давление со стороны окружающей среды, люди, с которыми человек общается, и противоречия самой личности могут задержать, усилить, исказить или полностью подавить поведение, которого мы могли бы ожидать в норме как проявления характерных черт человека. <...>

Все это правда, но в потоке человеческой деятельности кроме изменчивой части есть также часть постоянная, и эту постоянную часть мы стремимся определить с помощью концепции черт.

Основной принцип поведения — его непрерывное течение. Каждое последующее действие — это мобилизация значительной энергии для достижения конкретной цели. В каждый момент времени имеет место только одно интегрированное действие, и это действие — результат конвергенции энергий и напряжений, имеющих отношение к данной цели. Другими словами, данное действие есть результат взаимодействия многих детерминирующих сил, лишь одной из которых являются черты.

---

[4] См.: Assessment of men, OSS Assessment Staff. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1948. P. 8.

Действие — единственное, что мы можем наблюдать, но нет такого действия, в котором проявлялась бы только одна черта. Когда вы пишете письмо, в вашем поведении могут участвовать всевозможные детерминирующие факторы: чувство долга, некоторая тоска по вашему другу, просьба, с которой вы хотите к нему обратиться, тот факт, что у вас нашлось сейчас время написать, наличие ручки и бумаги, так же как наличие воспоминаний, эмоций, ассоциаций, связанных с этим действием. Такая сложная конвергенция детерминирующих свойств не позволяет нам сказать, что каждое отдельное действие оказывается исключительно результатом одной или более черт. Черты — это только один из факторов, которые детерминируют данное действие и делают его «характерным» для человека, но они никогда не бывают единственным определяющим фактором.

В отличие от «способностей» или «сил» (фигурировавших в ранней психологии), черты не могут быть уподоблены «маленькому человечку в груди», дергающему за ниточки нашего поведения. Черты — это свойства более гибкие, каждое проявление черты слегка отлично, поскольку оно сопровождается иными детерминирующимися условиями. К тому же после того, как действие произошло, возникает «обратная связь» с нервной системой, и в дальнейшем черта никогда не будет точно такой же, какой она была прежде. Таким образом, *непрерывное течение* поведения — факт первостепенного значения. Однако мы знаем, что черты существуют, поскольку, несмотря на непрерывное течение и изменения, в образе действия человека есть большое постоянство. Можно сказать, что определенные действия являются характеристикой человека. Черты лежат в основе «характерного» поведения.

Черты: истина или вымысел?

В начале любого обсуждения черт встает один метафизический вопрос, который (если ему позволить) может исказить всю проблему. Чем скорее мы избавимся от него, тем лучше. Коротко говоря, вопрос заключается в следующем: являются ли черты подлинными, истинными диспозициями? Термин *истинный* в философии обозначает, что объект, подвергаемый обсуждению, действительно *там* есть. Таким образом, черта, если она истинна, соответствует некоторой нейропсихологической системе. Или, с другой стороны, черты являются быть может всего лишь номинальной фикцией — словами, удобно сгруппированными для обозначения множества разрозненных действий?

Процитируем два определения, авторы которых признают истинность черт:

> Черта — это постоянная направляющая психическая сила, которая определяет активное или реактивное поведение человека[5].

---

[5] См.: *Baumgarten F.* Character qualities // British Journal of Psychology. 1936. Vol. 26. P. 290.

Черта — это измерение или аспект личности, состоящий из группы согласованных и связанных реакций, которые характеризуют типичную для человека приспособляемость[6].

Номиналистический взгляд на черты выразил более столетия назад Иеремия Бентам, который всегда боролся с подменой реальных сущностей вымышленными:

В настоящее время диспозиция (черта) является вымышленной сущностью, выдуманной для удобства рассуждений, для того, чтобы выразить то, что мнится постоянным в человеческом настроении[7].

Более современное изложение той же точки зрения таково:

Черты — это исключительно вымышленные названия, данные типам или качествам поведения, обладающим общими элементами. Это не психологические объекты, а скорее категории для классификации привычек[8].

Эта последняя цитата соответствует «доктрине специфичности». Привычки реальны сами по себе, черты же существуют не в самом человеке, а лишь во взгляде наблюдателя. На самом деле, это любопытная позиция. Фактически она утверждает, что малые единицы поведения (привычки) истинны, а более обширные диспозиции (черты) вымышлены. <...> Теперь мы спрашиваем, существуют ли черты «в действительности», или это только категория для упорядоченного описания поведения (упорядоченного для наблюдателя).

Вот кратко изложенные аргументы в пользу номиналистической позиции: 1) Никто никогда *не видел* черты ни одного человека; мы не можем также доказать, что черты соответствуют нейрофизиологической структуре. 2) Весь язык, включая названия, которые мы даем чертам, является номинальным. Слова обозначают *социальные*, а не *природные* категории. Как мы увидим далее в этой главе, в английском языке существует около 18 000 терминов, описывающих так называемые черты, но эти термины суть классификационные ярлычки, они обладают социальной полезностью, но нельзя доказать их происхождение от существующего в природе разделения на черты. 3) Всем нравится излишне упрощать свои представления и суждения о людях. Например, кто-то может считать, что негры (все негры) ленивы, невежественны и суеверны. В этом случае чрезмерное обобщение явно лишено смысла[9]. Столь грубый способ приписывания черт всегда приводит нас к затруднениям. А кроме того, мы склонны классифицировать людей (как индивидов, так и группы) с помощью некоторо-

---

[6] См.: *Shaffer L.F.*, *Shoben E.J.* The psychology of adjustment. (Rev. ed.) Boston: Houghton Mifflin, 1956. P. 317.

[7] См.: *Bentham J.* Principles of morals and legislation. Oxford: Clarendon, 1879. P. 131.

[8] См.: *May M.* Problems of measuring character and personality // Journal of Social Psychology. 1932. Vol. 3. P. 133.

[9] См.: *Allport G.W.* The nature of prejudice. Cambridge (Mass.): Addison-Wesley, 1954. Ch. 10, 11.

го количества названий. Никто не обладает такой простой и жесткой структурой, какую предполагают наши ярлычки.

И вот все эти аргументы прозвучали, но они не доказывают, что люди лишены черт. Они доказывают только то, что мы должны бороться с нашей склонностью упрощать структуру *другой* личности (личности другого человека). Мы предупреждены, что слова, которые мы используем, не точно соответствуют тем психологическим единицам, которые мы пытаемся назвать. В конце концов, эти аргументы говорят нам о том, что нужны хорошие методы для установления существования черт *другого*, поскольку мы никогда не можем наблюдать их напрямую.

Правда, что никто никогда *не видел* черты, но такая же правда, что никто никогда не видел структур и процессов, с которыми психологам неизбежно приходится иметь дело (влечения, привычки, ожидания, отношения, категории). Было внесено предложение говорить о «гипотетическом конструкте» в тех случаях, когда нам требуется допустить существование истинной диспозиции для объяснения наблюдаемой деятельности[10]. Против этого возражений нет при условии, что мы не будем путать «гипотетический конструкт» с простым «вымыслом». Сейчас нам не избежать вывода о том, что *черта* является гипотетическим конструктом, но когда-нибудь она, возможно, будет продемонстрирована непосредственно. В свое время планета Плутон или скромный атом считались «гипотетическими конструктами». В один прекрасный день наука смогла показать их напрямую. Мы надеемся, что однажды нейрофизиология прямо покажет нам процессы интеграции, входной селекции и чередования фаз, которые соответствуют нашему гипотетическому конструкту[11].

В настоящее время наше доказательство существования черт проистекает из согласованности отдельных наблюдаемых действий. По терминологии Стегнера, отдельные действия являются «индикаторами» черт. Например, в качестве индикаторов черты *изолированности* у Джона он отметил такие действия: отказ от приглашения на вечеринку; переход на другую сторону улицы, чтобы избежать встречи с недавним знакомым; планирование дня таким образом, чтобы сделать социальные контакты маловероятными[12].

Конечно, трех индикаторов недостаточно. Все они указывают на черту *изолированности*, но могут также объясняться *деловитостью* Джона или временным *настроением*. Но когда не три, а десятки, сотни или даже тысячи действий демонстрируют регулярную зависимость и согласованность, мы ощущаем твердую почву под ногами, говоря, что Джон *должен* быть парнем, склонным к уединению. (И тут мы сделаем паузу, чтобы напомнить себе, что никогда нельзя ждать совершенной согласованности.)

---

[10] См.: *MacCorquodale K.*, *Meehl P.E.* On a distinction between hypothetical constructs and intervening variables // Psychological Review. 1948. Vol. 55. P. 95–107.

[11] О возможном нейрофизиологическом паттерне, лежащем в основе черт, см.: *Hebb D.O.* The organization of behavior. N.Y.: Wiley, 1949.

[12] См.: *Stagner R.* Psychology of personality. N.Y.: McGraw-Hill, 1948. P. 151. (Rev. ed., 1961).

Природа общих черт

Мы проголосовали в поддержку взгляда на черты как истинные. Мы полагаем, что любая черта представляет собой обширную систему сходных тенденций к действию, существующих у человека, которого мы исследуем. «Сходными тенденциями к действию» являются те тенденции, которые исследователь, наблюдающий за ними с точки зрения действующего лица, может подвести под одну смысловую рубрику.

Но мы принимаем этот взгляд на черты с определенными оговорками. Во-первых, нам известно, что вербальные или математические ярлыки, которые мы клеим, берут начало в нашем собственном восприятии поведения других, а категоризация наших ощущений страдает пороком упрощения. Нам также известно, что мы насильно втискиваем наблюдаемое в имеющиеся у нас социальные или математические категории (такие, как *агрессивный* или *пылкий*, или факторы *A*, *B*, *C*).

Надо добавить еще одну важную оговорку. Мы делаем шаг в сторону от концепции истинности, когда пытаемся насильно приписать Джону единообразный набор черт, который мы стараемся приложить ко всем людям, включая Джона. Я сейчас продемонстрирую, что это же происходит при применении любого личностного теста, любой оценочной шкалы.

Предположим, что мы интересуемся чертой, которую можно назвать *доминирование — подчинение* (или *влияние*, или *лидерство*). Мы хотим протестировать силу этой черты у Джона. Мы можем осуществить это, только сравнивая его с другими людьми по одним и тем же измерениям. Поэтому мы разрабатываем шкалу, возможно, задавая вопросы следующего типа[13]:

Некто пытается втиснуться перед вами в очереди. Вы уже стоите долго и больше ждать не можете. Предположим, что нахал того же пола, что и вы, тогда вы обычно

— увещеваете нахала;

— «пронзаете нахала взглядом» или отпускаете ясно слышимые комментарии, обращаясь к соседу;

— решаете не ждать и уходите;

— ничего не делаете.

Испытываете ли вы смущение в присутствии начальства в академическом или деловом мире?

— отчетливо;

— до некоторой степени;

— вовсе нет.

Некое ваше имущество ремонтируется в мастерской. Вы приходите за ним в назначенное время, но мастер говорит вам, что «только что начал работу над вашим заказом». Ваша обычная реакция?

---

[13] См.: *Allport G.W.*, *Allport F.H.* The A–S Reaction Study. Boston: Houghton Mifflin, 1928.

— вы упрекаете его;
— вы мягко выражаете неудовольствие;
— вы полностью гасите ваше чувство.

Теперь мы просим множество людей из нашей «выборки стандартизации» ответить на тест и определяем средний уровень для группы. Затем мы сравниваем Джона с этой нормой и делаем заключение о том, что в сравнении с другими людьми он — парень уступчивый и податливый. Мы обнаружили, что он относится к низшим 10 % совокупности и, таким образом, приходим к заключению, что у него сильна черта «подчинения».

Теперь у нас есть хорошие логические основания для того, чтобы принять существование *общих черт* и оценивать данную личность вместе с другими людьми по общей шкале измерений. Эти логические основания таковы: ***нормальные люди в данной культурной среде неизбежно вырабатывают до некоторой степени сопоставимые формы приспособления.*** Например, у всех людей, живущих в англоязычных странах, вырабатывается в большей или меньшей степени умение владеть английским языком, и совершенно разумно предложить единообразный тест на успехи в языке, чтобы определить, находится ли умение владеть языком у данного человека на среднем уровне, выше его или ниже.

Или возьмем в качестве примера общую черту *доминирование—подчинение.* В обществе конкуренции (вроде нашего) каждый человек стремится выйти на уровень настойчивости, или доминирования, близкий его образу жизни. Один человек может жить вполне комфортно (и привлекательно), будучи уступчивым. Другой (благодаря характеру или тренировке) обнаруживает, что доминирование — более подходящий для него стиль приспособления к окружающей среде и овладения ею. У некоторых людей вырабатывается стиль чрезвычайной агрессивности, у других — чрезвычайной пассивности. Суть дела в том, что в нашем обществе людей можно сравнивать (приблизительно) по тому, как они решают проблему отношения к окружающей среде и к другим людям.

Герберт Спенсер давно обратил внимание на то, что вся эволюционная борьба заставляет животное (и человека) найти свой уровень доминирования. Когда два первых зверя встретились в лесу, говорил Спенсер, один из них заявил о своем *приглашении на обед*, а другой был вынужден сдаться и стать *обедом.* Недавние работы показали, что существует постоянная «очередность клева» у кур и других животных, такая, что животное *A* регулярно доминирует над животным *B*, животное *B* доминирует над *C* и т.д. К людям относится поговорка, что *приходится* быть либо ботинком, либо ковриком у двери.

Может показаться логичной разработка универсальной шкалы доминирования—подчинения, но эта процедура будет носить в лучшем случае характер *аппроксимации.* В конце концов, бесконечно разнообразие лидеров, тиранов, агрессоров, последователей, уступчивых и робких душ. Эта шкала не распознает и не может распознать тонких нюансов черт у разных людей. [Далее. — *Ред.-сост.*] мы более тщательно исследуем проблему индивидуальных личностных черт.

Теперь вернемся к общим чертам. Существует множество сторон личности, по которым может быть произведено приемлемое сравнение всех представителей данной культуры. Кроме доминирования—подчинения мы можем упомянуть разговорчивость, радикализм, заботу (только) о деньгах, уединенность, тревожность, потребность в достижении, расовые предрассудки и еще сотни измерений. ***В таком случае, общие черты — это те стороны личности, в отношении которых может быть проведено осмысленное сравнение большинства людей, принадлежащих к данной культуре.***

Что касается истинности, то теперь должно быть ясно, что мы производим гораздо большее насилие над структурой личности Джона, когда втискиваем его в единообразные категории черт, чем когда рассматриваем его как человека самого по себе и пытаемся обнаружить действительно существующие внутренние системы его личной жизни.

Мы заключаем, что общие черты не должны полностью исходить из естественных различий у людей, поскольку сходным образом сконструированные смертные в сходных условиях среды *склонны* вырабатывать похожие цели и похожие методы их достижения. В то же время общие черты — это до некоторой степени продукт нашего метода ***насильственной*** категоризации отдельных людей. Таким образом, общие черты в большей степени номинальны и в меньшей — истинны, чем личностные черты <...>. Тогда мы можем сказать, что они лишь наполовину истинны, но, тем не менее, незаменимы, исследуем ли мы личность с помощью шкал, тестов, оценок или любого другого сравнительного метода.

Как их выявить?

Предположим, вы сказали, что определенный ваш друг ***великодушен, пунктуален, любитель искусства*** и ***шутник***. И, предположим, я спросил: «Откуда вы знаете, что он таков?» Вашим ответом наверняка будет: «Ну, я знаю его очень давно, и в ситуациях, связанных с интересами и благополучием других людей, он обычно поступает великодушно. Когда же мы назначаем встречу, он редко опаздывает. Он часто ходит на художественные выставки, немного рисует сам, а на его книжных полках много работ по искусству, и, сталкиваясь с суетой в своей жизни и в окружающем мире, он часто (но, конечно, не всегда) справляется с ней с легкостью и придает ситуации юмористический поворот». Другими словами, ***частота***, с которой человек выбирает определенный способ адаптации, — вот один из критериев черты. Второй критерий — ***круг ситуаций***, в которых он выбирает этот самый способ действия. Третий — ***интенсивность*** его реакций, согласованных с этим «предпочитаемым паттерном» поведения.

Психологи используют те же самые критерии. Взглянем на три приведенных нами выше пункта тестов. В первом и третьем вас спрашивают, каковы «предпочитаемые вами паттерны»: являются ли они паттернами доминирования или подчинения. Эти вопросы также приглашают вас оценить, что в вашем

случае является обычным или привычным (частоту). Второй вопрос выявляет, насколько *силен* ваш отклик. С помощью всех трех вопросов (и многих других из той же оценочной шкалы) предполагается выяснить, насколько широк диапазон ситуаций, в которых вы принимаете «предпочитаемый паттерн» доминирования или подчинения. Все три критерия (частота, диапазон и интенсивность) поддаются количественному измерению и допускают статистическую обработку.

Конечно, психологу нет необходимости использовать самоотчет, как в этом подробном тесте «карандаша и бумаги». Он может не доверять самоотчетам и выбрать для использования прямое наблюдение. Например, он может использовать «периодическое наблюдение» (возможно, наблюдая за определенным ребенком на площадке для игр в течение десяти минут в день), фиксируя, как часто, насколько интенсивно и в каком диапазоне ситуаций этот ребенок доминирует или подчиняется. Он может наблюдать взрослых на групповых встречах (возможно, наблюдая через экран с односторонней видимостью — «зеркало Гезелла») и подсчитывать «взаимодействия» доминирования и подчинения. Или же он может использовать оценочную шкалу и просить других людей оценить, насколько сильна или слаба данная черта у Джона, Мэри или Тома. (Если он использует оценочную шкалу или даже сам проводит наблюдения, психолог захочет, чтобы суждения подтверждались другими исследователями, чтобы обеспечить то, что называют *надежностью наблюдения*.)

Статистическое подтверждение существования черт заложено в различных измерениях *надежности*. Если в исследовании принимают участие различные наблюдатели или оценщики, необходимо, чтобы они согласились друг с другом. Если используется тест, принципиально важно, чтобы у испытуемых воспроизводились примерно те же самые результаты в случае, когда тест повторно проводится через некоторое время (*ретестовая надежность*). Также существенно, чтобы человек, проявивший доминирование в одной ситуации, также демонстрировал (обычно) свое доминирование в других ситуациях. Поскольку, как мы видели, очень важно проводить индивидуальный опрос, статистическое измерение (его *внутренняя надежность*) просто определяет, коррелируют ли ответы на отдельные вопросы друг с другом и с общим результатом для всей совокупности в целом. Это означает, что для всех людей, заполняющих тест, существует тенденция: если показан высокий результат по одному пункту, то и по другим пунктам оказываются высокие результаты. Если это так, то тест измеряет общую черту с довольно высокой надежностью.

Мы утверждаем, что если можно доказать, что один вид деятельности статистически связан с другим видом деятельности, то это свидетельствует о том, что нечто (а именно черта) лежит в основе обоих этих видов деятельности. Это — «общая черта», если данные получены на всей совокупности испытуемых. Тест на доминирование—подчинение, упомянутый выше, обладает ретестовой надежностью 0.78 (максимально возможное значение — 1.00), а внутренней согласованностью около 0.85. Поэтому мы приходим к заключению, что человек,

в общем, устойчиво располагается в определенном месте континуума от сильного доминирования до крайней подчиненности, а поэтому люди могут успешно сравниваться по этим общим (генерализованным) свойствам личности.

Множество (возможно, тысячи) общих черт были установлены таким путем. Назовем некоторые: ***невротичность, социальная экстраверсия—интроверсия, авторитаризм, внешняя тревожность, потребность в достижении, мужественность или женственность в интересах, конформизм.***

Проницательный читатель может обнаружить ловушку в этой процедуре. Предположим, исследователь намерен определить, является ли, скажем, *щедрость* общей и измеримой чертой. Во-первых, он должен придумать свою шкалу измерений. Делая это, он изобретает множество воображаемых ситуаций. Проведя предварительную проверку своей шкалы, он обнаруживает, что некоторые ситуации не подтверждают другие (низкая надежность по отдельным вопросам), поэтому он отбрасывает одни из них и изменяет формулировку других, пока не создает надежную шкалу. Таким образом, то, что он *вкладывает* в шкалу, определяет ту общую черту, которую он *получает на выходе.* Эта произвольность противоречит чистому натурализму (т.е. обнаружению того, каковы «в действительности» слои человеческой натуры). Это одна из причин, по которым мы не можем слишком решительно утверждать истинность общих черт.

Выявление общей черты может оказаться затруднительным. Вероятно, мы потерпели бы неудачу в поисках достаточного числа примеров *донкихотства, изменничества* или *клептомании* для того, чтобы оправдать шкалирование индивидов по этим переменным. У определенных людей они могут оказаться важными личностными диспозициями, но они *не являются* общими чертами.

Пытаясь определить, является ли *пунктуальность—склонность к опозданиям* общей чертой, Дудича обнаружил, что примерно 40 % испытуемых действительно устойчиво склонны приходить вовремя, с опозданием или слишком рано на собрания в колледже (столь различные, как баскетбол, восьмичасовые занятия, обед, частные встречи). Но около 60 % испытуемых продемонстрировали слишком большую вариативность, чтобы сделать вывод о том, что они обладают каким-либо «предпочитаемым паттерном» приспособления[14].

Научное свидетельство существования любой характерной черты — это всегда результат демонстрации *последовательности* человеческого поведения с помощью какого-либо подходящего метода. В случае общих черт необходимо также продемонстрировать, что вся совокупность испытуемых разумно последовательна в своем поведении с течением времени и в различных ситуациях. Но какого уровня согласованности должны мы требовать? Такого ответа нет. Говоря языком статистики, чем выше надежность измерений, тем надежнее свидетельства в пользу черты. В случае использования традиционных корреляционных измерений (ретестовой надежности или внутренней согласованно-

---

[14] См.: *Dudycha G.J.* An objective study of punctuality in relation to personality and achievement // Archives of Psychology. 1936. № 204.

сти) большинство психологов не склонны полагаться на корреляции меньше, чем 0.80. Учитывая неустранимую изменчивость поведения, непосредственное воздействие ситуации и ошибки измерения, мы не удивляемся тому, что для достижения этого минимума в измерении шкалу зачастую приходится несколько раз пересматривать (это, как мы сказали, делает всю процедуру несколько искусственной).

Нормальное распределение

Одна из обычных (но не абсолютных) характеристик общих черт — это их так называемое нормальное распределение. (Отметим, что это утверждение относится только к общим чертам, так как по самой своей природе индивидуальные черты, которые мы обсудим в следующей главе, не могут быть приложены к совокупности испытуемых.)

Исследователь *хочет* думать об общей черте как о «континуальной» с количественными оценками, упорядоченными в форме «колоколообразного» распределения. В большинстве случаев наблюдаются средние оценки, а число остальных снижается по направлению к наибольшему и наименьшему значениям. Только в том случае, когда черта обладает этим нормальным распределением, мы можем применить обычные статистические методы измерения.

На рисунке 1 показана ситуация с одной общей чертой — доминированием—подчинением. На графике представлен широкий круг оценок (фактически 119 баллов), показывающих чувствительность шкалы. Крайние оценки встречаются нечасто. Большинство людей обладает умеренными оценками, сгруппированными вокруг «точного среднего» (середины). Средние оценки могут быть результатом предпочтения «умеренных» ответов, указывающих на диспозицию избегания крайних моделей адаптации; или же они могут быть (и иногда бывают) результатом усреднения ответов с высокой степенью доминирования и подчинения. (В последнем случае средняя оценка вводит в заблуждение, поскольку у испытуемого есть две сильные, но противоречивые диспозиции.)

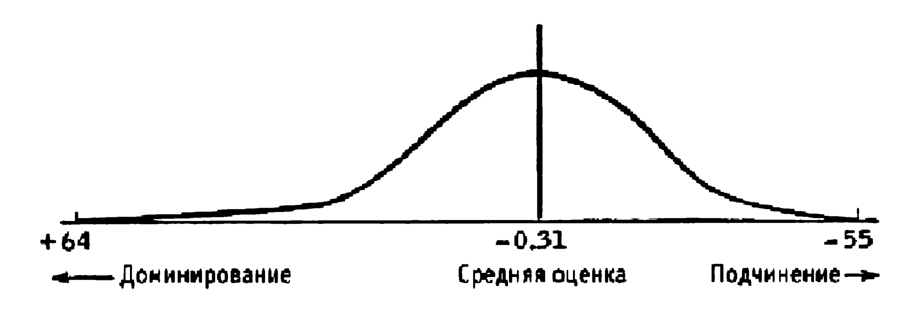


Рис. 1. Распределение баллов по Тесту доминирования—подчинения. Составлено на основании децильного распределения оценок из исследования реакций Д—П; форма для мужчин

Когда исследователь достигает такого нормального распределения оценок, он бывает вполне удовлетворен. Теперь он может сравнивать людей в отношении общих черт. Он знает, что высокие и низкие оценки — это важные отклонения от универсальной (или групповой) нормы. Он может использовать эти результаты в разных статистических целях.

Нормальная кривая — это сладкая мечта психодиагноста, но нелегко точно объяснить, что она означает. Фактически, обычно она бывает продуктом смешанных обстоятельств. Прежде всего, частично она может отражать стремление природы к усреднению; но вдобавок она отражает социальное давление в направлении конформности с некоторым принятым «средним» уровнем поведения. Нормальное распределение часто бывает результатом случайного наложения противоположных способов адаптации на одной линейной шкале. Наконец, распределение в определенной степени подвержено влиянию автора теста, который стремится к тому, чтобы последовательные улучшения, вносимые в шкалу, вели ко все более и более симметричному разбросу оценок. Последняя процедура не встречает серьезных возражений, как и полученная таким образом нормальная кривая, поскольку в любом случае шкалирование общих черт — всего лишь грубый способ подхода к личности. Тем не менее, в интересах хорошей теории важно осознать степень усложнений, которые вносятся в одну «простую» переменную ради удобства измерения. Только сделав это, мы можем избежать самонадеянных ошибок, допущенных целым рядом авторов, считавших, что «все в личности нормально распределено».

Черты и другие детерминирующие тенденции

Психологи жить не могут без концепции «установки», подразумевая под этим готовность к реакции. Без подобной концепции было бы невозможно объяснить стабильность и последовательность поведения[15].

---

[15] Слабость формулы *S—R* в том, что она не может охватить крайне сложную внутреннюю организацию, которая проявляется, когда стимул воспринимается, о нем думают, он направляется по тому или другому пути, неся на себе отпечаток личности все время вплоть до результирующего действия. Более приемлема формула *S—O—R* (***паттерн стимуляции—внутренняя организация—реакция на продукты этой организации***). Знак «*O*» в этой формуле является свидетельством признания существования «детерминирующих тенденций» в том смысле, в котором мы используем этот термин. Строгие методологи утверждают, что точно понять, что из себя представляет «*O*», мы не можем, поэтому правильным было бы назвать «*O*» «промежуточной переменной». Но если настаивать, то даже самый строгий методолог признает, что под «промежуточной переменной» он понимает такие возможные «конструкты», как влечения, привычки, установки, черты. Те немногие экстремисты, которые пытаются подходить к психологическим проблемам на строгой основе *S—R* («незаполненного организма»), в основном работают с голубями или крысами и не вносят вклада в исследование личности. Если спросить у них, как они подходят к проблемам личности, последует ответ, имеющий к этому отдаленное отношение: «Если бы мы достаточно знали о стимулах, понятие личности было бы не нужно». Не очень-то убедительно.

Поскольку психологи всегда предполагали, что привычки, влечения, потребности, следы в памяти, подсознательные комплексы, чувства, психические установки и многие другие диспозиции и системы того же типа существуют в нейропсихологической структуре, присоединение «черт» к этому ряду не требует дополнительных аргументов.

Здесь нас заботит только вопрос терминологии. Когда следует использовать термин *черта*, а когда — какой-либо другой термин из этого ряда?

Черта и привычка. Обычно термин *привычка* используют для обозначения детерминирующих тенденций узкого и ограниченного типа. Маленький ребенок приучается (с трудом) чистить зубы утром и вечером. В течение нескольких лет эта привычка занимает обособленное положение, пробуждаясь только от соответствующих команд родителей в качестве звена в цепи действий, которые он осуществляет утром и вечером. Однако с течением лет чистка зубов становится не только автоматической (как действуют привычки), но вплетается в расширенную систему привычек — в черту *личной чистоплотности*. Многие взрослые обладают генерализованной привычкой избавления себя от грязи всех видов. Если кто-нибудь пренебрегает чисткой зубов, он ощущает дискомфорт не только потому, что нарушена привычка, но и потому, что такое пренебрежение противоречит более общей черте чистоплотности.

Из этого примера вытекает вполне корректное предположение о том, что каждая черта, по крайней мере частично, вырастает из интеграции многочисленных специфических привычек, которые обладают для конкретного человека одним и тем же общим адаптивным значением. Привычки не объединяются автоматически, но они объединяются, когда человек обладает некоторым общим представлением, или некоторым образом себя, который приводит к их слиянию под воздействием организационной системы более высокого порядка. Ребенок никогда не бывает «вежливым вообще». Сначала он учится говорить «спасибо», не прерывать других, когда они говорят, придерживать дверь для матери, входящей в дом. Все это — характерные частички обучения. Однако когда он станет взрослым, можно будет говорить о вежливости как о его черте. Привычки теперь интегрированы в представлении о том, каким должен быть его собственный стиль жизни. <...>

Итак, черта более генерализована, чем привычка. Она также более изменчива в своих проявлениях. Это очень важный момент. *Вежливость* — больше, чем простое скопление привычек. Истинно вежливый человек для того, чтобы поддержать свою черту *вежливости*, будет изменять свое поведение вплоть до нарушения своих вежливых *привычек*. Обычно считается невежливым пить за обеденным столом из руки, сложенной чашечкой, но рассказывают об одной хозяйке в Вашингтоне, которая поступила так для того, чтобы поддержать своего восточного гостя, который выпил из своей руки. Она нарушила свою привычку, но поддержала свою черту.

Вежливый американец быстро обучается тому, что в некоторых странах удовлетворение от принятия пищи выражают отрыжкой, а в других избегают этого

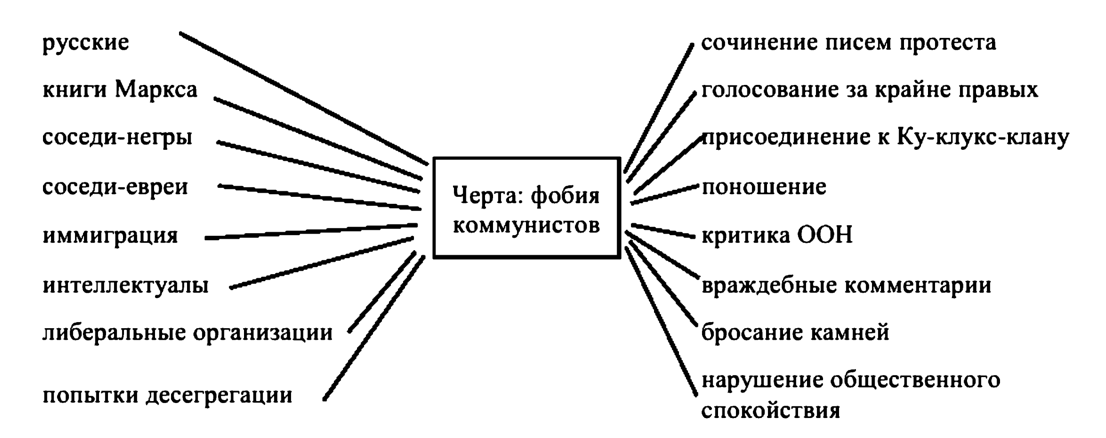


Рис. 2. Обобщенность черты.
Диапазон черты определяется эквивалентностью стимулов, вызывающих ее, и эквивалентностью провоцируемых ею реакций

искреннего действия. Если у него есть привычка занимать самое неудобное место в комнате, в Германии он быстро нарушит свою привычку, когда узнает, что наиболее неудобным местом часто является софа, сидеть на которой, однако, почетно. В одной стране (для того, чтобы оказаться вежливым) он приучится в гостях расспрашивать хозяина о том, сколько тот заплатил за то или иное свое имущество, в другой стране (для того, чтобы оказаться вежливым) он не будет задавать такие личные вопросы.

Здесь мы вновь обращаемся к понятию *эквивалентности.* Во всех странах наш вежливый путешественник обнаружит, что социальные отношения большей своей частью пробуждают у него диспозицию вежливости. Следовательно, многие социальные стимулы *эквивалентны* в своем влиянии на эту черту. С другой стороны, его действия, хотя они и чрезвычайно разнообразны, также эквивалентны в том, что все они *означают* вежливость. Это положение иллюстрирует рис. 2. (Понятие эквивалентности в чем-то сходно со стимул-реактивной концепцией «генерализации стимула». Эта последняя, однако, подразумевает, что генерализация — автоматический результат частого обусловливания. «Эквивалентность» же требует, чтобы человек воспринимал общий смысл ряда стимулов, на которые он реагирует.)

Итак, черта — это ***нейропсихологическая структура, обладающая способностью делать многие стимулы функционально эквивалентными и инициировать и направлять эквивалентные (разумно последовательные) формы адаптивного и экспрессивного поведения.***

Черта и установка. Не всегда можно отличить, что правильно называть *чертой*, а что *установкой. Патриотизм* — это черта или установка в отношении родной страны? *Экстраверсия* — это черта или установка в отношении жизни? *Авторитаризм* — черта или установка? В этом и подобных случаях безразлично, какой термин мы используем. Приемлемы оба обозначения.

Но обычно существуют два различия между этими двумя понятиями: 1. Установка всегда обладает предметной отнесенностью. У человека бывает установка *по отношению к* Пастернаку, коммунизму или исследованиям Арктики. Черта — результат действия такого большого числа объектов, что мы не пытаемся точно определить их. Поэтому черта обычно рассматривается как носящая более общий характер (обладающая более высоким уровнем интегрированности), чем установка. Человек конформен, экспансивен, застенчив, влиятелен в таком множестве ситуаций, что мы не можем определить их, как в случае с установкой. 2. Установки обычно бывают в поддержку или против чего-то, благоприятные или неблагоприятные, расположения или неприязни; они ведут человека к объекту установки или от него. Эндрю обладает благоприятной установкой в отношении своей церкви, негативной установкой в отношении соседа и амбивалентной (как благоприятной, так и неблагоприятной) установкой в отношении телевидения.

Это свойство приближения или удаления придает понятию установки определенный двигательный оттенок. Установка направлена на действие. В большинстве языков мы обнаруживаем сравнимые термины, которые объединяют «положение» движения с внутренним состоянием ума. Джонстон показал это на примере анализа 12 языков, как показал и то, что термин «*установка*» обычно в большей степени относится к движению, чем к внутреннему состоянию. В некоторых языках существуют более тонкие отличия, чем в английском. Так, когда говорят о политической установке (например, рассматривая положение Англии на Среднем Востоке), в греческом языке используют термин *stasis*, тогда как, говоря об образе мышления и поведения (в том, что касается расовых отношений), в том же языке используется термин *symperiphora*[16].

Но, как мы уже сказали, область действия установки может быть настолько широка, что она может отождествляться с чертой. Если человек любит свою собаку, но не других животных, у него есть установка; если же у него есть установка на заботливое и сочувственное отношение к людям и животным, то у него в то же время есть черта *доброты*.

Как *установка*, так и *черта* — незаменимые понятия в психологии. Совместно они охватывают основные типы диспозиций, с которыми имеет дело психология личности. Однако мимоходом отметим, что, поскольку *установка* связана с направленностью людей на выявление различных сторон окружающей их среды (включая людей, культуру и общество), она является излюбленным понятием *социальной психологии*[17]. Однако в сфере личности нас интересует личностная структура, в результате предпочитаемым понятием становится *черта*.

---

[16] См.: *Johnstone J.* «Attitude» in psychology and psychosomatic medicine // Journal of Nervous and Mental Diseasess. 1953. Vol. 117. P. 287–299.

[17] Об истории термина «установка» и его использовании в социальной психологии см.: *Allport G.W.* Attitudes // A handbook of social psychology / C.C. Murchison (Ed.). Worcester: Clark Univ. Press, 1935. Ch. 17.

Черты и другие формы готовности. Выше мы обсуждали такие «промежуточные переменные», как *влечение, инстинкт, потребность.* Поскольку они оказались полезны в качестве единиц сравнения индивидов и считаются обозначающими реально действующие диспозиции, они могут быть отнесены к нашему понятию *общих черт. Фактор,* как мы показали, является несколько надуманным понятием, но все же это понятие родственно *черте.* Используются, кроме того, еще более близкие понятия. Коротко упомянем их. *Чувство* находится между *установкой* и *чертой.* Обычно мы можем назвать объект чувства, как можем сделать это для установки; кроме того, у них более или менее общие объекты[18]. Патриотизм можно назвать *чувством*, или *установкой*, или *чертой.*

Гольдштейн[19] ввел понятие *предпочитаемых паттернов* поведения. Этот термин шире, чем черты, но удачен. Левин[20] говорит об *областях* («внутриличностной» и «перцептивно-моторной»). Эта пространственная метафора предполагает модель теории поля, но она в высокой степени суггестивна. Другие термины, относящиеся к определенным видам черт: *интерес, ценность, комплекс, эго-система* (Коффка), *обобщенная привычка* (Дьюи), *стиль жизни* (Адлер), *синдром* (Маслоу).

Очертив эти разнообразные особенности, попытаемся теперь сформулировать итоговую формулировку. Фактически в этой формулировке сконденсировано все, о чем шла речь в этой главе.

Общая черта — это категория для классификации функционально эквивалентных форм поведения у широких групп людей. На общие черты воздействуют искусственные и надуманные соображения, но до определенной степени общие черты отражают соответствующие действительности и сопоставимые диспозиции многих людей, которые, благодаря общности человеческой природы и общей культуре, вырабатывают схожие (хотя и в неодинаковой степени) способы приспособления к окружающей их среде.

Если это утверждение покажется слишком специальным, читатель может предпочесть простое, хотя и менее точное утверждение о том, что общая черта — это некоторая *обобщенная диспозиция, в отношении которой можно успешно сравнивать людей.* <...>

Обозначение общих черт

В английском языке приблизительно 18 000 слов (главным образом, прилагательных), обозначающих различные формы поведения человека[21]. На первый взгляд эта масса слов напоминает семантический кошмар. Однако очевидно,

---

[18] Чувству как единице оценки личности отдают предпочтение Мак-Дугалл (*McDougall W.* Energies of men. N.Y.: Scribner, 1933) и Мюррей с Кристиной Морган (см.: *Murray H.A., Morgan Ch.D.* A clinical study of sentiments, I // Genetic Psychology Monographs. 1945. Vol. 33. P. 3–149).

[19] См.: *Goldstein K.* The organism. N.Y.: American Book, 1939. Ch. 7.

[20] См.: *Lewin K.* Principles of topological psychology. N.Y.: McGraw-Hill, 1936. Ch. 17.

[21] См.: *Allport G.W., Odbert H.S.* Trait-names: a psycho-lexical study // Psychological Monographs. 1936. № 211.

что названия черт связаны с основными структурными единицами личности, и наша задача будет заключаться в том, чтобы по возможности обнаружить эту связь.

Эти тысячи названий возникают благодаря существованию двух различных видов воздействия. Прежде всего, мы должны быть уверены, что люди испытывают желание давать имена тому, что действительно существует в человеческой природе. Если бы простые смертные не *имели* способностей и диспозиций, мы вряд ли давали бы им названия. Более того, названия в некоторой степени поправляют сами себя, поскольку бесполезно сохранять ложные верования в нечто фантастическое, давая ему имя; все преимущества в том, чтобы использовать названия, обозначающие реальные психические структуры. Это одна из причин, по которой существуют названия черт. Если бы она была единственной, то соответствие словаря психологической реальности было бы точным, гораздо более точным, чем на самом деле.

Другой фактор, влияющий на наш лексикон названий черт, в корне отличается от первого; он связан с причудливыми формами культурных влияний. Очень давно благодаря медицине Галена в английский язык вошли такие названия черт, как *сангвиник, холерик, меланхолик, флегматик, добродушный, гнилодушный,* а также *хладнокровный, душевный, бездушный* и *сердечный* (произошедшие из веры в то, что в сердце располагаются ум и чувства). Протестантская Реформация с ее подчеркнутым вниманием к духовному миру и самоанализу принесла много полезных прилагательных, обозначающих черты (среди них *искренний, набожный, нетерпимый, аккуратный, фанатичный*), а также многие составляющие *Я: самоуважение, самоуверенность, самолюбие, доверие к самому себе, самооценка. Себялюбие* — название, придуманное пресвитерианцами около 1640 года. Растущий субъективизм в литературе восемнадцатого века принес *апатию, разочарование, депрессию, мечтательность.* Высший свет добавил *пристойность, неотесанность, занимательность, скуку.* Нынешнему времени принадлежат многие выражения, некоторые из которых все еще считаются сленгом: *зазывала, карьерист, битник, громила, подхалим, очковтиратель, недотепа, паникер, пройдоха, жиголо, экс-горожанин.* В этот постоянно пополняемый словарь характеристик человека психологи внесли *интроверта, невротика, регрессивный тип, психопата, соматотоника, шизоида* и многих других. Некоторые символические обозначения отмирают, но названиям черт свойственно множиться — без сомнения, это отражает постоянно растущий интерес к человеческой природе.

Поэтому мы заключаем, что отчасти действующие названия черт указывают на общие характеристики, по которым можно сравнивать людей. Иначе говоря, во многих терминах отражается стремление выразить истинные свойства людей. Этому соответствуют около 25 % названий.

Но язык сложен. Он служит также для оценок. Когда мы говорим, что женщина *привлекательна*, мы говорим не о диспозиции, расположенной «внутри человека», а о воздействии на других людей. Такой преобладающий оттенок оцен-

ки имеют около 30 % названий черт, среди них *прелестный, ангельский, скучный, отвратительный, завидный, злой, великолепный, докучливый, обаятельный.*

Часто трудно провести черту между названиями, отражающими действительность, и оценочными названиями. Прежде всего, слова похвалы или порицания, такие как *честный, законопослушный* или *бескорыстный*, могут подойти для того, чтобы отразить желаемый образ самого себя, и человек может стремиться (формировать черту) соответствовать социальному идеалу.

Есть еще два класса терминов. Мы обозначаем временные состояния ума, настроения, эмоций или текущей деятельности, например, *смущенный, тараторящий, ликующий, бешеный.* Такие названия описывают поведение, но не подразумевают постоянных «предпочитаемых паттернов». Из тех 18 000 слов таких около 25 %. Наконец, мы должны учесть большое множество обозначений (20 % от всех), являющихся метафоричными или сомнительными, таких как *бодрый, аморфный, полный, плодовитый.*

Когда мы говорим, что перечень простых описывающих человека терминов содержит примерно 18000 слов, мы упускаем громадное число пишущихся через дефис и составных выражений: *любитель природы, ненавидящий притворство, человек, которого никогда не заботят детали* и т.д. Не является ли число возможных описаний человека в английском языке (или в других высокоразвитых языках) практически бесконечным?

Подводя итоги, отметим, что наша теория названий черт считает названия, предложенные словарем, символами, в которых смешаны психологическая, культурная и этическая составляющие. Оценочные и уничижительные высказывания малополезны при изучении структуры личности, однако они могут быть полезны при изучении социального влияния одних людей на других. Вероятно, число простых (безоценочных) слов, явно указывающих на устойчивые (не временные) черты, находится между 4000 и 5000. Однако возможны столь многие комбинации слов, что число доступных обозначений черт гораздо больше.

В лучшем случае названия черт — это *классифицирующие названия.* Другими словами, называя и Тома, и Теда агрессивными, мы не подразумеваем, что их агрессивность по своей сути идентична. Обыденная речь — плохой ориентир в психологических тонкостях. Но слова — лишь грубые вместилища. Мы вкладываем в них громадное множество значений, которые приблизительно, но очень грубо сопоставимы друг с другом.

Словесные обозначения — это почти все, с чем нам приходится работать, как бы мы ни были этим недовольны. Возможно, когда-нибудь у психологической науки будут другие обозначения черт (факторные или математические), но прогресс в этом направлении слишком незначителен для того, чтобы склонить нас к отказу от элементарной приверженности родному языку. Наша участь — анализировать черты с помощью слов, делая в этом направлении все, что возможно, для *точной характеристики* наших терминов. <...>

Личностные диспозиции

<...> Продолжим наше обсуждение названий черт. Мы обнаружили, что некоторые из них берут начало от исторических лиц или вымышленных персонажей: донкихотство, нарциссизм (по-английски сначала было *Narcissusistic*, затем *narcissistic*, сейчас *narcistic*), шовинизм, садизм, квислинги. Человек может быть охарактеризован как гомеровский персонаж, раблезианец, толстовец. Мы можем назвать человека «иудой», «донжуаном», «пиквиком», «отелло», «фальстафом». Во всех этих случаях и во многих подобных мы замечаем некоторые особенно выдающиеся характеристики того или иного индивидуума, берем их как ярлычки и время от времени (не часто) навешиваем их на других людей.

Упомянутые выше черты не относятся к общим. Было бы абсурдом пытаться сравнивать всех (или бóльшую часть) людей по шкале, созданной для измерения своеобразной *демонстративной утонченности* франта Бруммеля или *сексуальной жестокости* маркиза де Сада. Уже сам факт, что мы сейчас используем эти характеристики, демонстрирует то, что мы отделили их от индивидуальных образов, стремясь приложить их к другим индивидам, которым они могут подойти. Слова обобщают. Даже говоря «этот мальчик», мы указываем на особенное посредством двух абстрактных слов. Только имя собственное — например, Франклин Рузвельт — приближается к обозначению личности как единственного на свете уникального события.

Уникальность личностных диспозиций

Мы вновь приходим к утверждению, которое так шокирует науку. Франклин Рузвельт был единственным на свете уникальным историческим событием, и невероятно сложная организация его психических процессов и нервной системы была также уникальной. Иначе и нельзя рассматривать индивидуальный характер его наследственности и индивидуальный характер его жизненного опыта <...>. Даже подсистемы его личности были, в конечном счете, уникальными. Столкнувшись с этой неопровержимой логикой, один разгневанный психолог воскликнул: «Я думаю, бессмысленно говорить о том, что никакие два человека не обладают одной и той же чертой. Я имею в виду, конечно, что это истина, но это одна из тех истин, с которыми нельзя согласиться». Мы ответим: к несчастью, это та истина, с которой исследование личности *должно* согласиться, какие бы большие осложнения это ни создавало.

Чтобы отделить эту проблему от проблемы общих черт, мы будем использовать различные термины. Уместно говорить об *индивидуальных* (или *личностных*) чертах в отличие от *общих* черт, поскольку есть сходство между этими двумя понятиями (например, обе касаются комплексного уровня организации). Тем не менее, для ясности, мы будем называть индивидуальную структурную единицу не чертой, а личностной диспозицией (и будем время от времени использовать аббревиатуру ЛД).

Бо́льшая часть того, что мы говорили об общих чертах, применима также и к личностным диспозициям. Те и другие являются широкими (обобщенными) детерминирующими тенденциями; те и другие одинаково отличаются от привычек, установок и типов; те и другие относятся к уровню анализа, наиболее удобному для исследования личности; существование тех и других выводится из наличия действий, обладающих «функциональной эквивалентностью».

Но есть и отличия. Нет смысла говорить о «нормальном распределении» ЛД, поскольку каждая из них уникальна для одного человека. Названия черт лучше подходят общим чертам, чем личностным диспозициям. (Обычно для обозначения ЛД требуется несколько слов, например, когда мы говорим: «Маленькая Сьюзан обладает своеобразным, присущим только ей тревожным стремлением приносить пользу» или «Он сделает что-нибудь для вас только в том случае, если это не потребует от него никаких усилий».)

Мы утверждаем, что ЛД (если она верно определена) точно отражает личностную структуру, тогда как общие черты представляют собой категории, под которые индивида подгоняют.

Например, с помощью методов, направленных на общие черты, мы обнаруживаем, что у Питера *эстетические интересы* и *тревожность* развиты сильнее, а *лидерство* и *потребность в достижении* — слабее. Но важно то, что *все* эти общие черты особым образом окрашивают его жизнь и (что еще более важно) взаимодействуют друг с другом. Таким образом, точнее будет сказать, что его ЛД — разновидность *артистической и самодостаточной уединенности*. Отдельные баллы, отражающие общие черты, не отражают полностью этот паттерн.

Но, спросите вы, не «более ли научно» работать с общими чертами? Постепенно мы ответим на этот вопрос. В настоящий момент мы просто утверждаем, что общие черты — это в лучшем случае приближение. Часто они оказываются не в состоянии отразить структуру данной личности. <...>

Пусть читатель не думает, что мы осуждаем подход, основанный на общих чертах. Это далеко не так. Мы считаем его единственно возможным для сравнения людей друг с другом и признаем, что получаемые с его помощью оценки и профили проливают некоторый свет на то, что нам нужно. Мы просто говорим, что есть иной, более точный способ рассмотрения личности, а именно выявление внутреннего структурирования (морфогенеза) жизни как уникального продукта природы и общества.

Рассматривая личность тем единственным способом, каким она может быть понята, мы видим в ней структурную сеть (композицию), включающую системы внутри систем, некоторые системы малой величины и нечто вроде периферии по отношению к центральной и главной структуре, а также другие более масштабные системы, находящиеся в сердцевине всего сооружения. Некоторые из этих систем легко вовлечь в действие, другие более пассивны; одни настолько культуросообразны, что их можно легко рассматривать как «общие», другие определенно идиосинкратичны. Но, в конечном счете, эта сеть, содержащая биллио-

ны и биллионы нервных клеток, сформированная наследственностью и никогда не повторяющимся опытом отношений с окружающей средой, уникальна.

Твердолобые ученые законники возразят: «Ну, все в мире уникально — каждый камень на лугу, каждая старая туфля, каждая мышь, но все они состоят из одних и тех же элементов. Уникальность появляется тогда, когда общие элементы комбинируются в различных пропорциях. Органическая химия, например, занимается главным образом различными комбинациями шести или семи элементов, и примерно подсчитано, что из этих немногих элементов можно получить около трех миллионов комбинаций. Принимая во внимание еще большее количество элементов (включающих общие черты), мы можем в конечном итоге объяснить уникальность любого человека».

Мой ответ таков: личность существует только на постэлементарном уровне; она появляется только тогда, когда общие черты человеческой природы уже провзаимодействовали друг с другом и создали уникальную, самоподдерживающуюся и развивающуюся систему. Это не значит, что поиск общих элементов или общих человеческих функций нежелателен. Этим (и больше ничем) занимается бóльшая часть научной психологии. Я настаиваю только на том, что если мы интересуемся *личностью*, то должны выходить за пределы элементов в область морфогенетического[22].

Взаимозависимость диспозиций

Спросим себя, разумно ли думать о личности как состоящей из отдельных диспозиций. Не является ли ее структура настолько связной, что не поддается расчленению на компоненты?

Без сомнения верно, что мы никогда не можем наблюдать только одну ЛД. В непрерывном потоке поведения одновременно задействованы всевозможные детерминирующие тенденции. Рассмотрим акт написания письма: для него необходима конвергенция психических установок, сиюминутных мотивов, навыков, стилистических привычек, а также глубинных личностных убеждений и ценностей. Поведение всегда требует эффективной конвергенции многих обусловливающих его влияний. Обобщая этот пример, мы можем сказать, что никакое отдельно взятое действие никогда не является однозначным результатом отдельно взятой черты или ЛД.

Вместе с тем, поскольку адаптивные действия, распределенные в некотором временнóм диапазоне, часто обнаруживают одни и те же цели и одни и те же особенности выражения, мы должны допустить существование некоторых стабильных и устойчивых влияний. Возьмем, например, ***разговорчивого*** человека, из которого по малейшему поводу начинает литься речевой поток. Должна же существовать некая нервно-психическая тенденция, влияющая на

---

[22] Морфогенетическая точка зрения в биологии отражена в кн.: *Sinnott E.W.* The biology of the spirit. N.Y.: Viking, 1955. Этот автор полагает, что конфигурация человеческой личности определяется главным образом целенаправленными мотивами (не влечениями).

его поведение в этом направлении. Его болтливость, столь легко провоцируемая (эквивалентность стимулов), порождает речевой поток, в котором могут быть использованы идеи и слова любого рода (эквивалентность реакций). Нелегко понять этот случай в неврологических терминах, но должна существовать некоторая нейтральная система с низким порогом возбуждения, способная порождать такое согласованное поведение. Конечно, в каждом отдельном случае форма болтливости детерминируется также другими факторами: его идеями и установками, относящимися к теме высказываний и к собеседнику, наличием слушателя и другими ЛД, коренящимися в его характере.

То, что мы подразумеваем под личностными диспозициями, передается выражением *фокусы организации*. Средний человек обладает определенным набором интересов и ценностей, определенными способами и манерами самовыражения и, возможно, одной или двумя впечатляющими навязчивыми идеями. Эти собранные в фокус диспозиции могут возбуждаться широким кругом стимулов и вести к широкому кругу эквивалентных ответов (см. рис. 2). Но между этими системами нет жестких границ. Даже так называемые «логически непроницаемые ячейки» не полностью отделены; их границы, по меньшей мере, полупроницаемы.

В таком случае ЛД опознаются не по их четким контурам или границам, а по качественной характеристике их ядра. Такой ядерной характеристикой может быть некоторая важная цель, или смысл, или (иногда) способ выражения. Все это говорит нам о своеобразии индивидуальных усилий, направленных на выживание и овладение средой, и придает личности форму.

Согласованность диспозиций

Поскольку основной принцип поведения — его конвергентное течение, мы не можем ждать, что диспозиции будут полностью согласованными и предсказуемыми. Добавим, что наша проверка на ЛД (подобная проверке на общие черты) заключается в демонстрации повторения «функционально эквивалентного» поведения. Менеджера из Нью-Йорка, почти всегда решительного, аккуратного и быстрого, буквально разбивает паралич при виде подноса с французскими пирожными в ресторане. Почему? Возможно, это всего лишь усталость в конце дня, возможно, это скрытый комплекс, идущий от наказания в детстве за украденные пирожные. Диспозиции никогда не бывают полностью согласованными. Какая была бы тоска, если бы они согласовывались полностью; и какой был бы хаос, если бы они не согласовывались совсем.

Мы уже обсуждали несогласованность как следствие ситуации и видели, как далеко заходят некоторые авторы, заявляя, будто личность совсем не обладает внутренней согласованностью, а обязана своей однородностью сходству ситуаций, с которыми она регулярно сталкивается. Мы спорили с этой позицией. Даже человек, в одном случае проявляющий власть, а в другом уступающий, в одном случае грубый, а в другом слащавый, должен обладать этими противо-

положными склонностями *внутри себя*. Иногда в человеке могут таиться прямо противоположные ЛД. Склонность к завоеванию и уступчивость, экстраверсия и интроверсия, святость и греховность — эти диспозиции могут принадлежать одной душе. Гёте создал Фауста из таких парадоксов. Система психологии Юнга в большой степени основывается на понятии противоположностей. Например, в природе человека мужского пола таится бессознательное *женское*.

Одна ситуация пробуждает к жизни одну ЛД, другая — другую. Мы не можем отрицать этот факт. Но мы должны обратить внимание на то, что поведение, выглядящее противоречивым, часто вовсе не является таковым. Видимое противоречие проистекает из того факта, что мы осуществили лишь поверхностный диагноз.

Рассмотрим случай доктора *D.*, всегда аккуратного в отношении самого себя и своего письменного стола; пунктуального в отношении к своим лекционным заметкам, конспектам и картотеке; его личное имущество не только в порядке, но и тщательно заперто на замок. Доктор *D.* также заведует библиотекой своего департамента. В этой работе он беспечен: оставляет дверь библиотеки незапертой (и книги пропадают), не беспокоится об уборке помещения (и накапливается пыль). Означает ли это противоречие в поведении, что у него отсутствуют ЛД? Вовсе нет. Он обладает двумя противоположными стилистическими диспозициями, одна из которых — аккуратность, а другая — неорганизованность. Если копнуть дальше, дуализм можно объяснить (по меньшей мере частично) тем, что *D.* обладает *одной* кардинальной (мотивационной) диспозицией, из которой проистекают оба контрастирующих стиля поведения. Исключительный факт, касающийся его личности, заключается в том, что доктор — сосредоточенный на себе эгоист, который никогда не действует в интересах других людей, но всегда в своих собственных. Этот кардинальный эгоцентризм (свидетельства которого имеются в изобилии) требует упорядоченности для себя, но не для других.

Итак, мы приходим к заключению, что согласованность диспозиций — вопрос степени. Прежде чем говорить о ней, должна быть доказана связь между разрозненными действиями. Вместе с тем, существование разобщенных, специфических и даже противоположных действий отнюдь не фатально для вывода о согласованности. Обычно мы обнаруживаем, что противоречие уменьшается, если точно определить действующую диспозицию.

Генотипические, фенотипические и псевдодиспозиции

Здесь нам вспоминается полезное различение, предложенное Левином. Описания в терминах «здесь и теперь» он называет *фенотипическими*. Объясняющие схемы, привлекающие более глубокие диспозиции, — *генотипическими*. В нашем случае доктору *D.* были присущи (фенотипически) как тщательный, так и

неаккуратный стили поведения, но обе эти готовности вести себя противоположным образом (за каждой из которых кроется круг эквивалентных ситуаций и ответов) коренятся в более фундаментальной (генотипической) ЛД, которую мы определили как *эгоцентризм*.

Было бы некорректно отказывать фенотипическим диспозициям в истинности. Они по большей части «истинны» в том же самом смысле, в котором истинны общие черты. Иначе говоря, хотя они могут и не отражать основную динамику и центральную структуру личности, они, по крайней мере, выражают последовательность поведения человека.

Психоаналитическая теория, к примеру, полагает, что такое свойство как, например, *скупость*, является отражением анально-эротического характера. Если это так, скупость — фенотипическая диспозиция. Только анально-эротический характер должен был бы, строго говоря, рассматриваться как генотипический. Но некоторые скупцы могут не иметь этого конкретного базисного генотипа. Возможно, их накопительство берет начало с времен страшной нужды, став затем функционально автономным. Просто они любят ощущение золота (или его эквивалента). В этом случае скупость, возможно, и есть истинный генотип (так сказать, фундаментальная ЛД, которая, вероятно, обнаруживается в личностях скупцов). Этот пример демонстрирует, что ***только путем исчерпывающего изучения отдельно взятой жизни мы можем надеяться достаточно успешно отличить генотип от фенотипа.***

Иногда наши заключения могут быть полностью ошибочными. Например, мы можем думать, что человек, дарящий подарки, *великодушен*. Но, возможно, он просто пытается купить благосклонность. В этом случае мы имеем дело не с фенотипической диспозицией великодушия (поскольку этот человек вовсе не склонен к великодушию), а с фенотипической диспозицией подкупа, и лежащий в основе генотип, судя по всему, может быть разновидностью глубинного ощущения небезопасности жизни. В таком случае появляются *псевдочерты* — ошибки заключения, неверные суждения, происходящие от того, что мы фиксируем внимание исключительно на видимости. Здесь мы вновь видим, что к правильному диагнозу приводят только самые доброкачественные методы и предельно критический взгляд. Главным образом именно благодаря способности отделить истинные диспозиции от псевдодиспозиций психология обладает преимуществом перед здравым смыслом.

Кардинальные, центральные и вторичные диспозиции

У каждого человека существуют ЛД большей и меньшей значимости. Некоторые ЛД настолько масштабны и настолько значимы в жизни, что их по праву можно назвать *кардинальными* диспозициями. Почти каждое действие можно проследить до его истоков. В начале главы приведен список терминов, проис-

ходящих от имен собственных исторических личностей и вымышленных персонажей (хоть он и не свободен от преувеличений и упрощений), наводящий на мысль о том, что подразумевается под кардинальными диспозициями. Ни одна из таких диспозиций не может остаться скрытой, человек осведомлен о них и может стать знаменитым благодаря им. Такое качество знаменитости иногда называют ***выдающейся чертой, ведущей страстью, главным чувством, единой темой, корнем*** жизни.

Лишь необычные личности обладают одной и только одной кардинальной диспозицией. Обычно средоточие жизни выражается в наборе различных центральных диспозиций. «Сколько их?» — вот вопрос, который мы задаем в первую очередь. Центральными диспозициями, вероятно, будут те, которые мы упоминаем, когда тщательно пишем рекомендательное письмо. <...>

На еще менее значимом уровне мы можем говорить о вторичных ЛД — менее заметных, менее генерализованных, менее последовательных и реже приводимых в действие, чем центральные диспозиции. Они расположены более периферически, чем центральные, и меньше связаны с проприумом.

Разумеется, эти три уровня выделены произвольно и сформулированы главным образом для удобства рассуждений. В реальности существуют всевозможные уровни организации, от наиболее приблизительных и нестабильных до наиболее масштабных и жестко структурированных. Тем не менее, полезно осознавать эти отличия, когда мы собираемся предварительно сравнивать значимость и интенсивность различных диспозиций данной личности.

Сколько диспозиций может быть у человека?

Вопрос о том, сколько диспозиций может быть у человека, очень смел, и ответить на него можно только предварительно и предположительно. Смелым мы его называем по многим причинам: поведение идет непрерывным потоком, диспозиции никогда не проявляются поодиночке; люди проявляют противоречивые диспозиции в противоречивых ситуациях; к тому же, диагностические методы слишком плохо развиты для того, чтобы мы смогли найти ответ.

Тем не менее, на основании фрагментарных свидетельств мы можем высказать некоторые догадки, ограничившись кардинальными или центральными ЛД. Мы не рискнем даже гадать относительно вторичных диспозиций.

Обратимся сначала к биографической литературе. В своем описании жизни Уильяма Джеймса Ральф Бартон Перри писал, что для того, чтобы понять эту завораживающую личность, необходимо рассмотреть восемь основных «черт», или «составных частей». Первыми он внес в список четыре «нездоровые» диспозиции — тенденции, которые (взятые сами по себе) свидетельствуют о тяжелых нарушениях: (1) ипохондрия, (2) озабоченность исключительными психическими состояниями, (3) заметные колебания настроения и (4) отвращение

к процессам строгого мышления. С этими болезненными ЛД смешиваются (и искупают их) четыре «доброкачественные» диспозиции: (5) чувствительность, (6) живость, (7) гуманность, (8) общительность. Конечно, используемые Перри обозначения — это названия общих черт, но он определяет их таким образом, что каждая приобретает своеобразный джеймсовский аромат. Для наших целей важно следующее: даже после весьма исчерпывающего исследования столь сложной личности Перри ощущает, что ограниченное число основных диспозиций (в данном случае восемь) адекватно охватывает ее базовую структуру.

Рассмотрим небольшой экспериментальный пример. Мы попросили 93 студентов «подумать о каком-нибудь человеке вашего пола, которого вы хорошо знаете», а затем «в письменной форме описать его или ее с помощью слов, выражений или предложений, которые достаточно хорошо определяют то, что представляется вам наиболее существенными характеристиками этого человека». Выражение *наиболее существенные характеристики* раскрывалось так: «любая черта, качество, интерес, тенденция и т.д., которую вы считаете очень важной для описания человека, которого вы выбрали».

Среднее число использованных студентами характеристик равнялось 7,2. Только 10 % отвечавших ощутили, что им требуется более 10 пунктов, чтобы описать «наиболее существенные характеристики» их друга[23].

Это всего лишь небольшие пришедшие в голову примеры, но они раскрывают важную возможность. ***Когда психология разработает адекватные диагностические методы для выявления главных направлений, по которым организована отдельная личность (личностных диспозиций), может оказаться, что число таких узлов в норме варьирует от пяти до десяти.*** Мы предлагаем это утверждение в качестве гипотезы, подлежащей возможной научной проверке.

Как изучать личностные диспозиции

Психология крайне редко фиксирует свое внимание на индивидуальности, поэтому для определения личных диспозиций отдельных людей у нас не так много методов, как хотелось бы. В большинстве источников преобладает клише: «Психология как наука имеет дело со всеобщим, а не с частным». На каждое исследование индивидуальных черт мы обнаруживаем сотни (возможно, тысячи) исследований общих черт. Тем не менее, методы (или методические подходы к такому исследованию) есть, и мы расскажем о них, чтобы показать, что наш научный вызов оправдан — в исследовании морфогенетической организации *можно* сделать больше, чем делается.

---

[23] См.: *Allport G.W.* What units shall we employ? // Assessment of human motives / G. Lindzey (Ed.). N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1958. Ch. 9 <...>. Биографические подтверждения см: *Perry R.B.* The thought and character of William James: In 2 vols. Boston: Little, Brown, 1936. Vol. 2. Ch. 90–91.

Спецификация общих черт. Первый и достаточно очевидный метод — рассмотрение положения индивидов при использовании универсальных инструментов тестирования или шкал оценок. Значительно более высокие или низкие оценки обычных переменных могут привлечь наше внимание к областям, в которых, если мы взглянем внимательнее, могут обнаружиться важные личностные диспозиции. Например, упомянем вновь исследование Конрада, в котором с помощью метода «помеченных звездочкой» оценок более чем 200 общих черт было продемонстрировано, какие переменные могут указывать на важные диспозиции у отдельных детей. Повторим, что согласие среди учителей по поводу отмеченных пунктов было особенно высоким. Идентифицируя таким образом возможные ЛД, мы можем даже обнаружить оттенки каждой из них, существующие у конкретных людей.

Изучение отдельных случаев. Наиболее очевидный метод — это исследование биографий, историй жизни или отдельных случаев. С первого взгляда он может показаться методом литературы или здравого смысла, но при использовании мер предосторожности и аналитических инструментов он может стать важным научным методом.

Тестирование на предполагаемые ЛД. Предположим, что поначалу мы смотрим на изучаемый объект с позиции здравого смысла (как и подобает здравомыслящим ученым). Затем мы предполагаем, что объект (в данном случае отдельная личность) обнаруживает определенные главные диспозиции. Далее мы, подобно любому ученому, попытаемся эмпирически проверить нашу гипотезу и, если потребуется, скорректировать ее. Этот метод предложен Ф. Г. Олпортом в следующем примере[24].

> Некий мальчик в школе отличается примерным поведением, аккуратен, исполнителен и внимателен. Но дома он шумный, неуправляемый и грубый по отношению к младшим детям. Фенотипически он демонстрирует противоположные диспозиции.
>
> В таком случае психолог может сделать предположение: центральная диспозиция этого мальчика — страстное желание внимания. Лучше всего он достигает своей цели в школе — подчиняясь правилам, дома — не слушаясь.
>
> Сделав это предположение, психолог может затем просчитать фактические действия мальчика в течение дня (проверенные каким-нибудь независимым наблюдателем), чтобы выяснить, сколько среди них было «функционально эквивалентных», т.е. демонстрирующих явные домогательства внимания. Если доля таких действий высока, мы можем считать, что гипотеза подтверждена, а ЛД установлена.

Более широкое использование этого гипотетического метода может привести нас к фокусированию на жизни индивидов как целом.

---

[24] См.: *Allport F.H.* Teleonomic description in study of personality // Character and Personality. 1937. Vol. 6. P. 202–214.

Эмпирический анализ действий одного человека. Имея в своем распоряжении большую совокупность действий отдельного человека, мы можем различными способами провести ее содержательный анализ. Например, письмо или дневник человека содержит повторяющиеся группы мыслей. Метод научного использования таких данных показан в работе Болдуина под названием «анализ личностной структуры»[25].

Этот исследователь проанализировал свыше сотни писем, написанных Дженни в возрасте 59—70 лет. Он задался вопросом: если Дженни упоминает об одном предмете, о чем еще она упоминает в то же самое время (в той же группе мыслей)? С помощью этого метода он нашел у Дженни несколько безошибочно определяемых центральных диспозиций. Она сильно ревновала своего сына, она проявляла паранойяльные черты в своих отношениях с женщинами, она имела выраженные эстетические интересы, и она была щепетильна в денежных делах.

Конечно, эти письма не могут полностью раскрыть структуру личности Дженни, но этот метод все же показал, что в области уникальных личностных диспозиций может быть проведено тщательное количественное исследование. Психология может заниматься отдельными случаями.

Клинический подход. Поскольку консультанты или терапевты имеют дело с индивидуальностями, они неизбежно выносят суждения, касающиеся личностных диспозиций. На протяжении процесса консультирования их волнует структура личности пациента. Конечно, они думают об общих законах, приложимых к поведению или проблеме клиента, но их внимание приковано к данному личностному паттерну.

К сожалению, до сих пор клинические психологи, психоаналитики и другие консультанты мирились с преобладанием в их теоретизировании интереса к общим законам и статистическим предсказаниям. Иногда они даже умаляют ценность исследования морфогенетических образований в индивидуальной жизни[26].

Однако ясно, что клинический подход в принципе предоставляет завидную возможность для исследования морфогенетических диспозиций. В будущем мы можем надеяться на вдохновляющие исследования из этого источника.

Сказанного достаточно для того, чтобы подкрепить нашу точку зрения: наука может и должна заниматься отдельными личностями напрямую, а не привычным сравнением их общих черт.

---

[25] См.: *Baldwin A.L.* Personal structure analysis: a statistical method for investigating the single personality // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1942. Vol. 37. P. 163—183.

[26] Ср.: *Meehl P.E.* Clinical vs. Statistical prediction. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1954; *Perry R.B.* The thought and character of William James. (2 vols.) Boston: Little, Brown, 1936. Vol. 2. Ch. 90—91; см. также: *Sarbin T.R.*, *Taft R.*, *Bailey D.E.* Clinical inference and cognitive theory. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1960.

Личностные диспозиции и мотивы

Теперь мы подходим к наиболее трудному для нас вопросу: какова связь между описанными нами личностными диспозициями и мотивами, рассмотренными выше <...>.

Во-первых, напомним читателю, что большинство теоретиков проводит четкое различие между мотивами и другими ингредиентами личности. Например, Мюррей отделяет потребности (базовые мотивы и наиболее важные ингредиенты личности) от способов удовлетворения потребностей (актонов)[27]. Аналогично фрейдисты считают инстинкты мотивационными единицами, тогда как катексис представляет объекты, к ним привязанные. Другие четко отделяют мотивы (то, почему человек действует) от установок (то, как человек действует). Мак-Клеланд считает, что личность состоит из трех типов единиц: ***мотивов, черт, схем***. Для него черта — это просто

> благоприобретенная склонность индивида реагировать так, как он более или менее успешно реагировал в прошлом в сходных ситуациях со сходной мотивацией[28].

У нас иной взгляд. Мы не можем поверить в то, что личность четко подразделяется на мотивы, с одной стороны, и манеры (способы достижения мотивов) — с другой. Все детерминирующие тенденции динамичны (т.е. являются причиной поведения), и в этом смысле все личностные диспозиции обладают определенной мотивационной силой. Тем не менее, поспешим добавить, что существует много уровней динамизма. Например, некоторые личностные диспозиции в гораздо большей степени служат мотивами, чем другие.

> Рассмотрим пример. У мистера *X* есть поглощающая его страсть дать своим детям лучшее образование, чем получил он сам. У мистера *X* есть также устойчивая диспозиция вежливого поведения. Теперь мы легко можем представить, как он покидает утром свой дом для того, чтобы добиваться своей цели в отношении детей. Но, конечно, он никогда не покидает свой дом только для того, чтобы быть вежливым в отношении кого-либо. Вежливость — это в большей степени *стилистическая диспозиция* его натуры, а служение своим детям — в большей степени *мотивационная диспозиция*. Тем не менее, ни одна из них не лишена некоторой динамической силы. <...>

Признавая, таким образом, что мы не можем в точности отделить мотивы от личностных диспозиций, мы все же вновь утверждаем, что одни личностные диспозиции обладают большей мотивационной силой, чем другие. Например, ЛД, включающие секс, вероятно, более настойчивы, чем стилистические ЛД вежли-

---

[27] См.: *Murray H.A.* et al. Explorations in personality. N.Y.: Oxford, 1938.

[28] См.: *McClelland D.C.* Personality. N.Y.: Sloane, 1951. P. 216.

вости, убедительности или негативизма. Все диспозиции до некоторой степени динамичны, но некоторые — только в инструментальном смысле. Они направляют деятельность, которая мотивирована другими ЛД, обладающими большей ударной силой. Например, можно ожидать, что *вежливый* человек будет проявлять свои сексуальные диспозиции с особой внимательностью к партнеру[29].

Вопрос, является ЛД мотивационной или инструментальной, — вопрос степени. Диспозиции варьируют от поглощающей страсти через легкие пристрастия до обычной воспитанности. Однако даже в стилистических диспозициях обнаруживается некоторая динамическая сила, особенно в ситуациях фрустрации. Если вежливый человек принужден вести себя невежливо, возникающий в результате дискомфорт привлекает внимание к тому нормальному давлению, которое оказывают даже стилистические ЛД. Мы находим, что наши стили поведения не полностью предназначены для обслуживания более сильных мотивов, но и сами обладают определенной направляющей силой.

Динамичны ли диспозиции, т.е. активны ли они сами по себе (спонтанно проявляя себя в движении)? Конечно, вне или внутри тела всегда есть сенсорный сигнал, *подстегивающий* напряжение. И в этом смысле, строго говоря, каждая диспозиция нуждается в первоначальном пробуждении, чтобы затем стать динамически активной.

Но в ином смысле мотивационные диспозиции активны сами по себе. Несомненно, что не звонок по телефону заставляет эгоиста бесконтрольно болтать в течение полутора часов о своих дальнейших планах, а сплетницу — подробно пересказывать действия своих соседей. В этом случае реакция берет начало не от телефонного звонка, а от глубоко скрытых тенденций. В самом деле, эгоист и сплетница могут находиться под таким напряжением, что будут *искать* предлог, чтобы поговорить. Они звонят друг другу для того, чтобы выплеснуться. Писатель, домашняя хозяйка, ремесленник, если не допускать их к любимому занятию, могут почувствовать «зуд», зовущий вернуться к своей работе. В этих случаях диспозиции (при всей практичности целей) спонтанно активны сами по себе. Интересы, амбиции, обязательства, фобии, общие установки, склонности, хобби, ценности, вкусы, пристрастия, — все они являются одновременно и личностными диспозициями (некоторые лишь вторичными), и мотивами.

В заключение скажем, что невозможно рассматривать личностные диспозиции как единицы личности, полностью отделенные от мотивации. В некоторых случаях они оказываются ведущими жизненными мотивами, особенно тогда, когда представляют из себя зрелые, функционально автономные целевые системы. Очевидно, что они — не способы *реакции* на воздействия окружающей среды, а пути *соприкосновения* с ней. <...>

---

[29] В. Штерн (см.: *Stern W.* Die menschliche Personlichkeit. Leipzig: Barth, 1923. P. 83) различает мотивационные и стилистические диспозиции, используя немецкие термины *Richtungsdisposition* (направляющая) и *Rüstungsdisposition* (инструментальная).

Определение

Это длинное обсуждение подготовило нас к тому, чтобы дать определение личностной диспозиции. Оно весьма похоже на наше определение *черты*. Внимательный читатель отметит, что каждая часть определения черты получила разъяснение.

Личностная диспозиция — это обобщенная нейропсихическая структура (специфическая для индивида), способная делать многие стимулы функционально эквивалентными и инициировать и направлять устойчивые (эквивалентные) формы адаптивного и стилистического поведения.

Резюме

<...> Мы пытались выявить уровень анализа, наиболее полезный для исследования человеческой личности. Это уровень «черт», который в действительности наиболее широко признан как психологами, так и нашими обыденными речевыми привычками. Тем не менее, мы нашли необходимым выделить на этом уровне два направления рассмотрения организации черт.

Общими чертами называют сложно организованные комплексы, рассматриваемые как общие (или сравнимые) в популяции людей. Вследствие принадлежности людей к общему виду и к общей культуре мы можем (с полным основанием) искать у них совершенно однородные категории поведения. Все сравнительные исследования личности, вся дифференциальная психология, большинство попыток измерений осуществляются на основе таких «общих черт».

Личностные диспозиции — это единицы того же порядка сложности, но они рассматриваются как «членение самой природы». Иными словами, это нейропсихические единицы, которые мы фактически обнаруживаем у различных людей. Иногда (весьма редко) человек оказывается столь типичным представителем своей культуры и своего вида, что может быть адекватно охарактеризован с помощью общих черт. Более вероятно, что его кардинальные, центральные и вторичные диспозиции будут в высокой степени окрашены его индивидуальностью. Тот способ, каким организована его жизнь, может не соответствовать сколько-нибудь хорошо никакой аналитической схеме общих черт. Термин *личностная диспозиция* (который может быть передан также как *индивидуальная черта* или *морфогенетическая* черта) привлекает внимание к любым обобщенным чертам, которые фактически присутствуют в нейропсихической системе отдельного человека.

Оба понятия используются на своем месте. Для целей сравнительных исследований (а таково большинство исследований личности) достаточно общих черт. Для детального исследования конкретного индивида должны быть определены личностные диспозиции.

Черты или диспозиции не поддаются прямому наблюдению, мы можем лишь прийти к заключению об их существовании. Конкретные действия — это всегда продукт многих детерминирующих факторов, не только устойчивых тенденций, но и напряжений, возникающих в данный момент в личности или в си-

туации. Только повторяющиеся действия, обладающие одной и той же значимостью (эквивалентность реакций) и являющиеся результатом определенного круга стимулов, имеющих одну и ту же личностную значимость (эквивалентность стимулов), приводят к необходимости заключения о наличии черт и личностных диспозиций. Эти тенденции не находятся все время в активном состоянии, но они продолжают существовать даже в латентной форме и обладают относительно низким порогом возбуждения.

Одно дело допустить, что черты и диспозиции — наиболее приемлемые единицы для исследования, другое — установить их точный характер у какого-либо конкретного человека. Для того чтобы избежать проекции своего собственного характера и многих других источников ошибок, исследователь должен использовать весь имеющий отношение к делу эмпирический инструментарий своей науки в обосновании своих заключений. Черты и диспозиции нельзя вызвать как духов; их надо обнаружить.

При обозначении этих организованных единиц возникает множество ошибок, одна из которых — смешивание социальных суждений с объективными фактами. Если мы будем избегать терминов, выражающих похвалу и осуждение, то сможем составить психологический словарь «безоценочных» названий черт. Как ни прискорбно, но свойства человеческой личности могут быть описаны только с помощью обыденной речи, поскольку она одна обладает достаточной тонкостью и общепринятой понятностью.

Некоторые черты и диспозиции явно имеют мотивирующую силу, особенно те, которые обычно известны как интересы, амбиции, чувства, комплексы, ценности. Другие менее динамичны и обладают возможностью скорее управлять поведением (стилизовать его), чем инициировать. Иногда единицы, поначалу лишь направляющие, приобретают впоследствии движущую силу, а те единицы, которые вначале побуждали движение, могут стать просто направляющими. Стареющий спортсмен может утратить рвение, но все еще сохранять интерес к спорту.

Черты и диспозиции стабилизируют поведение, но они никогда не бывают ни полностью согласованными, ни независимыми друг от друга. Эффективное приспособление к окружающему миру требует гибкости: в различных ситуациях должны приводиться в действие различные детерминирующие тенденции. Конкретная личность может выглядеть противоречивой и конфликтной (как без устали повторяют романисты и клиницисты).

Наш взгляд на личностные диспозиции не отрицает важности социального взаимодействия в формировании человеческого поведения. [Ранее. — *Ред.-сост.*] мы отдали должное эффектам ситуации, социальной роли, культуры. Но мы считаем, что конкретный человек обладает широким набором привычек и диспозиций, которые могут быть активированы в разной степени и в различных комбинациях в зависимости от социальных и средовых требований текущего момента.

Черты и диспозиции — это *modus vivendi*. Их значимость — следствие той роли, которую они играют в успешном приспособлении человека к его миру и в овладении им.

Л. Хьелл,
Д. Зиглер

Подход к личности с позиции факторного анализа*

В отличие от идеографического изучения черт по Олпорту, существенно иное направление в психологии черт личности открывается благодаря статистическому методу, известному *как факторный анализ.* Теоретики, использующие факторный анализ, полагают, что основополагающие аспекты личности являются общими для всех; т.е. основные элементы, из которых формируется структура личности, универсальны. Сторонники применения факторного анализа для изучения черт считают также, что люди обладают стойкой предрасположенностью реагировать определенным образом и что основные параметры личности имеют иерархически упорядоченную структуру. Ключевая особенность данного подхода к изучению личности состоит в количественном измерении черт личности. Выдающимися представителями этого количественного научного метода являются Реймонд Кеттел и Ганс Айзенк. Данный раздел главы посвящен их вкладу в персонологию. Однако сначала мы сделаем небольшое отступление, чтобы рассмотреть процедуру проведения факторного анализа согласованных структур личности.

Метод факторного анализа

Факторный анализ представляет собой в высшей степени сложную математическую процедуру, рассмотрение которой выходит за рамки этой книги, однако логика, лежащая в его основе, сравнительно проста для понимания. По сути,

---

* *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб.: Питер, 2000. С. 303–305, 307–313, 314, 315–322.

это метод определения степени совместной изменчивости в большом наборе психологических переменных, полученных при тестировании представительной группы испытуемых. Основная посылка состоит в том, что определенные характеристики коррелируют, или являются ковариантными, таким образом, что это дает возможность выделить некий самостоятельный психологический показатель или фактор. Посредством изучения типов ковариации («что с чем связано») факторный анализ позволяет работать с огромными массивами данных, полученных путем различных измерений, приводя их к меньшему ряду групп или факторов, более пригодному для обработки. Предположим, например, что исследователю необходимо установить наличие взаимосвязей среди 50 различных личностных переменных, причем каждая из них представлена неким результатом или показателем теста. Вместо того, чтобы пытаться изучать все взаимосвязи среди этих переменных (свыше 12000 корреляций), исследователь может свести их к меньшему числу переменных, достаточно полно характеризующих всю совокупность данных. Переменные, образующие этот ряд, называются *факторами*.

Начальным этапом в проведении факторного анализа является получение нескольких переменных в большой выборке результатов измерений испытуемых. Измерение может проводиться в самой различной форме, включая самооценку, экспертные оценки и оценки объективного поведения. Тип или источник данных значения не имеет, при условии, что для всех субъектов используются одни и те же виды измерения. То, какие именно данные мы собираем и анализируем, с очевидностью определяет, какие личностные параметры мы получим в результате факторного анализа. Что получается из факторного анализа, зависит от того, что психолог в этот анализ вводит!

Вторым этапом процедуры является определение степени взаимосвязи каждой переменной с каждой другой переменной в общем ряду. Таким образом, при изучении 50 переменных должна быть определена взаимосвязь между переменной *a* и переменной *b*, переменной *a* и переменной *c*, *a* и *d* и т.д., а также взаимосвязь между переменными *b* и *c*, *b* и *d* и т.д. Мера или степень взаимосвязи представляет собой коэффициент корреляции, а общее множество корреляций между всеми переменными — это *корреляционная матрица*. Следующим этапом будет определение того, есть ли в пределах общей корреляционной матрицы группы переменных, которые имеют сходные закономерности изменения коэффициентов корреляции, образуя функциональные единицы в общем наборе (факторы). В этой процедуре, называемой *выявление фактора*, многочисленные взаимосвязи между всеми переменными сводятся к сравнительно малому числу факторов. Для одного фактора определяющими считаются те переменные, которые наиболее сильно коррелируют между собой. По сути, факторы — это

просто структуры или модели, создаваемые сходимостью результатов измерений[1].

Как только из корреляционной матрицы извлечены общие факторы, следующим этапом анализа будет определение факторных нагрузок значений переменных, относящихся к данному фактору. ***Факторные нагрузки*** — это корреляции между фактором как функциональным целым и значениями конкретных переменных, входящих в этот фактор. Это показатель того, до какой степени значение какой-либо переменной совпадает с основополагающим параметром данного фактора. Относительно высокие корреляции между значениями переменных и фактором (обычно требуется, чтобы они были не ниже 0,40) «нагружают» этот фактор, т.е. данные переменные являются определяющими для данного фактора, а переменные, имеющие низкий коэффициент корреляции, — нет. Короче говоря, природа фактора определяется значениями переменных, нагружающих этот фактор.

Заключительным этапом в факторном анализе является формулировка названия, или маркировка факторов. Суть процесса маркировки состоит в том, чтобы как можно более точно отразить содержание переменных, нагружающих фактор, в особенности переменной, которая имеет наибольший вес. Название для данного фактора выбирают с учетом смыслового значения той группы взаимосвязанных переменных, которая преимущественно нагружает этот фактор. Следует отметить, что название, данное определенному фактору, в высшей степени субъективно и может стать предметом споров и разногласий. Например, два психолога, изучающие один и тот же ряд факторов, могут выбрать разные названия для каждого из них и, следовательно, прийти к разным заключениям относительно природы изучаемых переменных. Поэтому при выборе названий факторов, или черт личности следует проявлять чрезвычайную аккуратность.

Итак, факторный анализ представляет собой статистический метод суммирования и упрощения рядов переменных, при котором сравнительно большой ряд переменных сводится к сравнительно малому ряду измерений черт личности, или факторов. Основные этапы осуществления типичного факторного анализа сводятся к следующему:

- сбор показателей по всем переменным на большой выборке испытуемых;
- получение интеркорреляций всех переменных;
- извлечение факторов из корреляционной матрицы;
- определение нагрузок факторов;
- интерпретация и подбор названий для факторов.

---

[1] См.: *Kerlinger F.N.* Foundations of behavioral research. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1973. P. 671.

Получив вводную информацию о технике факторного анализа, рассмотрим теперь, как Кеттел и Айзенк использовали эту процедуру для идентификации основных аспектов человеческой личности.

Реймонд Кеттел: Структурная теория черт личности

В отличие от многих других теоретиков Кеттел начал не с клинических наблюдений или интуитивных представлений о природе человека. Наоборот, его подход прочно основан на использовании точных эмпирических методов исследования. Приверженность Кеттела конструированию научной модели поведения определялась одной ведущей целью: раскрыть (с помощью метода факторного анализа) основные черты личности. Он полагает, так же, как и Олпорт, что личностные черты составляют ядро структуры личности, и, в конечном счете, они ответственны за то, что будет делать человек в данной ситуации. Как и Олпорт, Кеттел различает общие и уникальные черты. Однако он не разделяет точку зрения Олпорта, согласно которой черты в самом деле существуют внутри человека. По Кеттелу, черты не имеют никакого реального нейрофизиологического статуса, и как таковые могут быть обнаружены лишь при точном измерении наблюдаемого поведения.

Попытка Кеттела разработать теорию черт личности на основе сложного статистического анализа объективных поведенческих характеристик достойна восхищения. Результатом его усилий является, быть может, наиболее комплексная система воззрений в современной персонологии. Несмотря на сложность теории Кеттела, его концепции необходимо серьезно изучать тем, кто посвятил себя исследованию личности. <...>

Теория черт личности: основные концепции и принципы

Теория Кеттела стремится объяснить сложные взаимодействия между системой личности и более объемной социокультурной матрицей функционирующего организма. Он убежден в том, что адекватная теория личности должна учитывать многочисленные черты, составляющие индивидуальность, степень обусловленности этих черт наследственностью и влиянием окружающей среды, а также то, каким образом генетические факторы и факторы окружающей среды взаимодействуют между собой, влияя тем самым на поведение. Он утверждает, что адекватная теория функционирования и развития личности должна непременно строиться на строгих методах исследования и точных измерениях. Его излюбленными методами изучения личности являются мультивариативная статистика и факторный анализ.

Согласно Кеттелу, личность — это то, что позволяет нам предсказать поведение человека в данной ситуации[2]. Будучи сторонником математического анализа личности, он придерживался мнения, что предсказание поведения может быть осуществлено посредством уравнения спецификации. Главная формула, используемая Кеттелом для предсказания поведения с определенной степенью точности, имеет вид:

$$R = f(S, P).$$

Здесь сказано, что природа специфической ответной реакции человека (*R*), означающей, что он делает или думает, или выражает словами, есть некая неопределенная функция (*f*) от стимулирующей ситуации (*S*) в конкретный момент времени и от структуры личности (*P*). Уравнение спецификации показывает, что характерная реакция на какую-либо ситуацию представляет собой функцию от комбинации всех черт, значимых для данной ситуации; причем каждая черта взаимодействует с ситуационными факторами, которые могут оказать на нее влияние.

Кеттел признает, что трудно предсказать поведение какого-либо человека в данной ситуации. Чтобы повысить точность предсказания, персонолог должен рассматривать не только те черты, которыми обладает личность, но также и не относящиеся к чертам переменные, такие как настроение человека в данный момент и конкретные социальные роли, требуемые ситуацией. Более того, необходимо взвешивать каждую черту с точки зрения ее значимости в рассматриваемой ситуации. Например, если бы человек оказался в эмоционально возбуждающей ситуации, тогда в предсказании его ответной реакции наибольший вес следовало бы приписать такой черте, как тревожность. Поэтому уравнение $R=f(S,P)$ представляет собой упрощенный экстракт теории Кеттела о чертах личности. Однако с познавательной точки зрения нельзя забывать, что эта главная формула подтверждает убежденность Кеттела в том, что поведение человека можно определить и предсказать.

Структурные принципы: категории черт личности

Несмотря на утверждение Каттела о том, что поведение определяется взаимодействием черт и ситуационных переменных, его главная организующая концепция личности заключается в описаниях различных типов выявленных им черт. Согласно Кеттелу, черты личности представляют собой относительно постоянные тенденции реагировать определенным образом в разных ситуациях и в разное время. Спектр действия этих тенденций чрезвычайно велик. Иначе говоря, черты представляют собой гипотетические психические структуры, обнаруживаю-

[2] См.: *Cattell R.B.* The scientific analysis of personality. Baltimore: Penguin Books, 1965.

щиеся в поведении, которые обусловливают предрасположенность поступать единообразно в различных обстоятельствах и с течением времени. Черты личности отражают устойчивые и предсказуемые психологические характеристики и, безусловно, являются наиболее важными в концепции Кеттела.

Как отмечалось ранее, в исследовании структурных элементов личности Кеттел в значительной мере полагается на факторный анализ[3]. В результате проведения многократных процедур факторного анализа данных, собранных в ходе исследования тысяч субъектов, он приходит к выводу, что черты личности можно классифицировать или разбить на категории несколькими способами. Рассмотрим предложенные Кеттелом принципы классификации черт (Кеттел использует также термин *факторы*).

Поверхностные черты—исходные черты. *Поверхностная черта* представляет собой совокупность поведенческих характеристик, которые при наблюдении выступают в «неразрывном» единстве. Например, наблюдаемые проявления неспособности сосредоточиться, нерешительности и беспокойства могут быть тесно связаны друг с другом и составлять поверхностную черту невротизма. Здесь невротизм подтверждается набором взаимосвязанных видимых элементов, а не какого-то одного из них. Поскольку поверхностные черты не имеют единой основы и временного постоянства, Кеттел не считает их значимыми для объяснения поведения.

Исходные черты, напротив, представляют собой основополагающие структуры, которые, как считает Кеттел, образуют блоки самого здания личности. Это некие объединенные величины или факторы, определяющие, в конечном счете, то постоянство, которое наблюдается в поведении человека. Исходные черты существуют на «более глубоком» уровне личности и определяют различные формы поведения на протяжении длительного периода времени.

Проведя обширную исследовательскую работу с использованием факторного анализа, Кеттел[4] пришел к выводу о том, что основополагающая структура личности образована примерно шестнадцатью исходными чертами (табл. 1). Эти факторы черт личности, вероятно, более известны в связи со шкалой, которая теперь используется для их измерения: опросник Кеттела «Шестнадцать личностных факторов» (Sixteen Personality Factor Questionnaire, *16 PF*). Данная шкала самооценки и несколько других, также разработанных Кеттелом, оказались чрезвычайно полезными и популярными как в прикладных, так и в теоретических исследованиях. Ниже будет представлено обсуждение исходных черт, оцениваемых с помощью опросника *16 PF*.

---

[3] См.: *Cattell R.B.* The scientific analysis of personality. Baltimore: Penguin Books, 1965; *Cattell R.B.* The scientific use of factor analysis. N.Y.: Plenum, 1978.

[4] См.: *Cattell R.B.* Personality and learning theory: The structure of personality in its environment. N.Y.: Springer, 1979. Vol. 1.

Таблица 1

Основные исходные черты, выявляемые с помощью опросника Кеттела «Шестнадцать личностных факторов» (*16PF*)[5]

Обозначение фактора	Название фактора по Кеттелу	Качество, соответствующее высокой оценке по фактору	Качество, соответствующее низкой оценке по фактору
A	Отзывчивость–отчужденность	Добродушный, предприимчивый, сердечный	Циничный, безразличный
B	Интеллект	Сообразительный, абстрактно мыслящий	Глупый, конкретно мыслящий
C	Эмоциональная устойчивость–эмоциональная неустойчивость	Зрелый, реалистичный, спокойный	Неустойчивый, нереалистичный, неконтролируемый
E	Доминантность–подчиненность	Уверенный, конкурирующий, упрямый	Застенчивый, скромный, покорный
F	Рассудительность–беспечность	Серьезный, молчаливый	Беззаботный, полный энтузиазма
G	Сознательность–безответственность	Ответственный, моралистический, стоический	Пренебрегающий правилами, нерадивый, непостоянный
H	Смелость–робость	Предприимчивый, раскованный	Неуверенный, замкнутый
I	Жесткость–мягкость	Опирающийся на свои силы, независимый	Цепляющийся за других, зависимый
L	Доверчивость–подозрительность	Принимающий условия	Упорный на грани глупости
M	Мечтательность–практичность	Творческий, артистичный	Консервативный, приземленный
N	Дипломатичность–прямолинейность	Социально-опытный, сообразительный	Социально-неуклюжий, непретенциозный
O	Склонность к опасениям–спокойствие	Беспокойный, озабоченный	Спокойный, самодовольный
Q1	Радикализм–консерватизм	Вольнодумно либеральный	Уважающий традиционные идеи
Q2	Самодостаточность–конформизм	Предпочитающий собственные решения	Беспрекословно следующий за другими
Q3	Недисциплинированность–контролируемость	Следующий собственным побуждениям	Пунктуальный
Q4	Расслабленность–напряженность	Сдержанный, спокойный	Переутомленный, возбужденный

[5] Адаптировано по: *Cattell R.B.* The scientific analysis of personality. Baltimore: Penguin Books, 1965.

Конституциональные черты—черты, сформированные окружающей средой. Согласно Кеттелу, исходные черты можно разделить на два подтипа — в зависимости от их источника. *Конституциональные черты* развиваются из биологических и физиологических данных индивидуума. Например, выздоровление от пристрастия к кокаину может быть причиной внезапной раздражительности, подавленности и беспокойства. Кеттел мог бы утверждать, что подобное поведение является следствием изменений физиологии человека и, таким образом, отражает конституциональные исходные черты.

Черты, сформированные окружающей средой, наоборот, обусловлены влияниями в социальном и физическом окружении. Эти черты отражают характеристики и стили поведения, усвоенные в процессе научения, и они формируют модель, запечатленную в личности ее окружением. Поэтому человек, выросший на ферме Среднего Запада, ведет себя не так, как человек, который провел жизнь в городских трущобах.

Способность, темперамент и динамические черты. Исходные черты, в свою очередь, могут быть классифицированы в терминах модальности, посредством которой они выражаются. *Способности* как черты определяют умения человека и его эффективность в достижении желаемой цели. Интеллект, музыкальные способности, зрительно-моторная координация — вот некоторые примеры способностей. *Черты темперамента* относятся к другим эмоциональным и стилистическим качествам поведения. Например, люди могут работать над каким-то заданием либо быстро, либо медленно; они могут реагировать на какой-то кризис спокойно или истерично. Кеттел рассматривает черты темперамента как конституциональные исходные черты, определяющие эмоциональность человека. Наконец, динамические черты отражают мотивационные элементы поведения человека. Это черты, активирующие и направляющие субъекта к конкретным целям. Так, например, личность может быть охарактеризована как амбициозная, стремящаяся к власти или заинтересованная в приобретении материальных благ.

Общие черты—уникальные черты. Как и Олпорт, Кеттел[6] убежден в том, что имеет смысл классифицировать черты на общие и уникальные. Общая черта — это такая черта, которая присутствует в различной степени у всех представителей одной и той же культуры. Например, самооценка, интеллект и интроверсия относятся к общим чертам. И напротив, *уникальные черты* — это такие черты, которые имеются лишь у немногих или вообще у кого-то одного. Кеттел предполагает, что уникальные черты особенно часто проявляются в сферах интересов и установок. Например, Салли — единственный человек, собравший коллекцию сообщений о детской смертности в Швеции и Канаде в 1930 году. Очень немногие люди, если такие вообще найдутся, разделили бы этот интерес.

Практически все исследования Кеттела посвящены общим чертам, но признание им уникальных черт дает возможность подчеркнуть значение непо-

---

[6] См.: *Cattell R.B.* The scientific analysis of personality. Baltimore: Penguin Books, 1965.

вторимой индивидуальности людей. Он также полагает, что сама по себе организация общих черт в личности всегда уникальна. Однако нам не следует преувеличивать значение признания Кеттелом уникальности комбинации черт у каждого конкретного человека. В действительности, его намного больше интересовали общие принципы поведения, чем личность отдельного индивидуума.

Источники данных для факторного анализа

Мы уже отмечали, что Кеттел особо подчеркивает значение факторного анализа для определения главных черт личности. Однако, прежде чем перейти к процедуре факторного анализа, необходимо сначала собрать массу данных по огромной выборке. Свои данные Кеттел черпает из трех основных источников: данные регистрации реальных жизненных фактов (*L-данные*), данные самооценки при заполнении анкет (*Q-данные*) и данные объективных тестов (*OT-данные*).

Первые, *L-данные*, представляют собой результаты измерения поведения в конкретных повседневных ситуациях, такие как успеваемость в школе или взаимоотношения со сверстниками. Эти данные могут также включать оценки личностных особенностей, даваемые людьми, хорошо знающими обследуемого в реальных жизненных ситуациях (например, сотрудниками). *Q-данные* — это, напротив, самооценки человека, касающиеся его поведения, мыслей и чувств. Подобная информация отражает самоанализ и самонаблюдения личности. Для получения *Q-данных* Кеттел разработал специальные тесты самооценки, из которых наибольшего внимания заслуживает опросник «Шестнадцать личностных факторов»[7]. В то же время он выражает определенные сомнения в отношении этого типа данных: люди не всегда знают сами себя достаточно хорошо или же могут намеренно искажать или фальсифицировать свои ответы. Он предупреждает исследователей, что к данным самооценки следует подходить с осторожностью. И наконец, *OT-данные* получаются в результате моделирования специальных ситуаций, в которых действия личности по выполнению определенных заданий могут быть оценены объективно. Здесь, по мнению Кеттела, отличительной особенностью является то, что человека помещают в придуманные «миниатюрные ситуации», и он реагирует, не зная, по каким критериям оцениваются его ответы. Например, человеку могут предложить тест Роршаха, не дающий возможности для какой бы то ни было подделки. Итак, *OT-данные* трудно исказить.

Выявление исходных черт эмпирическим путем. Чтобы отразить сложность личности и создать *многоплановую стратегию исследования*, Кеттел считает необходимым использовать многие источники данных. Такой подход учитывает одновременно различные проявления параметров личности, однако, он не дает возможности исследователю манипулировать переменными. Кеттел утверждает:

---

[7] См.: *Cattell R.B., Eber H.W., Tatsuoka M.M.* Handbook for the 16 personality factor questionnaire. Champaign: IPAT, 1970.

если такое многоплановое исследование, как факторный анализ, действительно способно достоверно определять функциональные блоки личности, тогда те же самые факторы, или исходные черты можно будет получать по трем вышеупомянутым различным типам данных. Это логическое утверждение предполагает, что каждый источник данных фактически измеряет общераспространенные и основополагающие черты личности.

Первоначально Кеттел подвергал факторному анализу только *L-данные*. Он обнаружил 15 факторов, которые, как представлялось, наилучшим образом объясняли индивидуальность человека. Затем он вместе с коллегами попытался определить, будут ли подобные факторы получены на основе *Q-данных*. Были разработаны буквально тысячи пунктов опросника, которые предлагали для заполнения очень большому количеству людей, после чего данные были подвергнуты факторизации с целью выяснения совпадающих пунктов. Результатом этих колоссальных исследовательских усилий явился *16 PF*. Список исходных черт, выведенных с помощью *16 PF*, представлен в табл. 1. В целом, факторы, обнаруженные с помощью *Q-данных*, совпадали с факторами, выявленными с использованием *L-данных*; только некоторые из них оказались единственными в своем роде для обоих видов данных. И в частности, первые 12 факторов, перечисленные в табл. 1, встретились как в *Q-данных*, так и в L-данных, в то время как последние 4 фактора, полученные по *Q-данным*, не соответствовали *L-данным*.

Касаясь вопроса о степени влияния черт личности на поведение, Кеттел[8] высказал мнение, что одна черта сильнее другой в том случае, если она имеет высокие нагрузки в большем количестве образцов поведенческих проявлений (т.е. общего набора черт, которые могут быть использованы для описания личности). Поэтому фактор *A* (отзывчивость—отчужденность) является самой сильной чертой из перечисленных в табл. 1, поскольку он оказывает большее влияние на поведение людей в различных ситуациях, чем любая другая черта. Идет ли речь о таких событиях, как успеваемость в школе, эффективность секретарской работы, подвиг солдата или удачный брак, — во всех этих случаях фактор *A* вносит весьма значительный вклад в деятельность человека. Не столь многочисленны ситуации, в которых принимает участие фактор *B* (интеллект); и еще меньше таких, в которых существенную роль играет фактор *C* (эмоциональная устойчивость), и так далее, по всему списку. Следовательно, сила черты определяется ее значимостью для регуляции поведения в различных обстоятельствах.

Роль наследственности и окружающей среды. Уникальность Кеттела как ученого состоит в том, что он сделал попытку определить сравнительный вклад наследственности и окружающей среды в развитие черт личности. С этой целью он разработал статистическую процедуру — многопрофильный абстрактный вариантный анализ (Multiple Abstract Variance Analysis, *MAVA*), оценивающий не только наличие или отсутствие генетического влияния, но также и степень обусловленности черт генетическим влиянием или воздействием окружающей

[8] См.: *Cattell R.B.* The scientific analysis of personality. Baltimore: Penguin Books, 1965.

среды[9]. Эта процедура предполагает сбор данных о различных проявлениях сходства между однояйцевыми близнецами, выросшими в одной семье; между сиблингами (братьями и сестрами), выросшими в одной семье; однояйцевыми близнецами, воспитанными в разных семьях и родными братьями и сестрами, выросшими врозь. Результаты применения техники *MAVA* (основанной на использовании личностных тестов для оценки той или иной черты личности) показывают: значение генетических и средовых влияний существенно меняется от черты к черте. Например, данные указывают на то, что около 65—70% вариаций в оценках интеллекта и уверенности в себе можно приписать влиянию генетических факторов, в то время как генетическое воздействие на такие черты, как самосознание и нейротизм, окажется, по всей вероятности, наполовину меньше. В целом, по оценке Кеттела, около двух третей характеристик личности определяется влияниями окружающей среды и одна треть — наследственностью.

Согласно Кеттелу, помимо непосредственного воздействия ситуационных факторов, на поведение людей в значительной мере влияют те группы, к которым они принадлежат (семья, церковь, группы сверстников, коллеги, школа, национальность). Посредством черт личности можно описать не только отдельных людей, но также и социальные группы, членами которых они являются. Диапазон черт, с помощью которых могут быть объективно охарактеризованы группы, называется их *синтальностью* (syntality). Используя факторный анализ, Кеттел изучал синтальность различных религиозных, учебных и профессиональных групп[10]. Он исследовал также группу черт, составляющих синтальность целых наций[11]. Основные черты, идентифицирующие синтальность стран, включают величину ее территории, моральное состояние, достаток и степень индустриализации. Ни один другой персонолог не сделал столько, сколько Кеттел в направлении детального описания черт, характеризующих общество в целом, а также изучения влияния этих черт на поведение человека. <...>

Ганс Айзенк: теория типов личности

Айзенк соглашается с Кеттелом в том, что целью психологии является предсказание поведения. Он также разделяет приверженность Кеттела факторному анализу как способу охватить целостную картину личности. Однако Айзенк использует факторный анализ несколько иначе, чем Кеттел. По Айзенку, стратегия исследования должна начинаться с достаточно обоснованной гипотезы по

[9] См.: *Cattell R.B.* The multiple abstract variance analysis equations and solutions: for nature-nurture research on continuous variables // Psychological Review. 1960. Vol. 67. P. 353–372.

[10] См.: *Cattell R.B.* The dimensions of culture patterns by factorization of national character // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1949. Vol. 44. P. 443–469.

[11] См.: *Cattell R.B., Bruel H., Hartman H.P.* An attempt at a more refined definition of the cultural dimensions of syntality in modern nations // American Sociological Review. 1952. Vol. 17. P. 408–421.

некоей интересующей исследователя основной черте, за которой следует точное измерение всего того, что для этой черты характерно. В противоположность ему, Кеттел заявляет, что основные составляющие элементы личности выявляются путем применения батареи тестов и последующей обработки данных. Таким образом, подход Айзенка более жестко связан рамками теории, чем у Кеттела. В отличие от Кеттела, Айзенк был также убежден, что для объяснения большей части поведенческих проявлений человека необходимо не более трех *суперчерт* (которые он называет *типами*). Как вы, возможно, помните, Кеттел приводит, по крайней мере, 16 черт или факторов, составляющих структуру личности. И наконец, Айзенк гораздо большее значение придает генетическим факторам в развитии индивидуума. Это вовсе не говорит о том, что Айзенк отрицает ситуационные воздействия или влияние окружающей среды на человека, но он убежден в том, что черты личности и типы определяются прежде всего наследственностью. Несмотря на тот факт, что до сих пор еще не выяснено точное воздействие генетики на поведение, все большее число психологов полагают, что, возможно, в этом вопросе Айзенк прав[12].

Основные концепции и принципы теории типов личности

Суть теории Айзенка состоит в том, что элементы личности могут быть расположены иерархически. В его схеме (рис. 1) присутствуют определенные суперчерты или *типы*, такие как экстраверсия, которые оказывают мощное влияние на поведение. В свою очередь, каждую из этих суперчерт он видит построенной из нескольких составных черт. Эти составные черты представляют собой либо более поверхностные отражения основополагающего типа, либо специфические качества, присущие этому типу. И наконец, черты состоят из многочисленных *привычных реакций*, которые, в свою очередь, формируются из множества *специфических реакций*. Рассмотрим, к примеру, человека, который, судя по наблюдениям, демонстрирует специфическую реакцию: улыбается и протягивает руку при встрече с другим человеком. Если мы видим, что он делает это всякий раз, как кого-то встречает, мы можем предположить, что такое поведение является его привычной реакцией приветствовать другое лицо. Эта привычная реакция может быть связана с другими привычными реакциями, такими как склонность разговаривать с другими людьми, посещение вечеринок и т.д. Эта группа привычных реакций формирует черту общительности. Как это проиллюстрировано на рис. 1, на уровне черт общительность коррелирует с предрасположенностью реагировать в ключе активного, живого и уверенного

[12] См.: *Loehlin J.C., Willerman I., Horn J.M.* Human behavior genetics // Annual Review of Psychology. 1988. Vol. 39. P. 101–133.

поведения. В совокупности эти черты составляют суперчерту, или тип, который Айзенк называет *экстраверсия*.

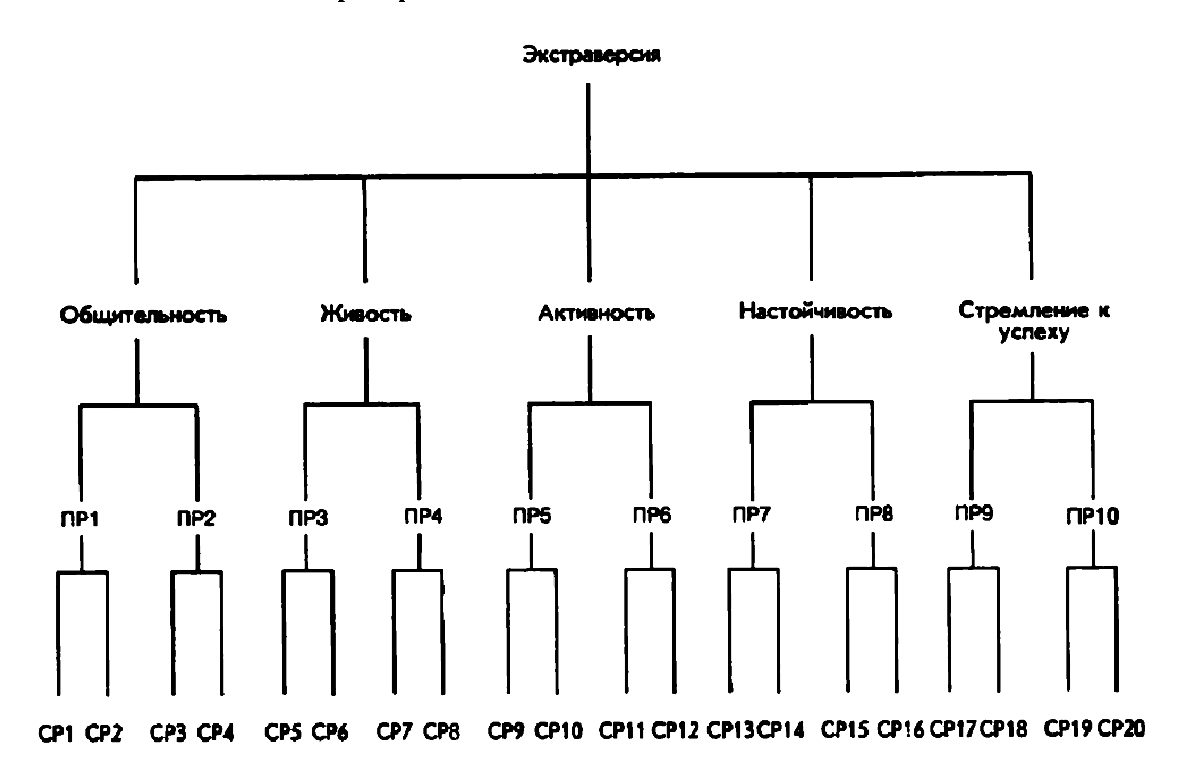


Рис. 1. Иерархическая модель структуры личности:
ПР — привычная реакция; СР — специфическая реакция[13]

Рассматривая *иерархическую модель* личности, по Айзенку, следует отметить, что здесь слово «тип» предполагает нормальное распределение значений параметров на континууме. Поэтому, например, понятие экстраверсия представляет собой диапазон с верхним и нижним пределами, внутри которого находятся люди в соответствии с выраженностью данного качества. Таким образом, экстраверсия — это не дискретный количественный показатель, а некий континуум. Поэтому Айзенк использует в данном случае термин «тип».

Основные типы личности

Айзенк использовал для сбора данных о людях разнообразные методы: самонаблюдение, экспертные оценки, анализ биографических сведений, физические и физиологические параметры, а также объективные психологические тесты. Полученные данные были подвергнуты факторному анализу для опреде-

---

[13] Адаптировано по: *Eysenk H.* The biological basis of personality. Sprinfield: Charles C. Tomas, 1967.

ления структуры личности. В своем раннем исследовании Айзенк выявил два основных типа[14], которые он назвал *интроверсия—экстраверсия* и *нейротизм—стабильность* (иногда этот фактор называют *нестабильность—стабильность*). Эти два измерения личности ортогональны, т.е. они статистически не зависят друг от друга. Соответственно, людей можно разделить на четыре группы, каждая из которых представляет собой некую комбинацию высокой или низкой оценки в диапазоне одного типа вместе с высокой или низкой оценкой в диапазоне другого типа. Как показано в табл. 2, с каждым типом ассоциируются характеристики, названия которых напоминают описания черт личности. При рассмотрении природы этих четырех групп следует иметь в виду два момента. Во-первых, оба диапазона типов имеют нормальное распределение, являются непрерывными и предусматривают, таким образом, широкий спектр индивидуальных различий. Во-вторых, описания черт, присущих каждому типу, представляют собой крайние случаи. Большинство людей склонны быть ближе к средней точке — в обоих диапазонах типов — и поэтому получают не столь экстремальные характеристики, как в табл. 2.

Таблица 2

Четыре категории людей, описанные Айзенком на основе выраженности двух независимых параметров[15]

	СТАБИЛЬНЫЙ	НЕВРОТИЧНЫЙ
ИНТРОВЕРТ	Спокойный, уравновешенный, надежный, контролируемый, миролюбивый, внимательный, заботливый, пассивный	Легко поддающийся переменам настроения, тревожный, ригидный, рассудительный, пессимистичный, замкнутый, необщительный, тихий
ЭКСТРАВЕРТ	Лидер, беззаботный, веселый, покладистый, отзывчивый, разговорчивый, дружелюбный, общительный	Ранимый, беспокойный, агрессивный, возбудимый, непостоянный, импульсивный, оптимистичный, активный

Каждая категория, включая составляющие ее черты, является результатом комбинации высокого и низкого уровня интроверсии и экстраверсии с высоким либо низким уровнем стабильности и нейротизма.

Как видно из табл. 2, люди, которые являются одновременно интровертированными и стабильными, склонны придерживаться норм и правил, быть заботливыми и внимательными. И наоборот, комбинация интроверсии и нейротизма предполагает у индивидуума тенденцию проявлять в поведении больше беспокойства, пессимизма и замкнутости. Соединение экстраверсии и стабиль-

[14] См.: *Eysenck H.J.* Dimensions of personality. L.: Routledge & Kegan Paul, 1947; *Eysenck H.J.* The scientific study of personality. L.: Routledge & Kegan Paul, 1952.

[15] Адаптировано по: *Eysenk H.J.* The inequality of man. L.: Methuen, 1975.

ности привносит в поведение такие качества, как заботливость, покладистость и общительность. И наконец, люди с экстраверсией и высоким нейротизмом скорее всего будут агрессивными, импульсивными и возбудимыми. Следует отметить, что Айзенк особое значение придавал индивидуальным различиям. Таким образом, никакая из комбинаций этих типов личности не может быть более предпочтительной, чем другая. Беззаботный и компанейский тип поведения имеет как свои хорошие, так и негативные моменты; то же самое можно сказать и о тихой, замкнутой манере поведения. Они просто разные.

Не так давно Айзенк описал и ввел в свою теорию третий тип измерения личности, который он назвал *психотизм—сила Суперэго*[16]. Люди с высокой степенью выраженности этой суперчерты эгоцентричны, импульсивны, равнодушны к другим, склонны противиться общественным устоям. Они часто бывают беспокойными, трудно контактируют с людьми и не встречают у них понимания, намеренно причиняют другим неприятности. Айзенк предположил, что психотизм — это генетическая предрасположенность к тому, чтобы стать психотической либо психопатической личностью. Он рассматривает психотизм как личностный континуум, на котором можно расположить всех людей и который более выражен у мужчин, чем у женщин.

Нейрофизиологические основы черт и типов. Наиболее увлекательным аспектом теории Айзенка является его попытка установить нейрофизиологическую основу для каждой из трех суперчерт или типов личности. Интроверсия—экстраверсия тесно связана с уровнями *корковой активации*, как это показано электро-энцефалографическими исследованиями. Айзенк[17] использует термин «активация» для обозначения степени возбуждения, меняющей свою величину от нижнего экстремума (например, сон) до верхнего экстремума (например, состояние паники). Он полагает, что интроверты чрезвычайно возбудимы и, следовательно, в высшей степени чувствительны к поступающей стимуляции — по этой причине они избегают ситуаций, чрезмерно сильно действующих на них. И наоборот, экстраверты недостаточно возбудимы и поэтому нечувствительны к поступающей стимуляции; соответственно, они постоянно выискивают ситуации, которые могут их возбудить.

Айзенк предполагает, что индивидуальные различия по стабильности—нейротизму отражают силу реакции *автономной нервной системы* на стимулы. В особенности он связывает этот аспект с лимбической системой, которая оказывает влияние на мотивацию и эмоциональное поведение. Люди с высоким уровнем нейротизма обычно реагируют на болезненные, непривычные, вызывающие беспокойство и иные стимулы быстрее, чем более стабильные личности. У таких лиц обнаруживаются также более длительные реакции, продолжающиеся даже после исчезновения стимулов, чем у лиц с высоким уровнем стабильности.

---

[16] См.: *Eysenck H.J.* Sex and personality. Austin: University of Texas Press, 1976.

[17] См.: *Eysenck H.J.* Personality, genetics, and behavior. N.Y.: Praeger, 1982.

Что касается исследований, посвященных выявлению основы психотизма, то они находятся в стадии поиска. Однако в порядке рабочей гипотезы Айзенк увязывает этот аспект с *системой, продуцирующей андрогены* (химические вещества, вырабатываемые железами внутренней секреции, которые при попадании в кровь регулируют развитие и сохранение мужских половых признаков). Однако проведено слишком мало эмпирических исследований в этой области, чтобы подтвердить гипотезу Айзенка о связи между половыми гормонами и психотизмом.

Нейрофизиологическая интерпретация аспектов поведения личности, предложенная Айзенком, тесно связана с его теорией психопатологии. В частности, различные виды симптомов или расстройств могут быть отнесены на счет комбинированного влияния черт личности и функционирования нервной системы. Например, у человека с высокой степенью интроверсии и нейротизма очень высок риск развития болезненных состояний тревоги, таких как обсессивно-компульсивные расстройства, а также фобии. И наоборот, человек с высоким уровнем экстраверсии и нейротизма подвержен риску психопатических (антисоциальных) расстройств. Однако Айзенк спешит добавить, что психические расстройства не являются автоматически результатом генетической предрасположенности.

> Генетически наследуемой является предрасположенность человека поступать и вести себя определенным образом при попадании в определенные ситуации»[18].

Таким образом, вера Айзенка в генетический фундамент различного рода психических расстройств сочетается с равной по силе убежденностью в том, что факторы окружающей среды могут до некоторой степени изменить развитие такого рода нарушений.

Измерение черт личности. Как и Кеттел, Айзенк сконструировал множество опросников самооценки для определения индивидуальных различий по трем суперчертам личности. Самым последним из них является «Личностный опросник Айзенка» (Eysenck Personality Questionnaire, *EPQ*)[19]. Образцы отдельных пунктов *EPQ* представлены в табл. 3. Следует отметить, что опросник содержит пункты, релевантные данным трем факторам, образующим структуру личности. Кроме того, *EPQ* включает шкалу лжи для выявления склонности личности к фальсификации ответов с целью показать себя в более привлекательном свете. Была составлена и анкета «Подростковый личностный опросник» (*Junior EPQ*) для тестирования детей в возрасте 7—15 лет[20].

---

[18] См.: Там же. P. 29.

[19] См.: *Eysenck H.J., Eysenck S.B.* Manual of the Eysenck Personality Questionnaire. San Diego: EdITS, 1975.

[20] См.: *Eysenck S.B., Eysenck H.J.* Test-retest reliabilities of a new personality questionnaire for children // British Journal of Educational Psychology. 1973. Vol. 43. P. 26–130.

Тот факт, что Айзенк и Кеттел используют разные личностные опросники для дальнейшей факторизации данных, отчасти объясняет различие между ними по количеству черт, которое они считают необходимым для объяснения личности.

Таблица 3

Примеры пунктов личностного опросника Айзенка[21]

ЭКСТРАВЕРСИЯ-ИНТРОВЕРСИЯ		
1. Любите ли вы бывать в обществе?	Да	Нет
2. Любите ли Вы общаться с людьми?	Да	Нет
3. Могли бы Вы назвать себя счастливчиком?	Да	Нет
СТАБИЛЬНОСТЬ—НЕСТАБИЛЬНОСТЬ		
1. Часто ли Ваше настроение резко меняется?	Да	Нет
2. Вы легковозбудимый человек?	Да	Нет
4. Вы часто бываете расстроены?	Да	Нет
ПСИХОПАТИЯ		
1. Имеют ли для Вас значение хорошие манеры и опрятность?	Да	Нет
2. Стараетесь ли Вы не быть грубым с людьми?	Да	Нет
3. Любите ли вы сотрудничать с другими?	Да	Нет
ШКАЛА ЛЖИ		
1. Вы любите посмеяться иногда над непристойными шутками?	Да	Нет
2. Всегда ли, будучи ребенком, Вы сразу делали то, что Вам велели, без ворчания и жалоб?	Да	Нет

Причина здесь в том, что результаты факторного анализа в значительной мере зависят от источника или типа получаемых данных. В любом случае, Айзенк убежден, что его два основных типовых критерия интроверсия—экстраверсия и стабильность— нейротизм были эмпирически подтверждены в работах нескольких исследователей, применявших многие другие личностные тесты. Большая часть доказательств в поддержку этой точки зрения получена из исследований поведенческих различий между экстравертами и интровертами.

Различия между интровертами и экстравертами

Айзенк придает большое значение концептуальной ясности и точным измерениям своих теоретических концепций. До сегодняшнего дня большая часть его усилий направлена на определение того, имеются ли существенные различия в поведении, обусловленные индивидуальными различиями в пределах кон-

[21] Из анкеты *EPQ* для взрослых: *Eysenck H.J., Eysenck S.B.* Manual of the Eysenck Personality Questionnaire. San Diego: EdITS, 1975.

тинуума интроверсия—экстраверсия. Айзенк утверждает, что индивидуальные различия в поведении могут быть выявлены посредством факторного анализа и измерены с помощью опросников, а также лабораторных процедур. Наш краткий обзор посвящен этой общей методологии.

В обзоре исследований[22], основанных на предсказаниях по результатам тестирования в рамках теории Айзенка, представлено впечатляющее количество фактов. Например, экстраверты гораздо более терпимо относятся к боли, чем интроверты; они делают больше пауз во время работы, чтобы поболтать и попить кофе, чем интроверты; возбуждение повышает эффективность их поступков и действий, в то время как интровертам оно лишь мешает.

Некоторые другие эмпирически установленные различия между экстравертами и интровертами приведены ниже.

- Интроверты предпочитают теоретические и научные виды деятельности (например, инженерное дело и химия), в то время как экстраверты склонны отдавать предпочтение работе, связанной с людьми (например, торговля, социальные службы).
- Интроверты чаще признаются в практике мастурбации, чем экстраверты; зато экстраверты вступают в половые связи в более раннем возрасте, более часто и с большим числом партнеров, чем интроверты.
- В колледже интроверты достигают более заметных успехов, чем экстраверты. Также студенты, оставляющие колледж по психиатрическим причинам, скорее интроверты; в то время как те студенты, которые уходят по академическим причинам, чаще оказываются экстравертами.
- Интроверты чувствуют себя более бодрыми по утрам, тогда как экстраверты — по вечерам. Более того, интроверты лучше работают утром, а экстраверты — во второй половине дня.

Одним из наиболее примечательных различий между интровертами и экстравертами является их чувствительность к стимуляции. Эта разница может быть легко продемонстрирована при помощи «теста лимонной капли»[23].

Если капнуть четыре капли лимонного сока на язык человека, окажется, что интроверты выделяют почти в два раза больше слюны, чем экстраверты. Основа этого интересного явления связана с различными паттернами физиологического функционирования у интровертов и экстравертов. Айзенк особенно подчеркивает, что за различия в реакциях на стимуляцию у интровертов и экстравертов отвечает восходящее активирующее влияние со стороны ретикулярной формации ствола мозга.

---

[22] См.: *Wilson G.* Introversion/extroversion // Dimensions of personality / H. London, J.E. Exner (Eds.). N. Y.: Wiley, 1978. P. 217–261.

[23] См.: *Corcoran D.W.* The relation between introversion and salivation // American Journal of Psychology. 1964. Vol. 77. P. 298–300.

Г. Глейтман,
А. Фридлунд,
Д. Райсберг

Измерения личности: Большая Пятерка*

В работах других исследователей неоднократно предпринимались попытки уменьшить количество первичных факторов. В широко известном исследовании Уоррена Нормана были выделены пять базовых факторов, которые часто называют *Большой Пятеркой:* нейротизм, экстраверсия, склонность к согласию, добросовестность и открытость к опыту[1].

Норман, как и Кеттелл, применил в своей работе методы факторного анализа. Например, некто, описываемый как разговорчивый человек, может также быть описанным и как общительный, но вряд ли — как замкнутый и скрытный. Следовательно, мы не можем считать эти четыре термина соответствующими четырем разным чертам личности; скорее, мы должны рассматривать их как проявления одной и той же черты, причем разговорчивость и общительность отражают ее наличие, а скрытность и склонность к уединению — отсутствие. Таким образом, мы можем заменить четыре описательных термина одним. Продолжая в том же духе, мы придем к пяти измерениям личности, предложенным Норманом.

Конечно, между разговорчивостью и общительностью есть разница. Но модель Нормана по своей структуре является иерархической, то есть черты, при-

---

* *Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д.* Основы психологии. СПб.: Речь, 2001. С. 774–775.

[1] См.: *Norman W.T.* Toward an adequate taxonomy of personality attributes: Replicated factor structure in peer nomination personality ratings // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1963. Vol. 66. P. 574–83; *Goldberg L.R.* The structure of phenotypic personality traits // American Psychologist. 1993. Vol. 48. P. 26–34; *Bouchard, T.J.* Longitudinal studies of personality and intelligence: A behavior genetic and evolutionary perspective // International handbook of personality and intelligence / D.H. Saklofske, M Zeidner (Eds.). N.Y.: Plenum, 1995. P. 81–106.

надлежащие к более низкому уровню, идентифицируются в ней как частные проявления одного из факторов *Большой Пятерки.* Таким образом, эти специфические проявления могут рассматриваться как вариации на темы, заданные этими пятью базовыми факторами (см. табл. 1).

Таблица 1

Большая Пятерка

Наименование фактора	Черты личности
Нейротизм	Нервный, напряженный / уравновешенный Тревожный / спокойный Возбудимый / сдержанный
Экстраверсия	Разговорчивый / молчаливый Искренний, открытый / скрытный Безрассудный / осторожный Общительный / замкнутый
Склонность к согласию	Доброжелательный / раздражительный Неревнивый / ревнивый Мягкий, добрый / своевольный Сотрудничающий / негативист
Добросовестность	Аккуратный, разборчивый / неаккуратный Ответственный / ненадежный Добросовестный / бессовестный Настойчивый / непостоянный
Открытость к опыту	Чувствительный к искусству / нечувствительный к искусству Интеллектуальный / бездумный, ограниченный Изысканный, рафинированный / грубый, невоспитанный Обладающий воображением / простой, прямой

Идею Нормана, которая лежала в основе его классификации, можно изложить следующим образом: человеческая личность может быть полностью описана с помощью пяти базовых факторов, точно так же как физические размеры объекта описываются тремя измерениями (высота, ширина и глубина). Эти измерения не отрицают бесконечное разнообразие человеческих личностей, которые могут нам встретиться, но при этом дают возможность описать их очень экономно. Конечно, нам понадобятся менее обобщенные черты *(аккуратный / небрежный* вместо *добросовестный),* чтобы точно охарактеризовать каждую личность, но даже несмотря на это, описание личности по пяти базовым факторам может сказать достаточно много об ее индивидуальности.

Дж. Келли

[Основные положения теории персональных конструктов]*

Конструктивный альтернативизм

Отправные точки

Перспективы человека

Эта теория личности фактически началась с объединения двух простых идей, а именно, что нам, возможно, удалось бы лучше понять человека, если бы мы смотрели на него в перспективе столетий, а не судили о нем в мерцающем свете мимолетных мгновений; и что каждому человеку присуща своя, личная манера созерцать и обдумывать течение событий, по которому, как обнаруживается, его так быстро несет. Быть может, в этом взаимодействии долговечного и преходящего мы откроем какие-то более обнадеживающие способы, которыми каждый отдельный человек способен перестроить свою жизнь. Эта мысль кажется заслуживающей дальнейшего развития. <...>

Выбор долговременной перспективы при рассмотрении человека заставляет нас переключить свое внимание с факторов, которые выдают его импульсы, на факторы, которые представляются нам объясняющими его прогресс. В большой степени — хотя и не полностью — план человеческого прогресса был маркирован ярлыком «наука». Тогда, вместо того чтобы заниматься «*человеком—биологические организмом*» или «*человеком—счастливчиком*», давайте посмотрим на «*человека—ученого*».

В этом мы снова отступаем от привычной манеры смотреть на вещи. Когда мы говорим о «*человеке—ученом*», то имеем в виду всех людей, а не только их особый класс, представители которого публично достигли положения «ученых».

---

* *Келли Дж.* Теория личности: психология личных конструктов. СПб.: Речь, 2000. С. 11–14, 18–26, 65, 67–69, 76–77, 81–83, 93–94, 97, 119, 125–126, 139–140, 143, 145–147, 152.

Вместо того, чтобы вести речь обо всех людях, взятых в совокупности их биологических или инстинктивных аспектов, мы говорим о тех же людях, но взятых в совокупности аспектов их возможного сходства с учеными. Более того, речь идет об аспектах человеческого рода, а не каких-либо скоплений людей. Таким образом, представление о «*человеке—ученом*» — это специфическая абстракция человеческого рода, а вовсе не конкретная классификация особого рода людей. <...>

Давайте посмотрим, что могло бы означать истолкование человека с точки зрения его сходства с ученым. Что, предположительно, характеризует мотивацию ученого? Обычно говорят так: *конечная цель ученого — предсказание и управление*. Это краткое утверждение часто любят цитировать психологи, характеризуя свои собственные устремления. Однако, как ни странно, психологи редко приписывают аналогичные устремления людям, занятым в их экспериментах в качестве испытуемых. Получается так, как если бы психолог говорил себе: «Я, будучи *психологом* и, следовательно, ученым, провожу этот эксперимент для того, чтобы улучшить предсказание определенного феномена и управление им; тогда как мой испытуемый, будучи всего лишь человеческим организмом, явно движим бьющими внутри него ключом неодолимыми влечениями или же вечно занят поисками пропитания и крова».

Итак, что можно было бы ожидать, если бы мы заново поставили вопрос о человеческой мотивации и воспользовались взглядами на человека в долговременной перспективе, чтобы сделать вывод о том, чем именно задается направление его устремлений? Увидели бы мы его вековой прогресс в качестве функции от инстинктивных потребностей, биологических нужд или сексуальных побуждений? Или, быть может, в этой перспективе он обнаружит массовую тенденцию совершенно иного рода? Не окажется ли, что отдельная личность, каждая по-своему, присваивает себе скорее положение ученого, всегда стремящегося предсказывать ход событий, в которые она вовлечена, и управлять им? Не будет ли каждый человек иметь свои теории, проверять свои гипотезы и оценивать свои экспериментальные доказательства? И если это так, то не будут ли различия между личными точками зрения разных людей соответствовать различиям между теоретическими позициями разных ученых? В этом и состоит интригующая идея. <...>

Системы истолкования

Человек смотрит на мир сквозь прозрачные трафареты или шаблоны, которые он сам создает, а затем пытается подогнать их под те реалии, из которых состоит этот мир. Подгонка не всегда оказывается хорошей. Однако без таких шаблонов мир предстает перед ним в виде настолько неразличимой однородности, что он не в состоянии извлечь из него никакого смысла. Для любого человека даже плохая пригонка своих шаблонов к реальности полезнее их полного отсутствия.

Будем называть эти шаблоны, примеряемые опытным путем к истинному положению вещей, *конструктами*. Конструкты суть способы истолкования мира. Это они дают возможность человеку, да и более низкоорганизованным животным тоже, выстраивать линию поведения — будь она точно сформулированной или безотчетно отыгрываемой, выраженной словесно или совершенно безмолвной, согласующейся или расходящейся с другими линиями поведения, разумно аргументированной или почувствованной нутром.

Обычно люди стремятся совершенствовать свои конструкты, расширяя их набор, внося в них изменения для обеспечения лучшей пригонки и включая их в качестве видовых объектов в суперординатные конструкты или системы. <...>

Те системы истолкования, которые могут передаваться от одного человека к другому, способны получить широкое распространение среди населения. Вторая половина столетия показала значительный прогресс в создании способов делать [персональные][1] конструкты и системы лучше поддающимися передаче. Мы разработали научный психологический словарь. Выражаясь иначе, наши публичные системы истолкования, служащие для понимания [персональных] конструктов других людей, становятся все более точными и исчерпывающими.

Некоторые широко разделяемые или публичные системы истолкования конструируются, главным образом, для того, чтобы приспосабливаться к определенным сферам деятельности или областям фактов. Когда мы ограничиваем область фактов, можно развивать детальную систему, не беспокоясь о возможной несовместимости с ней каких-то второстепенных фактов. Мы ограничиваем *область* и пытаемся, хотя бы на некоторое время, игнорировать непримиримые факты за пределами заданной *области*. <...>

Еще никто не оказался настолько мудрым, чтобы предложить на рассмотрение универсальную систему конструктов. И можно с уверенностью предположить, что пройдет много времени, прежде чем будет предложена удовлетворительная единая система. Какое-то время нам придется довольствоваться группой миниатюрных систем, каждая из которых имеет свою собственную область или ограниченный диапазон пригодности. <...> Важно постоянно сознавать ограниченный диапазон пригодности наших миниатюрных систем. Ибо стоит только какой-то миниатюрной системе обнаружить свою полезность в ограниченном диапазоне пригодности, сразу возникает искушение попытаться расширить ее область применения. <...> Психоанализ Фрейда начинался как психотерапевтическая техника, но постепенно был расширен до теории личности, а некоторыми — и до религиозно-философской системы. Эта разновидность инфляции миниатюрной системы не обязательно указывает на скверное положение дел, но она действительно вызывает трудности, когда мы не в состоя-

---

[1] В этой книге слово *personal* переводится с английского как личный. С нашей точки зрения это слово лучше переводить как персональный, т.е. присущий конкретному человеку, что в большей степени соответствует содержанию данной теории. Поэтому здесь и далее мы заменили слово личный словом персональный. — *Ред.-сост.*

нии понять простую вещь: то, что достаточно верно в ограниченном диапазоне, вовсе не должно быть столь же верным за его пределами.

По-видимому, любая психологическая система имеет ограниченный диапазон пригодности. На поверку оказывается, что психологическим системам — пока не наступит их срок — приходится работать в более ограниченном диапазоне пригодности, чем хотелось бы психологам. Система, или теория, которую мы собираемся изложить и исследовать, имеет ограниченный диапазон пригодности; ее диапазон ограничивается, насколько можно судить в настоящий момент, человеческой личностью и, более конкретно, проблемами межличностных отношений.

Психологические, как, впрочем, и любые другие системы, обладают не только ограниченным диапазоном пригодности, но еще и фокусом пригодности. Внутри событийной области системы есть подобласть проблем, где эта система имеет тенденцию работать лучше всего. Обычно это именно те проблемы, которые автор имел в виду, когда придумывал свою систему. Например, мы считаем, что наша собственная теория тяготеет к тому, чтобы иметь фокус пригодности в зоне приспособления человека к стрессу. Поэтому она должна бы оказаться наиболее полезной психотерапевту, так как при ее формулировании мы думали, главным образом, о проблемах психотерапии.

В этом разделе мы надеялись разъяснить наше убеждение в том, что человек создает свои собственные способы видения и понимания мира, в котором он живет, а не находит их там готовыми, созданными для него обществом. Он строит конструкты и примеряет их к истинному положению вещей. Время от времени его конструкты организуются в системы — группы конструктов, объединяемые субординатными и суперординатными отношениями. Одни и те же события часто могут рассматриваться в свете двух или более систем. Однако сами события не принадлежат ни одной из этих систем. Более того, реальные системы человека имеют специфический фокус и ограниченный диапазон пригодности.

Конструкты как основание предсказаний

<...> Мы пока не пытались совершенно точно сформулировать наше представление о том, что такое конструкт. <...> Однако, уже достаточно сказано, чтобы дать понять: под конструктом мы подразумеваем репрезентацию мира, причем такую, которая создается живым существом и затем подвергается проверке в столкновении с реальностью этого мира. Так как мир — это, по существу, ход событий, то проверка конструкта — это его испытание последующими событиями. Другими словами, конструкт проверяется исходя из его предсказательной эффективности.

Впрочем, проверка конструкта с точки зрения его предсказательной эффективности может оказаться довольно бесполезным занятием. Кто-то истолко-

вывает поведение соседа как враждебное. Под этим он подразумевает, что сосед будет ему вредить при каждом удобном случае. Он проверяет свое истолкование отношения к нему соседа, бросаясь камнями в его собаку. Сосед отвечает сердитым упреком. И тогда этот человек может счесть, будто он подтвердил правильность своего истолкования соседа как враждебно настроенного лица.

«Подтвердить правильность» истолкования соседа как враждебного лица можно, по-видимому, с помощью еще одной разновидности ложного логического вывода. В этом случае человек рассуждает так: «Если мой сосед относится ко мне враждебно, он будет стремиться узнать, когда я попаду в затруднительное положение, заболею или окажусь уязвимым в чем-то другом. Я прослежу за ним, чтобы убедиться, так ли это». Следующим утром он встречает соседа, и тот приветствует его традиционным «Как ваши дела?» Как тут сомневаться?! Сосед делает именно то, что предсказывалось в отношении враждебно настроенного человека.

Коль скоро конструкты используются для того, чтобы предвидеть события, то они также должны использоваться и для оценки точности предвидения после того, как события произошли. Человек безнадежно увяз бы в своих пристрастиях и предубеждениях, если бы не одно обстоятельство: обычно он способен оценить результаты своих предсказаний на уровне истолкования, отличном от того уровня, на котором он первоначально их делает. Кто-то ставит именно на эту лошадь в данном заезде, потому что она темной масти, а ему недавно повезло втемную в покере. Однако, когда заезд заканчивается, он, вероятно, истолковывает объявленное решение судей как более очевидное доказательство успеха лошади в этом заезде, чем ее масть.

Когда конструкты используются для предсказания ближайших событий, они легче поддаются замене или пересмотру. Подтверждающие или опровергающие данные быстро оказываются в распоряжении «предсказателя». Если конструкты используются исключительно для предсказания отдаленных событий, таких, например, как жизнь после смерти или конец света, то они вряд ли будут столь же открытыми для пересмотра. Кроме того, большинство людей вовсе не спешат собирать доказательные данные в таких вопросах.

Хороший ученый старается как можно скорее подвергнуть свои конструкты испытанию. Но первоначально он проверяет их в масштабе пробирки. Если же риск велик, он сначала поищет косвенные доказательства предполагаемых результатов своих опытов. Эта прямая, честная проверка конструктов — одна из характерных черт экспериментального метода в современной науке. Подобная проверка характерна также для любого бдительного человека.

Но бывает и так, что человек не решается экспериментировать, потому что страшится результата проверки. Он может опасаться, что вывод из эксперимента поставит его в неопределенное положение, находясь в котором он больше не сможет предсказывать и управлять. У него нет желания попадать в зависимость от своих же собственных конструктов. Он может даже держать их в тайне от

всех, чтобы не оказаться преждевременно втянутым в их проверку. Это нежелание выражать свои конструкты, равно как и проверять их, составляет одну из практических проблем, встающих перед психотерапевтом в процессе работы с клиентом. <...>

Конструкты используются для предсказаний будущих событий, а мир неуклонно движется вперед и обнаруживает правильность или ошибочность таких предсказаний. Этот факт дает основание для пересмотра конструктов и, в конечном счете, систем истолкования в целом. Если бы мир, в котором мы живем, был статичным, наше представление о нем тоже могло бы быть статичным. Но непрерывно происходят новые события — и наши предсказания то сбываются, то не сбываются. Каждодневный опыт требует консолидации одних аспектов наших видов на будущее, пересмотра других и прямого отказа от третьих.

То, что было сказано об опыте отдельного человека, справедливо и для ученого. Ученый формулирует теорию — набор конструктов с фокусом и диапазоном пригодности. Если это хороший ученый, то он немедленно приступает к проверке своей теории. Как только он начинает проверять теорию, ему почти наверняка придется начать изменять ее в свете получаемых результатов. Любая теория в таком случае носит временный характер. И чем она практичнее и полезнее, тем уязвимее она для новых данных. Нашу собственную теорию, особенно если она найдет применение, также придется рассматривать как подлежащую изменениям в свете перспектив и открытий завтрашнего дня. В лучшем случае, это промежуточная теория.

Философская позиция

Формулировка конструктивного альтернативизма

Уже достаточно сказано для разъяснения нашей позиции, согласно которой существуют разные способы истолкования мира. Одни из них бесспорно лучше, чем другие. С нашей, человеческой точки зрения, они лучше потому, что способствуют более ясным и точным предсказаниям в отношении большего числа событий. Еще никто не изобрел набор конструктов, позволяющий предсказать все, вплоть до последнего взмаха крыла колибри; мы полагаем, пройдет еще очень много времени, прежде чем кому-то удастся это сделать. Так как абсолютное истолкование мира неосуществимо, мы вынуждены будем довольствоваться рядом последовательных приближений к нему. В свою очередь, эти последовательные приближения могут проверяться по частям на предмет их предсказательной эффективности. По существу, это означает, что всем нашим интерпретациям мира можно постепенно дать научную оценку, если мы настойчивы и не перестаем учиться на своих ошибках.

Мы допускаем, что все наши теперешние толкования мира доступны для пересмотра или замены. Это и есть основная формулировка, имеющая отношение почти ко всему, о чем нам предстоит говорить в дальнейшем. Мы твердо стоим на том, что, когда имеешь дело с миром, всегда есть альтернативные истолкования, доступные для выбора. Никто не должен загонять себя в угол, полностью уступать обстоятельствам или становиться жертвой своей биографии. Мы называем эту философскую позицию конструктивным *альтернативизмом*.

Когда уже столько сказано о проверке конструктов, самое время указать на одно обстоятельство: вовсе не безразлично, какой из альтернативных конструктов выбирается в качестве шаблона, с которым человек будет подходить к миру. Конструкты нельзя выбирать навскидку без того, чтобы не попасть в затруднительное положение. Хотя альтернативные истолкования всегда доступны, некоторые из них определенно являются плохими инструментами. Критерий, которым можно воспользоваться, — это ограниченная предсказательная эффективность каждого альтернативного конструкта и полная предсказательная эффективность той системы, частью которой такой конструкт стал бы, если бы был принят. <...>

Природа [персональных] конструктов

Итак, мы возвращаемся к описательному уточнению психологии [персональных] конструктов в стремлении придать больше осязаемости тому, о чем раньше говорили абстрактным языком.

[Персональное] употребление конструктов

Сущность конструкта

Конструкт — это отношение, в котором какие-то вещи истолковываются как сходные и, кроме того, отличные от других. Мы отступили от традиционной логики, предполагая, что конструкт в той же мере относится к некоторым из вещей, считаемых несходными, в какой он относится к вещам, которые видятся сходными. Например, допустим, что кто-то — пусть это будет мужчина — истолковывает свой мир на основе конструкта *«черный—белый»*. Его жизненное пространство включает множество вещей. Некоторые из них, такие как его рубашка, ботинки, дом, писчая бумага, цвет кожи соседа и т.д., подчиняются конструкту *«черный—белый»*. Данный конструкт может использоваться неправильно; мужчина, о котором идет речь, может считать свою рубашку «белой» тогда, когда его жена находит ее «черной»[2]. Иногда конструкт оказывается неподходящим:

[2] Разумеется, применительно к рубашке, определения white и black следовало бы перевести как «чистая» и «грязная». Однако, здесь и далее, в контексте анализа употребления конструктов, мы будем, дабы не запутать читателя, по возможности приводить прямые значения терминов, обозначающих полюса рассматриваемых контруктов. — *Переводчик источника.*

истолковывать своего соседа только по цвету кожи как черного, вероятно, не самый просвещенный способ смотреть на своих соседей. Хотя, в общем, этот конструкт применим к тем вещам, которые для данного конкретного человека могут быть либо черными, либо белыми. Но в его жизни есть и другие вещи. Есть время суток, любовь к своим детям, расстояние до места службы и еще много других вещей, для которых конструкт черный—белый явно не подходит.

Биполярный характер конструктов. Те, кто стоит на позициях традиционной логики, сказали бы, что «*черное*» и «*белое*» следует трактовать как отдельные концепты, или понятия. Кроме того, они сказали бы, что противоположность «*черному*» можно сформулировать только как «*нечерное*», а противоположность «*белому*» — только как «*небелое*». Поэтому мужчина, о жизненном пространстве которого мы говорили выше, носил бы ботинки, которые были бы такими же *небелыми*, как и время суток, и писал бы на бумаге, такой же *нечерной*, как расстояние до места его службы. <...>

[Персональный] диапазон пригодности. С нашей точки зрения, каждый конструкт, используемый конкретным человеком, имеет ограниченный диапазон пригодности. За пределами этого диапазона он не считается данным человеком релевантным расположенным там объектам. Например, время суток является таким элементом, который большинство людей, вероятно, поместило бы вне диапазона пригодности их [персонального] конструкта «*черный—белый*». Однако внутри диапазона пригодности конструкта имеет место релевантное сходство и релевантное различие, вместе образующие сущность данного конструкта. Такое различие — это не просто внешняя граница релевантности конструкта, которая определяет предельный размер его диапазона пригодности. Скорее, такое различие существует в границах диапазона пригодности, и оно столь же важно для конструкта, как и сходство.

Говорят, что элементы, лежащие в диапазоне пригодности конструкта, составляют его контекст. У одного человека конструкт «*черный—белый*» может иметь несколько иной контекст, чем у другого. Например, один может классифицировать свои настроения как черные или белые, другой — свои выдумки, а третий — использовать этот конструкт для характеристики культур. Более того, тот, кто часто читает расписание поездов (напечатанное частично черным шрифтом на белом фоне и частично белым шрифтом на черном фоне[3]), может начать даже время суток рассматривать в рамках диапазона пригодности своего конструкта «*черный—белый*». И наконец, один человек может классифицировать как белое то, что другой, — принадлежащий, скорее всего, к иной культурной группе, — классифицирует как черное. Например, в европейской культуре черный цвет — это цвет траура, тогда как в некоторых странах Востока символом скорби обычно считается белый цвет. <...>

---

[3] Соответственно двум половинам суток: после полудня (p. m.) и до полудня (a. m.). — *Переводчик источника.*

Что кроется за словами людей?

Никому не дано выразить словами все, что входит в собственную систему истолкования. Многие наши конструкты не имеют символов, используемых в качестве удобных «словесных ручек». Поэтому не только другим трудно «схватить» и категоризовать их внутри своих систем, но и самому обладателю таких конструктов тяжело манипулировать ими и относить их к определенным категориям внутри вербально помеченных частей собственной системы. То, что конструкты нелегко поддаются организации в рамках вербально помеченных частей системы, создает трудности для каждого, кто пытается четко сформулировать свои чувства и предсказать свое поведение в будущей ситуации, которая пока существует только в виде словесного описания. <...>

Неполное выражение. Часто люди выражают свои конструкты неполно. Не будем забывать, что конструкт — это отношение, в котором некоторые вещи сходны между собой и, кроме того, отличны от других. В своем минимальном контексте конструкт предполагает отношение, в котором две вещи похожи друг на друга и отличаются от третьей. Следует также иметь в виду, что *отношение*, в котором две вещи сходны между собой, должно быть тем же самым *отношением*, в котором они отличаются от третьей вещи. Мы не выражаем в явной форме весь конструкт, когда говорим: «У Мэри и Алисы мягкий характер, но ни одна из них не привлекательна так, как Джейн». Если бы мы задались целью выразить подлинный конструкт, нам пришлось бы сказать: «У Мэри и Алисы мягкий характер, а у Джейн — нет», — или что-то вроде этого. Или мы могли бы сказать: «Джейн более привлекательна, чем Мэри или Алиса».

Когда же мы говорим: «У Мэри и Алисы мягкий характер, но ни одна из них не привлекательна так, как Джейн», — то, возможно, подразумеваем два разных конструкта: *мягкость* (характера) и *привлекательность*. Выбор прилагательного для того, чтобы охарактеризовать двух или даже одного человека, обычно означает, что говорящий сформировал категорию, обладающую для него одновременными — включающим и исключающим — свойствами конструкта. Говорить, что у Мэри мягкий характер, — значит подразумевать существование по меньшей мере одного человека с мягким характером, помимо Мэри, и еще одного человека с жестким характером. Или данное выражение может предполагать, что, по крайней мере, эти два человека имеют жесткий характер.

Минимальный контекст конструкта составляют *три* вещи. Мы не способны выразить конструкт — хоть в явной, хоть в неявной форме, — не привлекая минимум двух вещей, обладающих сходством, и еще одной, отличающейся от них. Сказать, что у Мэри и Алисы «мягкий характер» и не предположить, что в этом мире есть кто-то с «жестким характером», просто нелогично. Кроме того, это еще и не психологично. <...>

Специальные проблемы интерпретации. Поскольку конструкты первоначально существуют в виде [персональных] конструктов, не все из них оказываются

легкодоступными для других. Своеобразный характер конструкта у конкретного лица или не общепринятое использование им терминологии могут вводить в заблуждение слушающих. Например, то, что один человек подразумевает под словом «мягкий» (gentle), может больше соответствовать тому, что другие назвали бы «зависимым» или «слабым характером». Однако сам он может держать в уме нечто вроде изысканности манер, социального положения или культурной группы, т.е. всего того, что кто-то мог бы иметь в виду, употребляя слово «джентльмен» (gentleman).

В таком случае нужно сознавать двухполюсный характер конструкта и возможность того, что у одного человека «мягкий» может иметь совершенно иной континуум, простирающийся вдали от континуума, свойственного «мягкому» другого человека. Ранее мы предположили, что говорящий, возможно, истолковывает события, исходя из континуума «мягкий—агрессивный». Но вполне вероятно, что противоположным концом данного конструкта является не «агрессивный», а «бестактный» или, скажем, «простодушный». И тогда утверждение этого человека могло бы означать что-то более близкое к «Все люди проявляют деликатность» или «Все люди коварны». <...>

Основная теория

<...> При построении системы, которую мы называем психологией [персональных] конструктов, мы решили опереться на один основной постулат и расширять систему посредством формулирования утверждений, отчасти вытекающих из нашего постулата и отчасти дополнительно развивающих его. Эти утверждения именуются *короллариями*, хотя логически они включают несколько больше того, что минимально подразумевается точной словесной формулировкой основного постулата. <...> В этой главе мы формулируем *основной постулат* нашей психологии [персональных] конструктов. Затем посредством одиннадцати короллариев развивается основная теория[4].

Основной постулат

Формулировка основного постулата

Процессы конкретного человека, в психологическом плане, направляются по тем каналам, в русле которых он антиципирует события[5]. <...>

[4] В этом тексте приводятся только шесть короллариев. — *Ред.-сост.*

[5] A person's processes are psychologically channelized by the ways in which he anticipates events. — Основной постулат и все одиннадцать короллариев приводятся в сносках на языке оригинала с целью помочь читателям в корректном истолковании довольно абстрактных формулировок Дж. Келли. — *Пер. источника.*

Термины

Давайте внимательно посмотрим на слова, которые мы тщательно выбирали для нашего основного постулата.

Конкретный человек (a person). Этот термин употребляется для указания на субстанцию, с которой мы преимущественно имеем дело. Наша первостепенная забота — отдельный, неделимый человек, а не какая-то его часть или изолированный процесс в его поведении, равно как и не группа лиц.

Процессы (*processes*). Вместо постулирования инертной субстанции — шага, который неизбежно привел бы к необходимости формулирования, в виде короллария, утверждения о существовании чего-то вроде психической энергии, — в качестве предмета психологии с самого начала признается процесс. Это все равно что сказать: организм есть, по существу, некоторым образом *ведущий себя* организм, — положение, которое подчеркивалось и раньше рядом психологов. Но мы, пожалуй, придаем еще большее значение кинетической природе рассматриваемой нами субстанции. Для нас человек не просто объект, временно находящийся в подвижном состоянии, а форма движения.

В психологическом плане (*psychologically*). Этим мы указываем на тип той области, которой намерены заниматься. Наша теория относится к ограниченной области, не обязательно перекрываемой, даже частично, физиологией или социологией. Некоторые явления, которые физиологические или социологические системы стремятся объяснить, находятся вне сферы наших сегодняшних интересов, и мы не берем на себя обязательство объяснять их в рамках этой частной теоретической структуры. <...>

Направляются (*is channelhed*). Мы представляем себе процессы конкретного человека текущими по сети путей или каналов, а не рыскающими в бескрайней пустоте. Эта сеть является гибкой и часто видоизменяется, но она обладает структурой и потому облегчает действия человека, хотя и ограничивает, по понятным причинам, их диапазон.

По каналам (*by the ways*). Эти каналы создаются как средства для достижения целей. Они прокладываются теми механизмами, которые конкретный человек изобретает для того, чтобы добиться желаемого результата. Психологически говоря, процессы человека переходят в привычки, формируемые техникой исполнения, которую он выбирает для осуществления своих стремлений.

Он (*he*). Мы придаем гораздо большее значение тому, каким образом конкретный человек решает действовать, чем тому, как данное действие можно было бы выполнить идеально. Каждый человек может создавать и использовать различные пути, и именно тот путь, который он выбирает, направляет его процессы.

Антиципирует (*anticipates*). В этом месте мы встраиваем в нашу теорию ее прогностические и мотивационные элементы. Как и подобает прототипу ученого, каковым он является, человек стремится к предсказанию. Принадлежащая

ему структурированная сеть путей ведет к будущему с тем, чтобы он мог антиципировать его. В этом и состоит ее назначение. Антиципация — это и «толчок», и «тяга» психологии [персональных] конструктов.

События (*events*). Человек в конечном счете стремится антиципировать реальные события. Вот где мы смотрим на психологические процессы как привязанные к действительности. Антиципация совершается не ради нее самой, а для того, чтобы можно было лучше представить будущую действительность. Именно будущее, а не прошлое, подвергает человека мукам Тантала. Он всегда стремится заглянуть в будущее через окно настоящего.

Итак, мы располагаем формулировкой основного постулата, на который возлагаем большие надежды. <...> Возможно, из нашего постулата разовьется взгляд на личность, позволяющий психотерапии выглядеть законной и состоятельной. Назовем эту теорию ***психологией [персональных] конструктов.***

Королларий об индивидуальности

Формулировка короллария об индивидуальности

Люди отличаются друг от друга своим истолкованием событий[6]***.***

Так как наш основной постулат особо подчеркивает те каналы, в русле которых конкретный человек антиципирует события, он обеспечивает основания для построения психологии индивидуальных различий. На людей можно смотреть как на отличающихся друг от друга не только вследствие возможных различий в тех событиях, какие они пытались истолковать, но и вследствие разных подходов к антиципации одних и тех же событий. <...>

Означает ли это, что у людей не может быть никакого совместного опыта? Вовсе нет, ибо каждому дана возможность истолковывать сходства и различия между событиями, в которые он сам вовлечен, и событиями, в которые, как ему видится, вовлечен другой человек. Поэтому, хотя и существуют индивидуальные различия в истолковании событий, люди в состоянии найти общую основу благодаря истолкованию опыта своих соседей вместе со своим собственным. Впрочем, было бы неверно считать, что они неминуемо должны натолкнуться на такую общую основу; фактически там, где имеют место различные культурные идентификации или где один человек отказался от поисков общего языка с соседями, отдельные люди могут прожить всю жизнь бок о бок друг с другом, но в совершенно разных субъективных мирах. <...>

---

[6] Individuality Corollary: Persons differ from each other in their construction of events.

Королларий о дихотомии

Формулировка короллария о дихотомии

У каждого человека система истолкования состоит из конечного числа дихотомических конструктов[7].

Мы уже говорили, что человек антиципирует события, отмечая для себя их повторяемые аспекты. Выбрав аспект, в котором два события являются копиями друг друга, мы обнаруживаем, что еще одно событие в том же аспекте не имеет никакого сходства с первыми двумя. Выбор человеком аспекта определяет как то, что будет считаться похожим, так и то, что будет считаться контрастирующим. И то, и другое определяется одним аспектом, или одной и той же абстракцией. Если мы выбираем аспект, в котором A и B похожи, но противоположны C, важно отметить, что именно один аспект всех трех элементов — A, B и C — образует основу данного конструкта. Иначе говоря, дело обстоит не так, будто есть один аспект A и B, который делает их похожими друг на друга, и есть другой аспект, который делает A и B контрастирующими с C. Тем самым мы хотим сказать, что существует некий аспект элементов A, B, и C, который можно, к примеру, назвать z. Относительно этого аспекта A и B подобны, а C противоположен им. Это важная мысль, ибо на ней строится значительная часть специальной методики, служащей отличительным признаком психологии [персональных] конструктов.

Продолжим обсуждение нашей модели. Предположим, что есть элемент O, в котором мы не способны истолковать аспект z. Тогда O выпадает из диапазона пригодности конструкта, основанного на z. Аспект z иррелевантен в той части области, которая занята элементом O. Однако в отношении элемента C все обстоит иначе. Аспект z, безусловно, релевантен для C. Ведь именно z дает нам возможность провести различие между C и двумя похожими элементами, A и B. Но аспект z бесполезен для нас, если мы хотим отличить элемент O от двух сходных элементов, A и B.

Предположим, например, что A и B — это мужчины, C — женщина, а O — время суток. Мы абстрагируем аспект элементов A, B и C, который можно назвать *полом*. Тогда пол и есть наше z. Признак пола не применим к O — времени суток; по крайней мере, большинство из нас не приняло бы такой абстракции. Время суток (O) не попадает в диапазон пригодности конструкта «пол» (z). Итак, что касается пола (z), двое мужчин, A и B, похожи и в тоже время противоположны женщине C. Кроме того, данный конструкт применим к женщине — C — не меньше, чем к двум мужчинам, A и B.

---

[7] Dichotomy Corollary: A person's construction system is composed of a finite number of dichotomous constructs.

Но предположим, что теперь нашим конструктом будет не «пол» (z), а «маскулинность» (y). Тогда разве женщина (С) не столь же немаскулинна, как и время суток (О)? Наш ответ: нет. Женщине гораздо больше подходит быть немаскулинной, чем времени суток. Понятие маскулинности имеет смысл только по отношению к парному понятию феминности, и потому именно вместе они составляют основу данного конструкта. Маскулинность не имела бы никакого значения, если бы его не было у феминности. Употребление термина *мужчина* в маскулинном смысле было бы лишено всякого смысла, если бы за этим не стояло понятие пола.

Мы предлагаем принять допущение, что все конструкты следуют этой основной дихотомической форме. В пределах своего индивидуального диапазона пригодности конструкт обозначает некий аспект всех заключенных в нем элементов. За пределами этого диапазона пригодности данный аспект не поддается распознаванию и не может быть признан. Более того, аспект, замеченный однажды, является значащим только потому, что образует основу сходства и контраста между элементами, среди которых он замечен. Формулируя это допущение, мы отступаем от позиции классической логики. Но нам почему-то кажется, что наша позиция ближе к представлению того способа, каким люди в действительности мыслят. В любом случае мы намерены заняться анализом следствий этого допущения и посмотреть, куда это нас приведет. <...>

Королларий о диапазоне

Формулировка короллария о диапазоне

Конструкт пригоден для антиципации только ограниченного круга событий[8].

Как система или теория имеет свои фокус и диапазон пригодности, так и [персональный] конструкт имеет фокус и диапазон пригодности. Найдется очень мало [персональных] конструктов, если они вообще есть, о которых можно сказать, что они релевантны всему. Даже такой конструкт, как «*хороший—плохой*» в его персонализированной форме вряд ли будет считаться пользователем применимым ко всему им воспринимаемому. Разумеется, одни применяют данный конструкт шире, чем другие; но даже в этом случае они склонны устанавливать границы пригодности, за которыми элементы нельзя назвать ни хорошими, ни плохими. Гораздо легче увидеть, что конструкт «*высокий—невысокий*» имеет ограниченный диапазон пригодности. В своих толкованиях мы можем противополагать высокие дома, высоких людей и высокие деревья невысоким домам, людям и деревьям соответственно. Однако никто не сочтет пригодным истолкование, в котором высокая погода противополагается невысокой погоде, вы-

[8] Range Corollary: A construct is convenient for the anticipation of a finite range of events only.

сокий свет — невысокому свету, а высокий страх — невысокому страху. Погода, свет и страх, по крайней мере для большинства из нас, явно выходят за пределы диапазона пригодности конструкта *«высокий—невысокий»*.

Иногда просто поражаешься, насколько узко некоторые люди применяют какие-то из своих конструктов. Например, один человек может использовать конструкт *«уважение—неуважение»*, широко применяя его к самым различным видам отношений между людьми. Другой же может использовать его для применения лишь к очень узкому кругу событий, возможно только к выбору слов в жестко регламентированной ситуации, такой, как рассмотрение дела в суде.

Как мы уже указывали ранее, при обсуждении короллария о дихотомии, наша позиция в этом вопросе несколько отличается от позиции классической логики. Мы понимаем релевантное сходство и противоположность как существенные и комплементарные признаки одного и того же конструкта, причем находящиеся в диапазоне пригодности данного конструкта. А то, что находится вне диапазона пригодности конструкта, рассматривается не как часть контрастирующего фона, а как область иррелевантности. <...>

Королларий об опыте

Формулировка короллария об опыте

У каждого человека система истолкования меняется по мере того, как он последовательно истолковывает повторения событий[9].

Поскольку наш основной постулат устанавливает в качестве цели психологических процессов антиципацию событий, из этого следует, что последовательное развертывание событий побуждает человека к истолкованию их заново всякий раз, когда происходит что-то неожиданное. В противном случае наши антиципации с каждым разом становились бы все менее реалистичными. Последовательность событий во времени непрестанно подвергает систему истолкования процессу проверки на правильность. Истолкования, накладываемые человеком на события, представляют собой рабочие гипотезы, которым предстоит пройти испытание опытом. По мере того как его антиципации или гипотезы проверяются и пересматриваются друг за другом в свете развертывающейся последовательности событий, система истолкования претерпевает прогрессивное изменение. Человек перестраивается. Это и есть опыт. Пересмотр собственной жизни опирается именно на эту разновидность опыта. Мы попытались выразить этот подтекст нашего основного постулата в королларии об опыте. <...>

[9] Experience Corollary: A person's construction system varies as he successively construes the replications of events.

Королларий об общности

Формулировка короллария об общности

Психологические процессы одного человека сходны с психологическими процессами другого человека в той мере, в какой один опирается на истолкование опыта, сходное с тем, на которое опирается другой[10].

Теперь мы приступаем к обсуждению следствий нашего основного постулата в сфере межличностных отношений. Как мы уже указывали, для двух людей вполне возможно оказаться вовлеченными в одни и те же реальные события; но поскольку они истолковывают их по-разному, то и переживают эти события по-разному. Так как они истолковывают их по-своему, то антиципировать развитие событий они тоже будут по-своему и, вследствие своих антиципаций, будут по-разному вести себя. То, что такие различия должны существовать, логически следует из нашего основного постулата, и мы уже заявили об этом в королларии об индивидуальности. Но если у нас есть королларий об индивидуальности, у нас должен быть и королларий об общности. <...>

Королларий о социальности

Формулировка короллария о социальности

В той мере, в какой один человек истолковывает процессы истолкования другого, он может играть роль в социальном процессе, включающем этого другого человека[11].

Хотя общие или сходные культурные истоки склоняют людей к тому, чтобы воспринимать события одинаково и вести себя сходным образом, это не гарантирует не только культурного прогресса, но даже и социального согласия. Воины, выросшие из зубов дракона, посеянных Ясоном, имели много общего, однако из-за неверного взаимоистолкования мотивов не смогли объединиться в созидательном предприятии и вскоре истребили друг друга. Для того, чтобы играть конструктивную роль по отношению к другому человеку, нужно не только сходиться в известной мере с ним во взглядах, но хотя бы частично принимать его самого и его образ видения фактов. Мы можем выразить это иначе: человеку, желающему играть конструктивную роль в социальном процессе с другим человеком, нужно не столько истолковывать то, что другой человек делает, сколько эффективно истолковывать точку зрения этого другого.

Здесь мы имеем точку роста для социальной психологии. Пытаясь выдвинуть на передний план психологии понимание личных конструктов и признавая,

---

[10] Commonality Corollary: To the extent that one person employs a construction of experience which is similar to that employed by another, his psychological processes are similar to those of the other person.

[11] Sociality Corollary To the extent that one person construes the construction processes of another, he may play a role in a social process involving the other person.

— как королларий нашего основного постулата, — категоризацию совершаемых другими людьми попыток истолкования в качестве основы для социальной интеракции, мы тем самым сказали, что социальная психология должна быть психологией межличностного взаимопонимания, а не только психологией общего взаимопонимания.

Мы можем истолковывать то, что думают другие люди, на разных уровнях. Ведя машину по скоростному шоссе, например, мы рискуем своей жизнью по сто раз на дню, делая ставку на точность наших предсказаний поведения водителей встречных машин. Организованный, крайне сложный и точный рисунок дорожного движения — действительно поразительный пример людей, предсказывающих поведение друг друга посредством категоризации восприятия ситуации глазами разных водителей. Но фактически каждый из нас почти ничего не знает о высших мотивах и сложных стремлениях водителей встречных машин, от поведения которых зависят наши жизни. Достаточно, в целях избежания столкновений, чтобы мы понимали или категоризовали лишь некоторые специфические аспекты их систем истолкования. Если же мы хотим понять их на более высоких уровнях, то должны остановиться, выйти из машины и поговорить с ними.

Если мы в состоянии точно предсказать, как поведут себя другие, мы можем приспособиться к их поведению. А если и другие знают, как распознать то, что мы сделаем, они тоже способны приспособиться к нашему поведению и могут, например, уступить нам право проезда. Это взаимное приспособление к точкам зрения друг друга имеет место потому, что — исходя из теории [персональных] конструктов — наша система истолкования категоризует принадлежащие другим системы истолкования в качестве своих объектов, а их системы истолкования частично делают то же самое с нашей системой. Понимание, хотим мы того или нет, не достигается усилиями одной стороны, оно может быть только обоюдным.

Л. Хьелл,
Д. Зиглер

Эмпирическая валидизация концепций когнитивной теории*

Репертуарный тест ролевого конструкта

Келли разработал «Репертуарный тест ролевого конструкта» (сокращенно Реп-тест) для оценки важных конструктов, которые человек использует при интерпретации значимых людей в его жизни[1]. Первоначально Реп-тест мыслился как диагностический инструмент для того, чтобы помочь психотерапевту понять систему персональных конструктов клиента и то, как он использует ее для оценки своего социального и материального окружения. К сожалению, характер Реп-теста не вписывается в традиционную систему психометрической оценки; нет данных о его надежности, валидности или стандартизации, которые позволяют потенциальному пользователю применять тест практически. Но в том, что делал Келли, вообще очень мало традиционного. Итак, хотя Реп-тест был разработан в рамках теории Келли, исследования, касающиеся его клинического и экспериментального применения не обязательно показывают валидность самой теории. Помня об этом предостережении, давайте рассмотрим, как используется этот оценочный инструмент для измерения конструктной системы человека.

Существует много форм Реп-теста, индивидуальных и групповых, но одна методика является общей для всех. Испытуемому предлагается ***список названий ролей*** — от 20 до 30 различных обозначений ролей людей, которые предположительно важны или были важны для тестируемого (например, учитель, который ему нравился). Испытуемого просят написать для каждой роли имя лично знакомого ему человека, который больше всего подходит к этой роли. Некоторые

---

* *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб.: Питер, 2000. С. 457–462.

[1] См.: *Kelly G.* The psychology of personal constructs. N.Y.: Norton, 1955. Vol. 1, 2.

из типичных ролей, встречающиеся в перечне названий ролей, приведены в табл. 1.

Таблица 1

Перечень определений названия ролей для решетки Реп-теста[2]

	Название роли	Определения
1	Я	Вы сами
2	Мать	Ваша мать или человек, выполняющий роль матери в вашей жизни
3	Отец	Ваш отец или человек, выполняющий роль отца в вашей жизни
4	Брат	Ваш брат, близкий вам по возрасту, или, если его нет, малыш приблизительно вашего возраста, который мог бы быть вам братом в раннем отрочестве
5	Сестра	Ваша сестра, близкая вам по возрасту, или, если у вас нет сестры, девочка приблизительно вашего возраста, которая могла бы быть вам сестрой в раннем отрочестве
6	Супруг(а)	Ваша жена (муж), или, если вы не состоите в браке, ваш теперешний друг противоположного пола
7	Принимаемый учитель	Учитель, сильнее всего повлиявший на вас, когда вы были подростком
8	Отвергаемый учитель	Учитель, чьи взгляды вызывали у вас наибольшие возражения, когда вы были подростком
9	Начальник	Работодатель, супервизор или служащий, которому вы подчинялись в период большого стресса
10	Доктор	Ваш врач
11	Человек, которого вы жалеете	Человек, которому вы больше всего хотели бы помочь или больше всего сочувствуете
12	Отвергающий человек	Человек, с которым вы были связаны и которому по каким-то неожиданным причинам вы не нравитесь
13	Счастливый человек	Счастливый человек, которого вы лично знаете
14	Этичный человек	Человек, отвечающий самым высоким этическим нормам, которого вы лично знаете
15	Умный человек	Самый умный человек, которого вы знаете лично

Люди, которых испытуемый внес в список, называются *фигурами*. После того, как перечень ролей заполнен, испытуемому предъявляют три имени фигур из перечня и просят установить «самое важное, что делает похожими две, но отличает их от третьей». Например, испытуемого могут попросить определить сходство и различие людей, которых он обозначил как сестру, брата и мать. Рассматривая эту триаду, испытуемый говорит, например, что брат и сестра похожи в том, что они «спокойные», в отличие от матери, которая «гиперактивна». В терминологии Келли, конструкт, полученный таким «способом», это шкала «спокойный—гиперактивный». Данную процедуру повторяют с несколькими другими триадами (Келли рекомендует от 20 до 30 таких проб), для того что-

[2] Адаптировано по: *Kelly G.* The psychology of personal constructs. N.Y.: Norton, 1955. P. 227.

бы определить, как испытуемый классифицирует и дифференцирует перечисленных им людей. Все роли используются в триадах приблизительно в равной степени, чтобы не оказывать выборочное давление на исследование основных конструктов испытуемого. Основываясь на вербальном содержании выведенных конструктов, психолог может сделать предположение о том, как испытуемый воспринимает значимых для него людей и общается с ними. Эта форма Реп-теста называется ***формой перечня*** и применяется индивидуально.

Я	Мать	Отец	Брат	Сестра	Супруг(а)	Принимаемый учитель	Отвергаемый учитель	Начальник	Доктор	Человек, которого вы жалеете	Отвергающий человек	Счастливый человек	Этичный человек	Умный человек			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	№п. п.	Полюс конструкта	Противоположный полюс
							✓	⊗	⊗		о			✓	1	авторитетный	неавторитетный
о	о	о													2		
	о						о					о			3		
				о								о		о	4		
			о					о					о		5		
о					о	о									6		
	о	о								о					7		
о		о	о												8		
											о		о	о	9		
				о		о						о			10		
							о			о					11		
											о	о	о		12		
	о		о											о	13		
				о		о		о							14		
о		о								о					15		

Рис. 1. Репертуарная решетка Реп-теста[3]

Келли также разработал ***технику репертуарной решетки*** (рис. 1). Метод применения этой версии Реп-теста состоит в том, что испытуемому предъяв-

[3] Адаптировано по: *Kelly G.* The psychology of personal constructs. N.Y.: Norton, 1955. P. 270.

ляют специально подготовленную решетку, или матрицу, в которой на одной оси перечислены значимые фигуры его жизни, а на другой — различные разряды, к которым он их относит. Испытуемый заполняет форму, обозначая людей, которые подходят к ролям, указанным сверху на рис. 1 (т.е. после прочтения краткого определения роли каждого). Затем испытуемого просят заполнить первый ряд матрицы под колонками, обозначив трех людей кружками. Эти кружки обозначают три фигуры, которых испытуемый считает перворазрядными. На рис. 1, например, ряд 1 матрицы содержит кружки в клетках под колонками 9, 10 и 12 (т.е. «начальник», «доктор» и «отвергающий человек»). Испытуемого просят подумать о важной характеристике, которая делает двух из этих трех людей похожими друг на друга и отличает их от третьего человека. Решив, чем эти две фигуры похожи, но отличаются от третьей, испытуемый перечеркивает два кружка, которые соответствуют двум похожим людям. Третий кружок остается неперечеркнутым. Затем испытуемый пишет слово или короткую фразу, которая показывает, чем эти две фигуры похожи, в колонке «полюс конструкта». В колонке «противоположный полюс» он пишет слово или короткую фразу, из которой ясно, чем третья фигура отличается от двух других. Как показано на рис. 1, начальник и доктор похожи, потому что они «начальство», а отвергающий человек «не начальство». Наконец, испытуемый проверяет оставшиеся фигуры в первом ряду (не рассматривавшиеся в разряде, который выявлял величину конструкта) и делает пометку в клетке, если характеристику полюса конструкта можно использовать для интерпретации этой фигуры. Этот процесс продолжается до тех пор, пока испытуемый не заполнит все оставшиеся ряды. В результате получается решетка с фигурами вверху, различными конструктами в правых колонках и пустыми и помеченными клеточками внутри прямоугольника. Возможно, вам это покажется интересным и познавательным, и вы заполните решетку на рис. 1 своими собственными социальными конструктами.

Как интерпретировать результаты Реп-теста. Конечным результатом Реп-теста является модель конструктов, которые человек использует для интерпретирования своей социальной действительности. Данные формы перечня обычно подвергаются клиническому анализу, в котором исследователь рассматривает: 1) количество и разнообразие выявленных конструктов; 2) содержание и характер конструктов; 3) связь различных фигур с конструктами и между собой; 4) дополнительные характеристики конструктов испытуемого, такие как их проницаемость, открытость или закрытость и коммуникабельность. Это субъективная интерпретация результатов Реп-теста. Келли разработал математическую схему анализа формы решетки, для того чтобы уменьшить вероятность интерпретационных ошибок или отклонений[4]. При этой форме статистического анализа решетка сокращается до нескольких основных конструктов, которые наиболее точно отражают систему взглядов испытуемого.

---

[4] См.: *Kelly G.* A nonparametric method of factor analysis for dealing with theoretical issues. Unpublished manuscript. Mimeograph, Ohio State University, 1961.

Другой способ анализа результатов Реп-теста был предложен Байери[5]. Он предположил, что, изучая пометки в различных рядах формы решетки, можно определить относительную *когнитивную сложность—простоту* конструктной системы индивида. Одинаковые пометки обозначают малое количество конструктов и, следовательно, недифференцированное мнение о других (когнитивная простота). С другой стороны, неодинаковые пометки означают большое количество конструктов и, следовательно, высоко дифференцированную конструктную систему (когнитивную сложность). По Байери, люди, характеризующиеся когнитивной простотой, вероятно, будут игнорировать информацию, которая противоречит их сложившемуся впечатлению о других. Они чрезмерно просты и не разнообразны в межличностном общении. Далее им трудно увидеть разницу между собой и другими (они стремятся предположить, что другие похожи на них).

Таблица 2

Шкала когнитивной сложности—простоты

Когнитивно сложный человек	Когнитивно простой человек
Имеет конструктную систему, содержащую четко дифференцированные конструкты	Имеет конструктную систему, в которой неясны различия между конструктами
Может четко отличать себя от других	Затрудняется отличать себя от других
Способен прогнозировать поведение других	Не способен прогнозировать поведение других
Рассматривает других по многим категориям	Рассматривает других по небольшому числу категорий

И напротив, люди с когнитивной сложностью, вероятно, будут кодировать все нюансы и тонкости личности другого человека, включая неизбежные противоречия. Они также смогут прогнозировать поведение других лучше, чем те, кто отличается когнитивной простотой. В табл. 2 обобщаются ключевые характеристики людей, обладающих когнитивной простотой и когнитивной сложностью.

Допущения, лежащие в основе Реп-теста. Келли сознавал, что и исследователи, и психотерапевты должны делать некоторые допущения, используя Реп-тест для измерения персональных конструктов[6]. Одним из таких допущений является то, что конструкты, выявленные с помощью теста, не ограничиваются людьми, перечисленными в перечне названий ролей, они будут использовать новых людей в новых ситуациях. Если бы респондент использовал конструкты,

[5] См.: *Bieri J.* Cognitive complexity-simplicity and predictive behavior // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1955. Vol. 51. P. 263–268; *Bieri J.* Complexity-simplicity as a personality variable in cognitive and preferential behavior // D. Fiske, S. Maddi (Eds.). Functions of varied experience. Home-wood: Dorsey Press, 1961.

[6] См.: *Kelly G.* The psychology of personal constructs. N.Y.: Norton, 1955. Vol. 1, 2.

выявленные с помощью теста, только по отношению к людям, упомянутым в перечне, это уменьшило бы ценность результатов для исследователя, пытающегося понять, как человек интерпретирует социальный мир в целом. В этой связи существует допущение, что люди, упомянутые в тесте, являются представителями тех, с кем, возможно, испытуемые общаются в повседневной жизни. Образцы конструктов, используемых только для отдельных людей, которых испытуемые редко встречают, не столь ценны для понимания того, как испытуемые интерпретируют большинство людей, с которыми они регулярно общаются.

Наиболее слабым местом в теории Келли является предположение, что люди могут точно описать (определить) конструкты, которые они используют, чтобы объяснить, в чем другие люди похожи друг на друга, а в чем различны. Однако ограничения, свойственные нашему языку, предполагают, что конструкты не могут всегда быть адекватно вербализованы. Келли признавал, что точные слова не всегда приходят на ум, когда людей просят описать их конструктные системы. Фактически он полагал, что иногда люди формулируют «превербальные конструкты» еще до того, как они научатся говорить. Тем не менее, даже когда испытуемые находят слова, наиболее точно выражающие то, что они подразумевают, исследователи по-разному могут интерпретировать их. Слова, которые испытуемые выбирают для описания конструктов, могут быть интерпретированы исследователем так, что у него может сложиться неправильное впечатление о мировоззрении испытуемого.

Учитывая тот факт, что Реп-тест имеет существенные ограничения[7], вероятно, лучше всего рассматривать его только в качестве одного из нескольких источников информации о том, как люди интерпретируют свой мир (как и большинство методов самооценки). А именно, если исследователи и психотерапевты осведомлены о некоторых допущениях, лежащих в основе этого метода, то Реп-тест может быть полезным инструментом в изучении конструктной системы испытуемых.

---

[7] См.: Personal construct theory: Recent advances in theory and practice / J. Bonarius, R. Holland, S. Rosenberg (Eds.) L.: Macmillan, 1980.

Учебное пособие

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Тексты

В трех томах

Том 2

Субъект деятельности

Книга 2

Редактор *О. А. Захарова*
Корректор *В. Н. Субботина*
Верстка *О. В. Кокорева*
Дизайн обложки *В.Д. Ентинзон*

Издательство «Когито-Центр»
129366, Москва, ул. Ярославская, 13, корп. 1
Тел.: (495) 682-61-02
E-mail: post@cogito-shop.com, cogito@bk.ru
www.cogito-centre.com

Подписано в печать 08.10.12
Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Печ. л. 41,5. Усл. печ. л. 53,80
Тираж 500 экз. Заказ
Отпечатано с готовых диапозитивов в ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Шубинский пер., 6